

Дитер
ХЭГЕРМАНН

Карл Великий

История Карла Великого — это история Европы

Историческая библиотека

Дитер
ХЭГЕРМАНН

Карл Великий

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО **ЕРМАК**

Москва
2003

УДК 94(4) "04/14"

ББК 63.3(0)4

X99

Серия основана в 2001 году

Dieter Hägermann
KARL DER GROßE
2000

Перевод с немецкого В.П. Котелкина

*Научный редактор
доктор ист. наук, профессор, академик МАН ВШ В.Л. Керов*

Серийное оформление С.Е. Власова

Печатается с разрешения
Econ-Ullstein-List Verlag GmbH & Co. KG
и Bettina Nibbe Literatur Agentur.

Подписано в печать 26.06.2003. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 5000 экз. Заказ № 2776

Хэгерманн Д.

X99 Карл Великий / Д. Хэгерманн; Пер. с нем. В.П. Котелкина. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 684, [4] с.: 16 л. ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-018682-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0127-0 (ЗАО НПП «Ермак»)

Карл Великий — это имя постоянно встречается в исторических хрониках и современных исследованиях.

Но где заканчивается легенда о величайшем из королей франков и начинается подлинная история умного, тонкого и дальновидного политика и полководца, превратившего силой меча и дипломатии свое слабое, обескровленное государство в могущественную империю?

Эта книга поможет вам узнать, каким в действительности был Карл Великий — император, которого историки сравнивают с Александром Македонским, Цезарем и Наполеоном.

УДК 94(4) "04/14"

ББК 63.3(0)4

© Econ-Ullstein-List Verlag GmbH & Co. KG,
Berlin-München, 2000

© Перевод. В.П. Котелкин, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КАРЛА ВЕЛИКОГО — ЭТО ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Карл Великий — неотъемлемая часть европейской истории. По масштабности он сравним, пожалуй, с Александром Великим (Македонским), Ганнибалом, Цезарем и Наполеоном. Жизнь Карла Великого соткана из мифов и истины. Говоря словами Пьера Бурдьё, судьба Карла Великого — это «биографическая иллюзия». Поэтому новая биография Карла Великого не нуждается в особом перекраивании. Если верно утверждение, что каждое поколение отличается собственным взглядом на историю и, таким образом, всякий раз имеет место переосмысление предания, то это характеризует и Каролингский век, в центре которого уже в понимании средневековья оказался яркий представитель эпохи — Карл Великий.

Этот период истории, отразившийся в названии и в самой личности императора франков, отличается особым качеством. Арно Борст более трех десятилетий назад охарактеризовал его следующим образом: «Карл Великий заложил основу истории, до сих пор вызывающей интерес специалистов, занимающихся современной Европой; речь идет о взаимопонимании европейских народов и национальных разделений, о государственном устройстве и общественных структурах, о христианской правдивости и античном образовании, о неиссякающем предании и маящей свободе». В сущности, это незавершенный исторический процесс, живо напоминающий о себе многообразием и повизной форм. Соответственно меняется не только взгляд наблюдателя на каждый пройденный этап, но и оценка исходного исторического

момента. «Живое воздействие и, стало быть, постоянная трансформация» в сознании ученого под влиянием господствующих тенденций своего века порождают нерасторжимое целое, элементами которого оказываются продиктованная источниками объективность, с одной стороны, и оторванная от реальности субъективность, с другой.

Европа, ныне стремящаяся обрести новый политический облик, несомненно, возвращается к своим корням, к межнациональной, многоуровневой структуре, сформированной личностью правителя и его семьи, которую мы за неимением соответствующих терминов обычно называем эпохой династии Каролингов или империей Карла Великого.

Европа во времена Гомера включала в себя части Пелопоннеса, затем эта целостность распространилась на западную часть Средиземноморья вплоть до Геркулесовых столбов. Потом во времена Цезаря и его преемников Европа в результате присоединения Галлии, Испании и Британии к Римской империи расширилась за счет огромных территорий североальпийского региона. Впоследствии настала очередь Скандинавии и балтийского побережья, и прежде всего Германии, страны по другую сторону Лимеса. Территории на северо-востоке представлялись средиземноморским народам местом обитания диких скифов. Они стали в будущем Россией. Но тогда это, по сути дела, была *terra incognita**.

По мнению историка, в век Каролингов Запад приобретает первые серьезные очертания в качестве *imperium christianum*** под началом франков. *Imperium christianum* отделяется от Византии не в последнюю очередь в результате обновления Западной империи на Рождество 800 года и роста авторитета патриарха Запада, епископа Римского. Вследствие политико-богословского спора о почитании икон накануне второго Никейского собора 787 года под председательством императора подготавливается отделение Восточной греческой церкви от латинского христианства; этот процесс завершился в 1054 году расколом, продолжающимся и по сей день. Античное единство Средиземноморья было нарушено уже германскими поселениями на римских землях и окончательно перестало существовать с завоеванием Африки и Иберийского полуострова арабами.

В конце VII столетия Падерборнский эпос превозносит императора Карла как «вершину», «светоча» и «отца» Европы. Из

* Неизвестная земля (лат.). — Здесь и далее, кроме указанных случаев, примеч. пер.

** Христианская империя (лат.).

него о Европе складывается пока весьма аморфное и даже противоречивое представление. Однако в нем явно присутствуют два элемента, а именно господство франков и христианства латинского толка на фоне по крайней мере косвенного забвения Византии и Восточной греческой церкви. Тогда и началось в общем-то принудительное для истории Запада и мировой истории разделение Европы на латинское западное христианство и греческую, православную церковь с оплотом в Восточном Средиземноморье и Малой Азии с последующим распространением в некоторых регионах Балкан и в России. Этот процесс имел непреходящее политическое значение, поскольку в посткаролингскую эпоху восточные страны (Польша, Богемия и Венгрия), территории которых были объектом латинской миссионерской деятельности, ощущали себя причастными к западной христианской традиции.

Хотя в 800 году Эльба и юго-восточные марки, доходившие до Венского леса, представляли собой и «государственную» границу христианства, каролингское миссионерство на Севере, начиная с Людовика Благочестивого и императора Оттона на Востоке, переступило эту границу, хотя Скандинавия, Польша, Богемия да и Венгрия в состав империи включены не были. Лишь так называемая восточная колонизация XII—XIII веков вдоль прибалтийского побережья вновь подтверждает это сочетание миссионерства и сферы господства, что в широком масштабе с успехом реализовал Карл Великий в Саксонии.

Точно так же и западное христианство латинского толка оказалось не в состоянии долго противостоять расширению империи Карла Великого. Западные и восточные франки уже в X веке избрали собственный путь развития. Франция, впрочем, как и Англия, после норманнского завоевания сформировала национальное государство. А вот «немецкие земли» как существенная составная часть наднациональной «Священной Римской империи» под началом Оттона I в 962 году возродили империю всеобъемлющего надродового свойства, которая одновременно предусматривала плодотворный элемент противостояния с римским папством как высшей духовной инстанцией.

Такая постантичная, предсовременная Европа вызывает тень аналитичного идеального континента, его контуры Новалис определил ностальгически-смирненными предложениями, которыми начинается его известное сочинение 1799 года «Христианство или Европа». «То были блистательные времена, когда Европа являлась христианской страной, где христиане населяли эту очелове-

ченную часть мира. Огромный общественный интерес объединял самые далекие провинции этой необъятной духовной империи. Лишенный обширных светских владений, один глава управлял великими политическими силами и объединял их».

Столь же всеобъемлющей, но еще более тесно связанной с историческим контекстом представляется оценка Якоба Бурхарда в его произведении «Старая схема лекции об изучении истории» (1868): «Империя Карла несла в себе благословенное начало, внушавшее европейским народам идею культурной общности, которая с тех пор (исключая, пожалуй, Англию) воплощает преимущественное право в мире и которая уже в то время обеспечивала идеальный пандан к византизму [именно так!] и исламу».

В буржуазный век «культура» становится заменителем религии. Не случайно ислам как всемирно-исторический компонент также немыслим вне контекста, хотя и с негативным оттенком. Особый смысл приобретает следующее замечание: «Несмотря на то что единство оказалось кратковременным, впечатление было весьма значительным и фактически чрезвычайно важным в том отношении, что каролингские структуры (Бурхард при этом имеет в виду феодализм) естественно продолжали существовать в отдельных государствах». Церковь также заслуживает справедливой оценки. Она явилась ферментом средневекового общества, способствующим «сплочению крупных групп стран».

Самым существенным результатом так называемого среднего каролингского периода, наивысшим образом проявившегося в личности и исторических заслугах Карла Великого, можно считать также то, что удалось преодолеть последующую широкую континентализацию королевства Меровингов с центрами власти между Рейном и Луарой вследствие интеграции прежде всего Аквитании, Септимании с частью средиземноморского побережья и Италии. Континентализация означает в этой связи перемещение центров власти от Средиземного моря на Север, прежде всего по другую сторону Альп. Хотя арабская экспансия со временем разрушала позднеантичное единство средиземноморского мира и впоследствии захватом Сицилии и других островов породила опасные плацдармы, тем не менее существовал широкий доступ к Средиземному морю. Но значимость этого проявилась лишь во времена крестовых походов.

В VI—VII веках к континентализации во все возрастающей степени добавлялось перемещение центров общественно-экономического развития в сельские местности. Это явление было свя-

зано с закатом городской античной культуры и, безусловно, со стагнацией торговли с далекими странами Востока. Вместе с тем упомянутые явления не имели тех катастрофических последствий, которые более шестидесяти лет назад предрекал Анри Пиренн в своей известной книге «Магомет и Шарлемань».

И здесь средний каролингский период, если судить по техническим инновациям, многостороннему освоению земель, улучшению структуры сельского хозяйства, расширению системы финансовых отношений и торговли, особенно в IX веке, решительно подготавливает качественный сдвиг, не в последнюю очередь проявившийся в средневековом облике европейских городов.

Еще одним всемирно-историческим моментом этой эпохи является расселение франков на Восток — на другой берег Рейна вплоть до Эльбы. Эта водная преграда в направлении Дании была преодолена лишь в ходе военного натиска в самом конце правления Карла.

Континентализация и запустение городов обнажили значительные военные и внешнеполитические слабости Каролингской империи. Отсутствие флота на Средиземноморье не позволило людям, проживавшим на побережье и на островах, оказать сопротивление сарацинам. А селившиеся на атлантическом побережье и в долинах таких рек, как Луара, Сена, Маас, Рейн, Везер и Эльба, оказывались более или менее беззащитными перед норманнами и викингами, совершавшими грабительские набеги на быстроходных судах. Венеция, возникшая в те десятилетия в лагуне Риалто, также смогла воспользоваться этой слабостью, ориентируясь на Византию. В результате Венеция превратилась в плацдарм на пути с Востока на Запад.

Активизации торговых связей по течению рек, впадающих в Северное море, омывающее берега Англии, Скандинавии и Прибалтики, способствовали фризы, датчане и шведы. Именно вдоль этих транспортных артерий уже в первой трети IX века Крайний Север начал сближаться с ойкуменой. Это происходило благодаря государственному миссионерству в ходе исторически обусловленного вовлечения в лоно христианской Европы.

В противоположность империи восточных и западных готов в Италии и Испании, особенно вандалов в Африке, в империи франков после крещения Хлодвига, которое, по легенде, произошло в 496 году в Реймсе, не было никаких религиозных препятствий для более тесного симбиоза между населением римских провинций и франкскими завоевателями.

Собственно, политическому завоеванию территорий на левом берегу Рейна в IV и V столетиях предшествовало постепенное «просачивание» франков и других германских племен с территорий на нижнем Рейне и к востоку от них вначале как наемников, а затем как поселенцев в северогалльские провинции. Это привело к своего рода «декультурализации» данного пространства, в то время как прежде всего по ту сторону Сены и Луары романская аристократия церкви и администрации внедряла и распространяла среди Меровингов на франкских территориях позднеантичные образование и жизнеустройство, а также принципы управления и городской культуры.

Характерным представителем этого слоя можно считать епископа Григория Турского, «Десять исторических книг» которого, несмотря на дополнительные археологические свидетельства, в основном дают представление о порядках в V—VI столетиях, отражающих проникнутую сенаторским сознанием историю галльского пространства» (Ганс Губерт Антон).

На основе этого как бы вытянутого во времени, хотя и рыхлого, фундамента остатков позднеантичного образования проводится мысль об эпохе Карла Великого и Людовика Благочестивого, представляющая в духе Каролингского Возрождения попытку уже по истечении VIII столетия снова обрести античную форму и содержание. Этот ренессанс, а также пересекающиеся равнонаправленные устремления в духе императора Оттона и династии Гогенштауфенов поначалу в контексте спасительно-исторических ожиданий обострили историческое сознание и культурные стандарты, когда их носителем начиная с позднеантичного периода выступила церковь. На значительную часть духовного «наследия» могут претендовать монастыри. Поэтому и единственная сохранившаяся рукопись о житии Карла, частично дошедшая до нас и служившая Эйнхарду основой для написания биографии императора, находилась в монастырской библиотеке Корби.

Это позднеантично-галльское наследие в области экономики и общественного устройства, церкви и культуры вступило в противоречие с германо-франкским своеобразием в социальной структуре, образе жизни, способах поселения и менталитете. В течение двух или трех столетий оба начала породили третье. Поэтому уже Леопольд фон Ранке в названии своего известного первого произведения «История романских и германских народов» (1824) заговорил об этом симбиозе при зарождении европейской истории. Правда, учитывая современный уровень знаний, к этому следует

добавить еще славянский элемент, как раз в духе примечательной миниатюры из молитвенника (с отрывками из Евангелия) эпохи Оттона III конца X века. В ней увенчанные коронами четыре женщины, символизирующие Склавинию, Германию, Галлию и Рим (символ империи и ее корней), вручают дары правителю.

Встает вопрос: а нуждается ли этот генезис средневековой Европы восьмисотых годов в биографическом выделении отдельной личности? А может быть, в большей степени безымянные долговременные факторы оказывали воздействие на ход исторического развития. Противоречие между структурной историей и историей персоналий носит искусственный характер. Если происходящее в природе в значительной мере подчинено имманентным законам, не зависящим от наблюдателя, история изучает человека и его «свободные» решения в той степени, в какой действия в заданных рамках могут быть «свободны» от пространства и времени. На этих только человеку предоставленных возможностях во все времена зиждется политическая дискуссия. История как разворачивание действия, результат и одновременно указание на будущие возможности «делается» не людьми. Говоря еще раз словами Якоба Бурхарда, если в определенные моменты своей эволюции история сгущается в одном человеке, к которому затем прислушивается мир, это может считаться надежным познанием и нашего века. Действительно. Разве можно было бы писать историю Рима, перехода от республики к Римской империи Августа, игнорируя фигуру Цезаря, имя которого присваивалось всем последующим императорам? Разве послереволюционную эпоху Франции, да и всей Европы, можно было бы осознать без великого корсиканца? И наконец, попробуйте разобраться в истории Третьего рейха без дьявольского явления Адольфа Гитлера.

Биографический элемент истории занимает заслуженное место между обезличенной историей уклада и общества, с одной стороны, и культом личности, с другой. Это положение относится к веку, по праву названному веком Карла Великого. Уже его современник Эйнхард ощущал потребность воздвигнуть памятник неповторимому правителю и его «неподражаемым делам», чтобы в противовес современным агиографическим писаниям оттенить масштабность исторической личности, а также продемонстрировать современникам и потомкам неповторимость индивидуальной исторической фигуры. Не в последнюю очередь поэтому он использовал в качестве основы при написании биографии Карла главу о Цезаре Светонии (I век после Рождества

Христова). Житие Эйнхарда при всей несостоятельности структурной схемы в значительно большей степени учитывало индивидуальность главного персонажа, чем широко распространенные назидательные описания жития святых в позднеантичную эпоху раннего средневековья.

Если житие Карла Эйнхарда, дошедшее до нас более чем в восьмидесяти рукописных вариантах и начиная с XII—XIII веков составившее основу «Великих хроник Франции» («Grandes chroniques de France»), не вызвало подражания в средние века, то причина здесь не только в последующем изменении ментально-культурного климата, но и в том, что по сравнению с крупным императором франков и широтой его деятельности посткаролингская Европа с ее многочисленными действующими лицами утратила былую масштабность и приобрела многослойную событийность. В результате этого впечатление о величии, производимое биографией Карла, уже не могло больше повториться в такой мере в любой другой биографии правителя, если не принимать во внимание написанную Ассером биографию англосаксонского короля Альфреда Великого. Правда, он допустил некоторые заимствования у Эйнхарда.

К вопросу о величии императора Карла, к которому можно относиться положительно или отрицательно, добавилось еще одно явление. Ему в разгар средневековья была уготована собственная жизнь. Это возникшие из недр империи Карла Великого два государства-преемника — капетингская Франция и салическая гогенштауфенская «Священная Римская империя». Оба в XII веке конкурировали с Карлом Великим как носителями центральной власти и выразителями руководящего начала в их как бы особняком сложившейся собственной истории. Так, монахи древнего монастыря Сен-Дени сочинили миф о «возвращении к роду Карла» в образе Людовика VI и его одноименного преемника, впоследствии при написании «Великих хроник Франции» в немалой степени опираясь на житие Карла, написанное Эйнхардом. В Ахене в противоположность этому Фридрих I Барбаросса с согласия своего антипапы Пасхалия признал святость правителя франков, о чем и сегодня свидетельствует высокохудожественная гробница Карла. Французские *chansons de geste**, возникшие, по-видимому, около 1100 года, и немецкие песни о Роланде конкурировали друг с другом начиная с середины XII века. Шарлемань бросал

* Героические поэмы (фр.).

вызов Карлу Великому. Последний антиисторический взгляд заявил о себе еще в 1935 году в «Восьми ответах немецких историков: Карл Великий или Шарлемань?»

Между тем улеглись бурные страсти узколобого национализма и анахронический вопрос о национальности Карла Великого, который сам себя и по праву считал франком, утратил актуальность. Определенные раздумья о прошлом и минувшем возродились в 1956 году по воле Германа Геймпеля, Теодора Хейса и Бенно Райфенберга, вновь выпустивших в пяти томах биографии под названием «Великие немцы». Этот сборник начинается с биографии Карла Великого. Ее автор Гейнц Лёве, правда, вначале отдает должное версии немецкой истории эпохи раннего средневековья, утверждая, что Карл «не был немцем» и «было такое время, когда немецкий народ просто не существовал». Из этого автор делает витиеватый вывод: «Поэтому логично назвать в ряду «великих немцев» таких деятелей, которые, даже сами не сознавая конечной цели, оказались инструментом истории [именно так!]. Тем самым они оказались причастными к истории возникновения этого народа, определяя его национальный характер».

Дух времени и одновременно проблематика выяснения истории раннего средневековья на основе узко воспринимаемой концепции национализма XIX и XX веков — оба эти момента стоят рядом. Средневековая империя Оттонов и их преемников всегда носила национальный характер. Триаду в составе Германии, Италии и Бургундии под всеобъемлющим покровом Римской империи трудно охарактеризовать в категориях XIX века, в любом случае нельзя определить ее как властное государство. Только в немецкой империи 1870—1871 годов без Австрии и габсбургской монархии она обрела специфично германскую государственную «консистенцию», которая отсутствовала в средневековой империи как спасительно-историческое средоточие конечной истории, как продолжение Римской империи.

Во всех национальных и даже национально-государственных семантических полях слово «deutsch» (на средневековой латыни — *theodiscus*), подтвержденное со второй половины VIII века, обозначает в противовес латыни один из германских народных языков. Оригинальное свидетельство 816 года из местности Бергамо в Верхней Италии доказывает наличие «*theodischis homines*» в смысле трансальпийских иммигрантов или в значении «неиталики с севера с правовыми, родовыми и вторично языковыми коннотациями» (Йорг Ярнут). Самые ранние из известных ныне свидетельств

«*regnum Teutonicum*»* имеют внешнее происхождение, а именно итальянское. Они зафиксированы в венецианской хронике, а также в кодексе XI века из монастыря Кава на юге Италии. Характерно, что впервые о «германской империи» по эту сторону Альп упоминается в грамоте епископа Рюдигера, адресованной шпейерским иудеям в 1084 году. Германия, обозначенная как «*tiutschen lande*» во времена Лютера — *Germania* и *Allemane* на современном итальянском и французском, — сохраняет такое название вплоть до XIX столетия. Точно так же, впрочем, и Италия как культурно-географическое понятие с многообразными связями, лишенными до второй половины XIX столетия государственной определенности. Поэтому не требуются какие-либо серьезные аргументы для оспаривания утверждения Гейнца Лёве, высказанного более сорока лет назад, что Карл Великий как «инструмент истории без осознания конечной цели» уже выступил в роли основателя Германии.

Однако следует считать фактом, что продвижение франков к востоку от Рейна вплоть до Эльбы с включением саксов в мучительный процесс обращения и подчинения, несомненно, создало предпосылки для расширения *Francia orientalis***, *Germania* в понимании Эйнхарда, Германии как части империи поначалу между Рейном и Эльбой. По его мнению, уже во втором десятилетии IX века франки и саксы составляли один народ. Королевское правление и «Священная Римская империя» в X веке распространились на представителей союза покоренных племен — саксов.

Намечавшееся еще в 1956 году, но осторожно озвученное представление о Карле как о «великом немце», чему вполне соответствовали голоса из соседней страны-конкурента, было окончательно преодолено самое позднее в 1965 году. Тогда проходила выставка «Карл Великий — дела и влияние» в ратуше Ахена под эгидой Европейского Совета. Хотя поводом для проведения выставки стало 800-летие гогенштауфенской канонизации императора франков, участники приехали из разных стран. Их интерес был вызван экспозицией, собранной со всего мира. Не случайно ценный каталог открывался статьей незабвенного Франсуа Луи Гансхофа из ныне «промежуточной» Бельгии, располагавшейся между романскими и германскими землями, именно из Бельгии как одного из ранних поселений франков. Изданное в 1965—1968 годах (авторы Вольфганг Браунфельс и Гельмут Бойман) пятитомное исследование о Карле Великом отражает это европейское пробуждение под воз-

* Тевтонская империя, тевтонское государство (*лат.*).

** Восточная империя франков (*лат.*).

действием Римских договоров от марта 1957 года. На их основе Франция, Италия, страны Бенилюкс и Федеративная Республика Германия объединились в ЕЭС, ставшее предшественником нынешнего Европейского Союза. Тогда федеративный союз, обусловленный историческим фактором, не коснулся еще Англии и Скандинавских стран. На востоке он доходил лишь до Эльбы, то есть до реки, по которой проходила граница империи Карла Великого.

Учрежденная городом Ахен в 1950 году премия имени Карла Великого за заслуги в деле объединения Европы наполнена этим историческим духом империи франков и ориентирована на общее будущее. Тем не менее нельзя замалчивать, что Каролингская империя, представитель католического Запада, идеологически воспринималась не в последнюю очередь как бастион против фактического или воображаемого наступления коммунизма советского толка. Одновременно последний представлялся скептикам в качестве реликта некоего рейнского сепаратизма, видимо, ухобдившего корнями во времена Веймарской республики и вместе с тем интенсивно пропитанного антипрусским духом.

В этой анахронической перспективе империя Карла Великого приобрела даже запоздалые спасительно-исторические черты, вполне схожие с воображаемой моделью христианской Европы Новалиса.

Нынешнему раскрепощенному подходу со всеобъемлющим осмыслением общих первоисточников Франции и Германии, которые соответственно отвергают и прежнюю, персональную концепцию, оказалась созвучной крупная выставка, в 1996 и 1997 годах привлекавшая внимание публики в Мангейме и Париже. Ее научная ценность отражена в двух содержательных томах под многозначительным заголовком «Франки — предтечи Европы». Империя Карла Великого подарила новую франкскую сущность в современном понимании (Карл Фердинанд Вернер).

ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ: ЖИТИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО В ИЗЛОЖЕНИИ ЭЙНХАРДА

Поскольку у каждого поколения собственный и чаще всего отличный от всех прочих взгляд на историю, бессмысленным представляется неравный спор между известными медиавистами Иоганном Фридом и Гердом Альтгофом о том, в какой степени

вымысел может сочетаться с источниками научного изложения материала. В конце концов историк переваривает исторические свершения. В его сознании преломляется сущность минувшей эпохи, выкристаллизовываются биографические черты. И тогда он с большей или меньшей долей фантазии, комбинируя тот или иной исторический материал, выстраивает максимально сбалансированную картину на основе конкретных данных, фактов, структурных моментов и бесконечных малозначительных деталей.

В отличие от писателя-романиста историк зависит от источников, которые могут использоваться как отправные в историческом контексте только в том случае, если их толкование подчиняется строго научной методике. Читатель должен уметь отличать надежное познание от свободного умозрительного рассуждения, тем не менее устремленного к истине.

Это сочетание надежности познания и «сомнительности» предположения определяет также взгляд на Карла и на всю его эпоху, тем более что самые ранние свидетельства, начиная с жития Эйнхарда, или доказывают масштабность этой исторической фигуры, или, два поколения спустя, выдвигают на первое место галльского монаха Ноткера.

Если в данном жизнеописании Карла Великого следовать хронологической канве, придется выдерживать принцип всеобщности политических событий, переплетения внутренней и внешней политики в ее многочисленных проявлениях, на разных этапах которых из юного бесстрашного короля (часть I) формировался взрослеющий и мужающий император (часть II).

Конкретное построение этого детального жизнеописания по смысловым темам — Карл и папство, Карл и Византия, забота о преемстве — придало бы альтернативным, неоднозначным моментам его политической деятельности на протяжении десятилетий неоправданную жесткость. Достаточно часто документальный анализ подкрепляется современными источниками (в переводе), что позволяет читателю осмыслить суть излагаемого материала. В конечном счете речь идет о том, чтобы быть на высоте внешне простого, но вместе с тем весьма трудно реализуемого принципа Леопольда фон Ранке — «исследовать и излагать, как оно, собственно, и происходило».

Настоящая биография Карла Великого становится существенным историческим ориентиром благодаря сохранившемуся первому и чрезвычайно удачному жизнеописанию современника, находившегося рядом с императором в качестве его друга и со-

петчика в Ахене на протяжении почти двух десятилетий. Именно Эйххард оставил нам жизнеописание великого франка.

Судя по всему, оно было написано в середине или в конце двадцатых годов IX века — из уважения и благодарности к императору. Тем самым автор хотел поставить ему памятник, зарыв свой талант в землю. Не исключено, что здесь проявилась также педагогическая сверхзадача — показать внуку Карла и старшему сыну Людовика Благочестивого — Лотарю образ деда, создавшего обширное королевство. Образ, не востребованный его отцом — Людовиком. Именно поэтому автор вскоре полностью от него отошел.

Выходец из рода франков, проживавших в районе реки Майн, родившийся в 770 году, Эйххард воспринял первые плоды учености в монастыре Фульда, который уже через несколько десятилетий после основания стал оплотом миссионерства и просвещения, расположившись территориально между королевством франков и Саксонией — Тюрингией. Труды Эйххарда как летописца приходятся на период с 788 по 791 год. Примерно в 791 году отмечено его присутствие при дворе Карла в Ахене, который после пожара в прежнем дворце превратил его в свою резиденцию. Кроме того, резиденция стала местом встречи талантливых людей со всех концов империи, а также с Британских островов, за что удостоилась несколько напыщенного звания «академия».

Вскоре воспитанник Фульды оказался наиболее заметной фигурой в этом кругу. Утонченный знаток античного предания, прежде всего Вергилия, он стал всесторонне образованным придворным. Невысокого роста, но трудолюбивый, как муравей, Эйххард бросил вызов снисходительно-саркастическому окружению, тем не менее снискав его безраздельную симпатию. Особенно ценил его патрон, привлекавший Эйххарда для выполнения некоторых поручений по дипломатической линии. Он отличался изысканным умением и компетентностью, что позволило патрону назначить прекрасного знатока римского зодчества Витрувия руководителем ахенских мастерских. Как свидетельство художественных способностей Эйххарда сохранился рисунок XVII века — триумфальная арка в миниатюре, служившая основанием изящного креста и одновременно дарохранительницей. В стилизованной под античность триумфальной арке в сочетании с христианским изображением все внимание обращено на символ страдания и торжества. В результате образуется сплав (ср. Эрнст Трёльч) античности и раннего средневековья, дающий новое качество —

своего рода программное начало, обращенное в будущее. Подобные же ощущения вызывает тщательно продуманная римская кладка в базилике Эйнхарда, что расположена в Штейнбахе (Оденвальд).

Эйнхард отличался изворотливостью в общении с придворными, проявляя при этом немалую долю приспособленчества. Так, после смерти своего «господина и кормильца» в 814 году он, будучи представителем старой гвардии, один из немногих не только пережил «дворцовую чистку», но и, к удивлению современников, заслужил благосклонность Людовика Благочестивого.

Он получил в управление многочисленные монастыри, например, Святого Петра и Святого Бавона в Генте, Святого Вандрилла в Нормандии, Святого Сервация в Маастрихте и, наконец, парижское аббатство Сен-Клу.

Самое позднее в конце двадцатых годов Эйнхард отошел от двора, так как споры о потенциальном наследстве между сыновьями Людовика от первого брака и последним ребенком Карлом от честолюбивой сторонницы гвельфов Юдифи не сулили ему ничего хорошего. Вместе со своей супругой Иммой они основали церковь в бывшем королевском владении в Штейнбахе близ Михельштадта (Оденвальд), а впоследствии в Мюльхейме в Мейнгау — монастырь. Эйнхард скончался в 840 году и похоронен в Зелигенштадте (Мюльхейм).

Литературное наследие Эйнхарда обширно. Это корреспонденция, возникшая в маастрихтском аббатстве Святого Сервация, в которой отразилось его время; история происхождения римских мощей для его базилики в Штейнбахе, а также научный трактат о почитании Святого Креста. Не исключено, что к этому списку имеет отношение и так называемый Падерборнский эпос.

Все это уступает по значимости житию Карла Великого. Ориентиром служат жизнеописания римских правителей от Цезаря до Домициана, автором которых был Гай Светоний, живший в первой четверти II века после Рождества Христова. Есть основания считать, что с указанным текстом Эйнхард познакомился в монастыре города Фульды. Правда, на протяжении длительного периода от поздней античности до раннего средневековья уже имели место попытки написания биографий правителей, например, история страстей короля бургундов Сигизмунда (которая, однако, скорее всего написана лишь в VII или IX веках), история короля вестготов, принадлежащая перу Вамбы Жюлиана Толедского, или жизнеописание короля вестготов Теодориха II,

изложенное Аполлинарием Сидонием. Достоинна упоминания также фигура святого короля Освальда в церковной истории. Однако сознательное обращение к античной форме и образу подчеркивает непреходящее значение жизнеописания Эйнхарда. Только Пьеркандидо Десембрио повторил в биографии миланского тирана Филиппо Мария Висконти такой рискованный литературный прием, но это, как заметил Якоб Бурхард, было в эпоху Ренессанса.

Привязанное к языческим государям жизнеописание христианского правителя и одновременно обновителя угасшей в 476 году Западной Римской империи было неслыханным в интеллектуальной сфере риском. В противоположность масштабной биографии святых и приверженцев церкви здесь отсутствовал фактор педагогической полезности. Ведь Эйнхард объявлял деяния своего господина «едва подражаемыми». С точки зрения античности его интересовало сохранение канвы событий, исторической памяти и земной славы через преодоление смерти. Уже во времена поздней античности сложился агиографический жанр биографий святых, которые, предназначаясь для общего чтения, преподносят наследие святого как сознательное подражание Христу, адресуясь к читателю, а еще больше к слушателю, побуждая его к нравственному образу жизни в потустороннем мире. Известный пример такого рода запечатлевающегося в памяти, достойного подражания и целительного образа жизни являло собой житие святого Мартина, сокращенный перевод. Автором этого писания был Сульпиций Север. К этому источнику отстраненно и в полемическом ключе обращается Эйнхард, особенно во введении. Ведь он ставил цель акцентировать характерный жизненный путь своего героя, его заслуги как военачальника и государственного деятеля, подать в прагматическом плане его непреходящую славу, противопоставив ее целям агиографии, почти исключительно обращенным на потусторонний мир.

Целенаправленная внутренняя структура биографии по схеме Светония удержала Эйнхарда от манеры изложения с акцентом на потустороннее спасение. Вместе с тем парадоксальным кажется то обстоятельство, что Эйнхард целому ряду похожих биографий античных правителей (отдавая, естественно, предпочтение житию Августа) противопоставляет историю жизни франкского короля, причем императорский титул Карла упоминается лишь в очень немногих, почти неизбежных случаях. Причины и намерения, которыми когда-то руководствовался Светоний, в результате текстовых

утрат нам неизвестны. Однако нет сомнения, что речь прежде всего идет об историческом письме, в то время как Эйнхард ставит памятник своему герою, который, на взгляд духовных соавторов столетия, в любом случае принадлежал бы Христу. Эйнхард смело отбросил духовные ограничения. Это — неповторимый подход в эпоху средневековья, если не учитывать жизнеописания Альфреда, созданного Ассером, ибо и последующие так называемые жизнеописания правителей являются скорее хронологическими повествованиями о деяниях, нежели биографиями, структурированными под воздействием доминирующих взглядов. Это замечание относится к «Деяниям» Конрада II или Фридриха I.

Эйнхарда упрекали в плагиате, поскольку его манера изложения нередко напоминала стиль Светония. Однако что могло послужить ориентиром при написании биографии правителей? Ясно, что едва ли Эйнхард только во имя классичности латыни сознательно выбирал выражения и языковые характеристики в своем произведении, если ему казалось уместным представить нового Августа — франкского короля, ставшего императором. Достаточно часто автор вынужден учитывать специфику своего времени и окружения. Поэтому он правил некоторые пассажи и фрагменты произведения, редактировал и тем самым правдиво воспроизвел собственные впечатления. Описание того, как воспитывались сыновья и дочери Карла, ни в коей мере не соответствует взглядам Светония, а остается в русле аристократической педагогики раннего средневековья.

Эйнхард, выходя далеко за рамки произведения, оказывается в состоянии познать истинный характер Карла не средствами современной психологии, а опираясь на сущностный подход к личности великого франка. Он делает это с помощью античной философии, оперируя заимствованными у стоицизма терминами «constantia animi», «magnanimitas» и «animositas», которые можно передать словами «твердость», «великодушие» и «духовно-физическая гибкость». Их семантика покрывается словом «динамика». Данные понятия решительно отличаются от подлинно христианских добродетелей, таких, как «смирение», «самоотречение» и «способность к страданиям». На императора, безусловно, воздействует христианский взгляд на проблему правления, воплощенный в защитной функции в тесной связи с соблюдением права и сохранением мира. Но император — не «священный» король, равно как и не ветхозаветный царь. Он — преемник античных кесарей, титул которых носит с момента своей императорской коронации

на Рождество 800 года, хотя, на взгляд Эйнхарда, империя как институт почти поглощена франкским королевством.

Карл удостоился «памятника старины седой», который простирается над равнинами эпохи и даже в исторических анекдотах не соприкасается с современниками. Между тем это произошло уже два поколения спустя: хаусбух (домашняя книга) монаха Сен-Галленского монастыря Ноткера Заики столкнулся с «Деяниями Карла Великого», в которых предпринята попытка героизации его как судьи и полководца и затушевывания его призвания как хранителя очага и наставника. Там же ставилось под сомнение его «срединное» положение в понимании Эйнхарда.

Между тем в стилизации по античному образцу, к чему склоняется Эйнхард, современного читателя подкарауливает опасность потерять из виду вполне современные, характерные черты великого франка как политического деятеля и человека, жившего в условиях раннего средневековья. Например, его глубоко христианский моральный облик правителя, смирение, но прежде всего мистическое начало, воспринятое от апостола Петра, и тесное единение с Римом как основа политического существования.

Правда, Эйнхард в существенных областях не противоречит главным акцентам произведения. Отстаивая его трезвучие как схему биографии, Эйнхард фиксирует жизнь своего героя и вместе с тем дает ее фрагментам совершенно разные оценки. Так, в первой основной части в центре внимания также «военные сведения», однако значительный раздел внутренней политики, к которой у Светония примыкают непосредственно военные аспекты, у Эйнхарда подается как самостоятельный раздел «Об управлении империи». В то время как черты характера его героя, политика в сфере семьи и брака представлены во втором основном разделе жизнеописания кесарей и выплескиваются в житие героя, третья часть произведения, посвященная кончине героя, концептуально повторяется у него в четвертом разделе.

Однако, к нашему сожалению, часть произведения, посвященная внутренним условиям империи Карла, получилась сравнительно худосочной и фрагментарной, в то время как от строго скомпонованного описания Светония, обильно приправленного историческими анекдотами, пришлось отказаться в угоду широко представленной повествовательности.

Переделка произведения не связана с художественной ограниченностью автора. Если приглядеться внимательно, он действовал так вполне осознанно. Эйнхард просто не желал привязывать

к набору цезарей Светония еще одну биографию. Он решил воздвигнуть литературный монумент и оставить долгую память современникам и потомкам о великом франкском короле, сохранив его античное языковое своеобразие и имперский акцент. И это ему удалось в самом лучшем виде.

Произведение Эйнхарда могло возникнуть лишь на том кратком этапе культурного и духовного обновления, которое мы, как правило, несколько глобально именуем Каролингским Возрождением, хотя последний только частично соответствует собственно Ренессансу XIV и XV веков и определяется всякими течениями, которые обнаруживают явные признаки раннего средневековья и никак не коррессируются с модерном. Обе биографии Людовика Благочестивого, написанные трирским епископом Теганом и так называемым Астрономом, отражают совершенно иную концепцию, ибо они связаны скорее с хроникальной моделью. Она бесконечно далека в духовном отношении от подхода Светония к жизнеописанию цезарей.

Несмотря на упомянутое осовременивание (адаптацию) античного изложения в пользу жизнеописания Эйнхарда, следует учитывать, что он многократно ссылается на письменные источники, например на официозные имперские хроники.

С девяностых годов VIII века они письменно фиксировали события, связанные с королевским двором, и во втором десятилетии нового столетия подвергались обработке и сглаживанию, что в последующем несправедливо связывали с именем Эйнхарда. Кроме того, биограф опирался на возникшую в предпоследнем десятилетии VII века историю епископов Меца. В ней речь шла прежде всего о святом Арнульфе, одном из основателей новой королевской династии. Авторство исторических изысков принадлежит Павлу Диакону, одному из наиболее талантливых людей, которых Карл приблизил к себе из Италии. Исторический материал соответственно содержал похвалу в адрес новой династии. По-видимому, важнее, нежели литературные заимствования, для структурного оформления биографии в отношении как ее содержания, так и сознательного изъятия исторического материала оказались собственные ощущения автора, находившегося в непосредственной близости от своего героя. Следовательно, встает вопрос об аутентичности биографии, которая вовсе не страдает от того, что нередко используется заимствованная манера выражения, нюансы которой тем не менее правильно передают суть дела, не прибегая к плагиату.

Изложение Эйнхарда следует воспринимать, тщательно взвешивая детали, ибо «памятник издалека» должен адекватно восприниматься и современниками. Когда Эйнхард, удалившись от двора Людовика Благочестивого между 825 и 830 годами, обнаружил произведение, еще были живы многие его современники. Поэтому автор не смог бы или не захотел бы вводить их в заблуждение относительно существенных исторических событий или личных качеств своего героя.

Что в жизнеописание Карла Великого вкрались многочисленные ошибки, заблуждения и промахи — об этом уже высказывался Леопольд фон Ранке. Правда, биографа волновала не тщательность исторической фактуры, не научный подход, а мемуары с историческим акцентом. В этой связи все тот же Ранке дал справедливую и, как мне кажется, исчерпывающую оценку Эйнхарду: «Ему несказанно повезло: в своем великом современнике он встретил достойнейший предмет исторического исследования. Эйнхард сам обессмертил себя тем, что из личной благодарности Карлу за духовное окормление в юношеские годы поставил ему памятник».

Произведение Эйнхарда следует рассматривать как «бестселлер» эпохи средневековья. В 840 году монах Валафрид Страбон из монастыря Сен-Галлен стал издателем, который расчленил текст на разделы, снабдил их подзаголовками и предпослал биографии весьма полезное введение. Дошедшее до нас рукописное предание с его почти восьмьюдесятью текстовыми свидетельствами можно рассматривать как весьма значительное. За этим рукописным преданием последовало первое печатное издание произведения в 1521 году в Кёльне. Цель его заключалась в том, чтобы недавно избранного Карла V поставить в один ряд с августейшим предком, носившим то же имя.

Пролог

ОТ ДРЕВНЕГО КОРОЛЕВСКОГО РОДА К НОВОЙ ДИНАСТИИ ОТ ИСТОКОВ ДО 768 ГОДА

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНО РОЖДЕНИЯ КАРЛА И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Биография Великого императора Карла в изложении ее Эйнхардом не отвечает по крайней мере одному ожиданию, которое мы постоянно связываем с жизнеописанием. Речь идет о совершенно определенных датах жизни. Автор сообщает нам весьма приблизительно год рождения, указывая на то, что Карл скончался на семьдесят втором году жизни. А вот несохранившаяся ахенская эпитафия свидетельствует о «семидесятилетнем» Карле, причем по сравнению с днем кончины день рождения вообще не упоминается. До недавнего времени, если отсчитывать от 814 года, годом рождения считался 742 год, затем, правда недолгое время, — 747 год, и с некоторых пор, видимо уже окончательно, — 748 год.

Столь необычная по нынешним временам ситуация объясняется целым рядом причин. Так, христианское средневековье истолковывало не день рождения, а день смерти как настоящий «день рождения», к которому было обращено всеобщее внимание. Ведь именно в этот день душа покидала бренные останки и до дня Страшного суда за некоторыми исключениями (мученики и святые) пребывала в ожидании в преддверии небес или в аду. Это ожидание заполнялось молитвой, говением и смягчалось пожертвованием родственников покойного. Особенно активно это проявлялось в ежегодные поминальные праздники и в годовщины как особенно подходящие поводы для такого рода многообразных жертвований.

Таким образом собственно день рождения играл откровенно подчиненную роль. По этой причине соответствующая дата рождения многих правителей раннего периода средневековья и в самом его разгаре может быть вычислена только косвенным образом. Например, так обстоит дело с Фридрихом I Барбароссой.

Карл Великий — сын Пипина III, который лишь несколько лет спустя после появления сына смог заявить о своих притязаниях на корону. В пользу Эйнхарда следует принять во внимание, что рождение Карла независимо от того, брать ли за основу 742, 747 или 748 годы, пришлось на период спада и даже забвения летописной фиксации текущих событий. Причем возникшее позже по инициативе двора историческое исследование, например епископская история Меца, так называемые имперские хроники, заявило о себе лишь в восьмидесятые и девяностые годы VIII века или даже еще позже. Стало быть, по крайней мере в этом смысле Эйнхард заслуживает серьезного отношения, когда сообщает читателю, что оказался не в состоянии раздобыть сведения о рождении, детстве и годах взросления своего героя, хотя кое в чем он, видимо, преувеличивает.

Сколь велики были расхождения в вопросе о дате рождения, показывают официальные и официозные свидетельства. Так, Эйнхард утверждает, что Карл скончался на семьдесят втором году жизни. Явно достоверное указание на надгробном памятнике не оставляет сомнения, что император прожил семьдесят лет. А вот так называемые имперские хроники свидетельствуют, что он отдал долг природе «приблизительно» в семьдесят один год. Все эти свидетельства, несомненно, проникнуты духом псалма 89, который обещает человеку: «Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро и мы летим». Так незнание и ветхозаветная мудрость обозначили семидесятилетнюю возрастную границу Карла Великого.

На основе не совсем логичных отправных данных из указанных выше источников исследователи древности произвели простой расчет. Из 814 (года смерти) Эйнхард просто вычел 72 и получил в итоге год рождения — 742. Правда, в результате вышла одна несуразица. Такой подход породил явные сложности в плане нравственности для поколения исследователей XIX в. и их учеников, родившихся уже в XX веке. Если считать, что Карл родился в 742 году, то его родители — князь (princeps) Пипин и аристократка Бертрада (Берта), по свидетельству хорошо информ-

рованных Лоршских анналов, вступили в законную супружескую связь лишь в 744 году. Отсюда следует вывод о добрачном или даже внебрачном рождении их старшего сына, если только этот грех не был отпущен фиктивным правовым институтом неофициального брака в качестве якобы второй легальной формы германо-французских матримониальных отношений.

Уже в самом начале обсуждения деталей его рождения историки столкнулись с мучительными моментами, связанными с последующей семейной и половой жизнью их любимого правителя: Карл бросил двух жен, имел три законных брака; наличие многочисленных наложниц подтверждено поименно, известно также, что у него было не менее восемнадцати детей. Как выяснил Эйнхард, этот интерес к женскому полу, в общем, подтверждает жизнеутверждающий характер Карла и его недюжинные физические потенции. Последующее поколение его преемников вняло строгим церковным предписаниям. Сын Карла и его преемник Людовик не скрывал отвращения к жизнерадостному ахенскому двору отца и в 814 году при восхождении на трон решительно покончил с распушенностью нравов путем чистки двorca, повторив эту политическую акцию в 816 году. В Видении загробной жизни, созданном в Сен-Галленском монастыре, скончавшийся император в качестве справедливого возмездия попадает в своего рода преддверие ада — какой-то жуткий зверь терзает половые органы греховного правителя.

Учитывая явную незаурядность Карла, историки квалифицировали эти его эскапады как человеческие слабости, присущие в том числе и великим мира сего, или же как слабости яркой личности, хотя они, без сомнения, определяли саму сущность Карла. Йозеф Флекенштейн говорил о «гении его дружеского отношения»; указывали на его общительность, любовь к купанию и охоте, фамильярную близость к дочерям, искренность, прямоту и спонтанность.

Что касается предполагаемых несуразностей относительно даты рождения Карла, историки Карл Фердинанд Вернер и Матиас Бехер некоторое время назад внесли определенную ясность в столь щекотливую тему. Оба исследователя обратили внимание на редакцию одной хроники эпохи раннего средневековья, которая заслуживает доверия, хотя ее рукописное оформление восходит лишь к XVI веку. В отношении 747 года приводится следующее указание: «Ео ipso anno fuit natus Karolus rex»*. Тот же источник почти слово в слово свидетельствует о рождении в 751 году млад-

* «В этом году родился король Карл» (лат.).

шего брата Карла — Карломана, что никто никогда не ставил под сомнение.

Но даже если взять за основу 747 год, эта дата не представляется однозначной, поскольку 2 апреля как общепринятый день его рождения в том году пришлось на праздник Пасхи. Кто поверит, что Карл, его семья и наследники могли бы забыть об этом явном знаке божественного избранничества в один из самых торжественных христианских праздников — в день Воскресения Господа! Карл сам сознательно выбрал эту дату для совершения ярко выраженного политического акта, когда на Пасху 781 года велел папе в римском соборе Святого Петра совершить обряд помазания своих сыновей Пипина и Людовика как королей Италии и Аквитании.

А ведь ларчик просто открывался. Если исходить из того, что многие из малых хроник VII века, донесшие до нас важные факты, среди прочих отодвигали и даты рождения Карла на несколько лет после указанного пасхального праздника. Соответственно в тогдашних источниках начало года часто фиксировалось после праздника Рождества, а иногда началом года уславливались считать уже 1 января. Происхождение хроник не в последнюю очередь было связано с так называемыми пасхалиями, по которым высчитывался праздник Пасхи и зависящие от него христианские праздники. Все пережитое, увиденное и услышанное о той эпохе фиксировалось на свободных местах их пергамента. Таблицы летосчисления были составной частью монастырской, общеобразовательной и воспитательной работы.

Пасха и, стало быть, начало 748 года пришлись на 21 апреля. Значит, день рождения Карла 2 апреля — на истекавший 747 год, который заканчивался 20 апреля. Но по нынешнему летосчислению шел уже 748 год. Правда, есть и другие основания, указывающие на 748 год как год его рождения: отец Карла Пипин 20 июня 760 года возложил на сына духовное послушание в монастыре Святого Кале. Таким образом, наследник престола к этому времени в двенадцать лет достиг совершеннолетия, чтобы действовать хоть и по отеческому поручению, но тем не менее достаточно самостоятельно. В пользу этого предположения говорит также следующий момент — более поздняя запись о доставке мощей святого Ирминона в названный в его честь монастырь Ссн-Жермен-де-Пре, располагавшийся на лугах близ Парижа. В этой церемонии принимали участие отец Карла, его брат и сам Карл.

Что очень редко случается, в этом тексте Карл выступает от первого лица и в момент совершения события называет себя семилетним. Перемещение мощей произошло 25 июля вслед за примечательным визитом папы Стефана II (III) в земли, населявшиеся франками. Визит папы состоялся в 754 году, значит, перенос мощей в присутствии Карла — в 755 году, когда последнему действительно было семь лет. Ничто не противоречит тому, что смысленный ребенок, тем более столь высокого положения, сохранил память о торжественной и литургически пышной церемонии переноса мощей, а потом, уже будучи взрослым, отбросил эти живые детские впечатления. Столь редкое свидетельство устного предания самого Карла нельзя недооценивать как проявление его открытого и веселого нрава. Так он не без улыбки вспоминает о том, что при этом переносе мощей святого сломал зуб, опрометчиво прыгнув в склеп почитаемого парижского епископа.

К этим свидетельствам в пользу 748 года как года рождения Карла добавляется еще один факт — брат Пипина Карломан, приходившийся Карлу дядей, разделивший престол со старшим сыном Карлом Мартеллом, летом 747 года принял монашество и удалился в Италию. А всю ответственность за политическое состояние дел и заботу о собственных детях как преемниках возложил на брата. Такой поворот событий для отрекшегося князя не был связан с каким-либо риском, поскольку к лету 747 года его брат еще не имел наследников.

В то время когда родители Карла все еще оставались без наследников и в отчаянии возносили молитвы Всевышнему, состоялось также примирение Пипина с его единокровным братом Грифоном от брака Карла Мартелла с баваркой Свангильдой, которому после освобождения из плена был передан дукат Леман как один из центров власти. Может быть, так оно и было задумано, чтобы Грифон уравнивался Дрогоном, сыном Карломана, умершим, впрочем, в 754 году.

Возможно, отсутствие детей поставило супругу Пипина Бертраду в деликатное положение, ведь бездетность по причине предполагаемого женского бесплодия, особенно в высокой социально-политической сфере, считалась основанием для развода и изгнания со двора. Этим руководствовался, например, монах Ноткер из Сен-Галленского монастыря, когда по прошествии более столетия уже после 771 года он решительно воспользовался этим правилом как основанием для изгнания со двора второй супруги Карла, дочери короля лангобардов Дезидерия.

Если год рождения великого франка, несмотря на сложности, все-таки поддается вычислению, то место его рождения окутано завесой секретности. Надо признать, что более ранние меценские хроники в самых общих выражениях связывают день суда Пипина с 748 годом. Он состоялся в Дюрене (что между Кёльном и Ахеном); к этому событию, как и в 761 году, а затем при его преемнике в 775 году и в 779 году, присоединился синод. Тем не менее нам неизвестна его точная дата, а также вообще была ли тогда мать Карла рядом с супругом.

Неопределенность, связанная с точными деталями времени и места рождения, а также с крещением Карла, получает последующее отражение в мифическом повествовании «Длинноногая Берта». Это предание родилось в XIII веке во Франции, причем в разных вариантах оно распространялось вплоть до XV столетия. Согласно Беа Лунду в первоисточнике — хронике Сентонжа под 1225 годом говорится: «Люди требуют, чтобы Пипин женился, а именно на Берте, дочери венгерского короля. С большими почестями ее доставляют к нему в Париж, где и устраивают свадьбу. Однако кормилица Берты не без хитрости подсовывает ему собственную дочь. Берту обвиняют в том, что с ножом в руках она посягала на жизнь девушки. Расправа над ней должна была произойти в лесу близ Майна. Но она выжила, оказавшись в семье пастуха, в которой четыре года живет служанкой. Между тем лжекоролева рождает двоих сыновей, в итоге за ней закрепляется слава самой злобной женщины в стране. Озабоченная слухами, мать Берты отправляется в Париж. Юную королеву объявляют больной, под запретом любое общение с нею. Мать Берты проявляет нетерпение, нарушает запрет и обнаруживает, что это не та женщина (то есть не ее дочь). Старую кормилицу сжигают на костре, но перед кончиной она признается, что повинна в смерти Берты. Четыре года спустя во время охоты в лесу Пипин встречает настоящую Берту. Он просит приемных родителей позволить ему провести эту ночь с Бертой. В качестве кровати ему дают тележку... Берта узнает сго. Она рассказывает ему все, что с ней произошло. Король открывается пастуху и обещает сделать его богатым. Он возвращается с Бертой в Париж в атмосфере всеобщего ликования». Еще позднесредневековые хроники настоятеля Ольденбургского монастыря Генриха Вольтера указывают на связь тележки с именем Карла, подчеркивая, что император был зачат именно в ней.

История приукрашивает детали. Отличительным признаком Берты стала ее длинноноготь — поэтому за нею и закрепилось

это странное прозвище. Фактически же Бертрада, особенно после смерти Пипина в 768 году, запомнилась как откровенно политизированная королева со склонностью к «масштабной дипломатии» (Сильвия Конечни) — впрочем, к откровенному неудовольствию своего старшего сына.

Размышления о дате и месте рождения Карла Великого характерны для зарождения новой династии, которая в 754 году пришла на смену династии франкских королей — Меровингам. Над историей возвышения династии, названной впоследствии по имени своего наиболее известного отпрыска — Каролинга, нависли непроницаемые тени. Лишь кое-что лежит на поверхности, многое сознательно умалчивается, кое-что представлено в ложном свете, а кое-что целенаправленно искажено. Такой подход характерен и для биографа Карла — Эйнхарда.

ВОЗВЫШЕНИЕ МАЖОРДОМОВ ПОД ТЕНЬЮ КОРОЛЕЙ

К нашему огромному удивлению, Эйнхард начинает фактологическую часть своего произведения о Карле Великом с острых и резко выделенных размышлений о закате «королевского рода Меровингов — gens Merovingorum»*. Тем самым он лишь внешне соответствует исходному посылу, так как и отдельные кесаревы биографии Светония начинались с указания на происхождение соответствующего правителя. Так, образцовое жизнеописание Августа начинается с однозначного обращения к «gens Octavia»**, одной из самых значительных фамилий — Велетриса, чтобы затем переключиться на родителей и рождение императора.

Избрав гениальный прием для объяснения заката Меровингов непосредственно восхождением так называемых Каролингов, автор обходит стороной всякие неясности при самой общей оценке политических взлетов и падений предков Карла со всеми их несуразностями и провалами, сопровождавшими мучительное восхождение на вершину власти. Так, собственно причиной смены власти становится исключительно упадок королевского рода Меровингов, а не честолюбие отца Карла — Пипина, покончившего с обветшавшим королевским родом, который продемонстрировал свою очевидную никчемность, воспринятую как неспособность к управлению.

* Род Меровингов (лат.).

** Род Октавиев (лат.).

Впрочем, уместен вопрос: как, следуя схеме Светония, Эйнхард должен был бы характеризовать родовую принадлежность своего героя? Естественный для нас ответ — Каролинги — был ему тогда недоступен, ибо лишь несколько поколений спустя под воздействием непосредственного влияния Карла Великого возникло языковое понятие «*stirps Carolina*»*.

Характерно, что исследователи со ссылкой на первооснователей этой фамилии говорят о семействе Арнульфингов из Меца и Пипинидах (Пипин Старший), дети которых — Анзежизель и Бегга — приходились прапрадедом и прапрабабкой Карлу. Кроме того, следует принять во внимание, что в середине VIII столетия имя Карл вовсе не было определяющим в семье, в отличие от Пипина, Дрогона и Гримоальда. До Карла Великого это имя носил его дед Карл Мартелл, в тогдашнем фонетическом варианте оно звучало как «Карломан». Судя по всему, это ласкательное производное от «Карл» было перенесено на детей Пипина.

Впоследствии распространенные каролингские имена Людовик и Лотарь были, однако, выражением сознательно акцентированного кровного родства нового королевского двора с родом Меровингов в лице его ярких представителей Хлодвиг (Людовика) и Хлотаря (Лотаря). Как бы ни характеризовать восходящий род Пипина и Карла, неизбежной представляется огромная разница между древним происхождением и достоинством Меровингов, родоначальник которых Мервей, по преданию, произошел от связи супруги короля Клодиуса с морским чудовищем, и бросившей им вызов высшей аристократией, хотя и обладавшей мажордомским званием, а также франкским преимущественным правом, но тем не менее не удостоившейся королевского происхождения.

Этим обращением к роду Меровингов как единственному обоснованию возвышения новой династии на фоне угасания старой Эйнхард перенес предысторию королевского дома, в том числе прежнего франкского королевства, в сферу исторической неопределенности. Тем самым он признал подлинными правителями королевства только деда и отца Карла, то есть Карла Мартелла и Пипина III. Поэтому возведение Пипина в королевское звание в 754 году лишает основания заявление о государственном перевороте и представляется даже как необходимая акция на состояние «власть — безвластие».

Проецированная на некоторые строки его текста конечная фаза королевского правления Меровингов в историческом кон-

* Род Карла (лат.).

тексте представляется весьма убедительной. Это составило темный фон, на котором ярче выделяется блеск нового правящего рода, — такой фон стал основанием для того, чтобы считать последующий этап правления Меровингов эпохой заката и вырождения, оскудения и упадка. В этой связи особенно во французских исторических исследованиях и под их влиянием зародилось общее представление о правителях Меровингах как о королях-бездельниках, бесполезных, в понимании Эйнхарда, носителях королевского достоинства.

Чтобы воздать должное столетиям «длинноволосых королей» (Джон Майкл Уоллис-Хэдрил), потребовались долгие и весьма интенсивные исследования. Меровинги создали государственную структуру — Франкское королевство. В нем осуществился симбиоз между германо-франкским наследием и позднеантичной традицией в системе управления, общественного устройства и хозяйствования при значительном влиянии церкви, которая способствовала углублению и расширению цивилизаторских элементов.

Закат Меровингов был связан, с одной стороны, с возвышением мощных аристократических семей, конкурировавших с королями за обладание собственностью, властью и влиянием. С середины VII века в их рядах находились каролингские мажордомы, обладатели высшей государственной власти, сосредоточившие в своих руках все влияние при дворе и ставшие вскоре инструментом высшей власти аристократии. С другой стороны, наблюдалась коррозия королевского правления, которая происходила из раздела королевства, межсемейного соперничества и, наконец, прежде всего из чрезвычайно частого несовершеннолетия потенциальных престолонаследников. Поэтому уже в середине VII века казался возможным вариант политического государственного переворота. Таковой представляется попытка мажордома Гримоальда легально перенести королевскую власть на свою династию путем усыновления его сына одним из Меровингов или путем усыновления одного из сыновей короля Меровингов. Она закончилась неудачей. По-видимому, усыновленный Меровой умер естественной смертью. Его отец Гримоальд стал жертвой частного лица, а точнее, соперничества двух родов в борьбе за власть и влияние. Тем самым Пипиниды не оправдали себя по мужской линии. Повторное восхождение могло состояться лишь через сестру Гримоальда Беггу (такие возможности обеспечивало «открытое» аристократическое общество), вышедшую замуж за Анзежизеля, сына епископа Арнульфа, а также через их общего сына

Пипина II (Среднего), который пользовался всеобщим признанием как главный столп Каролингов.

После мучительной второй попытки вопрос решился в сражении близ Тертри (687 год) против нейстрийского соперника Пипина в пользу австразийского мажордома. Споры вокруг так называемого государственного переворота показали, что соперничавшие аристократические кланы не были или еще не были готовы уступить друг другу.

В VIII веке Карл Мартелл, некоторое время даже правивший в отсутствие короля Меровинга в качестве «князя» и рассматривавшийся как «subregulus»*, снова предпринял попытку породниться с королевской семьей, чтобы обеспечить определенный социальный статус. Для этого в 737 году он отправил юного сына Пипина, отца Карла, к королю лангобардов Лиутпранду, который, по свидетельству Павла Диякона, принял его как сына.

Итак, Эйнхард в изложении предыстории Карла без колебаний обходит рифы и затемненные места в борьбе за власть и ее сохранение, представляя угасающее королевство Меровингов в виде карикатуры, выражающей, правда, невольно форму и одновременно сущность Франкского королевства. Словно речь идет о событиях седой старины, Эйнхард формулирует, что «род Меровингов, из которого франки «черпали» своих королей», существовал вплоть до эпохи Хильдерика. Он по указанию папы Стефана II (III) (фактически же это сделал его предшественник Захарий, представивший желаемое правовое заключение) был смещен и отправлен в монастырь. Очевидно, это объяснялось тем, что силы их иссякли и они уже ничем не могли привлечь к себе внимание, кроме как бесполезным словом «король».

Столь бессмысленному существованию Эйнхард противопоставляет полноту власти в руках «префектов дворца», как он в подражание античности характеризует мажордомов. Довольный своим титулом, король с растрепанными, свисающими волосами и неухоженной окладистой бородой восседал на троне, разыгрывая правителя. На этом фоне «пришлые» отовсюду устраивали аудиенции и отвечали на возникавшие вопросы словно облеченные серьезными властными полномочиями. Этой политической несостоятельности соответствовало также экономическое положение королевства. Эйнхард снова указывает на бесполезное королевское звание и продолжает: «Так он [Меровей], кроме пропитания, получаемого по воле дворовых префектов, имел в собствен-

* Вице-король (лат.).

ности всего лишь усадьбу с весьма скромным доходом. Здесь он и жил, здесь же находились его слуги, весьма немногочисленные, но, располагая всем необходимым, готовые подчиниться ему».

Абзац заканчивается известным пассажем, породившим, между прочим, массу недоразумений в последующих литературных источниках: «Куда бы он ни направлялся, обязательно садился в (телегу) карету, в которую впрягали быков с конюхом на крестьянский манер. Так он ездил в пфальц, так — на собрания подданных, торжественно проводившиеся на благо королевства. Таким же образом он имел обыкновение возвращаться домой».

Этой реализации правления, которое исчерпывалось в церемониальном контексте, Эйнхард противопоставляет словечком «однако» исполнительную власть мажордомов. «Однако характер управления королевством внутри и вне определялся дворовым префектом».

Такая характеристика последних Меровингов и их правления, обходящая стороной последующую эпоху концентрации власти и конкретные формы ее проявления, представляет собой злобную карикатуру. Это касается прежде всего определенных элементов их индивидуального проявления, репрезентации, положения при дворе и более чем скромных экономических ресурсов. Короче говоря, публичному показу правления, которому в обществе, по большей части не имевшем представления о книгопечатании, придавалось существенное значение. В сознательно перегруженном изложении Эйнхарда исследователям, начиная с Якоба Гримма, виделись еще старогермано-мистические элементы королевства. Например, королевская карета, которую тянет крестьянская повозка с запряженными в нее волами. Что, впрочем, не имеет археологического подтверждения. Известная воловья голова, обнаруженная в склепе Хильдерика II как элемент декора уздечки в Турнае, указывает лишь на распространение этого вида украшения и в районах севернее Альп. Разумеется, двух- и четырехколесные повозки были не редкостью, особенно для перевозки женщин и священнослужителей. А вот для воинов и тем более для короля лошадь оставалась если не единственным, то наиболее предпочтительным животным, обеспечивавшим передвижение. Изобразительные свидетельства, исторические документы и не в последнюю очередь многочисленные франкские захоронения лошадей убедительно подтверждают наши выводы.

Впрочем, Эйнхард и не собирался создавать особую ауру королям с помощью упомянутых повозок как способа передвиже-

ния. Скорее всего он высмеивал последних Меровингов и для этого в том числе использовал разновидность крестьянской повозки с запряженными в нее волами. При этом Эйнхард скорее всего преследовал цель создания публичного колорита изображения как знака феминизации или изнеженности. Из королевского образа с длинными волосами (англосаксонские исследователи говорят о «длинноволосых королях»), который явно прослеживается на монетах и печатках, получились растрепанные волосы на голове и неухоженная окладистая борода. Это неудачливое существование окончательно доконала тонзура — признак помещения в монастырь, покончив с влиянием короля подобно тому, как ветхозаветный Самсон утратил недюжинную силу, когда ему остригли волосы.

Сознательной карикатурой следует считать также и утверждение Эйнхарда о материальной ограниченности королевской власти Меровингов, которая, лишив короля возможности проявлять щедрость, одновременно сузила сферу его политической активности. Между тем это заявление оказывается в явном противоречии с нашими прочими источниками, особенно с королевскими актами. Согласно им даже поздние Меровинги еще располагали достаточными фискальными средствами и сельскими пфальцами, например, в Париже, Клиши, Понтионе и других опорных пунктах. Не в последнюю очередь под нажимом мажордомов много пожертвований досталось храмам и монастырям, не говоря уже о политическом влиянии королей на решения их мажордомов.

Сознательная перегруженность «угасающей модели» Меровингов содержит, правда, невольные указания на традиционно конститутивные элементы королевского правления, которые не могли быть устранены ни мажордомами, ни князьями при всем их предполагаемом всемогуществе и определялись их собственным властным положением. Так, король — это считалось знаком его влияния — продолжал принимать чужестранных представителей, выслушивал их, давал им прощальные аудиенции, несмотря на обязательный характер соответствующих «установок» его «префектов». Еще в 817 году, когда Людовик Благочестивый своими изначально несостоятельными поспешными действиями по разделу империи попытался подчинить младших братьев старшему Людовику, одна из привилегий императора в отношении его братьев, правивших отдельными территориями, должна была заключаться в праве принимать всех чужестранных посланников и тем самым сосредоточивать в своих руках всю внешнюю политику.

Еще большее значение для структур и форм правления в империи франков имело указание на так называемое народное собрание, то есть на ежегодную встречу с королем высших политических авторитетов — администраторов, церковных деятелей и аристократов. На таких собраниях, впоследствии приобретших черты синодов или же последние были присовокуплены к ассамблеям, особенно когда на обсуждение выносились вопросы церковной жизни, основные действующие лица во главе с королем определяли главные акценты практической политики. Это получало выражение не в последнюю очередь в указах, так называемых капитуляриях, из которых самые значительные сохранились начиная с VII века. Королевское правление в период раннего средневековья и в самый его разгар формировалось под влиянием консенсуса высшей знати, хотя именно эпоха Карла Великого свидетельствует о расширении королевской законодательной и судебной власти в ущерб аристократии и церкви.

Если Эйнхард представляет поздних Меровингов в роли марионеток мажордомов, это никак не затрагивало их функцию как репрезентативной верхушки государства, о чем свидетельствуют королевский титул и председательство в собрании. Оппозиция мощных аристократических фракций, конкурировавших друг с другом за влияние и собственность, сохранила непримиримость и после успешной военной кампании в 687 году в Тертри. Особенно в Нейстрии далеко не все заседания суда заканчивались в пользу новых князей.

Главная проблема свержения старой династии заключалась для мажордомов в несомненной легитимности Меровингов и их харизмы, на которой, в общем, нисколько не сказалась политическая слабость в основном малолетних королей. В королевстве франков задача бывшего герцога, военачальника (*dux*) сливалась с существованием бывшего «священного» короля (*rex*). Таким образом получился динамический элемент, привлекавший в ожидании добычи аристократические слои. Он удачно сочетался со статическим началом, гарантировавшим племенному союзу плодородие, обильный урожай и триумф благодаря близости к богам.

Такое положение вещей заставляет и Эйнхарда прийти к осознанию того, что (один из немногих пассажей его стилизованного под античность жития, в котором он подчеркивает политическую роль папства и, следовательно, церкви) прежде всего союз Пипина III, отца Карла, и его брата Карломана с римским понтификом, все возраставшим духовным авторитетом латинского Запа-

да, привел к окончательному отстранению старой королевской династии в 751-м или 754 году.

Насколько мы можем видеть, влиятельные аристократические фамилии не оказали такому развитию событий никакого сопротивления. Живое участие Пипина в этом чрезвычайно существенном процессе Эйнхард расценивает не очень высоко; в его понимании последний из Меровингов — Хильдерик III был смещен по «приказу» папы и заточен в монастырь. Равным образом «авторитетом» преемника апостола Петра Пипин был возведен на королевский трон.

Такой подход сделал возможным нейтрализовать упрек в «ambitio» или «superbia», то есть заносчивости, как порока Люцифера, и смягчить, может быть, даже снять упрек в «революции». Ведь эта политическая пертурбация произошла по воле папы, викария Христова.

Однако бросается в глаза, что свои рассуждения в отношении римской причастности к решающим переменам биограф сводит к этому ключевому моменту квазисудебного властного состояния. Ибо не упоминаются ни привлечший всеобщее внимание визит папы в королевство франков в 754 году, в осуществлении которого Карл Великий выполнял важную функцию, ни отмечавшееся выше королевское помазание сыновей Карла Людовика и Пипина на Пасху 781 года в соборе Святого Петра. ИсклЮчительно важная коронация на императорский престол на Рождество 800 года вызвала у биографа всего лишь недовольную и к тому же невнятную оценку. Предположительно, Эйнхард мыслил одинаково с покойным Карлом, которого раздражал протокольный ход церемонии, а именно изначальная, определяющая роль папы и римлян как выразителей одобрения явного большинства. Так, впоследствии, видимо, не в последнюю очередь во избежание римско-папского доминирования в 813 году Карл в ахенском соборе сам возложил корону императора на голову своего сына Людовика или побудил его к самокоронации. Наполеон I воспользовался этим прецедентом, когда 2 декабря 1804 года в парижском соборе Нотр-Дам в присутствии папы собственноручно провозгласил себя императором и к тому же возложил корону на голову Жозефины Богарне.

Еще предстоит дать оценку тому, не является ли явная сдержанность, с которой Эйнхард показывает влияние папы на судьбу новой династии, ярким проявлением которого стала коронация нового императора в первый день Рождества 800 года, од-

новременно косвенным проявлением критики того времени. Ведь власть Людовика Благочестивого начиная с 816 года все больше испытывала на себе церковное воздействие, тем более что папа Стефан IV (V) именно в тот год совершил повторную коронацию в Реймсе с использованием короны Константина Великого. Кроме того, весьма показательно, что наш авторитетный биограф не уделяет особого внимания Карлу как императору. Для него Карл прежде всего король франков, царствование которого зиждется на народно-кооперативных принципах, а не на управлении с элементами сакральной цензуры, то есть «*ministerium*»* с участием высокопоставленного духовенства и подчинением критике со стороны последнего.

Тем не менее с получением папского благословения в пользу пребывания последующих Каролингов на троне был сделан еще один шаг в эпоху раннего и зрелого средневековья. Она определялась характерным и неповторимым симбиозом светской и духовной власти, центр тяжести которой вплоть до заката старой империи в 1806 году определял основные контуры исторического развития в центре Европы. Этому взаимодействию, связывавшему Пипина III с папством, противопоставлялся тот факт, что королевство Меровингов было обязано собственным ресурсам как комбинации из старого королевства, обеспечивавшего призыв ополчения, и военно-политической администрации позднеимперского образца (гермейстеры, патриции) и военной экспансии. Эта смесь с помощью понятия «королевское спасение» или «харизма» приобрела ярко выраженное качество, уходящее глубокими корнями в менталитет франков. Поэтому тут действительно потребовался дополнительный компонент помимо аристократии, власти, авторитета, собственности и союзов отрядов, чтобы оттеснить от трона плёмя «длинноволосых королей».

Опять-таки это качество, так называемый легитимизм, в тогдашней ситуации могла реализовать только церковь, обеспечившая уже в крещении Хлодвига — предположительно в 496 году в Реймсе — примирение оседлых романов с франкскими завоевателями и поселенцами и сумевшая объединить под монашеской рясой святого Мартина и под духовным началом епископа Турского франкские поместные церкви во всех частях империи. Если в конце V века епископу Реймса удалось закрепить узы, связывавшие короля франков с католической церковью, то в середине

* Здесь: управление, служение (*лат.*).

VIII столетия заслуга в сближении принадлежит патриарху Запа-
да. Преемник апостола Петра и римский по- нтифик, находясь в
напряженном поиске союзников по борьбе с своими противни-
ками — лангобардами, основываясь на учени- ти отца церкви Авгу-
стина, заявил, что имена и дела согласно поряд- ку вещей призван-
ны соответствовать последним планам спасе- ния. Следовательно,
никому не дано быть королем только на ос- нове имени его, ибо
прежде всего надобно учитывать дело. Данны- й принцип напрямую
касается и фактического носителя правящей в- ласти, которой при-
сваивается соответствующее «звание».

Эта «экспертиза» благодаря папскому благ- ословению стала для
Пипина правовым основанием для соверше- ния «государственно-
го переворота». Вскоре он был дополнен ины- ми шагами. Так или
иначе следует признать, что в VIII веке цивили- зация уже продви-
нулась так далеко, что не убийство, ослепле- ние или строгое тю-
ремное заключение покончили с последним из династии Меров-
вингов и его сыновьями, а формальная право- вая процедура, при-
ведшая к отрешению и помещению в мона- стырь. Правда, и это
следует подчеркнуть особо, решение Рима сс- здало лишь общую
правовую основу для существования королев- ства во главе с Пи-
пином. Перемены действительно имели место. Они коснулись
также его сыновей Карла и Карломана в 768 году в результате
«выборов» и «поднятия на щит». Это, по с- ути дела, элементы
королевского престолонаследия, характеризую- щие события сред-
невековья. Они де-юре успешно предотврат- или формирование
наследственной монархии по образцу Фран- ции или Англии.

Но и Каролинги, династия которых впер- вые упоминается с
середины X столетия у саксонца Видукинда и западного франка
Ришара, не ограничивались только доказатель- ством их происхож-
дения от двух широко известных семей на те- рритории империи
франков — Арнульфингов и Пипинидов. Сог- ласно генеалогии их
род восходит к первому десятилетию IX века в Меце, городе свя-
того Арнульфа и месте захоронения членов с- емьи. Родоначаль-
ником династии принято считать Ансберта, в- тходца из рода древ-
них сенаторов. По преданию, он взял себе в жены Блитильду,
дочь короля франков Хлотаря. От этого бра- ка родилось четверо
детей, из которых позже трое стали святыми, в то время как чет-
вертый, по имени Арнольд, был отцом Арнуль- фа.

В данной компиляции проявляется не то- лько местный пат-
риотизм, но и одновременно стремление при- вязать собственный
дом к Меровингам, а кроме того, установит- ь связь с оседлыми

романскими родами, в результате подтвердив союз с церковью в лице собственных святых. Обращение к фактической или предполагаемой меценской традиции увенчалось успехом. Единоутробный брат Людовика под именем Дрогон в 823 году стал епископом Меца, а впоследствии даже эрцкапелланом канцелярии монарха. После кончины он также был погребен в монастыре Сен-Арнульф близ Меца.

В противоположность этому более чем сомнительному источнику ранние хроники Меца, возникшие примерно в то же время (условно в 805 году), никак не подтверждают ранний период происхождения дома, сводя все свидетельства к Пипину сеньеру и его потомкам, особенно к его дочери по имени Бегга как родоначальнице новейших Пипинидов; тем самым из повествования изымается небесспорная роль святого Арнульфа как отца Анзежизеля, супруга Бегги, не говоря уже о Гримоальде и его тщетном стремлении завладеть короной.

И, наконец, один чужеземный автор, лангобард Павел Диакон под воздействием позднеантичного образования по просьбе Ангильрама, главного капеллана Карла, в 785 году сочинил историю епископа Меца. Это было первое из ряда подобных свидетельств о епископстве и монастырской жизни, в котором с большим почтением говорится и о епископе Арнульфе. Он был «носителем святости, блистательным выразителем своего рода. Ведь он отличался благороднейшим и тончайшим происхождением».

По свидетельству Павла, сам Карл считал себя его правнуком. «И вот этот Арнульф, — продолжает историограф, — в юности (!) произвел на свет двух сыновей Анхиса и Клодульфа, что дает автору основание указать на Анхиса, отца Энея, когда-то из Трои перебравшегося в Италию. Ибо род франков, как учили древние [здесь имеется в виду хроника Фредегара], восходит к троянскому роду». Таким образом, сочинение о епископате Меца перебрасывает мостик к семейству Карла, которое берет начало со смерти Анзежизеля (Анхиса) и простирается до кончины королевы Гильдегарды, третьей супруги Карла, которая, кстати сказать, также нашла упокоение в монастыре Святого Арнульфа близ Меца. Павел не забыл упомянуть и новую супругу Карла — Фастраду. Лишь после того он возвращается к главной теме исследования — истории епископата Меца после правления Арнульфа.

Что касается приводимых имен, мы уже отметили, что определяющее династию имя Карл (или ласкательный вариант — Карломан) впервые появляется в связи с Карлом Мартеллом и наря-

ду с Пипином становится предпочтительным. К ним во имя сознательного сближения с королями династии Меровингов добавляются имена Людовика и Лотаря, в то время как Арнульфом называют сына Людовика Благочестивого, а потом это имя появляется снова только при пресечении восточнофранкской ветви этого рода. Дрогон, Гуго и Теодорих иногда упоминаются как внебрачные дети. Имя Гримоальд, которое вспоминают последующие поколения в связи с неудачным государственным переворотом, полностью исчезает из исторической памяти после 714-го или 754 года, когда Грифон воспринимался как ласкательный вариант Гримоальда.

Хитрая попытка тесно увязать падение Меровингов с возвышением семьи Карла избавила Эйнхарда от необходимости отслеживать предшествующую далекую историю своего героя. Достаточно было ограничиться несколькими коленами — отец, дед и прадед — Пипин III, Карл Мартелл и Пипин II. Подчеркивается политическая зрелость этих троих предков, особенно отпор Карла Мартелла сарацинам, что, на взгляд Эйнхарда, наиболее ярко проявилось в битве под Туром и Пуатье в 732 году. По его словам, отец Карла осуществлял дело мажордомов как бы по наследству, хотя чуть позже биограф подчеркивает, что эта функция возлагается народом только на мужей, «превосходящих других блеском своего рода и полнотой средств и возможностей». Тем самым автор пытается завуалировать правовое значение по крайней мере формально требуемого желания королей при назначении мажордомов, их высших исполнителей, и обосновать наследственную передачу этой должности в семье Карла прежде всего особыми чертами характера, среди которых выделяется способность к руководству.

Эта краткая версия возвышения отражает в лучшем случае половину исторической правды. Насколько верно, что успех последующих Каролингов связан с руководящими фигурами Пипина и Карла, настолько же не противоречит истине и то, что этот успех стал явным лишь в конце долгого пути, который не раз мог закончиться провалом.

История Каролингов, отмеченная легендами и целенаправленными политическими акцентами, поначалу возвращает нас в VII столетие. Уже упомянутый выше епископ Меца Арнульф, почитаемый с конца VIII века как святой, играл при этом определенную роль. Представитель аристократической семьи, обладатель немалой собственности на просторах между Мецем и Верде-

ном, в верхнем течении Мозеля и Мааса, союзник королей Меровингов в Австразии (Рейн — Маас — Мозель, Шампань со столицей в Реймсе) установил более тесные связи с другим Великим. Таковым был Пипин, который много лет спустя стал зваться Ланденским по названию территории между Брюсселем и Льежем. Его семья располагала немалыми владениями между Коленвальдом (на линии Турнай — Льеж) и средним течением Мааса.

Оба, Арнульф и Пипин, оказывали решающее политическое влияние на короля Хлотаря II, сосредоточившего после 613 года еще раз в своих руках власть в империи франков. Однако управление отдельными областями (Австразия и Нейстрия), в число которых после 626 года административно вошла Бургундия, было возложено на местную знать. Так, его сын Дагобер I, в 623 году избранный королем территории, расположенной между Вогезами, Арденнами, Коленвальдом и Рейном (поначалу без Шампани), фактически с 624—625 годов был подчинен Пипинам, ставшим мажордомами. Таким образом они начали исполнять при дворе руководящие функции.

Между тем это положение не представлялось пока долговременным. В период управления Дагобером I всеми упомянутыми землями империи на первое место выдвигаются влиятельные соперничающие друг с другом австразийские аристократические фамилии. Арнульф даже слагает с себя сан епископа Меца и как основатель монастыря Ремиремонт в Вогезах готовится к духовной карьере в качестве каролингского поместного святого. Вначале, однако, он заключает прочный междинастический, обращенный в будущее крайне важный союз со своим приверженцем Пипином — Дагобер I женит сына Анзежизеля на дочери Пипина Бегге, распространяя тем самым семейные владения за Арденны.

Не столько политические споры с аристократией всей империи или отдельных ее частей вызвали постепенное ослабление и в итоге закат королевской династии Меровингов, сколько прежде всего ожидание совершеннолетия престолонаследников после неожиданной кончины Дагобера I (в 638—639 годах). Попутно отметим, что взросление претендентов на престол проходило на фоне соперничества аристократических семей за власть и собственность, а может быть, даже определялось этим.

Территории, сосредоточив в своих руках административную власть и фискальные возможности, возглавляли отныне мажордомы. Так, сын Пипина и брат Бегги Гримоальд в 642—643 годах,

несмотря на ожесточенное сопротивление противников, стал мажордомом в Австразии; в духовном союзе с франкскими монахами семейство через наследную и фискальную собственность сошло надежный в настоящем и будущем духовный фундамент с опорой на церкви и монастыри. Ремиремонто уже упоминался выше. Затем появились монастыри Стабло в Меце и Мальмеди в Вердене, имевшие единое руководство, и Нивель (к югу от Брюсселя) со статусом фамильного аббатства.

О судьбе Гримоальда речь шла уже неоднократно. На нем прекратилось возвышение Пипинидов, мужская линия которых практически прекратилась. Наследником семьи и ее амбиций в «открытом» аристократическом обществе VII века стал сын Бегги и Анзежизеля Пипин Средний, приходившийся отцом Карлу Мартеллу и прадедом Карлу Великому. От этого внука Пипина сеньера по женской линии хроники Меца «выводят» первенство «княжения», по династическому принципу. Существенной причиной нового возвышения последующих Каролингов могло стать бракосочетание в 670 году Пипина Среднего с Плектрудой, наследницей весьма влиятельной фамилии, богатые владения которой простирались от низовья Рейна, включая Кёльн, вплоть до среднего течения Мозеля. В результате существенного приращения собственности и приумножения сферы влияния Пипин (тем более что родители его супруги, судя по всему, остались без наследника по мужской линии) оказался во главе австразийской аристократической партии, успешно противостоявшей претензиям австразийских мажордомов на управление соседними территориями империи. Лишь после смерти противников, иногда насильственной, в прилегающих областях империи нейстрийская аристократическая партия заключила союз с Пипином. Тем самым центр тяжести окончательно сдвинулся в пользу австразийского мажордома. «Он [Пипин] присоединил владения короля Теодориха [последнего внука Хлотаря II] к своему королевству». Это значит, Пипин завладел государством и возложил на себя «ставшее вакантным» достоинство мажордома.

Эти события и этот акт закономерно знаменуют начало успешного правления Каролингов. Правильно было замечено, что австразийско-нейстрийские (в том числе и бургундские) споры никак не были связаны с противоречием Восток — Запад, со своего рода этническо-культурным соперничеством между романами и германцами, между городом и деревней. Дело заключалось в соперничестве конкурировавших друг с другом фракций аристо-

кратических фамилий, которые после кончины Хлотаря II откровенно использовали малолетних королей в борьбе за власть.

Когда вскоре после 688 года Пипин женил своего первенца Дрогона на дочери скончавшегося нейстрийского мажордома Беркара, он пошел на это не только для того, чтобы посредством столь изощенной матримониальной политики расширить сферу влияния на землях между Рейном, Маасом и Мозелем на юго-западные области, но и во имя обеспечения близости к королевскому двору Меровингов и тем самым к Нейстрии. Нейстрия считалась официальным центром юриспруденции. Кроме того, здесь сходились нити внешних отношений, переплетались административно-политические связи и, следовательно, осуществлялись функции традиционного королевского правления, в изложении Эйнхарда преподносившиеся в карикатурном виде.

Прежде всего королевский суд, рассматривавший споры между влиятельными аристократическими фамилиями и церковью, сохранял или приобретал статус инстанции, за которой признавалось право выносить приговор не в пользу всемогущего победителя при Тертри и его челяди.

Эти межсемейные узы, простиравшиеся над регионами и институциональными структурами, по примеру родителей, бабушек и дедушек еще более закреплялись в результате союза с церковью. Анденн, Фосс и Нивель, будучи монастырями династии, стали существенными духовными опорными пунктами при расширении имперских территорий.

Аббатство Виллиброда в Эхтернахе на реке Зауер после 698 года все более приближалось к статусу монастыря, что представляло процесс чрезвычайной важности — не только для формирующегося «сакрального ландшафта» в центральной области Австрии, но и для все более тесных контактов Пипина с основателем монастыря. Он получил разрешение князя проповедовать Евангелие на территориях Фрисландии, покоренных Пипином в период с 690 по 695 год. Это взаимодействие в военной и духовной сферах привело к возникновению в укрепленном замке Утрехт первой резиденции епископа каролингского обряда, сфере влияния которого было суждено распространиться и в рейнском правобережье, вплоть до Вестфалии. Таким образом была подготовлена долговременная интеграция этой территории в империю франков и в поместную франкскую церковь, но пока князь довольствовался существовавшим статус-кво. Поэтому он женил сына Гримоальда, между прочим мажордома, на дочери фрисланд-

ского герцога Радбода, из почтения к предкам отказавшегося от крещения Виллиброда.

Свидетельство часто привлекаемых как источник хроник Меца, в соответствии с которыми интерес Пипина II распространился уже на соседние территории и дукаты, особенно Алеманию, Баварию и даже Аквитанию, относится к категории вымыслов. Упоминаемые соседи под господством герцогов по большей части франкского происхождения смогли сохранить свою независимость и отвергнуть претензии мажордомов на подчинение указанием на то, что они всем обязаны исключительно франкским королям, то есть Меровингам. Хотя вторжения Пипина в Алеманию, Гессен, Тюрингию и Саксонию представляются достоверными, за этим стоит более глубокая причина. Знаменитая, к сожалению, только из поэтического свидетельства Эрмольда Нигеллия (двадцатые годы IX столетия) известная настенная фреска ингелгеймской Паластулы обращает внимание потомков прежде всего на сына Пипина — Карла Мартелла, растерявшего просторы империи франков, но не на его отца.

Случайный характер всего происходящего в истории угрожал представить и определяющую роль Пипина лишь как преходящий момент в эпохе франков. Напоминая усилия по укреплению правления в значительно более позднее время кондотьеров, банкиров-политиков и вице-графов в городах-государствах эпохи Ренессанса, беззаконие и отсутствие правовой базы, особенно в вопросе престолонаследия, породили особые проблемы, тем более что в связи с претензией Пипина на первенство государственно-правовое новообразование вступило в явное противоречие с давно воспринятым и тем самым легитимированным королевством Меровингов, от существования которых, кроме того, логично зависел институт мажордомов. Тонкая сеть, сплетенная из королей, первенства, достоинства мажордомов и герцогов сыновей Гримоальда и Дрогона, оказалась более чем хрупкой. Дрогог скончался уже в 708 году, а Гримоальд стал жертвой насильственной смерти от руки язычника-фриза в Льеже незадолго до кончины своего отца, князя, 16 декабря 714 года. Дрогог обрел вечный покой опять-таки неподалеку от Меца рядом с главным предком Арнульфом, в то время как Пипин был предан земле в самом центре владений династии в Шевремонне, замке и затем монастыре, в среднем течении Мааса недалеко от ставших впоследствии известными земельных владений Геристаль и Жюпиле.

Таковы были предпосылки борьбы властных сил за господство и влияние, обострившей отношения между соперничающими франкскими аристократическими семьями в Австразии и Нейстрии. Поражает решительный прорыв к власти весьма почетной вдовы Пипина II — Плектруды. Она приложила немалые силы для сохранения за сыновьями и их детьми властных функций усопших. Из Кёльна, где поселилась властолюбивая вдова, она внимательно отслеживала ситуацию. В какой мере и как долго влиятельные аристократические семьи принимали эту правительницу в юбке, истории неизвестно. Между тем бунт против ярко выраженной односторонней передачи власти в руки молодого потомства поднял другой сын Пипина — Карл, родившийся от связи отца с женщиной по имени Галпейда. Решительными действиями и недюжинными военными способностями Карл уже в IX веке заслужил прозвище Мартелл («молот»), этому способствовал также его незаурядный талант политического деятеля.

Рождение Карла в браке без приданого (в правовом отношении это был конкубинат, то есть внебрачное сожительство) в начале VII века не являлось серьезным препятствием при рассмотрении преемства. Решающее значение имела воля родителей, в данном случае прежде всего влияние Плектруды на Пипина. Она хотела оказать содействие исключительно их общим нажитым в браке сыновьям. В любом случае до 817 года внебрачное рождение основанием для дискриминации не являлось. Только тогда утвердилось изложенное на пергаменте церковное положение о том, что законным в преемстве следует считать потомство от законного брака в противоположность притязанию *ius paternum** на свободу действий по своему усмотрению при определении преемников или наследников. Если наследственное право предусматривало поддающуюся проверке максимально равномерную долю в наследстве сыновей, признанных отцом в качестве потомков (Карл Мартелл также получил выделенную ему долю из богатого королевского владения), то в отношении преемства управления, безусловно, действовал особый принцип «*ius paternum*», который впервые был зафиксирован как термин в 768 году и получил исходное политическое оформление.

По свидетельству всех источников, Арнульфingi и Пипиниды, а также их потомки — Каролинги — практиковали единобрачие, причем на договорной основе соответствующие семьи наде-

* Отцовское право (лат.).

нялись приданым. Доказательства классической полигамии отсутствовали, причем, она была абсолютно нехарактерна для территорий, населенных франками. Согласно германо-франкским правовым традициям, а также церковным канонам, приобретавшим все больший вес, в семейном праве и в быту на протяжении VIII столетия существовала только одна хозяйка дома. В свою очередь, франкские соборы под председательством Винфрида-Бонифация вводили все более строгие правила заключения брака (запрет кровосмешения), повторного брака и его расторжения. Тем самым началось победное шествие церковных доктрин, достигшее апогея в связи с конфликтом вокруг брака или внебрачного сожителства правнука Карла — Лотаря II в семидесятых годах IX столетия.

Разумеется, это длительный процесс. Карл Великий в начале правления без колебаний оттолкнул от себя и законную супругу Гимильтруду, и сменившую ее в браке лангобардскую принцессу, руководствуясь при этом мотивами политической целесообразности. Бросив вызов церковной морали, в уже преклонном возрасте, после кончины третьей, но скорее всего пятой супруги, он проводил время со все новыми наложницами в своем ахенском дворце. Однако, и этот момент имеет решающее значение, его преемниками могли стать только сыновья, рожденные от брака с алеманкой Гильдегардой, — Карл, Пипин и Людовик. Все прочие в престолонаследии не участвовали, хотя впоследствии частично сделали успешную духовную карьеру.

Институт праведного брака не исключал в случае смерти супруги ни повторного брака, ни внебрачного сожителства. Хотя церковь выступала против конкубината, в эпоху раннего средневековья его рассматривали как вполне терпимую разновидность внебрачной половой жизни. С полигамией как институтом такой промискуитет не имел ничего общего. Заботу о сыновьях, родившихся от конкубината, принимали на себя родители или отец.

Скорее всего волеизъявление в случае с Карлом Мартеллом по настоятельному желанию Плектруды обернулось не в пользу пасынка княгини. Благодаря личности Карла Мартелла, его энергичности и осмотрительности произошло окончательное возвышение рода до уровня общеполитической аристократии. После горьких поражений ему удалось взять верх над мачехой, вынужденной сделать пасынка королем в Кёльне и уступить ему часть королевских сокровищ.

Для укрепления правления, опорой которого снова послужила древняя династия, пришлось дополнительно усилить влияние

мажордóмов в старых аристократических семьях, что привело к «перегруппировке» среди близких к правящим кругам лиц (Рудольф Шиффер), поэтому епископ Лютвин Трирский умножил свои владения, присоединив епископство Реймса. Его он завещал по наследству сыну, известному порочным образом жизни Милону, что вызвало злобную реакцию Винфрида-Бонифация.

Епископские владения в Галлии сформировались во время заката Меровингов под воздействием соответственно одной семьи, объединившей в своих руках духовные руководящие функции и рычаги политического руководства. С этими государствами в государстве покончили Карл Мартелл и его преемники — Трир перестал существовать после 772 года, географически удаленный Кур как оплот Викторидов — лишь с введением так называемого франкского положения о графствах примерно в 806 году, что вызвало резкие протесты и жалобы.

Нельзя забывать, что Карл Великий на годы, а может, и десятилетия, отбросив канонические предписания, взял под собственное управление обретшие свободу епископства, например Мец и Реймс, и извлек из этого соответствующую экономическую пользу. Эти прогосударственные епископские синоды, достаточно часто представляемые воинственными епископами, оказывались под перекрестным огнем критики и церкви, и синодальных указов. Тем не менее они играли роль необходимой опоры для укрепляющейся династии. Эта тесно переплетенная сеть прежде всего церковного правления уберегла «принципса» от нового возмущения особенно нейстрийских аристократических фракций. По воле Карла были устранены и сыновья его единокровного брата Дрогона, за исключением Гуго, принявшего духовный сан в 713—715 годах. Ему он передал впоследствии несколько важных епархий и аббатств: Париж, Руан, Байё, Авранш, а также Сен-Дени, Сен-Вандрилл и Жумьеж в низовье Сены.

К укрепленному таким образом правлению, что явно противоречило запрету на совмещение духовных званий, уже тогда добавились первые ростки вассалитета, который на исходе IX века органично вошел в так называемый зрелый средневековый феодализм. Этот вассалитет в соответствии с происхождением из кельтского «*gwas*»* вначале заявил о себе на относительно более низком социальном уровне. Весьма похожие на меровингские антрустионы (охранные команды) и лойды (люди), являвшиеся воен-

* Слуга, раб (*кельт.*).

ными формированиями, которые были известны еще Тациту, мажордом подобно другим правителям в пору расширения собственного правления создал мощные вооруженные отряды, которые, пользуясь немалыми благами, отдавали предпочтение кавалерии. Указанные блага представляли собой крупные, отстоявшие друг от друга хозяйства, чаще из числа принадлежавших королю, но, возможно, и церкви.

Земля, полученная от короля в аренду (впоследствии это называлось *presagiae verbo regis**), и обеспечивала этих бенефициариев.

В более поздних исследованиях зачатки последовавших феодальных отношений связывались с эпохой Мартелла, в свое время якобы пережившей «революционный переход» франкского войска от инфантерии к кавалерии. Этой перестройкой, кроме всего прочего сопровождавшейся появлением стремени как решающего элемента военной экипировки, объяснялась, очевидно, возросшая социальная ценность барщины, избавившейся тем самым окончательно от рабского начала. Такие утверждения представляются несостоятельными и даже ложными. Просто никакого перевооружения не было, точно так же не было широкого внедрения стремени с целью повышения эффективности метания копья при передвижении верхом. Равным образом в первой половине VIII столетия не отмечалось широкого распространения вассалов, хотя бы в приблизительном сравнении с более поздним ленным договором. В последующее время существовали вассалы, но без привилегий, например, в виде охранных команд церковных учреждений. Никуда не исчезли бенефициарии, которые не привлекались к несению какой-либо службы. Тем не менее напрашивается вывод о том, что мажордом и его королевские сторонники путем раздачи обширных земельных владений, особенно церковных имений, значительно увеличили свою власть и число последователей, получив действительно острое оружие. Соответственно из-за активного отторжения церковной собственности в IX веке мнение о Карле Мартелле в церковных кругах становилось все более негативным. Они называли его разбойником и бесцеремонным пришельцем. Военные успехи Каролингов в любом случае определялись общественными условиями и материальными предпосылками, которые не в последнюю очередь зависели от этих доходных источников.

* Данное во временное пользование и управление (лат.).

Карл Мартелл широко использовал инструмент прекариев, причем не только для подавления непосредственных противников и конкурентов. Проблемой ранних Каролингов (в этом на них похожи более поздние кондотьеры и сеньеры) было и оставалось отсутствие законности. Собственная властная позиция и положение их династии нуждались в постоянном обосновании и подтверждении. Приходилось задумываться о сохранении и, по возможности, расширении числа последователей. Но это могло происходить в то время, благополучие которого и в собственном понимании в основном зиждилось на землевладении, на праве распоряжаться землей и привязанными к ней людьми, лишь путем раздачи земельных хозяйств и фискального или церковного имущества, а также распределения добычи от военной экспансии.

Так, уже в IX веке с именем Карла Мартелла связывали прежде всего покорение и завоевание Фрисландии. С начала тридцатых годов VIII века прибрежный дукат находился под господством франков, открывшись навстречу христианской вере через Утрехт, миссионерский центр англосакса Виллиброда. Винфрид-Бонифаций, действовавший в этом регионе с 722 года, а начиная с 732 года в качестве архиепископа миссионерствовавший с благословения Рима, не сумел, правда, из-за сопротивления епископа Майнца создать там церковную структуру. Поэтому после 739 года благодаря согласию герцога Баварского Одилона и папы он выбрал себе новое место деятельности южнее русла Дуная, где вместе с епархиями Зальцбурга, Фрейзинга, Регенсбурга и Пассау заложил краеугольный камень для баварской поместной церкви.

Одновременно с завоеванием Фрисландии шла интеграция земель в долине реки Майн в состав империи. Дукат простирался от среднего течения Рейна, пересекал нижнее течение Майна, упираясь в границы с Тюрингией с центром вокруг Вюрцбурга, где сосредоточились гедены. А вот Эльзас, как и Алемания, продолжал оставаться буферной зоной (на границе с Баварией). Его герцоги, хотя и местные по происхождению, но в основном поставленные Меровингами, свой особый статус ярко продемонстрировали не в последнюю очередь через брак герцога Теодоса, таким образом желавшего породниться с лангобардской королевской фамилией. Трудности с наследованием в дукате в 725—728 годах облегчили или, наоборот, спровоцировали вмешательство Карла Мартелла в дела Баварии. Тогда он привез с собой в каче-

ские пленницы близкую родственницу из рода Агилольфингов, позже взял ее в жены и тем самым породнился с этим старинным родом. И все же заключенные узы породили немалые сложности, приведшие в 788 году к смещению герцога Тассилона и временному исчезновению Баварии как самостоятельного политического образования.

Затем Карл Мартелл вторгается в Саксонию вплоть до нижнего течения Везера. Это означало конфликт между франками и саксами, продолжавшийся почти три поколения. Кроме того, Карл Мартелл объявился в Аквитании, области южнее Луары вплоть до Гаронны с центрами в Тулузе и Бордо. Их герцог Ойдон сумел отбиться не только от басков, но и от мавров, в 711 году вторгшихся в империю западных готов, окружив Нарбонн на Пиренеях. Герцогу Ойдону удалось отразить агрессию в 721 году под Тулузой, но затем по тактическим соображениям он предпочел блокироваться с одним из местных вождей. Карл не захотел считаться с этим статус-кво, в 731 году форсировав Луару, напал на Ойдона, чей партнер стал жертвой межмусульманского соперничества, в то время как его противник вторгся в Аквитанию, где сжег дотла Бордо и Пуатье. В октябре 732 года Карлу удалось отразить атаку арабов между Туром, где находилась франкская святыня — мощи святого Мартина, и Пуатье. Эйнхард с восторгом говорит даже о двух крупных битвах.

Эта победа, навсегда покончившая с экспансией мавров на Север, объясняет, почему впоследствии историки преподносили ее как великое деяние Карла Мартелла, к тому же увидев в ней «спасение Запада» от ислама, сравнимое разве что с победой принца Евгения Савойского, одержанной им над турками под Веной в 1683 году. Современные исследователи, наоборот, акцентируют политические последствия этой оборонительной кампании, закрепившей прежде всего господство франков на юго-западе Галлии, помогшей подготовить окончательное завоевание Аквитании в приближающиеся десятилетия и начать франкскую экспансию на противоположном берегу Гаронны вплоть до атлантического побережья и за Пиренеями.

Не в последнюю очередь это вторжение в юго-западные районы преследовало цель изменить политические условия в прилегающей Бургундии; между прочим, не без помощи короля лангобардов. Что происходило опять-таки через передачу важнейших церковных постов надежным последователям. Так было в Орлеане, Отёне, Маконе, Лионе, но также в Лангре и Оксере. Это «ого-

сударствление церкви» (Фридрих Принц), а именно вытеснение дотоле влиятельных древних епископских династий в угоду собственным сторонникам и масштабная раздача церковного имущества, создало новую властную основу для мажордома далеко за пределами Австрии.

«Железное время» Карла Мартелла заложило фундамент, на который могли опереться его приверженцы. Авторитет Карла получал международное признание. В 739—740 годах папа Григорий III обратился к вице-королю (*subregulus*) с просьбой о поддержке в противостоянии с донимающими его лангобардами. При этом папа переслал Карлу ключ от гробницы апостола Петра, мощи и звено от его цепи. Это был еще один знак того, что Рим все более отдаляется от Византии. Уже в 732 году папа впервые датировал официальный документ не в восточноримском стиле, в зависимости от кесаревых лет, а как бы на основе «нейтрального» года инкарнации, то есть года рождения Христа. Правда, Карл Мартелл ограничился дружескими выражениями благодарности. О военном содействии и тем самым о конфликте с королем лангобардов, прикрывавшим его с фланга в процессе перекраивания Бургундии, он даже не помышлял. О реакции знати на подобную авантюру суждено было вскоре узнать сыну Карла Пипину.

Еще в 737 году князь повелел включить путем усыновления своего второго сына Пипина в семейство короля лангобардов. Это произошло как раз в тот год, когда после кончины Теодориха IV в королевстве не было меровингского преемника. Включение сына в королевскую семью и последующая женитьба Карла на высокопоставленной представительнице рода Агилольфингов следует расценивать как серьезные намерения укрепить с помощью семейных уз преимущественное положение рода. И все же это вовсе не означало, что в результате у него уже был в кармане ключ от королевской власти для него самого и его сторонников. Правда, завещание от 739 года засвидетельствовало в момент составления «управление известным Карлом франкской империей», но одно воспоминание о «государственном перевороте» с участием Гримоальда удержало умного и осмотрительного регента от рискованных шагов.

Несмотря на секуляризацию, вызывавшую впоследствии всеобщее сожаление, в то время имело место значительное сближение Карла с церковью и ее институтами. Этот процесс даже можно было истолковывать как благосклонную клерикализацию. В так называемой канцелярии засвидетельствование все больше воз-

тиалось на священнослужителей, а не на светский персонал, капелланы вытесняли референдариев. В 741 году епископ Меца Хродеганг удостоверяет грамоту мажордома. Сына Карла Пипина отправляют на воспитание в Сен-Дени, где захоронены многочисленные представители Меровингов, в том числе последний из них — Хлотарь II. Там же найдет упокоение и сам Карл Мартелл. Обращенность к Риму проявляется в том, что храмы Петра все чаще вытесняют престолы святого Мартина и древние оплоты христианства и притягивают армии паломников прежде всего к местам захоронений апостолов. Здесь ограниченная по охвату территорий франкская поместная церковь испытывает притяжение к матери — церкви Запада.

В последние дни жизни Карл снова огорчается из-за происходящего в Баварии. Обладающий частью баварских земель герцог Одилон, видимо, притесняемый внутренними противниками, в 740 году находит убежище при дворе мажордома и ведет к венцу дочь Карла Гильтруду. Этот шаг, воспринятый столетие спустя как откровенно скандальный, в свое время, по мнению Свангильды и, по-видимому, также Карла Мартелла, был нацелен на сближение обеих семей и снятие напряженности в отношениях между королевством и Баварией, желавшей показать себя независимой. Это привело к тому, что после 743 года сын Карла Пипин и Гильтруда взяли опекунство над родившимся в 741 году Тассилоном.

Тем не менее и второе бракосочетание Карла Мартелла создавало для династии массу проблем, которые, правда, по своей остроте едва ли идут в сравнение с кризисом преемства 714 года. Так, в 737 году Карл разделил «свою» империю «по совету знати» вначале среди сыновей от первого брака, то есть действуя по примеру отца. Карломану доставались Австразия, Алемания и Тюрингия. Пипину — Нейстрия, Бургундия и Прованс, после походов Карла на юг присовокупленный к франкской зоне господства. Аквитания и Бавария еще не входили в империю Карла.

Если в 714 году мачеха Карла Плектруда в согласии с Пипином II хотела помешать сыну другой женщины участвовать в преемстве, то на этот раз вторая супруга сорвала план мужа о допущении к преемству наследников только от первого брака и заставила Карла согласиться с новым переделом империи, теперь уже с полноправным участием их общего сына Грифона. Предполагалось специально для него в центре будущей Франции создать королевство из территорий Австразии, Нейстрии и Бургундии.

Тем самым была бы реализована концепция разрушения старых имперских структур, которые основывались на интеграции трехчастных элементов королевства. Как бы отреагировала на этот план, означавший масштабное вмешательство во властные и имущественные отношения высшей знати, аристократия, вполне можно представить. Но данный проект так и остался неосуществленным. Грифон, которому исполнилось, видимо, пятнадцать лет, когда в 741 году умер его отец, и он, таким образом, считался правоспособным, не мог оттеснить старших братьев, не соответствовавших принципу «*ius paternum*». Более того, они посадили Грифона под стражу в Шевремонне, центре владений династии в среднем течении Мааса, а его мать заключили в королевский монастырь Шелль под Парижем, настоятельницей которого впоследствии Карл Великий поставил свою сестру Гизелу.

Совместные действия старших братьев против Аквитании и Алемании свидетельствуют об их агрессивном потенциале и наличии сторонников среди высшей знати. Во время аквитанской кампании в 742 году во Вьё-Пуатье произошел еще один передел империи франков. Он по сравнению с отцовским планом обнаруживал и собственные очертания, поскольку теперь Пипин получил в свое распоряжение южную часть Австразии, а также Суассон, Реймс, Мец и Трир. Кроме того, некоторые районы Нейстрии от Сены до Луары, Бургундию, Прованс и Эльзас, в то время как северная Австразия вместе с Льежем и Кёльном, а также часть бывшей Нейстрии до Сены, включая Камбрэ, Бовэ, Нуайон и Лаон, отошли к Карломану. Этот передел, очевидно, стал решающим в формировании казенной земельной собственности, которая примерно в равных долях была поделена между обоими преемниками Карла. Но он покончил со старой системой правления в отношении надрегиональных структур, создав новые комбинации власти и собственности среди сторонников обоих сыновей Карла. В любом случае был поставлен заслон возникновению нового центра власти в самом сердце будущей Франции, а Нейстрия ограничена рамками региона южнее Сены до Луары.

Открытое противодействие такой концентрации власти, одновременно исключившей Грифона из возможных престолонаследников, исходило от баварского герцога Одилона. Во всем этом он почувствовал по меньшей мере умаление значения и притязаний своей династии — его родственница Свангильда была как-никак вдовой скончавшегося мажордома, а его собственная супруга Гильтруда — сестрой Карломана и Пипина. Десятилетия спу-

стия наличие баварской оппозиции обернулось для Агилольфингов разрушительными последствиями. В период с 743 по 746 год мажордомы агрессивно и не без успеха действовали против пограничных регионов своих империй. Одиолону пришлось вновь подчиниться, в его владения вошла территория Баварии к югу от Дуная, в то время как в Зальцбурге на ученого Вергилия, которому город был обязан первым культурным взлетом и который являлся сторонником франкских мажордомов, была возложена высшая церковная миссия.

Герцог Аквитанский потерпел поражение и сгинул в каком-то монастыре, лишенный всякой власти. Впрочем, поначалу его сыну Ваифру удалось сохранить положение, идентичное герцогскому званию, под верховной властью мажордомов.

В 746 году в так называемом уголовном суде Каннштадта, выносившем смертные приговоры, приказало долго жить алеманское герцогство, тесно связанное родственными узами с баварским герцогством Агилольфингов. Его функцию приняли на себя франкские графы. Правда, эти успехи не внесли ничего нового в сложную государственно-правовую ситуацию мажордомов, особенно во внешнем проявлении их правления. Они были вынуждены в 743 году снова призвать на трон короля из династии Меровингов в лице Хильдерика III. Витавшее над ними проклятие нелегитимности нельзя было преодолеть только внешнеполитическими и военными успехами.

Обращенность к церковным инстанциям, проявлявшаяся еще в эпоху Карла Мартелла и не сводившаяся к покушению на церковное имущество, при его сыновьях ничуть не убавилась, а даже возросла.

Пипин, выросший в монастыре Сен-Дени, и в еще большей степени Карломан, предположительно воспитывавшийся в Эхтернахе, форпосте фризского миссионерства, широко распахнули двери перед англосаксонскими проповедниками. Особенно в недавно и спешно обращенных землях в нижнем течении Рейна они настаивали на формировании церковной структуры, а кроме того, с согласия Рима, стремились к реформе поместий франкской церкви. В этих делах движущей силой и посредником между культурами проявил себя Винфрид-Бонифаций. Тогда на землях, ставших впоследствии Восточной Франконией, в Гессене и Тюрингии были учреждены три епископии, из которых дольше всех просуществовал Вюрцбург; а вот Эрфурту и Бюрабургу не было суждено познать пору взросления. В апреле 743 года после вось-

ми десятилетий молчания в области, находившейся под управлением Карломана, под председательством Винфрида-Бонифация состоялся первый франкский собор. Его итоги Карломан изложил в капитулярии. В следующем году в Ле Эстинне, округ Хеннекс, и Суассоне одновременно прошли два собора, а в 745 году было проведено общепранкское собрание под председательством обоих мажордомов.

Наряду с проектами реформ общего характера, например укрепление епископской власти, повышение нравственного начала среди духовенства и борьба с язычеством, в центре внимания епископата находилось требование о возвращении отчужденного церковного имущества. Однако оно не было выполнено, ибо франкские мажордомы не желали рисковать лояльностью своих сторонников. Церкви довольствовались лишь дополнительным процентом в качестве возмещения за материальные утраты. Также не прошла идея об учреждении епископских структур для надзора над епископами (в Реймсе и Сансе) из-за сопротивления аристократии, опасавшейся за влияние и собственность в церковных областях. Винфрид-Бонифаций был вынужден довольствоваться Майнцем как своей епископской резиденцией, прежний обладатель которой, уличенный в убийстве и потому лишенный должности, добивался в Риме восстановления в первоначальном статусе. Впоследствии апостол немцев основал в 744 году в лесистой Буконии монастырь в Фульде как форпост и миссионерский центр, откуда на многие последующие десятилетия должны были исходить серьезные духовные и культурные импульсы, нацеленные на Гессен, Тюрингию и Саксонию. С одной стороны, истерзанный трудностями, а с другой, памятуя о прежнем намерении по распространению веры, Винфрид-Бонифаций вновь обратился к миссионерству во Фризии, которое и обеспечило ему в 754 году вожаденное мученичество.

Трудно сказать, в какой степени общие усилия обоих мажордомов действительно основывались на идентичности политических интересов, учитывая неоднозначность источников, освещающих историю ранних Каролингов. Карломан сеньер, женатый на женщине, имя которой даже не подтверждается преданием, уже имел подрастающего сына по имени Дрогон, в то время как Пипин юный, женившись в 744 году на более молодой Бертраде и породнившись с одной из наиболее известных аристократических семей Австразии, еще не имел наследника. Бертрада (Берта) была дочерью графа Герберта Лаонского и внуч-

кой основательницы монастыря Прюм, после основания в 762 году более чем на столетие превратившегося в аббатство династии. Учитывая объем имущества, привнесенного супругами в совместное владение монастыря Прюм (среднее течение Мозеля и Эйфеля), и прежние унаследованные владения, можно с определенной уверенностью сказать, что эти владения, будучи из одного источника, а именно — наследства старшей Бертрады и ее сестры Плектруды, супруги Пипина II, перешли в руки уже третьего поколения, ставшего таким образом обладателем огромного материального состояния.

Немногочисленные надежные свидетельства о брачном союзе Пипина позволяют сделать вывод о двойной концентрации власти и собственности, предпосылкой которой является уже никем не оспариваемый привилегированный статус Пипинидов по крайней мере в Австразии. Этот потенциал экономически расширился и углубился путем создания церквей и монастырей, а также в результате доступа к фискальному имуществу. Его политическому закреплению способствовало председательство в королевском суде.

ЕДИНОВЛАСТИЕ ПИПИНА И ОБРЕТЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО ДОСТОИНСТВА

Предполагаемое равновесие между мажордомами неожиданно, но бескровно рухнуло, когда брат Пипина Карломан, явно религиозный и восприимчивый к духовности (в этом отношении похожий на внучатого племянника Людовика Благочестивого и сестру Карла Гизелу), в сентябре 747 года «в горячем стремлении к благочестивому самопожертвованию» отказался от мажордомского служения и подался в Рим. После аудиенции у папы он основал на Монте-Соракте монастырь, но затем, наверное, под влиянием присущего франкам «туристического» благочестия, не обошедшего и его стороной, вернулся в Монтекассино в епископский монастырь западного монашества. Согласно историческому свидетельству сто пятьдесят лет спустя, он жил там как скромный член монастырской братии, что, правда, с трудом уязвлялось с тогдашней аристократической эстетикой, напоминавшей о себе даже после монашеского пострига.

Уже некоторое время спустя Монтекассино оказалось прибежищем франкских диссидентов и прочих элементов, в сознании

которых превалировало откровенно светское начало. До отречения от всего мирского Карломан, по свидетельству одного источника, «отдал свою империю и сына Дрогона в руки собственного брата». Этот шаг заслуживает лишь в том случае должной оценки, если датировать рождение Карла Великого 2 апреля 748 года. Скорее всего решающим для Карломана было обстоятельство, что его невестка не имела детей. Поэтому своего сына и наследника как единственного потенциального преемника обоих королевств он доверил попечению брата, чтобы после горького опыта двух последних поколений уже на ранней стадии обеспечить упорядоченное преемство, свободное от какой-либо внутрисемейной конкуренции, и одновременно, отбросив политическое бремя, последовать своему внутреннему призванию.

В связи с разочарованием Карломана повествуется о том, что ставший самодержцем Пипин даровал свободу внучатому племяннику, находившемуся под стражей в Шевремонне. В этом можно было бы видеть признак того, что он собирался расширить сферу правления внутри семьи. Это представляется вполне разумным, учитывая возросшее влияние франков на Восточную Франконию, Тюрингию и Алеманию.

Грифон отверг примирение, собрал аристократическую оппозицию, присоединился вначале к противникам саксам и в 748 году направился в Баварию, чтобы стать наследником скончавшегося в том же году герцога Одилона. При этом он бесцеремонно вывел из игры сводную сестру Гильтруду и ее несовершеннолетнего сына Тассилона. В следующем году Пипин вторгся в Баварию, покончил там с правлением Грифона, но подарил претендентам двенадцать графств в дукате Ле-Ман, дарованном несколько позже Карлу Великому, которое тот, в свою очередь, уступил сыну, тоже Карлу. Отметим, что эта область считалась центром власти, где правители познавали тайны государственного устройства. Принятая Пипином мера наглядно показывает, сколь активно оппозиционные силы выступали против его единовластия и вместе с тем сколь весомы были претензии Грифона как сына Карла Мартелла на долю в наследстве отца да и в обладаемой им власти. Не считал ли Пипин, что Грифон мог бы стать потенциальным преемником? Между тем рождение Карла поставило крест на надеждах Грифона. Он отправился в Аквитанию — «как обычно, не в лучшем состоянии духа» — к неверному герцогу Ваифру. А погиб в 753 году от руки людей, подсланных Пипином, когда собирался вступить в союз с королем лангобардов. Имя Грифона,

одного из наиболее известных представителей Пипинидов, наряду с Гримоальдом и Дрогоном, оказалось забытым. Только имя Дрогона еще раз было извлечено из небытия. Им называли внебрачного ребенка Карла Великого.

Споры с Грифоном, существование племянника Дрогона и прочих отпрысков его брата, но прежде всего страстное желание дождаться рождения наследника породили в Пипине стремление к своего рода очищению атмосферы при дворе и окончательной стабилизации правления. «Поэтому Пипину требовалась легитимизация, отличавшаяся от сугубо политической сферы, которая отодвинула бы в сторону других великих франков и даже собственный род» (Петер Гери). Особенность его самосознания проявилась уже в момент изменения титулования: он сам объявил себя мажордомом в противоположность своему деду, отцу и брату, титул которых был производным от отцовского: «сын бывшего мажордома».

В этом отходе от простого исполнения правящих функций к франкской королевской власти действительно просматривается явление всемирно-исторического значения, последствия которого в начале пятидесятих годов VIII столетия еще трудно было предвидеть. Таким образом королевство вплоть до наших дней сохранило христианско-сакральные черты. Тесная личная связь между светской властью Франкского королевства и духовным авторитетом римского папства, особенно ярко проявившаяся в восстановлении западного императорского достоинства в день Рождества 800 года, в результате чего возник политический дуализм, который и в институциональном плане доказывал свою эффективность до последнего дня существования старой империи и предреволюционной эпохи.

Справедливо подмечено, что королевство Меровингов подпитывалось воинственным потенциалом Хлодвига, его постоянство с момента основания определяло успешное продолжение и совершенствование позднеантичных структур (фискальное управление и военное дело) и не в последнюю очередь церковных организаций. Однако его харизма, степень сакральных и герцогских способностей, характеризующихся более ранними исследователями как «королевская благодать», основывалась в итоге исключительно на половом признаке и преемстве знати, но вовсе не на авторитарных юридических заключениях или даже церковных ритуалах.

Этот вновь сформулированный легитимизм служил своего рода духовным щитом неприкосновенности над головами европейских монархов, включая Марию Стюарт и Карла I в Англии. Полное выражение он получил уже в формуле грамоты «*dei gratia*»* в титуле Карла Великого (и Карломана) начиная с 769 года. А его первичная формулировка содержалась уже в носившей общий характер предваряющей части грамоты его отца Пипина в 760 году, в которой объявлялось, что «Господь нам [Пипина] посадил на трон империи». Отсюда проистекала более или менее тесная связь прежде всего короля (и императора) с преемником Христа на земле римским папой и с подчиненной ему духовной иерархией. Эта зависимость получила в позднеантичную эпоху классическое выражение в декретах папы Геласия I в послании, адресованном императору Анастасию I: «Существуют две власти, которые правят миром: это — власть королей (*potestas reglis*) и освященная власть пап (*sacrata auctoritas pontificum*)». Власть пап заслуживает еще более высокой оценки, ибо в день Страшного суда им придется держать ответ и за спасение души королей.

Однако при Пипине римским папам, начиная со Льва I и Григория I Великого, приходилось во все возрастающей степени заниматься административными проблемами города и дуката Рим, то есть речь шла о защите и поддержке светской власти, тем более на фоне существовавших тогда серьезных богословских противоречий между Римом и Византией. И так называемый Трулльский собор 681 года, заявивший об особой значимости восточных обрядов для всей церкви, и предпринятая в 726-м и еще раз в 739 году акция императора Льва III против почитания икон встретили резкое сопротивление в Риме. В результате накопилось еще больше спорных вопросов, уже проявившихся в так называемой формуле филиокве (*Filioque*), согласно которой Святой Дух исходит не только от Отца, но также и от Сына.

Богословско-политические споры VIII столетия подготовили до сих пор существующее разделение христианства на Восточное и Западное, последовавшее в результате раскола 1054 года. Но не только и не столько церковно-политические и догматические споры между Римом и Византией привели к отходу западных патриархов от императора Восточного Рима. После 568 года Италия распалась по крайней мере на четыре значительные сферы власти или зоны влияния: Византийский юг, вытянувшееся до середины

* Милостию Божией (*лат.*).

полуострова Лангобардское королевство с прилегающими к нему автономными герцогствами Сполето и Беневентским и словно заноза в лангобардской территории — Равеннский экзархат как опорный пункт Восточного Рима в Адриатике с Пентаполем и пятью городами в Романии и, наконец, сам Рим с примыкающей к нему территорией, хоть и принадлежавшей юридически Византии, но оказавшейся беззащитной, поскольку лангобарды теснили ее и с севера и с юга.

Угроза взятия Рима во всех отношениях сказывалась на положении пап. Поскольку Византия не могла или не желала оказать необходимую военную помощь, а папа из-за богословских противоречий, затронувших его почетное первенство и притязания, стал отдаляться от Восточного Рима, понтифику пришлось спешно искать подходящего союзника. В поле зрения начиная с тридцатых годов попали прежде всего франкские мажордомы, контакт с которыми был установлен с помощью англосаксонских миссионеров во главе с миссионерскими епископами Виллибродом и Винфридом-Бонифацием. В конце правления Карл Мартелл никак не ответил на зов папы о помощи в связи с угрозами короля лангобардов, прежде всего из-за позиции своей высшей знати, которую, видимо, совсем не вдохновляла итальянская авантюра. Общая заинтересованность в союзе весной 750 года привела к возникновению новых контактов между франкским мажордомом и римским понтификом.

В это время англосакс и епископ Вюрцбургский Бургард вместе с аббатом Сен-Дени и близким другом Пипина Фулрадом по настоянию Пипина направились в Рим, чтобы получить юридическое заключение папского престола; о его сути можно было легко догадаться. Как свидетельствуют написанные более четырех десятилетий спустя так называемые имперские хроники, они поставили перед папой Захарием, последним греком на престоле святого Петра, в государственно-правовом и в политическом контексте чрезвычайно острый и в равной мере наводящий вопрос о королях на франкских землях, не обладавших тогда никакой королевской властью. Хорошо это или нет? Был получен удовлетворительный ответ: «Лучше, чтобы королем был тот, у кого власть, а не тот, у кого королевской власти нет».

Папа не ограничился этим ответом и сразу же сделал политические выводы из обсуждаемой проблемы: во имя сохранения порядка он на основе своих апостолических полномочий приказал сделать Пипина королем. Это проявление властной воли оз-

начало революционный шаг. Сделав его, папа вторгся во внутренние структуры королевства и одновременно провозгласил правомерность длительной зависимости. Теоретическим основанием такого решения является учение отца церкви Августина, согласно которому предполагается совпадение имени и вещи, обозначения и содержания, названия и функции или их восстановление в духе богоугодного порядка. Затем усилиями Исидора Севильского широко распространенное и одновременно интерпретирующее (но в ошибочную сторону) производное «тех» и «gegere» от «recte agere», то есть «правильно действовать», как бы подготовило этот поворот во франкском королевском правлении. Получается, не только одно существование обеспечивает династию, в данном случае Меровингов, но и ее «правильные действия» в духе теории устройства святого Августина.

Под влиянием этого папского решения, обоюдоострое воздействие которого в те дни Пипин и его советники наверняка не могли оценить в достаточной степени, мажордом и рискнул совершить «государственный переворот». Он значительно превзошел первую попытку Гримоальда через породнение захватить власть для своего рода, чтобы выбить наследственный королевский род полумифического происхождения, более двух веков управлявший франками и их империей. Это произошло сообразно цивилизаторскому прогрессу, минуя кровавую расправу с соперниками и их преемниками. Путь был выбран иной — заключение в монастырь. Хильдерик III и его сын бесследно исчезли в сравнительно удаленном монастыре Святого Мартина во Фландрии.

Этот революционный акт, фундаментом которого стало папское юридическое заключение на богословской основе, безусловно, был согласован со знатью империи. Она скорее всего в сентябре 751 года в Суассоне подняла Пипина на щит или посадила его на трон и преклонилась перед ним. Тем самым был зримо подтвержден тесный союз нового короля с ведущими аристократическими семействами. Одновременно королевское правление и преемство в королевстве на длительный срок было увязано (главным образом в форме согласия) с конститутивным сотрудничеством аристократии. А вот должность мажордома, другими словами, мажордома как наместника короля у франков, умерла навсегда. Король участвует в управлении и через знать, что имеет отношение к Пипину и его преемникам. Это право знати на причастность к делам управления, суть и интенсивность которого зависела от соответствующего властного расклада, конститу-

нивно в коллегии курфюрстов сохранило силу в последующей истории Германии, начиная с Золотой буллы в 1456 году до последних дней старой империи.

К решающему слову папы, как обобщает Эйнхард суть происшедшего, кроме «поднятия на щит» и коленопреклонения знати, добавился еще один момент. Ему в будущем суждено обрести конститутивный смысл для возведения в королевское достоинство. Он подтверждает сакрализацию королевского правления и тем самым возрастающее влияние церкви на личность и звание короля: это — помазание короля на царство освященным елеем. Такая процедура, неизвестная Меровингам, в значительной мере была инспирирована помазанием ветхозаветных царей, особенно Давида и Соломона, в которых Карл Великий позже увидел образец богоугодного управления. Хроники Меца, составленные в 805 году по поручению двора, связывают этот первый акт помазания и освящения с епископом Винфридом-Бонифацием.

Все, что произошло впоследствии, укрепило узы между новым королем и духовным покровителем. Их высшим проявлением стало невиданное доселе событие: преемник Захария на престоле святого Петра — папа Стефан II (III) в конце 753 года подвергся мощному давлению короля лангобардов Айстульфа и запросил помощи у новой потенциальной силы севернее Альп. Пипин, используя разные дипломатические каналы, пригласил понтифика посетить земли франков и исполненный благочестия послал навстречу ему в районе альпийского гребня своего первенца, шестилетнего Карла. На праздник Богоявления 754 года папу, удостоенного всяческих почестей, в пфальце Понтион (Шампань) встречал новый король франков. Символика дня и торжественность церемониала произвели и на присутствующую знать неизгладимое впечатление. Эйнхард в биографии Карла обходит молчанием это яркое событие в противоположность собственным источникам. В дальнейшем литературном возвышении политической роли папы при смене власти на землях франков Эйнхард, очевидно, не был заинтересован.

Союз с королем франков, которого добивались Стефан II (III) и его предшественники, невольно обернулся бы против лангобардов. Такой поворот фактически означал смену союзников и поэтому вызвал протест части правящего слоя франков, тем более что новой ориентации противостояли силы, никоим образом не принимавшиеся в политический расчет. Речь шла о брате Пипина Карломане, который тем временем монашествовал в Мон-

текассино. «Якобы по указанию своего настоятеля», а скорее всего по инициативе короля лангобардов он появился при дворе Пипина и встал во главе оппозиции. Король и папа среагировали незамедлительно и однозначно: духовный глава отправил видного монаха во франкский монастырь, а Пипин, сознавая серьезную опасность, исходящую от брата, его семьи и сторонников, велел схватить племянника Дрогона, оставленного ему когда-то на попечение, и других сыновей Карломана и обезвредить их, заточив в монастырь.

Эйнхард обходит стороной этот для Пипина малоприятный эпизод и, отбросив достоверные исторические факты, в стиле благостной легенды подтверждает, что его брат закончил жизненный путь в Монтекассино. Фактически же он скончался под присмотром матери Бертрады 17 августа 754 года в бургундской Вьенне. Но братские узы вовсе не угасли, скорее, наоборот. Король из добрых побуждений велел провести в честь брата мессы и молебны в Фульде и Сен-Дени. Его душа обрела вечный покой в Монтекассино, на второй, духовной родине.

Конфликт с братом и вероятность скрытой оппозиции франкской знати против его единовластия заставили Пипина вновь задуматься о помощи со стороны папы. При этом речь шла об обеспечении исключительного преемства своих сыновей в королевстве без какой-либо конкуренции со стороны всех прочих членов фамилии, особенно потомков брата.

Эта поддержка стоила денег. Вначале на Пасху 754 года в Керси Пипин был вынужден в письменном виде «возместить» папе часть еще не завоеванных земель лангобардов, особенно Равеннский экзархат и Пентаполь. При этом юридическое основание такой реституции вовсе не представлялось однозначным. Данный акт символизировал удивительный исторический этап развития последующего церковного государства — по сути дела, патримонии апостола Петра; ее ядром являлся Рим и его дукат, зримые контуры которого проявились только в конце XII века.

За политическим обещанием реституции в Керси последовал пакт о «взаимной любви» между папой и королем. В духе того времени приносилась клятва о дружбе равноценных партнеров. Высшим зримым проявлением нового союза между обеими властями — святым авторитетом папы и властью короля стало то, что Стефан II (III) в Сен-Дени на месте захоронения Карла Мартелла вновь совершил помазание с присвоением почетного звания «патриция римлян» и вроде бы возложил на него корону. Помазание

и конфирмации были совершены также королевским сыновьям, его второй сын Карломан (!) родился в 751 году. Конфирмация породила своего рода «отеческое родство», «compaternitas», между папой и сыновьями Пипина. Позже в него была включена их сестра Гизела. В данной церемонии супругу Пипина Бертраду воспринимали как королеву. Особый смысл для Пипина приобретал запрет, адресованный папой Стефаном II (III) франкам, когда-либо выбирать иного короля, кроме как из потомков Пипина и Бертрады. Это было явное вмешательство в сферу государственной автономии, порожденное, видимо, конкретной революционной ситуацией.

Лето 754 года знаменовало первый этап новой антилангобардской и ярко выраженной милитаристской политики в отношении Италии, которая только при сыне Пипина Карле увенчалась стабильными результатами. И все же король лангобардов Айстульф был вынужден платить некую дань — в 751 году завоеванные византийские земли, центром которых являлся Равеннский экзархат, отошли королю франков. Он, в свою очередь, переуступил их папе. Однако детали этого соглашения нам неизвестны. Со вступлением на королевский трон Дезидерия в 757 году территориальный вопрос относительно земель Центральной Италии вновь привлек внимание. Его решение было связано с завоеванием Карлом империи лангобардов в 774 году.

Внутриполитической стабильности Пипин добился прежде всего благодаря расширению влияния церкви, взиманию поборов со все большего числа монастырей и не в последнюю очередь в результате искусной кадровой политики. Так, аббат Сен-Дени Фулрад расширил влияние вплоть до Алемании. Интересы короля представляли Вергилий Зальцбургский в Баварии и его единокровный брат Ремигий, епископ Лангра и Руана. Мощные внутрицерковные импульсы исходили от епископа Хродеганга из Меца, создавшего произведение о реформе священства своей кафедры во имя всемирного содружества священнослужителей. Этот труд стал дополнением к правилам жития монашествующих, в особенности бенедиктинского ордена в Нурсии. Да и сам храм в сущности, персональном и пространственном выражении становится все больше инструментом управления и администрации. Этот институт не являлся более исключительно местом хранения высочайшей в королевстве франков мантии святого Мартина и других мощей, а также формирования богослужения. Храм Божий во все возрастающей степени занимался составлением гра-

мот и прочих документов, имевших широчайшее распространение. После восхождения Пипина на королевский трон храм возглавил аббат Сен-Дени Фулрад.

Важным для внутрифранкского соотношения сил оказалось, по-видимому, признание в качестве брачного права папских декреталий, которые после провозглашения их на франкских синодах строго запрещали кровосмешение и тем самым пытались предотвратить концентрацию слишком больших состояний в руках немногих семей. Так, не разрешалось заключение браков между родственниками вплоть до четвертого колена родства; на пути повторных браков стояли весьма строгие ограничения. Таким образом формировалась бесспорная «свободная доля» церкви, то есть доля в наследстве, которой нельзя было лишать законных наследников. Как непросто в отдельно взятом случае складывалась ситуация с «дотированием» церкви, показывает, например, большая грамота 762 года в отношении монастыря Прюм. Она равноценна новому «дотированию», посредством которого Пипин и Бертрада, между прочим, подтвердили ранее сделанные дарения из казны и в знак спасения предложили сыновьям Карлу и Карломану подписать документ, чтобы пресечь возможный соблазн. Неоднократное рассмотрение на соборах вопроса о церковной десятине является дополнительным штрихом к политике, ориентированной на материальное поощрение.

С начала шестидесятых годов Пипин использовал сыновей на шахматной доске политической игры. В 769 году Карл принял на себя функцию судьи и хранителя аббатства Святого Кале. В 761—762 годах Карл и Карломан участвовали в очередных походах отца в Аквитании, а в 763 году обрели графское достоинство. Тем самым еще при жизни отца они как его законные наследники имели достаточно ясное представление о правлении и его практической реализации. Уже тогда обсуждался вопрос о брачных узах между франкскими дворами и Византией: сын императора Лев должен был жениться на дочери Пипина Гизеле. Этот проект подобно нижеследующему оказался неудачным, причем оглядка на папу стала, по-видимому, серьезной причиной этой неудачи.

С точки зрения фрескового живописца в Паластуле (Ингельгейм) или его доверителя в двадцатые годы IX столетия содействие Пипина заключалось не в обретении франкской королевской короны или в стабилизации королевской власти династии, а в экспансии империи франков на юго-восток. С его именем связана затем интеграция Аквитании во владения к северу от Луары.

Конечно, Пипин различными усилиями создал предпосылки для долгого затянувшегося по времени завоевания; взятие Септимании с центром в Нарбонне означало доступ к Средиземному морю; его военные походы с разрывом в один год начиная с 760 года подавляли волю населения к сопротивлению. Кроме того, еще современники Пипина считали, что именно он стоял за попыткой покушения на герцога Ваифра. Однако осуществить окончательное включение, если так называть насильственное завоевание, было суждено Карлу и Карломану.

Отношения с Баварией, вторым внешним критически настроенным регионом *Regnum Francorum**, вновь резко обострились, когда в 763 году Тассилон взял в жены дочь короля лангобардов, положив тем самым основы альянса по другую сторону Альп. Он должен был противостоять франко-папским интересам. Карл не стал уходить от ответа и поэтапно провел чистку «прихожей».

Перед кончиной король Пипин с согласия знати, к которой поначалу принадлежал и епископат, назвал сыновей наследниками и преемниками своего правления. При этом Пипин руководствовался принципом единообразного подхода, ориентируясь на заключенный договор Вьё-Пуатье (742 год) с братом Карломаном.

Впрочем, в отличие от отца Карла Мартелла Пипин строго следовал принципу единобрачия. Правда, в 756 году, неизвестно по каким причинам, Пипин решил было расстаться с Бертрадой, но бурная реакция папы заставила его отказаться от этого намерения. Конкубины, или внебрачные дети, в связи с этим историками не отмечены. Якобы внебрачно рожденная дочь Пипина Ада, имя которой упоминается в предании в связи с авторством весьма ценного в историческом плане и очень известного кодекса так называемой придворной школы, обязана своим сомнительным существованием безудержной фантазии фальсификатора монастыря в Трире. Примерно в 1200 году он узрел существенную в век ренессанса Карла связь между своим монастырем, Карлом Великим и «Пресвятой Девой» Адой, удостоившейся дарения. Можно, конечно, предположить, что Пипин, наученный событиями 714-го и прежде всего 742 года, которые еще у всех были в памяти, не рискнул бы пойти на обострение противоборства в семье, нарушившее бы едва отлаженную стабильность королевского статуса династии. Поэтому передача правления обоим сыновьям, уже

* Государство франков (лат.).

помазанным самим папой в 754 году на царство, прошла без каких-либо трений. Третий сын по имени Пипин умер в 761 году, когда ему исполнилось всего два года.

Дорогие пожертвования монастырям Святого Мартина в Туре и Сен-Дени подготовили его кончину. 23 сентября 768 года первый король новой династии скончался. Как и его отец, он был погребен в Сен-Дени в атриуме монастырского храма. Карл Великий тоже когда-то имел намерение продолжить традицию отца и деда, как доказывает одна из его первых грамот, датированная 769 годом. Но, как нам известно, все сложилось иначе — с 814 года тело Карла покоится в Ахене.

Часть I

КОРОЛЬ

768—800 годы

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

768—781 годы

РАЗДОР МЕЖДУ БРАТЬЯМИ И НОВАЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЕВЫ-ВДОВЫ БЕРТРАДЫ

Раздел империи, восходящий к 742 году, изменил *divisio**, однозначно выделив каждому из братьев собственную сферу правления и интересов, — по свидетельству важных источников VIII века, Карл получил империю Австразия, в то время как его младшему брату Карломану достались Бургундия, Прованс, Септимания, а также Эльзас и Алемания. Они поделили между собой Аквитанию или из-за незавершенности раздела эти земли попали под их совместное управление. Характерным в этом разделе империи было забвение земель классической франкской империи, а именно Австразии и Нейстрии в качестве государственных единиц, вместе с Бургундией составлявших государственную триаду. Австразия — это северная часть Франции, а именно в том виде, который сформировался еще в 742 году в период правления дяди Карломана, кстати, тоже Карломана: вместе с землями в Восточной Франконии и Тюрингии. Мост с Аквитанией, совместной зоной влияния обоих сыновей, был установлен благодаря передаче Карлу нейстрийских земель между Сеной и Луарой. Промежуточная зона состояла в основном из графств дуката Майн, которым уже владел дядя Карла Грифон. Затем он перешел к Карлу, передавшему его приблизительно в 790 году второму сыну в каче-

* Разделение, раздел (*лат.*).

стве политического «полигона». В процессе передела было заложено зафиксированное не позже 806 года сокращение старых меровингских регионов Нейстрии до пределов территории между Сеной и Луарой.

На политически мотивированной концепции старых королевских регионов основывалась новая структура правления, объединявшая аристократические семьи и принципы управления на региональном уровне с «восходящим» королевством. Отказ от старой структуры являлся уже целью политики Карла Мартелла, вынужденного еще раньше, особенно в Нейстрии, подавлять весьма опасную оппозицию. Поэтому характер действия поздних мажордомов обнаруживал черты, которые, выходя за рамки традиционного экспансионизма в юго-западном и северо-восточном направлениях, являлись серьезным вмешательством во внутреннее устройство меровингской «Франции».

После передела 768 года военно-политические планы Карла однозначно связаны с восточными землями на правом берегу Рейна, в то время как полукруг Карломана, охватывавший юго-западные земли, в политическом отношении обращен к Баварии и Италии. Общей сферой интересов оставались Аквитания и защита Римской церкви. Другие пограничные регионы, например Западная Фрисландия, уже находившаяся в крепких объятиях франков, а также недавно завоеванная Септимания в качестве средиземноморской приграничной области были переданы под единоличное управление Карлу или Карломану.

Официальное провозглашение и возведение в королевское звание обоих братьев состоялось в День святого Дионисия, монастырь которого Сен-Дени близ Парижа оставался и продолжал оставаться в центре религиозной жизни Пипина и его сыновей. Праздник в честь этого святого 9 октября 768 года пришелся на воскресенье. В ходе церемонии, предположительно включавшей помазание присутствующими епископами, Карломан в своей части империи в Суассоне, а Карл в Нуайоне были провозглашены королями или введены в королевское достоинство.

Если избрание в Суассоне определялось почтенным возрастом резиденции Меровингов как преддверия Нейстрии и прецедентом избрания королем Пипина, а также смещением здесь же последнего представителя династии Меровингов, то в отношении Нуайона убедительные аргументы такого рода не просматриваются. Выбор этой небольшой епархии не связан с историей империи, а определяется почитанием святого Медарда, монас-

тырь и место захоронения которого в Суассоне были центром всеобщего поклонения. И в Нуайоне святой имел названный в его честь монастырь. С его именем и трудами в качестве местного епископа было связано прежде всего воспоминание о перенесении епископской резиденции из Сен-Кантена в Нуайон. Равным образом зов святого Елигия, золотых дел мастера, ваятеля, чеканщика, советника короля и епископа на последнем этапе правления Меровингов, сыграл свою роль при выборе Карлом места для коронации. Когда более столетия спустя в Нуайоне произойдет избрание королем Гуго Капета, в этом действе будет присутствовать сознательно легитимное *imitatio**, что, правда, не способствовало известности этой самой маленькой епископии Реймской епархии. Впрочем, именно здесь родился непримиримый реформатор Кальвин, отец которого был адвокатом соборного капитула. Выбору соответственно Суассона и Нуайона, кроме всего прочего, способствовала территориальная близость к границе собственных владений, что не создавало помех для связи дворов друг с другом.

Уже несколько месяцев спустя после коронации обоих королей им пришлось совместными усилиями продолжать отцовскую политику в отношении Аквитании. Так, после попытки Гунальда, сына герцога Ваифра, избавиться от франкского господства Карл направился на юг — впрочем, не заручившись поддержкой брата. Их встреча близ Вьенны в политическом отношении осталась безрезультатной. По свидетельству пристрастных, составленных лишь более десятилетия спустя так называемых имперских хроник, по совету своей знати Карломан воздержался от оказания Карлу военной помощи. С этим упреком мы вскоре снова будем иметь дело по поводу смещения и заключения баварского герцога Тассилона.

Несмотря на отказ брата, Карл форсировал реку Дордонь и основал там опорный пункт-крепость Фронсак. Между Гаронной и Пиренеями Карлу удалось добиться от князя басков Лупа, также озабоченного поисками союзников, выдать беглую чету — Гунальда и его супругу, находившихся под покровительством князя. Тем самым было обезглавлено сопротивление в Аквитании и ее земли оказались в руках завоевателя, который почти десять лет спустя создал необходимые административные предпосылки для включения этого региона в принадлежащие франкам территории,

* Имитация (лат.).

а в 781 году как «промежуточная власть» (по выражению Бригитты Кастен) сделал своего сына Людовика королем Аквитании, избрав «третий путь» между интеграцией и самостоятельностью. Еще в конце года вместе с пленниками Карл вернулся из похода в центр фамильного владения в нижнем течении Рейна и в Льеж. Там он отметил рождественские праздники 769 года и пасхальные в апреле 770 года.

Напряженность, очевидно возникшую или даже возросшую после безрезультатной встречи между братьями в Бургундии, удалось преодолеть еще раз. Об этом свидетельствует послание, в котором папа поздравляет сыновей Пипина с достижением еще одного знака согласия и одновременно призывает их к совместным действиям в отношении противостоящих Риму лангобардов.

Скрытая вражда между братьями (ей суждено было проявиться в *Damnatio memoriae** Карломана; в итоге после короткой интерлюдии имя исчезло из семьи и снова встречается среди сыновей Людовика Немецкого и Карла Лысого), видимо, происходила вовсе не из различия в политических концепциях по управлению существенно разросшейся империей франков, а из ярко выраженного личностного соперничества за главенство на высшем уровне. Именно такого рода иррационализм привносил в эти противоречия элемент непримиримости, которая в определенных условиях могла бы привести к братоубийственной войне с непредсказуемыми последствиями для едва консолидированного королевского правления сыновей мажордома. Наш авторитетный поручитель Эйнхард пытается сознательно принизить эту опасность отстраненным взглядом и вовсе не по горячим следам событий. Такое толкование созвучно также развязно-навязчивому поучению ирландца Кэтульфа (775 год), когда он благостно прославляет предохранение от преследований со стороны своего брата и в первую очередь его раннюю кончину, «так что Господь Бог вознес тебя надо всей этой империей без кровопролития».

Намечающееся соперничество за главенство проявляется и в частной сфере, если о ней вообще уместно говорить в отношении королей. Уже в начале 770 года супруга Гимильтруда родила Карлу сына, названного Пипином. Судя по всему, Гимильтруда была представительницей алеманско-ретского или эльзасского аристократического рода, о чем свидетельствует упоминание этого име-

* Осуждение случившегося (*лат.*).

ни в ранних братских молитвенниках в Сен-Галлене (Рейхенау), Пфферере и Ремиремонте. В 770 году небольшая, но хорошо информированная хроника сообщает о рождении от брака с Гербергой сына короля Карломана. Свидетельством равенства по происхождению и званию по сравнению с первенцем старшего брата стало то же имя — Пипин. Впоследствии по понятным причинам, чтобы отвести от Карла подозрение в многоженстве, Гимильтруду называют конкубиной. Однако нет сомнений ни в материальном обеспечении, ни в легитимности брака, ни в законности рождения Пипина, тем более что само имя гарантирует достоинство его обладателя. Не случайно впоследствии потребовалось содействие папы для исключения из престолонаследия первенца Карла, того самого Пипина по прозвищу Горбун. Но мы значительно опередили события. Согласно Диакону, который как современник не мог не быть в курсе дела, в жилах Гимильруды действительно текла кровь аристократки.

Во внешней сфере продолжалось сосуществование братьев на основе равенства: в 769 году Карл и Карломан из обеих частей империи впервые направили на Римский собор двенадцать епископов. Таким образом, каждому стала очевидной тесная связь франков и их королей с преемником апостола Петра. Кроме того, правители, и прежде всего Карл, что, по-видимому, следует квалифицировать как вкравшийся в предание элемент случайности, включили в протокол грамот так называемую формулу милости Божией. Последняя значительно расширила базу королевства специфическими христианскими элементами, придав королю сакральную внеземную значимость.

Напряженность между братьями носила все еще скрытый характер. Эйнхард прославляет величие духа, с которым его герой переносил соперничество и недоброжелательство Карломана. Между тем 770 год проходил под знаком нарастающего влияния королевы Бертрады, как бы принявшей политическое руководство своими юными сыновьями и тем самым продолжившей традицию Плектруды, которая еще до и особенно после смерти Пипина II в 714 году уверенно взяла бразды правления в свои руки. Преодолевая домашние трудности, Бертрада сосредоточилась на радикальной концептуальной реформе франкской внутренней и особенно внешней политики. И, что удивительно, сумела добиться поставленной цели. Это был действительно непреходящей значимости факт. В конце концов в историческом плане речь шла об эпизоде, вызванном ранней, скоропостижной смертью Карлома-

на в 771 году. Однако он демонстрирует возможные альтернативы последующей, сравнительно однородной завоевательной политике Карла в союзе с римским папством. Концепция Бертрады состояла в создании и по другую сторону Альп политической ситуации, укрепляющей династию, которая охватывала бы своей властью земли франков, Баварию и лангобардскую Италию, одновременно обеспечивая претензии и правовой статус римского понтифика. Вместе с тем эти устремления едва ли представлялись реализуемыми, учитывая предопределенность векторов усилий и многообразие противоречивых интересов и характеров участников.

Нам не известны мотивы Бертрады; мы не знаем, в какой мере Карл и Карломан были информированы о ее политических действиях или даже вдохновляли их осуществление. Располагая немногими, к тому же лишь приблизительно датированными источниками этих лет, можно лишь в общих чертах реконструировать расклад дипломатической миссии королевы-матери. Решающее значение приобретал взгляд Рима: решительное противодействие намечавшемуся и постоянно вызывавшему опасение новому сближению франков с лангобардами.

Видимо, Бертрада еще весной 769 года встречалась с Карломаном в Эльзасе по вопросам установления мира. Предположительно она посвятила сына в эти планы, а летом или осенью отправилась к дяде своих сыновей — герцогу Тассилону Баварскому, который, вероятнее всего, в 768-м или 769 году приезжал в Рим. Тассилон, как и герцог Беневентский, приходился зятем королю лангобардов Дезидерию. В 763 году он подарил своей супруге герцогские землевладения в Больцано и Мерано, наглядно продемонстрировав таким образом связь Баварии с Северной Италией через альпийский гребень. Баварский герцог, которого в те дни фрайзингский епископ Арбеон преподнес как «господина и известного мужа с титулом и высшего князя» (*domnus et vir eminentiae inluster summusque*), подтвердил основанием монастыря близ Больцано эту южную ориентацию и укрепил свой духовный авторитет переносом мощей святого Корбиньяна из Ле-Мана в Пассау. Альпийский регион (особенно по линии север — юг с использованием перевалов) соединил Верхнюю Италию (Верона и Милан) с Алеманией и Баварией. Этот исторический факт отражается в подготовленном переделе империи 806 года, в результате которого Бавария и Италия образовали единую территорию.

Скрытую вражду между сыновьями Пипина и псевдокоролем Агилольфингом, на автономной основе владевшим последним

герцогством Меровингов, удалось разрядить в результате брака одного из двух королей франков и дочери Дезидерия, тестя Тассилона. Возникшая тогда даже двойная персональная связь с лангобардами могла породить долговременный союз — трехсторонний альянс с участием Лангобардии, Баварии и франков. Жертвой этой «смены вех» должен был стать папа, главные враги которого получали как бы карт-бланш непосредственно перед воротами Вечного города, не говоря уже о том, что союз между франками и лангобардами делал невозможным выполнение в будущем обещаний, данных в Керси, и лишал папу его самой важной защиты. Хотя еще со времени Винфрида-Бонифация Агилольфинги располагали особенно надежным контактом с Римом, для преемника апостола Петра наметившиеся связи оказались под угрозой, тем более перед лицом миротворческого союза, заслуга в разработке идей которого принадлежала королеве Бертраде.

Папа Стефан III (IV) был в курсе того, что над римскими интересами из-за поворота в политике франков нависли серьезные угрозы. Он вооружился контраргументами и стал оказывать энергичное сопротивление. Доказательством этой решимости стало гневное послание обоим королям. В нем отброшен всякий дипломатический этикет. Оно — поистине редкостный документ папской канцелярии эпохи раннего средневековья. Письмо было направлено Карлу и Карломану, поскольку папа лишь в общем виде имел представление о матримониальном проекте и не был проинформирован, о котором из королей как предполагаемом зяте Дезидерия шла речь.

Вначале папа, по-видимому, в общей тривиальной форме напоминает о махинациях старого врага, чтобы затем откровенно атаковать королеву-мать: не вселился ли дьявол уже в раю «в немощную плоть женщины», чтобы подтолкнуть первых людей к нарушению божественных заповедей? Стефан III (IV) в гневе заявляет уже в начале послания, что один из франкских королей может породниться с «неверным и мерзким народом лангобардов», и одновременно напоминает королевским адресатам, что отец Пипин уже соединил их праведными узами брака с выделением им соответствующей собственности. Папа едва ли мог выдумать это обстоятельство в оправдание своей позиции. Суть дела подтверждается и именами первенцев: в обоих случаях это — Пипин. Более того. Используя историческую информацию, папа, словно абстрагируясь от церковно-правовых запретов, отметил, что никогда ни один из предков адресатов не сочетался браком с

нефранкской женщиной. Нагнетая аргументационную риторику, он указывает на дружеские узы, заключаемые королями с апостолом Петром и его преемниками: «Мой друг — твой друг, мой враг — твой враг». Этот принцип и намерен соблюдать папа Стефан: «Как только вы можете предавать самих себя, заключать узы с нашими врагами, ведь этот проклятый народ лангобардов постоянно борется с церковью Божьей и, вторгшись в римскую провинцию, оказался нашим врагом?»

Посольство Карломана сумело успокоить разгневанного понтифика и одновременно подтвердить прежний союз. Смена ориентиров со стороны франков действительно не могла отвечать интересам Карломана, поскольку задуманный Карлом матримониальный проект, как вскоре выяснилось, должен был способствовать закреплению на Апеннинском полуострове через союз с Баварией, хотя основные земли простирались на северо-восток и юго-запад (Аквитания) и не имели коридора для выхода на Италию.

Чтобы предотвратить зловещий поворот в политике франков, Стефан III (IV) предпринял и другие дипломатические шаги. За дифференцированными нападками на короля и лангобардский народ последовало одобряющее послание королю Карломану, содержащее лестное предложение даровать его старшему сыну восприимство («compaternitas»), которое, выходя за рамки дружеского пакта, было призвано учредить духовное родство между папой и крестником. Таким образом, возникал явный противовес намечавшемуся матримониальному союзу между Карлом и даже не известной по имени принцессой как конкретному выражению обновляемого франко-лангобардского союза. Для закрепления этого союза была намечена даже свадьба сына Дезидерия Адальхиза и единственной сестры Карла — Гизелы, которой, правда, не суждено было состояться.

Полная энергии и, очевидно, невзирая на папский протест и, предположительно, на возражения младшего сына, мать короля действовала по принципу «куй железо, пока горячо». В результате она перетянула Дезидерия на свою сторону и переправила одну из его дочерей через Альпы. Ей даже удалось успокоить папу, внушив Дезидерию мысль согласно обещанию, данному в Керси, отказаться от многочисленных городов в пользу папского престола.

Римский понтифик смирился с неотвратимым поворотом событий и принял новую политическую линию династии франков, причем не оставляя попыток вернуть с помощью франк-

ских послов бывшие патримонии Римской церкви и на юге своего дуката, в Беневентском герцогстве. В любом случае папа в послании одобряет аббата монастыря Святого Мартина в Туре Итерия за его труды и просит и королеву, и Карла оказывать содействие этому верному служителю церкви. Впрочем, будучи настоятелем придворной капеллы, Итерий начиная с 760 года являлся одним из основных советников Пипина, а также Карла. К тому же он, безусловно, был неплохо знаком с тогдашней обстановкой в Италии.

Еще одно послание папы дает представление о резкой смене ситуации в Риме. Антилангобардская партия в лице двух высоких папских чиновников с ведома посланника Карломана, находившегося в то время в Риме, якобы планировала покушение на папу, который поэтому немедленно проникся доверием к Дезидерию (!). Как прямодушно утверждает в послании, король лангобардов находился вне Рима, чтобы «помолиться» и «обрести милости святого Петра». Пока папа трусливо отступал, Дезидерий велел преставать обоим зачинщиков заговора в городе Риме и приказал им выколоть глаза. Один из них вскоре скончался от пыток, а другой подвергся жестокой казни. Впрочем, это приукрашенное свидетельство доказывает также, что Карломан, очевидно, не намеревался пускать события на самотек в ущерб собственным интересам и на благо Карлу, сделав ставку на влиятельных тогда советников папы.

Смена ориентиров действительно позволила Дезидерию, «нашему выдающемуся чаду», как выражается папа, занять место мощной по тем временам силы, воплощением которой являлись франки. Подобный ход событий едва ли мог вызвать однозначное одобрение при дворе Карла. Интересы римского понтифика, короля лангобардов и обоих сыновей Пипина предстали в невообразимом переплетении.

Ранняя смерть двадцатилетнего Карломана в Самуси 4 декабря 771 года покончила с этими катаклизмами. Непосредственно перед кончиной юный король свидетельствовал для монастыря Сен-Дени: «в грядущем облике высшего судьи» он испрашивает его милости. Однако в отличие от отца Карломан был захоронен в Реймсе. Остается неясным, является ли более позднее предание реймского летописца Флодорда плодом суммарно пересказанного свидетельства о том, желал ли Карломан быть захороненным именно в том месте, и, следовательно, более поздним по времени смыслом. В любом случае Карл, видимо, считал для себя невы-

носимым лежать в одной могиле с ненавистным братом. Ведь он сам мечтал о собственном захоронении в Сен-Дени. Карл никак не почтил память усопшего, не сделал в его честь никаких благотворительных пожертвований.

Судебный процесс 788 года по обвинению Тассилона Баварского в дезертирстве и клятвопреступлении, видимо, тоже вызвал неприятные воспоминания о собственном брате, который во время похода в Аквитанию также оказался в роли дезертира.

Сразу же после кончины Карломана Карл отправился в пфальц Корбиньи, расположенный на подвластной его брату территории, где, по свидетельству хроники, он «с одобрения всех франков был провозглашен королем». Более поздние данные из Меца сообщают даже о коронации и «монархическом преемстве империи франков». При всей неясности в отношении этой коронации одно не вызывает сомнения — присутствие важнейших церковных сановников при «передаче власти» в Корбиньи. Возглавлял их глава дворцовой капеллы и аббат Сен-Дени Фулрад, уже оказывавший важные услуги отцу Карла Пипину и являвшийся одним из его наиболее влиятельных советников. Заметной фигурой на этом торжестве был также митрополит Вильхар в роли преемника Хродеганга в Меце. Правда, Фулрад, по свидетельству источников, снова появляется при дворе Карла лишь в 774 году. Упоминаются при этом также имена некоторых представителей светской знати, например графов Адаларда и Варена.

Незамедлительное обеспечение преемства на землях брата демонстрирует политический инстинкт и решительность Карла. С расширением сферы правления Карл однозначно снял вопрос о праве своих племянников на последующее преемство. Из них по имени известен только один — старший Пипин. В 771 году, как и у его отца, право брата на приращение доли в общей собственности взяло верх над правом представления сыновей. Речь шла о конституционной норме, еще только формировавшейся в письменных положениях о наследовании в период правления Карла и Людовика Благочестивого с 806 по 817 год, но уже входившей в практику политической жизни в Италии после 812 года и Аквитании после 838 года.

Исключение племянников как потенциальных конкурентов, несомненно, было верным решением. Учитывая нежный возраст претендентов, смогла бы лишь во втором поколении правившая в качестве франкских королей династия мажордомов переварить официальное многолетнее правление несовершеннолетних без

отрицательных последствий для всей структуры власти в виде персональных взаимовлияний или даже вынести присутствие конкурирующих друг с другом политических концепций и их конкретное проявление? Не случайно программатические положения и целенаправленные обоснования, содержащиеся в грамотах Карла о дарении церковным учреждениям, преследовали нечто большее, чем стабильность империи — «*stabilitas regni*», что в сложные времена, безусловно, не было пустой фразой.

Вдова Карломана Герберга вместе с детьми бежала в Италию. По замечанию одного летописца, это было излишне, но Карл все стерпел; Эйнхард даже дополняет, что без достаточных на то оснований вдова попросила покровительства у короля лангобардов, обманув при этом свекра. Некоторое время спустя Дезидерий пытался воспользоваться этим «золотом» в своей политике. Дело в том, что он подталкивал папу (с 772 года это был Адриан I) помазать племянников Карла на царство, чтобы таким образом противопоставить королей единовластию Карла.

Еще до кончины брата Карломана, видимо, имело место бракосочетание Карла с дочерью Дезидерия. Имя принцессы неизвестно. Судя по всему, имя Дезидерата («желанная») является остроумной игрой слов и одновременно женским вариантом от имени отца, Дезидерий, в более позднем жизнеописании аббата монастыря Корби Адаларда. Этот законный брачный союз Карл снова объявил несуществующим. Он отправил супругу к ее отцу, что походило на разрыв союза с королем лангобардов и на демонстративное объявление ему войны. Так оно и было воспринято в Павии и Риме.

Современная официозная историография столкнулась с трудностями в оценке этого неоднократного отторжения Карлом супруги, тем более церковные синоды империи франков как раз тогда стремились ограничить число подобных разводов и повсеместно покончить с ними. Так называемые имперские хроники ни в коей мере не касаются вопросов бракосочетания и расторжения брака. Эйнхард повествует об этой «афере» не в хронологическом политическом контексте, а только в связи с частной жизнью Карла и его отношениями со своей матерью Бертрадой: Карл именно «по ее настоянию» взял в жены дочь Дезидерия, а год спустя по неизвестной причине отверг ее на фоне разногласий между ним и Бертрадой. Это формулировалось уже в успокоительном ключе, учитывая то обстоятельство, что новая политика в отношении Италии была инициирована именно вдовой короля. Монах Нот-

кер из Сен-Галленского монастыря, сочинивший в конце IX века повествование о деяниях Карла и следовавший более жестким супружеским заветам и запретам расторжения брака, нашел выход: достаточное основание развода он увидел в мнимом бесплодии отвергнутой лангобардской принцессы, не отметив, что супружеским узам был уготован срок даже менее одного года.

В любом случае поступок Карла подвергся резкой морально-этической критике. По достоверным свидетельствам, это сделал, в частности, его единоутробный брат Адалард. Размышляя в правовом плане, он не видел никакой вины молодой женщины и к тому же в роли стороннего наблюдателя объективно констатировал развал союза Карла с Деизидерием, инспирированного франкской знатью, к которой Адалард причислял и себя. Поначалу он порвал с франкским королевским двором, уйдя из большой политики в монастыри Корби и Монтекассино, но затем, на заключительной стадии правления Карла, снова оказался в его распоряжении.

Однако только морально-этического акцента в этом вопросе было, очевидно, недостаточно. Под влиянием матери и, что весьма вероятно, из-за конкуренции с братом Карл пошел на союз, который хотя в самых общих чертах вовлекал в свою орбиту папство, фактически же в результате пространственной близости лангобардов к Римскому дукату и вследствие явно амбициозных претензий короля Деизидерия на расширение земель и власти угрожал франко-папскому альянсу. Этот союз в итоге без всякого кровопролития даровал мажордомам целое королевство и по праву считался краеугольным камнем их господства. Свержение профранкской партии в Риме, разбитый у самых ворот Вечного города и собора Святого Петра лагерь короля лангобардов затронули, очевидно, защитное предназначение «патриция римлян» и одновременно сакральный в своей основе союз с князем апостолов и его преемниками как гаранта франкского королевства «новой династии». Пакт с лангобардами, распространявшийся также на квазикоролевского герцога Баварии Тассилона, отстаивавшего собственные интересы в альпийском регионе, был призван значительно ограничить активность франков на Апеннинском полуострове.

С этими политическими проектами Карл решительно покончил, отказавшись от лангобардской принцессы. Некоторое время спустя он в третий раз пошел под венец. Это был вынужденный шаг, поскольку преемство в собственном королевстве в лице его единственного сына от первого брака с Гимильтрудой не обеспе-

чивалось в полной мере, хотя на тот момент сомнения в пригодности преемника, по-видимому, еще не проявились в полной мере. Расставшись с лангобардской принцессой, Карл сразу же связал себя брачными узами с алеманкой Гильдегардой из рода Агилольфингов, проживавших на юго-западе. Они находились в родстве с герцогом Тассилоном и показались Карлу подходящими для того, чтобы расколоть этот клан и по частям включить его в состав королевства франков. В итоге расчеты вполне оправдались. Таким образом после смерти сестры Гильдегарды граф Герольд унаследовал ведущие позиции в Баварии в качестве префекта. Это было также следствием смещения Тассилона в 788-м или 794 году.

С Гильдегардой Карла связывали исключительно тесные отношения. Он почти постоянно вспоминает о ее душеспасительных шагах в дарительных грамотах, адресованных духовным учреждениям. Высокая оценка и любовь к Гильдегарде объясняются также количеством детей, которых она ему родила, в результате чего королевство Карла и его преемство получили серьезную опору. По достоверным источникам, ничто так издревле не терзало королевство, как полное отсутствие или весьма немногочисленное потомство, что угрожало продолжению правления династии. За без малого двенадцать лет брака Гильдегарда подарила Карлу не менее девяти детей, из них трое мальчиков — Карл, Пипин и Людовик, которые уже в 806 году готовы были стать преемниками отца. В этом стареющий правитель увидел знак особой божественной милости.

ЕДИНОВЛАСТИЕ КАРЛА В 771 ГОДУ

В контексте истории восхождения мажордомов Пипинидов основополагающим моментом Эйнхард считает начало единовластия Карла в 771 году. Определяющую роль в этом отношении опять-таки играет биография Августа в литературной подаче Светония, который восемь начальных глав своего повествования о правлении заканчивает предложением: «Сорок четыре года он (Август) владел *res publica*».

Непосредственная связь его предпосланного утверждения с единовластием Карла начиная с 771 года позволила Эйнхарду дать изложение военной активности своего героя без античного экскурса в его рождение, детство и юность, о чем, как нас заверяет

* Государство (*лат.*).

автор, из-за отсутствия надежных данных любое суждение представляется неуместным.

Глава о военных подвигах Августа на полях сражений гражданских войн и внешних военных акций была неприложима к биографии Карла, ибо такой подход в VII веке представлялся откровенно устаревшим. Вместо принципиальной мотивации войн, с которой Светоний начинает соответствующую главу, Эйнхард предпочитает в основном хронологическое конкретное наизывание военных походов своего героя.

Поход в Аквитанию, считавшуюся долей отцовского наследства, открывает серию военных действий, которые еще раз позволяют указать на проблемный характер отношений Карла с братом и вместе с тем на стойкость и выдержку старшего сына Пипина. По сути дела, в этой самой обширной главе биографии Карла дается тематически фиксированный очерк в привязке к временным вехам и разным местам действия. Он недостаточно четко описывает многочисленные кризисные политические моменты, тем более в начальной их стадии, при занятости короля сразу на нескольких фронтах (здесь в буквальном смысле слова), но придает поступкам Карла убедительность, которая априори в такой мере была ему несвойственна. Биография Эйнхарда как наиболее раннее обобщающее свидетельство о Карле Великом представляет собой произведение, сконструированное с учетом определенных познавательных, интеллектуально ориентированных интересов, но вовсе не отображение или даже выстраивание фактов. Так, Эйнхард ничтоже сумняшеся увязывает войну за обладание Аквитанией с завоеванием Лангобардии. При этом он умалчивает о том, что Пипин, отец Карла, только из-за решительного сопротивления знати в защиту папы и отказа от франко-лангобардского статус-кво пошел на активное военно-политическое вмешательство в Италии. Новый состав альянса под эгидой матери Карла Бертрады даже не упоминается.

Фактически, по свидетельству так называемых имперских хроник, поначалу Карл ставил перед собой иную военную цель — не столь далеко идущую, как завоевание Лангобардии; его планы никак не были связаны с запутанной ситуацией на Апеннинском полуострове. На первом месте для него были саксы. В эту канву событий вписывается соглашение (наш источник говорит даже о договоре о дружбе), которое доверенное лицо Карла, баварец по происхождению, настоятель аббатства Фульда — Стурм заключил с герцогом Тассилоном, чтобы таким образом воспрепятствовать

еще более тесному сотрудничеству баварского герцога с псевдо-королем лангобардов. В тот год Тассилон удостоился особой папской милости. Новоизбранный Адриан I предположительно на Троицу 772 года совершил крещение и помазание Теодора, сына Тассилона. Таким образом новый папа учредил духовное родство с Агилольфингами, как до него — Стефан III (IV) с Пипинидами. В результате баварские герцоги также восприняли сакральную ауру, обеспечив дополнительную легитимность рода в пределах баварского герцогства.

К дипломатическому успеху Тассилон добавил военный триумф, укрепивший его положение на юго-востоке: он подавил опасное возможными последствиями восстание карантанов, герцог которых Гейтмар в союзе с зальцбургским епископом Вергилием весьма успешно занимался миссионерством на приграничных славянских землях, что после смерти герцога (по выражению Иоахима Яна) вызвало языческую реакцию против этой «привязки к Западу». Успехи Тассилона в военной области, усмирение восставших дали основание зальцбургским и регенсбургским хроникам поставить их на одну доску с военными успехами короля франков в Аквитании. Укрепив свое влияние благодаря тесным связям с преемником апостола Петра и «религиозной войне» на юго-востоке, баварский герцог почти приблизился по званию и значимости к именитому франкскому родственнику. Это ярко проявилось и в его функции законодателя, а также председателя баварских церковных собраний, несмотря на то что, к примеру, на последующем соборе в Дингольфинге он был вынужден пойти на значительные уступки местной аристократии.

В самом Риме в том 772 году папская политика начала обретать былое величие, почти утраченное из-за союза между лангобардами, франками и баварцами, в результате чего преемник апостола Петра оказался зажатым между Дезидерием, Карломаном и Карлом.

Стефан III (IV) скончался в Вечном городе в конце января 772 года. Представлявший интересы лангобардов агент короля Дезидерия — Павел Афиарта хотя и сумел нейтрализовать главных противников, представлявших франкскую партию еще при жизни прежнего папы, однако не смог обеспечить новые выборы в интересах своего хозяина. Вместо пролангобардского кандидата понтификом был избран, а 9 февраля 772 года взошел на папский трон Адриан, независимый знатный римлянин из городской аристократии Виа Лата, успевший, однако, сделать духовную карьеру

в соборе Апостола Петра и поэтому пришедший, так сказать, «изнутри». Одним из первых шагов новоизбранного папы стало освобождение из темницы противников Павла Афиарты или их возвращение из изгнания. К представителям Дезидерия, искавшим мира и дружеского отношения, папа обратился с настоятельным пожеланием наконец-то выполнить старое обещание о реституции римского церковного имущества. Вести переговоры по этому деликатному делу новый понтифик не без юмора поручил Павлу Афиарте. Кроме того, папа повелел расследовать обстоятельства убийства обоих чиновников, считавшихся сторонниками франкской партии.

Как и ожидалось, Дезидерий попытался усилить давление на новоизбранного папу. Он занял Фаенцу, Феррару и Комачо, а также начал осаду Равенны. Дезидерий потребовал от Адриана I (Герберга, королева-вдова Карломана, между тем вместе с детьми появилась при дворе в Павии), чтобы он совершил помазание племянников Карла на королевское правление. Согласно жизнеописанию Адриана I в книге папств, он намеревался «отделить благословеннейшего папу от симпатии и любви замечательнейшего короля франков Карла и «патриция римлян», подчинить град Рим и всю Италию власти королевства лангобардов. Но с помощью Божьей «ему не удалось достичь этой цели. Адриан с «сердцем из алмаза», с «сердцем крепким и сильным» решительно отверг это дерзкое требование, бросив юридический вызов пособникам Дезидерия. В результате разрыв для всех стал очевидным.

По своей сути Адриан мало чем отличался от Карла, поэтому их высокая обоюдная оценка могла, видимо, основываться на похожести характеров. Так папа избавился от Павла Афиарта, чья вина в смерти высоких сановников не вызывала сомнения. Для этого Адриан велел Льву, архиепископу Равенны, арестовать отправленного в этот город Павла, а потом сослать его в Византию. Главный пастырь Равенны, которого лангобарды в 769—770 годах сместили с местной кафедры, решил не церемониться с Павлом Афиартом и повелел его казнить: правда, тем самым папа, что касается его отношения с королем Дезидерием, оказался в неприятной ситуации. Ведь войска Дезидерия разорили окрестности Рима, над Вечным городом и в первую очередь над собором Апостола Петра нависла реальная угроза. Когда переговоры ни к чему не привели, король потребовал устроить ему встречу; папа, в свою очередь, настаивал на возвращении отобранных владений.

Скорее всего в апреле 773 года Адриан I под воздействием необходимости решил обратиться к старой защитной власти. Это был крик о помощи, адресованный королю франков Карлу. Папскому легату пришлось везти настоятельную просьбу понтифика морским путем через Марсель, поскольку Альпийские перевалы были для него закрыты.

Возможно, памятуя о трудностях, которые в преддверии военных походов его отец обратил в пользу собора Святого Петра, или еще не осознав свое призвание как военачальника, способного гарантировать получение добычи, Карл между тем избрал в качестве противника пограничного соседа к востоку от Рейна. Мы можем снова процитировать общее высказывание Якоба Бурхарда как главный мотив для такого рода деятельности: «Потребность в саморасширении и вообще в телодвижениях свойственна всем нелегитимным». Только расчет на приращение в перспективе позволял удерживать ведущие аристократические кланы на стороне короля и его преемников: материальные вливания в виде значительных экономических благ, светские и духовные приобретения (графства, аббатства и епископства) и не в последнюю очередь богатые военные трофеи помогали укреплять лояльность и расширять личные связи. На этом сложном переплетении, дополнявшемся, но никак не подменявшемся подачками и авансами, зиждилось королевское правление в эпоху раннего средневековья. Неудержимое стремление к экспансии стало причиной расширения королевства франков при Карле Великом. Из этого же проистекает, однако, кризисная ситуация в империи, отбрасывавшая тени уже на последнее десятилетие стареющего монарха, когда миновала экспансия застоя и обращенные вовне политические и военные силы разрушительным образом повернулись вовнутрь, вызвав тем самым столь четко сформулированную Франсуа Луи Гансхофом «decomposition» (размягчение) государства, которое суждено было принять на свои плечи наследнику — Людовику Благочестивому.

Чтобы крепко и надолго привязать к себе собственных сторонников, а также привлечь на свою сторону новых партнеров из представителей знати, требовалось расширение масштабов правления, пополнение королевских сокровищ с тем, чтобы приумножить ежегодные дары знати еще большими подношениями, короче говоря, зримым проявлением харизмы и королевской милости посредством воинственной активности и расточительной щедрости. Традиционные задачи королевского правле-

ния, а именно защита слабых и церкви, обеспечение права и мира, за пределами общедекларативной сферы ограничивались исключительно отдельными случаями, требовавшими вмешательства короля. В любом случае не существовало порядка рассмотрения дел, который предусматривал бы прохождение по инстанциям целиком снизу доверху. Существенным элементом правления было и оставалось, как и во времена Меровингов, королевское председательство на имперском собрании — «*conventus generalis*», на котором высшая знать (светские и духовные сановники, принадлежавшие к именитой аристократии, рядом с ними лица собственного права и не в последнюю очередь формирующийся слой королевских вассалов) обсуждала самые разные темы и принимала соответствующие решения. Сюда же относилось известное Мэрц, или Маифельд, служившее подготовке предстоящих военных походов. За этими терминами, несмотря на случавшееся непонимание их даже современниками в середине VIII века, скрывались не временные обозначения этих собраний или военных кампаний, а античное Марсово поле (Марс как бог войны в эпоху античности) или соответственно «*maius*» и «*magis campus*» — огромное поле для боевого построения с целью инспекции, как об этом ярко свидетельствуют некоторые источники.

Уже в 770 году Карл провел в Вормсе, расположенном в среднем течении Рейна, где в непосредственной близости друг от друга находились собор и королевский пфальц, «собор» и «общее собрание». Здесь, судя по всему, был принят первый его капитулярный. Капитулярии — официальные документы, предназначенные играть нормативную роль в разных делах или содержавшие специальные указания, например, для королевских эмиссаров. Достаточно часто при обсуждении правовых вопросов не делалось различия между духовной и светской областями, важные тексты сплошь и рядом уподобляются даже извлечениям из сборников папских декреталий или решений соборов. В их обсуждении и принятии участвовали, как правило, представители знати, хотя это и не следует из всех дошедших до нас свидетельств. Ведь их участие считалось главной предпосылкой успешного претворения капитулярных в практическую политику.

В этих решениях авторитет короля, с одной стороны, и знати, с другой, проявлялся в далеко не одинаковой мере. Чем дольше длилось правление Карла, связанное с усилением его авторитета и власти, тем очевиднее он доминировал на этих собраниях. Никто

не мог перечить его желанию и волеизъявлению и при составлении капитулярий.

На первом имперском собрании в Вормсе сторонники Карла ограничились подтверждением решений собора его дяди Карломана 742 года, чтобы тем самым внушить особенно духовенству определенные нормы поведения, а именно запрет на ношение оружия, на участие в военных кампаниях (это не распространялось на епископов!) и в охоте. Таким образом, были отвергнуты утвердившиеся для указанного круга лиц правила поведения знати, которые в существенной степени определяли также бытовую культуру по меньшей мере высшего духовенства; к бытовой культуре имела отношение и проблема многоженства (!). Снова дается описание задач, возлагаемых на епископов. Вместе с тем подчеркивается обязательный характер молитвы за здоровье короля, а также участие каждого в присутственный день в суде. Но прежде всего бросается в глаза, в сколь малой степени франкское духовенство в то время было причастно к процессу реформ, связанных в первую очередь с активностью Винфрида-Бонифация. Здесь открывалось широкое поле деятельности как для синода, так и короля с целью повышения уровня образованности, эффективности служения и формирования личной жизни.

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ С САКСАМИ

В 772 году в Вормсе проходило очередное собрание. Однако вместо того чтобы заняться рассмотрением комплекса событий в Италии после прошлогодних политических пертурбаций, юный король решил повернуть франкский силовой потенциал на северо-восточном фланге империи против саксов. Поначалу это напоминало пограничную стычку, по прошествии некоторого времени (и Эйнхард тому свидетель) вылившуюся, однако, в упорное десятилетнее противостояние. «Никакую другую войну франки не вели с такой настойчивостью, ожесточением и усердием».

Начиная с III века в ходе своего перемещения саксы как народ-завоеватель продвигались от побережья в глубь страны через Хадельн к низовью Эльбы, а затем, форсировав ее, устремились на юг. Они расселились на землях между реками Эльба, Заале, Унструт, Гарц, Верхняя Лейне, Димель, Рур и Иссель, подчинив местное население. Об их пребывании говорят названия, напри-

мер Сике или Гандеркезе в районе Бремена. По свидетельству жития святого Лебезина, важнейшего источника в изучении раннего периода миссионерства в VIII веке, саксы объединялись в союзы — швармы (Рейнгард Венкус) вестфалов, энгров и остфалов, к которым позже добавились еще трансальбинги, населявшие земли на противоположном берегу Эльбы. Им, правда, не доставало всеобъемлющего политического правления в виде королевства. Племена определяли свою судьбу на регулярно проводимом «народном собрании» вождей в легендарном Маркло, расположенном на Везере. Постоянное членение на эделингов, фрилингов и литов, или рабов, проводит четкую границу между завоевателями, эделингами и коренным населением — фрилингами и литами.

Саксы, точнее, отдельные швармы, с конца VI века вступали в постоянный контакт с франками; особенно на стадии завоевания Западной Фрисландии. Вплоть до залива Лауверс-Зе они попадали в сферу действия пипинидских мажордомов, которые позже, используя в качестве трамплина Тюрингию и Майнланден, создали пограничную зону с укрепленными епископиями в Бюрабурге и Эрфурте после 740 года, а до этого с миссионерскими ячейками в Черсфельде и Фульде в 736 и 744 годах продвинулись как «духовный натиск» на Восток.

В период между 718 и 758 годами было совершено около дюжины кампаний против саксов (и фризов). В 753 году Пипину снова удалось получить для франков дань — теперь вместо коров триста лошадей. Данный факт имел серьезные последствия для перевооружения франкского войска и повышения его ударной силы — воины стали использовать лошадей в сочетании с копьеметанием, когда ноги всадника вставлены в стремя. Не вызывает сомнения, что именно конница стала существенным фактором боевой мощи франков, чем не в последнюю очередь объясняются успешные военные походы хорошо экипированных кавалерийских эскадронов. Правда, для развертывания требовалась соответствующая местность; на узких горных перевалах, например, в Пиренеях или при ведении партизанских действий против саксов на топких пойменных лугах, на заболоченных равнинах и в густых лесах неизбежны были большие потери живой силы, лошадей. Требовались значительные запасы фуража.

Исходным плацдармом для миссионерской деятельности среди фризов являлись Утрехт и Девентер, а несколько позже Гессен и Тюрингия. Поэтому родственные саксонские племена простран-

ственно находились в поле тяготения англосаксонского миссионерства. Отсюда действовали тесно связанные с Римской церковью миссионеры Виллиброд, основатель Эхтернаха (с 695 года миссионерствующий епископ), и Винфрид-Бонифаций: начиная с 732 года через свои школы и структуры несли веру в земли, населенные саксами. Правда, поначалу ярких успехов было не так уж много, несмотря на то что отдельные представители аристократии восприняли новое учение. В пользу этого открытого «индивидуального миссионерства» говорят имена обоих Эвальдов — Лебезина и ставшего впоследствии широко известным Виллихеда, после кончины Винфрида-Бонифация занимавшегося миссионерством во фризском Доккюме, а некоторое время спустя переместившегося в восточные земли саксов.

Трудности, возникшие у миссионеров, были огромны. На тех землях жили люди, в сознании которых глубоко укоренились древние мифы и традиции, нравы и привычки, переходившие из поколения в поколение в устном предании. Их жизненные обстоятельства не в последнюю очередь определялись идолопоклонничеством и окрашенной анимализмом (поклонением священным животным) природой. Это в основном крестьянское, живущее скотоводством, охотой и рыболовством население, ориентированное на земные блага, плодородие и военную удачу, должно было открыться восточноэллинистической, изначально книжной религии, подчинившись Богу-избавителю, который, хоть и воспринимался как триединое начало, не терпел возле себя никаких других богов да к тому же проповедовал этику, вступающую в непримиримое противоречие с образцами поведения, утвердившимися на земле саксов (например, многоженство или кровная месть). Проповедь христианского учения о спасении могла споткнуться уже на непонятной терминологии молитвы «Отче наш», содержащей, кроме «Отца», «небес» и «хлеба», такие понятия, как «грех», «вина» и «прощение», которые в саксонском языке не имели даже приблизительных словесных соответствий. Привнесенное извне мировоззрение, особенно в его претенциозной исключительности, воспринималось как критика и даже разрыв со своим прошлым. Оно разрушало исконное восприятие пространства и времени, ритм смены времен года, а также жизненный уклад в «открытом» мире богов и рвало нить, связывавшую живых и мертвых через их культ.

О восприимчивости язычников свидетельствуют источники. Так, последний фризский князь Радбод отверг крещение, когда

узнал, что его предки — короли и князья, как он говорил, обрели душевный покой не в той части загробной жизни, которая отводилась уверовавшим, ибо при кончине были язычниками. Соответственно князь, преисполненный гордостью за свою аристократию и предков, отверг как недостойный рай, так как в нем нет его сотоварищей. Подтвержденный историческими свидетельствами высокий уровень материальной культуры на земле саксов (прикладное искусство, аграрное производство, солеварня) оказался не в состоянии смягчить явные идеологические противоречия.

В IX веке один саксонский источник приписал перенос мощей святой Пусинны и смену веры прежде всего выдающимся интеллектуальным способностям саксов в постижении истины.

Вместе с тем, размышляя почти по-современному и проявляя верный религиозно-исторический подход, источник указывает на следующее: в те времена считалось несправедливым видеть в принятии крещения своего рода заблуждение по отношению к культу отцов. «Ибо это происходило вместе с принятием новых обрядов и с отказом от старых».

Так называемое миссионерство среди саксов затруднял еще один момент. Отказ от воспринятого через предание представления о небе как о местопребывании богов и принятие одного Бога не могли происходить в сугубо индивидуальном плане — смена идентификации требовала коллективный контекст — сообщество, племя или шварм, хотя истории миссионерства известно немало случаев индивидуального принятия другой веры. Король, вождь сообщества, высшие слои аристократических кланов совершали переход в иную веру на основе так называемого «долга следования народа». Жизненный уклад саксов представлял многообразие социальных объединений, из которого вытекали соответственно разные варианты принятия нового вероучения или отказа от него; иногда формировался механизм «внешнеполитических» договоренностей, с чем, к своему неудовольствию, многократно сталкивался Карл.

Таким образом, речь шла о привлечении к евангелизации верхнего слоя племенной структуры. Жизнеописание Лебезина, а впоследствии и Луитгера с Виллихедом сообщает о том, что первых успехов миссионеры добились среди аристократии, обладавшей, очевидно, довольно высоким уровнем восприятия. В этом отношении она напоминала скандинавских купцов IX века, которые в Вике, Дорестаде и Бирке, а также в Майнце и Кёльне

благодаря торговым контактам познакомились с новым учением и открыли ему свои души.

Если учитывать бесконечную интеллектуальную удаленность между иудейско-эллинистической книжной религией и существующими в устном предании родовыми языческими верованиями, проявлявшуюся прежде всего в проблемах перевода и толкования, особый смысл приобретало дифференцированное преподнесение нового вероучения в виде так называемого словесного миссионерства. Однако этим усилиям не суждено было иметь широкий и прочный успех. К тому же следовало учитывать менталитет язычников, воспринимавших и толковавших только те знаки, которые представлялись им тесно связанными с собственными культурой и культом. Речь шла в первую очередь о том, чтобы осознать христианского Бога в противопоставлении его пантеону языческих богов, воспринять как более влиятельного, единственного торжествующего Бога, чтобы в самом вызове культовым храмам и культовым образам идолов продемонстрировать свое всемогущество и их бессилие. Уже Винфрид-Бонифаций дал яркий тому пример, многократно сокрушив известный дуб Тора.

Благодаря Лебезину, заявившему о себе, видимо, еще в семидесятые годы VIII века среди фрисландцев и саксов, а скорее всего благодаря биографу, записавшему его житие после 840-го, но наверняка до 930 года, мы располагаем старейшими детальными сведениями об этнических и политических основах организации жизни саксов. На известном ежегодном племенном собрании в Маркло «сатрапы» из отдельных земель в сопровождении соответственно по двенадцати эделингов и литов подготовили политические решения. На собрании присутствовал Лебезин под защитой знати и благодаря ее ходатайству. По свидетельству биографа, миссионер якобы произнес смелую речь, которая, если это действительно имело место, стоила бы оратору головы. Фактически же текст является «программой» миссионерских усилий Карла и его духовных советников.

Саксам рекомендовалось признать верховенство христианского Бога, от которого им было обещано только добро. А в случае отказа, как утверждал Лебезин, «земной король уже готов вторгнуться в вашу страну, чтобы грабить и разорять, лишать вас имущества, передавая его тем, которых избрал во имя этого, чтобы отправить вас в изгнание, обездолить и умертвить. Ему будете покорены вы и ваши преемники». Одно только немедленное принятие христианской веры избавляет от военного покорения со

всеми последствиями. Лебезин сохранил жизнь, став невидимым для всех, что опять-таки подтвердило влияние его Бога. Между тем события пошли своим ходом.

Составленная впоследствии на основе точного знания событий «программа» Карла по «включению саксов в империю франков» согласуется с тем, что король, призывая к военному походу против саксов на втором имперском собрании в Вормсе, вовсе не связывал насильственное завоевание страны с христианским миссионерством как целью своей ограниченной операции. Эйнхард тоже рассматривает причины стычек по большей части мимоходом, как случайность, а не как главное. Например, когда с сожалением размышляет об отсутствии границ на равнинных участках местности в отличие от сравнительно прочного рубежа заграждений в обширных лесных массивах и горных хребтах, считая, что каждодневные вылазки с обеих (!) сторон провоцировали военные действия.

Более чем сомнительно, что в 772 году Карл вообще отдавал себе отчет в сложностях и трудностях этого предприятия. С одной стороны, отсутствие единоначалия в шварме хотя и способствовало сепаратным договоренностям, но с другой — могло привести к чересполосице, из-за чего региональная война растянулась бы на необозримое время. Хотя крещение Видукинда в Аттиньи в 785 году положило конец инспирированному им восстанию, волнения происходили в нижнем течении Везера и Эльбы. С ними было покончено лишь в начале нового столетия путем массовых депортаций.

В 772 году король франков, видимо, хотел преподнести саксам урок. Правда, в житии Карла Эйнхард делает акцент на военную удачу, обеспечившую победу франков и интеграцию побежденных в состав франкской империи после принятия христианства. Другие источники, однако, указывают на то, что король не только уповал на военную удачу, но и прибегал к убеждению, прежде всего стараясь облагодетельствовать представителей знати на земле саксов, привлекая их этим на свою сторону. Этой цели служили королевские сокровища, а также конфискованные в течение многих лет земли и выгодные должности, благодаря чему многочисленные аристократы поддержали франков и их короля и тем самым евангелизацию, не говоря уже о все возрасставшем числе семейных связей франков с саксами. Так, первый аббат расположенного на Везере монастыря родился в таком смешанном браке.

Блестящий пример восхождения на королевской службе благодаря обширным домовладениям и высоким должностям продемонстрировала семья мятежника Видукинда, который после 785 года не упоминается больше в наших источниках. Но его внук Вильдебер сумел компенсировать возможные властные утраты получением графского звания и сенсационным созданием примерно в 850 году храма в Вильделсхаузене, причем не без содействия императора Лотаря I, который помог ему стать обладателем святых мощей римского мученика Александра. Другие преемники отмечены как епископы Вердена и Гилдесхайма. Эта взаимосвязь франков и саксов на высоком и высшем уровне (то же самое относится к Баварии, а также к Лангобардии) как личностный мостик, по убеждению Эйнхарда, видимо, справедливо породила отмеченный уже в 825 году процесс слияния бывших врагов в один народ. Вне этого процесса оказались некогда уже покоренные саксами группы фрилингов и литов. Так называемое восстание Стеллинга (от слова «шталь»), произошедшее в период с 841 по 845 год, стало проявлением оппозиции против слоя, состоявшего из представителей франков и саксов.

Вместе с тем источники, близкие по времени к описываемым событиям (в основном их авторы несаксы), не удовлетворяют наше любопытство насчет полноты деталей, а также крупных взаимосвязанных явлений. Существенные моменты можно извлечь лишь из более поздних, уже сугубо исторических размышлений и немногих юридических текстов, отражающих конкретные переплетения политики завоеваний и миссионерской деятельности.

Ярким результатом этого процесса стал опубликованный в 1970 году сборник Вальтера Ламмерса под лукавым названием «Включение саксов в империю франков». Таковым считается территориальное формирование государственных основ значительно позже возникшей Германии. Хотя она вплоть до 1806-го и даже до 1870—1871 годов неизменно являлась частью более крупного целого и как государство была отрезана от своих корней в «Священной Римской империи» (германской нации). Однако уже так называемая восточнофранкская империя Людовика Немецкого (внука Карла) объединяет прежде всего франкские и саксонские регионы в рамках единого государственного образования.

Суть конфликтов Эйнхард видел преимущественно в особенности характеров саксов. Их, как и другие германские народы (при этом он, вероятно, имел в виду фризов), Эйнхард с позиций

античности упрекает в дикости, обвиняя в идолопоклонстве, предполагающем враждебное отношение к «нашей религии». Он констатирует прямо как «наследственность», что «они не замечают бесчестия в нарушении и несоблюдении всех божественных и человеческих законов». Эта мнимая измена (*Perfidie**), изначально не предопределенная исключительно религиозными мотивами, запросто проистекает из естественного поведения саксов, как правило, объединенных в швармы, которые при каждом подходящем случае старались отделаться от навязанных согласий или соглашений, а порой даже дать им решительный отпор. Однако за пределами этой негативной этнографии Эйнхард обращает внимание и на объективные причины подобной враждебности, к примеру на неопределенные, едва очерченные границы и серьезные по своим последствиям взаимные (!) стычки. Последние обозлили франков и самого короля настолько, «что они сочли нужным не только отвечать ударом на удар, но и вступить с саксами в открытую борьбу». Здесь не идет речь о миссионерстве и обращении враждебно настроенного соседа, что в конечном итоге объясняется приложением «военного капитала» этой биографии. Автор, однако, не оставляет сомнения в том, что демонизм и принятие христианской религии необходимы для длительного покорения этих народов и представляют собой две стороны одной медали. Поэтому и для автора крещение означало приобщение к христианской вере и одновременно обряд подчинения франкам и их власти.

Уже летописцы IX века называли Карла «проповедником с железным языком» и гневно отвергали право на взимание десятины в Саксонии как серьезную ошибку в духовном плане. Это подтверждает смиренный и ученый англосакс Алкуин в 796 году в послании Карлу из далекого Тура. В подобной скрытой или открытой критике заложено определенное недоразумение, действующее до сих пор. В связи с подавлением воинственного сопротивления речь фактически шла лишь о внешнем принятии новой веры как знака покорения, но вовсе не о внутреннем признании христианских истин новообращенными.

Для решения такой задачи не хватало священнослужителей, да и тогдашние времена не очень располагали к обращению в новую веру. Она со временем должна была укрепиться, тем более что христианство располагало достаточным влиянием и масштаб-

* Коварство, подлость, предательство (*лат.*).

ностью, чтобы ассимилировать обряды, нравы и праздники старого культа или даже интегрировать их.

Королевство и церковь ограничились поначалу соблюдением определенных заповедей или отказом от считавшихся языческими, в основном публичных нравов и моделей поведения. Об этом подробнее пойдет речь в связи с указом об «оккупационном праве» в восьмидесятые годы.

А вот некоторые саксонские историографы в последующие столетия даже считали Карла «апостолом саксов». Соответственно принятие новой веры связывали не с внешним давлением, а, как уже упоминалось, с процессами познания интеллектуально продвинутых саксов.

Накануне военной кампании против саксов, решение о которой было принято в Вормсе в 772 году, зададимся вопросом: была ли это обычная карательная экспедиция или речь шла о чем-то ином? Так, франкское войско, двинувшись из Гессена, завоевало Эресбург (Обермарсберг) в районе Димель, где, закрепившись, оставило гарнизон. Наряду с укреплением границы был разрушен расположенный недалеко от этой крепости населенный пункт Ирминсул, одна из главнейших святынь саксов. При этом явно преследовалась цель обнажить идолопоклонничество как таковое и убедительно продемонстрировать саксам превосходство франкского торжествующего Бога. Одновременно собственное войско должно было реально и зримо ощутить королевскую милость юного правителя.

Что касается культа саксов, авторы из Фульды оставили нам во второй половине IX века краткое, но яркое описание: «Они поклоняются источникам и усыпанным листвою деревьям. Они почитают под открытым небом огромную деревянную колоду, которая вонзается в небо. На своем родном языке они называли ее колонной Ирминсул (что на ученом языке именуется «колонной мира»), на которую словно опирается небесный свод». Из этой языческой практики вытекал многократно повторяемый в капитуляциях запрет служить мессу под открытым небом.

Разрушение той сакральной деревянной колоды сопровождалось разграблением и центральной святыни; золото и серебро — из освященных даров? — были присовокуплены к королевским сокровищам. Не в последнюю очередь божественный запрет позволил благодаря водопаду утолить жажду, мучившую франкское войско. Воспоминание о чудесах Моисеевых с водами напрашивалось само собой и, несомненно, придавало королю в глазах знати

особую харизму. В любом случае придется отбросить искушение охватить хотя бы приблизительно удаленные друг от друга светскую и духовную области тогдашнего социального поведения. В самом широком смысле религиозное обоснование раннего средневековья определило, несмотря на многие атавистические детали, общее существование во всех его зримых проявлениях, исключив абстрактное разрешение виртуальных и фактических сфер — по крайней мере до наступления XI века.

Видимо, застигнутые врасплох вторжением Карла, саксы встретились с королем в верховье Везера уже на другом берегу реки, на не воспринятой Эйнхардом «мокрой границе». Они предоставили двенадцать заложников как гарантов заключения мирного соглашения. По свидетельству нашего источника, Карл вернулся обратно во «Францию». Но как хорошо известно, мир длился недолго. К тому же он был заключен только с одним швармом. Несколько лет спустя противоборство возобновилось.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ НАЧАТЬ ВНУТРЕННИЕ РЕФОРМЫ

Имперские собрания в Вормсе дают повод заняться рассмотрением внутренней политики Карла, общие контуры которой особенно отражены в грамотах первых лет правления. Мы, безусловно, зависим при этом от случайности и, значит, от соответствующего архивного предания, что прежде всего на руку духовным восприемникам. Так отмечается факт обретения неприкосновенности (иммунитета) церквами и монастырями — это Сен-Бертен, Корби, Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Маглуар-де-Фоссе (Париж), Сен-Галлен, Сен-Этьенн (Анже), Лори, Мюрбах, Трир, Эхтернах и Сен-Мишель-де-Марар (Верден). Нередко Карл подтверждает грамоты своего отца, касающиеся учреждений, на которые до 771 года распространялась сфера ответственности его умершего брата. Сюда же относится и Сен-Медар в Суассоне. Список восприемников возглавлял Сен-Дени, место захоронения Пипина и королевский монастырь в целом.

Неприкосновенность, возникшая уже в позднеантичный период как правовой институт, избавивший его обладателя от всех общественных обязательств, особенно в эпоху раннего средневековья обеспечивала непосредственно имущественную и правовую защиту церковей от вмешательства графов и других королевских

сановников. Самое позднее припреемнике Карла как правителя — Людовике Благочестивом логическим дополнением неприкасаемости становится королевская защита, освобождающая таких «льготников» от общественного управления. Исключением из этого правила являлись, однако, графский суд по уголовным делам и призыв на военную службу, если только соответствующие лица не пользовались привилегиями по призыву.

Неприкосновенность (иммунитет) обеспечивал церковный правовой и мировой округ. Так, согласно грамоте монастыря Лорш, ни граф, ни его «помощники» не обладали судебной властью над крепостными крестьянами на монастырских владениях, не могли улаживать судебные споры, привлекать свидетелей, селиться на церковных землях, использовать людей на общественных и строительных работах, а также отзывать проекты, реализуемые в интересах государства. Их вполне материальный эквивалент правитель уступает самым привилегированным слоям как особую льготу, которая как обязательное вспоможение адресуется крепостным крестьянам и экономически зависимым лицам.

Введением иммунитета и вытекающими из этого выплатами король накрепко привязал к себе важные духовные структуры. Тем самым он мог твердо рассчитывать на верность и лояльность аббатов и епископов. Постоянные молитвы собраний за спасение души короля, его супруги и преемников, а также за стабильность государства франков стали невидимым щитом королевства и его главы. Таким образом сфера неприкасаемости бросила вызов сфере графского служения, достаточно часто не учитывавшего совсем или в весьма ограниченной степени общественное благо, поощряя злоупотребление властью, фаворитизм, коррупцию влиятельных аристократических семей, к которым принадлежали сами обладатели высоких званий. Интегрировать автохтонную власть аристократии во власть королевскую всегда было важной задачей средневекового правителя. Характерными представляются, кроме того, так называемые судебные хроники, рисующие образ короля и его сторонников — графов и вассалов — как главного судью монастырей, например Фульды и Лорша, и, следовательно, отводившие королевскому двору роль Верховного трибунала, признавая за ним право именоваться высшей инстанцией правосудия, основной долг которого — защита слабых и забота о справедливости.

В Лорше (среднее течение Рейна) некоторые источники дают представление об эволюции этого аббатства в королевский мо-

настырь и центр каролингской культуры, включая и историографию. Так, примерно в 762 году граф Кэнсор вместе со своей матерью на бывшем римском дворе основал духовную обитель, перешедшую по наследству к его родственнику архиепископу Меца Хродегангу. Эта обитель приобрела широчайшую известность после того, как Хродеганг перевез на Рейн святые мощи римских мучеников. Видимо, в марте 772 года, когда Карл отмечал Пасху в льежском Геристале, в суде произошла перепалка между тогдашним аббатом Лорша и сыном основателя монастыря, утверждавшим, что волеизъявление отца адресовалось сыну. Аббат Гунделанд, брат Хродеганга, возразил, что не только акт дарения умершему, но и черновик грамоты, зачитанный в судебном заседании, говорят об обратном. Под давлением этих аргументов несостоявшийся наследник был вынужден отказаться от всех притязаний, подтвердив свое решение вручением соломинки или посоха. Черновик документа позволяет сделать вывод о правовом характере письменных записок даже в то время, когда законодательство общества базировалось в основном на устном предании.

В мае 772 года Карл даровал иммунитет аббатству Святого Назария, чуть позже добавив к нему королевское покровительство и право свободного избрания настоятеля. Судя по всему, этим обильным привилегиям непосредственно предшествовала передача монастыря аббатом Гунделандом под власть Карла. В результате Лорш приобрел статус королевского монастыря, как свидетельствует грамота, на вечные времена. В обмен на королевское покровительство, иммунитет и свободу избрания аббата правитель заручился от аббата и монашествующих молитвой «за нас и наших последующих преемников и за народ франков». Временную «передышку» в раздаче этой череды привилегий знаменовала 21 января 793 года передача виллы Геттехейм близ Берштрассе вместе с тамошней церковью Святого Петра «нашему монастырю»; речь шла об огромном владении между Рейном и южной частью Оденвальда, которое считалось маркой и территорией для корчевания лесов.

И лотарингский монастырь Горц, прославившийся благодаря чрезвычайно активному аббату Иоанну, ставшему также дипломатом при дворе Оттона III, а впоследствии осуществлявшему реформу, связанную с именем монастыря, получил подтверждение своей грамоты об основании обители от архиепископа Хродеганга. Последний перевез из Рима мощи святого Горгония в

монастырскую церковь, тем самым превратив епископскую кафедру недалеко от часто посещаемой церкви в Кёнигсфальце близ Дидетховена в крупный религиозный центр. Теперь Карл берет монастырь под защиту от посягательств епископов Меца, рассчитывая и здесь взамен от аббата и его монашествующей братии на постоянную молитву за спасение отечества (*patria*) и стабильность государства.

Не менее показательными, чем эти многообразные привилегии, созидавшие тесные узы между правителем и церковью, в грамотах как для Лорша, так и для Горца является однозначное указание на необходимость придерживаться исключительно монашеских правил святого Бенедикта Нурсийского, которые в сбалансированности и разумности принципа «молитва и труд» представлялись адекватным соответствием центральноевропейским условиям. Монашеские правила конкурировали с доктриной покаяния и умерщвления ирландских предписаний, прежде всего Колумбана в Люксембурге, а также с многочисленными так называемыми смешанными правилами, происходившими и поступавшими из Южной Галлии. Это как бы римский компонент, определявший векторное направление приказа короля подчиненным ему духовным учреждениям. Речь шла конкретно о бенедиктинском монастыре Монтекассино, который вскоре после 747 года стал духовным центром при дяде Карла — Карломане. Линия на сближение монашеских правил с моделью святого Бенедикта при Людовике Благочестивом прослеживалась и в действиях другого бенедиктинца, западного гота Витизоя, возглавлявшего монастырь в Аниане. Такая инициатива вызвала определенный протест. Подобного рода тяга к Риму в сфере обрядов, учения и уставов — изначально существенный фактор, отличавший внутреннюю политику Карла и одновременно придававший союзу с папством в перспективе внутреннюю силу.

После первого успешного похода против саксов, когда войско возглавил амбициозный юный король, Карл направился в одну из частей королевства с центром в Геристале близ Льежа, где он отметил Рождество в 772 году, а потом и Пасху в 773-м. Геристаль, расположенный на берегу реки Маас — в этом месте в нее впадают другие реки, — представляет собой обширное пространство (примерно 3000 га) с лесами и огромными охотничьими угодьями. До 789 года Карл подолгу находился в этих краях. Уже в то время Маас являлся важной водной торговой артерией, хотя лишь

в X веке эта река однозначно доказала свое неограниченное экономическое значение.

Местом зимнего пребывания король выбрал пфальц Дидетховен на левом берегу Мозеля, в двадцати километрах севернее Меца и тоже в центре богатого домовладения. Вплоть до 848 года этот пфальц оставался любимым местом пребывания Карла и его преемников. С этим местом связан важный капитулярный и политический завещание Карла 806 года.

ЗОВ О ПОМОЩИ ИЗ РИМА

В Дидетховене скорее всего в марте 773 года Карл принял эмиссара папы Адриана I — Петра, который добрался до королевского дворца через Марсель, поскольку наземные маршруты в государство франков были закрыты.

В Риме после бунта Адриана 9 февраля минувшего года произошла резкая «смена вех». Папе удалось укрепить свои позиции, несмотря на перепады фракционной борьбы, приведшей в конце концов к явному возвышению Дезидерия и значимости его политических интересов, удалить лангобардскую партию из Рима, а также, несмотря на недружественные акты лангобардского короля, покончить с его стремлением осуществить коронацию племянника Карла.

Правда, вначале Адриан I пытался как лодочник провести свое суденышко между Сциллой и Харибдой, то есть между лангобардами и франками. С этой целью он велел взять под стражу находившегося в Равенне Павла Афиарту, направив результаты соответствующего расследования в Византию, а пособников Павла Афиарты выслал на Босфор. Из этого факта делать вывод о повторном политическом сближении с Восточным Римом было бы недопустимой передержкой. Короче говоря, тогда Рим не пошел на одобрение снова возникшей в 768 году доктрины императора о почитании икон или их запрета (в скором времени вопросу о так называемом иконоборчестве было суждено стать предметом богословского рассмотрения и при дворе короля франков); не отказался Адриан I и от дарения Пипина в ущерб интересам Восточного Рима.

Конечно, папа добивался императорской юрисдикции для осуждения лангобардских агентов (и убийц!). Ни преемники престола апостола Петра, ни какой-либо сановник в Италии не об-

ладали такими судебными полномочиями; это являлось недостатком, что, возможно, побудило Карла в конце 800 года принять императорское звание.

Павел Афиарта, представлявший лангобардскую партию, закончил жизненный путь в Равенне, архиепископ которой по имени Лев без всяких угрызений совести велел его подвергнуть казни. Тем самым скрытый кризис перерос в открытое столкновение. Дезидерий занял область Пентаполь и впоследствии Римскую Тусцию (к югу от Аквипенденте вплоть до Радикофани) и, появившись перед воротами Рима, вновь потребовал помазания сыновей Карломана.

После срыва переговоров папа, испытывая смятение, бросил последний оставшийся у него якорь спасения: он обратился к королю франков за помощью. С просьбой о вооруженной помощи в подобной ситуации уже обращались прежде к Карлу Мартеллу и отцу Карла — Пипину. Из некогда едва заметных контактов сложился тесный дружественный альянс на базе родства еще в бытность предшественника Адриана. Если преемник апостола Петра узаконил стремление мажордома к обладанию короной, последний пообещал папе подарить Керси, богатое приращение земли и власти. Папскому авторитету как гаранту королевского достоинства династии Пипина соответствовала действенная помощь франкских правителей во всех его проблемах и ожиданиях. Нельзя забывать, что сам Карл бросил перчатку королю лангобардов, отправив его дочь обратно в Павию.

Ни один источник не сообщает, как послание Адриана I было воспринято в Дидетховене. Ретроспективно Эйнхард напоминает о псевдовольствии многочисленных видных представителей знати более ранними обращениями папы о помощи. В любом случае Карл не принимал какого-то спонтанного решения. Вначале он, со своей стороны, направил в Италию маленькую делегацию, которая в Риме, а возможно и в Павии, должна была составить собственное представление о подлинном положении. Безусловно, запутанная проблема отношений папы с лангобардами не являлась самой главной. Тем более что поспешный переход через Альпы неизбежно привел бы к серьезным военно-политическим осложнениям. Кроме того, успех такого предприятия казался более чем сомнительным и едва ли можно было рассчитывать на поддержку баварского герцога Тассилона, несмотря на недавно заключенный с ним дружественный пакт. К тому же территориальные притязания папы походили на вызов.

Посланники короля в сопровождении римских представителей в любом случае были вынуждены принять к сведению, что Дезидерий не сдал, да и не собирался возвращать занятые города и вообще поступиться «праведностью» престола апостола Петра. Данный вопрос вновь обсуждался вовлеченными в конфликт сторонами, и, если верить книге папств, подробно воспроизводящей происходившее в их тесной временной взаимосвязи, Карл все еще добивался сохранения статус-кво, в контексте которого следует расценивать некогда обещанную реституцию в адрес Римской церкви из рук Дезидерия. По некоторым данным, второе посольство Карла якобы предложило королю лангобардов (в случае если он поможет папе восстановить его права) для сохранения мира фантастическую сумму — 14 000 римских золотых монет. «Однако ни просьбы, ни подарки не смогли смягчить его [Дезидерия] сердце». Другими словами — Карл отдавал себе отчет в реальной опасности появления серьезного противника по ту сторону Альп. И тем не менее нет оснований говорить о всеобъемлющей политической концепции или военной стратегии уничтожения и завоевания королевства лангобардов.

После того как были отвергнуты все попытки посредничества, королю франков пришлось как-то определяться. Скорее всего в Дидетховене было принято решение о военной кампании на Апеннинском полуострове. В соответствии с ним в конце лета собираются войска в Женеве и направляются в сторону альпийских перевалов. Чтобы ввести противника в заблуждение и избежать больших потерь, отряды двинулись двумя колоннами. Сам Карл шел с отрядом на штурм горы. А его родственник Бернгард, отец Адаларда и Валаса, которым было суждено сделать блестящую карьеру во славу королевства и церкви, возглавил другую часть войск, штурмовавшую перевал Большой Сен-Бернар. Перед горными проходами в районе Сузы обе части войска объединились. Франки и лангобарды противостояли друг другу, готовые вступить в бой, причем лангобарды заблокировали горные проходы с помощью завалов.

Во избежание нежелательного развития событий Карл еще раз посылает своих людей к Дезидерию с просьбой выделить заложников как гарантов выполнения обещаний, данных им папе. Уже здесь виден расчетливый политик. Отбросив всякие эмоции, он тщательно взвешивает шансы предотвращения военных столкновений, которые, безусловно, послужили бы интересам третьей стороны, а именно — папы, а в случае неудачи нанесли бы явный

ущерб собственным политическим целям. Убежденный в преимуществе позиции, занятой его войском, Дезидерий категорически отверг и это требование. Тогда Карл прибег к хитрости — приказал части своих воинов обойти с фланга непроходимые горные теснины. После этого маневра воины Дезидерия были обращены в бегство.

Книга папств объясняет это беспорядочное отступление ужасом и страхом, которыми Господь наполнил сердце короля лангобардов и его сына, ведь сами франки уже на следующий день собирались повернуть обратно. Данная версия едва ли соответствует действительности; вероятнее всего, неожиданный обход с фланга вызвал смятение у противника, который, избегая открытого столкновения, был вынужден спасаться бегством.

Скорее всего уже на этой, ранней, стадии конфликта в лагере короля лангобардов наметился серьезный раскол. Его положение в результате многократной смены династий после кончины короля Лиутпранда в 744 году не представлялось достаточно крепким да к тому же испытывало постоянные угрозы со стороны аристократической фронды. А его агрессивная и непоследовательная политика оборачивалась против экзархата, Пентаполя и Римского дуката. Военное преимущество Карла не было таким уж устрашающим, чтобы объяснить паническое бегство противника или даже последующее взятие Павии и связанное с этим почти безропотное подчинение лангобардов королю франков. Решающим в поражении короля лангобардов оказалось, видимо, то, что его не поддерживали закрепившиеся в городах судебные и военные иерархии, а также высшее духовенство. Так, например, смещенный аббат Азинарий из Новалеза, входивший в оппозиционную группу Фриульского герцогского дома (соперники по королевскому званию), перешел на сторону Карла и тем самым способствовал значительному усилению влияния франков неподалеку от дороги, которая вызвала споры и вела в долину реки По. Королевство лангобардов, испытывая внутренние противоречия, снова распалось, оказавшись уже не в состоянии противостоять военной силе. В значительной своей массе аристократия открыто переходила в лагерь противника.

В любом случае франки без серьезных военных столкновений совершили поход по Верхней Италии от ворот Павии, защищенной стенами столицы Лангобардского королевства, первая осада которой успеха не имела. Учитывая не очень эффективный характер осадной техники и ее недостаточное количество, штурм

Павии оказался нереальным делом. Столица пала лишь по прошествии долгих девяти месяцев осады в результате голода и изнеможения защитников. Так или иначе франки как железная сила оказали на противников огромное впечатление, о чем свидетельствует собрание исторических анекдотов из Сен-Галлена, записанных более ста лет спустя Ноткером Заикой. Меч и кольчуга, то есть тяжелые рубахи с нашитыми на них кругами, стали франкским «товаром на экспорт», на который Карл многократно накладывал строгое эмбарго. Кроме того, своими военными успехами франки были обязаны кавалерийским эскадронам, не позволявшим никому сбежать из осажденного города. В любом случае Дезидерий уклонялся от открытого военного столкновения.

Новым в истории франков явилось то, что вместе со своим войском король отпраздновал в Павии Рождество 773 года. Именно в те долгие зимние месяцы были, по-видимому, разработаны основы политики Карла относительно Италии. Основные ее контуры обозначились уже в последующие годы. Это касается на первых порах еще выжидательного отношения к папству и его территориальным и правовым притязаниям. Речь шла также о судьбах лангобардов и их короля. Впрочем, наши источники ничего не сообщают о повторном предложении франков вступить в переговоры. Судя по всему, Карл был полон решимости покончить с правлением Дезидерия.

Карл, приятными чертами характера которого были открытость и общительность, вызвал к себе супругу Гильдегарду и сыновей — Пипина Горбуна от первого брака и Карла от его последней привязанности. В то время Гильдегарда родила дочь. Ее нарекли Адельгейда. Но в 774 году девочка умерла. Может быть, Карл рассчитывал на рождение еще одного сына, когда велел привезти супругу в военный лагерь?

Остается добавить, что Адальхиз, сын и соправитель Дезидерия, вместе с вдовой Карломана Гербергой, ее детьми, а также с некоторыми членами королевской фамилии франков, среди них особой известностью пользовался Аутгар, отправились в Верону, где обстановка казалась наиболее стабильной. Из этого города открывался путь в Верхнюю Италию. Отсюда и предполагалось организовать сопротивление франкам. Король воспользовался осадой Павии и с отборным отрядом подошел к стенам Вероны, чтобы захватить противника и прежде всего вдову брата и их детей. Последние сдались Карлу скорее всего по настоянию жителей города, которые, очевидно, не испытывали особого желания

участвовать в военных действиях. Кроме того, Карлу удалось подчинить своей воле многие города в долине реки По со стороны Павии и Рима. Закат эпохи Дезидерия и его правления стал вопросом времени.

О судьбе невестки и племянников Карла источники того времени ничего не сообщают. Вероятнее всего, их заточили в монастырь. Этот бескровный способ устранения неугодных или потенциальных конкурентов и противников был применен среди прочих и к баварскому герцогу Тассилону и его семье после 788 года, а также к сыну Карла Пипину Горбуну, которого после восстания 793 года поместили в монастырь Прюм. Вместе с тем эта тяжкая судьба явно мягче, нежели жестокие пытки, которым в 817 году Людовик Благочестивый подверг своего племянника Бернгарда Италийского.

На фоне очевидных надвигающихся перемен в политической жизни Северной и Средней Италии ситуация складывалась неодинаковая. Юг страны оставался под влиянием Византии, а также Сицилии, которой управлял патриций из Геты. Лангобардское Беневентское герцогство под управлением дюка Арихиза, зятя Дезидерия, лишь позже и только на некоторое время попало в определенную зависимость от франкского королевства. Что касается Сполето, папа Адриан I действовал на свой страх и риск, подчинив его жителей папскому престолу и лишив их герцога милостей. Города в других марках под названием Фермо, Анкона и Осимо последовали этому примеру. Римского понтифика поддерживала важная Чита ди Кастелло на границе с Римской Тусцией. О реакции короля на эти события ничего не известно. Так называемые имперские хроники отделяются односложными сведениями по случаю окончания 773 года и наступления 774-го: «Здесь [в Павии] господин Карл провел Рождество в своем походном лагере, а также отметил Пасху (3 апреля 774 года) в Риме».

СОЮЗ КОРОЛЯ С ПАПОЙ

Итак, Карл решил использовать затянувшуюся осаду и вынужденное перемирие в дипломатических целях. Но прежде всего ему вместе с видными представителями знати в собственной свите хотелось посетить места захоронений святых апостолов неподалеку от Вечного города, а также обновить и духовно закрепить сакральный союз с их преемником — папой.

Король и его свита, судя по всему, возносили также молитвы Всевышнему о победах и счастливом возвращении воинства. Житие Адриана I объясняет явно неожиданное решение короля его горячим желанием отметить священный праздник Пасхи именно в Риме, выделяя из собственного окружения прежде всего епископов, аббатов, герцогов и графов, а также представителей местной аристократии. В страстную субботу Карл собирался припасть к могилам святых апостолов. По свидетельству биографа, этот необъявленный демарш вызвал у папы «удивление и возбуждение». Оно и понятно, так как оба, и папа и король, еще не были знакомы друг с другом. Ждала оценки и новейшая политика франков, приведшая даже к бракосочетанию с лангобардской принцессой, хотя этот союз оказался недолговременным. Кроме того, территориальное самоуправство преемника апостола Петра в Сполето и в иных местах, видимо, не всегда одобрялось франками. К тому же зловещий пример непредусмотренного появления короля около могилы святого апостола Петра, что совсем недавно позволил себе Дезидерий, еще не выветрился из памяти. Поэтому требовалась по меньшей мере осмотрительность.

Тем не менее следовало готовиться к необходимому официальному приветствию. Для этого не хватало времени, кроме того, не существовало и общепризнанной традиции. Церемониал встречи франкского короля нуждался в прецеденте, в модели. Дело в том, что, будучи «патрицием римлян», король франков являлся патроном. Правда, в Риме имелся опыт приветствия монаршего представителя в Италии, экзарха Равенны, дюков Рима и Неаполя, патриция Сицилии. Если поначалу титул «*patricius*»* как звание закреплялся исключительно за монаршими представителями в Италии (его удостоился также великий Теодорих) или как почетное звание «без должности», то начиная с 754 года папы использовали это титулование, чтобы связать франкских мажордомов и королей, а также их сыновей помимо клятвенных дружеских уз и духовного родства в государственно-правовом отношении с Римом и римлянами, а также не в последнюю очередь с преемником апостола Петра. Пипина и его преемников в официальных посланиях они именовали «*patricii Romanorum*», разумеется, не для того, чтобы возложить на них какую-либо функцию от имени восточно-римского монарха, а чтобы выразить этим обращенным к Риму титулом еще не определившуюся защитную

* Патриций (лат.).

функцию по отношению к папству. Титулование копирует византийское достоинство. Откровенно говоря, на что еще мог бы ориентироваться папа, кроме как на обогащенный поздней античностью образец Константинополя и его титулованный ареал, в котором выжила только римская императорская власть с ее неколебимой традицией, хоть и подверженной временным взлетам и падениям? Эта традиция, однако, была привязана к римским интересам папства, выраженным в доселе неизвестной добавке «римляне» (Romanorum).

Почти одновременно с королевским званием после взятия Павии Карл ввел в официальный оборот также понятие «достоинство патриция». После коронации Карла уже как императора на Рождество 800 года в соборе Святого Петра титул не упоминался более в протоколе грамот, ибо он постоянно нуждался в истолковании и тем не менее обнажил правовую суть тесных отношений между королем франков и папой римским.

Можно предположить, что в нарушение всех правил, о которых, кстати сказать, мало что известно, Карла и его свиту торжественно встречали «судьи» города Рима у тридцатого придорожного столба. Значительная удаленность места встречи, по-видимому, объяснялась скорее озабоченностью папы фактическими намерениями короля, нежели почтением к гостю. Согласно протоколу экзархата, франкскому патрицию был уготован торжественный прием со всеми положенными почестями у первого придорожного столба перед самым въездом в город. В церемонии принимали участие представители высшего духовенства. На это великолепное торжество, включавшее крестный ход, пальмовые ветви и песнопения, король ответил смиренным жестом — он спешился и вместе со своим окружением направился в собор Святого Петра, главную святыню христианства за пределами Иерусалима. Здесь на ступенях собора его приветствовал папа вместе со всем духовенством и проводил вовнутрь храма. В отличие от отца Карл не стал падать понтифику в ноги и целовать ему туфлю. Если в 754 году король на своей территории исполнил церемониальный жест — держа в руках поводья папского коня, провел его на некоторое расстояние за собой, то теперь для этого не было ни повода, ни потребности.

Заслуживающий доверия биограф папы пишет об этом весьма подробно: «Когда Карл прибыл на место, он облобызал отдельные ступени и таким образом приблизился к папе, находившемуся сверху в атриуме рядом с воротами храма. Они обнялись,

потом Карл прикоснулся к правой руке папы. Так они вступили в собор Святого Петра. Все духовенство и служители пели хвалу Богу и королю, громко восклицая: «Восславим пришедшего во имя Господне». Затем папа и король франков со всеми сопровождающими их направились к Confessio* Святого Петра; там они опустились на колени в смущении перед всемогущим Господом и князем апостолов, вознося хвалу божественному всемогуществу, ибо оно через заступничество князя апостолов даровало такую победу. По окончании молебна Карл испросил у папы дозволения ступить на землю Рима, чтобы там в различных храмах исполнить молитвенные обещания. И тогда оба — папа и король — в сопровождении римских и франкских сановников опустились к месту захоронения святого апостола Петра и около его гроба поклялись во взаимной верности. После этого король и папа вместе со свитой и народом вступили в Рим. Они направились к храму Спасителя при Латеранском дворце. Здесь король остался наедине со свитой, в то время как папа трижды совершил обряд крещения. Затем король вернулся в собор Святого Петра».

В противоположность королю лангобардов Карл — правда, с папского благословения, ибо, даже будучи «патрицием римлян», он не обладал никакими автономными правами, — принесся молитвенную «присягу», ступил на землю Вечного города. В предпасхальную субботу ему было дозволено вместе со свитой благоговейно присутствовать при совершении обряда крещения в епископской церкви папы Сан-Джованни (Иоанна Предтечи) в Латеранском дворце. Не исключено, что у Карла был своего рода «путеводитель по Риму, его культовым местам и античным памятникам», как свидетельствует один источник из Эйнзидельны примерно 800-х годов.

Между тем король остановился близ собора Святого Петра, видимо, в церковной постройке храма Святой Петронииллы, легендарной дочери апостола Петра, чей мавзолей уже прежние папы передали франкским королям. По другой версии этот мавзолей оказался среди строений госпиталя где-то между собором Святого Петра и монастырем Святого Мартина, который еще в 757 году папа Стефан II (III) уступил аббату Фулраду из Сен-Дени, возглавлявшему дворцовую капеллу при Пипине. О последующем представительстве монаршего пфальца при соборе Святого Петра еще нельзя было даже подумать. Представителю императора, эк-

* Исповедаल्या (лат.).

зарху или патрицию, собственно говоря, следовало бы выделить в качестве резиденции на время пребывания в Риме Латеранский дворец. Более двухсот лет спустя император Оттон III особо акцентировал правомерность такого решения. В пасхальное воскресенье папа отслужил праздничную мессу в храме Санта Мария и проводил короля до яслей. Пасхальная трапеза была устроена в Латеранском дворце.

По пути в собор Святого Петра и во время богослужения в послепасхальный понедельник звучали разученные папскими «школами» хвалебные гимны, аккламации, которые с упоминанием Господа и святых попеременно священником и духовенством или в песнопениях на манер литании призывали божественное благословение и покровительство, в том числе и на монарха и его семью. Впоследствии эти хвалебные гимны становятся составной частью церемониала коронации и, без сомнения, звучали на Рождественской службе 800 года. На следующий день папа служил мессу в присутствии короля в базилике San Paolo fuori le mura.

Особый исторический смысл приобрело между тем торжественное клятвенное подтверждение папско-франкских дружественных отношений у места захоронения апостола Петра как высшего свидетеля и одновременно гаранта этой дружбы. Тем самым Карл как бы принял на себя обязательство перед лицом князя апостолов и его преемников. Ни король франков, ни папа не могли проигнорировать тайного воздействия и магии столь торжественного момента. Этот миг породил нерасторжимый союз между королевством франков и Римской церковью, в важности которого не могли усомниться ни Адриан I, ни Карл, хотя порой появлялись основания для всякого рода трений между ними. Это обновление союза породило даже окрашенные личной симпатией отношения, основой которых стало высокое мнение друг о друге. Об этом же свидетельствует плита, установленная по велению Карла в Альт-Санкт-Петербурге на могиле скончавшегося в 795 году Адриана и до сих пор напоминающая посетителям об их «звездной» дружбе.

Апогеем пасхальных праздников явился четвертый день пребывания Карла, а именно среда послепасхальной недели. Представим слово нашему хронисту: «На четвертый день, однако, папа вместе со своей светской и духовной знатью, духовенством и стражей отправился в собор Святого Петра. Там он обратился к королю с настоятельной, убедительной просьбой по-отечески испол-

нить обещание его отца Пипина да и его собственное, данное вместе с братом Карломаном и всей франкской аристократией святому апостолу Петру и его наместнику, почившему папе Стефану, в ходе посещения последним земель франков, о возвращении разных городов и территорий Италии святому апостолу Петру и всем его преемникам. Когда было зачитано это обещание, сделанное в Керси, он и вся присутствовавшая знать заявили о согласии. По собственному желанию и доброй воле действительно христианнейший король Карл по образу первых грамот велел своему смиренному и чрезвычайно благоразумному капеллану и нотариусу Итерию составить новую грамоту. В ней король передавал те города и территории святому апостолу Петру в пределах указанных границ, которые однозначно упоминаются в дарительных грамотах, а именно: Люни с островом Корсика, затем Сориано, Монте Берчето, затем Парма, потом Реджо-нель-Эмилио, далее Мантуя и Монселиче. Равным образом весь Равеннский экзархат в его историческом виде, провинции Венеция и Истрия, а также герцогства Беневентское и Сполето.

«После изготовления этой дарительной грамоты и после того, как христианнейший король собственноручно подписал ее, — продолжает хронист, — он велел проделать то же самое всем епископам, аббатам, герцогам и графам. Сначала король франков и его знать возложили эту грамоту на алтарь святого апостола Петра, а потом в его священное Confessio. Затем вручили ее викарию святого апостола Петра, святейшему папе Адриану, клятвенно заверяя, что будут следовать всему, что содержится в этой дарительной грамоте. Христианнейший король велел Итерию изготовить второй экземпляр грамоты и собственноручно возложил ее в крипту на мощи святого апостола Петра. Прямо под Евангелие, которое там целуют, в качестве самого надежного ручательства и вечной памяти об его имени и о королевстве франков.

Еще один экземпляр, изготовленный писарем нашей святой Римской церкви, папа забрал с собой».

Эта процедура состоит из смеси разных элементов правовой сделки: письменная фиксация, «*traditio per cartam*», то есть изложение сути дела с помощью символа или грамоты, собственноручная подпись короля под письменным правовым актом и составление списка свидетелей, который также скрепляется посредством собственноручной подписи или знака, например в виде креста, затем «сдача экземпляра на хранение» на месте захоронения святого. Не только папа Адриан, но и прежде всего святой

как бы гарантируют факт дарения и подтверждают обещание хранить грамоты.

Верность данной клятве проистекает как бы из самопроклятия. Папская канцелярия очень хорошо умела сгущать краски в своих грамотах, профилактическое воздействие которых на современников нельзя было недооценивать, ведь наместник Бога на земле грозил отступникам адскими муками и вечным проклятием. Но и второй партнер по договору — король получает экземпляр обещания для своего «семейного архива».

Этот текст не позволяет усомниться в том, что в 754 году в Керси и без малого двадцать лет спустя в Риме были изготовлены документы о дарении в пользу Римской церкви. К удивлению, однако, не сохранилось ни одной копии ни той, ни другой грамоты, уже не говоря об их аутентичности, вследствие чего только подробное свидетельство в житии папы Адриана I и вторичное предание подтвердительной грамоты Людовика Благочестивого от 817 года в средневековых канонических правовых сборниках являются основой наших сведений. Поэтому нет абсолютной уверенности, что эти свидетельства достоверны. Ибо как можно объяснить, что институт, издревле умевший хранить важнейшие документы, утерял именно все до единого экземпляры «Грамоты об основании средневекового церковного государства» (подписанный Карлом документ имелся в соборе Святого Петра даже в двух экземплярах)? Передача грамот в 754, 774 и 817 годах сомнений не вызывает. Не столь уж ошибочным было бы предположить, что последующие экспансионистские цели папской территориальной политики вступили в противоречие со старыми свидетельствами и поэтому запрещали ссылаться на грамоты эпохи раннего средневековья. Поэтому исследователи были вынуждены сделать вывод о том, что, например, папское господство над Сардинией и особенно Сицилией, узаконенное в так называемом Людовициане, соответствовало обновленному подтверждению 817 года, когда целевые установки наместников Христа на земле не получили даже своей среднесрочной реализации.

Кроме того, выяснение сути дела осложняется немаловажным фактом, что Карл Великий и его преемники, например Оттон I, чья известная, выданная Римской церкви грамота начертана золотыми буквами на пропитанном пурпуром пергаменте и оттого очень хорошо сохранилась в оригинале как сокровище Ватиканского архива, и не собирались удовлетворять амбициозные территориальные притязания папского престола, стараясь их

всячески урезать. Так о передаче Венеции и Истрии или лангобардских дукатов Сполето и Беневенто вообще не шла речь. На то у франкских правителей просто не было бы сил. Соответственно признания грамоты Людовика Благочестивого от 817 года, за исключением положения об указанных островах, видимо, содержат то прагматическое урегулирование, о котором в период между 774 и 787 годами могли договориться Карл и Адриан I. Кроме того, учитывая отсутствие физических географических карт и статистических данных, а также слабое знание местных условий с франкской стороны, по крайней мере в 754 году в Керси, вероятно, были сделаны подобные необдуманно признания без должной оценки реальных властных отношений и тем самым фактических последствий их реализации на территории Италии.

Сам Карл, возможно, обладал более глубоким знанием основных властно-политических структур на Апеннинском полуострове, но зависимость от торжественных обещаний его отца и не в последнюю очередь приподнятое настроение в пасхальные праздники, встреча с папой перед *Confessio* князя апостолов, возможно, заставили его позабыть все существенные возражения, если таковые вообще имелись.

Обещание в предполагаемом виде так и не было реализовано. Новейшие исследования по праву говорят о «максимальном плане» курии — так называемая линия Люни — Монселиче от острова Корсика, далее до перевала Ля-Киз (Монте Берчето), проходит затем через Парму, Реджо-нель-Эмилио и Мантую на Монселиче (область Венеции) с выходом на побережье (Равенна). Согласно одной гипотезе, Карл Великий, подвергнув осаде Павию, еще до включения в состав своего королевства Лангобардии, которая олицетворяла целостность лангобардского королевства в его территориальном объеме, раздумывал о разделе этой империи по уточненной пограничной линии вследствие дарения в 754-м (?) или лишь в 774 году. Указанная пограничная линия, в свою очередь, могла бы основываться на еще более ранних идеях по разделу земель на сферы влияния между королем лангобардов и восточноримскими экзархами в VII веке.

Указанная гипотеза сама по себе не кажется очень уж достоверной, хотя на протяжении десятилетий и придает папской политике более чем удивительную твердость и целеустремленность, что перед лицом реального положения понтифика особенно в пятидесятые годы VIII века в Италии, но и с учетом соотношения политических сил в государстве франков представляется все же нереальным.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что почти сразу же после своего пребывания в Риме и взятия Павии Карл объединил королевство лангобардов с франками в персональную унию; таким образом, уже несколько месяцев спустя отказавшись от политической концепции раздела именно этого королевства. Сам факт изъятия земель, присвоения властных функций королевства лангобардов означал косвенный отход от разграничения по линии Люни — Монселиче. Вплоть до 781 года Карл уклонялся от повторной встречи с папой, а его эмиссары нередко обходили Рим стороной и даже действовали в ущерб интересам папского престола. Это означало отторжение римских планов, на что жаловался и сам Адриан I. Король франков предпочитал набираться собственного опыта на гладком политическом паркете Италии, который становился все богаче благодаря близким к Карлу и симпатизирующим ему кругам, не в последнюю очередь в церковной сфере, и в конце концов позволил королю найти в отношениях с папой модус вивенди, удовлетворивший обе стороны.

Независимо от того, как выглядела в деталях политическая карта Италии в результате обещания Карла, грамота 774 года заложила фундамент церковного государства в период расцвета средневековья и на его закате. Оно приобрело особо яркие черты в результате так называемой рекуперативной политики преемников апостола Петра в борьбе за наследие Гогенштауфенов в XII и XIII веках. Серьезные расширения имели место при папах, взошедших на святейший престол в эпоху Возрождения. Это в правовом отношении крайне своеобразное образование в своей территориальной протяженности исчезло лишь на этапе итальянского Возрождения XIX века. Но как духовная монархия града Ватикан, ограниченного в результате заключения Латеранского договора в 1929 году главным образом городской чертой Рима, это образование пережило все выпавшие на его долю испытания временем.

«КОНСТАНТИНОВ ДАР»

Обновление обещания Пипина, безусловно, является одной из самых удивительных фальшивок средневековья. Речь идет о так называемом Константиновом даре. Возникновение этой подделки исследователи в основном, и, я считаю, совершенно справедливо, датируют семидесятыми годами VIII века. Именно тогда

впервые перед лицом надвигающегося смещения властных структур особенно в Верхней и Центральной Италии и явно прогрессирующего избавления папства от влияния Восточного Рима представился шанс для видоизменения папской власти в вопросах вероучения и в ее правовой компетенции, хотя все еще под сводом империи на Босфоре.

Объемная грамота, первое текстовое свидетельство которой в декретных сборниках (это скорее всего псевдо-Исидор) датируется серединой IX века, состоит из двух частей — *Actus Silvestri** и собственно *Constitutum***. Акты Сильвестра повествуют о крещении и исцелении императора Константина папой Сильвестром I. Из благодарности и благочестия император ставил тогда римского понтифика выше всех восточных патриархов — Антиохийского, Иерусалимского и Александрийского, — признавая за ним высшую власть во всех вопросах культа и веры. Но с *Constitutum* император передал понтифику одновременно императорскую власть, достоинство и почести. Так он уступает папе Латеранский дворец в качестве императорской резиденции, баптистерий Сан-Джованни (Иоанна Предтечи), который в Латеранском дворце должен был стать объектом почитания для всех христианских церквей. Император отказывается не только от своей столичной резиденции, нет, он признает за папой императорский статус, предоставляя ему диадему, пурпур и все положенные облачения и монаршие знаки отличия. Но этого мало: римское духовенство уравнивается с сенатом, папский двор обретает одинаковую с императорской иерархию служения, некогда римское управление провинциями растворяется в центральных структурах курии. Из смирения — его истинным украшением является духовная тонзура — папа отказывается от ношения диадемы, на что император отвечает жестом покорности: ведет коня папы за поводья, образцово исполняя традиционный ритуал. В мире, отмеченном архетипической символикой и демонстративными жестами, особенно этот ритуал должен был продемонстрировать преобладание духовной власти над королевской. Именно ритуал с папским конем сохранял свой глубокий политический смысл вплоть до расцвета эпохи средневековья. Когда в 1154 году при встрече с папой Адрианом IV в Сутри Фридрих I Барбаросса поначалу отказался исполнить этот ритуальный жест, он тем самым серьезно осложнил свою монаршью коронацию.

* Акты Сильвестра (лат.).

** Установление, закон (лат.).

Constitutum была, однако, еще более расширена передачей папе римскому «всех провинций и Италии, а также Запада». Фальсификатор вовремя подумал и о возможных столкновениях интересов. Поэтому Константин велел перенести свою резиденцию ближе к Босфору в названную в его честь столицу, «ибо было бы несправедливо, если бы светский правитель исполнял монаршую власть там, где правитель царства небесного определил священническое преимущество [!] и главу христианской религии». Грамота завершается жуткими проклятиями в отношении нарушителей Donatio* — здесь тоже перекличка с 774 годом.

Данный источник отличается противоречивостью и двусмысленностью. С одной стороны, он ратует за неизменное существование Римской империи, хоть и ограниченной Востоком. С другой — Запад должен подчиниться верховной папской власти, которая, правда, свою правовую основу черпает в имперском даре или дарении. При этом вопрос о территориальных притязаниях ставится объемно, приближаясь к соответствующему статус-кво или, в данном случае, воспринимаясь весьма расширительно. Грамота 774 года, которой Карл обещания отца торжественно подтвердил новому Константину, могла прежде всего предназначаться для того, чтобы «Константинов дар» Запада конкретизировать и увязать с тогдашней реальной ситуацией.

На какую еще легитимацию мог бы опереться понтифик, кроме как на Constitutum, обеспечивавшую папское притязание на нечто большее, чем отдельные виды наследственного родового имущества? Нет сомнения, папа уже давно занял место восточноримского правителя в Риме, выполняя роль его территориального администратора. Однако для непомерных притязаний на обширные земли Апеннинского полуострова не было никаких юридических оснований. Фальсификация обращена, однако, не только на эти территориальные притязания. Равным образом она требует для римского понтифика высшей власти в вопросах вероучения, и это на фоне иконоборчества и восточноримских соборов под председательством императора, воспротивившихся римскому толкованию почитания икон и поэтому вызвавших резкое сопротивление на Западе. Фальсификация, которую связывают с именем Константина, также является многозначительным указанием на намечающийся раскол церкви на Восточную и Западную.

* Дарение, дар (лат.).

Идейный параллелизм между *Actus Silvestri* и дарением Карла в 774 году настолько очевиден, что фальсификация, безусловно, могла возникнуть именно в эти годы неопределенности и переходного состояния. По крайней мере лежавшие в основе фальсификации моменты служили основой для обновления франкского дарения. Его суть в любом случае была путеводной нитью папских действий. На фоне этого всемирно-исторического фальсификата, получившего еще в XIII веке современное художественное воплощение в фресках капеллы римской церкви Куаттро Коронати, становится абсолютно понятно, почему Карл удостоился приема по церемониалу экзарха, почему ему было дозволено войти в Вечный город только с папского благословения «для совершения молитвы» и, наконец, почему ему было запрещено остановиться в Латеранском дворце. И особая роль, отведенная князю апостолов Петру при дарении и красной нитью проходящая в последующие годы через адресованные Карлу папские послания, — во всем этом не просто стереотип средневекового благочестия, исходящий из того, что дар принадлежит святому или конкретно помещается на алтарь, закрывающий святые мощи, но и тесная связь с образцом «Константинова дара», который тоже адресовался святым апостолам... блаженнейшим Петру и Павлу. На Пасху 774 года Карл предстал перед местом захоронения апостола как новый Константин и воспринял таким образом неповторимую сакральную ауру, намного превосходившую «королевскую милость» Меровингов и превратившую его, по сути дела, в вассала апостола Петра, как впоследствии изображало мозаичное панно на стене триклиния в Латеранском дворце. Папа Лев получает из руки апостола Петра епитрахиль, а король Карл — полотенце.

Характерно, что Эйнхард в резюме о передаче королевского правления от Меровингов отцу Карла Пипину вообще не упоминает дарение в Керси, точно так же полностью обходит вниманием пребывание папы на землях франков в 754 году. Тем не менее в связи с подчинением лангобардских земель биограф лаконично замечает: «Захваченное лангобардскими королями имущество было возвращено главе Римской церкви Адриану». И ни слова о далеко идущих обещаниях, о «максимальном плане» пограничной линии Люни — Монселиче!

Насколько тесно складывались духовно-политические отношения между папой и королем, следует также из «книжного дара» Адриана I, изобилующего всякими ссылками. Он должен был сыграть решающую роль в проримской ориентации франкской

церкви. Понтифик передал целый сборник действующего церковного права, содержащий как каноны Вселенских соборов от Никеи до Сердики, так и решения римских соборов вплоть до 727 года, а также папские декреты. Этот сборник был назван в честь его автора и обработчика и получил наименование «Дионисия-Адриана». Его влияние на франкскую церковную реформу трудно переоценить. Он служил ориентиром для франкской церкви по всем вопросам церковного права. Есть сведения, что состоящий из более чем ста частей сборник получил распространение по ту сторону Альп. Так, Вюрцбургская копия имела сопроводительную приписку: «Этот кодекс есть копия с оригинала, который апостольский преемник Адриан передал славному Карлу, королю франков и лангобардов и «патрицию римлян», когда находился с визитом в Риме».

Посвящение в верхней части переданного Карлу экземпляра сборника указывает на дату вручения ценного подарка — начало 774 года. В посвящении выражается пожелание, чтобы Карл сломал шею своему противнику Дезидерию и покорил Лангобардию, чтобы «затем передать обещанные святыне дары ключнику актовой залы апостола Петра». Это пожелание вскоре исполнилось, по крайней мере в отношении покорения королевства лангобардов, происходившего одновременно с капитуляцией Павии, в то время как желаемая обширная реституция папских притязаний и земель безнадежно затянулась, доставив преемнику апостола Петра массу неудобств.

МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ КОРОЛЬ ФРАНКОВ И ЛАНГОБАРДОВ

Отпраздновав Пасху, король на духовном подъеме вернулся в военный лагерь перед Павией; в июне 774 года осажденный город сдался на милость победителя. Его жители, истерзанные нуждой и лишениями, были свидетелями того, как города королевства (Фаэнца, Осимо и Анкона) переходили под папское господство. Дезидерию и его приверженцам не оставалось никаких надежд. Лангобардское королевство, ослабленное частой сменой династий, соперничеством аристократических семей и коллаборационизмом, очевидно, утратило основу власти в собственной стране. Поэтому чтобы убедить в этом каждого, требовался лишь один насильственный толчок. Крепкое королевское правление с

опорой на солидарность со знатью и церковью, подкрепленное материальными ресурсами богатой страны, едва ли стало бы так быстро и без сопротивления жертвой франкского завоевателя. Уже во время осады один из главных противников Дезидерия — Гильдебранд стал «папским» герцогом в Сполето, а аббат Ансельм, зять короля Айстульфа, и, видимо, породненный с герцогом Фриульским, боролся, находясь в ссылке, с заклятым врагом семьи. Вскоре после падения Дезидерия Ансельм оказывается на своем старом месте в качестве аббата, удостоившись при этом щедрых королевских милостей.

В общем и целом Дезидерий признал поражение и сдался противнику без борьбы. Официозные имперские хроники свидетельствуют: «Он [Карл] захватил город и короля Дезидерия с супругой и детьми, а также государственные сокровища». Кроме того, житие Адриана сообщает о бескровной сдаче без сопротивления, о подчинении всего лангобардского королевства Карлу и о депортации короля лангобардов и его супруги на земли франков. Сыну Дезидерия — Адальхизу удалось бежать в Константинополь, где он получил политическое убежище и материальную поддержку и откуда стал плести интриги по отвоеванию своего королевства.

В Павию «двинулись из всех городов Италии лангобарды, чтобы подчиниться славному королю франков Карлу». Покинувшие прежнего монарха явно торопились продемонстрировать верность новому франкскому правителю. Сдержанность и благоразумие определяли отношение Карла к покоренным, что, по замечанию Павла Диакона, «случается не так уж часто». Без всяких публичных объявлений или духовного церемониала (даже факт коронации не подтвержден) Карл занял место Дезидерия и тем самым снял остроту с самого факта покорения и штурма, добавив к франкскому королевскому званию лангобардское, что впервые подтверждено в грамоте аббатства Боббио от 5 июня 774 года. Одновременно он расширил свой титул званием «*Patrizius Romanorum*» — Карл — милостью Божией король франков и лангобардов, а также «патриций римлян». Этим титулом ему было суждено обладать вплоть до 801 года. В нем отражено, что Карл не только возглавляет сообщество, образуемое франками, но и одновременно сообщество, составляемое лангобардами. Карл принимает под свое крыло еще одно сообщество, и тем самым создается еще одна опора его правления. Это отвечало гордости и своеобразию одно-

го из наиболее мощных и влиятельных германских королевств на базе империи, причем победитель, сам возложив на себя королевское достоинство, сумел предотвратить новые притязания конкурентов среди знати за обладание тронном.

Несколько лет спустя Карл осмелился на практическое решение, укрепившее его монаршую власть, но одновременно он определил настоящим королем члена своей фамилии в качестве постоянного представителя франкского короля и впоследствии императора. Так в 781 году по воле Карла королем Италии стал его сын Карломан (Пипин). То же произошло в Аквитании (на «окраине» королевства), где на трон взошел еще более юный Людовик. Этот вид децентрализации власти и «участия в ней» отвечал реальным возможностям управления в условиях территориальной удаленности, трудностей с принятием решений и крайне затруднительной связи. Речь шла о том, чтобы интегрировать в единое пространство весьма удаленные от центров власти и разбросанные между Сеной и Рейном регионы в целях более эффективного представительства королевского дома на местах. В результате удалось также исключить появление соперничающих или даже противостоящих королевству аристократических семей, а также предотвратить возникновение масштабных центров власти. Поскольку в конце семидесятых годов Карл располагал достаточным числом преемников мужского пола, децентрализация была осуществлена в результате соучастия сыновей в делах королевства без ущерба для властных полномочий монарха.

Еще один фактор позволил провести интеграцию Лангобардии, которая вскоре стала называться Италия, и Аквитанского герцогства почти без трений и в общем-то успешно. Учитывая имеющиеся у него возможности, Карл благоразумно отказался от болезненного вторжения в полученные в результате присоединения Лангобардии правовые, социальные и экономические структуры, ограничившись лишь отдельными административными мерами. Например, введением так называемой конституции графств, которая в Италии и в Аквитании по южногалльскому образцу была привязана к городам. Вместе с городскими властями создавались, правда не везде, административные органы, в сферу обязанностей которых входили также судопроизводство и финансы. В ходе этой административной реформы приходилось избавляться от прежних чиновников, долгое время уживавшихся рядом с графами. Такой подход шадящего вторжения в тра-

диционные формы жизни, судя по всему, существенно облегчил включение саксов в государство франков. Однако этому процессу противостояли насильственное миссионерство и подавление волнений.

Включение Лангобардии в состав государства франков усилиями Карла привело к двойному, если не к тройному разделу Апеннинского полуострова на особые государственные территории. Союз с Карлом привязал Верхнюю Италию и обширные территории Центральной Италии к сфере франкского влияния (по другую сторону Альп). Они впоследствии в качестве имперской Италии после обновления империи монархом Оттоном I в 962 году стали существенным компонентом империи средневековья. Значительные зоны на географической карте, к примеру так называемая Римская Тусция, части Романы, Пентаполь и Равеннский экзархат, начиная с 781-го или 784 года составили основу последующего церковного государства с центром в Риме. А вот Южная Италия как конгломерат некогда восточноримских провинций, лангобардских герцогств и римских патримоний до завоевания норманнами в XI веке оставалась под византийским и арабским влиянием. После заката Гогенштауфенов Южная Италия в виде апанажа Анжу, Арагона и Бубонне нащупывала собственный путь в новый век.

Многое говорит также в пользу того, что начатое в 774 году присоединение Лангобардии к государству франков на севере и возникновение в последующем церковного государства не позволили Италии превратиться с течением времени в составную часть мусульманско-арабской средиземноморской империи.

Поэтому лишь очень немногим историческим датам в европейской истории придается такое значение, как 774 году. Возведение Карла на императорский трон в праздник Рождества 800 года лишь подвело черту под событиями последней четверти века и поставило правление короля франков и лангобардов, который одновременно являлся и «патрицем римлян», на фундамент обновленного западного императорского достоинства. Его последующее признание Византией означало до некоторой степени состояние протокольного равновесия, хотя император Востока базилевс ранее нетрадиционной добавкой «римлян» в его титуловании указал на верховенство своего императорского достоинства, в то время как его Западный пандан поначалу довольствовался добавкой «император» к своим королевским званиям.

КАРЛ МЕЖДУ РИМОМ И ВИЗАНТИЕЙ

В 774 году отношения франкского монарха с Восточным Римом оставались неясными, но и не беспроблемными, поскольку влиятельные силы на Босфоре были заняты противодействием арабам и болгарам, а владения в Италии (Равеннский экзархат) давно уже стали объектом экспансионистской политики лангобардов. Обострившийся спор об иконах начиная с двадцатых годов VIII века привел к глубокому отчуждению между Востоком и Западом, Римом и Константинополем, что одновременно подтолкнуло папский престол в объятия франков. Так или иначе именно в шестидесятые годы, если верить папскому посланию, возник матримониальный проект с участием императора Константина V и короля Пипина, единственная дочь которого Гизела объявлялась невестой наследника престола Льва. Этим планам не суждено было осуществиться, равно как и последующему проекту, связанному с выдачей дочери Карла замуж за представителя императорского двора на Босфоре, хотя в Ахен уже был отправлен учитель греческого языка, чтобы раскрыть юной принцессе прежде всего тайны этикета.

По сути, не властно-политическое соперничество породило трения между Востоком и Западом, а богословско-догматические споры между Римом и Византией, вовлекшие в каверзные размышления и франкских правителей; уже в 767 году на встрече короля Пипина с восточноримскими эмиссарами обсуждались сложные вопросы вероучения и богослужения. Впоследствии Карл велел даже подготовить с так называемыми *Libri Carolini** при франкском дворе проект заключения по восточноримским взглядам, однако Рим отреагировал на это без особого энтузиазма. Тем не менее нельзя недооценивать встретившиеся трудности языкового взаимопонимания и недостаточную степень абстрагирования мысли, хотя королевская канцелярия в те годы и старалась из дебрей одичавшей меровингской латыни выкарабкаться на средний уровень грамматической корректности. Кроме того, она намеревалась с помощью так называемого каролингского минускула (до сих пор используемого нами рукописного шрифта), схемы четверостишия и переноса слова сделать очко шрифта более разборчивым. Высокомерное отношение Восточного Рима к варварам было неслучайным.

* Книги (произведения) Карла (лат.).

И наконец, формирование папства как самостоятельной духовно-нравственной инстанции Запада и новое обоснование императорской власти как обеспечивающей политический порядок силы соответствовали «разжижению» единого средиземноморского пространства, получившему мощный толчок начиная с VII века в результате завоевания арабами африканского побережья.

Этим был предрешен закат империи Юстиниана.

Еще летом 774 года Карл вернулся домой, преодолев Альпы в сопровождении супруги, сыновей и главного узника Дезидерия с чадами и домочадцами. Он затерялся в каком-то монастыре, и о его дальнейшей судьбе ни один современный ему источник ничего не сообщает. В Павии король оставил франкский гарнизон и предположительно уже тогда произвел некоторых франков и, видимо, кое-кого из местной знати в графы. Так он подтвердил звание герцога — Ротгауду во Фриуле, который, правда, вскоре взбунтовался против господства франков.

Между тем в интересах Римской церкви начала осуществляться программа реституции, согласованная обеими сторонами на месте захоронения апостола Петра. Правда, как свидетельствуют вскоре полученные королем обращения, папа воспринял все это без особого удовлетворения. Так, уже в конце 774 года Адриан I отправил гневное письмо в связи с действиями архиепископа Равеннского Льва, против воли папы казнившего Павла Афиарту. А он теперь еще вознамерился воспрепятствовать передаче многочисленных городов, особенно в Пентаполе и вокруг Равенны, представителям Святейшего престола на том основании, что получил в управление город и экзархат от самого короля. Папа требует немедленно вмешаться и просит о предоставлении в его распоряжение оккупированных земель. В этой связи он настоятельно напоминает о священных обещаниях, данных Карлом и его отцом. В данном конкретном случае существенную роль сыграло прежде всего давнее соперничество между Равеннской архиепископией и римским понтификом. Это особенно проявляется в резко обличаемом папой стремлении архиепископа Льва править «как экзарх».

Папское вмешательство ни к чему не привело, а вот архиепископу удалось весьма эффективно изложить данный вопрос при дворе, в то время как к папским представителям никто не прислушался, обвинив их даже в фальсификации верительных грамот. Король быстро покончил с этой проблемой, как, впрочем, и с другими правовыми и имущественными вопросами. Он

велел собрать соответствующую информацию и выслушал мнение экспертов на этот счет. Согласованная на Пасху пограничная линия Люни — Монселиче, не говоря уже о Венеции и Истрии, была признана устаревшей. Фактическое выяснение отношений в связи с присоединением лангобардского королевства требовало тщательной подготовки и политического согласования. Так, король обнадежил папу Адриана, что их новая встреча состоится осенью 775 года в Риме. Но из этого ничего не получилось, так как в согласованные сроки в соборе Святого апостола Петра появился не Карл, а эмиссары франков, которые к тому же скорее избегали, нежели искали встречи с понтификом.

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР: ПОДЧИНЕНИЕ И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ САКСОВ

Политика Карла в отношении Италии, значительно изменившая политическую карту Европы уже в 774 году, притормозилась из-за вновь вспыхнувших противоречий с саксами, которые, несмотря на договоренность и предоставление заложников, воспользовались отсутствием короля и боееспособных войск и отомстили за позор 772 года, а именно за разрушение и разграбление их главной святыни, а также за военное поражение, решив привычным образом потеснить старого врага.

Саксы (между прочим, языковое обозначение скрывает, о каком шварме или части племени идет речь в контексте этих событий) разрушили Эресбург, в котором франки в 772 году, вероятно, оставили гарнизон, вторглись в Гессен между Эдером и Димелем и попытались штурмовать крепость Бюрабург, воздвигнутую на крупных и обрывистых скалах на правом берегу Эдера. Заметим, что еще Винфрид-Бонифаций собирался сделать Бюрабург из-за недоступности своей епископской резиденцией. В этой крепости после бегства из Фрицлара сохранялись мощи первого аббата монастыря — святого Вигберта. Блокированные в крепости сумели выдержать осаду и, как свидетельствует один из источников, благодаря духовному покровительству святого совершили успешную вылазку. Следующей целью саксов стал подвергшийся разрушению Фрицлар. Церковь Святого Петра хотя и была разграблена, но, по предсказанию Винфрида-Бонифация, не стала жертвой пожара, в то время как поджигатель — сакс, согласно легенде, был парализован и сгорел в огне. Эти действия саксов

имели свою мотивацию — месть и одновременно уничтожение христианских культовых храмов как непосредственный ответ на разрушение Ирминсула.

Такой характер военных действий с обеих сторон вышел далеко за рамки привычных пограничных перестрелок. По свидетельству Эйнхарда, десятилетиями не прекращавшаяся борьба приобрела именно теперь ту остроту, которую он характеризует следующим образом: «Никакую другую войну франки не вели с такой настойчивостью, с таким усердием и одновременно с такой ожесточенной жестокостью, как эту! Особые приметы саксов — их дикость и вероломство». В этой смеси заключается взрывчатый характер столкновений, по крайней мере на взгляд современников.

Эти якобы характерные качества саксов, которые как языческие признаки вообще соответствовали этнографическим представлениям античных авторов, усугублялись как бы «безголовой» руководящей структурой этого шварма, не допускавшей заключения общих договоренностей и постоянно порождавшей новые фронты обороны или сопротивления. Поскольку, кроме того, открытые полевые сражения случались крайне редко и саксы применяли главным образом сковывающую партизанскую тактику с целенаправленными прорывами и отходами, военно-технические преимущества франкских войск, прежде всего кавалерии, не могли проявиться в полной мере. В условиях трудной местности, в лесах, болотах и долинах рек у франков не было возможности реализовать свое явное и длительное преимущество. Говоря словами Эйнхарда, от Карла для победы в этой борьбе требовались «живая целеустремленность и упорство».

Когда пришли тревожные вести из расположенного на Рейне Ингельгейма, в начале сентября 774 года Карл бросил навстречу саксам четыре отряда. Три из них вступили в военное соприкосновение с нападавшими, в то время как четвертый без борьбы, но с большой добычей вернулся домой. До этой операции, тоже проводившейся в привычных рамках, Карл еще был свидетелем освящения новой церкви своего монастыря Лорш и переноса мощей святого Назария, которые некогда Хродеганг (из Меца) привез из Рима вместе с телом святого Горгония. В самом акте освящения и помещения святых мощей в раку проявились пласты церковного управления, религиозность и духовная привязанность к Риму; в итоге сей акт вылился в демонстрацию смысловой цельности богоугодного правления франкского короля.

Из Ингельгейма-на-Рейне Карл отправился вниз по реке в Дюрен, где его особой симпатией пользовался аббат Фулрад из Сен-Дени, которому принадлежали земли в Алемании и Эльзасе. Это был любопытный пример того, как аббат еще со времен Пипина представлял интересы королевства в этих внешних дукатах и тем самым расширял сеть опорных пунктов господства франков. Мало того, Фулрад предоставил ценные владения парижскому аббатству, служившие одновременно на благо и экономике короля. Две важные привилегии с предоставлением иммунитета и свободы избрания аббата получил также монастырь в Фульде (аббат Стурм), однако при неизменном условии, что его монахи будут верны королю (!) и соблюдать «священный устав бенедиктинцев».

Маршрут путешествия привел монарха в старые владения Меровингов и их *palatia**. В пфальце Самуси, где в декабре побывал король, Сен-Дени прямо из рук монарха получил новые льготы. За аббатством было закреплено владение с виллами в Шартре, включая леса и рыночную пошлину на эти виллы. Подтверждается право на эту собственность, прежде принадлежавшее Вассуе Аутарию. Дается также детальное описание богатых лесных владений. Особый интерес представляют охотничьи угодья, где водятся олени и косули, тем более что из шкур животных по приказу короля делают переплеты книг для монастырской библиотеки. Сама охота рассматривается как отдохновение для монашествующих. Забота о книге и ее крепком долговечном переплете, с одной стороны, и мысль о физическом здоровье, с другой, ставятся в один ряд. Здесь проявляются тип мышления, который именуется каролингской рациональностью, и практический ум, характерный для Карла Великого как правителя. В этом мы еще не раз убедимся на страницах книги. Хорошо сохранившиеся ценные страницы из пергамента надолго остаются источником знания и благоговейного чтения. Только здоровые монахи способны возносить вечную хвалу Творцу, что означает одновременно ходатайство за короля, его семью и благополучие королевства.

В Вербери, видимо, в том же месяце, монастырь Сен-Дени получил из рук короля мандат, который вменяет в обязанность всем сановникам не мешать аббатству взимать рыночную пошлину в Париже и вне его во время праздника виноделов начиная со Дня святого, то есть с 9 октября.

* Дворцы (лат.).

Из Вербери Карл продолжил свой путь в соседний пфальц Керси. Именно в этом месте король дал обещание папе Стефану II (III), отпраздновал Рождество и вскоре после этого в начале 775 года, по свидетельству одного достоверного источника, принял судьбоносное решение, означавшее принципиальный поворот в его политике с пока еще непредвиденными последствиями. Как свидетельствует подкорректированная версия имперских хроник, король решил «пойти войной против вероломных и нарушающих договор саксов и воевать с ними до тех пор, пока побежденные не примут христианскую веру или же их придется полностью уничтожить». Тем самым евангелизация как инструмент подчинения оказалась в центре противостояния с саксами. Уже недостаточно на фоне военных действий пробовать положить конец дьявольщине языческих культовых сооружений с помощью эпизодических миссионерских усилий. Сам народ должен был осознать потребность в принятии новой веры и отвращении от сатаны, чтобы таким образом влиться в сообщество народов под руководством франков. Политические условия этой интеграции оставались довольно зыбкими.

Миссионерство, которое не оставляло времени ни проповедникам для просвещения, ни прозелитам для внутреннего осмысления услышанного, должно было предшествовать военному поражению саксов. За эту же последовательность выступал папа Григорий I, который в расширении империи одновременно видел предварительную стадию распространения христианства, правда с помощью проповеди. «Железный вариант, засвидетельствованный Карлом уже в конце IX столетия, делал ставку исключительно на немедленный отказ от языческого культа и на крещение как явный знак подчинения Христу Богу и королю франков. О мягких подходах думать не приходилось, только военное поражение должно было создать предпосылку для обращения прозелитов, которому с самого начала отводился насильственный характер. Стратегическая цель оккупировать или даже аннексировать завоеванные таким образом территории пока еще не просматривается, но намечается решимость уничтожить противника, если он продолжает упорно отвергать спасительное учение».

Политическое подавление выражается в смене веры. Предполагал ли процитированный пассаж геноцид, поскольку саксы упорно отвергали миссионерство, не ясно. В этой установке нельзя было бы не увидеть проявления максимальной решимости. Альтернатива выглядела ясно и понятно — крещение или уничтоже-

ние. Дикость, неверие, вероломство в глазах Карла и его советников представляли характерную триаду саксов. С ней необходимо было покончить. Дифференцированное рассмотрение неодинаковых уровней культурного развития и связанной с этим религиозной сущности и форм ее выражения, которые нам, наследникам Реформации и Просвещения, кажутся или должны казаться естественными, находилось за пределом интеллектуальных возможностей столетия. Терпимость, «мультикультура» не были присущи раннему средневековью. Именно военные действия, принудительное крещение и покорение являлись компонентами операционного единства, чему соответствовало ожесточенное сопротивление противной стороны в виде волнений, разрыва договора и уничтожения христианских культовых зданий.

Моральная планка определялась исключительно собственными интересами и ощущениями. Мнимой перешителности и так называемому коварству саксов в наших источниках противопоставляются жизнеутверждающая энергия и стойкость короля франков. Историк должен воздерживаться от внесения задним числом поправки в уже сделанные оценки, так как и его масштабы определяются собственным опытом и переживаемым временем. И все же нельзя не признать, что право было на стороне саксов, стремившихся к сохранению свободы, с которой связывалось и поддержание их передаваемых из поколения в поколение религиозных верований.

Следовательно, политической установкой Карла после 775 года были в одинаковой мере покорение и христианизация саксов, причем одно обуславливало другое. Поэтому упрек в жестокости миссионерских методов не затрагивает сути дела. Определяющее значение имело исключительно публичное принятие Евангелия как знака подчинения; внутреннее осознание Нового спасительного Завета должно было стать уделом последующей евангелизации. В результате зимой 774—775 годов у Карла и его советников созрело убеждение, что искусство уговаривать, подарки и эпизодические военные действия не могут сломать волю «дикого народа» к сопротивлению. Для этого требуется насильственное устранение языческих обычаев и нравов, а также интеграция саксонских племен в государство франков путем усвоения его базовых религиозно-нравственных убеждений, выражающихся в христианской вере вообще и в обряде крещения в частности.

Если в начале IX века Карл договорился о безопасности границ с язычниками-ободритами, населявшими земли на другом

берегу Эльбы, и избрал такой же язык общения со славянами в среднем течении Эльбы, то эти договоренности показывают, что король франков не собирался переступать «мокрую границу» и покорять народы, расселившиеся на восточном берегу Эльбы. В таком случае также встал бы вопрос о миссионерских усилиях или даже о предпосылке последних. В общем, империя Карла не страдала от дефицита территории. Цели умиротворения внутри империи выдвинулись на первый план. И последующее продвижение немецкого ордена и ордена меченосцев на земли Пруссии, а также на территории Балтики начиная с XIII века предполагало тесную взаимосвязь войны с язычниками и миссионерства. По мнению Ганса Дитриха Каля, непосредственная миссионерская война — это не подготовка миссионерства, а средство его осуществления. Лишь общее религиозное убеждение десятилетия спустя превратило франков и саксов в один народ; о чем в двадцатые годы Эйнхард наверняка мог только мечтать, столетие спустя стало уже реальностью.

В 775 году духовным лицам достались многочисленные привилегии. Казалось, король хочет вымолить у Всевышнего милости небесные для реализации своих замыслов. Характерно, что в тот год канцелярия Карла выдала почти одну восьмую подлинных, донесенных преданием грамот. Это примерно шестьдесят документов. Если осенью и зимой 774 года основные блага достались монастырю Сен-Дени, то в 775 году больше других был обласкан монастырь Герсфельд как опорный пункт в ходе военных кампаний против саксов.

Созданная примерно в 736 году Стурмом, впоследствии основателем и первым аббатом Фульды, поначалу как миссионерская ячейка на левом берегу Везера, в 769—775 годах она была воссоздана уже на наследных землях и удостоилась привилегий усилиями преемника Винфрида-Бонифация в епископской резиденции Майнца-Лула, которому, между прочим, было отказано в претензиях на духовное окормление Фульды. Пятого января 775 года епископ Луллий передал Герсфельд в руки короля, «чтобы он оставался под нашей защитой, под покровительством наших чад и в русле нашей генеалогии». Так наряду с Лоршем и Фульдой Герсфельд становится королевским монастырем, чтобы также жить по правилам бенедиктинцев и абсолютно независимо от епископов Майнца, Австразии и Тюрингии. Тем самым Карл стал располагать в пограничном саксонско-тюрингском районе еще одним подчиненным миссионерским центром с соответствующей

финансовой базой: Герсфельду причиталась десятая часть виллы Зальцунген с солончаками и озерами; это был настоящий комплекс, полученный в свое время епископом Луллием в качестве пребенды (дохода с церковной должности). К этому добавилось фискальное владение восточнее Везера в Мюльхаузене, которое ныне уже не связывают с возникшим позже одноименным городом. Очевидно его родство с расположенным рядом селением Герсфельд. Дарованы были и другие права на десятину, например в Готе. Тут напрашиваются два замечания. В одаренных королем монастырях возносят молитвы не только за спасение души Карла, его супруги, наследников, а также за стабильность королевства, но и за память его «*proceres*»*. Кроме того, адресованная епископии Меца грамота об иммунитете содержит характерный содержательно-правовой пассаж, который к тому же отражает изобилующие ссылками события того времени. Поначалу известный формуляр объявляет удостоенного привилегией независимым от графской власти, то есть признает за ним иммунитет, однако с тремя существенными ограничениями: «свободные», выплачивающие подушную подать как насельники монастыря, пользуются и соответствующим иммунитетом; вместе с тем они обязаны участвовать в объявленных военных кампаниях, нести караульную службу, а также принимать участие в строительстве мостов. Таким образом, военные потребности тех бурных лет непосредственно коснулись епископских храмов. В данном определении раннее указание на впоследствии часто отмечаемый факт могло бы затушевывать то, что широкие круги крестьянства пытались уклониться от военного призыва путем более низкого по статусу подчинения власть имущим, вступая в их формирования.

Из Дюрена, где в июле (!) 775 года был устроен «*Magi campus*», то есть большой военный лагерь, но, заметим, не майские поля (другими словами, не сбор дружины), Карл во главе войск направился в Вестфалию, захватил и укрепил приграничный Зигбург, которым, пожалуй, являлся Хоензибург на слиянии Луны и Рура; затем, чуть сместившись на юго-восток, снова закрепился в разрушенном саксами Фресбурге, где оставил франкский гарнизон. Оказавшись в Остфалии, Карл, вблизи Хёкстера, вышел на Везер, который его отряды форсировали, преодолев сопротивление саксов. На противоположном берегу polegло немало врагов Карла. Заложив обе крепости, которые вскоре предстояло расширить

* Знать (*лат.*).

вокруг Падерборна в качестве пфальца, Карл обеспечил себе плацдарм для освоения Вестфалии, подготовивший дальнейшее продвижение у подножия невысоких гор в ходе последующего похода в Тюрингию.

Однако король не ограничился обеспечением границ. Как и перед Альпийскими персвалами, он разделил войска, направившись во главе одного отряда через приток Альеры Лейне к другому ее притоку — Океру на северной оконечности Гарца. Здесь он подчинил себе население Остфалии во главе с вождем Гесси. Видимо, продвижение франков в такой мере застало остфалов врасплох, что они оказались не в состоянии организовать сопротивление. Выставив заложников, как того требовал король, Гесси от имени своих присягнул на верность. Вместо того чтобы продвигаться в глубь территории Внутренней Остфалии, после первого успеха Карл отступил, причем второй отряд его войска, продвигавшийся по левому берегу Везера с юга, обеспечил ему прикрытие с фланга. Карл вторгся в так называемый округ Буки между Везером и Дейстером, в самом сердце Энгерна. Местные швармы, скорее всего застигнутые врасплох, как и остфалы, в лице их предводителя Бруна и других представителей знати сдались на милость победителя, тоже выставив заложников. Между тем вторая опорная часть войска проникла между Минденом и Оснабрюком на земли Вестфалии, прикрывая отряды Карла, вышедшие на левый берег Везера. Имперские хроники в один голос сообщают о победоносных сражениях франкских отрядов и многочисленных потерях саксов. Однако в противоположность более поздним подкорректированным версиям событийной канвы умалчивают, что тогда саксы пошли на хитрость. Они смешались с отрядом, снабжавшим воинов фуражом, и таким образом незаметно проникли во вражеский стан, где и устроили франкам кровавую баню. Правда, затем были отброшены и по взаимной договоренности отступили.

Узнав об этой неудаче, король быстро вернулся на поле брани и стал преследовать бежавших саксов. Несмотря на договоренности, он многих истребил, взял заложников, после чего вернулся зимовать на принадлежащие франкам земли. Характерно, что наш биограф не называет по имени ни одного вестфальского аристократа, который бы поклялся за свой шварм перед королем. О какой-либо евангелизации ничего не сообщается, хотя не исключено, что клятва верности среди прочего предполагала беспрепятственную миссионерскую деятельность в умиротворенных

районах. Ничего не говорится и об аннексии саксонской территории. Вероятнее всего, франкская сторона довольствовалась своего рода поверхностным управлением при полной внутренней автономии саксов. Может быть, поэтому не сообщается ни о каких первых успехах миссионерской деятельности. Отмечено лишь послание папы с поздравлением короля по случаю его возвращения из Саксонии.

Даже во Фрисландии были неудачи с распространением новой веры, к примеру после смерти Лебезина, пророческого свидетеля наступления дня Маркло, в ноябре 773 года. В пограничном Девентере саксы сожгли церковь; храм пришлось восстанавливать его местному преемнику Луитгеру, с которым мы еще встретимся как с первым епископом Мюнстера и основателем монастыря Верден на реке Рур. Лишь после восстановления он повернул отряды на земли Фрисландии, «дабы разрушить храмы богов и покончить с идолопоклонством среди фризов». И здесь вновь обращает на себя внимание особая форма миссионерской деятельности, сделавшей ставку прежде всего на уничтожение языческих культовых сооружений.

АКЦЕНТ АДРИАНА I НА РЕСТИТУЦИЮ ЦЕРКОВНОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Между тем — взаимозависимость между политикой в отношении Италии и войнами с саксами — вновь обострились отношения на Апеннинском полуострове. Хотя нет основания говорить о всеобщем восстании против господства франков, только аристократическая оппозиция сумела воспользоваться отсутствием короля в своих целях.

Папские предостережения, полные возмущения и разочарования, дошли до короля, а Карл для умиротворения союзника в конце лета или в начале осени 775 года вновь направил эмиссаров в Рим, в то время как сам он готовился подключиться к развитию этих событий. По поручению короля два высоких духовных лица и один аббат пересекли Альпы. Их с большим нетерпением ожидал папа Адриан I, связывавший с их приездом надежды на обещанное возмещение однажды изъятого наследственного имущества и не только его.

Как указывают источники, папа с радостью готовился к приему посольства. Направляясь из Перуджи, эмиссары оставили Рим

справа и направили свои стопы в Сполето к герцогу Гильдебранду, которого Адриан I как своего союзника сделал дюком этой приграничной территории. Вскоре в отношениях между ними возникла напряженность. Папа увидел только негативный момент в истолковании королевских инструкций в действиях эмиссаров, когда они, завершив пребывание в Сполето, вызвавшее ослабление зависимости Гильдебранда от франков, продолжили путь на юг в Беневенто, не считая нужным отметить в Риме, чтобы поговорить с преемником апостола Петра. Папа в гневе написал королю: «Они [эмиссары] опозорили меня, подтолкнув Сполето к еще большей дерзости». В глазах понтифика дерзость королевских посланников превзошла все мыслимые и немыслимые границы из-за направленного в его адрес призыва примириться с герцогом и выставить заложников на случай появления Гильдебранда в Риме.

Однако 28 октября 775 года папа, лишившись от волнения покоя и сна, достал из рукава козырную карту. Это было попавшее к нему письмо патриарха Градо, которое теперь, снабдив сопроводительным посланием, папа срочно переправил через Альпы, не упустив при этом случая отпустить ядовитое замечание о своем задушевном друге, архиепископе Равенны Льве. Последний неподобающим образом сорвал печать на письме, прежде чем оно попало в руки папы, и предположительно рассказал о нем заинтересованным кругам. В этом послании, очевидно, речь шла о разветвленном заговоре под руководством бежавшего в Константинополь сына Дезидерия, патриция Адальхиза, который в марте того года решил вернуться во главе греческих войск; в союзе с его зятем Арихизом из Беневенто, Гильдебрандом из Сполето и Рейнольдом из Сузы планировалось осуществить переворот, заточить папу в темницу и возродить королевство лангобардов. Что касается предполагаемого участия указанных лиц в этом предприятии, тут вполне уместны сомнения, поскольку Арихиз занимал автономное положение герцога и принцепса, а Гильдебранд только что перешел в лагерь франков и поэтому едва ли готовил обратную «перебежку». Только Рейнольд из Сузы бросил откровенный вызов Адриану I, потому что, несмотря на папские притязания, он нацелился на обладание Чита ди Кастелло и по образцу Льва из Равенны настаивал на реституции только в результате войны, как это не менее язвительно формулируется в послании Адриана I.

Весь этот внешне тревожный план переворота кажется не более чем измышлением. В любом случае он не получил реального воплощения. Фактическим же источником напряженности оказались не Центральная и Южная Италия, а славянско-баварская пограничная зона, находившаяся все еще под византийским господством в Истрии — Венеции, где герцог Ротгауд Фриульский, которому, по данным подкорректированных имперских хроник, эту должность определил сам Карл, стал готовить восстание, видимо, с целью завладения королевским достоинством, не покидая резиденции во Фриуле.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСПОДСТВА В ЛАНГОБАРДИИ

Насколько серьезно по ту сторону Альп воспринималась опасность угрозы отделения Верхней Италии в условиях обновленного королевства, можно видеть на примере того, что Карл, едва вернувшись из Саксонии, решил лично подавить восстание и, несмотря на предстоящую зиму, покончить с врагом силами своего немногочисленного, но испытанного отряда. Из Дидетховена он направился в Эльзасский Шлештадт, где отметил Рождество. В начале нового года Карл перешел Альпийский гребень, во Фриуле победил Ротгауда, павшего на поле боя, принудил к сдаче Тревизо, которым владел тесть Ротгауда. Все это произошло еще до пасхальных праздников 14 апреля 776 года. Некоторые беглые лангобардские вожди примкнули к аварам, последние, таким образом, впервые оказываются в центре нашего внимания.

Карл принял жесткие меры: конфискация имущества и депортация заговорщиков на земли франков с одновременной раздачей их собственности сохранившим верность королю, например грамматику Павлину, соратнику Ротгауда по борьбе с франками. Это был тот самый ученый Павлин, которому Карл впоследствии передал Аквилею. Он сыграл значительную роль в богословских спорах по поводу христологической ереси, но вместе с тем приобрел известность как один из немногих серьезных критиков церковного управления при Карле. Показательным в этой практике раздачи привилегий является то, что уже на ранней стадии правления Карл привлекал к себе и своему двору талантливых ученых, выдающихся авторов, знатоков античности и патристики, короче говоря, незаурядных индивидуумов. Это было характерной чертой его политики, выделявшей Карла из сонма

простых завоевателей и породившей христианско-римско-франкский синтез, ставший своеобразным фундаментом европейского средневековья.

Король обладал способностью притягивать к себе крупные таланты. Так, заслуживает упоминания плодотворное знакомство Карла с Павлом Диаконом в 782 году, брат которого Арихиз из одной политической партии с Ротгаудом стал жертвой королевских мер по конфискации и депортации. Жена и дети Арихиза жили в страшной нужде. Именно эта жестокая участь подтолкнула Павла Диакона, являвшегося в Монтекассино учителем дочери Дезидерия Адальберги, супруги Арихиза Беневентского, обратиться к королю франков с просьбой о помощи его близким. В результате встречи семья Павла Диакона удостоилась королевской милостью, а он сам остался при дворе Карла. Многолетнее «научное пребывание» принесло богатые литературные плоды, самый главный из которых — история епископата Меца как предыстория семей Арнульфингов и Пипинидов до «нынешних» времен. В 808 году, то есть на закате правления, Карл как император даровал одному ранее депортированному на земли франков жителю Реджо-нель-Эмилио привилегию на реституцию некогда изъятого наследственного имущества. Так называемое *Narratio** правового акта необычно живо напоминает нам о бывших событиях: «Тогда с Божией помощью и при содействии священного князя апостолов мы завоевали королевство лангобардов, а в качестве заложников привели на землю франков некоторых лангобардов. Они затем по просьбе нашего любимого сына Пипина, славного короля, были отосланы обратно, в отечество. А их законное наследие, переданное нами прежде в казну, по нашему приказу должно быть возвращено некоторым из них».

И в институциональном плане в 776 году Карл вмешался во властные структуры на местах, посадив в мятежных городах франкских графов. В иных же лояльных городах, как свидетельствуют более поздние капитулярии 782—786 годов, Карл насадил во властных структурах местных сановников. Дробление крупных территориальных образований, особенно герцогств, соответствовало территориальному делению в графствах, в Италии, как и в обширных районах Галлии, примыкавших к городам. Так, видимо, в восьмидесятые годы герцогство Фриуль было преобразовано главным образом как оплот против аваров в маркграфство,

* Рассказ, повествование (лат.).

хозяева которого, как и везде, например Тулуза в отношении Аквитании, сосредоточили в своих руках также военное командование.

Принятый тогда в Мантуе капитулярий затрагивает самые разные правовые аспекты. Например, защита храмов, вдов и сирот вменяется также в круг обязанностей епископов, аббатов и графов. Графские суды повсеместно объявляются высшей инстанцией. Нотариусов обязывали вносить в протокол информацию о рассмотренных правовых случаях, что служило явным доказательством продолжения письменной традиции в бассейне Средиземноморья. Графы обязаны были поддерживать епископов при совершении ими визитации своих общин.

Особый интерес представляют два положения, а именно запрет продавать за пределы государства как христианских, так и языческих рабов. То же самое относится и к оружию. В этой связи мы напомним о капитулярии того же года, объявляющем о недопустимости вынужденного самопорабощения лангобардов и их семей; стоит вспомнить и о послании Карла Адриану I, в котором король упрекает папу в том, что он позволяет продавать лангобардов сарацинам. Папа отверг этот упрек, обратив внимание короля на то, что не несет никакой ответственности за то, что на побережье Адриатического моря греки приобретали лангобардов и перепродавали их затем сарацинам. Страдания людей столь огромны, что лангобарды продавали целые семьи и сами, чтобы выжить, погружались на греческие корабли. Тем не менее он, папа, велел сжечь эти корабли в гавани Чивитавеккья, чтобы хоть как-то смягчить человеческие лишения.

Кроме того, указ 776 года в интересах содействия торговле запрещает взимание новых пошлин и их взыскание посредниками, чем была сразу же конкретизирована индивидуальная привилегия для Комачо. С первого августа были выведены из обращения старые монеты тогдашнего золотого стандарта.

В подражание византийским монетам они назывались тремиссами, но монограммой, изображением королевской головы и звездочкой явно отличались. Эти «звездчатые» золотые монеты продолжали чеканить и после присоединения Лангобардии к королевству франков в Бергамо, Лучче, Милане, Пизе и кое-где еще. Только в 794 году официально прекратилась чеканка золотых монет; каролингский серебряный денарий начинает утверждаться и в Италии, однако не в Беневентском герцогстве, которое до середины IX века отдает предпочтение золотым монетам, за-

нимая промежуточное положение между королевством франков и Византией.

Единая, направляемая главным образом из Рима католическая вера на многие века получила свое материальное выражение в каролингском денарии — своего рода «евро» раннего и зрелого средневековья. Эта валюта являлась платежным средством «старой Европы», которое лишь с наступлением ренессанса золотого стандарта в XIII веке получило серьезного конкурента, вышедшего прежде всего из среды городской чеканки монет.

Кроме того, в капитулярии рассматриваются вопросы вассалитета. Так, например, участие лангобардов в качестве вассалов во франкских структурах допускалось только в случае, если было известно их происхождение или рождение. Кроме того, капитулярий дает представление об активных дипломатических связях между Севером и Югом, главным образом о возрастании потока пилигримов к местам захоронения апостолов. Так, содержится указание о восстановлении мест, в которых можно было бы приютить богомольцев. В этой связи бросается в глаза бессистемное упоминание того, что и королевские вассалы в ходе соответствующего судопроизводства могут отстаивать свои права перед графским судом. Таким образом, существенными моментами нового законодательства стали введение графского суда, изъятие из оборота прежних монет и сама денежная реформа, а также устранение мешающих торговле пошлин.

В далеком Риме папа все еще тщетно ждал сигнала от франкского монарха. Никакой пользы из военного интермеццо в Северо-Восточной Италии папа не извлек, скорее наоборот. Составленная еще в июне 776 года в Виченце грамота для монастыря Фарфа, самого крупного аббатства в герцогстве Сполето, свидетельствует о тесных контактах короля с князьями церкви в этом регионе, тем более что Фарфа продолжительное время уклонялась от римских притязаний. Надежду на существенное улучшение положения в вызывавшем споры экзархате дала папе лишь смерть его основного противника, архиепископа Равенны Льва.

Своим пребыванием в Италии Карл так и не воспользовался для того, чтобы снова посетить место захоронения апостола Петра или спешным образом выполнить данные ранее обещания. Не вызывало сомнения, что больше всего Карла беспокоила консолидация собственной монаршей власти в центре Лангобардского королевства, а также в Сполето и Беневенто. Об этом наглядно свидетельствует активность его последней миссии на Апеннин-

ском полуострове. Собственный опыт и оценки, донесения и экспертные заключения были призваны подготовить будущие властно-политические отношения между королем франков и римским понтификом на основе сложившегося в те годы статус-кво. По мнению короля, спешка в этих делах была неуместной. Еще на пути к горе Сени, где находился важнейший в те годы перевал, позволявший перейти Альпы и достичь юго-западных земель королевства, Карл облагодетельствовал своего старого сторонника аббата Нонатулы Ансельма.

Видимо, в конце лета 776 года Карл счастливо и победоносно вернулся в свое королевство, где его ожидали малорадостные вести из северо-восточных пограничных земель.

НОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ В САКСОНИИ

Хорошо информированные благодаря целой сети осведомителей саксы явно воспользовались новым отсутствием франкского короля, чтобы, несмотря на клятвенные заверения и предоставление заложников, нанести ответный удар. Они вновь атаковали Эресбург и принудили его гарнизон отступить, разрушили Цвингфесте. Причину всего этого наши профранкские источники связывали со злыми наветами и принятием роковых решений. Их следующей целью стал Хоензибург. Но находившийся там караульный отряд не поддался и даже предпринял вылазку, обратив противника в бегство, да еще нанес ему серьезные потери, отогнав до самой Липпе. Значительно более позднее по времени свидетельство, дополняющее подкорректированные имперские хроники, сообщает даже об осадной технике саксов. «Машины» и камнеметатели, видимо, с Божией помощью принесли большой ущерб в собственном стане, чем заблокированным франкам, что скорее всего говорит о несовершенном владении техникой. В итоге благодаря солнечному чуду нападавшие были повержены. Затем на помощь своим опять явился христианский Бог победы, совершив, как во Фрицларе, чудо спасения.

Эти вести достигли Карла в Вормсе. Он спешно обсудил происшедшее и немедленно с многочисленным отрядом направился через Вестфалию к Хоензибургу, причем ни дорожные заграждения, ни засеки не смогли сдержать целеустремленное продвижение франкских войск. Неожиданный бросок оказался полностью оправданным. Как и лангобарды, мятежники саксы не могли пред-

видеть быстрое стягивание свежих отрядов и их наступление под командованием короля еще до начала осени. Быстро отмотобилизованным, хорошо вооруженным отрядам, их ударной силе и тактико-стратегическому умению командующих разрозненно действовавшие швармы не могли противопоставить ничего серьезного. Поэтому они были не в силах оказать сопротивление и откатились к Липпе.

Незначительная по размерам, но очень важная по сути излагаемых событий хроника суммирует события минувших недель следующим образом: «Когда язычники увидели, что противостоять франкам не в состоянии, то охваченная страхом знать пришла к королю Карлу и попросила его о мире; было совершено крещение огромных масс народа. А в пределах саксонских земель создали укрепленный пункт (*civitas*), получивший название Карлсбург (*urbs Karoli*). Представители знати сдались на милость победителя и тем самым дали знак своим людям через обряд крещения также подчиниться королю франков. Это принятие христианской веры вновь получило демонстративное выражение в виде массового крещения без предварительного религиозного просвещения.

Тем самым Карл уже с третьей попытки достиг поставленной цели, а именно подчинил саксов как побежденных христианской религии. Кроме того, саксы были вынуждены заключить соответствующий юридический договор с Карлом, передав ему жезл как символ своего отечества и клятвенно подтвердив, что они желают быть христианами и подчиниться «господину Карлу и его франкам». Это покорение одновременно означало отказ от свободы действий внутри и вовне. Автохтонно-автономный правовой, социальный и экономический порядок остается неприкосновенным, вмешательство в политические структуры пока не допускается. Вместе с тем миссионерство, строительство храмов и связанная с этим десятина не могли не сказаться на жизненных условиях. Очевидно, речь не шла о немедленной оккупации, аннексии и включении Саксонии в состав королевства франков. Скорее всего имелось в виду договорно обусловленное сближение народностей. Этот процесс по причине «обезглавленности» политического руководства и разобщенности саксонского общества мог развиваться только постепенно независимо от отдельных волнений и вспышек военных действий.

Подавление опасного врага и массовое крещение являются фоном одного из самых ранних текстов каролингской поэзии,

так называемого «Carmen de Conversione Saxonum»*, в котором обращение саксов королем Карлом, отвращение их от «диавола» и приобщение к Троице, «на которой единственно зиждется наша надежда жизни», прославляется как спасительно-историческое деяние. Оно фактически заслуживает того, чтобы быть третьей частью истории сотворения Отца и воплощения Христова. Своим спасительным мечом Карл исполнил животворный подвиг великого воина и избавителя Христова. Своим триумфом он спас саксов, принес им мир во имя Троицы. Карл — воитель Божий, новый Гедсон, ему воздастся хвала на Страшном суде, и он воспримет блага «Царствия небесного». Его слава не в победе, а в обращении саксов, избавлении их из «диавольского» хаоса и соединении с «великим новым родом Христовым».

Более поздние исследователи прослеживали здесь поэтическую связь с Вергилием и англосаксом Алдхельмом фон Малмсбюри — поэма из семидесяти пяти гекзаметрических стихов представляет собой текстовое предание с участием Ангильбера, впоследствии аббата Сен-Рикье, а также возлюбленного дочери Карла Ротруды. Более поздние исследователи называют авторами поэмы епископа Луллия из Майнца или Павлина из Аквилеи. Но в последнее время чаша весов все больше снова склоняется в пользу Ангильбера главным образом из-за его ярко выраженной приверженности образу Святой Троицы, что проявляется не только в камне монастырских построек Сен-Рикье, но и в символике стихотворной формы.

Карл восстановил разрушенный саксами Эресбург и возродил названный в его честь Карлсбург, который после успешных раскопок семидесятых годов стали считать «зародышевой клеткой» пфальца и Падерборнской епископии, что, правда, представляется весьма сомнительным, тем более что географическое обозначение «Падерборн» — более древнее и восходит к догерманскому языковому слою — «источник Падера». Не исключено, что Карлсбург надо искать в трех километрах восточнее каролингского монастыря Лисборн вблизи развалин, оставшихся от вала вокруг так называемого Хюненбурга. Название «Карлсбург» — это не только далекое напоминание о Константинополе — городе Константина. Поставленное Карлом укрепление не могло продолжить существование, если вскоре оно не растворилось в Падерборне.

* Песнь об обращении Саксонии (лат.).

Как обычно взяв заложников и оставив на месте гарнизон из франкских отрядов для укрепления границы, Карл форсировал Рейн и вернулся на свои исконные земли в Геристале близ Льежа, где отметил рождественские праздники. После зимней паузы на Пасху Карл отправился в Нимвеген. Не случайно именно в те месяцы Фульде, которой уже в ближайшем будущем отводилась важная роль в миссионерских планах, была передана немалая доля казенного содержания Хаммельбурга, расположенного на франкской реке Заале. Дошедший до нас текст содержит также упоминание о виноградарстве в самом северном регионе сегодняшней Нижней Франконии. Фактический ввод во владение состоялся лишь восьмого октября 776 года на месте с участием двух графов и двух королевских вассалов. Протокол об этой передаче имущества, так называемая Хаммельбургская марка, сохранился и считается одним из самых ранних и значительных свидетельств древневерхненемецко-простонародного предания.

Победу над саксами и массовое крещение Карл использовал как повод, чтобы восстановить контакт с Римом и настроить папу в благоприятном для себя духе. Святой отец был весьма разочарован происходившим в Сполето да, видимо, и в Беневенто. Кроме того, папу весьма беспокоили самовластные злоупотребления его заклятого врага Льва, архиепископа Равенны. Он был наслышан о радостных событиях на границах ойкумены; одновременно ему подали надежду на скорое прибытие короля в Италию и Рим, что, естественно, не могло не вызвать радости. Адриан I даже отправил королю послание с предложением встретить его. В конце этого документа папа смиренно написал и о королеве как о «нашей замечательной дочери», а также о Пипине и Карле как о «возлюбленных сыновьях», пожелав, чтобы все варварские народы упали перед королем на колени.

ПАДЕРБОРНСКОЕ ИМПЕРСКОЕ СОБРАНИЕ 777 ГОДА

Между тем в голове у Карла глубоко засела мысль о миссионерской деятельности. Восьмого июня 777 года церковь в Утрехте, старом центре евангелизации англосаксов и франков, из рук короля получила грамоту на владение землями и охотничьими угодьями, а вдобавок еще один храм неподалеку от духовного филиала Девентера. После этого король отправился на крупные военные маневры, а также на имперское собрание и синод

в Саксонии, в котором предполагалось участие новообращенных саксов из разных регионов. Местом проведения собрания был избран богатый водными ресурсами Падерборн. Здесь был воздвигнут *palatium** вместе с храмом Спасителя, освященным в том же году. Разумеется, речь шла о простых деревянных строениях, поскольку отводившееся на строительство время было крайне ограничено.

Защищая Хоензибург и Эресбург, король летом, предположительно в августе, использовал «майское поле» для демонстрации мощи и превосходства над противником. Но не только внушительные дружины сопровождали его королевское достоинство. Как свидетельствует житие аббата Фульды Стурма, рядом с ним находилась изысканная группа епископов, аббатов, священнослужителей и клириков, отобранных для участия в соборе, по тогдашней традиции заседавшем в рамках этого всеобщего собрания. Известными его участниками, как следует из текста грамоты, был примас франкской церкви, архиепископ Санса Вильшер, преемник Хродеганга из Меца и единственный тогда митрополит государства франков. Упоминались еще епископ из Меца Ангильрам и аббат Фулрад из монастыря Сен-Дени, который из-за своего почтенного возраста, прежде чем отправиться в языческую и едва-едва обращенную Саксонию, написал нечто вроде завещания. В нем он отказался от собственных владений, по крайней мере в Эльзасе, в пользу своего монастыря.

О ходе этого собрания и его решениях каких-либо точных сведений мы не имеем. Можно лишь предполагать, что там звучали общие рассуждения о создании миссионерских приходов на землях саксов; но уже тогда кое-какие миссионерские регионы «закреплялись», например, за аббатом Стурмом из Фульды, который якобы и духовно окормлял значительную часть народа. Между тем время для этого подоспело, и Стурм стал поучать саксов, как «избавляться от идолов и кумиров, осознать в себе веру Христову, разрушать Капища, вырубать рощи и строить священные храмы».

Эта, по выражению Ганса Патце, «неуклюжая практика» знакома нам и по преемству благочестивого аббата Григория от утрехтских миссионеров, не только разрушавших чужие культовые сооружения, но и грабивших то, что представлялось ценным им (фризам). Чересчур усердные ученики святого Виллихеда, который миссионерствовал в Доккюме, где Винфрид-Бонифаций за-

* Дворец (*лат.*).

кончил жизненный путь мученической смертью, при таком «действенном миссионерстве» рисковали своей жизнью.

В Падерборне складывалось впечатление, что с распространением христианской веры там все складывалось более чем благополучно. Вновь имели место массовые крещения, которые, правда, были обусловлены характерной клятвой. По свидетельству имперских хроник, новообращенные должны были «согласно своим обычаям отказаться от собственной свободы и наследства, если они вдруг снова вернутся к своим дурным привычкам и не во всем будут придерживаться христианства, нарушая верность господину королю, его сыновьям и франкам». Не случайно эти формулировки напоминают об угрожающих словах Лебезина, которые он несколькими годами ранее якобы произнес на собрании саксонских племен Маркло. Отступничество от христианской веры, воспринимаемое как вероломство по отношению к королю, его детям и франкам, повлекло теперь за собой утрату личной свободы и собственности: экспроприацию, высылку, смерть. Эти угрозы, видимо, достигли цели. К тому же в целом ряде случаев сомнения некоторых представителей саксонской аристократии сглаживались богатыми подачками. Примером такой «франкизации» может служить судьба графа Гесси, однажды уже бывшего партнером короля Карла. После смерти единственного сына и выделения приданого дочерям, из которых старшая впоследствии стала основательницей монастыря в Вендхаузене на Гарце, Гесси ушел в монастырь, где и скончался монахом в 804 году.

Через конфискацию земельной собственности в Саксонии король в немалой степени увеличил казну, что позволило ему привлечь новых сторонников и вознаградить старых или благодаря конфискованному имуществу обеспечить начальную материальную базу для светских и духовных административных районов: графств, епископских епархий и приходов. Еще в XI веке грамота Генриха IV напоминает о том, что его предшественник Карл по причине нехватки товаров и прав из королевского состояния одним только англиканским церквям выделял «десятину». Здесь получает прагматическое объяснение и раскритикованное впоследствии Алкуином взыскание десятины, что особенно осложняло саксам принятие христианства. По свидетельству «поэта саксов», должно пройти почти столетие, прежде чем они осознают разницу «между данью как знаком подчинения чужой власти и церковной десятиной для поддержания духовных учреждений по библейскому образу».

Падерборнское имперское собрание с упомянутыми массовыми крещениями произвело на франкских хронистов должное впечатление. С этим событием, на их взгляд, слился блеск миссионерских успехов по распространению христианства. Примерно в указанные месяцы прозвучавшие хвалебные слова в адрес Карла (скорее всего из Фульды) отдают откровенной лестью — «король вывел толпы из лесов в царство небесное, превратив злобных волков в кротких овец». Обществу саксов, безусловно, было еще далеко до идиллически райского состояния, львы и овцы пока не могли жить рядом друг с другом. Правда, определенные успехи были налицо. Доказательством тому служили ранние храмы Дионисия в миссионерских районах Саксонии, особенно в епархии Висбек. Однако не только принудительная уплата не понятой людьми церковной десятины, воспринимаемой и аристократией и свободными как ограничение их правового статуса, но и определенные формы миссионерства не могли не вызывать чувства протеста. На привычный вопрос, «предполагаемый при обете при крещении: «Отвергаешь ли ты всякое дьявольское дело и волю?», — крестник-сакс или его крестный отец вместо традиционной в таких случаях короткой реплики «Да, отвергаю» должен был ответить: «Я отвергаю любое дьявольское дело и слово, гром и Водана и Саксноту и всех связанных с ними злых духов». Аборигенам это могло показаться еще более непонятным, нежели христианам, хотя и они, кроме трудно воспринимаемой Троицы, почитают массу всяких святых, не подлежавших ни критике, ни презрению. Так, еще в IX веке полупросвещенные скандинавы предложили миссионеру Ансгару присоединить христианского Бога к собственному миру богов, чтобы таким образом получить еще одного гаранта благополучия, плодородия и военной удачи. Между этими культурами существовала духовная пропасть, для преодоления которой должны были пройти многие десятилетия, если не столетия, или же для взаимного сближения требовался какой-то культурный сплав.

Из-за духовной пропасти даже после демонстративного смотра войска в Падерборне политическое сопротивление ведущих представителей аристократии против «преодоления» (по выражению Гельмута Боймана) оставалось неизменным. Его символом вскоре стал человек, бежавший в 777 году в Данию, но затем превратившийся в одного из самых непримиримых оппонентов Карла, возглавив саксонских партизан. Это был Видукинд, родившийся где-то в среднем течении Везера, один из известнейших

вестфальцев; как говорится о нем в подкорректированных имперских хрониках, он бежал «в сознании своих многих преступлений». Для летописцев он был мятежником. Эйххард говорит о нем неоднократно, а в последней истории о перемещении мощей святого Александра из Рима в Вильделсхаузен (примерно в 860 году) по поручению внука Видукинда — Вильдебера называет без особых экивоков «инициатором отречения или вероломства», но вместе с тем расхваливает его как фигуру, которая «превосходит всех саксонских лидеров как по известности рода, так и по наличию материальных средств». Для Видукинда из Корби, его тезки в X веке, Карл Великий и саксонский герцог — фигуры равноценные.

Видукинд, предполагаемая могила которого в Энгере оказалась культовым местом, уже в пору зрелого средневековья стал легендарной фигурой и в итоге мифическим антиподом короля Карла, «палача саксов», а еще воплощением нижнесаксонской народности, как это ярко преподносится в так называемой нижнесаксонской песне XIX века. Данный персонаж сравним разве что с Генрихом Львом, антиподом Фридриха Барбароссы, в котором якобы также выявилось противоречие между северогерманским и южногерманским началом. Однако уже в IX веке бунтарь приобрел красочный эпитет «*magnus*»*. А западнофранкский хронист Ришар из Реймса еще в X веке возвел его в прародители западнофранкских Капетингов.

ПЕРВЫЙ КРИЗИС КОРОЛЕВСКОГО ПРАВЛЕНИЯ: ИСПАНСКАЯ АВАНТЮРА

Надо сказать, что король франков воспользовался проведением имперского собрания в Падерборне не только для обсуждения саксонского вопроса, но и для того, чтобы прозондировать внешнеполитические проблемы. С этой целью король принял делегацию из далекой Испании. В делегацию входили сарацины во главе с Ибн-аль-Араби, более известным как Сулейман-аль-Араби. Сарацины установили контакт с франкским двором и просили об оказании военной помощи, о чем, правда, официозные источники не проронили ни слова.

Яркое экзотическое явление — представьте себе мусульманское шествие и церемониал в почти еще языческой Вестфалии. И

* Великий (лат.).

все это зрелище на фоне межарабских столкновений, охвативших главным образом Иберийский полуостров. После свержения династии Омейядов Аббасидами в середине VIII века и вызванного этим перемещения центра правления в Багдад одному члену отстраненной от власти династии удалось основать и укрепить в испанской Кордове, так сказать, на самом краю мусульманской империи, эмират. Правда, ему угрожали халифы, реконкиста из Астурии, но главным образом мятежные провинциальные паместники в долине реки Эбро и северных регионах, которые для устраниения Абд-аль-Рахмана ар-Дакиля не останавливались даже перед заключением союза с «неверными».

Как свидетельствуют подкорректированные имперские хроники, Сулейман-аль-Араби полученные от «короля сарацинов» города Барселону и Герону отдал в подчинение франкскому монарху. Этот исторический экскурс, видимо, соответствует действительности, датированной 778 годом: «Тогда те самые сарацины сумели внушить Карлу надежду на захват некоторых городов в Испании. Король собрал войско и отправился в путь». Хроники Меца пытаются представить вторжение в неведомые земли как реакцию на зов о помощи христиан, якобы «живших в Испании под жесточайшим гнетом сарацинов». Все прочие источники на этот счет безмолвствуют, тем более что в те времена христианам приходилось нелегко из-за действий арабских властителей. Тем более что и папа загорелся желанием поддержать этот крестовый поход, ведь, по его информации, ожидалась атака «рода детей Хагара» на земли франков, а именно на Аквитанию, но, вероятнее всего, на Септиманию. Святой отец возносил молитвы Господу за победу «достоинейшего сына и короля» и просил у Всевышнего через заступничество святого апостола Петра отдать этот несказанный народ в руки короля, подобно тому как когда-то исчез в глубинах Красного моря народ фараона.

Конечно, от осознания прежних успехов — умиротворение Аквитании, единовластие, завоевание Лангобардии и включение ее в состав королевства, покорение и массовые крещения саксов — в душе короля родился порыв к совершению новых деяний. Тем более что приобретение некоторых регионов Северной Испании вплоть до бассейна реки Эбро не только давало ему шанс пробить брешь для христианства, но и позволяло держать под постоянной угрозой басков по обе стороны Пиренеев. Конечно, этот замысел содержал определенную долю авантюризма: недоставало серьезности в оценке сделанного предложения и самих

партнеров, не говоря уже о культурных и религиозных различиях между христианами и сарацинами. Все это предприятие, как известно, закончилось катастрофой средней степени, впрочем, с непредсказуемыми по тем временам последствиями для мифа о Карле Великом в пору зрелого средневековья: песни о Роланде (*Chanson de Roland*) слились с этим исключительно неудачным военным интермеццо.

В конце 777 года Карл собрал войско и уже в декабре направился на юг, где в пфальце Дузи (в будущей Лотарингии) отметил Рождество. Источники доказывают, что на Пасху 778 года он находился в пфальце (Шаснон) недалеко от Пуатье в сопровождении супруги Гильдегарды, которая вновь была на последнем месяце беременности. Еще весной 778 года во избежание летней жары Карл перешел Пиренеи, не встретив никакого сопротивления южнее Гаронны. Он продвигался, видимо, от Сен-Жан-Пьед-Пор через перевал Ибенута, далее в направлении Памплонны и, наконец, Сарагосы. Здесь Карл встретился со второй войсковой колонной, сформированной в Бургундии, Австразии (северо-восточная часть королевства франков), Баварии, Прованса и Септимании. Продвижение двумя отрядами объяснялось тем, что последний маршрут позволял идти вдоль средиземноморского побережья через Герону и Барселону к реке Эбро. Участие баварцев в данной кампании говорит о безоблачных в ту пору отношениях франкского короля с герцогом Тассилоном. Несомненно, расчеты на богатую добычу и откровенный авантюризм служили стимулом участия в столь необычном походе.

Так называемый Астроном, один из двух биографов Людовика Благочестивого, описывает впоследствии переход через Пиренеи в мрачных тонах, однако сравнивает Карла в этом походе с Ганнибалом и великим Помпеем, знакомыми ему из исторических книг Ливия и Саллюстия. По свидетельству хроник Меца, сугубо официального источника первого десятилетия IX века, буквально вся Испания содрогалась от бесчисленных полчищ франков. Но из блокады Сарагосы ничего не получилось. Между тем распался и союз мятежных наместников. Кроме нескольких заложников, ничего больше добыть не удалось. Вся военная кампания основывалась на пустых обещаниях и, очевидно, была построена на песке. Не долго думая Карл решил отступить, но, по данным имперских хроник, «покорил испанских басков и жителей Наварры». Памплонн, центр более позднего королевства Наварра, представлявший тогда нечто вроде «восточной марки»

(по выражению Людвига Вонеса) христианского королевства Астурии с вестготским преемством и основное место расселения басков, успешно противостоял франкскому вторжению и поэтому подвергся разрушению до основания. В результате город утратил способность к сопротивлению. Однако Памплонн не имел какого-либо стратегического значения для франков ни в связи с сарацинами, ни в связи с басками по ту сторону горной цепи. Откровенная авантюра обернулась поражением. Как известно, беда одна не ходит. Поэтому Эйххард, почти единственный из биографов, осмелился написать следующее: «На обратном пути из Пиренеев ему [Карлу] вдобавок ко всему было суждено ощутить вероломство басков. Эта местность из-за своей лесистости оказалась весьма удобной для нападений из засады. Когда войско — узкие горные тропы не позволяли группироваться иным образом — приблизилось вытянутыми рядами, оно было атаковано басками, прятавшимися на очень высокой горной вершине как в засаде. Нападению подвергся обоз и прикрывавший его арьергард, которых просто вытолкнули с гор в долину. В последующей резне все франки до последнего были уничтожены. Баски разграбили обоз и мгновенно разбежались под покровом надвигавшейся ночи. Благодаря легкому вооружению и благоприятным для басков условиям местности в этой стычке им сопутствовал успех, а вот франки из-за тяжелого вооружения и крайне невыгодных для них условий местности оказались во всех отношениях в незавидном положении.

В этом кровопролитном столкновении погибли стольник, прислуживавший за королевским столом, Эггихард, Ансельм, пфальцграф, Грудланд, маркграф Бретани и многие другие. «До сегодняшнего дня за происшедшее никто не ответил, ибо после совершенного деяния враг внезапно рассеялся, да так, что даже слухи не могли подсказать, где его искать». Последнее замечание скрывает лишь неспособность франков и самого Карла отомстить баскам за эту неприятность.

Да и подкорректированные имперские хроники, в противоположность оригиналу сообщающие о тяжелом поражении и гибели высокопоставленной знати, заключают свое краткое свидетельство многозначительными словами: «Эта утрата как облако затмила в сердце короля значительную часть испанских успехов».

Потере арьергарда при переходе Пиренеев, связанной с гибелью важных советников и сановников, предшествовала битва близ перевала Ронсеваль, кстати сказать, впервые упоминаемого в изве-

стной старофранцузской песне о Роланде. Последние испанские исследования переносят происшедшие события в долину Арагона Субордан в окрестностях монастыря Сиреза. Поражение в непроходимой местности с тяжелым вооружением и обозом от легковооруженного и быстрого агрессивного противника, которого привлекла прежде всего легкая добыча, отдаленно напоминает битву при Вараусе в Тевтобургском лесу.

Однако самый главный политический эффект катастрофического происшествия заключался в том, что поражение деморализовало войско, сформированное не только из франков, но и из баварцев. Настроенное на добычу и легкую победу, оно вкусило горький вкус поражения. Пострадал престиж Карла как полководца, поэтому неудивительно, что официальная историография старается отмолчаться и скупится на информацию. Лишь в подкорректированных имперских хрониках и в еще большей степени благодаря Эйнхарду, который по прошествии полувека представляет чрезвычайно удачное жизнеописание своего героя, отдается дань принципу «открытости». Воспоминание о перевале Ронсеваль — лесе, о мятежных басках по обе стороны горной гряды, а также несостоявшийся союз с сарацинами оставались как заноза в теле, хотя впоследствии Карл вновь вмешался в дела народов в Восточных Пиренеях: в 785 году он без боя взял Герону, а в 789 году вторгся в провинции Уржел и Чердань. Об этой политике свидетельствуют главным образом широкие королевские привилегии, дарованные Карлом, а также Людовиком Благочестивым *Hispani**, христианским беженцам из мусульманской Испании, которые как «априсионеры» удостоились особых привилегий при расселении на юге империи, особенно на землях, где приходилось корчевать деревья.

Согласно эпитафии Эггихарда, катастрофа случилась 15 августа 778 года, то есть в праздник Успения Пресвятой Богородицы. Дата во временном контексте сближала погибших со старохристианскими мучениками. Это само по себе банальное происшествие, связанное с непродуманностью предприятия, нанесшего ущерб королю-полководцу, несколько столетий спустя породило один из самых живучих мифов о Карле и его палadiniх Роланде и Оливере. Об этом в некоторых рукописях свидетельствуют написанные примерно в 1100 году старофранцузская песнь о Роланде, вообще «*Chanson de geste*»**, латинский псевдо-Турпин

* Испанцы (лат.).

** Героическая поэма (лат.).

(1140 год) и средневерхненемецкий вариант песни о Роланде священнослужителя Конрада, датированный приблизительно 1170 годом. Названные композиции используют время, место и персонажи как фон для собственного изложения современной истории, на котором воссоздается миф крестовых походов, паломничество в Сантьяго де Компень, а также проблемы феодального общества — верность и предательство.

Мифическое осмысление события, в котором паладины предстают мучениками, а король франков — святым, не было ограничено страницами манускриптов. Оно получило зримое отражение во фресках и церковных витражах, в скульптурах и ювелирных изделиях, популяризирующих историческое событие и его участников, в первую очередь Карла и его вассалов. В качестве выдающихся примеров этого общеевропейского мифа следует упомянуть тематически оформленный витраж собора Шартр, портал собора в Вероне и гробницу Карла в Ахене. Вспомним беспримерный ренессанс памяти Карла в XII веке, проявившийся в конкуренции между Гогенштауфсенами и Капетингами за своего мнимого предка, которые великого императора франков возвели в ранг национального героя и святого, а Роланда стилизовали под рыцаря эпохи зрелого средневековья и готики. Этот процесс получил дальнейшее распространение в сфрагистике (впервые, судя по всему, в 1165 году в Ахене) и в изобразительном искусстве. Так Роланд становится гарантом дарованных Карлом городских свобод по отношению к духовным сановникам — вначале в дереве, как в Гамбурге и Бремене, а затем в камне. Яркое доказательство этого — Роланд перед зданием ратуши в Бремене (1404 год) — самое крупное, выставленное под открытым небом произведение пластики. Оно подтолкнуло на углубление связанного с Карлом мифа и в далеком будущем. На другом берегу Рейна издание старофранцузской песни о Роланде даже придавало уверенности движению Сопротивления во время Второй мировой войны, когда Франция была оккупирована Германией.

Как спустя десятилетия сообщает Астроном, на обратном пути Карл учредил политико-административные структуры в Аквитании. По свидетельству нашего надежного источника, кроме содействия со стороны епископов, король решил опереться еще на графов, аббатов «и многих других, которых называют *vassi* из народа франков» и которые в понимании летописцев безусловно были носителями учености, клятвенно верные самому королю и

служащие ему в результате передачи ленного объекта, как правило, значительного землевладения. Видимо, можно исходить из того, что в 778 году сеть индивидуальных уз и вещного субстрата не отличалась таким тесным переплетением, как в условиях зрелого средневековья. В лице этих «доверенных» король, кроме собственно сановников (епископов, аббатов и графов), создал еще целую сеть персональных взаимосвязей. Вначале она допускала едва заметную функциональность раннесредневекового «правления» и одновременно гарантировала длительную связь короля со знатю. Такая ситуация неизбежно требовала имущественного обеспечения новой структуры за счет фискальных и церковных владений.

Наш надежный источник свидетельствует: «На вас возложил он заботу об империи настолько, насколько видел в этом полезность, обеспечение границ и надзор над королевскими землевладениями». Назначены будут девять графов, в том числе в Бурже, Пуатье, Перигё, Оверне, Тулузе и Бордо. К духовной элите, всегда служившей опорой династии Каролингов, добавились вышедшие из аристократических кругов графы как должностные лица с полномочиями по войсковому набору, судопроизводству и пограничной охране, а также отборные вассалы, державшие под особым контролем государственную земельную собственность как главную экономическую основу королевского правления. В общем, после поражения в 778 году Карл хотел убедиться в лояльности своей руководящей элиты, которую он постепенно по мере необходимости заменял франкскими приверженцами, а также бывшими «вестготами». Так король и впоследствии проявлял осторожность, вторгаясь во властные структуры Аквитании, «чтобы не повредить доброжелательному отношению знати к своему сыну Людовику». На этом фундаменте, контуры которого известны нам и в Италии, происходило укрепление правления его сыновей посредством причастности к королевской власти их отца в период после 781 года.

Видимо, при возвращении из неудачного похода в мусульманско-баскскую Испанию, если не после перехода через Пиренеи, в Оксере до Карла дошла весть о новом восстании саксов. Под командованием Видукинда они разрушили Карлсбург, после чего двинулись к Рейну, сжигая, грабя и убивая все и всех на своем пути. Достигнув Дойца, саксы, правда, не смогли форсировать реку, однако разорили на правом берегу все, кроме Кобленца, но прежде всего они сжигали церкви.

Однако в разгар столь неожиданно сложного периода, угрожавшего обернуться серьезным кризисом правления Карла, поскольку короля оставила удача в военных делах, до него дошла радостная весть о том, что супруга Гильдегарда в пфальце Шаснон, где он оставил ее после пасхальных праздников, разродилась двойней. Этот знак плодovitости подтвердил богоугодный характер будущего династии. Ведь Гильдегарда родила ему двух сыновей! Еще в 806 году стареющему монарху было суждено как небесную милость узнать, что трое его пригодных к преемству сыновей стали живым воплощением предусмотренного им раздела империи.

С рождением двойни число наследников мужского пола и потенциальных преемников достигло пяти: Пипин, который из-за своей травмы вскоре получил прозвище Горбуна (это был ребенок от первого брака Карла с Гимильтрудой); затем Карл и Карломан от брака с Гильдегардой и, наконец, последний ребенок. По женской линии следует отметить дочерей Ротруды, Берты и Гизелы, а также Адельгейду, умершую вскоре после рождения в 774 году. Видимо, в конце лета 778 года юные отпрыски Карлова колена приняли крещение и были наречены Людовиком и Лотарем. Конечно, Пипин, Карл и Карломан не исчерпали список потенциальных имен. Упоминались еще Дрого, Грифон, Гримоальд и Арнульф, хотя с ними были связаны не только добрые воспоминания. Поэтому использование имен наиболее известных Меровингов объяснялось не ограниченностью выбора, а политическим расчетом «породнения» с первой королевской династией франков. Ясное представление об основателе королевского правления франков в духе христианской веры, Хлодвиге I и его влиятельных преемниках Хлотаре I и Хлотаре II изливало королевскую милость и на носителей других имен. Тем самым «второразрядное» королевство, видевшее свои корни в милости Божией, было дополнено как бы атавистическо-историческим компонентом харизмы, уничтожив «разрыв» в истории франков.

Этому исторически крайне важному процессу породнения было суждено повториться в XII веке, когда Капетинги совершенно сознательно воспользовались каролингскими именами Карл и Людовик и тем самым наполнили глубоким смыслом возврат к Карлову колену.

Впрочем, Хлотарь-Лотарь скончался уже в следующем году. Людовик Благочестивый снова воспользовался именем брата-близнеца, наделив им своего первенца, который после него вззошел бы на трон.

ПОКОРЕНИЕ САКСОВ

После радостного интермеццо с крещением новых продолжателей рода Карлу пришлось незамедлительно реагировать на выпад саксов, который по масштабности и интенсивности превзошел все прочие пограничные столкновения. Любая задержка поставила бы под сомнение его авторитет и влияние как военачальника: 778 год знаменовал чрезвычайно резкое обострение кризиса, преодоление которого требовало напряжения всех сил монарха на соответствующих направлениях. Насколько серьезной была ситуация, свидетельствует умолчание испанской катастрофы в официозных исторических источниках в преддверии нового столетия.

Складывается впечатление, что Карл в Оксере еще до наступления холодов собирался распустить войско, вследствие чего был вынужден довольствоваться контингентами остфранков и алеманнов. Это представлялось обычным делом, так как по тогдашним правилам в войско призывалось население из районов, примыкавших к месту боевых действий. К помощи народного ополчения прибегали не часто. А правила его формирования были разработаны лишь в 811 году. Этот факт заставляет задуматься, ведь по современным масштабам на длительное время правления Карла приходятся лишь немногие годы, когда не велось никаких военных действий. Впрочем, основные военные события представляли собой ограниченные конфликты.

Итак, Карл снова направился с войском в один из основных регионов королевства — пфальц Геристаль близ Льежа, то есть в земли, находившиеся совсем неподалеку от тех, над которыми нависла угроза саксонского нападения. Лазутчики снабжали Карла информацией. После своего похода вверх по Рейну саксы, узнав о продвижении по племенному округу в долине реки Лан (приток Рейна) франкских отрядов, решили отступить. Но теперь угроза нависла над миссионерским центром Фульда, на аббата которого Стурма пришлась львиная доля эвангелизации среди уже прошедших обряд крещения. Чтобы спастись от надвигающейся опасности для всего живого и одновременно уберечь святые мощи Винфрида-Бонифация, а святыню от разграбления, монашествующие под началом духовного отца направились в недавно взятый франками Хаммельбург. Три ночи длился мучительный переход монахов, сбившихся вокруг шатра, в котором они бережно хранили мощи. Но еще прежде чем они до-

брались до спасительной гавани, их настигла радостная весть об отступлении саксов, к тому же потерпевших поражение от франков. Имперские хроники также сообщают, что один франкский отряд настиг врага на Эдере (приток Фульды) и заставил его повернуть назад. Поэтому монахи смогли вернуться домой, водрузив на место бесценный груз. Но аббату Стурму вскоре было суждено вынести новое испытание.

Хроники той поры считают главным зачинщиком саксонского сопротивления Видукинда. Из этого, однако, не вытекает однозначно, вернулся он в 778 году из датской ссылки или был причастен ко всему происходящему из своего «далека». Скорее всего в зимние месяцы 778—779 годов в голове Карла созрело решение о фактическом и окончательном подчинении саксов, что одновременно предполагало военную оккупацию, новый административный порядок и образование церковных приходов. Тем самым, по выражению Ганса Дитриха Каля, была достигнута новая «ступень эскалации», не ограничивавшаяся более обрядом крещения и договорными решениями, а ставившая конкретную цель — покончить с политической самостоятельностью отрядов швармов.

Чрезвычайная жесткость столкновений с конца семидесятых годов была связана не с «железной проповедью» и не с навязанной саксам десятиной — и то и другое следует рассматривать как симптом процесса подавления и подчинения, — а с неумолимым столкновением двух культур, с которым можно было покончить лишь путем уничтожения одной из них.

Разделение саксов на швармы и поселения вовсе не облегчило действия врага франков. Партизанская тактика, недопущение открытых полевых столкновений и регионально дифференцированные акции сопротивления сделали запланированное подчинение и аннексию реальным, мучительным предприятием, напоминавшим борьбу с гидрой. В жизнеописании Карла Эйнхард наглядно подчеркивает мучительный характер этого процесса, который в противоположность покорению Аквитании и Италии, а также Баварии стал возможным не только в результате замены руководящего персонала в случае саботажа последнего, но прежде всего вследствие огромных перемен в жизненных условиях покоренных, чему способствовали пришлые епископы, священнослужители и графы.

Франкская сторона, неспособная к вдумчивому пониманию этого революционного поворота на соседних с нею землях, ос-

лспленная сознанием собственного превосходства в военной сфере, видела исключительно нарушение договорных обязательств и «диавольское» дело. Невыполнение клятвенного прошлогоднего обещания в Падерборне и отход от обета, данного при крещении, воспринимались теперь как отречение, отступление от праведной веры и возвращение к идолопоклонничеству, против чего надлежало бороться всеми возможными средствами. Теперь война была объявлена не просто язычникам, которые до сих пор жили в дикой тьме, не воспринимая слово Божие, а вероотступникам, сознательно и умышленно отвергшим Евангелие. Даже благостно настроенный Алкуин, позже порицавший введение десятины как существенную причину неудачи миссионерской деятельности на землях саксов, не мог не назвать мятежников «проклятым поколением», которое до сих пор «презренно Богу», а также народом, находящимся в когтях у сатаны.

Это примитивный черно-белый подход, допускающий лишь иногда полутона, как в том источнике IX века, указывающем на трудность отбросить веру отцов как очевидное заблуждение, объясняет жесткость, жестокость и затянутость противоборства, в котором со стороны саксов, очевидно, участвовали все слои. Здесь в течение десятилетий, однако, произошли существенные перемены, ведь сотрудничество правящих элит франков и саксов создавало условия для возникновения «народа», как с удовлетворением констатировал Эйнхард в конце двадцатых годов IX столетия.

На начальной стадии противостояния обращали на себя внимание представители аристократии, возглавившие восстание. К их числу относится Видукинд, впрочем, после своего крещения в Аттиньи в 785 году словно ушедший в историческую тень. В то же время его наследникам удалось занять влиятельное положение на службе у короля франков и в духовной сфере. На протяжении долгих десятилетий, пока происходили столкновения с саксами, наблюдалась пестрая смена событий — восстание аристократической верхушки и ее постоянная готовность к борьбе, с одной стороны, приспособленчество и сотрудничество, с другой. Столь противоречивая картина порождала создание карательных судов, издание драконовских законов и депортации и одновременно предоставление лояльным к франкам теплых местечек на конфискованных землях, а также духовных и светских должностей на службе франкского монарха.

Решение Карла с крайней жесткостью действовать против восставших и в то же время осуществлять умиротворение страны административными мерами, видимо, оформилось зимой в пфальце в Геристале, хотя там же принятый капитулярый, отдельные положения которого обсуждались королем и присутствующими епископами, аббатами и графами, удивительным образом даже не упоминает связанных с саксами проблем. В этих документах речь идет главным образом о служебном поведении и стиле жизни клириков, а также о монашеских сообществах. Обсуждаются вопросы судопроизводства, запрет на соглашения и объединения преподносится как мера против банд разбойников. Особое внимание привлекает то, что текст, во многом следующий протоколу заседания собора 743 года, вновь напоминает о десятине, девятине и обязательной уплате процентов для обладателей церковных бенефиций и даже расширяет, говоря современным языком, налоговые ставки, что является однозначным указанием на постоянное, хотя и не возросшее значение «прескарий по приказу короля», которые были необходимы для формирования войсковых контингентов вообще и кавалерийских эскадронов в частности. В ответ на это экономически ослабленные церкви потребовали достаточной компенсации в виде регулярных платежей.

Заслуживает внимания впоследствии часто повторяемый, дополняемый и ужесточаемый запрет на вывоз вонне кольчуг (Brünnen) — защитной одежды для воинов в виде фуфайки из толстой материи или кожи с нашитыми сверху железными кольцами. Настоящие кольчуги были отмечены в летописях лишь начиная с XI века. За упомянутыми запретами стояла вероятность нанесения ущерба ударной силе франкских войск, что, по-видимому, обернулось торговым эмбарго на границе с саксами. Другие положения касались запрета на продажу лично зависимых крестьян без судебной «прозрачности», процедурных правил при отказе суда от выполнения возложенной на него обязанности и, наконец, запрета на взимание несправедливых пошлин. В общем и целом речь идет о настоящей веренице мер, которые еще долгое время характеризовали сырые архаично-примитивные элементы государственности в пору ее созревания.

Карл, отметив Пасху в апреле в Геристале, отправился в южном направлении в Компень, возможно, для того, чтобы в самом сердце старой Нейстрии согласовать военные планы с местной знатью. В пограничном с Реймсом Верзене он встретился с герцогом Сполето Гильдебрандом, передавшим ему много всяких

даров, тем самым продемонстрировав свою лояльность. Таким образом Гильдебранд перешел на сторону Карла, отдалившись от Адриана I, которому был обязан своим положением.

В первой половине 779 года в Дюрне снова состоялось имперское собрание, закончившее приготовления к новому походу против саксов. Скорее всего в середине года войско, вновь во главе с Карлом, форсировало Рейн близ Липпенхема в Бохолте на речушке Ау (севернее Везеля) и столкнулось с сопротивлением саксов, но вероятнее всего вестфалов. Сопротивление было сломлено. Побросав свои укрепления, противник бежал. Тем самым, по свидетельству имперских хроник, франкам открылся путь, проходивший через завоеванную Вестфалию на Энгерн вплоть до Везера. Жители селения, где сейчас предположительно находится Миттельуфельн, собрались на противоположном берегу реки, чтобы, видимо, воспрепятствовать дальнейшему продвижению франков. Для этого они выставили заложников и принесли соответствующую клятву. В ответ король победоносно вернулся на франкские земли, где в любимом Вормсе, в среднем течении Рейна отметил Рождество 779 года, а затем Пасху, которая пришлось на 26 марта 780 года.

Покидая саксонские земли, Карл посетил Эресбург, имевший огромное значение как крепость и миссионерский центр, но главным образом как укрепленный замок. Там король оставил аббата Стурма из Фульды. Ему вменялось в обязанность обращать саксов в новую веру, а также защищать опорный пункт. Аббат был весьма преклонного возраста, тем не менее король приказал ему оставаться в крепости еще несколько дней в целях поддержания безопасности. По истечении этого срока Стурм с верными ему людьми вернулся в Фульду. Его сопровождал также лейб-медик короля по имени Винтар, который постарался своим искусством облегчить физические муки старца. Несмотря ни на что, аббат все время жаловался на причиненные ему врачом огромные страдания. Старец велел отнести его в храм, звонить в колокола и собрать монахов, чтобы разделить с ними ожидание надвигающейся смерти. В предсмертном слове он попросил у всех прощения за совершенные прегрешения и со своей стороны простил всех, причинивших ему зло, особенно своего главного врага, епископа Майнца Луллия. После этого почил в мире.

Так прекратила существование центральная «инстанция» по миссионерской деятельности во главе с аббатом из Фульды. В последующие годы и десятилетия наступил черед регионализа-

ции путем соборания устойчивых церковных епархий, со временем слившихся в епископские резиденции с соответствующей опорой в виде приходов и структур по распространению веры, в которых участвовали многие церкви на землях франков, например Льеж, Кёльн, Вюрцбург и Майнц. Впоследствии еще Трир, а также монастыри — Мюрбах, само собой разумеется, Фульда и Герсфельд, который в 779 году вновь стал получать материальную поддержку из королевской казны и право взимания десятины.

К проблемам войны с саксами и миссионерства добавилась еще одна. В 779 году над землями франков нависла серьезная угроза голода вследствие неблагоприятных погодных условий, которые могли повлечь за собой вспышку опасных эпидемий. Люди, жившие в эпоху, когда никто не имел представления об импорте предметов питания, даже не задумывался о достаточных запасах продовольствия, вдруг оказались совершенно беззащитными перед лицом опасности. Карл избрал способ, к которому еще часто прибегал в ситуациях, создававших напряжение для государственной политики. В недатированном капитулярии, возникшем скорее всего в конце 779 года или в начале 780 года, король с согласия епископов повелел следующее: каждый из епископов должен отслужить три мессы и «отпеть» три псалтыря, «один за господина короля, другой за франкское воинство и третий за преодоление голодного времени». Священники должны отслужить три мессы; монахи, монахини и каноники — совершить молитвы за чтением псалмов. Всем вместе с семьями, если это было в их силах, надлежит поститься два дня, подавая милостыню. Кроме того, епископы, аббаты и аббатисы обязаны прокормить по четыре бедняка вплоть до следующего урожая. «Крепкие» в материальном плане графы должны пожертвовать фунт серебра или сопоставимое (!) с этим количество, «средние» по достатку — полфунта, а вот королевский вассал, «*vassus dominicus*», в зависимости от количества своего имущества обязан пожертвовать на двести (!) дворов полфунта, на сотню — пять шиллингов и на тридцать — одну унцию. Тут мы имеем дело с крайне любопытным представлением о масштабах и властных позициях в иерархии королевских вассалов, экономическое благополучие которых базировалось на развитой феодально-крепостнической системе или землевладении в его многообразных формах. Вассалы и их закрепленные на дворах люди также должны в течение двух дней воздерживаться от приема всякой пищи. А тот, кто пожелает откупиться от этого необычного воздержания, может дифференци-

рованно заплатить наличными. Для материальной поддержки семьи принцип действует точно такой же. В связи с военным походом на земли аваров, для успешного завершения которого также был брошен клич о воздержании, впоследствии была предусмотрена адекватная компенсация.

Все это в богоугодном духе во имя короля, франкского воинства и во имя преодоления беды должно исполняться до Иванова дня, то есть 24 июня. Моление, говение и раздача милостыни как элементы собственного спасительного попечения, укрепления власти и действенной социальной помощи образуют неразделимое целое. Между прочим, рассмотренный текст — королевское предписание, квалифицируемое как капитулярий. Этим капитуляриям на полстолетия было суждено успешное существование как письменному проявлению королевской воли и одновременно результату совещаний с имперской знатью.

После пасхальных праздников 780 года Карл вновь направился в Саксонию, чтобы «осуществить предписания», а также подготовить принятие административных мер. Монарх опять наведалься в Эресбург, откуда продолжил путь к источникам на реке Липпе (приток Рейна), то есть в Липпспринге, где провел нечто вроде собора. Нам неизвестны в деталях его решения, однако с достаточной долей уверенности можно утверждать, что в центре внимания переговоров были вопросы миссионерской деятельности и восстановления подорванных структур. Вот что сообщают хроники из Лорша: «Так саксы отдались ему, а он принял от них заложников, как от вольных, так и от литов [полусвободных]; ...он разделил регион [*patria*] между епископами, священниками и аббатами, чтобы они совершали в закрепленных за ними регионах обряд крещения и занимались проповедничеством». Как и прежде, (принудительное) крещение предваряет просвещение в вере; страну, как уже сказано выше, вверяют под начало духовных пастырей в рамках своеобразного духовного шефства.

Одного из священников, на которого возложено выполнение миссионерской деятельности, мы уже знаем по его неповторимой истории жизни. Это Виллихед. После вступления в наследие Лебезина и по достижении первых успехов во Фрисландии, которые из-за опрометчивости учеников чуть было не стоили ему жизни, Карл привлек его на работы в только что заложенном винограднике в Саксонии. Местом деятельности Виллихеда стал округ (*gau*) Вихмодия, расположенный между нижним течением

Везера и Эльбы. Виллихед принадлежит к числу тех аскетически настроенных, ищущих родные дали через покаянное паломничество англосаксов, образцами которых являлись Виллиброд и Винфрид-Бонифаций. Есть сведения, что Виллихед уже за несколько лет успел построить храмы в своей епархии и заполнить пастырские вакансии. Однако эти первоначальные успехи оказались по большей части перечеркнутыми в результате очередного восстания 782 года.

В то же время в Мюнстерланде заявил о себе аббат Бенрад, который, правда, вскоре вместе со своим братом Гильдегримом и с неким Гербертом (под именем Кастус) скрылся от мира в главном монастыре Запада — Монтекассино. Только миссионерская деятельность Луитгера после 785 года, также покинувшего Фрисландию по настоянию Карла, обеспечила распространению веры в Вестфалии надежную основу.

Между тем Карла не могли удовлетворить административные меры в некоторых частях Саксонии. Он продвинулся дальше до Эльбы, что объясняет передачу Вихмодии Виллихеду, и, согласно источникам, велел всем жителям округа бардов и многим «северным людям», населявшим земли по ту сторону Эльбы, совершить обряд крещения у селения по имени Орехам, расположенного на месте впадения Оре в Эльбу. Это еще одно доказательство того, каково было значение водных путей и их переплетений для средневековой системы коммуникаций, для власти, церкви и прежде всего торговли. Рассказ об округе бардов, временном центре расселения лангобардов до или во время их перемещения в южном направлении, указывает одновременно на существование селения Бардовик, упоминаемого самое позднее в 805 году как пограничного форпоста, неподалеку от Эльбы.

Бардовик, возникший как миссионерский форпост, утратил свое первоначальное предназначение в качестве резиденции епископа в первой половине IX века. Видимо, на месте же обсуждались проблемы, касавшиеся как саксов, так и славян, то есть венедов, живших на другом берегу реки. Можно представить вероятность соглашения о моратории с этими швармами. В любом случае о более тесных отношениях речь не шла. Карл на десятилетия остановился перед этой «мокрой границей», хотя не мог не включать в политические расчеты явную неприязнь в отношениях ободритов с вильцами.

По одному из свидетельств IX века, пленных и заложников Карл распределил по франкским монастырям не только для их

надежной охраны, но и для того, чтобы воспитать из них священнослужителей и монахов, которые, сохраняя принадлежность к новообращенному народу, обеспечат лучшее с ним взаимопонимание в миссионерских целях. Создание так называемых миссионерских школ и впоследствии оставалось испытанным средством евангелизации.

ПОЛИТИКА КАРЛА В ОТНОШЕНИИ ИТАЛИИ И ТРЕБОВАНИЯ АДРИАНА I

Грамота для крайне важного монастыря Нонатула близ Модены, составленная по просьбе его аббата Ансельма во время военного похода против саксов, свидетельствует о серьезной вовлеченности Карла в политику, связанную с Италией. Уже в скором времени она поглотила весь его интерес.

Карл вернулся домой на землю франков в конце лета 780 года. О масштабных военных действиях речи не шло. Он в который уже раз останавливается в Вормсе, откуда вместе с супругой Гильдегардой, сыновьями Карломаном и Людовиком (Лотарь к тому времени уже скончался) отправляется в Италию для моления. В путешествии не участвуют первенцы короля — Пипин Горбун и Карл. Рождественские праздники монарх вместе со свитой отмечает в столице своего второго королевства — Павии.

15 марта 781 года епископ портового города Комачо, главного конкурента Венеции, получил для своих граждан торговую и таможенную привилегию. Не случайно жители жаловались, по их разумению, на ограниченные возможности товарооборота, особенно в Мантуе, где недавно в порту они были вынуждены платить пошлину размером 45 фунтов вместо обычных 30. Специально отправленные королем гонцы разобрались в сути дела, после чего «из сочувствия» снизили пошлину с 45 до прежних 30, к тому же определив сроки рассмотрения в суде поданных в этой связи исков. Франкский монарх проявлял все больший интерес к прогрессивному денежному хозяйству, а также к разветвленным торговым связям между разными зонами средиземноморского бассейна. Эти торговые отношения приносили королевству прибыли, значительно превосходившие доходы, которые севернее Альп давало преимущественно сельское хозяйство. Было бы правильно не упускать из виду этот преимущественно фискально-экономи-

ческий фактор при рассмотрении затяжки исполнения королем данных церкви территориальных обещаний.

Отношение Карла к Адриану I оставалось не совсем ясным. Если после очередного и не раз торжественно повторенного и официально подтвержденного обещания Карла в крипте апостола Петра на Пасху 774 года Адриан надеялся не только на реституцию папских патримоний, но и делал ставку на заключенный двадцатью годами раньше договор в Керси о реализации «максимальной программы» вдоль линии Люни — Монселиче, что вдобавок ко всему обеспечивало приращение земельной собственности и властного влияния в Сполето и Беневенто, то этим надеждам не суждено было исполниться.

И во время своего следующего пребывания в Италии (776 год), когда Карл был занят подавлением восстания герцога Фриуля Ротгауда, он так и не счел нужным заехать в Рим. Его эмиссары тогда вели с герцогом Гильдебрандом прямые переговоры в Сполето. Подчинение герцога франко-лангобардскому монарху было воспринято как успех дипломатии, закрепленный упомянутым последующим визитом герцога в земли по другую сторону Альп. В Равенне, кроме всего прочего, имели место споры с архиепископом Львом. Он считал принадлежащей ему территорию вместе с Пентаполем как преемник византийского правления, экзарха, и решительно изгонял с нее папских чиновников. Вместо того чтобы фиксировать территориальные приращения и расширение своих владений, папа был вынужден бороться с интригами герцога Беневентского Арихиза, который как князь воплощал осколки лангобардской власти и автономии (а в лице своего зятя, сына Дезидерия — Адальхиза, еще был удостоен в Византии титула патриция), в общем, оставаясь очагом потенциальной опасности. Поэтому Адальхиз и не собирался добровольно отказываться от владений в своем дукате, на которые упорно претендовала Римская церковь.

Но не только Беневентское герцогство досаждало понтифику. Святого отца терзали и другие соседи к югу от Рима. Неаполь считался резиденцией герцога Стефана, который мало того что был избран епископом, он еще обеспечил преемство своему герцогскому достоинству. Так вот, Стефан вступил в союз с греческим наместником Сицилии, выбравшим в качестве своей резиденции Гаэту, откуда стал угрожать патриониуму церкви в Южной Кампании. Как и Карл, человек огромной энергии и силы, Адриан I нанес ответный удар противникам — «абсолютно без-

божным неаполитанцам и «извращенным» грекам. В результате он быстро приумножил свои землевладения, что означало опять-таки отмену прежних договорных отношений с неаполитанцами.

В послании папа призвал Карла начать крестовый поход против Беневенто и взять штурмом Террачину, которую следует подчинить папскому и королевскому праву; кроме того, необходимо занять Гаэту и Неаполь, изъяв местный патримоний в пользу папы, а все прочее подчинить совместным высшим властям. Как известно, этот поход не имел успеха. Папе оставалось только ждать прибытия короля и его ответных шагов, растянувшихся из-за неудачной испанской авантюры на годы. Можно представить нетерпение Адриана I. И тем не менее общение двух высоких партнеров по договору, как следует из переписки в духе одностороннего предания, из проявлений благожелательности и благоговения, преисполнено уважения, дружеского отношения и неколебимости. Папа просит о помощи, неизменно подчеркивая нерушимость уз, связывающих короля с князем апостолов и его преемниками, в то время как Карл держит себя скорее сдержанно, политически сбалансированно, и тем не менее относится к римскому понтифику в благожелательно-благочестивой манере, как к гаранту Божией милости и хранителю своих владений, почитая в его лице прежде всего апостола Петра.

Трудности, вытекающие из искомой реализации «максимальной программы», из все возрастающей компетентности короля, но прежде всего из аннексии королевства лангобардов, в лучшем случае выделяют характерный для источников того времени фактор умолчания. Так, автор жития Адриана, между прочим, его современник, вообще обходит стороной 781 и 788 годы, когда Карл посещал Рим. А ведь тогда обсуждались важные вопросы территориальной компенсации. Причем политическую канву своей биографии автор замыкает депортацией свергнутого Дезидерия в 774 году. Поэтому только грамота Людовика Благочестивого 817 года, полученная Римской церковью и не вызывающая сомнений в подлинности своих основных пассажей, дает косвенное представление о соглашениях 781 и 788 годов.

Что эти вопросы в немалой степени волновали папу — об этом свидетельствует одно содержательное послание 778 года. Чтобы должным образом настроить монарха, папа именует его «любимейшим сыном и известнейшим королем». Небесполезно вслушаться в текстовую интонацию этого исторического свиде-

тельства: «Об этом мы просим Ваше превосходительство... чтобы из любви к Господу и к его ключевому носителю небесного царства, который уступил Вам королевскую резиденцию Вашего отца, чтобы Вы согласно Вашему обещанию, поклявшись во имя собственного душевного спасения и стабильности Вашего правления повелевать всяческое исполнение уже в наши дни. то есть поклявшись апостолу Петру, дабы церковь всемогущего Бога, то есть апостола Петра, которому вручены ключи от царствия небесного для соединения уз и их распоряжения, всем и все больше возвышалась, и все исполнялось согласно Вашей клятве. И это пусть ниспошлет Вам и небесному своду вознаграждение и благую славу во всем мире. И как во времена римского папы Сильвестра блаженной памяти благочестивейший великий император Константин своим пожертвованием возвысил и вознес святую католическую и апостольскую Римскую церковь, возложив на нее власть (potestas) над этими частями Запада, так и в Ваши и наши благостные времена церковь Божия, это значит, блаженный апостол Петр, должна множиться, все более возвышаться, дабы все слышащие это народы могли воскликнуть: «Господи! Спаси царя и услышь нас, когда будем взывать к Тебе» (Пс. 19.10). Ибо нам в эти дни явился новый христианнейший император Константин, через которого Бог сподобил обратить все во благо князю апостолов и его Святой церкви. Однако все, что разные императоры, патриции и прочие благочестивые даровали для своего душевного спасения и для прощения своих прегрешений на землях Тусции, в Сполето или Беневенто и Корсике, включая патримоний Сабины, переданный блаженному апостолу Петру и Святой церкви Божией и Римской церкви, и что на протяжении многих лет разрывывалось и расхищалось безбожными лангобардами — все это подлежит возвращению в Ваши времена. Об этом и о других дарениях мы храним грамоты в священной Латеранской гробнице. И тем не менее к удовлетворению Вашего христианнейшего королевства мы посылаем Вам эти грамоты для ознакомления указанными мужами. Поэтому мы просим Ваше Высочайшее превосходительство распорядиться о безостаточной реституции упомянутых патримоний блаженному апостолу Петру и нам».

Это послание с сознательным упоминанием папы Сильвестра и императора Константина представляет собой однозначное свидетельство процесса возникновения известного *Constitutum Constantini* в последние десятилетия VIII века. Не только указание на Латеранскую гробницу и наличное собрание грамот, кото-

рое четко аргументированно с исторически-юридической точки зрения включает и документы великодушных преемников Константина как дарителей. В том же духе воспринимается географический охват папских патримоний. Вот искаженное упоминание Константина в связи с целым рядом стран, которые первый христианский император уступил Римской церкви, — Иудея, Греция, Азия, Фракия, Африка, Италия, а также «разные острова». Но в другой части текста «ditio» и «potestas»* ограничиваются городом Римом, провинциями, селениями и городами Италии, а также западными регионами. Широкое понятие «передача западной части Римской империи» под пером осмотрительного фальсификатора сужается до сферы, соответствовавшей политическим порядкам в последней четверти VIII века и характеризующейся заимствованным из греческого языка понятием «часть Запада». Это неоднозначное понятие «часть Запада», видимо, включает в себя конкретные дарения отдельных императоров, патрициев и прочих благочестивых, которые в противоположность глобально-нереалистическим дарениям Константина подтверждаются в домашнем архиве собора Святого Петра письменно правооформленными патримониями.

Папа не упускает случая вспомнить о Тусции, Сполето, Беневенто, Корсике и Сабине, но в этом списке отсутствуют Венеция и Истрия, поскольку по крайней мере в тот момент это было неактуально. Возвращение к вопросу о линии Люни — Монселиче, очевидно, и подкреплялось главной оговоркой о неправомерности изъятия лангобардами территорий у Римской церкви. Следовательно, возвращение требуемых территорий и владений есть акт реституции, а вовсе не новое дарение. Из этого следует, что в глазах Адриана I и его советников клятвенно подтвержденное согласие Пипина в Керси, равно как и согласие Карла в крипте апостола Петра, фактически представляет обещание вернуть соответствующие территории. Так или иначе обещание Пипина относительно реституции получило конкретизацию лишь в результате новой клятвы его сына в 774 году, в то время как обильная фальсификация данного вопроса в связи с Константином I хоть и воспроизводит масштаб обширного акта дарения, но, по сути дела, выдвигает существенные притязания на Италию и «разные» острова.

Этим юридически оправданным и вымышленным папским притязаниям в семидесятые годы Карл не мог противопоста-

* Господство и власть (лат.).

вить хотя бы до некоторой степени цельную концепцию своей будущей политики в отношении Италии, которая определила бы его взгляд на герцогства Центральной и Южной Италии, но прежде всего на Византию. Король решил обогатить свои представления и опыт, положившись на умение собственных эмиссаров и сторонников на местах, впрочем, не без участия папской дипломатии. В конце концов ему пришлось учесть настоячивые и неизменно лъстивые просьбы союзника и духовного отца Адриана, чтобы попытаться найти баланс между необходимой целостностью королевства лангобардов, потребностями и притязаниями римского понтифика, с одной стороны, и «неполитическими» соображениями в отношении Беневенто и Византии, с другой.

Основной консенсус между папой и королем как объединенных клятвой союзников не могли серьезно омрачить территориальные проблемы. Ведь оба в политическом контексте были тесно связаны друг с другом, независимо от духовно-сакрального родства, притягивавшего юного монарха к князю апостолов и его преемнику, а также от властно-политических реалий, неизбежно приближавших римского папу к франкам. Оба проявляли готовность к компромиссу, например, когда папа указывал на общие властные интересы в южном регионе, а король заверял князя апостолов в своей верности и любви.

Тесное партнерство между «троном» и «алтарем» демонстрировало устойчивость и в деталях. Так, когда Адриан I в послании просит Карла о направлении «мастера», умеющего рубить бревна и доски из определенного сорта деревьев (в лесах Сполето такие не росли), чтобы обновить кровлю собора Святого Петра, сообщение об этом содержится и в книге папств. Податель просьбы диакон Ато, имевший родственные связи с монаршим домом, ставший в 794 году аббатом монастыря Сен-Илер (Пуатье), по некоторым данным, желал получить взамен святые мощи. Так, однажды папа Павел I обещал священнику по имени Ацильф мощи одного римского святого, которые теперь «на сохранении» у франкского митрополита, архиепископа Вильшера. Испуганный увиденным во сне, папа Адриан не рискнул расставаться с мощами других святых в Риме, и это несмотря на то что просьбу поддерживали аббат Фулрад и доверенное лицо короля.

Тем самым был затронут щепетильный вопрос, который, если проследить свидетельства IX века о перемещении святых мощей, перерос в серьезную проблему в отношениях между ранними цент-

рами христианства — Римом, Италией и Галлией и новообращенными регионами на другом берегу Рейна и Везера.

На заре возникновения церкви как института для соответствующего оснащения новых храмов, и прежде всего церковных алтарей, отсутствовали святые мощи мучеников и адептов, которых в основном хоронили в Риме. Поэтому скоро налачился оживленный «экспорт-импорт» этих чудодейственных святынь, импортировавших не только народной вере. Такое положение вещей вызывало все большее раздражение и римлян и перимлян. Что касается епископов и даже пап, то они проявляли осмотрительность, выступая с ограничительными конституциями. Запрещение и искусственная нехватка, как известно, повсеместно порождают явления «черного рынка» — даже в такой сакральной сфере. Поэтому, например, повествуя о перемещении мощей римских святых в Штейнбах, Эйнхард упоминает одного надменного римского торговца мощами, раскрутившего свой бизнес в регионе Рейн — Майн и рассказам которого сначала поверил даже сам Эйнхард. Другие, по свидетельству внука Видукинда — Вильдебера, приобретали рекомендательные письма своих покровителей в монаршем звании и таким образом становились обладателями святых мощей, например Александра Македонского. Находясь на хранении с 850 года в Вильделсхаузене, они породили немало трудностей для Бременского собора, который не мог похвастать наличием чьих-либо святых мощей.

Осуществляя обновление империи, император Оттон I в 962 году подарил яркое, духовное событие землям Саксонии, делавшей первые шаги на пути церковного становления. Так, например, Бременский архиепископ Адальдаг, вернувшись в свою епархию из Рима, украсил собор и храмы нетленными останками.

Такие эмоционально-духовные узы между Севером и Югом получили поддержку духовного союза короля франков с преемником апостола Петра. Внутренняя логика подобных отношений не поддается привычному восприятию реальной политики, поскольку реалии этих отношений скрыты в мифическо-мистическом мраке, который до сих пор окутывает служение понтифика как монарха, и более того. Не случайно в каждом послании Адриана I, равно как и в посланиях его предшественников и преемников, подчеркивается эта договорно-эмоциональная привязанность королей франков к князю апостолов и его викарию, причем не главным образом и не исключительно из тактических соображе-

ний, как может подумать современный читатель, а именно из глубокой внутренней убежденности.

Глубинная убежденность в духовном измерении франко-папского союза вовсе не исключала наличие конкретных противоречий и попыток прагматических решений. Подходы Карла почти всегда отличаются (испанская авантюра — один из немногих противоположных примеров) военно-политической рациональностью. Но и Адриан I при всем его ревностном отношении к государству святого апостола Петра не был ни мечтателем, ни даже одержимым. Каждый из них стремился измерять расстояние между их не всегда одинаковыми интересами в рамках пакта о дружеских отношениях и воплощать их в практической политике.

К сожалению, римское предание не проливает достаточно света на детали, ибо книга папств обрывает хронологическую нить 774 годом, когда произошло подтверждение обещания в Керси. Хотя папа Адриан I скончался лишь в 795 году, о чем глубоко скорбел король франков. Поэтому наше знание о событиях тех лет зависит от не очень-то информированных франкских хроник, случайно сохранившихся грамот и прочих источников, придающих происходившему в Риме и Италии сравнительно достоверные черты.

ПОМАЗАНИЕ И КОРОНАЦИЯ МЛАДШИХ СЫНОВЕЙ КОРОЛЯ ПАПОЙ

В противоположность посещению Рима в 774 году нам очень немного известно о церемонии встречи Карла и членов его семьи в Риме в 781 году. До нас доходит лишь свидетельство о том, что Пасху 15 апреля Карл отметил именно там. Правда, было исполнено обещание, данное королем понтифику еще в 778 году. Речь шла о крещении самим папой третьего ребенка в семье Карла, уже нареченного Карломаном. Тем самым произошло обновление духовного «шефства» — «compaternitas», уже существовавшего между Стефаном II (III) и Карлом, а также его братом Карломаном. Этому торжественному акту, состоявшемуся, вероятнее всего, в страстную субботу в Латеранской базилике Сан-Джованни (Иоанна Предтечи), был придан особый достопамятный государственно-политический акцент. Ведь достигший четырехлетнего возраста Карломан в результате обряда крещения обрел новое имя — Пипин. Так уже был наречен однажды первенец Карла

более десятилетия назад. Эта замена имени, предпринятая, безусловно, в согласии с папой или даже по его совету, очевидно, тесно увязывалась с двумя абсолютно разными политическими моментами. Имя Карломан как бы окончательно изымалось из историко-генеалогического сознания вместе с упоминанием его носителя. Как помнят читатели, с этим именем уже отца Карла — Пипина связывают не только приятные воспоминания. Удалившийся в Рим, а затем в Монтекассино Карломан в священническом облачении пытается воздействовать на обострившиеся отношения между королем лангобардов и собственным братом, будучи на стороне Дезидерия. Сам Карл также имел печальный опыт, оттого что у него был собственный, правда рано умерший, брат, носивший то же имя.

Судя по всему, это *Damnatio memoriae* в подражание античным образцам не было таким уж редким делом. В неподкупной обостренной памяти межбратских отношений и метрических данных, видимо, всегда могли присутствовать фактические генеалогические взаимосвязи. Имя Карломан снова встречается лишь в поколении правнуков Карла, а именно у сыновей Лотаря I, Людовика Немецкого и Карла Лысого.

В связи с изгнанием имени дяди и брата из генеалогической памяти имело место еще одно, значительно более актуальное политическое «гонение». Оно касалось самого старшего сына Карла — Пипина от брака с Гимильтрудой, которая в более поздних источниках, например в житии Карла в изложении Эйнхарда, по более-менее понятным причинам превращается в наложницу. Кажущееся удвоение имени, означавшее для сына Гимильтруды фактически утрату имени или лишение существенного предназначения, связанного с данным именем, однозначно свидетельствовало об утрате права первородства, а сему в Ветхом Завете придавалось особое значение. Причина этого, безусловно, продуманного, официального исключения Пипина из линии преемства в королевстве, в котором новый Пипин мог гордиться не только тем, что его обряд крещения совершен самим папой, но и тем, что подобно младшему брату Людовику он «помазан на царствие», вытекала из новой концепции франко-лангобардского правления. Подобно тому как Людовика готовили управлять Аквитанией, Пипин должен был стать королем Италии, как все чаще называли старую Лангобардию. К «*compaternitas*» с понтификом, что находит отражение и в форме обращения к членам королевского двора в папском послании последующих лет, добавляется особая ха-

рактеристика королевы Гильдегарды, которая удивительным образом преподносится как «самая выдающаяся дочь и духовная праматерь», всегда находящаяся рядом со своим супругом. На него, который был к ней очень привязан, Гильдегарда оказывала немалое политическое влияние, чем, вероятнее всего, и сумел воспользоваться папа римский.

На выделение политического приданого старшему из сыновей Карла, носившему то же имя, требовалось время. В столь же малой степени, как и его старший брат, фактически лишенный привилегий и владений, Карл не входил в непосредственную свиту отца во время посещения им папы в 781 году. Отец посвящал сына, находившегося постоянно в его окружении, в задачи монаршего правления, брал с собой в военные походы, а в конце восьмидесятых годов передал ему дукат Мен как своего рода полигон подобно тому, как ранее его отец позволил ему управлять местными графствами.

Судьба бесправного Пипина также не испытала каких-либо личных перепадов. Его не заточили в монастырь, не стали никуда ссылать, просто, как и его сводный брат Карл, он остался при дворе короля и даже мог рассчитывать на соответствующую карьеру. По достоверной версии Вальтера Гоффарта, ему даже прочили преемство скончавшегося в 791 году епископа Меца — Ангильрама. В результате много лет спустя внебрачный сын Карла Дрогон возглавил эту «домашнюю епископию».

Чем же объясняется исключение старшего сына Карла из генеалогической «гонки» за престолонаследие? Согласно прежним историческим исследованиям, на пике правления династии Каролингов Пипин был лишен всяких династических привилегий потому, что был внебрачным ребенком. Но нам в конце концов известно, что Карл состоял в законном браке с Гимильтрудой. Однако в контексте ранних лет королевского правления важнее было то, что через наречение этого сына Пипином Карл признал его полноценным и правомочным. Если допустить неприязнь Гильдегарды к первенцу прежнего супружеского союза, то это едва ли затронуло бы правовое восприятие Карла в такой степени, чтобы совершить предосудительные действия. К тому же Карл должен был хотя бы косвенно воспользоваться помощью понтифика. Но на подобное сомнительное содействие у «железного сердца» Адриана I явно не хватило бы тепла.

Видимо, самого Карла со временем стало тяготить раздумье о брате с таким же, как и у него, именем. Причина выведения

мальчика с династической орбиты была связана со все более проявлявшимся физическим уродством. Так, еще Эйнхард называл Пипина Горбуном. Судя по всему, этим физическим пороком мальчик страдал не от рождения, он проявился лишь в его детские годы. Трудно сказать, что стало причиной — то ли рахит, вызванный нехваткой витамина В, то ли искривление позвоночника (сколиоз). Это уродство становится явным с началом роста примерно с десяти лет в виде формирующегося горба. Только превентивное исключение Пипина ввиду его физического уродства могло предотвратить реальную дискуссию о пригодности Пипина быть преемником королевского правления, которое, согласно действующему наследственному праву, подлежало разделу на равные части среди сыновей, что и сделано в политическом завещании Карла *Divisio regnorum**. Папа, видимо, с удовлетворением заметил, что новый обладатель имени должен стать королем Италийским и будет активнее укреплять союз с преемником апостола Петра, нежели его отец, отягощенный многочисленными заботами по управлению королевством по другую сторону Альп. Кроме того, новое название королевства на Апеннинском полуострове — Италия (в противовес прежнему наименованию — королевство лангобардов) сняло всякие раздражения насчет связи с Римом.

И наконец, королева Гильдегарда, видимо, увидела знак судьбы в том, что только ее сыновья будут преемниками отца. Что до Карла, он, невзирая на притязания ущербного первенца, сумел избавиться от одиозного имени Карломан и в новом имени третьего ребенка представил законного и непорочного обладателя королевского имени Пипин.

Эта «нейтрализация» первенца связана с помазанием двух сыновей на королевское правление под руководящим началом отца, что в 781 году предвляло последующее разделение власти. Более юные братья соответственно своему нежному возрасту должны были под надзором опытных советников, к которым некоторое время принадлежал, видимо, и Адалард из Корби, обеспечивать правление и интеграцию Аквитании и Италии в королевство отца путем постоянного присутствия и представительства собственного двора. Так, например, Карл юный, как он именуется в литературе, уже в 784 году участвовал в своем первом походе в Вестфалии, при этом очень напоминая собственного отца, тоже в

* Разделение, раздел королевства (лат.).

двенадцатилетнем возрасте сопровождавшего отца в военной кампании в Аквитании. Следует отметить как существенный результат то, что империей франков, расширение которой на северо-восток (Саксония) было лишь вопросом времени, Карл старался управлять децентрализованно путем привлечения юных сыновей в качестве королей. Учитывая структурное многообразие империи, очевидные проблемы со связью и отсутствием администрации, то был единственный шанс на успех. Он возрастал в последующие десятилетия в результате все более тесного переплетения персональных отношений между королевской семьей и аристократией как носителем руководящих функций в государстве и церкви, что обеспечивало концентрацию правления, успешному осуществлению которого значительно способствовало также расширение королевского вассалитета на высшей социальной ступени.

Итак, в 781 году в Риме косвенным образом был отстранен старший в списке преемников от преемства — но не от наследия. Последнее случилось лишь после бунта неудачливого Пипина в 792 году. Видимо, не все наблюдатели осознали государственно-правовое значение события 781 года. Оно никак не отражено в исторических летописях, авторы которых, очевидно, не увидели достойного повода для дифференцированной оценки членов королевской семьи в смысле их политической значимости. Вот летописная книга монастыря Святого апостола Петра в Зальцбурге; интересующие нас записи сделаны до июля 784 года (то есть по времени почти одновременно с происходившим в Риме) скорее всего по инициативе епископа Арна, занимавшего до того место аббата бельгийского монастыря Сен-Аманд. Вот таблица богомольцев и пилигримов: Карл — король [Фастрата] — Пипин — Карл — Людуй — Пипин. Это — перечень сыновей короля вместе с отцом. Тут же его четвертая супруга Фастрата, занявшая место скончавшейся в 783 году Гильдегарды. Здесь следует отметить, что дошедшее до нас по преданию свидетельство из монастыря Святого апостола Петра уже встречалось в так называемом Каролингском минускуле (а именно почти одновременно с так называемым Евангелистариумом Годескалька «придворной школы» Карла), который как прототип нового шрифта пришел на смену безнадежно устаревшему Меровингскому курсиву и как текстовой свидетель только его немного опережает по времени появления, включая частично сохранившуюся корбийскую Библию.

Бросается в глаза, что с помощью целой группы действующих лиц, особенно из духовных учреждений, определенные новше-

ства, например этот легко читаемый и эстетически привлекательный шрифт, с удивительной быстротой распространились на территории государства франков, оттеснив старые привычки.

Обращения к Господу и многочисленным святым в литии предопределили *Laudes regiae** во спасение короля и его семьи. В *Laudes regiae*, датированных 789 и 792 годами и дошедших до нас из Суассона, где проходила коронация отца Карла и брата Карломана, поминали всех четырех сыновей Карла, включая Пипина Горбуна как первенца непосредственно после отца. И тем не менее в первой четверти IX века, видимо, под влиянием историографии королевского двора (имперские хроники) и возрастающей дискретности в отношении мощной семьи монарха изменились внешние представления об иерархии не в последнюю очередь из-за обостренного отношения церкви к доктрине брака и прежде всего к вопросу о потомстве.

Этот новый взгляд на вещи получил выражение в неоднократно упоминаемой истории епископов Меца благодаря хронисту Павлу Диакону, который даже поставил во главе «Дома Каролингов» троянца Анхиса. В контексте этого рассказа, охватывающего пережитое им время, Павел перечисляет потомство Карла: «Супруга Гильдегарда подарила ему четырех сыновей и пятерых дочерей. Но до того девушка аристократического происхождения Гимильтруда родила Карлу сына Пипина. Вот имена сыновей Гильдегарды: первенец — Карл, названный так в честь отца и прадеда; второй — снова Пипин (!), названный в честь брата и деда».

Указание автора на то, что Пипин Горбун родился от добрачной связи, без труда воспринимается как опорный вариант для обоснования изъятия его из генеалогического древа в 781 году. Причастный и к Монтекассино Павел Диакон предпочитает как аргумент сомнительную в церковной доктрине легитимность первого Пипина, но вовсе не его очевидную физическую ущербность, возможно, бросавшую тень и на самого Карла. Впрочем, утонченное послание хрониста и без того вытекает лишь из закодированного общего контекста. В любом случае Павел дает понять, что Пипина нельзя ставить на одну доску с его братьями и, значит, не может быть речи о преемстве отца. Поэтому исключается, что Карлу когда-нибудь могла прийти в голову мысль о разделе королевства между его старшими сыновьями — Пипином и Карлом. Этот вывод однозначно следует после произошедшего в 781 году и логичного комментария хрониста.

* Прославления королевской семье (лат.).

Еще один пример многообразия исторической памяти в виде конкретных свидетельств в Рейхенау скорее всего в период между 807 и 817 годами. Приводится список членов династии Карла по принципу смены поколений. В этом списке предание квалифицирует как «нелегитимных» сыновей Карла, рожденных от наложниц, и единственного сына Пипина Италийского — Бернгарда.

Характерно, что здесь вообще отсутствует имя Пипина Горбуна. После бунта 792 года (разговор о нем впереди), в центре которого, очевидно, снова оказалась его мачеха Фастрада, он был заточен в семейный монастырь Прюм, где и скончался в 811 году.

Лишение Пипина всяких прав и помазание королевских сыновей Карломана-Пипина и Людовика на Пасху 781 года подтвердило и обновило духовные личные узы между королем франков, его семьей и Адрианом I. Как прежде Стефан I (II), папа стал гарантом королевства франков, но теперь после включения в него Италии и Аквитании.

Если Карл продолжал носить титул короля франков и лангобардов вплоть до своей коронации императором, то в этом нет никакого противоречия в отношении королевства сына. Он и его брат Людовик в Аквитании как представители королевского дома и промежуточной власти хоть и стоят над соответствующей администрацией, тем не менее зависят от абсолютного монарха и отца, воля которого во всех областях является решающей. Подобно Италии, в Аквитании не получился «вице-король» как формальная инстанция с вертикальным продолжением «вниз», зато сформировалось институциональное участие сыновей в управлении империи. Учитывая их нежный возраст, о какой-либо самостоятельной политике Пипина и Людовика независимо от ее квалификации не могло быть и речи.

В Аквитании, по свидетельству биографа Людовика Благочестивого, Карл после испанской осечки заручился поддержкой епископов, а также насадил графов, аббатов и... вассалов по всей Аквитании. На них он возложил заботу об империи, считая, кроме того, необходимым обеспечить надежность границ и управление королевскими землевладениями. Тем самым было положено начало долгосрочному процессу развития. Просматривалась инфраструктура франкской модели правления, на ее вершине — член династии, который одновременно как король воплощал самостоятельность и собственную значимость. Хотя средневековое господство, особенно королевское, использовало административные

структуры и дипломатические каналы, однако важнее было демонстративное присутствие, проявлявшееся главным образом в «перемещении» короля из пфальца в пфальц, из епископии в епископию и из аббатства в аббатство. Это присутствие наглядно обеспечивало выполнение задач правления, а именно защиту государства, сохранение мира, судопроизводство и заботу о слабых. Мобильность правителя есть необходимость в империи без столицы. Поэтому, видимо, не случайно, что постоянное пребывание стареющего Карла в его любимом ахенском пфальце в первом десятилетии IX века у современного ему наблюдателя часто вызывает ощущение «распада», если не застоя. Фактически же создание этой резиденции было знаком необычайной силы! Неформальные встречи в широкой степени заменяли институциональную правительственную деятельность.

Эта дорогостоящая и напряженная форма правительственной практики из-за удаленности и ограниченности способов связи столкнулась с барьерами, как только территория империи перешла определенные пределы. Это случилось после интеграции Лангобардии в состав королевства франков в 774 году. Кроме того, катастрофа в Пиренеях показала Карлу, что и едва умиротворенный юг не может обойтись без властного вмешательства. Средством сохранения господства и его консолидации стала интронизация его юных сыновей во внешних регионах империи. На их лояльность он надеялся и как отец, в то время как, к примеру, возрождение герцогства в качестве промежуточной руководящей структуры лишь усиливало центробежные тенденции. Будущий раздел империи среди потенциальных преемников предопределил не события 781 года, а конкретные проблемы актуальной правительственной практики, требовавшие незамедлительного решения. Само собой разумеется, что учреждение промежуточных властных структур в виде собственных королевств под длительным персональным руководством не могло не повлиять на зафиксированные лишь в 806 году условия раздела в случае смерти Карла. Правление и участие — это знаковые моменты в самой сути королевства франков с Карлом во главе. Они были безнадежно далеки от более поздней монархии и централизма.

Однако Карл не ограничился помазанием и коронацией сыновей, а добавил к этому сакральному освящению (можно предполагать, что коронация не в последнюю очередь была инспирирована коронационным обычаем лангобардских правителей) своего рода инициативный обряд.

Так, Карл велел (это происходило на самой границе его империи в Орлеане) извлечь четырехлетнего Людовика из люльки и посадить на коня да еще облачить в соответствующие его возрасту воинские доспехи. В таком виде он как настоящий правитель при всем вооружении да еще верхом на коне въехал в свое королевство. Какое-то время спустя отрок, по некоторым данным, появлялся в национальной одежде басков. Затем фактически по указанию своего отца он получил права гражданства и был объявлен подданным этой страны.

О первых шагах Пипина в качестве короля Италийского информации фактически нет. И здесь начиная с 774 года Карлу пришлось набираться соответствующего опыта. Настоятельные просьбы папы об исполнении обещанного не подтолкнули Карла к принятию соответствующих решений, могущих нанести чувствительный ущерб особенно территориальной целостности королевства лангобардов, в традиции которых просматривался «двойной король». К тому же любой неосмотрительный политический шаг в отношении герцогств Центральной и Южной Италии и Византии мог создать взрывоопасную ситуацию. А изначально напряженные отношения с Баварией, контролировавшей основные альпийские перевалы и через супругу герцога поддерживавшей контакт с бывшей королевской династией лангобардов, также являлись составной частью политики короля франков в отношении Италии.

ПЕРЕГОВОРЫ О РЕСТИТУЦИИ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА

К сожалению, отсутствие подробных источников не позволяет иметь более глубокое представление о политических переговорах между папой и королем на Пасху 781 года, в ходе которых оба, очевидно, склонялись к компромиссу между «максимальным планом» линии Люни — Монселиче 774 года и его чрезвычайно сдержанным воплощением в истекшие годы. Существенным источником познания материального итога этого зондажа остается грамота Людовика Благочестивого, полученная Римской церковью в 817 году; именно в ней содержатся размышления о прошедших переговорах, а также частичные добавления к ним.

Новая привязка папства к королевской династии франков, обращение к дарению императора Константина и к сходным подхо-

дам, благочестивый настрой правителя в духе апостола Петра и не в последнюю очередь посещение им крипты с захоронениями апостолов вели дело к согласию и в территориальном вопросе. Адриан I упорно добивался его решения в пользу Римской церкви.

И теперь Карл действовал не в избытке чувств, во имя все большей благосклонности князя апостолов и его почитаемого преемника. Поначалу как настоящий государственный деятель Карл, взвесив суть дела, согласился с реституцией только в отдельных случаях. Так, еще до прибытия в Рим в конце 780 года или в начале 781 года Карл отправил своих эмиссаров в Сабину, поручив им изучить на месте папские притязания на изъятые патримонии церкви. Делегацию возглавлял Итерий, доверенное лицо Карла, аббат монастыря Святого Мартина в Туре, а до того в 760—776 годах руководитель королевской канцелярии. Судя по всему, выяснение вопроса о церковных владениях столкнулось с серьезными трудностями. Карл разрубил гордиев узел, велел или пожелав передать папе Сабину целиком из благодарности за помазание и монаршую коронацию обоих юных сыновей. Передача Сабинь, на взгляд Карла, происходила как свободное дарение во имя уз молитвы и памяти, а не как исполнение правовых требований. Из патримоний, то есть владений, на которые Римская церковь предъявляет законные претензии, с годами с различной степенью интенсивности формируется наследственное имущество святого апостола Петра с римским папой как государем-владельцем. Этот термин, приобретающий глобальный характер, подтверждается документально, начиная с понтификата папы Захария.

Тогда и Риети на западной границе герцогства Сполето была включена в римскую Сабину, тем самым значительно увеличив общую территорию папского влияния на восток. Правда, Фарфа, на которую папы всегда бросали вожаделенные взгляды, оставалась опорным пунктом формирования франкского правления. Дело в том, что уже в 775 году Карл даровал монастырю привилегию иммунитета с неподконтрольностью епископскому надзору и правом свободного избрания аббата. Данный акт вполне был сравним с королевскими благами для монастырей в Новалезе в 773 году, Боббио в 774 году, Нонатуле в 776 году, Сесто и Сан-Сальвадоре в Брешии в 781 году. Все это духовные структуры, которые своими богатыми латифундиями, возникшими из бывших аристократических владений и королевских имений, создали центры духовного господства Каролингов главным образом в непосредственном преемстве лангобардских правителей.

Насколько тесной стала эта связь между Севером и Югом по разные стороны Альп, показывают подробно описанные в летописных книгах молитвенные общения монахов из аббатств Рейхенау и Сен-Галлен, примыкающих к Боденскому озеру. Поколение спустя эти духовные узы пронизывали уже монашествующих из Нонатулы, Лено, Монтеверди и прежде всего из Сан-Сальвадора в Брешии. Им навстречу «направлялся», к примеру, монах из Сен-Галлена и впоследствии аббат Вальдон, епископ Павии. Это тесное сцепление церковных структур с королевским двором франков еще более окрепло в 787 году в результате дарования привилегий монастырям Сен-Винченцо в Волтурно и, конечно, Монтекассино, что следует рассматривать в контексте неоднократных попыток проникновения франков в доселе независимое Беневентское герцогство.

По крайней мере планируемая передача всей и даже расширенной территории Сабины, а не только отторгнутых там у Римской церкви патримоний развязала руки Карлу в Сполето, которое до 773 года находилось под властью папства. Назначенный папой герцог Гильдебранд еще в 780 году посетил монарший двор франков, чтобы договориться с королем. После кончины Гильдебранда в 788 году герцогское достоинство подтверждено не было и Сполето вошло в состав Итальянского королевства.

И в связи с расширением Римского дуката за счет области Тусция были достигнуты определенные успехи. Адриан I прирезал территории из числа главным образом лангобардских земель; впоследствии именуемые Римской Тусцией вместе с Радикофанию-Аквана на севере они заняли промежуточное положение между будущим клерикальным государством и Итальянским королевством, в прошлом являвшимся лангобардской Тусцией. К этому новообразованию из Сабины и Римской Тусции после документального подтверждения в 817 году были добавлены еще дукат Перуджа, а также обширная епархия Тиволи в качестве существенной составной части римской Кампании. Таким образом, папская политика реституции на юге оказалась успешной. Для удовлетворения притязаний на Беневенто требовалось использование военной силы точно так же, как и для возвращения церковных патримоний в Неаполитанском дукате. Политическое положение на юге Апеннинского полуострова оставалось неоднозначным. Герцог Беневентский Арихиз, будучи зятем сбежавшего в Византию сына Дезидерия, и осевший в Гаэте патриций Сицилии ориентировались на Восточный Рим. Возможно, «попытка

путча» стратега и сицилийского патриция Элпидия в 780 году против императрицы Ирины, которая в ответ приказала византийскому флоту занять Сицилию, сослав бунтаря в Африку, способствовала установлению контакта между восточноримским императорским двором и правителем франков, о чем еще пойдет речь ниже.

Чем меньше король шел навстречу папе в отношении Сполето и Беневенто, оставаясь вне церковных и франкских амбиций, тем более удалялась от него перспектива осуществления «максимального плана» 774 года или даже сама мысль о разгроме лангобардской Тосканы. В итоге Адриану I пришлось довольствоваться приобретением некоторых городских районов. Чита ди Кастелло, Орвието, Тосканелла, Савона, Популония и Гроссето вошли в состав Римской Тусции, как еще раньше Перуджа. В порядке компенсации за невыполнение обещания, данного в Керси в 774 году, в казну понтифика стали поступать некоторые доходы из Тусции и Сполето, которые прежде оседали в королевском дворце Павии. Словно в ответ на это король, как и следовало ожидать, получил от папы послание об отказе от дальнейших претензий.

В противоположность этому была подтверждена передача Равеннского экзархата с включением в него региона с пятью крупными городами. Кроме того, была передана Болонья вместе с Имолой, Анконой, Осимо и Уманой, обладание которыми было предметом спора еще между лангобардами и папами. Тем самым, однако, остались неудовлетворенными серьезные притязания пап римских на владения в пределах экзархата, что усугублялось непримиримой позицией равеннских архиепископов. В этой спорной зоне, как и в семидесятые годы, по крайней мере до 816 года, существовало политическое равновесие, хотя за папой на пергаменте, видимо, было признано право на расширение его полномочий. Окончательная утрата Венеции по договоренности с Константинополем в 812 году должна была подчеркнуть особую ценность остающегося прибрежного региона и его портовых городов в зоне Центральной Адриатики для Западной империи и Итальянского королевства.

Если в грамоте Людовика Благочестивого, датированной 817 годом, к церковным владениям добавляются острова Корсика, Сардиния и Сицилия, вполне возможно, что Корсика подтверждается как внешняя точка по периметру линии Люни — Монселиче фактически в 774 и 781 годах. Что касается Сардинии, исто-

рики тщетно ищут в источниках соответствующее свидетельство, поскольку остров уже в 784 году оказался под контролем сарацинов. А Сицилия, насильственно захваченная по приказу императрицы Ирины в 780 году, вообще стала частью Византийской империи и только в 962 году упоминается в сохранившейся грамоте Оттона I как возможное владение Римской церкви.

Эти территориальные уступки короля и согласие папы на отдельные части его «максимальной программы» 774 года явились основой для компромисса, который, с одной стороны, в немалой степени сохранил целостность прежней империи лангобардов, оставив и в рамках экзархата достаточный радиус для обеспечения интересов королевской политики в Венеции и Истрии, а с другой — признал за папой право на обладание в Центральной Италии территорией, объединившей Римский дукат с Сабиной и Кампанией, обеспечившей северо-восточный фланг посредством так называемой Римской Тусции и одновременно сделавшей возможной территориальную связь Рима с экзархатом и с «обогащенным» Пентаполем. Поскольку Беневенто и Неаполь представляли нечто вроде санитарного кордона вокруг церковного государства, удалось избежать открытой конфронтации с греками и их союзниками. Вдобавок ко всему наглядно проявилось значение крупных аббатств. Достаточно вспомнить в этой связи о Фарфе на территории Сабины.

У папы и короля на Пасху 781 года были все основания считать, что их труды увенчались полным успехом. Карл ощущал заботу и поддержку со стороны преемника апостола Петра, что означало обновленную духовную гарантию монаршего правления его семьи и в будущем, в то время как Адриан I, хотя и не дождался осуществления всех территориальных амбиций, тем не менее сумел серьезно пополнить церковную казну. Прежде всего ему удалось избавиться от постоянной роли просителя при дворе.

*Respublica Sancti Petri**, впоследствии церковное государство, стало приобретать реальные очертания. Последующее Италийское королевство обрело предшественника в итальянском государстве каролингского происхождения. Юг, все еще расколотый на разные зоны влияния, ориентированный в церковном и культурном отношении главным образом на Восток, обрел относительное единство лишь в процессе норманнского государствен-

* Государство Святого Петра (лат.).

ного становления, что одновременно повлекло за собой латинизацию и новую привязанность к патриарху Запада. Это тройное разделение — монархическая Италия, церковное государство и Юг — наложило на историю Апеннинского полуострова такой отпечаток, что он ощущался вплоть до XIX века, напоминая о себе до сегодняшнего дня.

ИМПЕРАТРИЦА ИРИНА В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ И ТАССИЛОН НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

Пока Карл находился с визитом в Риме (скорее всего по поводу мятежа сицилийского патриция), в Вечный город приехали эмиссары императрицы. Ирина после смерти супруга Льва IV вела текущие дела фактически в качестве регентши за малолетнего сына Константина VI. В вопросе о почитании икон, разделявшем Восток и Запад начиная с двадцатых годов или выпукло высветившем это противоречие, она сблизилась с позицией Рима и явно искала союза с королем франков, видимо, для того, чтобы единым фронтом выступить против мятежного стратега Сицилии, который окопался в Африке уже в качестве антиимператора.

Правда, мотивы такого сближения недостаточно прозрачны. Мы в основном зависим от восточных источников, содержащих главным образом перечисление голых фактов. Тем не менее эта попытка создать союз была связана с проектом, который прорабатывался уже в 766-м или 767 году и тогда предусматривал матримонимальный союз сына императора Льва с дочерью Пипина Гизелой, единственной сестрой Карла. Как известно, этому проекту не суждено было сбыться.

Между тем императрица Ирина, вдова бывшего потенциального жениха франкской принцессы, предложила осуществить брачный союз между ее сыном, императором, и дочерью Карла Ротрудой. Предполагаемый проект включал и образовательную программу. Из византийского посольства при дворе Карла остались евнух и нотариус Елисей, чтобы обучать греческому языку и хорошим манерам юную принцессу, которой предположительно было не более восьми лет. Кроме того, ученый Павел Диякон должен был взять на себя труд и образовывать Ротруду на языке Востока, вырвавшегося в области культуры вперед. Эта помолвка означала для правителя франков не только явное повышение международного престижа и авторитета на собственных землях, но и призна-

ние его правления в Италии как преемника лангобардских королей. Их правление до той поры по крайней мере Византией расценивалось в государственно-правовом смысле как подчиненное Романской империи — причем несмотря на более ранние договоренности, имеющие другой смысл. Да и к совместному папско-франкскому владению экзархатом, последним форпостом Константинополя на Адриатике до последовавшего затем расширения портового города Бари, относились по меньшей мере с молчаливым почтением. Союз его друга Карла с Византией имел для преемника апостола Петра также немалое преимущество — в случае возникновения враждебного союза Константинополя с Беневенто папе не пришлось бы волноваться по поводу сохранения статус-кво на южной границе патримония апостола Петра. Интерес императрицы Ирины, с одной стороны, заключался в приобретении союзников в борьбе с мятежными повелителями (и не только в Сицилии), а с другой — в почтении к собственному правлению, к подвергаемой прежде всего в западных источниках дискриминации империи как «бабьего царства», полученной в наследие от Юстиниана и Теодора.

Государственно-правовая эмансипация папы за те годы прошла нелегкий путь познания. Если прежде на документах курии многократно проставлялось лишь римское процентное число — пятнадцатилетний цикл, указание года в отношении к текущему (правда, тогда давно уже сфальсифицированному) пятнадцатилетнему налоговому циклу, синодальный протокол 769 года содержал вообще лишь помету «после царствия Иисуса Христа», то Адриан I после 781—782 годов добавил к году воплощения, то есть к году после рождения Христа, еще годы собственного понтификата в качестве элемента датирования.

Судя по всему, было покончено с чеканкой в Риме золотых монет с обозначением имени и изображением лика императора после смерти Константина V в 775 году; на появившихся позже серебряных денариях изображены лицо папы и его имя. Не король франков и «патриций римлян» становится тем временем на место императора, а римский понтифик как глава своего *Respublica Romanorum**.

Если благодаря частичному выполнению обещания 774 года, несмотря на непрекращающиеся трудности, папа сумел утвердить свою территориальную власть (как духовный авторитет на Запа-

* Государство римлян (лат.).

де, он и без того был непререкаем) особенно в Центральной Италии, то по крайней мере в преемстве лангобардских правителей сопротивления со стороны Восточного Рима Карл не встретил. Императрица Ирина искала прежде всего союза с самой влиятельной силой Запада, одновременно проявляя готовность сблизиться с папой в догматических и религиозно-политических вопросах и тем самым признать его авторитет.

«Двойному королю» из Италии северный фланг вместе с важными перевалами на территории Баварии и Рети представлялся весьма зыбким. Когда-то под властью Меровингов, теперь же де-факто автономный внешний дукат Бавария связанных с королевским домом Агилольфингов все больше воспринимался как опасное средоточие власти. Оно мешало политико-административному смыканию расположенных на севере частей государства франков с Ломбардией. И это несмотря на то что уроженец Баварии аббат Стурм, как мы уже знаем, в 771-м или 772 году сделал возможным договор о дружбе между Тассилоном и Карлом скорее всего в подражание пакту между папой и королем франков. В 778 году баварские контингенты появляются в составе даже испанских вооруженных отрядов, не говоря уже о союзе баварского герцога с Адрианом I. Последний на Троицу 772 года совершил обряд крещения и помазания сына Тассилона — Теодора, что было равноценно утверждению квазикоролевского титула Агилольфингов и оговаривало духовное шефство папы над франкскими принцами. Тогда папа Адриан, опасаясь новых политических альянсов, за которыми стояла мать короля Бертрада, стал искать нового союзника во имя пресечения лангобардской угрозы. Тем самым Тассилон III хоть и бросил перчатку своему тестю Дезидерию, но такой расклад сил не стал долговечным.

Внешние позиции герцога Тассилона, руководившего баварской церковью и ее провинциальными синодами, в результате этого значительно упрочились. В противоположность королю франков, которому саксы создали несказанные трудности и чей престиж пострадал в результате поражения в Пиренеях, Тассилону в 772 году удалось подавить волнения карантанов на юго-восточном фланге своего дуката, существенно ослабить языческую оппозицию, которую возмутила «западная ориентация» их герцога, и дать новые импульсы зальцбургским миссионерским усилиям. Эта война и победа во имя умножения числа новообращенных, судя по всему, нашла поддержку в Риме, чему способствовал также рост материального достатка баварских церквей. Так, в

округе Траун совсем недалеко от поселений славян и аваров был создан Кремсмюнстер — крупный центр миссионерства и колонизации. В рамках местного праздника 7 ноября 777 года сын Тассилона — Теодор в присутствии высоких духовных и светских лиц был легализован как соправитель своего отца. Баварский герцогский род достиг вершины власти и влияния.

Но всему этому была отпущена недолгая жизнь. На Пасху 781 года Адриан I обновил духовное родство пап с королевской династией франков и под воздействием Карла, пошедшего навстречу территориальным притязаниям Адриана, отдал предпочтение новой политической линии в отношении баварских союзников и крестников. По свидетельству имперских хроник, к Тассилону в Баварию на паритетных началах было отправлено папско-королевское посольство. В него входил и будущий архиепископ Майнца Риккульф. Целью этой акции было «уговаривать и заклинять его [Тассилона] помнить о ранее принесенной клятве и действовать в духе обещаний, данных уже давно королю Пипину и великому королю Карлу. А также франкам». Тем самым вновь был поставлен вопрос о лояльности, если не о подчинении, баварского герцога королю франков. Тассилон не позволил, чтобы дело дошло до разрыва; после того как король выделил заложников, он согласился предстать перед ним (недоверие с обеих сторон ярко выражено). Карл с этим предложением согласился. Вормс, связанный с этой встречей, означал в ретроспективе начало конца Агилольфинга и его семьи.

УМЕНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО УПРАВЛЯТЬ ГОСУДАРСТВОМ

После наведения порядка в центре Италии и дипломатического прорыва в Баварии, занимавшего короля после возвращения, на обратном пути Карл направился в Павию, где в 781 году передал грамоту епископии Реджо, даровав ей иммунитет и беспрепятственное избрание епископа. Данный факт свидетельствует о том, что этот город в противовес «максимальному плану» 774 года не был передан Римской церкви, а остался частью королевства лангобардов. Несколько дней спустя королевской грамоты удостоился монастырь Сесто. В результате этих действий был разрешен сложный правовой казус, возникший еще во времена предшественника Адальхиза. На этом примере видно, сколь осторож-

но монарх оценивал шаги лангобардских королей, не ощущая никаких ограничений в их преемстве и действуя сообразно складывающейся обстановке.

Упоминание в судебной грамоте верных сторонников и знати в составе антуража королевского пфальца Павии характеризует Карла как короля, правителя, который по этимологии известного в эпоху раннего средневековья энциклопедиста Исидора Севильского и действует правильно (*recte agere*). Тогда же Карл «ввел» в «правление» королевства своего сына Пипина, но из-за ограниченности исторических свидетельств нам неизвестно, в какой мере при этом учитывались ожидания лангобардов.

Королевство Пипина оставалось под высшим направляющим началом отца, отказавшегося от своих королевских званий только после провозглашения империи, что вовсе не повлекло изменения в фактическом управлении. Так же как в Аквитании, Карл строил свое долгосрочное правление и в этой части империи с опорой на епископов, аббатов, графов и королевских вассалов, во главе которых предположительно находились его кузен, аббат Адалард из Корби, а также герцог Ротшильд и аббат монастыря Сен-Рикье (Сентула) Ангильбер в качестве руководящих министров. Готовность Адаларда последовать в Италию, а также стремление Карла сотрудничать с ним вызвали тем большее удивление, что примерно десять лет назад их разделяла глубокая размолвка в связи с тем, что Адалард открыто выступил против, на его взгляд, незаконного изгнания лангобардской принцессы. Несгибаемый характер, опыт и интеллигентность, противостоявшая реальностям будней, более поздние уставы для монастыря Корби, а также «положение о дворе», дошедшее, по преданию, через Хинкмара (Реймс), видимо, доказывали его необходимость и полезность для короля как временного фактического регента юного Пипина.

На примере Адаларда в значительной мере проявляется искусство Карла Великого управлять государством. Как показывает определяющее влияние англосакса Алкуина, с которым он, между прочим, познакомился в марте 781 года в Риме, или «испанца» Теодульфа, Карлу удавалось привлекать соратников из всех регионов своей империи и, кроме того, из всех сфер политики. В вопросах церковной реформы, образования и культуры в широчайшем смысле слова Карл сумел собрать целый сонм квалифицированных сотрудников, имевших высокую международную репу-

тацию. Условия для них сложились благоприятные, позволявшие дышать полной грудью и, главное, способствовавшие раскрытию талантов. Не случайно Карла называли, говоря словами Йозефа Флекенштейна, «гением дружбы», дух которого выходил за частные рамки дружеского расположения. Этот расширяющийся круг выдающихся личностей позволил глубоко осознать определенный набор из оксана проблем, predetermined отсутствием современных государственных структур в руководстве огромной империей, все же обеспечив в итоге своеобразную консолидацию королевского правления с помощью гибкой системы соответствующих мероприятий.

Круговорот активности, рождавшийся на уровне эмиссаров и послов, втягивал в свою орбиту епископов и аббатов как власть имущих, до того нередко поддерживавших тесную связь с двором, прежде всего в качестве членов королевской капеллы или канцелярии, или светских властителей, служивших во главе своих кланов королю, обогатившему их и их семьи. Он функционировал по воле короля, который, правда, ограничивался неформальными подключениями, непосредственно вовлекаясь лишь в самые важные дела. Хотя институциональное формирование королевского правления за долгие годы пребывания Карла на троне широко коснулось графств, маркграфств и префектур, а также существования «промежуточной власти» в Италии и Аквитании. В основном же королевское правление базировалось на участии аристократии, которая, правда, еще не представляла собой единого сословия, в исполнении власти, во владениях и в росте доходов. Формировавшаяся «имперская аристократия» (по выражению Герда Телленбаха) влиятельных семей явилась фундаментом, на котором зижделось королевское правление. Искусство правления в эпоху раннего средневековья заключалось в поддержании равновесия между необходимым подчинением этих сил интересам и задачам королевства, которое одновременно представляло «общину», то есть народ, с одной стороны, и неизбежно широкой автономией решений на среднем уровне руководства в связи с общими коммуникационными трудностями и региональными особенностями, с другой. Нам недостаточно хорошо известны персоналии на раннем этапе власти Каролингов ввиду ограниченности источников. Тем не менее можно говорить о довольно большом числе аристократических семей, причастных к власти.

О том, как вдумчиво и политически благоразумно действовал Карл в новом королевстве на территории Италии, свидетельствует тот факт, что свою, видимо, лишь недавно родившуюся дочь Гизелу (его единственную сестру, аббатису монастыря Шелль, тоже звали Гизела) король поручил окрестить архиепископу Миланскому — Томасу. Так были установлены духовные узы с весьма самодовольным и нацеленным на автономию пресмником святого Амвросия, принудившим императора Феодосия к публичному церковному покаянию. В результате получил свое подтверждение выдающийся ранг Миланского митрополита для новой королевской династии и итальянского королевства. Как известно, только реформаторскому папству XI века удалось полностью подчинить Миланскую церковь папской верховной власти.

В начале лета 781 года Карл перешел Альпы, и в августе того же года мы снова встречаем его в Вормсе.

НАЧАЛО КАРОЛИНГСКОГО РЕНЕССАНСА

Художественным итогом тех нескольких месяцев, которые Карл провел в Риме, является донесенный преданием кодекс, открывший путь к так называемому Каролингскому Ренессансу. Этот документ в честь его сочинителя был назван Евангелистарий Годескалька. Годескальк, именующий себя «последним служителем» короля, после второго посещения Рима своим господином, в центре которого было крещение Карломана-Пипина, по указанию Карла и его супруги Гильдегарды, написал свой Евангелистарий с шестью миниатюрами на пропитанном пурпуром пергаменте золотыми и серебряными чернилами. При этом использовался унциальный шрифт, заголовки оформлялись заглавными буквами. А вот стихи с посвящением прописывались минускулами, возникшими в те годы на землях франков, особенно в Корби. Удивительно, что следы этого шрифта, который в виде минускула широко утвердился в Европе и за ее пределами, встречаются в 784 году в Баварии в книге молитвенников и пилигримов собора Святого Петра в Зальцбурге. Этот фермент западных стран в духовном плане имеет не меньшее значение, чем каролингский денарий, игравший на протяжении многих столетий экономических связей роль, сравнимую разве что с современным евро.

В отличие от Евангелиария, полного собрания текстов четырех Евангелий, Евангелистарий содержит еще список отрывков,

которые озвучивались в течение церковного года. Карл очень рано обратил внимание на эту разновидность письменной документации, почему его характеризуют «усердным в искусстве книгопечатания». Кроме того, напомним о дипломе 782 года для монастыря Фрицлар, где среди местных церковных сокровищ особенно выделяются кодексы. Или же о грамоте 775 года, определяющей возможность использования шкур оленя, лося, косули и горной серны для выделки книжных переплетов, ибо святость содержания требует ценной формы и достойной оболочки.

Евангелистарий, который вначале хранился в монастыре Сен-Сернен (Тулуза), а впоследствии через Наполеона I попал в Парижскую Национальную библиотеку, состоит из 137 листов форматом 31x21 см. Он открывает серию не очень многочисленных, но мастерски исполненных и расцвеченных на пергаменте кодексов, местом происхождения которых следует считать так называемую школу при дворе короля Карла. По выражению Германа Филлитца, «Евангелистарий занимает важное место на решающем повороте европейской культуры».

Среди миниатюр, во всю страницу изображающих, кроме Христа на троне, еще четырех евангелистов, на шестой странице тематическим и художественным исполнением выделяется колодец жизни (*fons vitae*), связанный с началом Рождественского фрагмента из Библии на противоположной странице, символизируя таким образом рождение Христа. На выбор и оформление составителя и оформителя могли повлиять более старые кодексы в соборе Святого Петра или, что еще вероятнее, мозаики в многочисленных римских храмах, например, в Сан-Джованни-ин-Фонте, церкви, расположенной рядом с Латеранским собором. Колодец жизни, изображение (V век) которого известно в церквях на территории бывшей Югославии, в связи с Евангелистарием Годескалька указывает не только на рождение Спасителя, но и на рождение сына Карла — Карломана-Пипина. В стихотворении с посвящением он именуется «вновь рожденным из колодца». Придворная школа возвращается к мотиву колодца жизни в виде миниатюры в богатой рукописи начала IX века. Известный Евангелиарий монастыря Сен-Метар в Суассоне наряду с таблицей канонов, изображений евангелистов и инициал содержит две миниатюры, каждая размером в целую страницу, изображающие поклонение агнцу и колодец жизни в ценном обрамлении.

Вторая, не менее утонченная рукопись, созданная в окружении Карла, указывает на тесную связь римского понтифика с ко-

ролем франков. Это малоформатный так называемый Псалтырь Дагелайфа, также названный в честь его сочинителя. Судя по тексту посвящения, речь идет о подарке Карла Адриану I. Видимо, написанный лишь после смерти папы в 795 году, он попал не в Рим, а неизвестно какими путями оказался в руках салических франков. С середины XI века Псалтырь из собрания драгоценностей императора Генриха IV попал в собор Бремена, затем уже в XVII веке — в императорскую библиотеку в Вене. С тех пор драгоценный томик — одно из сокровищ Австрийской Национальной библиотеки, а роскошные таблицы из слоновой кости, самые ранние из сохранившихся шедевров каролингской резьбы по кости, находятся в Лувре. В эпоху позднего средневековья малоформатный Псалтырь в Бремене считался собственностью Карла Великого, относясь к числу почитаемых реликвий. И наконец, его считали даже молитвенником Святой Гильдегарды, скончавшейся в 783 году супруги Карла. Хотя стихотворное посвящение противоречит этому утверждению, указывая, что кодекс изначально предназначался для Адриана I, данная гипотеза не лишена основания. Дело в том, что в средние века Псалтырь считался книгой для чтения прежде всего дам, являясь основой всяческого обучения и образования.

Вдохновение, исходившее из Рима поздней античности и раннего средневековья на королевских заказчиков и художников-исполнителей, было огромным. Именно Карл отличался интересом к образованию, любознательностью, тягой к проведению реформ и чрезвычайно развитым пониманием искусства, что притягивало к нему ученых и художников со всего света. Данное обстоятельство характеризовало Карла не как жаждущего власти политика и завоевателя, устремленного исключительно к получению добычи. Между тем в противовес историческим и искусствоведческим исследованиям по поводу немногих дошедших, по преданию, сокровищ, которые вообще можно увязывать с Карлом, термины «придворная школа» и «придворная академия» следует употреблять весьма осторожно. Тем более что и в личном и хронологическом плане возможны всякие спекуляции о мастерских, объединениях и прочая. Такую же осторожность следует проявлять и в сфере зодчества, календарном датировании событий, компутистике (расчет торжественных дат и в первую очередь Пасхи), а также в энциклопедическом подходе, когда все вместе сосредоточилось на фигуре Карла, если нет достаточных на то оснований.

ЭКСПАНСИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ 781—794 ГОДЫ

НАПРЯЖЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ КОРОЛЯ КАРЛА С ГЕРЦОГОМ ТАССИЛОНОМ

Если верить более позднему и не очень надежному источнику, то в начале осени 781 года, когда король как раз собирался перейти Альпы в северном направлении, в Вечный город из Баварии прибыло посольство. Оно, правда, мало или вообще ничего не добилося от папы, тем более что большинству эмиссаров Карл запретил появляться в Риме. Отправленное из Рима к герцогу Тассилону «смешанное» посольство (его состав отбирали вместе — Адриан I и король Карл) даже напомнило баварскому герцогу о том, что «он не должен забывать свои прежние клятвы, не должен действовать иначе по сравнению с тем, что под присягой обещал господину королю Пипину и королю Карлу с франками». Эта якобы первая присяга Тассилона, на соблюдении которой настаивают франкские дворовые хроники. Позже на процессе против баварского герцога ее даже истолковывали как вассальную присягу, якобы уже принесенную им королю Пипину и его сыновьям в Компьене в 757 году и подтвержденную на мошах святых государства франков. По мнению же более поздних по времени историков, это утверждение ошибочно и, наверное, характеризует трудные отношения баварского герцога с королем франков за десятилетия, прошедшие после возведения Пипина и Карла в королевское достоинство. Хотя в сороковые или пятидесятые годы источник «Право баварцев» подтверждал факт зависимости внешнего дуката от королевского правления франков (Меровингов!), тем не менее еще со времен герцога Теодона семейство Тассилона пользовалось как бы статусом автономии. Но, начиная с отца Тассилона — Одилона, баварские герцоги, и без того связанные родственными узами с семейством мажордомов, обрели статус, который придал им почти королевскую значимость благодаря господствующему положению церкви и председательству на заседаниях синода, благодаря учреждению монастырей и успехам миссионерства в юго-восточных регионах, а также родственным узам с преемником апостола Петра и не в последнюю очередь в результате брака Тассилона с дочерью короля лангобар-

дов Дезидерия. Такое положение вещей отразилось также в терминологии — князь и господин. Укреплению этого статуса способствовала воснная победа над карантанами в 771 году, которая в баварских источниках приравняется к разрушению Карлом саксонского Ирминсула.

Из параллельного существования Баварского герцогства и королевства франков самое позднее с исчезновением королевства лангобардов в 774 году, по выражению Рудольфа Шиффера, родилось «секулярное противоречие», поскольку король длительное время был вынужден обеспечивать доступ к новому королевству и поэтому не мог да и не хотел терпеть самостоятельного положения своего кузена. Видимо, о традиционном завоевательном походе с разрушениями и выжженной землей на манер прежних аквитанских экспедиций с целью покорения новых регионов не могло быть и речи. Для смещения и политического устранения соперников требовались легальная видимость и юридическая аргументация даже тогда, когда равновесие франкского правления чувствовалось все явственнее на чаше соотношения сил.

Здесь воспоминание о первых шагах Тассилона может оказаться весьма полезным, а первоисходным моментом был Компьен. Едва достигший совершеннолетия после смерти своей матери Гильтруды в 754 году, Тассилон уступил воле дяди, сохранившего для него право наследования и преемства, несмотря на притязания Агилольфинга и брата короля — Грифона. Поэтому неудивительно, что в 756 году Тассилон стал участником первой кампании Пипина против королевства лангобардов. Если тогда в неопределенной ситуации после смерти Одилона баварская аристократия также склонялась к определенному сотрудничеству с франками, служившему прежде всего упрочению положения Тассилона, это было вполне логично. Однако из всего этого не следует делать вывод о подчинении герцога и баварцев в контексте тогда еще мало привлекательного вассалитета, правда уже затронувшего первые шаги Тассилона. Он противоречил бы действительности, но уже в среднесрочной перспективе представляется крайне эффективной юридической схемой победоносной партии короля франков. Даже если после 756 года дело дошло до присяги Тассилона вместе с его аристократией, то в понимании баварцев это не означало понижение статуса, а в лучшем случае определяло кодекс поведения, включавший лояльность и исключав-

ший антифранкские действия, к примеру альянсы с врагами королей.

Эти почти «внешнеполитические» отношения между двумя автономными властными началами проявляются осенью 781 года, когда, вернувшись на берега Рейна, король приглашает Тассилона на встречу в Вормсе, и тот принимает предложение; причем в целях безопасности гостя король предоставляет группу заложников. Данный факт свидетельствует о том, насколько напряженной была тогда обстановка. Король франков согласился с этим условием проведения встречи и, как обычно, выделил баварскому герцогу заложников. Их было предположительно двенадцать человек. После этого Тассилон появился на «майских полях», то есть на имперском собрании, и, согласно весьма субъективным свидетельствам имперских хроник, подтвердил свою прежнюю присягу. В то же время другие, независимые летописи свидетельствуют лишь о состоявшемся «коллоквиуме», или о встрече Тассилона с Карлом, в ходе которой баварский герцог сделал ценные подарки, после чего получил разрешение вернуться домой.

В этих жестах вручения даров и получения дозволения откланяться налицо ярко выраженное иерархическое различие между герцогской и королевской властью, которое раньше или позже должно было вылиться в выяснение государственно-правового статуса. Вручение ценных даров соответствовало, несмотря на ответный шаг, жесту признания превосходства получившего дар (вспомним пример трех волхвов перед младенцем Христом), а давать разрешение откланяться означало монаршую привилегию. И то и другое отвечало формальному церемониалу, наглядно демонстрировавшему чин участников и их взаимоотношение. Только в этом варианте Тассилон в его почти королевском звании соотносится с нижестоящей иерархической ступенью. О подчинении, тем более покорении или вассалитете, пока не может идти речи. Равным образом предоставление заложников в целях собственной безопасности, которых епископ Зинтберт из Регенсбурга передал королю в пфальце по возвращении герцога, в то время как франкских заложников отпустили по окончании встречи, — эта традиция вполне соответствовала ловкому внешнеполитическому манипулированию, в которое были вовлечены оба кузена. Но уже тогда намечался поворот, радикально изменивший всю ситуацию по прошествии без малого шести или семи лет.

ВТОРЖЕНИЕ В САКСОНИЮ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ПРАВА НА ОККУПАЦИЮ

Рождество 781 года и Пасху 782 года король отметил в монастыре Керси, потом, переправившись через Рейн близ Кёльна, ступил на земли саксов. До того он одарил щедротами монастырь Фульда и снова передал грамоту монастырю Сен-Дени. После изучения всех представленных старых свидетельств новых грамот удостоился монастырь с мощами святого Мартина Турского. Этот факт свидетельствует о том, что письмо и письменность в каждодневных буднях правления играли все более значимую роль. В заключение Карл подтвердил права церкви Апостола Петра во Фрицларе, дарованные архиепископом Луллием (Майнц), на владение со всем инвентарем, золотой и серебряной утварью, а также с книгами. Тем самым был укреплен этот внешний форпост для выполнения миссионерских задач, ибо епископия Бюрабурга никак не могла преодолеть первичный этап духовного становления.

На правом берегу Рейна Карл сразу же взял курс на Вестфалию, где в Липпспринге созвал имперское собрание. Имперские хроники именуют его сеймом. Для инициирования таким образом затушеванного включения саксов в королевство франков эта ассамблея разработала своеобразное право на оккупацию. Одновременно были приняты церковно-политические решения по вопросам миссионерства, церковного устройства (епархий и приходов), что предполагало незамедлительное введение церковной десятины (об этом скоропалительном решении впоследствии писал Алкуин). Сейм был связан со значительным воинским призывом. Датированная 782 годом грамота, составленная в Липпспринге, свидетельствует о том, что призыв «произошел на публичном месте», а не в вилле, пфальце или замке.

Короче говоря, покорение саксов и их интеграцию в королевство франков Карл превратил в весьма серьезное дело. Средством реализации поставленной цели стало по меньшей мере частичное включение так называемого устава графств в регулирование судебной системы и воинского набора. По свидетельству источников, к этому делу Карл привлек даже графов из благороднейших саксонских родов или графов из франкской и саксонской аристократии. Надзор над приданными им административными районами был возложен на священнослужителей, в лояльности которых Карл не сомневался. Этой децентрализации

управления соответствовал запрет снова проводить в будущем собрания на манер Маркло с целью гальванизировать прежние политические структуры под верховной властью франков. Создание административных епархий и приходов стало первым важным шагом на пути интеграции Саксонии в государство франков.

Что покорение «диких и вероломных саксов», как их долгое время именовали франкские источники, вызовет активное и пассивное сопротивление населения, королю и его советникам было ясно еще по ранее приобретенному опыту. Поэтому недатированный указ относительно действующего на землях саксов права на оккупацию обычно связывают с собранием и одновременно проведенным парадом в Липпспринге в 782 году, равно как и первое укрепление миссионерских округов, например, в Вихмодии между нижним течением Эльбы и Везера, где почти два года с определенным успехом трудился англосакс Виллихед, последователь Виллиброда и Винфрида-Бонифация, назначавший священников, строивший храмы и множивший число адептов. До серьезных успехов на фронте обращения в новую веру, видимо, еще было далеко. Если не принимать во внимание «гибких» аристократов, получавших королевские милости, из-за решительного сопротивления населения во всех регионах, не желавшего расставаться ни со своей свободой, ни со старой верой, создавалось впечатление уместности жестких законных мер, впрочем, как вскоре выяснилось, совсем не безосновательных. Так или иначе, теперь уже едва ли возможно сделать однозначный вывод — не из-за этой ли новой эскалации драконовских санкций политико-языческое сопротивление Видукинда пользовалось всеобщей поддержкой населения.

Подчинению политической воле и административным структурам франков соответствовало предполагаемое искоренение язычества и утверждение христианского культа под угрозой наказания при нарушениях, которые в случае их квалификации как «неправильное поведение» обычно заканчивались смертной казнью. Так или иначе, это не противоречило принципам старого саксонского обычного права. В нем смертная казнь не была в диковинку. По этой причине еще в XI веке право саксов считалось особенно жестоким. Оно по своему происхождению было правом завоевателей, лишенным всякого религиозного обоснования в духе христианского учения.

Capitulatio в своих многочисленных положениях и предписаниях отражает задачи завоевателей, с одной стороны, обструк-

цию и ответные меры порабощенных — с другой. Сам текст, имеющийся в нашем распоряжении, тематически систематизирован в той мере, в какой проводится четкое различие между важными и менее важными судебными делами. Соответственно этому за четырнадцать правонарушений предусматривается смертная казнь, девятнадцать деликтов отнесены к числу малозначительных преступлений. Вначале самое главное — несравненно большего почтения заслуживают храмы по сравнению с прежними местами идолопоклонства. Это более высокое положение становится зримым и многообещающим в результате того, что церковь дарит человеку опору в жизни. Смертная казнь предусматривается за следующие индивидуальные деликты, также находящиеся в антифранкском русле: кража церковного имущества, поджог храмов (стало быть, деревянных строений), сознательное нарушение двухнедельного поста накануне Пасхи, что считается знаком презрительного отношения к новой вере. Такое говение фактически означало отказ от потребления мясного, это вправе разрешить только священник в случае болезни и физической немощи.

Смертная казнь, не допускающая снятия греха с души через покаяние, полагалась при следующих преступлениях: убийство духовных лиц, проявление дьявольщины и колдовства, кремация трупа вместо его погребения, приверженность языческим нравам вместе с упорным отказом от обряда крещения, жертвоприношение, оказание сопротивления королю и христианству, а также измена королю, убийство господина и госпожи, ограбление их дочерей. Вместе с тем общая оговорка давала возможность избежать смерти — обращение к священнослужителю, исповедь и покаяние. Тем самым церковь и священническое служение приобретают важную функцию катализаторов при покорении и христианизации. Крещение, соблюдение поста и погребение тела — признаки христианства, а вот отказ от крещения, потребление мяса и кремация в месте захоронения — дьявольщина и идолопоклонство.

В связи с малозначительными наказаниями право на оккупацию требует строительства храмов и их обустройства — это двор с двумя земельными наделами, то есть с двойной площадью пахотной земли на один двор. Данное предписание почти совпадает с одинаковыми по времени требованиями во франкских капитуляриях в пользу так называемых собственных храмов, то есть церквей, находившихся в собственности землевладельцев. Последние могли свободно распоряжаться ими. Далее содержится предписа-

ние, чтобы каждые сто двадцать жителей в пределах одного поселения — аристократы, вольные и литы (полусвободные) — выделяли по одному работнику и одной работнице. Таким образом подкрепляется величие и персональное обеспечение церковей и вместе с тем пестуется трехсословное саксонское общество, нивелируясь в новом служении христианскому Богу. Работники, работницы, подневольные хоть и привязаны ко дворам (усадебам), но не являются самостоятельными производителями. Они и в саксонском языческом уставе рассматривались лишь как объект, но не субъект при отправлении правосудия.

В тексте содержится обязательное предписание по взиманию церковной десятины буквально со всех, в том числе и с аристократии. Это был действительно революционный проект, не столько в понимании христианства, сколько языческой Саксонии, особенно аристократических кругов. Им тем самым не случайно напомнили о дани, которую покоренные были вынуждены платить своим покровителям. Англосакс Алкуин, вскоре один из важнейших советников Карла, хорошо знавший менталитет покоренных собратьев на материке, расценил это незамедлительное взыскание десятины как серьезную тактическую ошибку, создавшую трудности в практике насаждения новой веры. Десятина коснулась не только плодов хлебопашества и животноводства, но и фискальных доходов от довоенных денег и штрафов, а также от прочих состояний и поступлений, «ибо то, что Бог дарует каждому христианину, частично надо возвращать Всевышнему». Полученное от всех христиан должно было пополнить ограниченные возможности короля по обеспечению храмов на землях саксов, а может, даже возместить их. Ведь правитель франков не обладал в Саксонии ни собственным имуществом, ни достаточными средствами из государственной казны.

Другие требования касаются поведения в воскресные дни, когда запрещалось проведение всяких общественных мероприятий, а также обряда крещения младенцев в течение года со дня рождения. При бракосочетании следует избегать родства до четвертого колена; крестным (отцам и матерям) запрещено сочетаться браком с крестниками; недопустимо участие в идолопоклонстве около источников, деревьев и в рощах. Вновь встречается указание на погребение покойников, которое надлежит совершать на кладбищах, избегая языческих могильных курганов. Это требование было наиболее трудным для исполнения, учитывая значение, придаваемое культу мертвых, особенно в архаичных культурах.

Ведь этот завет разрывает узы, связывающие живых с мертвыми. Имеются археологические доказательства, что в населенном фризами и саксами прибрежном районе вплоть до IX и даже X века трупы умерших сначала сжигались, а потом предавались земле на языческих местах захоронения, даже если предметы, опускаемые в могилу с покойником, увязывались с христианской традицией. Например, на ручке ключа одной хозяйки дома были обнаружены крестообразные мотивы. В округе Фрисланд кремация и предание праха земле происходили вне поселения вплоть до XII века, когда в ходе «второй христианизации» (по выражению Генриха Шмидта) возникло ядро поселения вокруг церкви, к которой непосредственно примыкал церковный двор в качестве места для захоронения. Чтобы создать заслон на пути языческих обычаев и вообще покончить с ними, *Capitulatio* призывает выдавать священнослужителям прорицателей, волшебников и колдунов.

Как непросто формировался новый политико-административный порядок покоренной страны, с каким сопротивлением пришлось столкнуться франкской администрации и правлению в целом, наглядно показывает фрагмент, посвященный разбойникам и злодеям, перемещавшимся из одного графства в другое, находя там убежище и защиту и избегая надлежащего суда. Их пособники должны были расплачиваться за нелояльность королю, так же как и графы, но они еще теряли свое графское достоинство.

Целый ряд параграфов посвящен именно графам: им надлежит поддерживать мир в своих взаимоотношениях, а все спорные случаи выносить на рассмотрение короля. За убийство графа, эmissара короля или всего лишь за намерение совершить убийство злодей подлежал выдаче двору с лишением его наследства. В тяжких случаях отступничество графа измерялось шестьюдесятью римскими золотыми монетами (три марки серебром), что соответствует нелояльности королю. Менее значительные деликты в этой области обходились в пятнадцать римских золотых монет, как высшая и низшая граница без ограничения служебных полномочий.

Принесение присяги как существенного средства судебного сознания традиционно должно осуществляться в церковном помещении; клятвопреступление по законам саксов подлежит наказанию (отсечение указательного пальца правой руки!). И наконец, право на оккупацию включает существенные политические решения, например запрет племенных собраний, за исключением мероприятий, проводимых в присутствии полно-

мочных королевских представителей. Графы обязаны проводить в своем «*ministerium*»* судебные заседания и отправлять правосудие. За этим обязаны надзирать в качестве высшей инстанции священнослужители, которые уже в качестве надзирающей инстанции стоят над призванными в графы саксонскими аристократами, определяя тем самым осто́в фактических властных отношений.

Принятие христианства, что было связано с церковным устройством и оснащением, введением десятины, совершением крещения, соблюдением жизненного ритма в воскресные и праздничные дни, соблюдением постов, погребением умерших на кладбищах, бракосочетанием и отказом от исполнения языческих культов, не могло не оказать существенного воздействия на жизненные устои и взгляд на мир покоренных саксов. Словно со стороны в их сознание вошло новое политическое устройство, строго карающее нелояльность в отношении короля и его эмиссаров, графский устав как административный фундамент «публичного» строя и всеобщий надзор над «государством» и обществом со стороны священнослужителей. Такие перемены едва ли могли пройти без глубоких конфликтов и поэтому мобилизовали все сословия против короля и Евангелия. Характерно, что только так называемый *Capitulare Saxonicum*** 797 года смягчил этот жесткий оккупационный режим и в значительной степени уравнил саксов по закону с другими народностями огромной империи.

В связи с уже упомянутым выше старосаксонским обетом при крещении время провозглашения права завоевателя донесло до нас свидетельство (*Indiculus*), суммирующее увиденные со стороны франков языческие обычаи и культовое идолопоклонство саксов. Особое внимание здесь обращено на священные леса и колдовцы, разновидности пророчеств, культ мертвых и поминальные пиршества, а также торжественный обход территории; описано пестрое многообразие народной культуры саксов, на которую должны были опираться миссионеры, если они рассчитывали на реальные успехи, при этом не упуская из вида специфически христианское начало.

Лишь после коронации Карла императором двор активизировался в борьбе с силами магии, колдунами и целителями, причем в строгости наказаний уже просматриваются намеки на последующую инквизицию в отношении еретиков и ведьм. Уже в IX веке

* Служение, должность (*лат.*).

** Саксонский капитулярий (*лат.*).

сообщается о трагической кончине монахини по имени Герберга в Галлии (!), которую из-за ее пророчеств посадили в бочку и бросили в Рону, где она и утонула. Впрочем, в данном случае было покончено с именной аристократкой — сестрой беглого Бернарда из Септимании.

В Липпспринге король несколько недель занимался не только делами, связанными с саксами. Выслушав присягнувшего ему управляющего монастырем Прюм, а также свидетельство двенадцати монахов, король объявил обитель Сен-Горцелле своей собственностью, после чего передал ее родителям и затем в распоряжение семейного монастыря Прюм. В этой келье, отличавшейся особой близостью к королю, в 788 году оказался смещенный баварский герцог Тассилон, а до того четвертая супруга Карла Фастрада, помолившись у мощей святого Гора, исцелилась от страшных зубных болей. За это король в 790 году совершил акт дарения. Примерно в то же время в известном месте, «где берет начало приток Рейна Липпе», 25 июля домская церковь Шпейер получила дарованное еще отцом Карла Пипином освобождение от фискальных сборов, а также от воинской повинности. Подобное с церквями случалось довольно редко. Этот случай показывает, какое значение имела воинская повинность для завоевательной политики Карла, особенно на землях саксов. Сам факт вручения грамот позволяет предположить, что и этот поход в Вестфалию имел духовную подоснову. Поэтому же весьма вероятно, что на встрече обсуждались проблемы церковно-политического обустройства завоеванных регионов страны.

КОНТАКТЫ С ДАТЧАНАМИ

В Липпспринге рассматривались также внешнеполитические вопросы. Туда прибыли эмиссары датского короля Зигфрида, союзника Видукинда. Скорее всего они постарались собрать информацию о планах Карла в отношении северного течения Эльбы и скандинавских регионов. Договориться с датчанами на первых порах не удалось, ибо король франков, очевидно, не планировал расширять театр военных действий за пределы Вихмодии и, стало быть, высаживаться на другой берег Эльбы. Учитывая трудности с свангелизацией и интеграцией саксов, продвижение на скандинавский Север также представлялось малопривлекательным. Лишь в двадцатые годы IX столетия намечаются первые шаги

в этом направлении. Дипломатическая встреча скорее всего была расценена как неудача. Пренебрежительные комментарии из Диктермунда, достигшие в те дни двора Карла, даже не пощадили (варварскую) манеру выражения датского короля. Контакты с северным соседом возобновились только в 798 году.

Затем в 782 году впервые появились аварские эмиссары. Авары — народ, населявший земли к востоку от Венского леса. Они, будучи соседями, противниками, но и потенциальными союзниками баварского герцога Тассилона, являлись тайным врагом и конкурентом Карла. Подкорректированная версия имперских хроник сообщает лишь, что эти эмиссары прибыли «ради мира». Карл их выслушал и отпустил с Богом. Пытался ли король тогда сколотить союз против баварского владетельного князя, казавшегося ему чересчур могущественным и самостоятельным? В конце концов несколько лет назад он нашел общий язык даже с испанскими мусульманами, но потом все рухнуло. Можно сказать, что имперское собрание в Вестфалии сумело внедрить на покоренных землях приемлемую модель управления, «сработанную» франками. Карл, видимо, уверовал в то, что окончательно покорил саксов и тем самым заставил их принять христианство. Во имя этого он учредил графства как политико-административные структуры и подвел серьезный фундамент под церковное устройство на уровне приходов.

В любом случае, обогнув Герсфельд, значение которого как форпоста миссионерской деятельности проявилось еще раз, Карл направился к Рейну. 28 июля Герсфельд получил территориальное приращение, а также из государственной казны церковь Шорн, которой до сих пор обладала Лёба, аббатиса в Таубербишофсхейме и доверенное лицо Винфрида-Бонифация. Она оставалась за нею до конца ее жизни. В тот же день Карл пожаловал уже многократно одаренному аббату Фульды расположенную в округе Вормс виллу Диенхейм и владение в Веттерене для него самого, его супруги и потомков. Община монашествующих Фульды со всеми ее структурами уже в 781 году возросла до не менее четырехсот членов — огромная цифра, учитывая положение аббатства Винфрида-Бонифация в дикой Буконии. Но это также означало, что монахи под началом аббата Баугульфа более чем когда-либо зависели от повышения экономических доходов в результате дарений короля и, более того, новообращенных саксонских аристократов и прочих. Весьма известный и достопочтенный монастырь Корби на реке Сомма, в общем-то колыбель

Каролингского минускула, поколение спустя насчитывал опять же менее четырехсот монахов, а вот цифровые показатели королевских аббатств Сен-Дени или Сен-Жермен-де-Пре оказались несравненно ниже.

После возвращения в родные места короля обеспокоили события в Италии. Так, в Геристале лично присутствовавшему аббату Фарфы Карл передал полученную им от герцога Гильдебранда из Сполето (несмотря на притязания епископа Риети) для казны и для личного спасения короля церковь Святого Михаила в Риети. Мы напоминаем о том, что Сабина должна была перейти под власть папы, что, правда, удалось в крайне несовершенном виде, тем более что именно Фарфа как главная опора герцогско-королевской власти оказалась занозой в теле церкви. Это приобретало еще больший смысл потому, что, добравшись до патримония апостола Петра, Риети стала восточным форпостом в отношении герцогства Сполето, в то время как передача Фарфе с широкой автономией расположенной вблизи города церкви уравнивала интересы папской территориальной политики.

В любом случае путем строительства и расширения собственных или преданных ему центров духовного влияния во всех частях империи король сумел удержать доминирующее властное положение, а также привлечь на свою сторону высшее духовенство как противовес устремленной к самостоятельности аристократии. 26 сентября, по-видимому, в лотарингском Гондревиле Карл даровал иммунитет епископу Модены и в результате получил еще одного верного сторонника на территории епископии, входившей в экзархат, на обладание которым претендовал папа.

НОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ САКСОВ

Спокойствие, установившееся по другую сторону Рейна, оказалось обманчивым. «Сразу» после ухода короля с его войском, как свидетельствуют имперские хроники, «саксы вновь взбунтовались привычным образом»; их подстрекателем был Видукинд, предусмотрительно отсутствовавший на собрании в Липпспринге. Кроме того, пришлось умиротворять еще сорбов — славянскую народность, обитавшую на землях между Эльбой и Заале. Они вторглись в Тюрингию и Саксонию, сжигая и убивая всех и все на своем пути. Камерарий, маршал и пфальцграф как при-

дворные высокого ранга по воле Карла сформировали войско из восточных франков и саксов (!), чтобы дать отпор «немногочисленным славянам» и усмирить их, и продвинулись вплоть до среднего течения Эльбы.

Между тем искра саксонского восстания разгорелась по всей стране, затронув прежде всего миссионерские центры и занимавшихся прозелитизмом. Имеются сведения, что после первых успехов Виллихед между нижним течением Везера и Эльбы в панике покинул регионы, где он занимался обращением язычников в новую веру, и через Фрисландию по воде добрался до спокойных земель франков. Примерно в то же время восставшие саксы в районе между Хунте и Эмсом убили одного священнослужителя и одного графа. В Бремене, который так упоминается впервые в истории, погибли «Гервал и товарищи». И в Дитмаршене на другом берегу Эльбы также отмечается гибель священнослужителя. Тем самым были перечеркнуты многолетние усилия по прозелитизму.

Когда отправленные Карлом государственные сановники продвигались к Эльбе, стало известно о новом бунте саксов. Тогда они немедленно изменили курс, направившись к месту концентрации мятежников. Между тем граф Теодорих, прослышав о бунте рипуарских франков (то есть живших на обоих берегах в нижнем течении Рейна), сформировал воинский контингент. Этот родственник короля, которому подкорректированные значительно расширенные имперские хроники скорее всего обязаны наличием данной информации, во время форсированного марша по земле саксов столкнулся с отрядом, под командованием придворных также направлявшимся к центру восстания. Не дождавшись королевского приказа, оба контингента объединились. По совету Теодориха необходимо было разведать место расположения саксов, насколько позволяли условия местности, а также подготовить наступление на противника. Но как только лазутчики выяснили, что мятежники, продвинувшись по северному берегу Везера вдоль Зюнтеля, простиравшегося справа от Везера примерно от Гемельна до Миндена, разбили военный лагерь, восточно-франкский отряд, проигнорировав договоренность с Теодорихом, беспорядочно ринулся вперед. Опасаясь, что все лавры победы граф присвоит себе, каждый воин безотчетно бросился на врага. Саксы же ожидали нападавших, тщательно построившись перед своим лагерем. В итоге почти все франки погибли, в том числе камерарий и маршал, четыре графа и еще двадцать воинов из

числа именитых аристократов. Оставшиеся в живых бежали в лагерь Теодориха, разбившего шатер с другой стороны гор и, видимо, разработавшего план уничтожения саксов путем своего рода обходного маневра. По свидетельству хронистов, оставшиеся в живых были полны сомнений и стыда.

УГОЛОВНЫЙ СУД В ВЕРДЕНЕ

Реакция короля последовала незамедлительно. Вот как она изложена в имперских хрониках: «Услышав это, король Карл поспешно собрал отряд из имевшихся в его распоряжении франков и направился к тому месту, где Аллер впадает в Везер. Там остатки саксов собрали под начало господина короля. И злодеи, вызвавшие это восстание, а их было 4500, по воле короля были подвергнуты казни. Так оно и произошло. Исключение составил Видукин, бежавший к норманнам». Искорженная версия этой хроники свидетельствует, что Карл спланирует вокруг себя всю саксонскую аристократию, не упуская случая разобраться в том, от кого исходила эта разрушительная сила. Вся вина возлагалась на Видукинда, а остальные возмутители, поддавшись его уговорам, лишь исполнили эти преступления. «Числом 4500», им в один день в Вердене были отрублены головы. Эти свидетельства, представляющие «европейское светило» как кровавого военного преступника, нуждаются в тщательной проверке на достоверность и вероятность, тем более что в связи с упоминаемыми в средневековых источниках «значительными цифрами» необходимо проявлять максимальную осторожность, не принимая эти данные за чистую монету. Поэтому логично усомниться в том, соответствует ли исторической правде цитируемая в новейшей литературе парафраза «резня в Вердене», хотя нельзя оспаривать, что ответный удар Карла, видимо, отличался исключительной жесткостью, учитывая тяжелые потери на Зюнтеле и связанную с этим утрату военного престижа.

«В Вердене на Аллере, — пишет Иоганн Фрид, откровенно насилуя источники, — в один прием обезглавлено, повешено и умерщвлено 4500 саксов. То была оргия насилия, кровавый дурман. Карл уничтожал не только слабых, он преследовал влиятельных, если они не перешли своевременно на сторону франков». Фактически же, и это со всей категоричностью отмечают наши источники, Карл не требовал расправы с так называемы-

ми слабыми (да и кого считать таковыми в VIII веке?), а велел казнить подстрекателей мятежа в целях покаяния и устрашения. Тем самым был создан прецедент. Но по воле короля он не вылился в публичный уголовный суд над оппозиционно настроенными саксами и не стал привычным орудием его политики. Здесь скорее всего определяющую роль играли гнев, разочарование, озлобленность и даже месть, но также скорбь по собственным жертвам. И все-таки это не стало этапом, предваряющим геноцид.

Было бы правильно изучить поведение Карла в подобных ситуациях, например, возникший в 786 году заговор графа Гардара и его сторонников, который в противоположность восстанию саксов имел целью лишить жизни самого короля. Чтобы определить адекватные масштабы оценки происшедшего в 782 году, придется сравнить меры наказания, примененные Карлом против этого круга заговорщиков, с уголовным судом на Аллере.

Филологически однозначно подтвержденные данные — 4500 человек вначале нуждаются в экспертной оценке. Дело в том, что мы не располагаем статистически надежными данными относительно общей численности саксов в эпоху средневековья. Поэтому указание на 4500 заговорщиков или смутьянов противоречит здравому смыслу. Названная группа могла насчитывать несколько дюжин, которых к тому же выдали сами саксы. Цифра в 4500 человек предполагала бы огромное сосредоточение живой силы с обеих сторон. В таком случае встал бы вопрос: почему саксы без борьбы отдали своих главарей на милость победителя? Затем позволителен вопрос: каким должен быть контингент франков, обеспечивавший охрану обреченных на казнь 4500 человек? Скорее всего он составил бы по меньшей мере такое же количество, то есть 4500. Однако нам известно — отправляясь в поход, Карл спешно собрал несколько отрядов, чтобы противостоять мятежу, тем более что этой экспедиции не предшествовало имперское собрание с соответствующим воинским набором.

Исследования Карла Фердинанда Вернера показали, что контингенты Каролингов, учитывая объявленные военные походы, насчитывали в лучшем случае 5000, но, наверное, не более 10 000 человек. Последняя цифра — это абсолютно максимальный показатель. В эпоху раннего средневековья снабжение и содержание людей и животных, особенно во второй половине года, возрастания указанных цифр не допускали.

Места расселения самих саксов историки квалифицируют как анахронистические, но, по сути дела, как аморфное переплетение «поселенческого средоточия», и их едва ли уместно было бы называть популяцией, допускавшей кровопускание как норму жития в таких масштабах. И наконец, неизбежно проявились бы сомнения относительно казни такого огромного количества людей. До появления гильотины было бы крайне сложно, да и вообще невозможно, всего за один день казнить 4500 человек, отделив им мечом голову от туловища, не говоря уже о жутком эмоциональном впечатлении от массовой казни на местное население вообще и на само франкское войско в частности.

Обычно хорошо информированные имперские хроники Петауиани правдиво воспроизводят суть тех событий: «Франки порубили огромное число саксов, а многих побежденных саксов угнали на свои земли». Весьма незначительная часть мятежников, возмутители и главари, подверглась казни, значительно большее число были депортированы и расселены на землях франков. Так отнесся Карл к нелюбимым им лангобардам; такая же судьба постигла поколение спустя строптивые трансальпийские племена. В результате уже упомянутого восстания 786 года под руководством Гардрада в Тюрингии несколько его зачинщиков также были казнены, некоторым выкололи глаза, а их владения конфисковали. Тем не менее в результате замирения с «попутчиками» опасный мятеж был подавлен — ни о какой оргии мести речи не шло, хотя заговорщики бросили вызов самому королю и его правлению.

Безмолвствуют и все прочие источники, особенно послания из кругов, близких к Карлу, которые, подобно Алкуину, откровенно критически комментировали поход Карла в земли саксов и просто не восприняли описанную кровавую оргию. Более поздняя саксонская историография также никак не упоминает это происшествие, что должно было дать пищу для раздумий тем, кто намекал на «кровавое упоение». В его время и в последующие эпохи имидж Карла, возможно, и претерпел изменения, но все же нет основания представлять его как обогрешенного кровью военного преступника. Этот уголовный суд, связанный с тех пор с местечком Верден, являлся исключением и служил однозначно целям устрашения. Успех не заставил себя ждать в том смысле, что Видукинд, принципиальный контрагент Карла на землях саксов, в 785 году был вынужден подчиниться королю.

КОНЧИНА КОРОЛЕВЫ ГИЛЬДЕГАРДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ НОВОГО БРАКА

С Везера Карл вернулся домой и отметил Рождество и Пасху 783 года в Дидетховене на Мозеле, где он выдал грамоту монастырю Лорш. И здесь саксонские дела не оставляли его в покое, ибо на горизонте замаячил новый мятеж.

Когда Карл готовился к новому походу против саксов, судьба нанесла ему жестокий удар. 30 апреля в расположенном близ Меца пфальце скончалась его третья супруга Гильдегарда — мать шести здравствующих совместных наследников (трех сыновей и трех дочерей), связанная родственными узами с папой Адрианом I. Смерть настигла королеву, как и многих женщин, в момент родов. Она умерла на двадцать шестом году жизни. В 771 году примерно в тринадцатилетнем возрасте она стала королевой, подарив своему супругу за время брака не менее десяти детей. В момент смерти королевским чадам было от двенадцати до четырех лет, что перед достаточно молодым вдовцом поставило немалые проблемы.

Упокое Гильдегарда нашла в Сен-Арнульфе близ Меца, рядом с двумя дочерьми короля Пипина и своей дочерью, тоже Гильдегардой. Не только папа в посланиях удостоивал ее лестными почетными титулами и проявлениями высшего почтения. Святая Лёба, одна из немногих приближенных «апостола немцев» — Винфрида-Бонифация, добивалась ее дружеского расположения. Еще в 781 году обе женщины, по-видимому, виделись недалеко от Вормса или даже встречались в Герсфельде, когда король передал местной церкви землевладение Лёбы.

Среди жен Карла Гильдегарда пользовалась особой известностью, ибо только она была матерью королевей. Сын Гимильтруды Пипин Горбун в 781 году в результате изъятия или удвоения имени уже был лишен права первородства и потенциального преемства в королевстве отца. В 792 году его окончательно вычеркнули из списка наследников и заточили в монастырь. Последующие жены Карла — Фастрада и Лиутгарда — не имели потомства, по крайней мере мужского, а родившиеся позже у наложниц внебрачные Дрогон, Гуго и Теодорих при наличии законных преемников и наследников никак не могли претендовать на управление королевством. Таким образом, Карл был избавлен от проблемы, связанной с сыновьями, рожденными в разных браках, и докучавшей еще его деду (тоже Карлу) и набиравшей силы династии мажордомов.

Но не только рождением потомков мужского пола в лице трех сыновей с их способностью к наследству и преемству, которых Карл еще в 806 году объявил даром Божиим, он был обязан этой женщине. Она обеспечила ему уважительные и весьма желанные родственные узы со швабскими Агилольфингами как противовес баварской линии этого действительно именитого рода. Не случайно по воле Карла брат Гильдегарды Герольд после свержения Тассилона стал квазигерцогским префектом в Баварии. В жизнеописании Карла Эйнхард славит высокое происхождение Гильдегарды, а трирский епископ Теган, один из биографов Людовика Благочестивого, по праву возвеличивает ее как мать королей.

Из стихотворения с посвящением нам известно, что появление Евангелистария Годескалька также связано с Гильдсгардой, сопровождавшей короля при посещении им Рима в 781 году. Согласно более позднему преданию, Гильдегарда завещала монастырю Сен-Дени, семейному склепу родителей Карла — Пипина и Бертрады, весьма ценный Псалтырь, ставший книгой для чтения мирян и женщин в эпоху средневековья. Подобная легенда тянулась за уже упомянутым Псалтырем Дагелайфа, первоначально предназначавшимся для папы Адриана I, а впоследствии оказавшимся в собственности соборной церкви в Бремене. Согласно историческому анекдоту Ноткера из монастыря Сен-Галлен, королева оказывала влияние и на политические дела или по крайней мере пыталась на них воздействовать при возведении новых епископов. Эпитафию в монастыре Сен-Арнольфа сочинил для нее, как, впрочем, и для многих других усопших членов королевского дома, досточтимый Павел Диакон. Он превозносит красоту Гильдегарды, которая «освещена сердечным светом», а ее человеческую простоту он сравнивает с лилией среди роз. Кульминация его возвышенного стиха: «Любая похвала бледнеет перед тем, что ты была мила такому человеку!»

Карл, безусловно, был очень привязан к ней. Он неоднократно брал ее в военные лагеря, она нередко участвовала вместе с ним в военных походах. В регулярных пожертвованиях на помин души король категорически требовал возносить молитвы за супругу. Согласно одной грамоте, вторично прописанной в первой половине IX века и одновременно расширенной включением правопритязаний, однако производящей впечатление оригинала, король уже 1 мая, то есть на другой день после кончины Гильдегарды, передал монастырю Сен-Арнольфа во спасение

«нашей любимейшей супруги, королевы Гильдегарды» целый комплекс владений, «дабы на месте ее захоронения день и ночь царил свет». Хотя датирование этой грамоты совсем не соответствует традициям последней четверти VIII столетия, тем не менее эпитет «самая сладостная» в отношении Гильдегарды в обозначении дня, указывающего на состоявшуюся накануне кончину королевы, тем не менее вполне созвучен общему восприятию происшедшего.

Летом того же года, непосредственно после возвращения из очередного похода против саксов, король-вдовец связал себя брачными узами с Фастрадой, по свидетельству подкорректированных имперских хроник, дочерью одного франкского графа по имени Радульф, которого Эйнхард называет «германцем», то есть восточным франком, рожденным на землях к востоку от Рейна. Имя Фастрада однозначно не ассоциируется с определенным ландшафтом, оно встречается в хрониках умерших Фульды. Здесь же с добавлением — «королева» в поминальных книгах Рейхенау, Ремиремонта и Сен-Галлена, а также в грамотах из Лорша, датированных 781—782 годами. Новейшие исследования доказывают вероятность связи Фастрады с архиепископом Риккульфом из Майнца, в обители которого Сен-Альбан и была захоронена королева. Этот Риккульф приходился братом Рутекару, который свое владение во Франкфурте — Редельхейме передал Фульде и Лоршу. Таким образом, та Фастрада, согласно дошедшей по преданию грамоте о дарении от 13 ноября 787 года, принадлежала к числу ближайших родственников королевы.

Нам мало что известно о подробностях этого бракосочетания. Скорее всего оно было продиктовано политической целесообразностью, согласно которой после предположительного алеманского, затем лангобардского и еще швабско-агилольфингерского брака следовало соединиться матримониальными узами с крупным семейством из района Рейна — Майна с широким выходом в восточнофранкские регионы. Неясно лишь, оставались ли исключительно потребности поддержания королевского двора в должном виде основанием для поспешного четвертого брака Карла. В противоположность Гильдегарде ее преемница у обработчиков и авторов летописных источников IX века особой симпатией не пользовалась. Утверждается, что она была жестокой, оказывая на Карла дурное влияние, даже порождавшее вспышки мятежей.

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ КАРЛА И ЕГО СЫНА (ТОЖЕ КАРЛА)

Еще до этого очередного бракосочетания во второй половине 783 года Карла постигла еще одна личная утрата: 13 июля в Шос-сене вблизи пфальца Компьен скончалась и там же была предана земле его пожилая мать Бертрада. Но после возвращения из Саксонии Карл приказал перевезти ее тело в королевское аббатство Сен-Дени, где она нашла последнее упокое, соответствующее положению матери влиятельного правителя франков и первой королевы новой династии рядом со своим супругом Пипином. Эйнхард сообщает, с каким чрезвычайным почтением Карл относился к матери, причем несогласие или отчуждение между ними имело место лишь однажды, когда Карл расстался с лангобардской принцессой и тем самым отверг новую политику Бертрады — союз между Баварией, лангобардами и франками. С тех пор король не позволил ни одной женщине оказывать какое-либо заметное влияние на формирование и осуществление своей политики; временам Плектруды, Свангильды и Бертрады не суждено было повториться. Наследник и преемник Карла Людовик себе в ущерб не последовал доброму примеру отца, позволяя супругам Ирмингарде и Юдифи оказывать слишком явное воздействие на судьбы империи и на принципы своих политических решений.

В ходе этих частных и вместе с тем публичных акций (кончина королевы и матери короля, а также новый брак Карла) с новой силой разгорелось противостояние франков с саксами. Еще до похорон Гильдегарды до короля дошла весть о новых волнениях. Он спешно собрал войско, с которым, «как и планировалось», форсировал Рейн и вторгся в центр энгернов по склону горного массива Оснинг до местечка под названием Детмольд. Там франкские отряды в открытом бою разгромили противника. В результате многие саксы погибли и лишь немногим удалось бежать. Некоторое время спустя Карл в Падерборне соединился с остатками воинских контингентов. Не исключено, что король снова отправился в поход с несколькими войсковыми колоннами или же запросил подкрепления уже на марше.

Между тем саксы опять собрались с силами, остановившись на границе Вестфалии, так что противник оказался у франков прямо в тылу. На реке Хазе, неподалеку от Оснабрюка, произошла вторая битва. На этот раз Карл одержал абсолютную победу, «много тысяч» саксов были убиты, многие попали в плен.

Но погибло и немало франкских аристократов. Эйнхард выделяет обе битвы исключительно как решившие исход военных действий. После этого противник уже ни разу не попытался бросить перчатку королю, чтобы противостоять ему с открытым забралом, разве что прячась в укрытии. Между тем более совершенное вооружение франков и прежде всего атаки опытных кавалерийских эскадронов позволили сокрушить отряды саксов, состоявших, видимо, главным образом из пехотинцев. Эту противоречивую манеру ведения войны демонстрирует «ковер Байи», позволивший норманнской коннице Вильгельма одержать победу над англосаксонской инфантерией Герольда при Гастингсе в 1066 году; это стало возможным, как только были преодолены все препятствия и заграждения и защитники покинули укрепленные высоты.

И все-таки отдельные региональные и даже локальные волнения проходят красной нитью через всю историю франко-саксонских отношений в последующие двадцать лет. Впрочем, военная мощь и способность к глобальному единению отдельных швармов была окончательно подорвана. Целенаправленные военные действия меньшей интенсивности, и в первую очередь обширные депортации жителей на обоих берегах Эльбы, покончили с повстанческими устремлениями саксов в первом десятилетии IX века. Между тем церковные структуры, к примеру епископия Бремена, были отброшены в своих начинаниях на уровень восьмидесятых годов, из-за чего им удалось возобновить созидательную деятельность лишь после 804 года. Только теперь мог развернуть свои усилия в нижнем течении Везера епископ Виллирих, назначенный еще в 789 году преемником Виллихеда.

Соответственно шло формирование других епископий на землях саксов, где после Падерборна в 799 году были учреждены епархии в Оснабрюке, Миндене и Мюнстере примерно в 800 году и после 804 года, то есть уже в новом столетии, когда окрепли первые миссионерские ячейки, а назначение архипастырей обеспечило преемство церковной жизни. Таким образом, между военным покорением противника и его фактической интеграцией в государство франков пролегла дистанция, измеряемая примерно двадцатью годами. Они включали в себя евангелизацию и административные действия, а как крайнее средство — депортацию коренного населения и заселение его земель франками.

После беспрецедентных военных успехов в двух битвах Карл не удовлетворился достигнутым статус-кво, а переправился через

Везер, продвинувшись до самой Эльбы, «все опустошая» на своем пути, как свидетельствуют имперские хроники. Не исключено, что уже в 783 году он искал встречи с главным противником и вдохновителем мятежа Видукиндом, который тогда, видимо, вновь удалился в регион на другом берегу Эльбы.

Карл победителем вернулся в Вормс, «после того как все устроил и привел в порядок». Осенью состоялось его бракосочетание с Фастрадой. Лорш удостоился новой грамоты, подтверждавшей утраченные основания для владения и соответствующие правовые притязания. 9 октября король предоставил церкви Ареццо в Тоскане привилегии, что означало подкрепление его связей с Италией.

Рождество и Воскресение Господа 11 апреля 784 года Карл отмечал в зимнем пфальце Геристаль близ Льежа. Это было уже одиннадцатое пребывание Карла начиная с 770 года в центре обширных фискальных владений на реке Маас.

Их леса располагали людей к зимней охоте сообразно их социальному положению. Зимние месяцы с дождями, снегопадами и гололедом, с заболоченными путями и дорогами, с замерзшими реками приводили к замиранию всей общественной жизни. За небольшими исключениями, страна впала в состояние общей политической спячки.

Наряду с любителями охоты король много времени посвящал общению с самыми верными ему людьми. В узком кругу концептуально прорабатывались «майские поля», другими словами, проведение общеимперского собрания. Правда, хроники того времени об этом почти ничего не сообщают.

Обе проведенные в 783 году битвы, которые летописные источники по праву называют крупными успехами, еще не означали окончательного умиротворения на землях саксов, «привычным образом и сообразно наиболее благоприятному времени года проигравшие снова собирались с силами, а вместе с ними и часть фризов к востоку и северу от реки Фли, которые откровенно вернулись к идолопоклонству». Как Виллихед в 782 году, так теперь Людигер, ученик Григория Утрехтского и миссионер на землях фризов, чуть позже первый епископ Мюнстерский и основатель монастыря Верден, был вынужден покинуть страну. Вместе со своим братом Гильдегримом, впоследствии архиепископом Кёльнским, он нашел убежище сначала в Риме, а потом в Монтекассино. В начале монашеской жизни он познакомился с уставом святого Бенедикта, который некоторое время спустя стал пропаган-

дировать на реке Рур. Кроме того, проект реформирования устава Бенедикта Анианского базируется на опыте и взглядах этого руководящего духовного слоя, приобретенных еще в бытность отца Карла — Пипина. Вспомним о брате Карла — Карломане, монахе Монтекассино, и о самом Карле, который считался ревностным сторонником этих сбалансированных правил монастырского жития. Роль посредника между франками и монахами в Монтекассино постоянно играл Рим как резиденция папы. И эту функцию можно проследить на примере биографии мажордома Карломана. Близость к Риму и монастырская реформа в духе понтифика сформировались за долгие десятилетия, решительно и долговременно воздействуя на ментальные структуры высшего слоя франкского общества и всего королевства.

Как только позволила погода, Карл в ответ на очередной мятеж переправился через Рейн близ Липпенхема и, очевидно, решил продолжить столь удачно начатое в прошлом году и подавить мятеж. Разоряя и сжигая все на своем пути, его войска продвинулись до современного Петерсхагена, расположенного южнее Миндена на Везере. Однако весенний паводок и залитые водой прибрежные зоны не позволили воспользоваться бродом через реку, из-за чего король, устремившийся в северные регионы страны, возможно вплоть до Фрисландии, был вынужден изменить первоначальный план. Он повернул на Остфалию и дошел до Штейнфурта на Окере (приток реки Аллер), а потом до селения Шенинген, где снова разорял все попадавшееся на пути, предавая огню места поселений саксов. Там он заключил соглашение с восточными франками, о содержании которого нам ничего не известно. Но в нем речь могла идти только об одном — об их подчинении франкской власти и принятии христианства как существенного предмета договоренности. Но также, видимо, о безнаказанности бунтовщиков и обретении королевского благорасположения. После этого король вернулся к франкам.

Если Остфалию в результате этой экспедиции удалось умиротворить, то вестфальцы вновь взбунтовались и попытались собраться на Липпе. Эту попытку пресек старший сын Карла (тоже Карл) от брака с Гильдегардой. В хрониках он именуется лишь как «сын Карла» или «господин». Так вот, вместе с переданным в его распоряжение отрядом, который должен был прикрывать отца с тыла, он дал бой противнику в округе Драйн, что расположен в среднем течении реки Липпе, и оказался победителем. Характерно, что победа была одержана в результате кавалерийской атаки,

нанесшей вестфальцам огромный ущерб. Это боевое крещение, принятое Карлом в столкновении с саксами, показало его как потенциально масштабного преемника отца. Сам Карл Великий, в свое время будучи старшим из сыновей, принимал участие в походах собственного отца Пипина на землях Аквитании. Его сын продемонстрировал военный талант и, возможно, предстал уже созревшим для несения политической ответственности, как сын Гильдегарды, носящий одно имя со своим отцом. Он явно пользуется благосклонностью короля, который открывает сыну тайны военного ремесла и дипломатии. Но двойного королевского правления быть не может.

Карл остается единственным правителем франков. Лишь титул императора, присвоенный ему на Рождество 800 года, дает повышение статуса юного Карла как короля, но и тогда он остается в подчинении у отца и действующего императора, главного правителя. Между тем судьба распорядилась по-своему: в 811 году Карл по истечении года и еще до кончины отца отошел в мир иной вслед за братом Пипином. В результате Людовик, впоследствии получивший прозвище Благодетельный, вступил в почти единоличное политическое наследие Карла Великого.

Несмотря на договоренность с Остфалией и победу над Вестфалией, на разорения и поджоги, сопротивление дикарей-саксов не было сломлено. Остается только гадать, какую энергию высвободило вынужденное подчинение королю и христианскому Богу. Карл, являвшийся образцом политической решимости и не знавшей снисхождения инерции, против обыкновения и несмотря на трудности с военным призывом, решил провести поход зимой, вероятно, чтобы упредить волну мятежей, приходившуюся, как правило, на весну, в регионах восточнее Рейна. Взаимоотношения с саксами настолько захватили короля, что в месяцы между возвращением и новой экспедицией не отмечено ни одной грамоты, ни одного судебного приговора, ни одного правительственного решения, связанного с обыденной жизнью.

Следуя обычной, вполне успешной тактике, отряды устремились «в земли саксов двумя путями». Хроники сообщают, что король провел Рождество вблизи старого оборонительного сооружения саксов под названием Скидриобург (Шидер), в вилле Людге близ Пирмонта, после чего добрался до места, где Везер и Верне впадают в Реме. И на этот раз он опустошал все, что попадалось ему на пути, применяя известный с незапамятных времен принцип — наносить врагу чувствительный и долговременный урон.

Далее продвижение франкских отрядов застопорилось — этому помешали неблагоприятная погода и наводнения. Тогда король удалился в укрепленный Эресбург, куда велел доставить супругу Фастраду, сыновей и дочерей. Как живо комментирует Эйнхард десятилетия спустя, Карл любил общение с семьей больше всего на свете.

Характерно, что король для зимнего постоя выбрал не более комфортабельный пфальц Падерборн, а укрепленный Эресбург, однажды уже устоявший под ударами врага. По свидетельству хроник, защитные сооружения крепости расширили, построили также церковь (капелла). Учитывая продолжительность пребывания короля в крепости (Рождество 784 года и Пасха 785 года), без вложений в культовые строения было просто не обойтись.

Среди погибших, которых оплакивал Карл, был аббат Фулрад. Он оказывал содействие еще его отцу и осуществлял дипломатическую подготовку эпохального союза папы Захария с франкским мажордомом. Возглавляя дворцовую капеллу и являясь аббатом Сен-Дени, Фулрад занимал весьма влиятельное положение в государстве франков. Его завещание воспроизводит всю полноту его владений. Это была область Маас — Мозель, Эльзас и юго-восточные регионы, простиравшиеся вплоть до Баварии. Он сумел использовать их во славу Сен-Дени и одновременно в интересах королевства франков. Не случайно его имя упоминается в поминальной книге зальцбургского монастыря Апостола Петра. Написанная Алкуином эпитафия прославляет Фулрада как «красу церкви», а сочиненная ирландцем Дунгалом надгробная надпись свидетельствует: «Он готов ко всему доброму». Папа Адриан I однажды назвал умершего даже «архиепископом государства франков».

Правда, после смерти Фулрада, символизировавшего переходный период в истории правления франков, Карл покончил с этим совмещением должностей. Преемником Фулрада в Сен-Дени стал Магинарий, который еще при брате Карла — Карломане был членом придворной капеллы, а впоследствии одним из экспертов Карла по итальянским делам, в то время как капеллу в духовном звании архикапеллан возглавил епископ Ангильрам из Меца, с которого папа в 794 году по просьбе Карла снял обязанность постоянного нахождения в своей епархии. Назначение Магинария аббатом Сен-Дени показывает, что на важные церковные должности, особенно предстоятелей крупных имперских аббатств, король выбирал прежде всего мужей с большим опытом, приобре-

тенным на королевской службе, на чью верность и лояльность он мог, безусловно, рассчитывать. Не только духовное содействие и политическая благонадежность сановников имели решающее значение; не менее ценной представлялась материальная поддержка со стороны возглавляемых ими духовных структур, на которые королевство было вынуждено делать ставку, особенно при осуществлении почти ежегодных военных походов. К ним имел непосредственную причастность расширяющийся вассалитет церкви и аббатств.

Проявившаяся при королях Оттонах и салических франках господствующая роль короля в отношении церкви и ее экономического базиса начала складываться еще при Карле и его преемниках. Так, столь почитаемый Карлом Алкуин, ученая «жемчужина» его двора, был назначен аббатом монастыря Святого Мартина в Туре, грамматик Павлин — патриархом Аквилейским, биограф Карла Эйнхард, хотя и был мирянином, при Людовике Благочестивом получил в управление не менее семи монастырей и духовных учреждений, в том числе соборы Святого Петра и Святого Бавона в Жанте, Святого Сервация в Маастрихте, Святого Вандрилла в Нормандии.

Зиму 784—785 годов Карл провел в Саксонии. Для поддержания боеготовности войск и ее повышения, а также для устрашения саксов Карл предпринял рейды на близлежащие земли. «Он велел грабить взбунтовавшихся саксов, занимал их крепости, вторгался в укрепленные пункты, проводил чистку на дорогах в ожидании подходящего момента для проведения имперского собрания».

Ежегодное собрание, на которое король пригласил аристократию со всех концов франкских земель, состоялось на излете зимы в Падерборне, а именно в его пфальце на территории Вестфалии, несравненно более привлекательном, чем тесная крепость Эресбург. Из Падерборна до папы в далеком Риме дошло приветственное послание короля. В нем он благодарит святого отца за то, что тот возносит молитвы за него, его семью и всех франков, и вместе с тем просит о снисхождении за отправленные скромные дары, «изготовленные не где-нибудь, а в Саксонии».

В Падерборн из далекой Аквитании прибыл и его подрастающий сын, король Людовик, с соответствующей свитой. Следует отметить следующее: по мнению биографа Людовика — Астронома, отец опасался, что из-за долгого отсутствия короля народ Аквитании может взбунтоваться, а его сын, все еще пребывающий в

нежном возрасте, переймет кое-что из чужих нравов, от которых, однажды их впитав, уже не сможет снова избавиться. В этой формулировке сфокусирована проблема империи франков: королевское правление означает королевское присутствие. Децентрализация правления и отсутствие членов фамилии, особенно таких юных, как Людовик Аквитанский или Пипин Италийский, таили огромные опасности из-за возможного отчуждения от народа государства франков, его нравов и менталитета, что могло иметь негативные последствия для общих принципов правления династии и будущей сплоченности королевства. Присутствие и интеграция могли стоить потери центральной опоры и отчуждения.

Карл велел Людовику, уже уверенно сидевшему в седле, приехать на собрание в сопровождении вооруженных людей, позаботившись лишь о мерах безопасности на границе. «Сын Людовик, — свидетельствует наш заслуживающий доверия биограф, — добросовестно и по лучшему разумению следовал отцовским указаниям и благополучно прибыл в Падерборн». На Людовике была национальная одежда басков, равно как и на его сверстниках, «ибо он из радости приказал таким образом исполнить свою отцовскую волю». К этому сугубо эстетическому моменту добавлялся откровенно политический: национальная одежда означала принадлежность и единение юного короля с жителями окраинного региона — Аквитании, политическим представителем которой он и явился на это высокое собрание. Вместе с тем Карла мучило ощущение, что потенциальный престолонаследник может слишком уж тесно сблизиться с чужим народом и оказаться под влиянием привычек последнего. Поэтому для противодействия сепаратистским тенденциям представлялось крайне важным участие Людовика и аквитанской аристократии в столь представительном имперском собрании на недавно завоеванной территории. Достигнутая тем самым публичная неформальная согласованность и среди членов королевской фамилии была призвана стать заменителем отсутствующих институциональных рамок ступенчатого осуществления власти по образу и подобию писаной или неписаной конституции. Мы наблюдаем целую систему постоянных «поддержек», что требовало максимума политической мудрости и дипломатической сноровки в общении с папой, со светской и церковной аристократией, а также с членами собственной семьи. Эта сноровка, по сути дела, определяла успех или неуспех политических решений. Королевство Карла и королевство его сына Людовика дают яркие тому примеры.

Людовик Аквитанский до осени 785 года оставался рядом с отцом; только после этого получил отцовско-королевское разрешение вернуться в Аквитанию. Прощание как формальный акт (такое уже случалось при прощании с Тассилоном в 781 году) указывает на разницу в ранге и властном положении между обоими действующими лицами. Королевский сын, сам будущий король, остается в подчиненном положении по отношению к правителю и отцу в духе послушания и любви. В политическом завещании 806 года *Divisio regnorum* (раздел королевства) Карл пояснит канон обязанностей своих сыновей и преемников по отношению к отцу и носителю совокупности власти. Была разъяснена также для аквитанской знати, присутствующей на соответствующей церемонии *adventus** и *reditus***, субординация между отцом и сыном и вытекающие из нее политические последствия. Не случайно государственно-правовой претензией, якобы предъявленной королевским двором в 788 году вероломному баварскому герцогу Тассилону в связи с его дезертирством (*herisliz*), стал самовольный отъезд из военного лагеря в Невере в 763 году. Впоследствии этот факт явился веским пунктом обвинения.

УЧРЕЖДЕНИЕ ЕПИСКОПСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ В САКСОНИИ

Имперские хроники не без основания квалифицируют собрание в Саксонии как «собор», поскольку в Падерборне вновь рассматривались вопросы церковного устройства. Так, англосаксонский миссионер Виллихед из ссылки в Риме и Эхтернахе вернулся в Саксонию и в эти недели вновь занялся евангелизацией в Вихмодии, расположенной в среднем течении Везера и Эльбы: «Здесь он публично и настойчиво проповедовал среди язычников веру во Господа. Восстанавливал разрушенные храмы, а подходящих людей, способных нести народу спасительные назидания, ставил во главе определенных селений. Так в том самом году саксы обрели христианскую веру, утраченную ранее».

17 июля 787 года Виллихед был рукоположен в епископы, а некоторое время спустя, в 789 году, окончательно выбрал Бремен местом своей резиденции. Маленький деревянный храм, расположенный неподалеку от прибрежной дюны, 1 ноября 789 года

* Прибытие (*лат.*).

** Отбытие (*лат.*).

был освящен уже как собор. Впрочем, неутомимый служитель Божий скончался всего неделю спустя во время инспекционной поездки в Блексене (Норденхам). Тело усопшего было перевезено через Везер как «сакральная опора» региона и захоронено в его храме. Мы уже говорили, что преемник Виллихеда Виллирих, назначенный еще в 789 году, из-за прокатившихся по тем землям волнений смог реально приступить к духовному послушанию лишь в 804 году. Насколько ограничены были экономические возможности на обращенных в новую веру землях, говорят «шефства» франкских епархий и аббатств над церковными новообразованиями или же духовные «опорные пункты», приданные по воле Карла новым храмам, или, например, бременский монастырь, получивший под свое начало обители Селла Монт-Жюстен в Бургундии, а чуть позже Торнаут во Фландрии.

Примерно в 795 году в Минденском регионе отмечена деятельность некоего Эрманберта в качестве миссионерствующего епископа; его опорной точкой считалось поселение близ Фульды. После 800 года он стал епархиальным епископом округа Минден. В Мюнстере начиная с 805 года священнодействовал Луитгер. Он стал известным миссионерской деятельностью среди фризцев и саксов, а был выходцем из миссионерской школы в Утрехте. Причем подобно Виллихеду или Эрманберту до получения епископского жезла он проповедовал христианскую веру в своей будущей епархии. Как показывает пример Вердена, такой процесс мог растянуться на десятилетия. Судя по всему, эта епископия вышла из недр миссионерского опорного пункта в Бардовике, который, отпочковавшись от (вюрцбургских) аббатов из Аморбаха и Нойштадта-на-Майне, перед лицом нестабильного положения в долине Эльбы был ликвидирован самое позднее в тридцатые годы IX столетия. Лишь после восшествия на престол внука Карла Великого — Людовика Немецкого миссионерский опорный пункт возобновил деятельность в период между 845 и 848 годами в Вердене, скорее всего под влиянием наследников Видукинда, упоминающихся в летописных свидетельствах и как епископы Вердена. Новая епископия располагала весьма ограниченными материальными ресурсами и впоследствии в финансовом отношении сильно зависела от монастыря Бардовик, владевшего значительной частью солончаков с озерами в Люнебурге.

Начиная с 805 года хронисты отмечают и Оснабрюк как епископскую резиденцию. Своим положением он, видимо, был обязан усилиям одного миссионера, умершего в 804 году и подгото-

вившего город к миссии духовного центра. Впрочем, время возникновения этих церковных центров чаще всего из-за отсутствия, а также по причине противоречивых и нередко сфальсифицированных источников, авторы которых старались поднять «возрастную планку» своей епископии, с трудом поддается определению и поэтому остается во мраке далекого прошлого.

В отношении Падерборна, наоборот, можно с уверенностью констатировать, что пфальц по случаю известного дня приема при дворе в 799 году, подготовившего все необходимое для императорской коронации, был избран резиденцией епископа, как это следует из сообщения аббата монастыря Святого Медарда в Суассоне по случаю перемещения мощей святого Ливория из Ле-Мана в Падерборн. Весьма вероятно, что монастырь Святого Медарда в 777 году решал задачу по поддержанию миссионерских усилий в южной части Энгерна. Затем эстафету приняла епископия Вюрцбурга. Ее первым епископом стал сакс Хатумар. С учреждением этой епископии в начале IX века под миссионерством саксов в той мере, в какой оно касалось церковной структуры, пока можно было подвести черту. Затем настала очередь Гильдесхайма, Гальберштадта и Гамбурга; этот процесс пришелся уже на 845 год — период правления сына Карла — Людовика.

Что касается процесса создания низовых церковных структур, включавшего создание целой сети приходских храмов, зачатки возникновения отдельных приходов, как правило, он покрыт глубоким мраком, в который лишь иногда проникают слабые лучи источников о покровительстве святых храмам да еще результаты археологических раскопок. В регионе Оснабрюка наиболее детально подтверждаются источниками так называемые «первоприходы» Меппена и Визбека, возникшие не позднее начала IX века в Ле-Мане и затем в Корби в качестве «подшефных». Зато Гемельн может однозначно подтвердить свое первенство как самый первый монастырь на землях саксов, ибо был учрежден в период правления аббата Фульды Баугульфа (779—802). Фактический структурный сдвиг в сельской местности произошел лишь во втором или даже третьем поколении преемников Виллихеда. При этом опорными пунктами служили в основном Корби на Сомме и основанный на Везере дочерний монастырь Корби (Корбея Нова). Многократное перемещение мощей, особенно из Рима, способствовало активной христианизации страны саксов, тем более что высшая знать принимала деятельное участие в строительстве церковных зданий и монастырей. Например, наследники

Видукинда в Герфорде и Вильделсхаузене, Людольфинги, будущие герцоги и короли — в Брунсхаузене, Гандерсхейме и, наверное, в Бассуме.

Из Падерборна Карл, «для которого открылись все пути и которому никто не противостоял», повел отряды по направлению верхнего течения Хазе и Хунте, снова подавляя всякое сопротивление огнем и мечом, разрушая укрепления саксов, пока не достиг округа Барден на левом берегу Эльбы. В так называемом Раффельштадтском таможенном уставе Карла от 805 года этот центр Бардовик отмечается как один из основных экономических центров на Эльбе и одновременно как важный перевалочный пункт из земель франков через Артленбург на северо-восток. Видимо, уже в 785 году он как «Вик», то есть торговая база на манер Дорестада на атлантическом побережье или Хайтхабу напротив Шлезвиг, играл немаловажную роль, что предопределило его выбор в качестве миссионерского опорного пункта. По свидетельству одного саксонского исторического источника IX века, древнее церковное предписание позволяло учреждать епархии только в местах, отличавшихся удобным транспортным расположением и соответствующей плотностью населения.

КРЕЩЕНИЕ ГЕРЦОГА ВИДУКИНДА

В 785 году саксы округа Барден покорились франкам, признав христианство как новую веру. Карлу в конце концов даже удалось вступить через аборигенов в контакт с Видукиндом и его союзником Аббионом, причем король в случае безусловного подчинения обещал им амнистию. Он предложил, если они хотят остаться в живых, устроиться у него среди франков, что было однозначно задумано как демонстративный акт монаршего триумфа над главным противником. При этом король давал им статус заложников во имя их собственной безопасности. Такое почетное отношение, льстившее самолюбию Видукинда, признавало за зачинщиком тот же статус в дипломатическом смысле, что и за баварским герцогом, который тоже лишь после предоставления заложников в 781 году в Вормсе явился к королю для объявления ранее разговора. Уловив психологически тонко сотканную правителем франков паутинку, Видукинд со своим окружением решил прекратить сопротивление против короля и христианского Бога.

После возвращения Карла к франкам в пфальц Аттиньи при полном параде явились Видукинд, Аббион и другие представители саксонской знати, чтобы «с глазу на глаз» совершить обряд крещения. Сам Карл выступил в роли крестного отца возмутителя, которого франки одновременно и боялись и уважали. Тем самым король взял на себя заботу о духовном просвещении крестников, одарив их прекрасными подарками. Этим актом Карл по примеру пап римских установил родственные узы между собой и Видукиндом в знак примирения и союза, подтвердив одновременно высокий статус вождя саксов. При Людовике Благочестивом пришлось снова использовать фактор духовного родства как инструмент внешней политики и миссионерства, когда в 826 году в Ингельгейме-на-Рейне он крестил датского короля Харальда и взял над ним «шефство».

Этот акт смирения и одновременно возвышения словно исключил Видукинда из исторического процесса. В последующее время хроники не содержат о нем никаких надежных сведений. Его погребение в Энгере и упоминаемый в связи с положением во гроб ценный кошелек — все это фальсификация и приписка периода расцвета и заката эпохи средневековья. Подобное изъятие из истории Видукинд разделяет с другим врагом Карла, который по положению даже превосходил его. Речь идет о Дезидерии, короле лангобардов, тесте Арихиза Беневентского. Такая же участь постигла баварского Тассилона и на какое-то время самого Карла. Воспринятая поначалу как сенсация, запись в книге поминовений в Рейхенау, заверенная во втором десятилетии IX века, содержит имя монаха, также Видукинда, которого ставят на одну доску с предводителем саксов. Однако это случайное совпадение вызывает обычно скептическое отношение. И все же после 785 года Видукинд ни разу не упоминается ни как член свиты короля, ни в связи с какой-либо административно-политической миссией. Зато его отпрыски — сыновья и внуки, по свидетельству хронистов, имели графский титул и жили в Саксонии. Особенно они были в чести у императора Лотаря I. Им принадлежит заслуга в организации известной операции по доставке мощей Александра Македонского из Рима в Вильделсхаузен в 851 году. С их инициативой связан также «старейший нижнесаксонский исторический памятник» — свидетельство о перемещении. Наследники Видукинда отмечены и как епископы Вердена и Гильдесхайма. Таким образом, они относятся к элите империи. Импе-

ратор Оттон III нанес визит именно в Вильдесхаузен, а не в соседний монастырь Бремена.

В историографии последующих столетий Видукинд все чаще фигурирует как великий герцог, храбрый противник, ни в чем не уступающий Карлу Великому. Видукинд из Корби даже славит мятежника, называя его предком королевы Матильды, супруги Генриха I. И наконец, по мнению Гельмута Боймана, крещение в Аттиньи «покрывает» восстание и вероломство саксов, заставляя их познать и принять истинную веру. Как особо подчеркивает уже Эйнхард, из франков и саксов получается один народ.

Папа римский тоже отметил королевский успех и в наступающем году назначил целых три церковных праздника, чтобы от- дать должное столь активному распространению христианства. Эти юбилейные торжества должны были приходиться на 23, 26 и 28 июня, то есть в сопровождение праздника Иоанна Крестителя 24-го числа этого месяца. Они были назначены специально так поздно, чтобы христиане за пределами земель франков по всей ойкумене могли ощутить это ликование. В послании к Карлу, в котором объявляются дополнительные церковные праздники, понтифик не преминул, правда, вновь напомнить о невыполненном обещании, в результате чего королю с помощью апостола Петра «вменялись» еще более внушительные победы и покорение еще более мощных народов. Может быть, аваров и мусульман в Испании?

Еще одного успеха, подлинные причины которого нам неизвестны, добились франки в этом году на юге империи. Жители Героны, северо-восточнее Барселоны, заявили о подчинении королю Карлу. В результате он приобрел важный опорный пункт по другую сторону Пиренеев. К нему вскоре присоединились города Уржель и Аузона. Они стали зародышем будущей Испанской марки, которой суждено было принимать христианских беженцев из эмирата Кордова.

Рождество 785 года и Пасху 786 года Карл провел в пфальце Аттиньи. Начавшийся год стал одним из немногих за период его пребывания на троне, когда обошлось без военных походов. Тем не менее ему довелось пережить некоторые малоприятные события. Хотя официозные источники их умалчивают, менее значительные по масштабам исторические произведения и биографические исследования Эйнхарда указывают на заговоры оппозиционных групп в государстве франков в 786 и 792 годах, которые изрядно потрепали устои королевского правления.

ЗАГОВОР ГАРДРАДА

Предание не дает четкого ответа на вопрос о причинах и поводе заговора, датируемого 786 годом. Эйнхард сообщает лишь о том, что следы мятежа вели к королеве Фастраде, «поскольку король одобрял ее жестокость, отбросив свойственную ему доброту и мягкость», причем неясно, стала ли жестокость поводом для мятежа или следствием ее проявления. Эйнхард явно видит в четвертой супруге Карла «леди Макбет» эпохи раннего средневековья. Нам трудно судить, в какой мере эта оценка отвечает действительному положению вещей.

Фактически в 786 году речь шла об аристократической фронде, во главе которой стояли графы. Она исходила из Восточной Франконии, именовавшейся Германией, но главным образом из Тюрингии. Заговор был назван по имени графа Гардрода, безусловно, выходца из Тюрингии. Его действия привели к открытому столкновению с королем, что вызвало, в свою очередь, общерегиональный мятеж. Подлинную причину этого выступления, возможно, направленного даже против самого монарха или по крайней мере призванного вызвать длительное непослушание, едва ли следует искать в текущей политике Карла. Например, в чересчур большой нагрузке на жителей Восточной Франконии и Тюрингии в результате беспрестанных военных походов на земли саксов. Ведь королевские экспедиции указанные регионы не затронули. Интерпретируемый в контексте одного источника 786 года капитулярий 789 года, предусматривавший всеобщую присягу на верность королю, содержит, по-видимому, косвенное указание на тлеющее недовольство, затем вылившееся в открытую оппозицию. Как сказано в параграфе предписания 789 года, каждый сохраняет свои права, но если попирается воля короля, значит, совершается правонарушение. Необходимо выяснить, какое должностное лицо нарушило эту заповедь, и официально констатировать право каждого.

В то время за исключением клириков каждый жил согласно воспринятому по преданию праву своего племени, то есть доказывал правду в суде или приносил покаяние опять же в суде. В соответствии с этим юридическим персональным принципом после 802 года Карл велел написать основные законы (главным образом покаянные каталоги) народностей империи, частично дополнив их королевским правом. Зафиксированные принципы как действующее право стали обязательными в качестве писаного права.

Поэтому, видимо, и заговор 786 года с большой долей вероятности имел корни в нарушении тюрингского права на пожизненную ренту. Не случайно в Мюрбахских хрониках, которые в этот и в последующие годы внимательно отслеживают течение событий, в результате чего мы становимся как бы живыми свидетелями истории, всего реально пережитого и услышанного в контексте этой аристократической фронды об одном выходе из Тюрингии. Это, безусловно, граф Гардрад, отказавшийся выдать замуж за франка свою уже просватанную дочь согласно обещанию, предусмотренному действующим франкским правом. Карл через эмиссара велел отдать дочь, тюрингский граф отказался подчиниться приказу. Он собрал вокруг себя «всех тюрингских людей и своих близких», чтобы оказать сопротивление королю. Гнев Карла обратился на возмутителей, сторонники короля стали опустошать владения мятежников. Тюрингцы спрятались в монастыре Фульда. Его аббат Баугульф, в свое время пострадавший при дворе, вызвался играть роль посредника. Король велел доставить мятежников в сопровождении охранников к себе во дворец. Он спросил, соответствует ли действительности, что они вознамерились его убить или же просто воспротивились исполнению приказа. Ответ был утвердительный. Один из участников вроде бы даже сказал: «Если бы только согласились мои товарищи, ты бы больше никогда не переправился живым через Рейн!»

О дальнейшем течении процесса в королевском суде, который вылился одновременно в уголовный суд и в «процедуру по проверке эффективности правовых предписаний», цитируемый источник, к сожалению, ничего не сообщает. Об этом можно судить лишь из выводов уже упоминавшегося капитулярия 789 года, предусматривающего проведение всеобщей присяги на верность королю. Говорится буквально следующее: неверные хотят породить неразбериху в королевстве, покушаются даже на жизнь короля. Когда же их спросили, как они до этого дошли, последовал ответ: потому что они не давали ему клятву верности.

Вот почему король уже в 786 году, чтобы закрыть правовую брешь, наличие которой он, очевидно, признал, отправил заговорщиков под охраной в Италию, главным образом в Рим, в Нейстрию и Аквитанию, чтобы на могиле князя апостолов (Рим) и на раке с мощами святых, наиболее почитаемых во всех частях страны, публично принести присягу в верности ему и его сыновьям.

Тем самым был устранен правовой изъян и заговорщики, хотя и задним числом, были изобличены в измене. Клятва на верность себе, принесение которой Карл потребовал в 789 году и повторно уже как император в 802 году, вылилась во всеобщую клятву верноподданных. Ее содержание состояло в основном в перечислении обязанностей, которые должны исполняться, а не в почетных обязательствах. Прежде всего запрещалось наносить ущерб интересам короля, к примеру, заключать союз с его врагами. Традиционное представление о короле как главе общности, объединяющей всех вольных, дополняется требованием персонального обязательства в виде присяги в верности. Ее нарушение влечет за собой жесткие санкции, а на исполнение король претендует согласно своему королевскому достоинству. Общая присяга меняется в отдельных компонентах в так называемой присяге на верность сеньеру. Это как персональный субстрат феодальных отношений, связывающий аристократию друг с другом и с королем и, наконец, включающий в указанную систему взаимоотношений церковное служение. А вот общая присяга верноподданных в процессе феодализации, отсекающая вольных от верхнего «эшелона», утрачивает свой смысл и поэтому не подвергается больше обновлению при преемниках Карла.

Заговор 786 года, реакция на него короля и мучительное разрешение конфликта показывают, сколь несовершенен и хрупок был государственный «сектор» в империи Карла Великого по сравнению с властной монополией и концентрацией власти в современной государственной машине. Хотя король возглавляет союз личностей, образующих круг его приверженцев, ведет войны, возглавляет королевский суд, защищает и поддерживает немощных и слабых в обществе. Знать, если она вовлечена в светские и духовные государственные структуры, подчиняется монарху лишь от случая к случаю, несмотря на то что не может игнорировать такие сферы, как воинский призыв и обязательность выполнения судебных решений.

Они вовсе не отвергают собственное автохтонное «дворянское» (аристократическое) право, которое не является производным от королевского, а в связи с общим происхождением соответствующего региона вполне может конкурировать с ним и даже в состоянии обосновывать противодействие ему и открытое неповиновение.

Верноподданный субъект — правовая фигура на раннем этапе государственности. Против этого восстает вольный индивид, ни-

чуть не уступающий властям предержавшим в сословном плане, хотя харизма королевской фамилии и в первую очередь привилегированный статус создают ступенчатые социальные, а затем и правовые структуры. Ограничение междоусобицы, расширение системы публичного судопроизводства и постепенное исполнение церковных заповедей в каждодневной жизни обосновывают в итоге процесс цивилизации полуархаичного воинственного общества. За время правления Карла оно все более ускорялось в своем развитии, позволив государству франков соединить в одно целое антично-церковное с германо-франкским наследием, заложив тем самым фундамент специфически средневековой культуры, в которую входит всеобъемлющая сфера, обозначаемая термином «государство».

Так, в последней четверти VIII столетия понятие «присяга верности» становится чрезвычайно важным ферментом в отношениях между королем и знатю. Из нее вытекает тяжесть обвинения, которое чуть позже было предъявлено герцогу Тассилону: его упрекали в вероломстве, нарушении присяги верности, совершении преступления, заслуживающего высшей меры наказания. Его начиная с 757 года именовали «цепным наказуемым деянием». Так называемый «ковер Байи», возникший в последней четверти XIII века, также усматривает в действиях Герольда нарушение присяги верности, публично совершаемой на мощах святых, главную вину претендента на трон и одновременно причину его неудачи и переход английской королевской короны к Вильгельму Завоевателю.

Каковы же были непосредственные последствия принесения присяги верности для участников так называемого заговора Гардара? После того как публичная клятва верности на святых мощах устранила очевидный правовой изъян — в нашем правовом понимании это недопустимо задним числом, — Карл мог подвергнуть мятежников наказанию как клятвопреступников. По данным Эйнхарда, однако, только трое злодеев были подвергнуты смертной казни, поскольку пытались избежать ареста и при этом оказались виноваты в убийстве. Остальных заговорщиков схватили на обратном пути — им выкололи глаза. Эту меру наказания Людовик Благочестивый себе во вред якобы применил и в отношении племянника Бернгарда Италийского в 817 году. Другие заговорщики были схвачены в Вормсе, им также выкололи глаза и сослали. Остальных как «жертв соращения» Карл помиловал. Возможно, в этих наказаниях проявилась обычно нехарактерная

для короля жестокость. Эйнхард усматривает здесь влияние королевы Фастрады и косвенно порицает ее. Была проведена также конфискация имущества и владений. Они отошли к королю, который роздал их своим сателлитам.

В общем и целом, и прежде всего в духе того времени, отношение короля к противникам, даже посягавшим на его жизнь, представляется вполне умеренным, хотя и не всегда безупречным. А вот насколько более оправданное возмущение, даже если речь шла о далеких отзвуках происшедшего, вызвали бы фактические массовые казни в Вердене по большей части безымянных участников всеобщего восстания саксов! Но и в этом случае уголовный суд наказал лишь главных зачинщиков, уделом «сверженных» стала дозированная милость монарха.

ВОЛНЕНИЯ В БРЕТАНИ

Не только внутрифранкская оппозиция, вылившаяся в заговор Гардрада, обнажила структурные изъяны королевского правления. На Западе в то время наметилось противостояние с жителями региона, которые с трудом мирились с господством над ними франков. Бретонцы на крайнем северо-западе Галлии попробовали устроить восстание. Непосредственный повод для бунта неизвестен, но общая причина волнений поддается исследованию. Основная масса жителей галльской Арморики произошла от потомков кельтских ирландцев. Избегая вытеснения с острова саксами, они с конца V века устремились на противоположное побережье, где им в основном удалось сохранить родной язык, культуру и социальные структуры своей древней родины. Не случайно для авторов эпохи раннего средневековья Бретань была *Britannica minor* (малая) в отличие от *Britannica maior* — Великобритании. Пришельцы селились на территориях кориосолитов, оссисмов и венетов с центрами в Нанте, Ренне и Ванне. Их вожди возглавляли местные племена, церковь по ирландскому образцу подразделялась на аббатства, среди которых особо выделялся монастырь Редон, сохранивший многочисленные древние рукописи по истории Бретани.

Еще на закате правления династии Меровингов франки получали от бретонцев дань. В 755 году отец Карла Пипин занял Ванн и Вантэ. Здесь в контакте с франкскими графствами Нант и Ренн формировалась так называемая Бретонская марка. Первы-

ми маркграфами (правильнее было бы называть его префектом) стали прославленный впоследствии Карл Святой и паладин Хруотланд, павший в 778 году в Пиренеях герой эпоса «Песнь о Роланде». Усиление франкской власти, безусловно, угрожало авторитету и самостоятельности местных кланов. Они и развязали восстание, чтобы избавиться от господства франков, которые для них были такими же чужестранными завоевателями, как и саксы. В главе о военных действиях Карла Великого Эйнхард выражается лаконично и вместе с тем экзальтированно: «Карл покорил также бретонцев... он направил против них свои отряды и заставил их выставить заложников, а также поклясться исполнять его приказы». Эта метода соответствует правилам общения с соседями и врагами; она применялась вначале в отношении аквитанцев, лангобардов, саксов; чуть позже по отношению к Тассилону Баварскому и Арихизу из Беневенто. Серьезными гарантиями корректного поведения были предоставление заложников и принесение общей присяги верности.

После Пасхи 786 года Карл направил в мятежные регионы сенешала Аудульфа. Бретонцы установили укрепления и заграждения между болотами и лесными массивами, чтобы создать помехи для кавалерии противника. Тем не менее успех был на стороне Аудульфа. Он с удивительной стремительностью преодолел сопротивление вероломного народа, отказавшего королю в подчинении, и представил монарху, видимо, уже после перемирия, заложников и многих представителей знати, капитанов, князей и тиранов. В этот момент король скорее всего размышлял о получении с них дани. С 791 по 800 год в Бретани отмечались и другие мятежи, а с 811 года со взиманием дани, видимо, было полностью покончено. Интеграция Бретани в так называемое государство франков успеха не имела — от бывшего остались весьма слабые узы, а при Карле Лысом Бретонская марка вообще перестала существовать.

Еще на имперском собрании в Вормсе, где обсуждался вопрос о волнениях в Тюрингии и Бретани, а также об их подавлении, Герсфельд и Сен-Жермен-де-Пре вновь удостоились королевских привилегий. 31 августа Герсфельд получил в свое владение виллу Дорнбах, а Сен-Жермен — расположенную близ Парижа виллу Мароль-сюр-Сен, за которой в IX веке признавались таможенные и рыночные права, а также разрешение на взимание платы за перевоз на пароме. В принятых решениях отразился заметный прогресс торговли и транспорта в долине Сены.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОХОД КАРЛА В ИТАЛИЮ И ОЧЕРЕДНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ РИМА

По случаю имперского собрания Карл провел длительное время в Вормсе, расположенном на одной из главных водных магистралей государства франков и неподалеку от важных королевских землевладений.

Кроме того, совмещение пфальца и собора создавало наилучшие предпосылки для королевских представительских целей и концентрации монаршей власти в одном месте. Здесь король со своими советниками обстоятельно выяснял политические императивы по другую сторону Альп. Имперские хроники высказываются следующим образом: «Во имя повсеместного спокойствия он принял решение, совершив молитвенное единение у могил апостолов, разобраться с итальянскими делами и провести официальные разговоры с эмиссарами императора по вопросу об их договоренностях. Так оно и произошло». Вместо абстрактной программы из трех пунктов подкорректированная версия хроник поставила на первое место в рамках четвертого военного похода в Италию именно споры с герцогом Беневенто, что Карл и осуществил, «дабы покорить остаток империи, главу которой в лице плененного Дезидерия и львиную долю которой на территории Ломбардии он имел под своей властью».

Итак, Карл объявил о воинском призыве, чтобы, несмотря на суровую зиму, преодолеть Альпийский гребень, хотя в более ранней версии целями экспедиции названы только молитвенное общение, политика и дипломатия как главная мотивация похода. Правда, в официозных документах опять нет ни слова о папе Адриане I и его вновь настоятельно выражаемом желании об исполнении сделанных святому апостолу Петру обещаний. Учитывая наступившее время года и связанные с этим ограниченные возможности для воинского призыва, дипломатические цели экспедиции, видимо, оказались в центре внимания, а не сугубо индивидуальное желание помолиться на могилах высокочтимых апостолов, а также иметь доверительное общение со святым отцом, чтобы таким образом выразить благочестивое отношение к духовному покровителю королевства франков, духовному отцу королей и престолонаследников.

Утверждение, что только временная последовательность споров с герцогом Беневенто Арихизом и с герцогом Баварии Тассилоном, зятьями смещенного короля Лангобардии Дезидерия, по-

звolyет однозначно судить о строгой политической концепции «исключения еще остающихся последних повелителей собственного права» (по высказыванию Рудольфа Шиффера), вызывает серьезные сомнения, тем более в южной части Рима короля поджидал мощный контингент, которому было что противопоставить в военном отношении. Вплоть до своего вырождения во второй четверти XI века династия Пандульфа Беневентского герцогства сумела продержаться и остаться на плаву, маневрируя между притязаниями церкви и восточноримскими стремлениями к выживанию. В любом случае тактика военного захвата находилась за пределами возможного для политики франков. По-другому обстояло дело с Баварией, где географическое соседство, коллаборационизм местной знати и церковное переплетение значительно облегчали воздействие извне.

Что касается отношения Карла к Беневентскому герцогству, здесь исход дела могли решить действенность угроз и дипломатическое искусство короля. Все зависело от того, удастся ли подчинить южную часть Апеннинского полуострова (в том числе и политически) планам франков. В начале столь деликатного предприятия необходимо было провести рекогносцировку этого неизвестного Карлу региона, чтобы из полученных данных сделать соответствующие выводы. Карл не мог себе больше позволить опрометчивость, приведшую к катастрофе в Пиренеях. Поэтому особое значение в той ситуации приобретали оценки его приближенных, а также взгляды людей из окружения римского понтифика.

Надо сказать, что положение в Италии было запутанным. После 781 года папа Адриан I так и не вступил в столь желанное и обещанное ему владение Сабинией. Новая миссия нотариуса Магинария, с которым мы уже знакомились в составе нескольких посольств и который стал преемником Фулрада в качестве аббата монастыря Сен-Дени, также ничего не смогла изменить в столь печальном деле. Сравнить это можно с тем, как в Равенне реагировали на приказы папы, что побудило Адриана I потребовать от короля доставить в Рим местных строптивых сановников. Следовательно, утверждение наших влиятельных хроник о том, что король собирался навести порядок в итальянских делах, вполне соответствует действительности.

Между тем наметилось определенное примирение между Византией и папством. Это было равноценно решительному размежеванию противников. Императрица Ирина и ее сын Констан-

тин пригласили папу на Вселенский собор в Константинополь, чтобы в обстановке согласия решить богословско-религиозно-политические проблемы так называемого спора об иконоборчестве, считавшегося главным препятствием сближения Востока и Запада. Одновременно в пригласительном послании признавался духовный приоритет Рима перед другими патриархами. Это должно было подвинуть папу к взаимности. 27 октября 785 года Адриан I ответил вежливым и корректным образом. В традиционной дипломатической форме он признал императоров своими господами, обосновал почитание икон с богословской точки зрения, похвалил императоров за возврат к «праведной вере», объявил об участии своих легатов в предстоящем соборе, отверг равенство с папой патриарха Константинопольского, поставил вопрос о реституции патримоний в Южной Италии и на Сицилии, а также потребовал признания за престолом апостола Петра права на рукоположение в Иллирийских провинциях. Папа не упустил случая настоятельно указать в послании на пример подобающего отношения к преемнику князя апостолов со стороны короля франков и лангобардов, а также «патриция римлян». Последний как раз проявляет смирение к преемнику апостола Петра, подчинив себе «все нации Востока и Запада». Он объединил их со своей империей, вернул Римской церкви захваченные лангобардами провинции, города, крепости и патримонии, присовокупив к ним прочие дарения.

Когда в 781 году стал намечаться союз между государством франков и Византией, который вскоре предполагалось закрепить браком Константина с дочерью Карла Ротрудой, папа тоже решил сделать осторожный шаг в направлении Босфора. Тем самым предполагалось покончить с отчуждением между Востоком и Западом, возникшим более двух поколений назад, а также гарантировать церковно-политическое положение папского престола, его претензии на владения и правопритязания в южной части полуострова, который, находясь под властью герцогов и одновременно неаполитанских епископов, лангобардских герцогов Беневенто, а также сицилийско-византийских патрициев в Газте, бросал вызов интересам папской церкви. Папа Адриан I, обладая политическим чутьем, особо отмечал мощь франков как гарантов его положения и представил модель общения с преемником апостола Петра в качестве образцовой для других императоров.

Из-за влиятельной внутрицерковной оппозиции в отношении использования икон Вселенский собор в августе 786 года в

Константинополе не состоялся. Поэтому императрица Ирина перенесла его открытие в провинцию, а именно в Никею. Там уже однажды заседал первый Вселенский собор. Это было в 325 году. Собор сформулировал и ввел во всеобщую практику до сих пор действующий символ веры.

Второй Вселенский собор заседал здесь в сентябре и октябре 787 года.

Сближение папы с византийским двором трудно было представить начиная с 785 года, хотя Адриан I благоразумно щадил своего фактического гаранта Карла и его двойное королевство франков и лангобардов, чтобы не поставить под удар собственные территориальные интересы в Италии.

В течение нескольких месяцев до четвертого похода в Италию и третьего по счету посещения Рима Карла представлял в Константинополе эмиссар Вибольд, предположительно зондировавший судьбу согласованного в 781 году матримониального проекта. Этой скорее внешней договоренности между Восточным Римом, преемником апостола Петра и Карлом не суждено было сбыться. Вскоре все рухнуло, что означало новые сложности прежде всего для понтифика.

В конце 786 года король франков перешел Альпы. Его точный маршрут нам неизвестен. Рождество он отмечал во Флоренции и оттуда направился в Рим, где был с почестями встречен «апостольским преемником Адрианом». Правда, никакие подробности протокольного характера нам также неизвестны. Главным предметом разговоров было скорее всего герцогство Беневентское, на которое Адриан I снова заявил притязания. Герцог Арихиз, как и Тассилон Баварский, именовавший себя князем, по убеждению нашего биографа (если только он не очень фантазирует), был помазан епископами по королевскому чину, даже возложил на себя корону и зафиксировал свои грамоты «из главного дворца». На слухи о прибытии Карла герцог реагировал довольно своеобразно. Он спешно заключил мир с неаполитанцами, с которыми конфликтовал из-за Амалфиза, и одновременно попытался путем переговоров с королем франков предотвратить военную атаку на Беневенто, на чем давно настаивал папа. Арихиз отправил старшего сына с большими подарками к королю в Вечный город с просьбой не входить на территорию герцогства и уладить все проблемы в духе доброжелательства.

Адриан I воспринял все это с подозрением и стал убеждать короля, чья свита в ожидании трофея и без того внимательно

выслушивала папу, двинуть отряды на Капуа и покорить герцога, даже если тот пожелает избежать кровопролития. Через Монте-кассино, главное аббатство бенедиктинцев и оплот их монашеского мышления, Карл направил войско в Капуа, самый южный пункт за время всех его походов, и разбил там свой лагерь. Но Арихиз, видимо, огорчив этим святого отца и франкскую знать, снова сел за стол переговоров.

Неуверенный в исходе этих переговоров, князь из Беневенто отправился в расположенный вблизи побережья укрепленный пункт Салерно, откуда в обмен на отказ от военных действий предложил королю своих обоих сыновей — Ромуальда и Гримоальда, а также других многочисленных заложников в качестве гарантов благополучия.

Реально оценив собственный военный потенциал, открытые и скрытые притязания папы на земли Беневенто, трудно преодолимые расстояния между основными регионами по другую сторону Альп и потенциальным очагом напряженности на крайней периферии, Карл принял сделанное ему предложение. При этом он трезво взвесил, что Беневентское герцогство расположено на стыке византийских, папских и франкских интересов и наступление франкских отрядов привело бы к разрушению церковных владений и тем самым к косвенному подрыву его в общем-то высокого авторитета среди разных церковных деятелей Беневенто. Так, главный храм Беневенто 22 марта получил подтверждение на свое владение и обретение иммунитета. А два дня спустя подобной же привилегии удостоилось самое крупное аббатство герцогства — монастырь Сан-Винченцо-ин-Волтурно, за которым еще было признано право на свободное избрание аббата.

Вскоре Карл принял младшего сына Арихиза — Гримоальда и двенадцать других представителей аристократии (цифра 12 в этом контексте приобретает мистический смысл) в качестве заложников и гарантов договора о подчинении. Король через своих эмиссаров велел герцогу, его сыну и всем жителям Беневенто принести присягу верности. Весьма вероятно, что также была достигнута договоренность о ежегодной дани в размере 7000 римских золотых монет. Она была выплачена еще в 811 году. Тем самым Арихиз заявил о подчинении королю франков. Он и его народ принесли присягу верности, исключавшую какие-либо действия, наносящие ущерб франко-королевским интересам.

В ходе переговоров с герцогом Арихизом, потребовавших с обеих сторон немалой доли благоразумия и гибкости, Карл, по

крайней мере частично, сумел удовлетворить и территориальные притязания папы в регионах, находящихся южнее Рима. Так, папа получил Капуа, а также целый ряд городов в приграничном Лигурии, завоеванных герцогом Беневенто Гизульфом в 702 году. Таким образом, за те недели произошло нечто вроде уточнения границ с Беневентским герцогством, как в 781 году с Сабинией и Сполето, в пользу Римской церкви. Учитывая реальное соотношение сил, большего король добиться не смог. Как вскоре выяснилось, Капуа и другие города фактически оставались неотъемлемой частью Беневенто. Если в 817 году выданная Римской церкви грамота Людовика Благочестивого посвящена реституции многочисленных патримоний в регионе Неаполя или даже в Калабрии, отошедших к папе якобы в порядке компенсации за «потерю» Беневенто, то в 787 году скорее всего родилось соответствующее заявление о намерениях его отца, благодаря которому в дальнейшем стала возможной реальная передача территорий.

Правда, о практической реализации территориального приращения во имя увеличения и расширения папского влияния речи не было. С одной стороны, ни Арихиз ничего не предпринял для отказа от согласованных с королем объектов, городов и патримоний, ни посольство Карла не сообщило о каком-либо прогрессе в этом деле, которое, как принято, в результате опроса «местных старост» (*boni homines*) собиралось зафиксировать папские притязания.

Основанием для такой тактики с целью затяжки времени герцогом Арихизом стали, по-видимому, новые элементы в отношениях между Восточным Римом и государством франков. Дело в том, что неподалеку от Капуа Карл принял греческое посольство. Очевидно, по окончании переговоров с Вибольдом в Константинополе оно теперь потребовало передачи королевской дочери Ротруды, просватанной за императора Константина. Карл это требование отверг. В отношении событий 788 года наш хронист отмечает, что греки, разгневанные отказом, призвали среди прочих патриция Сицилии сровнять Беневенто с землей. Между тем Константин некоторое время спустя нашел супругу в другом месте. Правда, византийский хронист пытается доказать, что императрица Ирина, к неудовольствию сына, сама расстроила помолвку и сразу же отправила Сацеллария Адальхиза, сосланного в Византию сына Дезидерия, в Южную Италию с целью спровоцировать Карла и нанести ущерб его репутации. Поэтому фактическая причина конфликта заключается в несостоявшемся браке Ротруды с юным императором.

Почему дело дошло до афронта, нам неизвестно. Может быть, в душе Карла взял верх скепсис в связи с вероятными опасностями, исходившими для его правления в Италии от потенциального зятя Константина. Вхождение в императорскую семью, возможно, приводило к выводу о подчинении Запада Востоку, тем более папа из религиозно-политических соображений явно шел на сближение с Византией. Эйнхард обосновывает неприязнь Карла к зятям как потенциальным соперникам просто эмоционально окрашенным нежеланием отца расстаться с дочерьми, «коронованными голубками» будущего ахенского дворца. Потребовалось еще почти двести лет, прежде чем брак Оттона II с византийской принцессой Феофано сделал возможным хотя бы на несколько лет союз Востока с Западом.

По возвращении из Капуа Карл 28 марта со свитой опять оказывается в Риме, где подтверждает монастырю Монтекассино владения в Беневенто одновременно с предоставлением иммунитета и права на свободное избрание аббата. Уже в третий раз Карл отмечает святой праздник Пасхи вместе с папой в главных храмах христианства.

В эти дни в Рим прибыло также посольство от герцога Тассилона во главе с новым зальцбургским епископом Арном и аббатом Гунфридом из монастыря Мондзее. При поддержке папы они собирались договориться о заключении мира между королем и герцогом. Странное действо, которое само по себе не вписывается в канву договоренностей 781 года между Карлом и Тассилоном, уже обеспечивших баланс интересов обеих сторон. Выбор Арна в качестве посредника в намечающейся дуэли кузенов был продуманным ходом Тассилона. Арн, уроженец Баварии, с 782 года аббат фландрского монастыря Святого Аманда, был близок к королю благодаря давним связям с двором. В 785 году он стал преемником приближенного к Тассилону епископа Зальцбургского Вергилия, что предопределило его посредническую роль в отношениях франков и баварцев друг с другом.

Между тем положение настолько обострилось, что, по свидетельству баварских летописей, в Больцано дело дошло до военных столкновений между Баварией и одним франкским графом. Поначалу король принял мирные усилия папы и Арна, заявив: «Он этого хотел и долгое время пытался этого добиться, но ничего не получалось. Поэтому решил добиться поставленной цели и поступил решительно». Наш источник добавляет: «Тогда названный король решил в присутствии папы заключить мир с эмиссарами, но они отказались, так как не посмели дать такое завере-

ние». Дело в том, что мандата на ведение переговоров от имени Тассилона было недостаточно для заключения обширных соглашений, явно невыгодных герцогу.

И вот, согласно цитируемым нами имперским хроникам, в центре которых во все большей степени оказывается наказуемое, с точки зрения франков, поведение Тассилона, из-за кулис появляется фигура самого Адриана I. Он выступает сторонником политических интересов короля: «Убедившись в ненадежности и лживости герцога и его сторонников, папа немедленно пригрозил им церковным проклятием, если они нарушат клятву верности, данную королю Пипину и господину королю Карлу. Он решительно дал понять эмиссарам, чтобы те внушили Тассилону, что он, папа, будет действовать именно таким образом и не иначе, если герцог откажет в верности королю Карлу, его сыновьям и всем франкам, а это может обернуться кровопролитием и разорением земли. И если названный герцог с его загрубевшим сердцем не желает подчиняться словам названного папы, то король Карл и франкское войско избавлены от опасности греха, а происходящие в стране поджоги, убийства и прочие проявления зла должны обрушиться на головы Тассилона и его сторонников, в то время как король Карл и франки к этому непричастны. После сказанного эмиссары Тассилона были отпущены».

В обостряющемся конфликте бросается в глаза пристрастное отношение Адриана I к королю Карлу. Здесь не могло обойтись без назидательных посланий папы к герцогу. Но такие обращения с осуждением Тассилона и его страны, видимо, не отвечали ни политическим целям понтифика, ни религиозному взгляду преемника апостола Петра на собственную роль и духовное положение. Вместе с тем Римская церковь поддерживала тесные и добрые отношения с Баварией еще со времен Винфрида-Бонифация — в 772 году папа совершил обряд крещения сына Тассилона — Теодора, таким образом взяв его под свое духовное покровительство.

Свидетельство хроник служит исключительно одной цели — после возвращения Карла в Worms начать подготовку к противостоянию с Тассилоном, представив папу как высшую нравственную инстанцию, которая безо всяких колебаний встанет на сторону короля в противоборстве с баварским герцогом во имя того, чтобы похоронить в том числе и его церковный авторитет.

По завершении беседы с эмиссарами баварского герцога Карл покинул Вечный город. Согласно более позднему источнику, в его свите были «римские певцы, опытные грамматики и мате-

матики», что вполне созвучно культурно-объединительной роли Карла. Сопровождавшие короля люди были призваны насаждать по другую сторону Альп римские стандарты как причастные к Каролингскому Ренессансу.

В первой половине 787 года маршрут Карла проходил, видимо, через Равенну. Из контакта с позднеантичными произведениями зодчества и искусства этого последнего византийского плацдарма в итальянской Адриатике происходила, очевидно, просьба короля разрешить ему снять с полов и стен эксаршего дворца в Равенне мозаичные панно и мраморные инкрустации и перевезти их в государство франков. Нам известно, что впоследствии мраморные колонны из Равенны и Трира были установлены в ахенском храме. Для этого требовалось папское согласие. В ответ понтифик попросил короля прислать ему породистых лошадей. В Рим прибыла только одна лошадь, впрочем, она оказалась всего лишь «пригодной» и не более того, а вот вторая сдохла в дороге. Однако из этой просьбы нетрудно понять, что франкское коневодство было на хорошем счету даже в Риме. О значимости этой породы убедительно свидетельствует и так называемый реестр качества *Capitulare de villis** вместе с соответствующими параграфами и, конечно, в основном победоносные кавалерийские атаки франков. Впрочем, можно напомнить о том, что папа обратился к королю с просьбой обеспечить его строительными материалами (пиломатериалы и олово) для производства ремонтных работ в соборе Святого Петра и тем самым и в этой сугубо материальной сфере предопределил дружеский контакт по принципу «брать-давать» между королем и папой.

Карл снова направился в Вормс (в среднем течении Рейна) в сопровождении супруги Фастрады, сыновей и дочерей. Надо сказать, что в семейном кругу король смотрелся как настоящий патриарх.

СОГЛАШЕНИЕ С БЕНЕВЕНТСКИМ ГЕРЦОГСТВОМ

Между тем Беневентское герцогство, цель четвертого похода Карла в Италию, было далеко от умиротворения. Папа, будучи непримиримым врагом герцога Арихиза, не мог воздержаться и поведал королю о заговоре Беневенто с греками. Итак, Арихиз

* Капитулярий об организации коронных земель и императорских дворов и имений (*лат.*).

предложил императрице Ирине сдать ее на милость при условии получения им титула патриция, а также присоединения к его герцогству неаполитанского дуката. Далее, вероломный герцог стал добиваться согласия на то, чтобы сосланный в Византию сын Дезидерия Адальхиз выступил во главе войска против папы и короля франков. Императрица якобы согласилась с этим предложением, но старший сын Арихиза — Ромуальд в качестве заложника подлежал передаче Адальхизу в Тревизо или Равенне. Эта версия заговора представляется маловероятной. Впрочем, расторжение франко-византийского союза, по-видимому, подтолкнуло герцога Беневенто действовать в злосчастном вопросе реституции городов и патримоний в пользу папы более сдержанно или даже вообще отказаться от этого проекта ввиду нового политического расклада сил, тем более брат его супруги Адальхиз действительно высадился в Италии.

Смерть герцога Арихиза 26 августа 787 года покончила со всеми спекуляциями по поводу его взглядов. За правителем, который и как законодатель представлял значительную фигуру, расширившую лангобардское право, в июле в мир иной последовал его старший сын Ромуальд. В результате наследником и преемником стал младший отпрыск Гримоальд, находившийся в руках короля франков как заложник. Поначалу государственные заботы возложила на себя вдова герцога и дочь Дезидерия — Адальперга при поддержке знати страны. Герцогиня Адальперга превосходила большинство представительниц ее сословия не только политической проницательностью и активностью, но и прежде всего образованностью. Этим она была обязана главным образом занимавшемуся ее воспитанием Павлу Диакону, который в те годы являлся историографом короля Карла.

Вскоре до Карла из Беневенто дошли сведения о всеобщем желании возложить на второго сына скончавшегося Арихиза — Гримоальда преемство в управлении герцогством. Для этого необходимо было снять с него обязательства заложника. Карл медлил с решением. Ему не хотелось упускать возможность политического воздействия в Южной Италии, тем более папа продолжал настаивать на военном вмешательстве и даже назвал 1 мая 788 года как дату вторжения объединенных войск на территорию Беневенто.

Не первый раз, занимаясь итальянскими делами, Карл действовал расчетливо и осторожно. Осенью 787 года он направил в Рим пятерых эмиссаров, во главе которых стоял хорошо нам из-

вестный Магинарий, аббат монастыря Сен-Дени. Эмиссары после переговоров с папой попытались урегулировать вопрос на месте. Но все предпринятые усилия превратились в фарс и, судя по всему, не способствовали в Беневенто росту престижа короля и папы. Магинарий оказался настоящим трусом. Перепуганный мрачными прогнозами в Риме, он не рискнул поехать даже в Салерно для встречи с вдовой герцога. Его настроение неизбежно передалось другим эмиссарам; которые тоже предпочли воздержаться от каких-либо эффективных переговоров. Из этого высокие представители императрицы (Spathare) извлекли преимущество. Из Неаполя они установили контакт с деятельной дочерью Дезидерия в Салерно. Между тем Адальперга отказалась занять прогреческую позицию, хотя папа и пытался доказать Карлу, что она ведет двойную игру. Высадка ее брата Адальхиза в Калабрии в конце года тоже мало что изменила в пользу Восточного Рима. Регентша советовала византийским эмиссарам в Неаполе проявлять терпение, но вместе с тем обращалась с настоятельной просьбой к франкскому двору о легализации Гримоальда в герцогском достоинстве, вновь подтвердив готовность вернуть владения и права, отнятые у преемника апостола Петра.

Папа, как и следовало ожидать, снова отсоветовал: «Если вы отправите Гримоальда в Беневенто, судьба итальянских владений останется под вопросом!» Адриан вновь настаивает на возвращении обещанных городов, тогда он мог бы молиться на могиле апостолов за короля, королеву и их детей. Вот уже и Капуа, к примеру, готова признать главенство преемника апостола Петра и короля. Эта идея была созвучна позиции проримской фракции в городе. Передача города, правда, не состоялась, равно как и возвращение прочих территорий. Их жители, очевидно, с согласия короля, отказались подчиниться папе и проявили готовность передать лишь некоторые предметы, что соответственно вызвало в Риме бурю гнева.

Осенью 788 года Карл наконец-то решился разрубить этот гордиев узел (хотя мы тем самым немного опережаем события). Король отпустил Гримоальда в Беневенто, назначив его герцогом с обязательством признавать главенство франков. Правда, это подлежало еще публичному закреплению. Так, кроме собственного имени, на монетах надлежало чеканить еще имя Карла, а также год его правления с указанием на короля также в грамотах. Весьма любопытно, что жителям Беневенто запрещалось, согласно греческой моде, носить эспаньолки (бородки). Юному герцо-

гу король передал двух верных ему людей в качестве надзирающих советчиков, которым предстояло заключить брачные узы с дамами в Беневенто.

Что касается монет, в период с 788 по 792 год имели хождение как римские золотые монеты, так и серебряные денарии; имя Карла отчеканено на реверсе или королевская монограмма в виде креста на аверсе. Затем эта разновидность двойной чеканки в виде знака новообретенной автономии приказала долго жить.

У каролингского денария как платежного средства было мало шансов утвердиться в торговых отношениях стран Средиземноморья и в прилегающих регионах, где господствовали арабы и Византия. В обращении остались тремисс, золотая монета весом 1,3 г, и денарий, арабская золотая монета.

После 880 года серебряные денарии хождения не имели. К этому времени уже после императора Людовика II влияние Каролингов на Юге полуострова резко упало. Зато в Северной Италии после указа мантуанского капитулярия в 781 году золотые монеты уступили место серебряному денарию, в Тоскане и Северном Лациуме, однако лишь в последнее десятилетие VIII века, а именно после денежной реформы 794 года, когда вес денария повысился с 1,3 до 1,7 г, а диаметр с 1,7 см возрос почти до 2. В Лукке последнее упоминание золотого стандарта отмечено в грамотах 798 года. Таким образом, Италийское королевство в границах 787 года окончательно входило в экономический район династии Каролингов. Что касается требования двойного датирования, до нас дошла герцогская грамота от июня 789 года, выданная аббатству Санта София в Беневенто. Кроме времени правления герцога, в ней указаны годы правления «смирнейшего Карла, великого короля франков и лангобардов, а также «патриция римлян». Не хватает только проблемы греческих эспаньолок, к которым трудно привязать свидетельства столь короткого периода времени с 788 по 792 год.

Карл не ошибся в Гримоальде и его матери, хотя последующая политика герцога была решительно ориентирована на восстановление самостоятельного правления. Карл правильно рассудил, проигнорировав предостережения папы. В результате он сумел избежать угрозы военных столкновений с Восточным Римом, снял категоричность с постоянного давления понтифика в отношении немедленной передачи спорных городов и патримоний, а также не поставил под удар упрочение власти своего сына на землях лангобардов Дезидерия, распыляя властные силы в южном

направлении. Восточноримские эмиссары, в отношении которых Адальперга заняла сдержанную позицию, после вступления Гримоальда в управление герцогством решительно двинули войска, включая отряды Адальхиза, под командованием патриция Сицилии на завоевание Беневенто. Им противостояли Гримоальд и верный Карлу герцог Гильдебранд из Сполето. К ним присоединился немногочисленный отряд из франков, возглавляемый королевским эмиссаром Винигизом. Тогда погибло не менее четырех тысяч греков, тысяча попала в плен. Эти масштабные и округленные данные заставляют усомниться в реальном положении вещей. Они лишь подтверждают общее впечатление множественности. Авары, объединившиеся с мятежными лангобардами во Фриуле и якобы подталкиваемые герцогом Тассилоном к войне, остались на поле брани как во Фриуле, так и в Баварии.

В будущем герцог не отступил от своих обещаний. Беневентское герцогство на юге Апеннинского полуострова осталось крепкой преградой на пути византийских притязаний, хотя Карл довольствовался аморфной разновидностью правления. Правда, после 791 года юный герцог стал тяготеть к Византии, даже женился на невестке императора. Гримоальд управлял герцогством на основах, заложенных еще отцом, и превратил его в самостоятельный фактор влияния. Оно в результате военных действий короля Пипина в 791—793 годах, а также в 800—801 годах уже не могло вернуться в лоно франков. Беневенто во все возрастающей степени становилось плавильным тиглем лангобардской, византийской и римской культуры, а также мостом, соединяющим разные средиземноморские державы.

Эта модель умиротворения и интеграции региона по внешнему периметру империи *mutatis mutandis* (внося соответствующие изменения) предлагалась и для государственного подчинения Баварии: смещение герцога Тассилона в пользу его сына Теодора при условии верховной власти франков. Карл сознательно избрал другой путь. В отношениях с Беневенто оправдалась расчетливая осторожность в сложной ситуации, причем в регионе, который, подчиняясь, правда в не очень жестких формах, государству франков, сам разрывался между собственными интересами, давлением Восточного Рима и папской алчностью. Поэтому при передаче вождельных *civitates** на территории Беневенто папа был вынужден довольствоваться формальным вручением ему ключей от

* Община, город (лат.).

города. Жители избежали папского вторжения, даже от клятвы капуанцев в крипте апостола Петра было мало проку. Юг так и остался недостижимым для папства до тех пор, пока род герцогов Беневенто окончательно не вымер в 1077 году.

Патримоний апостола Петра не выходил за пределы Чепрано и Террачины на Юге, и даже города Популония и Розелле в Южной Тоскане, которые Карл уступил предположительно в 781 году, оставались источником постоянных споров при передаче их папе. В конце концов понтифик был вынужден временно удовлетвориться реституцией и исправлением границы. Это не подорвало союз преемника апостола Петра с королем франков. Даже спор об архиепископском преемстве в Равенне, в общем, не омрачил прагматический и вместе с тем душевный союз, хотя умолчание в биографии Адриана I по политическим вопросам 781 года вплоть до кончины папы в 795 году дает косвенное представление о чувствительности Римского престола.

Вселенский собор, заседавший с 24 сентября по 13 октября 787 года в Никее, а 23 октября завершившийся торжественным заседанием под председательством императрицы Ирины, привел к дальнейшему церковно-политическому сближению Рима с Византией. Но и это не стало поводом для досады в отношениях между обоими партнерами — Адрианом и Карлом. Речь скорее шла о всплеске богословской активности по другую сторону Альп, что проявилось в написании так называемых *Libri Carolini* как реакции на декреты Вселенского собора за период с 791 по 794 год.

ИТАЛИЙСКИЕ КАПИТУЛЯРИИ

Еще возвращаясь домой через Альпы в 787 году, Карл во имя безопасности — собственной и сына — сослал ненадежных лангобардских аристократов на Север, определил в двух капитуляриях сферы ответственности церкви и государства, а также описал круг их полномочий. Указанные правовые тексты планировалось принять под председательством короля в Мантуе в октябре, однако из-за нехватки времени этого не произошло. Третий капитулярий выпустил сын Карла — Пипин в Павии в развитие решений, принятых отцом. Тексты предваряли слова: «Душе славного короля Карла созвучно, что с корнем вырывается и устраняется зло, распространившееся в наши дни в лоне святой церкви Божией».

Так, монастыри призваны жить по уставу святого Бенедикта. При нарушении этого завета аббатами и аббатисами следует заменять их на других, более подходящих. Необходимо восстановить церковные приюты для бедных (*Xenodochien*), чтобы они соответствовали своему социальному предназначению; крестильни следует передать священнослужителям; нельзя допускать вмешательства епископа, особенно недопустимы вымогательства при пастырском общении с прихожанами. Встречается упоминание о том, что духовное сословие (аббаты и монашествующие) должно воздерживаться от охоты, любимого занятия аристократии, а также от общения с людьми шутовского звания. Запрещается также лишать клерикалов финансовой поддержки и средств к существованию; во всех делах следует соблюдать церковное устройство. Сам Карл при избрании церковных сановников отказывается от даров, выходящих за пределы разумного. Таким образом, король по зову совести бросает вызов симонии, то есть практике продажи и купли духовных должностей, в память о колдуне Симоне, который пытался купить у апостола Петра его духовные дары. Церковная реформа XI столетия была призвана решительно покончить с этим злом.

Второй капитулярый — более объемный — посвящен главным образом небеспроблемным отношениям между церковью и светской властью, представленной аристократией и ее административным фундаментом: клерикалы на основе иммунитета и компетенции римского права в отношении духовного сословия свою подсудность связывали исключительно с епископом или его викарием; бродячие клирики и монашествующие на чужбине не должны рассчитывать на гостеприимство; судебные разбирательства нельзя устраивать в храмах; графы не имеют права привлекать к работам безземельных из церкви. Такого рода угнетение, подчеркивается в соответствующем разделе, уже привело к опустению огромных пространств. При строительстве мостов и прочих разновидностях подневольного труда по старому обычаю начинать надо было с высшего церковного начальства. Ответственный за строительство при нарушении сроков работ мог вызвать «прораба», что свидетельствует о многочисленных трудностях со снабжением на раннем этапе средневековья при возведении дорог, путей и мостов. По этой причине имело место преимущественное использование водных путей для транспортировки людей и грузов. Обширная глава посвящается проблеме взимания десятины. Согласно нашим достоверным источникам, уплата

церковных штрафов, пени и конфискации осуществлялась принудительно в соответствии с приговором уважаемых членов прихода в количестве от четырех до восьми человек.

В Павии Пипин в присутствии короля-отца знакомил участников собрания с этими указами Карла, причем частично расширив их новыми положениями. Таким образом дается энергичный отпор широко распространенным привычкам наезжавших в пфальц, которые квартировали у третьих лиц, несмотря на их несогласие, да еще требовали с них мзду. В этот круг входили епископы, аббаты, графы и «*vassi dominici*», то есть королевские вассалы. Вассалам, изначально холопам, но в то время выдвинувшемуся слою, запрещается без согласия своих сеньеров и без указания убедительных причин менять господина. Эта процедура осуществляется в присутствии короля, и потенциально новый сеньер с потенциальным вассалом в течение сорока дней (известный срок — квадрагесима) обязан предстать перед королем. Причем каждому должно быть позволено доказать свой статус вольного, то есть пойти в услужение другому, правда с сохранением публичных притязаний графа к вассалу.

За этим прослеживаются структурные изменения в жизни общества, которое вольного, или «франка», как носителя идеальной опоры королевства отделяет от монарха. Соответственно действует еще подлежащий рассмотрению процесс, привязывающий вольного и самостоятельного крестьянина к системе обыденной жизни и производственной деятельности. Она вместе с тем защищает его от требований органов государственной власти, особенно от дорогостоящего и небезопасного военного призыва. Таким образом, за два поколения королевство лишилось народной основы и было положено начало двойной феодализации общества. Ответные меры против отчуждения широких слоев населения не заставили себя ждать. Начало было положено капитулярием 787 года (он связан с городом Павия). Впоследствии многократно заявляли о себе различные заповеди и запреты, но в итоге все они успеха не имели. В результате между королевским правлением и народом пролегла межа.

В тексте содержится попытка разобраться с правонарушением как явлением: никого нельзя чего-либо лишать или изымать без решения суда. Для развития транспортной системы Северной и Центральной Италии и ее производительности в интересах королевской казны особое значение приобрело положение о ремонте дорог, паромов и мостов. Так было испокон веков. А

вот новые переправы строить запрещалось, что порождало типично средневековый антагонизм между старым правом и новыми потребностями.

И наконец, король Пипин в своем капитулярии обращается к особо острой социальной проблеме. Речь идет о судьбе женщин, мужья которых в качестве потенциальных смутьянов оказались на положении ссыльных. Король приказывает не ущемлять их в правах. Помогать в этом должны доверенные лица короля, решая правовые вопросы «с графом при должности». На королевских эмиссаров (капеллана и монаха) возлагается также обязанность посещения монастырей.

Можно представить себе, каким вмешательствам — извне и изнутри — подвергалась церковь: противозаконное давление на лично зависимых крестьян, правовой беспредел в условиях общественной нестабильности, едва завуалированная симония со стороны монарха, вымогательства — и все это на фоне мучительного взимания десятины и изъятия вспоможения. Такое положение вещей касалось прежде всего крещален как религиозных оплотов средневекового общества, кроме всего прочего пребывавшего в ожидании структурных изменений в результате формирования вассалитета и сеньориальной власти.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И ПОРАЖЕНИЕ ТАССИЛОНА

В середине 787 года Карл, переправляясь через Альпы в северном направлении, принял решение наконец-то разобраться с «баварским вопросом». Моделью мог бы служить Беневенто. В столетии, на полуархаичной основе приобретавшем все более культурные и цивилизованные черты (чему способствовал Каролингский Ренессанс) и старавшемся привязать свои действия к определенным правовым нормам, вопрос о власти решался не так, как прежде, посредством применения грубой силы. К тому же и окончательное завоевание Аквитании проходило как бы на правовой основе с указанием на вероломное поведение герцога Гунольда. Баварский герцог являлся близким родственником короля, его кузеном. Тассилон происходил из древнейшего аристократического рода, которому, согласно международному праву баварцев, принадлежала вся полнота власти. Он являлся зятем хотя и смещенного, но все же короля, и, таким образом, был связан духовными узами с преемником апостола Петра. Тассилон возглавлял

герцогство, которое за минувшие десятилетия в результате создания церквей и монастырей, в том числе благодаря усилиям аристократии, а также вследствие серьезных миссионерских успехов на Юго-Востоке превратилось в регион, по своему культурно-религиозному воздействию, видимо, уступавший лишь центральным землям франков — в долине Сены и Южной Галлии. Баварская церковь состояла из четырех епископий: Зальцбург, Фрейзинг, Пассау и Регенсбург. Лишенная митрополичьей резиденции, она во имя братского молитвенного общения формировалась в рамках соборов под председательством «князя» и «господина». Герцогское представительство располагалось в Регенсбурге на месте некогда существовавшего там римского поселения. Известностью пользовался храм местного епископа, считавшийся духовным представительским центром.

Не вызывает сомнения исторически подтвержденный факт, что Бавария, герцоги которой своим достоинством были обязаны династии Меровингов, ощущала себя связанной с империей франков на правах ассоциированного внешнего дуката. Однако из генеалогических таблиц баварских аристократических родов, содержащихся в Законе племени примерно 750 года, следует, что Агилольфинги владели герцогством согласно наследственному праву. Отличие между назначением и наследственным правом вылилось в конфронтацию по вопросу о власти. Хотя аристократическая связь между внешним дукатом и королевством франков, возможно, еще не стерлась из памяти, переход королевского правления от Меровингов к династии мажордомов, Пипинидов и Арнульфингов, к так называемым Каролингам, вызвал в сознании Агилольфингов мысль о равенстве и, наверное, даже превосходстве по отношению к выскочкам. Такой взгляд не мог не повлиять на политико-правовой статус герцогства, тем более что в начале сороковых годов VIII столетия сложились определенные отношения (все обстоятельства которых неизвестны) между Гильтрудой, сестрой будущего первого короля новой династии, Пипином и герцогом Одилоном. Из хитросплетений этих отношений в качестве наследника и «вынырнул» Тассилон.

После смерти Гильтруды в 754 году Пипин представлял интересы осиротевшего племянника в связи с притязаниями Грифона, своего брата, родившегося от связи его отца Карла Мартелла со Свангильдой. Осуществлял ли мажордом опеку над появившимся на свет в 741 году сыном Гильтруды, нам неизвестно. В любом случае Тассилон как наследник в герцогстве занимал пре-

стол за своим отцом. Присутствуя на общем собрании франкского войнства в 755 году и участвуя в первом походе Пипина против лангобардов год спустя, Тассилон проявил себя лояльным сторонником нового короля, который одновременно был его дядей.

Последующее время поначалу также не дает основания говорить о напряженности в отношениях между герцогом Агилольфингом и королем франков. Расплывчатая автономия Баварии соблюдается и после того, как Пипин распределяет королевскую власть между сыновьями Карлом и Карломаном, ибо Бавария в отличие от Алемании, Эльзаса и Аквитании не упоминается как объект в связи с разделом империи в 768 году. Значительность герцогского титула и во внешних отношениях, тем более по другую сторону альпийского гребня, получает в те годы подкрепление в результате бракосочетания Тассилона с дочерью короля лангобардов Дезидерия. Одновременно эти узы заставляют короля франков и папу задуматься о том, что единство взглядов обоих соседей таит потенциал скрытого конфликта для франко-римского союза. Поэтому вдова Пипина Бертрада не случайно пыталась ликвидировать этот очаг напряженности — в 767—770 годах ей удалось заключить союз между франками, баварцами и лангобардами как равноправными партнерами. Он должен был пойти на пользу прежде всего ее старшему сыну. Во имя этого альянса Карла заставили расстаться с супругой Гимильтрудой, матерью впоследствии вошедшего в историю Пипина Горбуна, и жениться на дочери Дезидерия. Таким образом преемник апостола Петра оказался в окружении зятеев враждебного ему короля Дезидерия, к которым наряду с Тассилоном принадлежал еще герцог Беневентский Арихиз. И вот теперь еще один из семейства франков вступил в эту изначально антиримскую коалицию, косвенно развалив тем самым пакт о дружбе между папами и новой династией. О том, как возмущенный и вместе с тем перепуганный Стефан III (IV) среагировал на эту смену политического курса, направленного исключительно против его интересов, мы уже писали выше.

Когда в 771 году умер юный брат Карла — Карломан, с трудом сколоченный союз развалился. Оказавшись вовлеченным в конфликт с матерью, Карл объявил о расторжении союза трех. Тассилон вел себя нейтрально, но сумел заручиться папской поддержкой. На Троицу 772 года в Риме Адриан I совершил помазание его старшего сына Теодора, что означало установление духовных уз с папским престолом. Если имя Теодор само по себе

предполагало программу действий, вызывая ассоциации с исключительно удачливым и властным герцогом первой четверти VIII века, то папское восприемство от купели подчеркивало равенство сына по происхождению с потомками бывших франкских мажордомов, ставшими королями. Они еще ранее удостоились духовного родства с римским понтификом. Баварский герцог и король франков находились в одинаковом положении: по происхождению, родственным узам и возрасту, а также по миссионерско-политическим успехам и внешнеполитическим отношениям с папой и королем лангобардов. Вот только титулы у них разные.

Баварские соборы, особенно собрание дингольфингов, расценивали герцога вместе с сыном как соправителей с точки зрения влияния на церковь. Сенсационное основание Кремсмюнстера неподалеку от баварско-славянского округа Траун замкнуло цепь герцогских монастырей в Баварии, от которых старалась не отставать и аристократия (например Бенедиктбойерн или Тергерзее).

Даже после того как король в 774 году сверг Дезидерия и заточил его в монастырь, отношения между обоими кузенами — Карлом и Тассилоном ухудшились ненамного. Ведь баварские военные контингенты принимали участие в безуспешной и даже, может быть, нанесшей урон авторитету короля испанской авантюре 778 года. Политика Карла, как нам представляется, в основном осуществлялась размеренно. Король тщательно изучал складывающуюся ситуацию, взвешивая возможные шансы. Он неизменно помнил о поставленной цели, рационально учитывая конкретное в данный момент соотношение сил, которое по возможности пытался изменить в свою пользу, умело маневрируя живой силой и средствами в преддверии военных акций.

Примером таких разумных действий является завоевание королевства лангобардов, завершившееся быстро и относительно бескровно благодаря продуманному подходу. Фактические или потенциальные сторонники удостоились привилегий, а упрямые или вероятные противники лишились владений и отправились в ссылку.

До 781 года Бавария оставалась для Карла как бы нейтральной стороной его политики и лишь в предпоследнем десятилетии VIII столетия стала вызовом, по значимости не уступавшим «вхождению» Саксонии в состав государства франков.

С возобновлением духовного родства между королем франков и преемником апостола Петра в результате совершения обря-

да крещения Карломана-Пипина и Людовика, а также торжественного возведения обоих сыновей в королевское достоинство в Италии и соответственно в Аквитании в 781 году в качестве «промежуточной власти», по выражению Бригитты Кастен, при сохранении верховного главенства отца, Карл решился пойти на определенную децентрализацию власти, которая наилучшим образом соответствовала возможностям управления и связи, а также территориальным размерам франко-лангобардской империи. В этом концепционном нововведении хотя и не озвученная, но де-факто обозначенная автономия герцогства Бавария оказывалась во все возрастающей степени в поле зрения политики Карла. Эта страна как задвижка перекрывала северные и южные альпийские перевалы, и в первую очередь перевал Бреннер. Таким образом, герцог контролировал долину реки Адидже вплоть до Больцано (в Тироле) и поэтому в любое время мог, объединившись с оппозиционно настроенными лангобардами, угрожать укреплению власти Карла.

Во время второго визита в Рим в 781 году Карлу удалось окончательно склонить Адриана I по вопросу о Баварии на свою сторону, что проявилось в создании смешанной франко-папской делегации, посетившей Тассилона и призвавшей его встретиться с королем. Это произошло в Вормсе после того, как были выделены заложники для обеспечения безопасности герцога как партнера по переговорам с королем. Нам не известны ни предмет переговоров, ни их результат. Тем не менее один источник сообщает об «огромных подарках», переданных герцогом Тассилоном, и о «прощении», дарованном ему королем перед возвращением домой.

Предположительно Тассилон подтвердил верность королю и в качестве гарантии вернул заложников, которых монарху передал Регенсбургский епископ Керси.

После возвращения из Италии в начале лета 787 года король франков постарался максимально использовать этот диктаторский статус в собственных интересах. К такому политическому расчету его, вероятно, подтолкнули также успешные переговоры с герцогом Беневенто, согласившимся на предоставление заложников, среди которых был его второй по старшинству сын, принесение клятвы верности, предоставление ежегодной дани, а также на частичное удовлетворение папских притязаний в качестве модус вивенди, означавшего подчинение дуката по периметру его

италийского королевства верховной власти короля франков и одновременно нейтрализацию в отношении Византии.

Концентрируя власть, Карл, незадолго до этого подчинивший Видукинда, своего главного врага в Саксонии, посредством крещения поборовший его оппозицию и тем самым открывший земли вплоть до Эльбы для административно-церковно-политического проникновения франков, считал неотложным велением времени аннексию Баварии. Как уже подчеркивалось, здесь нельзя было применять исключительно военные средства. Межсемейные узы, отсутствие открытой вражды, церковная общность, покровительство папы не давали возможности использовать это средство. Требовалась, скорее, юридическая конструкция или обширная историко-юридическая аргументация для приближения к почти что королевской и ярко выраженной автономной позиции Агилольфинга, дукат которого сумел утвердиться в качестве последнего анклава в гравитационном поле политики франков. Но коллоквиум 781 года показал: фундамент самостоятельности под воздействием королевских и даже папских призывов к сохранению мира уже был подорван.

Кроме того, речь шла о том, и в данном контексте интенсивно развивающихся событий это представляется новым элементом, чтобы привлечь к мероприятиям против герцога общественность (светскую и церковную аристократию), в особенности баварскую знать, а еще общих родственников (сородичей) с помощью убедительных аргументов, включающих и доводы из новейшей истории. Размышления об этой почти что пропагандистской кампании прослеживаются в оценке имперскими хронистами баварско-франкских отношений на протяжении нескольких десятилетий. Отдельные сведения имеют «ароматические пометы», источающие дурной запах и отрицательно характеризующие Тассилона до сегодняшнего дня.

В любом случае Карл, будучи в Риме, принял решение покорить своей власти Тассилона и вместе с ним Баварию. Не ясно, правда, предполагал ли он к тому времени удаление Агилольфингов из наследственного герцогства. Уже примерно в 784 году неподалеку от Больцано произошли военные столкновения между баварцами и неким франкским властителем. Что это? Прелюдия к грядущим событиям? Ответить на этот вопрос не так-то просто.

В имперских хрониках или по крайней мере в ежегодных сообщениях по нашей теме, составленных и записанных в период между 788-м и — самое позднее — 795 годом, контактам между

королем франков и баварским герцогом посвящается много места. В одном можно не сомневаться: хронист был из придворных кругов и материал для изложения черпал из своего рода Белой книги или судебных протоколов. В них перечисляются фактические или мнимые проступки Агилольфинга, интерпретация которых соответствовала, однако, исключительно представлениям и оценкам победителя, а именно короля Карла. Королевство франков при решении проблемы Баварии проявляло неизменную осторожность, делало только тщательно выверенные шаги, юридически корректные и эффективные в плане воздействия на общественное мнение. Что касается придворных, то они старались преподнести убедительные аргументы в пользу свержения Тассилона. В противоположность этому ни мажордома Карломана при подавлении Алемании в сороковые годы, ни короля Пипина, ни его сына Карла при аннексии Аквитании такие угрызения совести не мучили. Их вожди, видимо, и не состояли с теми в свойстве. Вопрос о власти теперь «укладывался» в правовое русло, решаемое процессуально и исключая военный аспект.

Мы уже говорили о политической поддержке короля Карла папой Адрианом I в данном вопросе, хотя утверждение о том, что якобы предусмотренное святым отцом прощение всех гнусных деяний франков диктуется виной Тассилона, является клеветой, оскорбительной для чести папы.

Между тем напрашивается вывод. Хотя этот процесс во всех его деталях из-за недостаточности исторических свидетельств недоказуем, окружавший герцога круг людей начинал сжиматься тогда, когда королю в Баварии удавалось приобрести достаточное число сторонников среди духовенства и аристократии, чтобы с перспективой на успех действовать против Тассилона. К таким приверженцам, впрочем, стремившимся к установлению приличных отношений с Тассилоном и поначалу добивавшимся этого, можно отнести Арна, преемника епископа Вергилия в Зальцбурге. С ним связана самая старая книга молитвенного общения собора Святого Петра. Ее первые записи датируются июлем 784 года. В ней, помимо членов семьи баварского герцога, епископов и аббатов, на первом месте поименно отмечен королевский дом государства франков. Но и аббат Фулрад монастыря Сен-Дени принадлежит к числу тех, кого поминают в молитве.

Если к этому добавить, что указанные записи являются самыми ранними примерами Каролингского минускула на землях Баварии, в то время как другие баварские рукописи в монастырях и

епископских резиденциях еще пользовались древними курсивными шрифтами, сразу становится понятной масштабность (помимо личности Арна) и культурная форма франкизации баварской церкви, за которой последовало политическое сближение и даже взаимодействие. Хотя исследователи до сих пор не в состоянии назвать сочувствовавших Карлу на ранней стадии его правления.

Однако сам факт коллаборационизма не вызывает сомнения. Хотя имперские хроники здорово преувеличивают, утверждая, что значительная часть баварской аристократии уже в 787 году, а тем более в 788 году перешла на сторону Карла, получив за это соответствующую компенсацию, тем не менее имела место серьезная переориентация. В противном случае франко-баварский интеграционный процесс не пошел бы так активно и бесконфликтно. Подобные наблюдения были бы уместны еще при интеграции лангобардских земель в королевство франков. И здесь предстоятели церквей и монастырей, видимо, задавали тон при смене правления.

Драма получила продолжение по прибытии короля в начале лета в Вормс. 13 июля Карл в день приема при дворе вселел возвести в епископский сан Виллихеда, миссионера Вихмодии, поскольку Саксония постоянно оставалась в центре его внимания. Собранию стали известны детали произошедших в Риме и Капуа событий, одновременно оно получило представление о планах Карла относительно Тассилона. Мюрбахские хроники, в те годы наиболее ценный и, видимо, достоверный источник, который мы использовали при описании восстания Гардрада, свидетельствуют: «Этот [король] на землях франков в Вормсе устроил приемный день. Набрав войско из франков, он направился к границам Алемании и Баварии на реке Лех. Туда же явился Тассилон, герцог Баварский, и вручил ему жезл с человекоподобным изображением как символ отечества. Так он стал его вассалом и отдал своего сына Теодора как заложника».

Менее значимые, так называемые Лоршские хроники варьируют это свидетельство таким образом, что в начале октября Тассилон находился у короля, передав себя и земли Баварии в руки Карла. Таким образом, имперские хроники обогащают и заостряют многократно подтвержденное событие: Тассилон отказался подчиниться приказам папы, а также выполнить клятвенные обещания, данные им королем, его сыновьям и всем франкам. Вместе с тем Тассилон воспротивился предстать перед королем. Теперь вступил в действие план в отношении Тассилона: Карл со

своими отрядами достиг реки Лех выше Аугсбурга на границе Баварии с Алеманией; другой контингент из восточных франков, а также из представителей Тюрингии и Саксонии (!), поспешил к Дунаю и продвинулся до восточной границы герцогства между городами Ингольштадт и Регенсбург; третий — во главе с Пипином прошел маршрутом от Триента до Больцано на южной границе. Этой тщательно разработанной военной операции герцог не мог противопоставить ровным счетом ничего: ему пришлось подчиниться королю на основе вассалитета, который здесь впервые, впрочем под нажимом, приобрел высшую социальную значимость на этапе раннего средневековья. Герцог стал «*vassus dominicus*»*. Правда, его обязанности (да и права тоже) еще ожидали четкой квалификации. Тем самым король получил свободу действий в отношении герцога, а также «зеленый свет» для вмешательства в дела Баварии.

Вассалитет в сочетании со специально сформулированной присягой в верности или без оной, конкретно в виде коммендации, еще связанной со старым ритуалом закрепощения, в общем, обосновывал почти что договорные отношения между двумя партнерами — сеньером (старшим) и вассалом (младшим). Коммендация обязывала обоих, но главным образом вассала, к благонравному поведению, готовности прийти на помощь, товариществу и солидарности, исключаящей вероломство, союзы с врагами и собственные враждебные действия. До этого времени привязанные в чувствах и действиях к королю, автономные в политике герцоги, согласно коммендации, снова оказывались вассалами монарха, на основе канона обязанностей, соблюдение или нарушение которых мог в любое время проконтролировать королевский суд. В наступавшем столетии вассалитет становится все более значительным ферментом аристократического государства, но вместе с тем и соединительным элементом между королем и знатью, а также между верхушкой империи и князьями церкви.

Уже в начале правления короля Карла начал формироваться этот вассалитет, занявший место графского служения. В одной из грамот монастыря Лорш уже в 772 году в качестве судей, кроме четырех графов, упоминаются пятеро «*vassi nostri*»**, безусловно являвшихся представителями знатных фамилий. Да и введение монастыря Фульда в состав Хаммельбурга 8 октября 777 года совершали, согласно протокольным записям, два графа и два «*vassi*

* Королевский вассал (лат.).

** Наши вассалы (лат.).

dominici». Конечно, вассалитет еще не стал социально обязательной системой, даже ленным правом. Разумеется, отдельные формальные акты договорных обязательств пока не были канонизованы, а вассальная клятва не влекла за собой вещный субстрат, ленный объект (*feudum*) в виде комплекса владения. Однако верность, готовность прийти на помощь и подчинение в обмен на материальное обустройство составляли основу этого контракта.

В связи с вынужденным внедрением вассалитета Тассилон снова получил Баварию (*regnum, patria**) из рук короля, которую, по свидетельству источника, он же монарху и уступил. Акт возвращения в те далекие времена, не очень-то богатые письменными свидетельствами, когда действенность правовых актов измерялась зримыми, броскими знаками, был реализован передачей символа, в данном случае жезла с человекоподобным изображением. Это символическое действие соответствовало существовавшему тогда обычаю для совершения правовых актов. Так, вопрос об освобождении решался подбрасыванием вверх монеты в присутствии короля. А при покупке и продаже земли передавался кусок лесного дерна. Даже грамоты в обществе, практически лишенном письменных свидетельств, рассматривались как правовой символ; лишь их публичная передача гарантировала действенность соответствующего договора.

Не может быть сомнений в том, что баварский герцог не расставался с жезлом как символом правления. Наличие жезла — это атрибут ранних культур, не связанный с конкретным местом и временем. Так поступал Моисей. У западных готов жезл с зеркальной печаткой разрешал судебному рассильному приглашать спорящие стороны в зал заседания. Маршальский жезл вплоть до наших дней относится к экипировке высших военачальников. Африканские государственные деятели не расстаются с жезлом даже на демократических выборах. Для них это тоже многозначительный символ. В серии картин, посвященных взятию Англии Вильгельмом Завоевателем, герцог многократно изображен на коне. А в руках он держит опять-таки жезл и с его помощью отдает приказы эскадронам. В 787 году этот жезл стал символом передачи власти, но не насильственно навязанным знаком с изначально закрепленным содержанием, как это считалось позже в отношении знамени и жезла в период расцвета средневековья при введении в высшие духовные и светские должности. Нам не известно, получил ли тогда Тассилон северобаварские владения

* Государство, отечество (лат.).

Ингольштадт и Лаутергофен в качестве привилегий. *Divisio regnorum* 806 года лишь намекает на это, не указывая ни времени, ни места.

В правовом отношении Тассилон, приняв коммendaцию, стал человеком короля — «*vassus dominicus*», то есть королевским вассалом. На основе официального акта о передаче и возвращении владения Баварское герцогство было приравнено к «бенефицию» — на основе недостаточно юридически проработанного принципа безвозмездного пользования землей. Из властного статуса (*potestas*) вытекает право пользования (*ususfructus*). Реализация этой связи предполагала демонстративное принесение клятвы верности, что опять-таки соответствует уже описанным событиям в Беневенто и Капуа, а также принесению присяги соучастниками в заговоре Гадрада. Сюда не случайно относится положение заложников, как того требовал Арихиз из Беневенто, в качестве гарантии будущего благонамеренного поведения.

Принудительное включение Тассилона в вассальскую зависимость значительно обогатило данный политический контекст, который не совсем вписывается в вассальный правовой статус. В противоположность условиям предоставления заложников в Беневенто Карл потребовал выдачи старшего сына Тассилона — Теодора, уже являвшегося соправителем в Баварии. Судьба Агилolfинга с 787 года находилась буквально в руках короля франков. Этот формально вассальный правовой статус позволил королю иметь необходимую основу для будущей юридической аргументации и вытекающих из нее военно-политических действий против его старшего кузена и соперника.

Однако статус-кво длился недолго. Тассилон и его супруга Лютперга, дочь короля лангобардов Дезидерия, не могли пережить унижение, как они, естественно, восприняли происшедшее на берегу реки Лех. Будучи именитыми аристократами по происхождению, они искали пути, чтобы вырваться из объятий короля франков.

Если проследить имперские хроники и прочие источники, в июне 788 года Карл проводил в Ингельгейме-на-Рейне имперское собрание, на которое по традиции пригласил всю знать. Пфальц в Ингельгейме-на-Рейне, прославленный десятилетия спустя Эйнхардом как выдающийся образец зодчества короля Карла наряду с собором Святой Марии в Ахене, пфальцем Нимвеген и (деревянным) мостом через Рейн в Майнце, находился примерно в пятнадцати километрах западнее Майнца на не под-

топляемом паводком косогоре выше того места, где река Зельц впадала в Рейн, а именно в пределах видимости старой римской дороги, связывающей Майнц с Бинген у подножия горы. Таким образом, до пфальца можно было легко добраться по Рейну и Майну, а также сухопутным путем.

Карл, о пребывании которого в Ингельгейме-на-Рейне источники писали еще в 774 году, перезимовал здесь после возвращения со встречи с Тассилоном. В неподалеку расположенном лесу Карл наслаждался прелестями охоты. Поэтому в 788 году король провел здесь не только Рождество, но и Пасху в старой церкви Святого Ремигия, видимо, являвшейся капеллой при пфальце. В юго-западной части строительного комплекса прямоугольной формы с примыкающим полукругом (Exedra) как раз и располагалась «*aula regia*» — королевская зала (примерно 14,5 метра в ширину и около 33 метров в длину), в которой с южной стороны находилось место для монарха, напоминавшее полукупол. Впоследствии Ингельгейму-на-Рейне было суждено стать одним из самых любимых мест пребывания Людовика Благочестивого. Он в 826 году велел здесь крестить короля датчан Гаральда, а примерно в 840 году скончался сам. Находившийся временно в ссылке придворный поэт и панегирист Эрмольд Нигеллий в своих известных стихах восторженно пишет об убранстве капеллы, фресках, на которых изображены сцены из Ветхого и Нового Завета, а также типологически отобранные фрагменты из истории правления короля и императора, начиная с Августа и кончая Карлом Великим. К сожалению, из художественного убранства ничего не сохранилось, не удалось даже точно выяснить место расположения более поздней капеллы пфальца.

В этом центральном месте королевства и состоялось имперское собрание. На нем, видимо, присутствовала знать всей империи — франки, саксы, лангобарды и баварцы. А главным предметом обсуждения не стала, как обычно, подготовка к очередному военному походу или разъяснение его целей; в центре внимания оказалась история с Тассилоном. Вот о чем пишут лучше всех информированные Мюрбахские хроники: «Но Тассилон, герцог Баварский, добрался до короля франков Карла, в виллу, называемую Ингельгейм-на-Рейне. После этого указанный король послал своих эмиссаров в Баварию к супруге и детям указанного герцога; те ревностно и успешно исполнили приказ короля, привезли сокровища в сопровождении многочисленной придворной челяди к названному королю. Пока это происходило, указанный

герцог был схвачен франками и, после того как его разоружили, доставлен к королю. Пока они так беседовали, он [король] спросил его насчет преследований и скрытых нападков, которые еще прежде тот посмел готовить против него вместе со многими народами. Когда тому все это не удалось опровергнуть, ему против собственной воли было приказано состричь волосы на голове. Тот слезно умолял не выбривать ему тонзуру во дворце из-за смущения и позора перед франками. Король внял его просьбам и отправил его к Гоару, святые мощи которого покоятся на Рейне. И отсюда, сделав его клириком, сослали в Жюмьеж. Оба его сына — Теодор и Тойдеберт — были пострижены и высланы из родных мест. В ссылку отправилась и супруга указанного герцога — Лютперга. Это, — как резюмирует наш весьма информированный автор, — все произошло во имя чести и славы короля, во имя смущения и в ущерб его врагов, так что творец всего сущего всегда позволяет ему торжествовать».

Наши хроники сообщают дополнительно, что пострижение Тассилона произошло 6 июля 788 года, а его сын был переправлен в Трир. Что касается дочерей Тассилона, то одна из них была заточена в королевское аббатство Шелль, где аббатисой состояла единственная сестра короля Гизела, а другая — в монастырь Лаон. Таким образом, не только Тассилон и его старший сын, равно как и дочь Дезидерия Лютперга, многократно провоцировавшая к совершению всякого рода зла, а также остальные дети обоего пола были обречены на гибель в монастырских кельях. Так начался закат славного герцогского рода Агилольфингов, для чего уже не требовалось больше никакого вмешательства извне. Произошедшее, очевидно, выходит далеко за рамки юридически допустимого осуждения и наказания уличенного в разных правонарушениях вассала, в данном случае — герцога. Распространение наказания и его меры на непричастных (это касается по крайней мере сына Тассилона Тойдеберта и дочерей) соответствует месту, времени и масштабу инсценировки процесса и заката Тассилона, потянувшего за собой в пропасть семью и навсегда покончившего с автономией баварского герцогства, которое с тех пор оставалось составной частью империи во всех ее переменчивых формах.

Имперские хроники нагромождают горы противоречивых сведений, чтобы придать действиям Карла в глазах современников и грядущего поколения видимость законности. Для лишения Тассилона вотчины — герцогства в той ситуации достаточно было бы

обвинить его в измене родине, вероломстве или тайных интригах. Но для того чтобы заточить его и всю семью в темные монастырские подземелья, требовалось историко-правовое основание, накладывающее на процесс и его результаты печать легитимности. Этот первый политический процесс в эпоху каролингских франков, который мы можем рассмотреть во многих подробностях, нуждался для обоснования глубоко исторических подходов и юридической аргументации, выходящей за рамки простой констатации нарушения вассалитета. Соответствующая аргументация не могла бы не касаться и семьи виновного. Современник тех событий, рифмоплет Гиберник Эксул, как свидетельствует его псевдоним, указывал в 787 году на обязательство Тассилона исполнять договор о союзе в качестве «верного» (*fedelis*). Тяжести покаяния должна была соответствовать тяжесть вины, чтобы доказать обоснованность приговора и одобрить его. Этой системе доказательств следовала предположительно составленная еще в 788 году в Ингельгейме-на-Рейне Белая книга, которой в пропагандистских целях пользовался чуть позже приближенный к королю автор так называемых имперских хроник.

Это историческое произведение не ограничивается фактами отстранения от должности, заточения семьи в монастырь и аннексии баварского внешнего дуката, а буквально раскладывает трагедию на несколько актов при действенном участии в ней знати из всех регионов государства франков. В качестве фактических нарушений и проступков перечисляются: попытка заключения союза с аварами, последним потенциальным партнером на юго-востоке против могущественного короля франков, заговор против жизни баварско-королевских вассалов, подстрекательство людей к клятвопреступлению в отношении короля. Кроме того, было сфальсифицировано высказывание Тассилона, что, если бы даже у него было десять детей, он предпочел бы их всех потерять, только не заставляя принести присягу верности. И он сам лучше бы умер, чтобы не жить такой жизнью. Подобные заявления герцога якобы неоднократно делал в узком кругу.

Приглашенные для участия в имперском собрании франки, баварцы, саксы и лангобарды как представители основных провинций империи приняли все к сведению и напомним о совершенных Тассилоном прежних проступках, а именно как он бросил господина Пипина во время военного похода, совершив тем самым акт дезертирства, названный в народе «*herisliz*». В результате они, очевидно, приговорили его к смерти. И вот, словно в

барочной опере, король Карл появляется из-за кулис как *Deus ex machina** — «само милосердие и любовь к Богу, ибо является его кровным родственником. Вот и добился того, чтобы они, верные королю и Богу, помиловали Тассилона, уберегши его от смерти», хотя все требовали смертной казни. Кроме того, из этой хроники нам становится известно, что некоторые, правда, немногие, крестьяне, «застыли во враждебной позе к королю», то есть остались лояльными герцогу, за что также были сосланы. В то время как основная масса предстала перед участниками имперского собрания в роли обвинителей собственного герцога-правителя.

Более позднее изложение событий в имперских хрониках представлено в лаконичной форме. В королевском суде слушание и вынесение приговора сводятся к следующему обвинению — Тассилон совершил преступление против монарха. Такой состав преступления был заимствован из римского права. Он касался дезертирства и карался смертной казнью. Эта мотивировка обвинения указывает на период времени после 800 года, когда Карл стал императором, и на новое представление о монархе. Кроме того, теперь осуждение происходит в рамках собрания вассалов. Так, король пригласил к себе и Тассилона «среди других вассалов». Имперское собрание предстает здесь как «суд пэров», его статус снижен до уровня сословного коллективного органа по отношению к королевскому суду, эта градация тоже предвосхищает последующие события. Еще один момент, характерный для всех источников, возникавший в придворном контексте, указывает на ответственное соучастие герцогини Лютперги в преступлениях Тассилона.

В биографии Карла Эйнхард рассматривает дело Тассилона и франко-баварские противоречия в основной главе, посвященной военным походам своего героя, и в оценке злодеяний Тассилона и опирается прежде всего на морально-этические категории. Так в глупости, противостоящей мудрости, присущей монарху как основной добродетели, но прежде всего в заносчивости герцога, этом главном дьявольском пророке средних веков, Эйнхард видит первопричины его заката. При этом он не забывает о влиянии супруги Тассилона Лютперги, «ибо она была дочерью короля Дезидерия и хотела отомстить супругу за то, что он сослал ее отца». Вот почему Тассилон отказался от выполнения приказа, пошел на измену и стал готовиться к тому, чтобы дать отпор во-

* Непредвиденная развязка запутанного дела (*лат.*).

спными средствами. Этим проискам король положил конец на реке Лех. А ведь Тассилон в свое время принес присягу верности.

Биограф заканчивает этот раздел замечанием, что король тем не менее призвал к себе Тассилона, но не позволил ему вернуться, ибо «его провинция (не дукат!) была передана под управление теперь уже не герцогу, а графу». О судьбе семьи Тассилона в указанных источниках также умалчивается, как и об отдельных связанных с этим событиях. Неверность и преступление против монарха служили достаточным основанием для вынесения приговора, что повлекло за собой смещение Тассилона и включение герцогства в состав государства франков.

В 788 году и чуть позже, когда появилась первая часть так называемых имперских хроник, заинтересованные придворные круги, видимо, старались придать делу Тассилона историческую обоснованность и юридическую пластичность. Данный прецедент должен был произвести на современников впечатление «революции сверху», подтверждавшей, что монарх обладает невиданной полнотой власти, укреплявшей новую структуру имперского правления, резко ограничивавшей центробежные стремления знати к автономии, привязывая их к исходившим от королевского двора директивам.

Хотя отдельные положения баварского обычного права, которому исполнилось всего лишь несколько десятилетий, служили достаточным основанием для действий против Тассилона, не обнаружено доказательства того, что делалась ссылка на содержащуюся в законе обязательную верность герцога Агилольфинга королю франков, к чему имела отношение прежде всего воинская повинность.

Возможно, ссылке на этот фрагмент закона мешало королевство Меровингов, к которому имел отношение данный фрагмент. А может быть, соответствующие положения были дополнительно включены в закон лишь после 788 года.

Между тем имперские хроники, основываясь предположительно на Белой книге, идут другим путем и видят в разоружении, осуждении и заточении герцога и сыновей в монастырь (в то время как супруге и дочерям пришлось надеть монашеское платье) всего лишь конечный пункт долгого этапа развития, окрашенного возрастающим количеством всяких прегрешений Тассилона. Весьма профессионально автор — и только он — расставляет капканы спустя значительный период времени, исчисляемый примерно сорока годами. Так, уже в 748 году Тассилон из рук Пипи-

на получил герцогство Баварию «*reg beneficium*», что можно истолковать как благодеяние, но и как объект, полученный в (безвозмездное) пользование, а ведь одновременно Пипин, применяя силу, пресек притязания Грифона. К 757 году хронист свидетельствует, что Тассилон «приносит присягу на верность королю-сеньеру», клянется на мощах самых значительных для франков святых в верности Пипину, Карлу и Карломану, как это положено в отношениях между вассалом и сеньером.

Такая интерпретация — несомненно, последующая фикция, ибо вассалитет за это десятилетие свой поначалу уничижительный характер еще не утратил в такой степени, чтобы герцог, к тому же племянник короля, которого Агилольфинги сочли выскочкой, добровольно пошел на такую связь. Впрочем, автор должен был бы знать, что вассалитет — двустороннее отношение, в котором сеньер и вассал противостоят друг другу, а не многосторонний договор, изначально вовлекавший в свою орбиту сыновей короля. Указание на присягу над мощами святых с целью подтверждения тяжести проступков, видимо, было вызвано путешествием заговорщиков Гардрада за мощами в 786 году.

И наконец, в 763 году близкий ко двору автор имперских хроник в связи с военным походом короля Пипина в Аквитанию приписывает герцогу Тассилону пресловутое дезертирство. За него в начале IX века действительно полагалась высшая мера наказания, оно и раньше всегда расценивалось как наказуемое деяние. Тогда, в 863 году, герцог покинул лагерь короля в Невере без разрешения под предлогом плохого самочувствия. Об этом происшествии якобы еще двадцать пять лет спустя вспоминали саксы и лангобарды, которые, однако, наверняка не участвовали в кампании 763 года.

Водило ли пером нашего автора воспоминание о поведении в 771 году Карломана, отказавшегося поддержать брата в Аквитании?

В 788 году и позже речь шла только о том, что совершено преступление, связанное с нарушением клятвы верности герцога королю, неисполнением обещаний, возможно, даже с неблагодарностью осиротевшего племянника к дяде, которому был обязан хранить верность. На раннем этапе средневековья, когда широко был развит культ войны, дезертирство воспринималось как величайший грех. Тассилон был обесчещен, акт возмездия становился неизбежным, но так и не состоялся скорее всего из-за неблагоприятных погодных условий до 787 года. А в шестидесятые

годы, по-видимому, только дипломатическое вмешательство папы Павла I предотвратило военные действия Пипина против баварского племянника.

С этим обвинением плохо вяжется поведение и вдовы короля Бертрады и ее сына Карла в 770 году, искавших союза с якобы клятвопреступниками. При этом вспомним, что Тассилон в 778 году приказал баварскому отряду примкнуть к Карлу во время испанской кампании. Кроме того, в семидесятые годы, несмотря на новую политику короля, из-за которой тесть Тассилона — Дезидерий лишился королевства, ни в одном источнике не сообщается о какой-либо напряженности в отношениях между кузенами.

В 781 году наладилось некоторое понимание Карла с Тассилоном. Последний наверняка под нажимом папской дипломатии согласился на благопристойное поведение, чтобы не навлекать на себя имеющийся агрессивный потенциал франков. Между тем взаимное взятие заложников показывает, что Тассилон вовсе не ощущал себя человеком короля; скорее всего он считал себя в широком смысле независимым партнером. И в данном разделе повествования имперские хроники делают максимальный акцент на то обстоятельство, что смешанное папское посольство напоминает герцогу о клятвах верности, которые он дал политической партии Пипина, Карла и народа франков, и старается уговорить их соблюдать. Тогда Тассилон якобы возобновляет клятвы верности и соглашается представить заложников в качестве доказательства своего благонамеренного поведения.

В центре внимания — присяга и клятва верности. Впервые это произошло в 757 году, потом подтверждено и тем не менее снова нарушено тем же Тассилоном — сенсация! — в 763 году.

Рудольф Шиффер по праву утверждает: «Нетрудно увидеть в качестве общего знаменателя разрозненных сообщений юридическую аргументацию, отстаивающую последовательность принесенных клятв и связанные с этим обязательства Агилольфингов».

Отношения вассалитета, на которые Тассилон в 787 году пошел с королем франков, создали лишь основу и предпосылку для вызова в суд, вынесения приговора, предъявления обвинения, оглашения приговора и приведения его в исполнение.

Для всеобщего правосознания не было большой разницы между специфическими нарушениями долга и преднамеренным постоянным неисполнением клятвы верности, тем более что в этом проявилась черная неблагодарность племянника к благожелательно

настроенному дяде и наследнику. Таким же был и взгляд Карла; имперские хроники отражают лишь в литературном изложении раннюю версию противостояния.

Тем не менее судебный процесс выявлял существенные недоработки: неисполнение обязательств о вассалитете, неверность, самостоятельная внешняя и блоковая политика, подстрекательство к предательству и клятвопреступлению.

Все это можно было поставить в вину лично Тассилону, хотя его старшего сына Теодора включили в состав заложников как бы в качестве соправителя.

Герцогская семья, супруга, второй сын, не говоря уже об обеих дочерях, которые не несли никакой доли ответственности, не приносила никакой присяги верности королю франков, не вступала в какие-либо правовые отношения с Карлом. Супруга, даже если она играла подстрекательскую роль, заслуживала покровительства, ведь она не могла заключать договора или вступать в особые правовые отношения с королем. Даже если Тассилон заслужил такую кару, что сомнительно, а его старшему сыну в качестве заложника пришлось в полной мере отвечать за поведение отца, всю семью, согласно существовавшим тогда правовым отношениям, нельзя было подвергать репрессиям, приближавшим наступление смерти в монастырских подземельях. Насилие здесь явно потеснило право.

В этом сведении счетов с ненавистным герцогским родом, породнившимся в лице Одилона с сестрой Пипина Гильтрудой и сохранившим квазикоролевский титул, откровенно проявился насильственный компонент судопроизводства: довершают эту историю свержение Тассилона, высылка всей его семьи, покорение и непосредственное включение внешнего баварского дуката в состав государства франков.

Поражает, сколь приглушенным оказалось внутрибаварское сопротивление этой принципиальной перестройке политических условий в результате ликвидации наследственного герцогского рода и системы его автономного правления. Все происшедшее слишком уж напоминает аннексию королевства лангобардов четырнадцатью годами раньше. Не вызывает сомнения, что в обоих случаях в соответствующих регионах была проделана серьезная подготовительная работа. Видимо, князья церкви и верхушка аристократии, щедро вознагражденные при перераспределении герцогских владений и конфискации, быстро переварили смену поли-

тических ориентиров. Правда, летописи (что в общем-то вполне понятно) не донесли до нас конкретных имен.

Усомниться в самом факте не представляется возможным. Так, например, в Зальцбурге или в Нидерлтайхе еще до конца века король франков без колебаний легализовал владения Агилольфингов вместе с их дарами за проявленную лояльность. Длительное пребывание Карла в Регенсбурге в 792—793 годах, судя по всему, позволило укрепить отношения короля со знатью, тем более что ему удалось переключить их энергию на борьбу с последним оставшимся врагом на юго-востоке — аварами, которые, если верить упрекам современников, были заодно с лангобардами, а затем и с Тассилоном.

По-видимому, смещение герцога и всего царствующего рода и заточение их в монастырь произвело самое сильное впечатление. Сомнения в правомерности юридического процесса, если таковые вообще высказывались, никак не подчеркивались или же не донесены до нас преданием: карьера короля франков уверенно шла к зениту.

Оценка произошедшего на собрании в Ингельгейме-на-Рейне и описание свержения Тассилона и его изгнания содержится в малоизвестной королевской грамоте от 25 октября 788 года, выданной уже в Регенсбурге, названном «наш город»! Храм в Меце вручил ее монастырю Герренхимзее. Этот монастырь под началом ирландского аббата Добдрагека пользовался особой благосклонностью герцога Тассилона, который, преодолевая мощное сопротивление епископа Арбеона из Фрейзинга, преподнес монахам щедрые дары. Поэтому похоже на правду, что один из баварских обвинителей присутствует на заседании Ингельгеймского собора.

Этой привилегией для монастыря Герренхимзее, служившего интересам «города Арнульфингов» (по выражению Герхарда Ёкселе), король франков недвусмысленно подтверждает правовое притязание на герцогство Бавария: «Поскольку вероломным образом на протяжении многих лет усилиями злодеев Одилона и Тассилона, наших ближайших сородичей (!), герцогство отдалялось и отчуждалось от королевства франков, которое теперь мы подчинили себе с помощью Божией, при содействии Господа праведного, пусть ваша епископская честь* знает... Чисто внешняя автономия Баварии зижделась, таким образом, на противо-

* Речь идет о епископе Меца.

правном процессе отчуждения усилиями последних герцогов; и вот теперь с помощью Божией этот процесс удалось повернуть вспять, в результате чего в данном контексте король восстановил полную власть над баварской церковью».

Государственно-правовой процесс включения Баварии в государство франков для Карла завершился в Ингельгейме в 788 году. Это решение носило необратимый характер. С тем большим удивлением исследователи реагировали на то, что король франков шесть лет спустя, которые в значительной мере служили делу интеграции герцогства в состав королевства, воспользовался известным Франкфуртским собором 794 года, чтобы вернуть баварского герцога из монастырского заточения в сферу публичной политики. На этом соборе, о котором еще пойдет речь ниже, были широко представлены все регионы страны. Главным пунктом повестки дня считались каверзные богословские проблемы, вытекавшие из решений Никейского Вселенского собора. Считалось, что на них следовало дать собственный, так сказать, франкский ответ.

Неожиданное выступление Агилольфинга, к тому же почти не упоминающееся в исторических летописях, по крайней мере более поздние наблюдатели часто сравнивали с показательным судебным процессом Тассилона. Запланированная сверхзадача процессов такого рода, служивших уничтожению политических противников псевдолегальными средствами без какого-либо правового основания диктаторами XX столетия, вызвала ложный резонанс на выступление Тассилона перед отцами собора. К тому же претенциозное название этого выступления еще не дает ответа на поставленный вопрос: во имя чего? Поскольку правовой аспект король Карл изложил публично уже в октябре 788 года, а имперские хроники и прочие исторические свидетельства близкие ко двору не видели повода отмечать это соборное интермеццо, мимолетное возвращение Тассилона из монастырского заключения едва ли было задумано как значительный политический спектакль.

Скорее всего прибывшие на собор намеревались заняться разбирательством менее каверзных вопросов в религиозно-нравственной и юридической областях. Не случайно их решению был посвящен целый параграф Франкфуртского капитулярия в тесной связи с обязательными для исполнения положениями об адоптивизме и споре об иконоборчестве. Этот нюанс отмечен, но не принят во внимание во всей его полноте. Тем самым характеристику всего происходящего как показательного процесса следует

признать абсолютным анахронизмом и даже заблуждением. О самом действе сообщают хроники аббата Рихбота (место написания — монастырь Лорш), который тогда являлся одновременно епископом Трирским и лично участвовал во Франкфуртском соборе, а также написанные в иное время анналы южногалльского монастыря Муассак, по крайней мере располагавшего текстом Франкфуртского капитулярия.

Посмотрим вначале, что пишет аббат Рихбот: «И на этот собор пришел Тассилон и заключил мир с королем, отказался от всякой власти, которой он обладал в Баварии, и передал ее господину королю». Итак, заключение мира, отказ от власти и передача ее в другие руки — таковы существенные моменты этой публичной встречи.

Упомянутый третий раздел Франкфуртского текста, отличающийся высокой степенью юридической достоверности, содержит следующее: «Как только это произошло [рассмотрение богословских вопросов], была принята правовая основа вопроса о Тассилоне, бывшем герцоге Баварии, кузене господина короля Карла. Стоя посреди святая святых собора, он просил прощения за свои проступки, совершенные как во время правления Пипина против него самого и государства франков, так и впоследствии в период правления благочестивейшего короля Карла, нашего господина, в отношении которых проявил вероломство. Дабы получить от него прощение, он обратился к королю со смиренной мольбой и чистым сердцем, отбросив всякий гнев и возмущение в связи со всем, что он натворил и что знал. Кроме того, он отказывался от всех правовых притязаний (*iustitia*) и собственных владений (*res proprietatis*), если они юридически причитались ему или его сыновьям или дочерям в герцогстве Бавария. И чтобы затем предотвратить всякий спор, он отказался от любого обратного требования и поручил своих сыновей и дочерей милосердию короля. И наш господин, сострадая, великодушно простил названному Тассилону совершенные им проступки и смиловился и осыпал его своей щедрой любовью, чтобы отныне он обрел в ней опору в жизни. С этого соборного капитула он повелел сделать три одинаковых экземпляра (*bresces*): один — для хранения его в пфальце, второй — для передачи его названному Тассилону, чтобы был рядом с ним в монастырской келье, и третий — для сохранения в капелле дворца».

Тассилон, смещенный герцог Баварии, но вместе с тем кузен короля, свидетельствует, что, оказавшись посреди залы, он

должен был публично раскаяться и принести покаяние, отказаться от мести и злых мыслей, причем цепь его проступков, опять-таки согласно намерениям Карла, ретроспективно соотносилась с периодом правления Пипина. Этому соответствует прощение со стороны короля, его готовность к примирению и распространение на герцога его любвеобильных милостей. Оба совершают торжественный акт примирения, как и подобает христианам и родственникам. Эта форма окончания конфликта должна была стать знаковой и одновременно служить примером для подражания.

Однако для обретения королевского прощения и его благорасположения требовалось еще одно публичное появление. Если не считать заключения мира, призванного снять остроту и горечь, то второе заявление Тассилона и стало собственно поводом его последнего публичного появления. Герцог Агилольфинг вовсе не отказался снова от своего герцогства. Его он был юридически лишен согласно приговору 788 года. Повторение этого акта в виде самоотказа в лучшем случае означало бы постоянное отсутствие правовой безопасности за минувшие шесть лет и погружение королевских действий в Баварию в юридическую «серую зону». О чем же, собственно говоря, шла тогда речь во Франкфурте?

Если присмотреться внимательнее, выбор слов и сам дух выраженного отказа — это как бы назидательный указательный палец правой руки. Бывший герцог отказывается от «*potestas*» и «*iustitia*», а также от «*res proprietatis*», которые причитались ему, его детям, сыновьям и дочерям, в силу закона (по праву) на территории Баварии. По сути дела, это не может быть герцогство. Каким образом особенно его дочери могли выдвигать на это претензии в силу закона? Скорее всего речь идет о правовых притязаниях и в первую очередь о собственных владениях семьи герцога на землях дуката. Возможно, это и разного рода привилегии, например право на владение церковью, недвижимостью или оружием, драгоценностями, благородные металлы, домашняя утварь Агилольфингов, которые после отчуждения от герцогства и герцогского владения причитались детям обоего пола в качестве наследства. Ведь в 788 году не было принято никакого решения о собственности в частном (индивидуальном) владении и о герцогском владении. Тогда речь шла исключительно о будущем дуката и о судьбе семьи герцога.

Решениям Карла в частной сфере, по мнению современников, и в первую очередь баварской знати, была присуща определенная юридическая нечеткость, которую следовало устранить. Этот недостаток и ликвидировали, организовав публичный отказ ото всех привилегий и всех видов недвижимости вместе со средствами транспорта бывшего герцога и его детей обоего пола. При необходимости можно было в любой момент вернуться к решению представительного собора, которое было изготовлено в трех экземплярах. Характерно, что не упоминается вдова Тассилона — Лютперга. Предположительно, она не имела никаких притязаний на наследство — только на свою вдовью часть, но это не стало предметом разговора, ибо как «подстрекательница ко всем злым делам» она тоже подверглась высылке.

Так было покончено с «секулярным противоречием» (по выражению Рудольфа Шиффера) между Агилольфингами и Каролингами. Победила, разумеется, власть, однако в рамках действующего права, которое, кроме приговора, ликвидации герцогства и высылки семьи, сделало необходимым еще частный отказ герцога от имени его ни в чем не повинных детей от их наследственной доли, о чем он заявил добровольно, хотя можно представить, какой нажим был оказан со стороны участников Франкфуртского собора.

Впрочем, как осторожно действовал Карл, перестраивал структуру властных отношений в Баварии, и учитывал самостоятельность дуката, а также права и влияние семьи герцога, видно на следующем примере. Хотя герцогское достоинство как инстанция между королевством франков и графами, его представителями, было упразднено, тем не менее Герольд, скорее всего швабский Агилольфинг и брат покойной Гильдегарды, то есть зять Карла, стал префектом этих земель. Кроме того, после кончины Карла как в 814 году, так и в 817 году на основании *Ordinatio imperii* Людовика Благочестивого Бавария была отдана под управление одного из королевских сыновей.

Начиная с 794 года Тассилон с семьей окончательно исчез из поля зрения историков. О бывшем герцоге напоминает разве что названный в его честь известный бокал (*Tassilokelch*), находящийся в его последней крупной духовной обители — монастыре Кремс-мюнстер. Как начертано на бокале — «Тассилон — сильный герцог». Одна строчка посвящается и его супруге — «Лютперга, королевский отросток».

БУДУЩИЙ ПРОТИВНИК НА ЮГО-ВОСТОКЕ: АВАРЫ

Когда еще только намечалось смещение Тассилона, на границах государства франков, если рассматривать Баварию уже как составную часть будущей империи, назревали военные столкновения. В Южной Италии патриций Сицилии предпринял вторжение в Беневентское герцогство, в ходе которого назначенный незадолго до того Карлом герцог Гримоальд вместе со старым союзником короля франков — герцогом Сполето Гильдебрандом — дал бой в Калабрии грекам. При этом, по некоторым данным, враг понес большие потери. Победители вернулись в лагерь с богатой добычей и немалым количеством пленных. Таким образом, политика реванша, которую Восточный Рим попробовал проводить военными средствами, пока закончилась неудачей. Все это происходило на глазах у королевского эмиссара Винигиза. Он во главе немногочисленного отряда переправился через Альпы для общего надзора и контроля над еще не испытанным в деле герцогом Беневенто. Этот Винигиз, еще один эксперт по итальянским делам, стал преемником скончавшегося в 788 году Гильдебранда в качестве дюка герцогства Сполето, которое, таким образом, после переходного периода целиком вошло в государство франков. О том, были ли учтены папские притязания, нам ничего не известно.

Об участии короля Пипина в событиях в Беневенто речи не идет. Это, безусловно, объясняется, во-первых, концепцией его отца о первоочередной консолидации Итальянского королевства в границах, установленных в 781 и 787 годах, и о решении внешнеполитических проблем, связанных с Византией; а второй причиной являлось стягивание итало-лангобардского войска на северо-восточных границах империи. Именно авары, являясь союзниками Тассилона, вторгались и во Фриуль и в Баварию. Авары, которых еще недавно именовали «неизвестным народом», пришли из внутриазиатских степей и начиная со второй половины VI века стали селиться в районе Карпат. Авары жили на северо-западной границе Византийской империи, а на западе продвинулись до Энса, правого притока Дуная. Регион между этой пограничной рекой и Венским лесом был пустошью, поэтому поселений в строгом смысле слова здесь не существовало. Они располагались к востоку от этих земель, что подтвердили результаты археологических раскопок.

Закат империи гепидов в 566 году и уход лангобардов из Паннонии предопределили могущество Аварского ханства на Балканах, превратив Византию в данника. Из этого возникли мифические богатства «круга», которые по большей части попали в руки франков. Знания о внутривосточных отношениях в этом регионе на стыке Восток — Запад мы черпаем исключительно из греческих источников, а также из свидетельств лангобардско-франкских авторов. Представление об экономическом, социальном и общекультурном окружении дают археологические раскопки. Авары вели кочевой образ жизни и поэтому были тесно связаны с лошадьми. Судя по всему, они находились на стадии перехода к аграрному способу хозяйствования. Благодаря существовавшей у них давней военной традиции Запад воспринял от аваров, а потом распространил главным образом через лангобардов в качестве военного снаряжения пластинчатую кольчугу и еще скорее всего стремя, а также разные формы уздечек.

Оседлость, «славянизация» и насильственный распад ханства привели к значительному ослаблению боевого потенциала и его воинственной энергетики. Огромная империя, оказавшаяся, несмотря на свою славу, колоссом на глиняных ногах, почти без сопротивления уступила давлению франков, по крайней мере без столкновения в открытом бою. Так или иначе еще при жизни Карла история аваров завершается. Причиной заката называют запоздалую трансформацию старых социальных и властных структур в новое средневековое общество, где церковь играла одну из важных ролей. В противовес им мадьяры в X веке приняли христианство и вошли вместе с соседями — поляками и богемцами (чехами) в состав западной цивилизации. В союзе с Римом они стали неотъемлемым элементом формировавшихся в ту пору западных стран, так называемой западной культуры.

Немаловажной причиной политического регресса империи аваров, проявившегося в распаде ханства, был сам характер торговых связей, привязанных прежде всего к руслам рек и прибрежным зонам. В этой связи напрашивается вопрос, не собирався ли Карл своим явно преждевременным проектом объединения речных систем Рейна, Майна и Дуная с помощью канала обеспечить не только перевозку войск по воде, но и наладить с его помощью торговые отношения с Византией в пределах Юго-Восточной Европы. Об этом остается только гадать; проект, как известно, закончился неудачей, вместе с ним оказались несостоятельными и возможные последствия.

Как и при распаде властных структур в Северной и Центральной Италии, гибелью ханства воспользовался король франков. После первых же военных столкновений ему удалось расчленить еще остававшиеся властные образования путем договоренности с отдельными влиятельными лицами. Контакты королевского двора с восточными соседями наметились уже в 782 году, когда на имперское собрание в Липпспринге прибыли эмиссары хана и еще одного из вождей, чтобы «обсудить мир», возможно, в целях достижения согласия о статусе никем не заселенной пустынной местности между рекой Энс и Венским лесом. Переговоры ни к чему не привели.

Теперь, в последние дни лета и осенью 788 года, авары как союзники Тассилона, но также и в собственных интересах дважды совершали вторжения во Фриуль и в глубь баварской территории на другом берегу реки Энс. Так они пытаются воспользоваться мнимым преимуществом. Алкуин, активно переписывавшийся со своими современниками, больше других осведомлен об уроне, нанесенном аварами. Во Фриуле франки вместе с лангобардами наносят завоевателям с востока чувствительное поражение и изгоняют их с этих земель.

Вторая колонна наступавших вновь терпит поражение от франков и баварцев, которые являлись, безусловно, внутривосточными противниками Тассилона и союзниками Карла, в местечке Ибс на Дунае, неподалеку от реки Энс. На стороне франкских миссионеров упоминаются представители знати из округа Траун и союзники епископа Арна из Зальцбурга.

За битвой на поле Ибса последовало еще одно столкновение. В нем баварцам и франкам вновь улыбнулась удача. Аварцы гибли при бегстве с поля брани, многие из них утонули в водах Дуная. Наш хронист неустанно напоминает о герцоге Тассилоне и о его «зложелательной» супруге Лютперге, которая и спровоцировала все вторжения. Победа противников Тассилона является вместе с тем победой христиан над язычниками и приобретает, таким образом, спасительно-историческое качество. Отход от проигрывающего герцога и переход в стан победоносного короля франков был тщательно подготовлен. Он составляет суть правовой конструкции (ее символом в данном случае стал Тассилон). Такая же участь впоследствии постигла сына, внука и правнука Карла. Подобная ситуация всегда отражает утрату монаршей харизмы, уверенности в победе и руководящих качеств, что и по-

буждает аристократию переходить на сторону противника и принимать новую политическую ориентацию.

Успешное отражение военных набегов во Фриуле и на восточной границе Баварии, кроме всего прочего, открыло новую главу в истории внешней и миссионерской политики франков. Это произошло не спонтанно и не импульсивно, а в результате того, что Карл тщательно взвешивал все обстоятельства и составлял приоритеты и, судя по всему, всегда помнил о постигшей его испанской катастрофе десятилетней давности. В любом случае нам известно (между прочим, опять-таки из писаний Алкуина), что в середине 790 года Карл сосредоточенно занимался аварской проблемой. Победа Гримоальда и Гильдебранда на южно-итальянском фронте привела к снижению напряженности. Это позволило открыть фронт военных действий на юго-восточной границе Баварии. Регенсбург — укрепленная резиденция баварских герцогов, торговый центр и место пребывания епископа. До него легко было добраться из региона Рейн — Майн благодаря его географическому положению, и он находился не очень далеко, если плыть вверх по течению Дуная, от будущего театра военных действий. Находясь там, Карл уже осенью того года, в течение которого был смещен Тассилон, пытался решать баварские дела, то есть находить общий язык со знатью, светскими сановниками и князьями церкви. Во имя достижения поставленных целей он, как всегда, практиковал предоставление заложников в качестве гарантов благонамеренного поведения, высылку строптивых сторонников Тассилона и конфискацию их владений, которые король раздавал настоящим и будущим приверженцам. К числу приоритетных вопросов относилось также назначение новых графов. Баварские грамоты появились по времени вскоре после взятия Карлом власти в свои руки. Епископ Зальцбурга Арн осторожности ради только в виде проекта представляет королю инвентаризационный документ о владениях своей церкви с включением в него герцогских владений, а также дарений, полученных за верность монарху; в ответ Карл как правопреемник Агилольфингов, очевидно, подписал этот документ.

Уже 25 октября 788 года Карл, пребывая в Регенсбурге, решает вопрос о передаче прав на владение монастырем Химзее церкви Меца, своему архикапеллану Ангильраму. В 891 году это дарение было аннулировано его праправнуком Арнульфom (историческая область Каринтия) в пользу собственного высшего духовного лица двора и тогдашнего архиепископа Зальцбурга, впрочем,

лишь после передачи значительно ближе расположенного к Мецу аббатства Люксёй в Вогезах под начало церкви Святого Арнульфа. В контексте этого дарения 788 года и прочих правовых актов, а также историко-графических свидетельств характерным представляется следующее обстоятельство. После смещения родовой герцогской фамилии из источников исчезает термин «дукат» (герцогство) с заменой его на бесхитростные формулировки типа «отечество» (*patria*) «как совокупность того, чем управляет князь в силу данной ему власти» (по выражению Томаса Эйхенбергера), провинция, страна баварцев или баварский регион.

В круг вопросов, которые рассматривались в 788 году в Вормсе, вошла также оплошность, допущенная в сфере дипломатии и политики на территории Аквитании. В ней едва ли можно было винить короля Людовика (ему тогда едва исполнилось десять лет). Скорее всего это произошло по недосмотру его советников. По свидетельству одного из двух биографов Людовика Благочестивого, названного из-за своей анонимности и большой учености Астрономом, носивший также титул герцога граф Корсо Тулузский по повелению Людовика стал гарантом обеспечения безопасности князя басков Адельрика даже без принесения клятвы безопасности. В ответ регенты объявили о созыве общего собрания в Мургуду (*mors Gothorum* = смерть готам!) с особым приглашением на него названного баска. Тот явился лишь после предоставления заложников. К тому же только дары способствовали освобождению графа Корсо. Такая политика умиротворения не получила одобрения правителя франков. Адельрика вызвали в Вормс, где против него в присутствии Людовика провели судебное разбирательство, показательное в смысле серьезной «проработки». В результате баск был объявлен вне закона и подвергнут изгнанию. Своего высокого положения лишился и граф Тулузский. Его место занял дальний родственник кузена Карла, впоследствии приобретший известность как Вильгельм Тулузский. Его настоящее имя Виллехальм Вольфрам фон Эшенбах. Герой военных кампаний, учредитель монастырей, с огромным трудом управлялся с басками.

Даже принятие Карлом жестких мер не сказалось на репутации его малолетнего сына, короля. Тем не менее Карл дал понять, что не намерен ослаблять бразды правления на юге Галлии и воздерживаться от вмешательства в целях наведения порядка. Эта решимость коснулась даже материального содержания юного короля. В тягостной экономической ситуации он был просто ли-

шен необходимых средств пропитания, ибо прежнее герцогское владение в значительной мере стало добычей знати. Поэтому после 791 года Карл велел эмиссарам основать по периметру государства франков четыре зимних пфальца. В них Людовик должен был наезжать с определенной последовательностью. Специально выпущенные для Аквитании капитулярии, примерно с 789 года запрещавшие какие-либо заговоры на местах, однозначно показывали, что опосредованная власть в лице его сыновей в королевском звании несколько не ослабила их власть и ее носителей и не изолировала от подлинного центра власти. Территории на периферии империи постоянно ощущали воздействие вседержавного правителя и в отличие от герцогства Меровингов не проявляли никаких собственных особых династических интересов.

АХЕН КАК РЕЗИДЕНЦИЯ КАРЛА

В конце 788 года Карл вернулся из баварской резиденции в Ахен, где провел все долгие зимние месяцы. Здесь король отпраздновал Рождество и Пасху, которая пришлась на 19 апреля 789 года. Тем самым наше внимание вновь приковано к пфальцу, кафедральному собору, этому великолепному шедевру зодчества, по выражению Эйнхарда. Расположенный на востоке королевских владений Мааса и Льежа вблизи теплых источников, известных еще со времен древних римлян, целительное воздействие которых стареющий король франков ценил все больше и больше, с прилегающими великолепными охотничьими угодьями в так называемом ахенском лесу, Ахен становится самым притягательным местом для Карла и его преемника. И все это несмотря на то что средства связи и эффективность правления страдали от неблагоприятного географического положения пфальца вдали от крупных рек.

После исторического непробудного сна, который начиная с 936 года прерывался церемониями возведения якобы на трон Карла новых королей, Ахен пробудился к новой жизни только с момента причисления к лику святых великого франка в 1165 году. Это событие по сей день остается апофеозом европейского культа Карла, чему способствовали и тезка Карл IV, и французские короли эпохи позднего средневековья.

Еще отец Карла Пипин провел в вилле Ахена важнейшие для христианства дни 765—766 годов. Сам Карл и Карломан отмечали

здесь Рождество 768 года. В следующем году из «общественного дворца» в Ахене в адрес получателей направляются две королевские грамоты. Хотя из этого превращения виллы во дворец нельзя делать слишком далеко идущие выводы, тем не менее очевидно, что это место должно было располагать строениями, придающими королям франков репрезентативный характер. Так, например, археологические раскопки доказывают, что кафедральный собор воздвигнут над римской термой, получившей впоследствии пристройку в форме апсиды, служившей в качестве капеллы. Тем самым в Ахене могло совершаться обязательное богослужение.

Превращение Ахена в ведущий пфальц с прилегающим к нему монастырем произошло лишь в девяностые годы. Не исключено, что пребывание короля в Ахене зимой 788—789 годов дало импульс строительным работам, апофеозом которых стало появление восьмиугольника, увенчанного куполом центрального строения. Пожар, произошедший в 790—791 годах в пфальце в Wormse, которому Карл долгое время отдавал предпочтение, видимо, ускорил расширение выделенной под ахенский пфальц земли. В любом случае начиная с 794—795 годов за редкими исключениями, связанными, к примеру, с военными походами против саксов или с императорской коронацией в Риме, король вплоть до своей кончины проводил зиму в Ахене. Биограф Эйнхард с полной уверенностью обосновывает это любовью монарха к горячим источникам. Отдавая должное теплым ваннам, уже немолодой Гёте 21 ноября 1814 года в письме жившему в Берлине Карлу Фридриху Цельтеру пишет: «В старости было бы правильно, как Карл Великий, выбирать свою резиденцию в таких вот вздымающихся вверх парах». Таким образом, водный путь Рейн — Майн со своими расположенными в центре и со всех сторон доступными местами для собраний, подобно Франкфурту и Wormсу, не говоря уже о (меровингских) пфальцах между реками Сомма и Сена, утрачивал значение. Любовь Карла к термам и, очевидно, благоприятное положение со снабжением двора предопределили принятие окончательного решения.

О расположении ахенского пфальца свидетельствует палатинум, который оказался полностью перестроен. Теперь это ратуша в готическом стиле. А ведь когда-то двухэтажный переход, прерываемый квадратным строением, соединял кафедральный собор с его пристройками, а также так называемый грануштurm и главное церковное строение с элементами атриума. Шедевр каролингского зодчества, по своей форме, видимо, ориентированный на Сан-

Витале в Равенне, вызывал восхищение современников Карла, а в последнее время из-за своей неповторимой сводчатой техники даже воспринимается как образец зодчества позднего романского стиля. До сегодняшнего дня здесь в роскошной гробнице покоятся мощи Карла Великого.

«ОБЩЕЕ УВЕЩАНИЕ» И ПОСЛАНИЕ «О ПОПЕЧЕНИИ НАУК»

Пребыванию Карла в Ахене в 789 году придало особый блеск следующее обстоятельство. Королевские указы в виде письменных напоминаний и капитуляриев стали основой государственной системы образования, к которой несколько лет спустя добавилась своего рода школьная программа. Эти тексты показывают, что король и его современники не видели большого различия между светской материей и религиозно-нравственным содержанием, считая, что внедряемый христианский характер правления охватывает все общественные сферы, а призванному Всевышним правителю принадлежит неограниченная власть, не распространяющаяся лишь на специфически сакральные задачи и предназначения епископов и священнослужителей, например совершение таинства евхаристии, иных таинств и посвящение в сан. Поэтому Карл никогда не являлся, строго говоря, королем и первосвященником одновременно по ветхозаветной модели Мелхиседека, которая, правда, неизменно отвергалась церковью, особенно папами, как модель в пользу Геласианского учения о двух властях, то есть об управлении миром царями и жрецами.

Согласно своему разумению, Карл, неся глобальную ответственность за империю и церковь, причем последняя понимается как институциональная структура, в качестве короля и «управляющего королевством франков обращается ко всем духовным условиям и светским сановникам», выступая в роли «ревностного защитника святой церкви и смиренного помощника». Своего рода проповедь-капитулярий (известное «Общее увещание» — «хартия» империи Карла) начинается со следующей фразы: «Мы просим вас, пастырей церкви Христовых, возглавляющих свою паству, святителей мира, чтобы вы с бдительной заботой и неиссякающим поучением вели народ Божий к наслаждению Вечной жизни... то есть задача, в решении которой, чтоб вы знали, поддержит вас наше тщание... Но это указание — проистекающее из духа

смирения, помогающее исправлять ложное, исключаящее бесполезное, укрепляющее истинное, — ни в коем случае нельзя воспринимать как нечто надменное, забывая о любви и благожелательности. Ведь мы читаем в книгах царей, с каким усердием святой Иосия пытался соединить возложенное на него Богом царствие путем странствий, улучшения и увещания во имя почитания истинного Бога. Хотя я не смею ставить себя на одну доску с этим святым, тем не менее моя задача — следовать примеру святых, чтобы как можно больше человек собрать воедино в стремлении к добропорядочной жизни во славу Господа нашего Иисуса Христа».

Этот основополагающий текст для понимания сути правления Карла восходит к царям Ветхого Завета, и в первую очередь к святому Иосию, с деяниями которого перекликаются существенные целеустановки реформаторской программы Карла по созданию истинно христианского общества, а именно «путем странствий, улучшения и увещания» учредить богоугодный порядок, могущий одновременно облегчить каждому в отдельности отправиться в мир иной. Таким образом, ядром Каролингского Ренессанса является всеобъемлющее «correctio», то есть исправление всяческих непорядков, не в последнюю очередь вызванных искажением текстов, безответственной их перепиской, языковыми ляпсусами и ложным толкованием.

В своей озабоченности о правильности текстов реформа Карла, по сути дела, ставила целью возрождение позднеантичного уровня образования и тем самым обновление передававшихся из поколения в поколение зачатков школьного образования. Речь шла прежде всего о так называемых свободных искусствах — грамматика, риторика и диалектика. Свободные искусства прививали крепкие навыки владения классической латынью, помогали осознать выразительные средства, используемые в том числе отцами церкви. Этим поворотом к античности и поздней античности латынь завоевывала все новые страны и континенты; латынь становилась языком церкви, философии и, наконец, университетов. Она превратилась в существенный духовный связующий элемент Запада, не позволив языку Цицерона и Иеронима раствориться в романских диалектах и их своеобразиях.

Сфера действия латыни, одного из трех священных языков наряду с ивритом и древнегреческим, была или стала идентичной со сферой действия Римской папской церкви как предтечей западного христианства. Политический союз, заключенный отцом

Карла — Пипином с преемником князя апостолов, а затем обновленный, подкрепленный и расширенный последним, базировался на фундаменте учения, судопроизводства и культа соответственно идеологии апостола Петра. Соответствие римской традиции церкви становится, по выражению Николауса Штаубаха, «неподвижной звездой политики Каролингов».

Это особенно ярко проявляется в стремлении привязать собственные реформаторские усилия к римским, например к считающемуся аутентичным преданию священных текстов (Священное Писание, положения о святых таинствах, отдельные положения церковного права) или к характеру церковных песнопений (грегорианская манера песнопения). Сюда же относился устав святого Бенедикта как основа организации жития монашествующих. Этой одновременно духовной заботой о благополучии христианского общества, которая не подходила ни для модели византийской империи, ни для германо-франкского господства над своей поместной церковью, королевство Карла, возвращаясь к безвременному образцу ветхозаветного правления царей, одновременно преодолеvalo дуализм, проводивший резкую грань между освященными авторитетом священнослужителя и королевской властью в пользу гибкого сотрудничества между обеими инстанциями. Хотя это не привело к вторжению в сакральную сферу, тем не менее обеспечивало римскому папе свободу действий, что продолжалось до середины эпохи средневековья. Эта модель «двойной вершины» для формирующегося Запада была еще обогащена открытым или скрытым указанием на образец Константина, первого христианского императора. На этого правителя, но главным образом на его правочерность, постоянно ссылался король франков, подобно тому как римский понтифик то и дело возвращался к теме дарений последнего. Религиозно-политический союз с преемником апостола Петра, зримым проявлением которого являются духовные узы и акты коронации, породил, однако, несмотря на эпизодические ухудшения и обострения, еще один существенный фундамент правления династии Каролингов наряду с избранием и согласованием со знатью как народным элементом.

Многослойная программа обновленного королевства франков восприняла определяющую ориентацию из представлений самого Карла, а ее разработка стала возможной благодаря усилиям ученого придворного круга, куда входили представители многих народов, объединявшие уровень знаний своего времени. Эту

подготовительную работу трудно представить без стараний англосакса Алкуина, который, судя по всему, был автором не только циркуляра 789 года, но и по меньшей мере соавтором известного учебного трактата «*De litteris colendis*», что в свободном переводе означает «О почтительном отношении к наукам».

Алкуин родился в 740 году в королевстве Северная Умбрия в семье не очень богатых землевладельцев. В юные годы получил воспитание в общине Йорка, при резиденции короля и одновременно при кафедральном соборе, где высшим церковным иерархом в ту пору был архиепископ Экберт, состоявший в переписке еще с Бёдой и впоследствии с Винфридом-Бонифацием. Здесь Алкуином были заложены основы выдающейся книжной учености и интеллектуальной образованности. Благодаря этому он стал ценным собеседником короля франков. Исключительно богатая библиотека Йорка превратилась в духовную кузницу таланта Алкуина. Находясь по делам церкви в Италии, в 781 году в Парме он познакомился с Карлом, а в 786-м впервые навестил монарха в Вормсе. Новейшие исследования ставят под сомнение считавшееся весьма длительным его пребывание при королевском дворе в качестве члена, если не главы так называемой дворцовой школы, предшественницы ахенского «центра». Тем не менее представляется реальным духовное влияние Алкуина на часто цитируемое «Общее увещание» («*Admonitio generalis*») 789 года и на возникшее по времени в этой атмосфере послание «*De litteris colendis*». Алкуин вернулся в Англию в 790 году. Есть свидетельства его новых контактов с королем лишь в начале 794 года. Хотя в качестве вознаграждения за ученые заслуги в девяностые годы Алкуин среди прочего получил Турское аббатство, нет основания говорить о его принадлежности к высшему кругу власти, как это часто утверждается в переписке. Благодаря открытости и общительности Карл, видимо, уловил опасность, заключенную в склонной к интриганству, но откровенной манере Алкуина и впоследствии действовал в этом духе. Алкуин скончался в 804 году в Туре. Это не вызвало большой скорби монахов, постоянно протестовавших против роста числа англосаксов в их рядах. И все же настоятелем известного аббатства вновь стал англосакс Фрайдугиз.

Более двухсот произведений Алкуина донесло до нас предание. Они как бы отражают духовное лицо века: ориентир на тексты папы Григория Великого с точки зрения значимости латыни, новая жизнь семи свободных искусств, к которым добавилось искусство расспрашивания, дифференцирования и обобщения.

Интерес Алкуина вызывала музыка, а еще больше астрономия и астрология, объединенные в одно нерасторжимое целое. Особенно в этой сфере Алкуин был неоценимым советником Карла, которому часто требовались экспертные заключения. Правда, обе сферы не могли преодолеть определенного налета дилетантизма.

Алкуина до самой его кончины занимала еще одна задача: очищение и исправление Библии как основополагающего начала. Тесная связь англосаксонской церкви с Римом еще во времена Григория Великого вновь и вновь приводила и Алкуина к апостольским гробницам, побуждая его приспособлять раннехристианский вариант требника на основе еще не отработанного проекта этого папы под потребности церкви франков. Как уже было отмечено выше, Алкуин был весьма сложной личностью. Он вместе с коллегами и соперниками при дворе ревниво добивался благосклонного отношения к себе монарха. Поэтому назначение настоятелем монастыря в сравнительно далеком Туре Алкуин воспринял с определенным неудовольствием. Это удаляло его от двора.

Следует воздерживаться от вывода, что ученость Алкуина, духовность, свойственная другим членам тогдашнего нестабильного духовного круга, отражала обязательный стандарт образованности того времени. Теодульф Орлеанский и лангобарды Павел Диакон или Павлин Аквилейский являлись исключением, как и франки Эйнхард или Рабан. Многочисленные члены придворной школы или даже академии были связаны с ней спорадически. Наряду с капеллой, на которую возлагались обязанности сохранения мощей и проведения монарших богослужений, и связанной с ней канцелярией, обеспечивавшей подготовку грамот и корреспонденции, существовало заведение по подготовке писарей и нотариусов; конечно, и монаршьи дети воспитывались при дворе, тем не менее нет оснований преувеличивать институциональную значимость дворцовой школы и ее эффективность. К тому же лишь в Ахене эта структура просуществовала довольно долго.

Люди академических познаний, настоящие ученые и советники, окружавшие Карла, несомненно, были яркими, но неподвижными звездами на все еще затянутом облаками небосводе. Но появлялись и просветления. Так, «дипломы» Карла второй половины правления обнаруживают языковой стиль, не вызывавший более критику и насмешки переписчиков последующих веков. Латинская окрашенность подправленных правовых текстов и переработанных исторических хроник приобретает все более

корректную выразительность. Многочисленные стихи и эпиграфы придворных поэтов свидетельствуют о поцелуе музы. Биография Карла в изложении ее Эйнхардом, воспринявшим Цицерона и Светония, не уступает классикам по композиции, стилю и рисунку шрифта, являясь настоящим шедевром. Если так называемая дворцовая школа по объему передаваемых от поколения к поколению графических почерков представляет собой скорее спекулятивное прозябание, то монастырские летописцы и школы таких крупных монастырей, как Тур, Корби, Сен-Галлен, Шелль, Сен-Медард (Суассон), или епископских резиденций (Реймс, Кёльн или Зальцбург), известных своим производством судебных актов, выделяются из ряда не менее чем восьми тысяч донесенных преданием пергаментных томов всей эпохи Каролингов.

Разумеется, двор, и прежде всего сам Карл, содействовал росту духовности. Это сделало возможным Ренессанс путем совершенствования латыни и письма, приблизив античные и позднеантичные образовательные элементы, главным образом в церковных рамках, к современности. Карл с момента первой встречи в Италии оказывал содействие таким грамматикам, как Петр, воспитатель принцесс Павел Диакон или Павлин, впоследствии епископ Аквилеи и видный богослов, приблизил их ко двору и привлек к осуществлению своей образовательной программы. Этот духовный интерес, не отягощенный властными устремлениями и территориальной экспансией, сближает Карла со значительно позже появившимся Наполеоном. Лишь связь с культурой, включавшей правовую кодификацию, а также ее ведущими представителями наложила особый длительный отпечаток на век Карла, как и на век Наполеона, в историческом сознании.

Реформы и исправления вовсе не предполагали свободного от всяких ценностей образовательного стремления для формирования личности. Скорее речь шла об очищении и передаче потомкам священных текстов, правил и песнопений, об исправлении очередных изданий Священного Писания и Псалтыря, требника и духовных проповедей, короче говоря, распространенной христианской литературы, а также канонических сборников и светского права. Ориентиром служило римское предание, объединявшее позднеантичное наследие с папской традицией, кульминацией которой стали идеи Григория Великого. На него государство франков было нацелено еще со времени миссионерских трудов англосаксов Виллиброда и Винфрида-Бонифация. Этому в политическом союзе Пипинидов — Арнульфingов с преемни-

ками апостола Петра придавалось непреходящее значение. Духовно-политический союз, основанный еще отцом Карла Пипином, определял климат в королевстве франков, не допускавший больше региональных своеобразий и специфических особенностей на манер прежних местных церквей и определявший только один обязательный ориентир — Рим и его традиции, папство как духовная и нравственная инстанция при формировании Запада. Причем регионам по другую сторону Рейна завещалось преподносимое церковью культурное наследие позднеантичного периода.

Этой образовательной программой, служившей одновременно укреплению культовой сферы, Карл как металлическими скобами закрепил составные части империи, которые в правовой, социальной и культурной сферах сохраняли определенную самостоятельность, однако в самом монархе и его династии ощущали объединяющее начало. Правда, эта программа в основном касалась ученой риторики ее пропагандистов и ограничивалась очевидной нехваткой священнослужителей или отсутствием школ. В конце концов предполагаемое христианское общество застряло на первоначальном организационном этапе, как это еще несколько десятилетий назад правильно отметил Генрих Фихтенау. В итоге взяли верх общественные антагонизмы, которые особенно по достижении экспансионистской фазы государства франков подорвали основы народного королевского правления и обнажили общенарицательный характер правления, сориентированного на ветхозаветные образцы. Для реализации своих приказов этому правлению требовался целый аппарат государственности, управления, полиции и военных. Система поддержки, зависевшая от лояльности знати и церкви, занимавших все существенные руководящие позиции, не справлялась с целым рядом юридических ситуаций в государстве и обществе, как это убедительно показывает заключительный период пребывания Карла у власти. Обращение к Ветхому Завету и его царям хоть и уберегло «нового Давида» (таков был псевдоним Карла в околоакадемических кругах) от нового пророка Нафанаила, но уже его преемник Людовик Благочестивый был вынужден принять требование церкви и подчинить свое высокое служение воле тех, кто возвышением не в последнюю очередь был обязан Карлу, хотя королевство само инициировало эти «министериялы» на всех руководящих иерархических уровнях.

Обратимся к «Общему увещанию» («*Admonitio generalis*»). Оно также, причем в значительной степени, относится к тем норма-

тивными «общенарицательным» текстам, которые разрабатывались и публиковались в ученом окружении Карла и при участии ближайшего к нему круга людей. Первая часть обширного циркуляра, составляющего не менее 59 глав, посвящена церковному устройству, как правило, тесно привязанному к сборнику церковного права, известному под названием «Дионисий-Адриан». Еще в 774 году сам папа вручил его Карлу в Риме. В нем содержатся главным образом церковные каноны первых соборов и папские декреты предшественников Адриана I. С уже обозначенным намерением восстановить или обосновать порядок в церкви, преодолеть нарушения и внести соответствующие исправления связано желание представить римский проект как единственно обязательную правовую кодификацию с повсеместной ее реализацией. Об этом не в последнюю очередь свидетельствует циркуляр, дошедший до нас в количестве не менее 22 экземпляров и, стало быть, получивший достаточно широкое распространение. Его текст часто лежит в основе и последующих деклараций.

Новый вариант этих старых правовых норм указал духовенству на его недостатки, обличив как безнравственное поведение, например, пьянство, сексуальное распутство, пренебрежительное отношение к запрещению взимания процентов и увлечение светскими делами, а также затронув культурные вопросы — почитание святых, которое явно угрожает выплеснуться из берегов, а еще возрастные ограничения приобщения к монастырской жизни. Епископам запрещается рукополагать в священники за деньги, а также требовать непомерные финансовые поборы с общин. С целью ужесточения общественной дисциплины критике подвергаются и миряне. Приводится пример того, как новые браки заключаются еще при жизни прежнего супруга. Церковь клеймит позором блуд, в особенности гомосексуализм. Делается предостережение против использования беглых клириков.

Эта обширная первая часть дополняется еще двадцатью главами, посвященными состоянию всего общества. Приводятся поправки. Общая тональность текста авторитетно подкрепляется цитатами из Ветхого и Нового Завета. Из обилия деталей выделим лишь немногие наиболее значительные. Раздел начинается с характерного призыва: «Чтобы был мир и согласие и взаимопонимание среди всего христианского народа между епископами, аббатами, графами, судьями и всеми прочими — где бы то ни было — между большими и малыми людьми», со ссылками на соответствующие библейские места: «возлюби ближнего твоего,

как самого себя» и «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Текст конкретизирует этот путь мира — судопроизводство на основе права, указанного народу мудрецами; таким образом, не по собственному усмотрению власть имущих, избегая клятвопреступления. Из этой же серии требование единых мер и весов, которые должны соблюдаться как в городах (здесь главным образом наряду с *civitates* в качестве укрепленных мест торговли), так и на территории монастырей, очевидно, для взимания церковных сборов и натурального оброка с лично зависимых крестьян.

Этот капитулярий вновь упоминает, видимо, еще довольно часто практикуемые языческие нравы, например запрет на работу в священный воскресный день, что однозначно свидетельствует о разделении труда в основном аграрного общества эпохи раннего средневековья. Мужчинам запрещается выполнять сельскохозяйственные работы по воскресеньям, трудиться на виноградниках или пахать, убирать хлеб или косить траву, ставить ограду, корчевать пни, рубить деревья, работать в каменоломнях или в саду. Они не должны участвовать в судебных заседаниях или ходить на охоту. А в день Господень на дворе допустимо наличие трех повозок: одной — для участия в военных походах, второй — для подвоза продуктов питания (фуража) и третьей — для похоронных нужд. В подобном же духе запрещается ткачество для крестьянок, им возбраняется раскраивать материю, подшивать платье, нельзя чесать шерсть или прясть лен, публично стирать белье или стричь овец, «чтобы не нарушить достоинство и спокойствие дня Господня. Во имя этого отовсюду надлежит быть в храме для присутствия на мессе, чтобы восславить все добрые дела Господа, которые в этот день Бог приготовит нам».

Текстовую основу этого категоричного предписания так называемый собор Вербери (775 год) еще при отце Карла Пипине значительно смягчил, в результате чего смысловое разъяснение стало соответствовать широко распространенной потребности. Можно представить, сколько усилий потребовалось от христианских проповедников, чтобы объяснить неграмотным крестьянам, почему так много запретов в их труде пришлось на один день, а крестьянкам убедительно разъяснить, что их повседневный труд в доме и во дворе суть нечто непотребное! Чтобы в долине Везера заставить крестьян отказаться от сенокоса, который был для них привычным делом даже по воскресным дням, во второй половине IX века потребовалось бы настоящее чудо. Впрочем, текст с

указанием на пахоту доказывает, что хлебопашество в те времена стало уже привычным делом. Равным образом корчевание с целью расширения посевных площадей является показателем демографического роста и расширения масштабов страны, в пользу чего говорят также предписания о единицах измерения, включая единицы веса.

В сколь малой степени заявленное христианское общество конца VIII века было привязано к его принципам и религиозному восприятию, говорят заключительные главы, посвященные условиям проповеди — одному из основных элементов евангелизации: «...Чтобы проповедничество осуществлялось неизвращенным и достойным образом. Воздерживайтесь от того, чтобы выдумывать новое и неканоническое по смыслу и противное священным писаниям и проповедовать все это людям». Проповедовать следует, и это минимальное требование, извлечение из символа веры Никейского Вселенского собора, например Святая Троица, воплощение Христа из Святого Духа и Девы Марии во спасение рода человеческого, Воскресение Иисуса и Страшный суд, «как безбожников из-за связи с дьяволом бросают для сожжения в вечном огне, а праведники, уверовавшие во Христа и его святых ангелов, обретают жизнь вечную». Особого внимания заслуживает проповедь воскресения из мертвых, чтобы верили в то, что «в обретенной телесности им воздались плоды их заслуг». И последней пастырской поддержкой для проповедников является своего рода каталог пороков, как бы перечень тех «преступлений, которые, будучи совершенные в союзе с дьяволом, предполагают вечную пытку». Среди прочих это — распутство, расточительность, идолопоклонство (!), клевета, зависть, ссоры, гнев, пьянство и чревоугодие.

Эти весьма категоричные указания на содержание проповедей вновь обозначили существенное препятствие на пути евангелизации, четко и ясно затронутое в первой части «Общего увещания»: проблема недостаточной образованности священнослужителей, отсутствие школ и нехватка книг. Эти трудности усугублялись еще существованием так называемых собственных храмов. Речь шла о церквях состоятельных землевладельцев, которые создавали дома Божьи на территории собственных владений и подчиняли их своей власти, несмотря на то что храмы являлись особым видом собственности. Как правило, владелец такой церкви, чаще всего крупный землевладелец, поручал заниматься священническим делом одному из своих работников, выбирая при этом

далеко не самого подходящего. Он как бы исполнял обязанности епископа и по воле хозяина мог быть уволен. По сути дела, этот «назначенец» выполнял поручения хозяина в пределах владений последнего. Подготовленность и духовная направленность такого псевдоепископа мало кого волновала. Соответственно низким был и авторитет таких священнослужителей — он смыкался с уровнем малограмотных членов общины.

Чтобы снять напряженность этой острой проблемы, «Призыв» подталкивает тех, к кому обращен текст, готовить к священнической деятельности не только детей холопского происхождения, но и собирать вокруг себя детей вольных, чтобы устанавливать с ними тесные отношения. Необходимо создавать школы, где дети могли бы освоить чтение. Они должны разбираться в псалмах, церковных песнопениях, счете, грамматике (латинской) в классах, при монастырях и епископских резиденциях. Текст требует «очищать книги правильной веры, ибо желающие правильно молиться Богу из-за неочищенности книг делают это плохо». Здесь проявляется прямо-таки магическая вера в правильное слово, даже в правильную букву, почти изгоняющую дурное намерение и дающую убеждение молящемуся, и в духе формулы заклинания делается ставка исключительно на дословно точный текст как средство достижения успеха, как это происходит, например, в суде. Соответственно перепиской Евангелий, псалмов и требников должны заниматься не ученики, а зрелые, опытные мужи.

Здесь особо ощущается влияние Алкуина, ведь еще будучи аббатом монастыря Сен-Мартина в Туре после 796 года он велел прикрепить на двери канцелярии своей обители следующее предписание: «Здесь место тех, кто занят перепиской Священного Писания. Им надлежит остерегаться любого легкомысленного слова, из-за которого может дрогнуть рука. Они должны стремиться к созданию безошибочных книг,водя своим спешащим пером в правильном направлении».

Забота о правильном тексте, которую нельзя смешивать с филологической акрибией, и соответствующее преподавание в школах объявляется задачей государственной важности как предпосылка правильного распространения веры, что, в свою очередь, создает нравственный фундамент общества. Эту миссию в значительной мере выполняли монастыри и соборные школы масштаба Корби, Тур, Сен-Галлен и Фульда, а также Кёлы, Зальцбург или Реймс. Они развивали активную деятельность, не ограничившуюся воспроизведением основных текстов христианской веры.

Из поколения в поколение стали передавать исполненную все более утонченным латинским слогом патристическую и античную литературу, которая, в свою очередь, тоже вошла составной частью в школьное образование. Став классической по тогдашним канонам, она получила немалое распространение, охватив в том числе аристократический светский мир. Свидетелем этой тенденции можно считать самого биографа Эйнхарда. Он, не стремясь к духовной карьере, прошел курс обучения в монастыре Фульда. Благодаря полученному образованию начиная с 796 года занял место Алкуина при дворе Карла. В последующем поколении заставил заговорить о себе маркграф Эберхард, завещавший в 867 году огромную библиотеку. Нельзя не вспомнить аристократку Джуду, в период 841—843 годов составившую как бы памятку правил поведения для своего сына. Основы этой реформы образования, включавшей также орфографию и правильное письмо, были заложены в восьмидесятые годы весьма беспокойного и бурного VIII века.

К «Общему увещанию» имеет отношение еще одно послание от имени короля и «римского патриция». Речь идет об известном циркуляре, адресованном аббату Фульды Баугульфу. Документ цитируется как послание «*De litteris colendis*», обращенное к духовным структурам, связанным с аббатством Винфрида-Бонифация. Это летописное свидетельство предваряет следующий девиз: «Разумеется, лучше творить добро, чем просто быть носителем знания, тем не менее знание предшествует действию». Говоря конкретно, Карла возмущают ошибки в латыни, которые искажают сведения, поступающие к нему из монастырей. «Нам хорошо известно, сколь опасны орфографические ошибки, но еще большую опасность таят в себе ошибки смысловые. Поэтому мы призываем вас не игнорировать изучение письма, а, наоборот, активизировать его, чтобы легче и точнее постигать тайны священных языков». В целях осознания подлинного смысла необходимо постигать риторические фигуры и тропы в соответствующих текстах. «Для этого выбирайте мужей, имеющих желание и стремление учиться и учить других. Только на такой основе может произрастать одна премудрость для всех с благодарностью к Богу и с радостью в сердце. Форма и содержание нерасторжимо связаны друг с другом. Тексты, страдающие языковыми и орфографическими изъянами, не в состоянии быть на высоте богоугодных требований. Необходимость в этом как в инструменте оживления зашедшего в тупик изучения

свободных наук» — так высказывается король еще в одном циркуляре, датируемом между 783 и 786 годами. И это с единой целью — внести поправки в книги Ветхого и Нового Завета.

Одновременно с программным высказыванием король по примеру своего отца Пипина, уже внедрившего римское песнопение в храмы королевства, разослал в качестве образца двухтомный лекционарий библейских текстов и проповедей отцов церкви для использования их в течение всего церковного года. Он был критически просмотрен и расширен для всеобщего богослужения доверенным лицом короля и экспертом Павлом Диаконом, поскольку монарха раздражали многочисленные ошибки и салицизмы старых сборников.

Задачу текстового очищения Библии взялся разрешить Алкуин. Он должен был разобраться с проблемами правописания, пунктуации, грамматики и т.д. Само собой разумеется, что о критическом издании после глобальной сверки текста с рукописями Вульгаты не могло быть и речи, не говоря уже о перекрестном сравнении с греческими или еврейскими текстовыми свидетельствами. Так, между 797 и 803 годами Карл получил тщательно прописанный и якобы безошибочный полный текст Библии. Очевидно, это издание испытало на себе влияние старейшего из сохранившихся полных образцов. Он возник в монастыре Монтмьята в Южной Тоскане. Доказано, что с этого оригинала Алкуина в Туре было сделано не менее сорока пяти копий. Этот оригинал плюс так называемая Парижская Библия XIII века стали основой сорокадвухстрочной Библии Гутенберга. В более широком придворном кругу родилась еще одна версия при участии епископа Теодульфа Орлеанского. Незадолго до своей кончины исправлением библейского текста занялся и сам император Карл.

Пребывание короля в Ахене было связано не только с духовным и интеллектуальным обновлением на основе римского церковного права, более совершенных изданий текстов Священного Писания, очищенных и расширенных сборников, но и с подтверждением устава бенедиктинцев как руководящего принципа монашеской общины. Подробное указание на этот устав содержится в указе в Ахене от 23 марта 789 года. Указ адресовался королевским эмиссарам и был продиктован заботой короля о юрисдикции в графском суде. Сочетание извлечений из устава бенедиктинцев и королевских предписаний диктуется, вероятно, исключительно формой предания. В этом текстовом свидетельстве вновь обнаруживается свободное сочетание церковного ус-

тава и королевского повеления как инструментов руководства христианским обществом.

Мы уже наблюдали, как Карл ориентировал некоторые монастыри на усвоение устава бенедиктинцев, служившего руководящим началом намеченной им монастырской реформы. Не Бенедикт Анианский в первые годы правления Людовика Благочестивого выдвинул это умеренное руководство монашеского жития в противовес разным смешанным его формам, а сам Карл в качестве коррективы указал на этот римский путь, причем, возможно, даже не без активного участия «гота», то есть Бенедикта Анианского.

Королевское предписание требует от графов, чтобы судебные дела, связанные с сиротами, они слушали в первую очередь и в день судебного разбирательства, например, не устраивали охоту. Женские монастыри должны подчиняться соответствующим правилам и находиться под епископским надзором. Аббатисам запрещается находиться вне вверенного им монастыря или позволять это своим подчиненным. Соответствующему кругу лиц опять-таки заказано держать своры собак для охоты и терпеть рядом с собой шутов. Видимо, обитатели монастырей не могли расстаться с привычками аристократического мира, к которому когда-то принадлежала духовная верхушка. Между прочим, и здесь, если хотите, намечился определенный сдвиг в сторону цивилизации и прогресса. Не известно ни одного случая, чтобы высокопоставленный церковный деятель прибег к кровной мести, что случилось сплошь и рядом до Карла.

В этом перечне мер, как бы показывающих обществу его настоящее лицо, бросаются в глаза особенно две главы. Во-первых, глава о пьянстве, которое как один из главных пороков снова клеймится позором. С этим тесно связана глава о запрете гильдий и объединений, чье культовое происхождение как языческих питейных общин очевидно. К тому же последние служили прикрытием для подготовки всяких заговоров оппозиционно настроенных сил.

Не в последнюю очередь предотвращению подобных происков содействовала отмена всеобщей присяги в верности, первой в истории государства франков. Хотя и при Меровингах иногда давали или отзывали обет, возникший на основе римской воинской присяги или данный при крещении, к примеру, в связи с сомнительными бунтами против короля или с борьбой претен-

дентов за обладание короной в знак признания или верности, но чтобы все (вольное) население присягало королю (и его сыновьям), такого не было. Текст клятвы верности более чем краток: «Поэтому я (называется имя) обещаю моему господину, королю Карлу и его сыновьям, пока живу, быть верным без обмана и вероломства». Идеально задуманная формула повиновения королю с течением времени нуждалась в морально-правовом обосновании.

Так называемое восстание Гардрата в 786 году и аргументация некоторых заговорщиков («мы не брали на себя обязательства перед королем, не давали ему обещания хранить верность в духе благонамеренного поведения») побудили короля к введению всеобщей присяги в верности монарху. Вспомним историю с Тассилоном, в которой, по мнению Карла и его окружения, из-за целого ряда нарушений клятвы дело дошло до отстранения герцога от власти и присоединения его владения к королевству. Король был вынужден пойти на этот шаг.

Подстраховавшая от вероломства клятва совсем не требовала от принимающих ее совершения благонамеренных дел, но тем не менее удерживала их от действий, направленных против короля и его сыновей. Этот описанный в общих чертах, но в принципе отрицательно сориентированный кодекс поведения после 802 года получил содержательную дефиницию и был расширен указанием на новую присягу в верности императору. С этой моделью расширения и разъяснения мы уже знакомились при изучении разных версий заповеди воскресной святости. Она также прошла эволюцию от выдержанного в общих выражениях, абстрактного запрета до содержательной дефиниции запрещений.

Эту клятву верности должны были принять также эмиссары короля в Аквитании, возможно, и в Италии, — с расширением обязательств в отношении сыновей Карла и преемников. По этой формуле Карл не является больше только «королем», он категорично именуется «мой господин», «dominus». Последнее понятие не так-то просто раскрыть по содержанию, но оно предполагает «подчинение», определяющее более позднее правовое отношение между вассалом и сюзереном в подражание древнеклассическим образцам. Однозначно не выраженные, но содержательно присутствующие — эти клятвенно подкрепленные узы вольного мужского населения «на стороне короля» представляются более убедительными, чем всякие прочие обязатель-

ства или договоренности. Таким образом, Карл рассчитывал на надежную лояльность каждого. Она скреплялась публично принесенной присягой и являлась частью законодательства и судебной власти, которой надлежало подчиняться, демонстрируя благонамеренное поведение.

УКРЕПЛЕНИЕ ГРАНИЦ СО СЛАВЯНАМИ НА ЭЛЬБЕ

Между тем в преддверии 789 года короля волновали не только внутривосточные проблемы, но и вопросы обеспечения границ. Поводом для этой озабоченности стало агрессивное поведение прибалтийских славян и славян на Эльбе. В 786 году дело дошло до набегов славян на земли Тюрингии, которым, как стало известно, Карл пытался дать отпор, направив по воле франков и саксов отряд во главе с тремя придворными сановниками.

Поход против вильцев, как их называли франки, то есть мотий, — подкорректированная версия имперских хроник говорит о языке франков в противовес языку славян — в южной части Прибалтики в значительной степени напоминал географически экспедицию в неизведанную область. Если еще в двадцатые годы IX столетия Эйнхард говорит о расселении на северном побережье Балтийского моря датчан и шведов, то есть норманнов, на южном — славян, эстонцев и других племен, из которых вильцы были самыми значительными, то эти данные едва ли основаны на фактическом исследовании, тем более что Балтийское море, на его взгляд, было шириной всего 100 000 футов, то есть не более тридцати километров.

Тогдашние источники не дают четкого представления о том, что же дало повод для вторжения франков на территории, населенные вильцами, после Пасхи 789 года. Эйнхард же обосновывает поход на земли, прилегающие к Эльбе и расположенные на противоположном ее берегу, непрекращающимися нападениями вильцев на западных соседей — ободритов. Последние жили по другую сторону Эльбы и составляли своего рода северную буферную зону между датчанами и еще не умиротворенными саксами, то есть были связаны узами весьма рыхлого союза с королем франков. Их вождь Витцин возглавлял контингент, участвовавший в стычках франков с их заклятыми врагами, подобно саксам, лужичанам и, наконец, фризам, присоединившимся к наземным войскам на своих судах на реке Хафель.

Форсировав Рейн и углубившись в земли, населенные саксами, король Карл, лично возглавлявший отряды, велел построить через Эльбу два деревянных моста, на одном из которых с предмостным укреплением он оставил несколько воинов. Таким стратегически разумным действиям на воде и на суше суждено было повториться в ходе крупной экспедиции на землях, населенных аварами. Столь разумный подход стал порукой военных успехов, которые с возрастанием удаленности от исходной точки похода напрямую зависели от транспорта и подвоза. В общем, вильцам не удалось бросить вызов противнику. Они уступали ему в уровне снаряжения и амуниции, поэтому такое столкновение могло бы закончиться для них настоящей катастрофой. Вильцы решили не испытывать судьбу и отступили. Отряды Карла, как обычно, разорили все на своем пути вплоть до реки Пене. В результате вождь вильцев седовласый Драговит, превосходящий по влиянию и авторитету многих других малых королей и представителей знати, подчинился правителю франков, принес присягу верности Карлу и франкам и, как принято в таких случаях, предоставил заложников. Остальная знать последовала его примеру, сдавшись на милость победителя. По свидетельству наших источников, побежденные приняли из рук Карла «отечество» или «страну». Из этого, однако, не получился ни союз, ни подчинение воле короля франков как основы для преобразования внутреннего устройства и даже миссионерской деятельности, хотя в своем послании Алкуин пишет о возможности обращения вильцев и вендов. Неизвестного нам получателя этого послания, вероятно, надо искать в районе Бардовик, тем более что наш авторитетный источник распространяется и о евангелизации датчан. Впрочем, это было дело еще далекого будущего, ведь пока для такого проекта не хватило бы требуемого количества священнослужителей и проповедников, не говоря о военно-политическом обеспечении, отсутствовавшем в достаточной мере. Об этом свидетельствовали непрекращающиеся вспышки бунтов на землях Саксонии. Союз с отдельными группами славян на Эльбе, который следует квалифицировать на современном языке скорее как соглашение о моратории, стал константой франко-немецкой восточной политики, даже во времена святого императора Генриха II, что в немалой степени раздражало тогда благочестивых современников.

В результате этого похода на Эльбу наступило временное умиротворение вдоль «мокрой границы», хотя скрытая напряженность в отношениях между ободритами и вильцами еще не раз напоми-

нала о себе уже в девяностые годы. Как многозначительно-завуалированно свидетельствует наш источник, форсировав Эльбу и «разобравшись с саксонскими делами», Карл вернулся на земли, расположенные в среднем течении Рейна, где и отметил Рождество. Это было в 789 году в Вормсе.

КАРЛ ЮНЫЙ КАК ПРАВАЯ РУКА СВОЕГО ОТЦА

Видимо, в начале следующего года, а именно весной 790 года, Карл решился сделать шаг, касающийся его второго по старшинству сына, Карла. Он в отличие от собственных братьев долгое время вдумчиво изучал при дворе короля задачи и обязанности правителя. Отец решил передать ему дукат Мен со всеми его графствами. Речь шла о регионе, раскинувшемся между Сеной и Луарой. В наших источниках некоторое время спустя эти земли стали именоваться Нейстрией (западная часть Франкского государства) — пандан также территориально урезанной Австразии (восточная часть государства Меровингов): это название служило обозначением главным образом части империи к востоку от Рейца. Карл юный формально еще не стал королем. Это произошло лишь на Рождество 800 года в соборе Святого Петра по воле самого папы, еще в 781 году помазавшего на царство братьев Карла Людовика и Пипина и продемонстрировавшего тем самым богоугодный характер продолжения правления Карла в лице его сыновей. Впрочем, имеются свидетельства, в которых уже примерно в 790 году Карл фигурирует как король, что предполагает признание за ним особой функции обладателя власти. Однако вплоть до того рождественского дня 800 года, когда Карл стал императором, рядом с ним не нашлось места для еще одного короля франков.

Введение члена монаршей семьи в дукат Мен уже имело определенную традицию. С 763 по 768 год Карл нес бремя ответственности за управление этими графствами, а до него — Грифон, единокровный брат короля Пипина, которому эти земли были предложены как своего рода компенсация и наследственная доля, хотя он так и не смог там обосноваться.

Пройдя при дворе обучение, включавшее и военную подготовку, юный Карл должен был сформировать под руководством отца собственное представление о правлении в непосредственной близости от королевства своего брата Людовика. Поэтому

епископ Теодульф Орлеанский в одном своем стихотворении не случайно назвал Карла соседом. Возможно, отец, призывая на царствие несомненно отличавшегося старательностью Карла, преследовал цель из дуката Мен не только поставить на место строптивых бретонцев, но и предотвратить повторение все еще не выстрившихся из памяти позорных происшествий в районе Тулузы. Трудно сказать, означал ли выбор королем дуката Мен в качестве полигона для своего первенца от брака с Гильдегардой раздел империи среди сыновей. В любом случае он дал понять, что расширение королевства за счет регионов по другую сторону Рейна и Дуная остается исключительно в его компетенции.

Этот ввод во владение, гарантировавший Карлу юному определенную самостоятельность, приближал его к братьям Людовику и Пипину и одновременно являлся дурным знаком для Пипина Горбуна, старшего сына Карла от брака с Гимильтрудой, ибо тем самым он выбывал из наследственной «гонки». Ведь после совершения обряда крещения в Риме в 781 году он фактически лишился своего изначального имени, перешедшего его сводному брату Карломану уже как королю Пипину. Бунт Горбуна в 792 году был, по сути дела, реакцией на данное решение отца.

Имя Карла юного вновь всплывает в наших источниках в эти годы. Так, «Дела аббатов Сен-Вандрилл», составленные вскоре после 833 года, повествуют еще об одном матримониальном проекте короля Карла с участием одного из его детей. Гервольд, в то время аббат монастыря, расположенного к северо-западу от Руана в современной Нормандии, как многолетний королевский сборщик таможенных пошлин в разных портах и прибрежных центрах, а именно в Кентовике, обладал необходимыми контактами и информацией, но прежде всего добрыми и даже дружескими отношениями с королем Мерсианским Оффой. Тогда действовала договоренность между франкским монархом и королем Оффой о женитьбе Карла юного на дочери Оффы. Это был вполне разумный проект, поскольку Карл не переставал размышлять о судьбах монаршей фамилии и о будущем своего королевства. Оффа согласился с этим планом, но при условии, что, в свою очередь, его старший сын получит в жены дочь Карла Берту. Недовольный или озабоченный таким условием, Карл прервал переговоры и даже распорядился закрыть порты для английских купцов. Оффа ответил тем же.

В письме англосакс Алкуин размышляет о происходящем, подготавливая которого ему скорее всего неизвестна, и просит

поручителя аббата Адаларда (Корби) предоставить соответствующую информацию, чтобы сыграть роль посредника. Тем не менее этот конкретный случай заставляет усомниться в якобы безграничном влиянии Алкуина на политику Карла. Кроме всего прочего, происходившее касалось непосредственно его родины. Причины отказа Карла от намеченного матримониального проекта неизвестны. В изложении Эйнхарда, королю в принципе не хотелось отдаляться от столь милых его сердцу дочерей. Кроме того, статус английского престолонаследника, как в данном случае, наверное, мог показаться Карлу не столь уж привлекательным, ведь сын «малого» короля, говоря современным языком, стал бы зятем монарха великого королевства франков, территория которого охватывала земли почти всего континентального христианства. К тому же Карл совсем недавно ответил отказом на аналогичное предложение Восточного Рима, связанное с Ротрудой.

Между тем нелады между королями длились совсем недолго. Учитывая давние торговые связи Англии с континентальными регионами да и прочие достаточно интенсивные контакты, вскоре удалось достичь согласия. Все говорит за то, что примерно в 792 году, но в любом случае не позже 794-го, король Оффа провел денежную реформу, в результате которой английские монеты по весу и размеру были приравнены к имевшим хождение с 770 года денариям франкской чеканки (1,3 г серебра при 1,7 см в поперечнике). Тем самым Оффа сделал английские монеты свободно конвертируемыми в торговых отношениях, где основой считалась западная валюта. Но это продолжалось лишь до 794 года, когда настал черед денежной реформы Карла, в результате которой вес и поперечник пфеннига увеличились соответственно до 1,7 г и 2 см.

Карл юный вплоть до своей смерти оставался свободным от брачных уз. Нет никаких данных ни о его любовных романах, ни о внебрачных связях, ни о наличии детей от такого рода связей. Если верить стихотворению одного придворного автора, у Карла могли быть определенные гомосексуальные склонности, которые средневековые моралисты считали пороком видового понятия содомии. А если предположить, что именно безбрачие и бездетность мужчины примерно тридцати пяти лет подтолкнули его отца в 806 году к составлению подробного плана раздела империи? А может, поэтому при разделе старший сын получил так называемое ядро империи Карла, в то время как земли Людовика и Пи-

пина (Аквитания и Италия) предполагали большую временную устойчивость ввиду наличия наследников мужского пола?

Берта сочеталась брачными узами с придворным, дипломатом, поэтом (псевдоним Гомер) и мирским аббатом Сен-Рикье (Сентула) Ангильбером. От этого брака родилось двое сыновей — Нитгард и Арднит. Первый стал блистательным историографом, описавшим раздор между сыновьями Людовика Благочестивого, в разгар которого он скончался. Это произошло в 844 году.

В отношении 790 года имперские хроники высказываются весьма лаконично: «В текущем году, однако, [военного] похода не было. В том самом городе [Вормсе] он вновь отметил Рождество [заодно и Новый год], а также Пасху [27 мая 791 года]».

Рассмотренная и подкорректированная версия имперских хроник более широко охватывает канву политических событий, не заикливаясь на военных делах, сообщая, например, что в 790 году прибыло посольство гуннов, другими словами — аваров. В ответ на визит этого посольства король отправил своих эмиссаров: «Речь шла о разграничении реальных сфер правления. Этот спор и это разногласие были зародышем и колыбелью надвигавшейся войны. В нее некоторое время спустя оказались вовлечены гунны». Как упоминалось выше, речь шла о пограничных пустынных пространствах между рекой Энс (правый приток Дуная) и Венским лесом. Не исключено, что в то время считалась спорной и южная граница герцогства Фриуль, хотя аварские поселения незначительно заступали на территорию древней Паннонии (нынешняя Венгрия).

Встреча восточного посольства в среднем течении Рейна происходила в рамках большого дня приема при дворе. О подготовке некоего значительного шага можно заключить из сообщения, что на эту встречу в Вормсе придут короли Пипин и Людовик вместе со своими боевыми контингентами. Возможно также, что в свите Людовика будут и мятежный вождь басков Адельрик и его одураченный противник, герцог Корсо Тулузский, на которых король в присутствии сына наложил примерные наказания: ссылка одного и отстранение от должности другого. В свите Людовика также обращал на себя внимание аббат, связанный с марсельским собором персональной унией монастыря Святого Виктора, который тогда удостоился привилегии иммунитета. А вот в свите короля Пипина выделялся архиепископ Петр, в награду за основание в Милане монастыря Святого Амвросия удостоившийся грамоты с подтверждением прав на владение и пра-

ва на свободное избрание аббата. Эта грамота содержит желание короля о молитве Господу для ниспослания милосердия к «нам и нашей супруге, нашим чадам, а также во имя стабильности империи».

Сыновья и прибывшая знать были отпущены без каких-либо дальнейших инструкций. Очевидно, пришлось дожидаться возвращения эмиссаров аварской аристократии. Поскольку политика или, точнее сказать, королевское правление в духе того времени в основном ассоциируется с ведением военных действий, к которым присовокупляется еще активное соблюдение права и общественного порядка (основанного на уважении права), король с виду казался весьма пассивным, но Карл дождался эмиссара аваров. Во избежание упрека в том, что он «изнеживается в безделье и тратит попусту время», как говорилось в одном литературном свидетельстве, Карл из Вормса заехал ненадолго в пфальц Зальц близ Нойштадта, что на франкской реке Заале в округе Рён-Грабфельд. Между тем 9 июня монастырь Прюм из Майнца приобрел владения не менее чем в одиннадцати местах, которые, однако, реквизировал один арпад. Но в суде аббат из Прюма и королевский эмиссар сумели доказать, что речь идет о королевском владении. Штраф, наложенный на арпада, достался аббатству Эйфель.

Поездка в пфальц Зальц, из государственной земельной собственности которого еще отец Карла Пипин в 742 году дотировал епископию Вюрцбурга, позволила монарху ощутить все прелести отвлечения от официальных обязательств в резиденции Вормса в самом начале лета. Географическое расположение Зальца, видимо, открыло возможность установить контакт с аббатом Баугульфом в стенах не очень удаленного монастыря Фульда.

На обратном пути вниз по течению Майна в конце августа крупные королевские аббатства на землях франков, Сен-Дени и Сен-Мартин в Туре, также удостоились грамот, выданных в Костхейме, к югу от Майнца. Правовая фактура и предыстория этих подтверждений вызывают повышенный исторический интерес. Так, расположенное в округе Брейс реституированное владение, подтвержденное грамотами, оказалось под властью обоих монастырей. Во времена отца Карла и его дяди Карломана оно было конфисковано в дукате Алемания и затем разными путями попало в руки третьих лиц, рассматривавших его как собственное владение, — граф Ротгар и некий алеман по имени Фулрид (или связанный родственными узами с Фулрадом, или сам Фулрад) про-

дали или передали какую-то его часть аббатствам или монастырям Сен-Мартина и Сен-Дени. Это в своем правовом качестве весьма сомнительное приобретение аббаты Магинарий и Имерий предпочли вернуть королю. После выяснения правового статуса и получения обратно государственной земельной собственности король снисходит до раздачи этих владений их старым владельцам с характерной для него просьбой возносить молитвы о спасении его души и о стабильности королевства. Монарх вообще настаивает на реституции отчужденной государственной собственности, которая далеко не всегда попадала в руки ее законных владельцев, как свидетельствует поучительный пример арпада, отказавшегося от притязаний в пользу Прюма да еще заплатившего штраф.

После возвращения Карла в осеннюю резиденцию в Вормсе сгорел, по крайней мере частично, тамошний пфальц. Поскольку епископская резиденция предоставила соответствующее жилье для размещения короля и его свиты, пребывание на Рейне оказалось не столь уж кратковременным, вероятно, с учетом пожелания королевы Фастрады, которая, видимо, родилась в регионе Рейн — Майн. Однако во все большей степени за право считаться резиденцией на первый план стал выдвигаться Ахен, неудержимо теснивший Вормс. Если поначалу король проводил время главным образом в Регенсбурге, не в последнюю очередь из-за экспедиции в земли аваров, а также в связи с урегулированием баварских дел, то после 796 года король все чаще занят обустройством своего пфальца в Ахене.

ПОХОД В ЗЕМЛИ АВАРОВ

В 791 году, равно как и в последующем, основной внешнеполитической задачей стало противоборство с аварами. Наш надежный источник в лице Эйнхарда описывает с некоторым внутренним содроганием события, минувшие за время жизни более одного поколения: «Крупнейшей из всех его войн, за исключением войны с саксами, были походы против аваров или гуннов. Поэтому более других Карл был исполнен боевого духа, а его военное снаряжение отличалось большим совершенством, чем у кого-либо еще. Экспедицию в Паннонию, территорию которой населял этот народ, Карл возглавил лично. Командование другими походами

он возложил на сына Пипина, наместников провинций, графов и королевских эмиссаров». И здесь переключка с биографией Светония об императоре Августе: «Сам император провел только две кампании, остальными командовали его эмиссары, хотя иногда, например, в Паннонии (!) он присутствовал на месте событий или находился неподалеку». Так в жизни франкского монарха, на взгляд своего биографа, неоднократно прослеживается связь с великим императором. Это касается ограниченного личного участия, возложения на других лиц полномочий на ведение военных действий и не в последнюю очередь места развития событий — Паннонии. Эйнхард подводит следующий промежуточный итог: «Хотя противоборство с ним развивалось весьма активно, оно завершилось лишь через восемь лет». Согласно имперским хроникам, на это потребовалось целых двенадцать лет.

Весьма характерно, что Эйнхард не приводит никаких оснований, не говорит ни о каком поводе для развязывания военных действий против аваров. Он обходит стороной и вопрос о пограничных спорах, согласно имперским хроникам ставших якобы «зародышем и причиной» противостояния. Его не интересует и первичная реакция этого исторического произведения, хоть и возникшего «на пульсе времени и событий», довольно шаблонно преподнесившего военную кампанию против аваров как своего рода крестовый поход по борьбе с язычеством. В начале весны 791 года король покинул Вормс и направился в Регенсбург. Местом сбора его отрядов стал Дунай: «Здесь по воле франков, саксов и фризов, принимая во внимание огромные и невыносимые злодеяния, совершенные аварами против Святой церкви и христианского народа, а также учитывая отсутствие удовлетворения от визита эмиссаров, было решено начать военный поход. С Божией помощью они бросили вызов аварам». Ничто не могло происходить по воле случая. Так, для политического обеспечения этого предприятия уже в декабре 790 года и январе 791 года из Вормса были получены подтверждения на владения храма в Зальцбурге и монастыря Кремсмюнстер, основанного еще во времена наибольшего возвышения Тассилона. Кроме того, поступило подтверждение грамоты 777 года относительно обители. Она содержала вместе с тем любопытные данные об основании, введении во владение и права, корчевании, а также о славянском поселении в восточном пограничном регионе. Есть основание полагать, что указанные привилегии являлись составной частью подготовки военных походов против аваров.

Составленные в 805 году официозные хроники Меца обосновывают решение франков выступить против восточного соседа в ответ на несправедливость, причиненную им франкам, на которую не последовало ответа. Похоже, такой подход отражал взгляд Карла и его двора. Никогда не отстававшие от происходящих событий хронисты Лорша в своей мотивации военных действий ограничиваются ссылкой на вульгату* и видят в них карательную акцию в отношении «исключительно высокомерного народа аваров». В одном поэтическом произведении, прославляющем сына короля — Пипина, который в 796 году одержал последнюю и решающую победу над этим врагом, преобладает также религиозный мотив в пользу военных действий: «С давних времен они совершили много зла; разрушали храмы Божии и монастыри; похищали из алтарей священные золотые и серебряные сосуды... священнические полотна из льна и одеяния монахинь по дьявольскому наущению отдавали своим женам». Война с язычниками, подстрекаемыми самим дьяволом и бросавшими вызов христианам как врагам, — это война справедливая. Вести ее — одна из задач короля, как это однозначно подчеркивается в известном послании 796 года, адресованном папе Льву III. Но, как часто неоправданно утверждается, в этом послании вовсе не стираются грани между «освященной властью священнослужителей» и «королевской властью».

Франкский король, который реально смотрит на войну с аварами, словно наставляет римского понтифика: «Наша задача состоит в том, чтобы, опираясь на милость Господню, повсюду с оружием в руках защищать Святую церковь Божию от вторжения язычников и от разорения ее со стороны неверующих, одновременно укрепляя христианскую веру изнутри». Папа же, как новый Моисей, воздев руки для молитвы, должен поддерживать эту борьбу. И, как бы дополняя Ветхий Завет, — если Моисей опустит руки, пошатнется и войско Израилево.

Правда, после кончины Карла точка зрения на борьбу с аварами как на справедливую войну с язычниками претерпела изменения. Это заметно по тому, как сглаживается стиль имперских хроник, а также по жизнеописанию Карла его биографом Эйнхардом. Не исключено, что подобного взгляда придерживался лишь ограниченный круг придворных и, вероятно, сам Карл. Видимо, перспектива стать обладателями крупного трофея, так называемого «кольца» аваров, служила достаточно серьезным стимулом для участия воинов в этом походе. Участие саксов и фризов от-

* Вульгата — Ветхий Завет, переведенный на латинский язык.

ражает подобные материальные ожидания. Баварцы ощущали на себе психологическое воздействие событий последних лет, и вот теперь королю представился случай испытать свою харизму во главе армии, сформированной из контингентов уже нового королевства.

«Война с аварами, начатая Карлом в 791 году, во всех отношениях была масштабной инсценировкой. Летом в Регенсбурге собрались франки и саксы, фризы и тюрингцы, баварцы и даже славяне» (Вальтер Поль). По свидетельству Эйнхарда, затраты на эту экспедицию были огромны, упоминаются даже тысячи лошадей, подошедших во время похода от какой-то эпидемии. Однако многое оказалось преувеличено. Тем не менее реальным фактором стала мощь кавалерийских эскадронов франков. Действия отрядов под командованием Карла были тщательно спланированы: согласно своей старой стратегии, он разделил армию на части, одна из которых опиралась на поддержку дунайского флота в составе баварцев. Под командованием графа Теодориха, одного из сапожников, еще в войнах с саксами отличившегося среди бездарных в военном деле придворных чиновников, и казначея Мегинфреда один отряд прошел по северному берегу Дуная и в течение сентября добрался до пограничного пункта Лорш, примыкающего к реке Энс. Туда еще в начале месяца прибыли основные силы под предводительством короля, начавшие свое движение южнее русла Дуная. Речные суда перевозили в основном оружие и фураж для лошадей, причем время стратегического развертывания, безусловно, было увязано с периодом жатвы.

О событиях в этом лагере нам известно непосредственно от самого короля, информирующего о всех перипетиях оставшуюся в Регенсбурге супругу Фастраду в письме, посланном полевой почтой. Кстати сказать, это одно из немногих свидетельств, со страниц которого Карл сам обращается к нам и к потомкам. Вначале мы убеждаемся в исключительно доброжелательном отношении Карла к своей семье, в адрес которой он высказывает не притворные чувства. Особенно сильно он переживает отсутствие рядом «сладких» своих дочерей. В королевской свите находился, видимо, его уже достигший совершеннолетия сын Людовик, король Аквитанский. Ранее в Регенсбурге он прошел посвящение в рыцари, и отец держал его возле себя для приобретения и углубления военных навыков.

Указанное письмо посвящается также порядкам по другую сторону Альп. Границы в настоящее время надежно прикрыты,

король и папа Адриан пребывают в полном здравии. Когда основные силы покинули Регенсбург и спустились вниз по течению Дуная, королю Италийскому, очевидно, было предложено перейти со своим отрядом юго-западную границу аварских земель и тем самым связать силы противника. Это и произошло, а 23 августа войска Пипина сошлись с аварами: «Всемогуший милосердный Господь даровал победу, и многие авары пали на поле брани. Говорят, никогда больше не было такого поражения». Нападающие вторглись в глубь территории врага и взяли штурмом «вал» — укрепленный лагерь, разграбили его и захватили в плен сто пятьдесят (сколько же потребовалось конвоиров?!) аваров. Вопрос об их дальнейшей судьбе предстояло решить самому Карлу. Монарх не скупится на похвалы в адрес победителей, среди которых смелые воины — епископ, герцог, графы, «тоже наши вассалы» и не в последнюю очередь герцог Истрии.

Этот благоприятный исход как своего рода проверка на деле был воспринят в Лорше как доброе предзнаменование. Поэтому 20 сентября в присутствии короля в суде под председательством епископа Арна (Зальцбург) Герольда, будущего префекта и шурина короля, а также казначея Магинфреда рассматривался спор о наследстве Хуоси, одного из именитых аристократических родов Баварии. Это дело было наконец-то завершено в целях укрепления боеспособности франкских войск.

Ранее Карл демонстративно заручился небесной поддержкой задуманного им, назначив трехдневный крестный ход на 5, 6 и 7 сентября: «Мы молили Бога ниспослать нам божественное милосердие, которое обеспечило бы нам мир и здравие, победу и удачную кампанию». Чтобы достичь этой цели, присутствующее духовенство объявило всеобщий пост, по крайней мере воздержание от потребления мяса и вина. Впрочем, предусматривалась возможность, о чем Карл подробно распространяется в своем послании, путем денежных выплат избавиться от этого вынужденного воздержания.

По свидетельству Эйнхарда, сам король, презиравший пьянство, в плане воздержания не являл собой очень уж яркий пример для подражания. Для обретения душевного спасения, а в данном случае и земных побед, кроме предписанного говения, полагалось подавать милостыню. На этот счет служили специальную мессу, что возлагалось на присутствующих священнослужителей, в то время как остальные клирики пропевают соответственно пятьдесят псалмов, «если только знают их наизусть». Тот же чин со-

блюдался еще в июле 1099 года, прежде чем крестоносцы устремились на штурм Иерусалима.

Карл не упускает случая призвать оставшуюся в Регенсбурге семью также присоединиться к посту, однако оставляет за супругой Фастрадой принятие соответствующего решения в зависимости от состояния ее здоровья. И здесь раздается первый звонок в преддверии скорой кончины Фастрады.

Заключительное предложение этого информативного послания вновь свидетельствует об открытости короля, переполненного теплыми и дружественными чувствами: «Нас удивляет, что с тех пор как мы покинули Регенсбург, мы не получили никакой весточки. Поэтому мы хотим, чтобы вы чаще сообщали нам о своем здоровье и обо всем прочем, что вам будет угодно. Снова приветствуем вас во Господе».

После этого очищения тела и духа в полном уповании на Божью помощь войско форсировало реку Энс и ступило на пограничные пустынные земли, простиравшиеся до Венского леса. Осторожности ради развертывание проходило раздельно. Посмотрим, что пишут об этом имперские хроники: «Названный князь [Карл] продвигался по южному берегу Дуная, саксы же с несколькими франками и с большей частью фризов подобным же образом перемещались по северной стороне, пока не достигли того места, где были укрепления аваров: на южной стороне Дуная близ Кумерсберга [Венский лес, выше города Клостепнейбург], на другом берегу у селения Камп [ниже Кремса], названного так по имени впадающей там в Дунай реки». Из Кампа Карл отправил в Регенсбург к королеве Фастраде своего сына Людовика. Может, он не хотел рисковать жизнью сына в стране врага?

Обратимся вновь к нашему источнику: «Когда авары увидели отряды, надвигавшиеся по обоим берегам реки, а посреди нее суда, их обуял страх: они оставили упомянутые укрепления, оборонительные сооружения и боевое снаряжение. С Христом как Господином своего народа оба контингента без потерь двинулись вперед. Вышеназванный контингент [то есть теперь объединенный], продвигаясь вперед, достиг реки Раба [приток Дуная]. Оттуда оба контингента [вновь раздельно] направились домой, вознося благодарность Богу за эту славную победу». Далее мы узнаем, что в конце похода «тысячи лошадей погибли из-за какой-то эпидемии. Некоторые видные участники экспедиции тоже заплатили своей жизнью за превратности столь непростого предприятия. Среди них были Ангильрам Меценский, главный капеллан

Карла и епископ Регенсбурга Зинтберт, который в 788 году доставил королю в Керси заложников Тассилона за его благонамеренное поведение.

Возвращаясь домой после похода, Карл сделал крюк через старую Саварию (Сцомбатли), в то время как его второй контингент вернулся домой через Богемию, то есть по северному берегу Дуная. В общей сложности 52 дня продолжался первый поход против аваров. Он имел счастливое завершение, блестяще подтвердив харизму Карла как короля и полководца.

Между тем расчеты многих участников похода на дорогие трофеи оказались явно завышенными. Наступающие отряды, не встречая почти никакого сопротивления просто из-за отсутствия соприкосновения с противником, не несли потерь. Зато вместо несметных богатств или хотя бы их части пришлось довольствоваться большим количеством пленных мужчин, женщин и детей, которые, поступая на невольничий рынок, становились предметом торговли. Прочие события в стране врага целиком и полностью соответствовали тогдашним нравам, которые Карл сам обильно насаждал в Саксонии и на землях по другую сторону Эльбы: «Он шел по этой земле... сжигая и разоряя все, что попадалось ему на пути».

Вместе с тем военная кампания продемонстрировала, что граница аваров оказалась укрепленной только вблизи Венского леса, но не на реке Энс. Все их укрепления развалились как картонный домик, и даже на территории Паннонии серьезного сопротивления наступавшим оказано не было. О политическом или военном руководстве аваров ничего не известно. Сообщается лишь об отступлении на необозримых просторах Карпат. Военная мощь и боеспособность противника на деле оказались вымыслом. Вызывавшие всеобщий страх гунны, которые с 558 года по двадцатые годы XII столетия заставляли Восточный Рим платить ежегодную дань по 200 000 римских золотых монет, в значительной мере утратили свой воинственный потенциал. Некогда внушавшие ужас кавалерийские эскадроны гуннов восприняли крестьянский образ жизни, а славянизация ускорила процесс оседлости. В результате их политическое руководство предстало деформированным и парализованным. И без того ослабленное под воздействием вторжения франков Аварское ханство распалось на большое число соперничающих друг с другом частей, что довершило его закат.

Если два франкских отряда безо всякой борьбы сумели разорить аварскую империю, это, безусловно, произвело ошеломляю-

щее впечатление на современников, не обладавших соответствующей информацией, процесс накопления которой стал таким кропотливым делом. В результате и без того высокий авторитет короля франков поднялся еще выше. Карл покорил народ, когда-то «державший за горло» Восточную Римскую империю, и, кроме того, с Божией помощью нанес весьма чувствительное поражение язычникам.

Между тем Карл — об этом свидетельствовало вооружение его отрядов в Регенсбурге, куда он вернулся после похода, — не удовлетворился достигнутым блестящим успехом, который скорее всего не дал окончательного военно-политического решения в регионе Венского леса. Что касается воздействия происшедших событий на преемника апостола Петра в далеком Риме, несмотря на отсутствие соответствующих исторических доказательств, впечатление от побед Карла, видимо, было воспринято как сенсация, а его и без того уникальное положение в христианском мире еще более упрочилось.

В Регенсбурге король отметил Рождество 791 года и Пасху 792 года. Находясь в прежней резиденции Агилольфингов, Карл не стал посвящать много времени баварским делам; в этом не было особой необходимости, поскольку епископат и аристократия сплотились вокруг короля. В основном Карла интересовала реакция Аварского ханства на его экспедицию. В случае необходимости он был готов отправиться в новый поход.

БОГОСЛОВСКИЕ СПОРЫ НАСЧЕТ ТАК НАЗЫВАЕМОГО АДОПТИАНСТВА

В том самом 792 году правителя франков существенно занимали богословские проблемы. В них, к удовлетворению Карла, смогли разобраться его эксперты. Это явилось резонансом на неучастие франков в работе Вселенского Никейского собора 787 года, на который их даже не пригласили. К тому же внимание монарха было отвлечено новыми волнениями в Саксонии, а еще его постоянно держал в напряжении серьезный кризис в самой королевской фамилии. Ко всему этому добавились новые неожиданные перемены в политической линии Беневентского герцогства.

При рассмотрении сложных богословских проблем, связанных с выяснением подлинной природы Иисуса Христа (так назы-

ваемый спор об адоптианстве), хроники того времени, как видно, в силу их недостаточной богословской компетентности, высказываются весьма сдержанно. Они ссылаются лишь на ересь испанского епископа Феликса Уржелского, в то время как в появившейся более двух десятилетий спустя подкорректированной версии исторического свидетельства отмечается стремление к более глубокому осознанию христологической проблемы, что говорит о возросшем интеллектуальном подходе.

Если в ходе пребывания в Регенсбурге короля занимали богословские проблемы, то это объясняется вовсе не его особым интересом к вопросу о дефиниции природы Христовой, а самопониманием или самовосприятием как правоверного монарха, на что он претендовал, как и его оппонент в Византии. Это уже реально символизировал император Константин. На надгробном памятнике Карла сформулировано обязательство хранить учение и культ от лжетолкований и отступничества. К тому же в ближайшем и ближнем окружении Карла находились прилежные богословы, например Алкуин, Теодульф и Павлин, причем ни один из них не был франком. Однако все они ощущали на себе воздействие решений Никейского собора. Греками да, наверное, и папой, легат которого участвовал в заседаниях, он воспринимался как Вселенский. Под началом Теодульфа придворные богословы разработали своего рода контрзакключения по основной проблеме иконоборчества. Этот документ получил название *Libri Carolini* (*Opus Caroli*). После возражения папы он скорее всего в 793 году окончательно исчез из виду.

В качестве пробного шара при проведении такого рода богословской дискуссии королевский двор вместе с монархом воспользовался благоприятной возможностью, чтобы испытать «всемирную значимость» франкской божественной учености в связи с борьбой с ересью, которая, во-первых, касалась империи самого Карла, а во-вторых, не получила поддержки и в Римской церкви. Разве возникшее еще в 789 году «Общее увещание» с ярко выраженным апокалиптическим подтекстом не предостерегало от «ложных учений конечного времени» и как средство против этого не требовало «обновления в истине», чтобы «противостоять тем, кто ей противоречит»? Сам Карл в назидательном послании Элипанду (Тоledo), архиепископу, возглавлявшему отряд еретиков, сплотившихся вокруг Феликса Уржелского, напомнил о неудавшемся Пиренейском походе 778 года. Эта экспедиция закончилась плачевно вовсе не из-за слабого планирования или,

скажем, ошибочной оценки исламского союзника, не из-за стремления к самоутверждению басков по обе стороны Пиренеев, а по причине дьявольского воздействия ереси, воспрепятствовавшей освобождению испанских христиан.

В споре о проблемах христологии столкнулись две церкви — франко-римская и западнототско-испанская, причем острота противостояния заключалась в том, что церковь Уржеля, которую в качестве епископа возглавлял Феликс, вошла в состав государства франков лишь после присоединения Героны в 785 году, образовав, так сказать, северный краешек созданной чуть позже Испанской марки.

Так называемое адоптианство, в сущности, испанский продукт, выросший на почве ислама, перегноем для которого служило глубинное живучее арианство. В отличие от католического учения его приверженцы считали предосудительным Богосыновство Христа. Исходя из этого, в противовес единосущности Отца и Сына признавалось лишь их сходство (подобие). Из глубины веков на этот вариант учения VIII века как бы воздействовали несторианство и пелагианство. Упомянутый выше архиепископ Толедо Элипанд, безупречный характер которого упоминается в источниках, равно как и характер его главного апологета Феликса Уржелского, проповедовал, что по своей божественной природе Христос хоть и едиnorodный сын, но по своей человеческой природе всего лишь приемный сын. Из этого вытекает неоднозначность понятия «адоптианство». Дифференциация между «сыном» и «приемным сыном» породила и вопрос о спасительном подвиге Христа и его значении для человечества.

Эти положения взволновали прежде всего церковь Астурии, что проявилось в компетентном апокалиптическом комментарии Беата де Либана. Астурийская церковь выступила против взглядов Элипанда и в еще более резкой форме против его притязания на иерархическое главенство. К тому времени учение Элипанда отверг даже папа Адриан I, произнесший горькие слова о «еретике» Несторе и его богохульстве. Между тем деликатный вопрос перерос в политический, когда Феликс стал письменно и устно распространять «испанские» взгляды, вызвав тем самым длительное смятение на еще не устоявшейся окраине государства франков.

Глубокое рассмотрение непростого вопроса осложнялось тем обстоятельством, что назначенный архиепископом Санса епископ по миссионерской деятельности доверился другому местно-

му «диссиденту» по имени Мигетий, который, отстаивая еще более вызывающие христологические взгляды, вторгся в сферу архиепископа Элипанда. Поэтому последний был вынужден обратиться к королю Карлу и франкским собратьям, чтобы обнародовать новую редакцию его критически воспринятого учения об адоптианстве.

Именно эту смесь из разных факторов (удаленность от Рима, поддержанная франками миссионерская деятельность и христологические споры, главную роль в которых играл епископ из «переходной зоны») и использовали связанные с франкским двором ученые, чтобы в этой общедоступной, хотя и не простой области доказать свою богословскую компетентность и в единомыслии с королем продемонстрировать близость к Риму как к незамутненному источнику правоверности. Определенный рост интеллектуального влияния не помешал бы королевству франков, до сих пор пользовавшемуся уважением исключительно благодаря успехам в военной сфере.

С этой целью Феликс, по свидетельству Алкуина, был вызван в Регенсбург, где предстал перед собранием епископов. По образу и подобию императора Константина и его преемников на собрании председательствовал сам король. Как и следовало ожидать, епископ Уржеля был изобличен в заблуждении, а его учение осуждено как ересь. Рукописи с сочинениями Феликса и Элипанда, посвященные неоднозначной теме, подверглись демонстративному сожжению. Феликса заставили сочинить документ, где содержалась угроза подвергнуть отлучению от церкви каждого, кто посмеет утверждать, что «наш Господь Иисус Христос по плоти является присмным сыном Бога». Главным оппонентом покаявшегося испанца стал ученый Павлин, с которым Карл несколько лет назад познакомился в Италии, оценил его ученость и приблизил ко двору. В признание его заслуг Карл сделал Павлина епископом Аквилеи, важного внешнего региона, где пересекались византийские, истрийско-венецианские, а теперь и франко-италийские интересы. Вместе с вестготом Теодульфом и англосаксом Алкуином в те годы они образовали богословскую триаду, уступившую место франкам лишь поколение спустя.

Между тем собрание в Регенсбурге не ограничилось разоблачением уличенного в ереси Феликса. В сопровождении и под охраной верного ему Ангильбера, мирского аббата Сен-Рикье (Чентула) и отца внуков Карла, родившихся от связи с Бертой (уже упоминавшихся Нитгарда и Арднита), король отправил

Феликса в Рим, чтобы на могилах апостолов принести живое свидетельство близости к Римской церкви — собственное и своих советников, которые непримиримым отношением к решениям Никейского собора бросили вызов и самому папе. О содержании переданного документа можно судить по утонченно детальному ответу папы Адриана I, предостерегавшего франкский двор от слепого рвения и сползания в ересь. В этом христологическом контексте следует понимать указания на так называемый Псалтырь Дагелайфа, который, видимо, так и не дошел до своего адресата, папы Адриана I, при его жизни, затерявшись где-то севернее альпийского гребня. Псалтырь содержит псалмы, Tedeum* и другие соответствующие тексты как бы в обрамлении не менее семи версий символа веры, которые все вместе, начиная с Никейского и кончая так называемым символом веры святого Афанасия, подчеркивали «единосущие» Отца, Сына и Святого Духа. Тем самым король франков однозначно продемонстрировал римскому понтифику свою правоверность, подкрепленную решениями собора и суждениями отцов церкви, в данном случае размышлениями святого Иеронима.

Когда в конце октября 798 года очередной собор в Риме снова поднял вопрос об адоптианстве, в протоколе было подчеркнуто, что в 792 году Феликс отрекся от своей ереси, составил «правоверный» документ, который в присутствии папы после торжественного обещания положил на могилу апостола Петра. Все происходившее самым непосредственным образом напоминало грамоту с обещанием Карла в 774 году, возложенную им на том же самом месте. Магическая связь между обоими документами не вызывает сомнения.

На этом история с Феликсом была исчерпана. В заключение он отбыл в свою епархию, а оттуда бежал в исламскую Испанию. Спор об адоптианстве после Римского собора стал предметом обсуждения в третий раз, а именно на собрании в Ахене в 799 году. Алкуин и главным образом Павлин в связи с этим собранием сочинили важные и обстоятельные трактаты, причем англосакс поставил авторитет Рима выше испанского сепаратизма.

По случаю собора в Регенсбурге Павлин, чьи ученые заслуги вновь удостоились высокой оценки, получил для своей церкви благоприятный режим избрания. Кроме того, король освободил церковь Аквилеи от общественных поборов. Вместе с тем авар-

* Гимн: Тебя, Господи, хвалим! (лат.)

ская экспедиция породила значительное ограничение для этой церкви — безземельных крестьян обязывали предоставлять постой и пищу, если из-за вражеских атак сам король, Пипин или «королевский президиум» были вынуждены находиться в районе Фриуля или Тревизо. На Верону и Виченцу эти обязательства не распространялись. 27 июля учрежденный Витизой-Бенедиктом монастырь в Аниане удостоился привилегии иммунитета со свободным избранием аббата. Есть данные, что и Бенедикт как правоверный автор имел заслуги в разрешении мучительного спора об адоптианстве.

ЗАГОВОР ПИПИНА ГОРБУНА

В разгар подготовки к новому походу против аваров до монарха дошла весть, что саксы вновь бросили вызов господству франков.

Военные успехи, достигнутые в борьбе с аварами в 791 году, не принесли политического решения этой проблемы. Сложившаяся ситуация более чем на сто лет предопределила военные действия внуков и правнуков Карла на юго-восточном фланге государства франков. Хроники Лорша констатируют непосредственную взаимосвязь между войной с аварами и волнениями саксов: «В тот год король находился в Баварии, отметив Пасху в Регенсбурге. С приближением лета саксы открыто продемонстрировали то, что уже давно вынашивали в своем сердце, считая, что аварский народ должен отомстить христианам. Как собака, возвращающаяся к своему дерьму, авары вернулись к язычеству, которое они недавно отрицали, вновь порвав с христианством. Тем самым авары обманули и Бога и короля, оказавшего им много всяких благодеяний (*beneficia*). При этом они соединились с жившими вокруг языческими народами. Саксы посылали и своих эмиссаров, желая восстановить аваров вначале против Бога, а потом против короля и христиан. Все храмы, расположенные в пределах их границ, они разоряли, потом разрушали и сжигали, прогоняли поставленных над ними епископов и священников. А некоторых представителей духовенства хватали и умерщвляли, целиком возвращаясь к своему языческому бытию». Другие же источники категорично сообщают о том, что к этому восстанию примкнули славяне (венды) и фризы.

Один франкский отряд, находившийся на борту судна в устье Эльбы и отвечавший за охрану побережья, подвергся нападению

и физическому уничтожению. По свидетельству биографа Луитгера, восточные фризцы во главе с Унно и Эйлвартом оказались вероотступниками и начали жечь храмы. Тем самым все усилия по евангелизации на территории между Лаувером и Эмсом, а также нижним течением Везера и Эльбы пошли прахом. Согласие между фризами и саксами в регионе Вихмодия, а на другом берегу Эльбы со славянами удалось восстановить лишь путем депортаций населения, о котором напоминают названия отдельных мест и общинных земель, в том числе и к западу от Рейна. В любом случае христианство не исчезло полностью и после 792 года. Оно сумело выжить в те трудные времена благодаря миссионерским усилиям, хотя в этом деле евангелистам приходилось порой идти на хитрости. Так, биограф Луитгера сообщает, что тот взял к себе на службу даже псвца, «обладавшего способностями воспевать подвиги прошлых королей» и которого сверхърхный священнослужитель исцелил от трехлетней слепоты. После этого свои архаические песнопения во славу геросв упоминаемый исторический персонаж успешно сочетал с распространением Евангелия.

Из-за смены времен года мысль об организации крестового похода против мятежного прибрежного региона и прилегающей местности отпала сама собой, тем более что король пребывал на большом удалении от места происходящих событий.

К внешней нестабильности добавился опасный раздор в самой королевской семье, о котором нет никакого упоминания ни в официозных источниках, ни в имперских хрониках, ни в хрониках Меца. Зато летописные свидетельства монастыря Лорш того же времени, для которых в общем-то нехарактерна оперативная реакция на происходящее, снова подробно воспроизводят ход событий в связи с восстанием саксов: «В тот год открылся очень зловредный план, задуманный Пипином, сыном короля от наложницы по имени Гимильтруда, против жизни короля и его сыновей, рожденных законной супругой... предполагалось убить короля и иже с ним, а он сам уподобился ветхозаветному Авимелеху во дни судей, который хотел править Израилем, умертвив своих братьев, чтобы править вместо отца своего... со злобой в сердце, и:о не долго [Авимелех тоже был сыном наложницы!]. Но король Карл разгадал план Пипина и тех, что были с ним заодно, призвав франков и других верных ему в Регенсбурге. И здесь весь народ христианский, собравшийся по зову короля, осудил как того Пипина, так и тех, которые согласились с

тем ненавистным планом. И тогда они сразу же должны были лишиться наследства и жизни. С некоторыми так оно и произошло. Что до сына Пипина, поскольку король не хотел его смерти, франки решили, что он должен посвятить себя служению Богу. Что и последовало. Король как клирика отправил его в монастырь. Там он и пребывает».

Другие источники в качестве соучастников в этом заговоре называют представителей франкской элиты, включая графов. К примеру, графа Теобальда (из Бовэ или Парижа?), епископа Петра Верденского, который на Франкфуртском соборе 794 года, где никто из представителей его сословия не пожелал стать его присяжным поручителем, был вынужден в суде Божиим очищаться от упрека в том, что замахнулся на жизнь короля.

Мнение Эйнхарда о том, что Гимильтруда была всего лишь наложницей молодого Карла, восходит к источнику «Деяния меценских епископов», составленному Павлом Диаконом по поручению короля. В этом произведении Пипин изображен как сын Карла, родившийся от связи с девушкой из именитой семьи по имени Гимильтруда еще до его законного бракосочетания. Аббат Рихбот, предполагаемый автор цитируемых хроник, как современник заговора бесцеремонно конструирует из этого деликатного описания добрачной связи тривиальный конкубинат. Цель такого подхода — юридически дисквалифицировать сына короля. Зато из аутентичного папского послания нам известно, что связь Гимильтруды с Карлом была правомерным браком с приданым. А учитывая имя отца Карла — Пипин, в честь которого назвали первенца, не остается ни малейшего сомнения в законности его рождения.

Однако в те годы и десятилетия проблема личного признания в качестве сына сместилась из юридически значимого действия отца в абстрактное правовое поле легитимности, подлежащей объективным критериям (например, праведного брака), но не объективному решению отца и, следовательно, церковной цензуры. В 786 году церковный собор в Йорке впервые однозначно констатировал: только ребенок, родившийся в браке, может стать королем. Столь нетрадиционный взгляд является юридическим прорывом в последующем регулировании на основе так называемого *Ordinatio imperii** Людовика Благочестивого 817 года, согласно которому все внебрачные дети автоматически исключают

* Дословно: устройство империи. Здесь: закон о престолонаследии в империи (лат.).

лись из престолонаследия. Сам Карл в этом деликатном вопросе действовал весьма прагматично. Наряду с недостаточной «годностью» Пипина, которой, видимо, объяснялось лишение его имени и передачи последнего «годному» сыну в 781 году, не последнюю роль сыграло окружение монарха. Оно скорее всего сумело внушить Карлу, что правовая ущемленность Пипина от рождения не позволяет считать старшего по возрасту претендентом на королевское достоинство. С течением времени среди своих многочисленных потомков Карл признал преемниками и наследниками только сыновей от Гильдегарды, в то время как зачатые позже с наложницами сыновья Дрогон, Гуго и Теодорих из преемства оказались исключенными, о чем свидетельствуют и их имена. Тем не менее преемник Карла Людовик Благочестивый видел в них угрозу для своего единовластия и вскоре позаботился об их духовной карьере.

Но если вспомнить, в сколь малой степени ущербный претендент на королевское достоинство, который одновременно угрожал харизме Карла, соответствовал германо-франкскому идеалу аристократа и монарха, то скрытие или явные ссылки на добрые связи короля следует считать сдержанно взвешенным и более щадящим в отношении его авторитета средством в целях лишения первенца власти.

Десятилетия спустя заговор Пипина 792 года биограф Эйнхард объясняет жестокостью королевы Фастрады, по чьей вине якобы произошло и восстание Гардрада в 786 году: «Поэтому в обоих случаях готовился заговор против короля — он, очевидно, уступил проявлениям жестокости своей супруги, удивительным образом отбросив ее благостную натуру и привычную мягкость». В чем могла заключаться эта жестокость, сказать трудно. Что касается Фастрады, то Эйнхард, видимо, в лучшем случае лишь повторил старые сплетни, причем о сомнительном поведении сына и преемника Карла — Людовика, предположительно, была в курсе его вторая супруга Юдифь, мать Карла Лысого. У Фастрады же не было каких-либо серьезных, на наш взгляд, оснований интриговать против пасынка от первого брака Карла, которому исполнилось почти двадцать два года. Тем более что его «задвинули» еще одиннадцать лет назад. Сама она до сих пор родила королю только двух дочерей. Поэтому любая конкуренция со старшими сыновьями представляется маловероятной. Не исключено, что заговор, вновь подтолкнувший к мятежу семейства из региона Рейн — Майн, почувствовавшие себя ущемленными в борьбе за

благосклонность монарха, возник не без участия Фастрады и близкого к ней круга лиц, 'пытавшихся выдвинуть на первый план первенца Карла, — был отзвуком мятежа Гардрада.

Пипин, видимо, давно уже осознавший свою судьбу, зимой 791—792 годов отправился на земли в среднем течении Рейна и якобы из-за болезни не показывался при дворе в Регенсбурге. До сих пор он никак не проявлял себя в качестве члена королевской фамилии, отсутствуют и какие-либо сведения о его потенциальной доле в имуществе. Его более юные братья Людовик и Пипин начиная с 781 года уже были королями, а Карл, набиравшийся ратного опыта в походах против саксов, ранее получил в управление дукат Мен, некоторое время спустя — Нейстрию, своего рода апанаж, или удел. Сыну Гимильтруды, однако, ничего не досталось. Возможно, Пипин мечтал заполучить герцогство Баварию. И вот теперь, покушаясь на жизнь отца, он сплотил вокруг себя недовольных из руководящих кругов франков. Это — последний всплеск возмущения против нанесенной обиды.

Мятеж не удался. Пипин и другие его зачинщики были схвачены. Против них устроили публичный процесс. Как и в отношении Тассилона четыре года назад, приговор вновь выносит знать, а король лишь утверждает вердикт или смягчает его. Несмотря на заимствованное из римского государственного права преступление против монарха и во избежание упрека в антихристианской жестокости, король из высших соображений высокой политики воздерживается от казни собственного сына и милует дважды ущербного, заточая его в монастырь. Пипин был отправлен в домашний монастырь королевской семьи Прюм, где ему выбрили тонзуру. Здесь же он и скончался в 811 году.

Этим процессом и его завершением одновременно был решен вопрос о наследстве Пипина. Будучи монахом, он не обладал никакой собственностью, как и в случае с Тассилоном. Другие заговорщики в зависимости от тяжести содеянного и готовности к покаянию были обезглавлены, повешены или после бичевания и ослепления отправлены в ссылку. Их владения конфисковали. Иногда поговаривают о том, что король миловал осужденных. Так, в 797 году одному графу, сумевшему очиститься и, кроме того, особым рвением доказать верность королю, вместе с королевским благорасположением удалось получить обратно свои владения. Другие, как упоминавшийся клирик, епископ Петр Верденский, уже в 794 году получили возможность в рамках судебного процесса доказать свою

невиновность. Дело лангобарда Петра еще более показательно в том отношении, что Верденскую епархию он получил в благодарность за участие в деле Павии в 774 году.

Следует особо отметить, что заговор раскрыл не какой-нибудь верный королю франк, а лангобард по имени Фардульф. Он был из круга тех, которые, подобно брату Павла Диакона, отправились в ссылку и, видимо, по причине особой приспособляемости и образованности вскоре снискали доверие и благосклонное отношение Карла. А Фардульф в качестве вознаграждения за донос год спустя получил королевское аббатство Сен-Дени и стал аббатом. Этот факт свидетельствует о серьезности заговора, а также о том, что часть знати, епископы, аббаты, графы и прочие приверженцы Карла на имперском собрании, вновь проведенном в Регенсбурге в 793 году, были одарены и награждены ценными дарами, золотом, серебром и шелками. Фардульф, небесталаный рифмоплет, как свидетельствует высеченная им надпись над порталом в Сен-Дени, даже построил «залу» для своего короля.

ИЗМЕНЕНИЯ В БЕНЕВЕНТСКОМ ГЕРЦОГСТВЕ

Когда осенью 778 года назначенный Карлом герцог Гримальд принял сторону Византии, женившись на греческой царевне, на юге Апеннинского полуострова в Беневенто произошли серьезные перемены. Прежде всего ярко выраженные торговые интересы, культурные переплетения и не в последнюю очередь соседство с Неаполем и Гаэтой предопределили долговременный союз Беневенто с Восточным Римом.

В конце 792 года, после того как Пипин уже разорил некоторые части Беневенто, Карл решил идти походом против отступников. Одновременно брат Пипина Людовик стал собирать в Аквитании войско. Пройдя Альпы через перевал Сени и вторгшись в долину реки По, он дошел до Равенны, где отметил Рождество. Как повествует затем так называемый Астроном, «объединенными силами они вошли на территорию провинции Беневенто, разорили все на своем пути и захватили крепость».

На эту, в общем, не столь блистательную кампанию, которая в политическом смысле особого успеха не имела, повлиял прежде всего голод. Массовое бедствие было вызвано неурожаем осенью 792 года, еще более усугубившим ситуацию на следующий год. Нехватка продовольствия оказалась столь острой, что

пришлось отменить запрет на употребление мясной пищи на время предпасхального поста 793 года. Голод, охвативший Италию, Прованс, Бургундию и многие другие регионы государства франков, даже превратил многих в каннибалов. Яровые посевы не вызревали. Даже франкфуртское собрание 794 года отмечает обрушившиеся на страну бедствия и обнищание. Но это был скорее глас народа, а не взгляд рационально мыслящих богословов: «Опыт того года, когда нагрянуло страшное бедствие, означал погубленный бесами урожай. Раздавались голоса, извергавшие проклятия».

Хотя трудно установить взаимосвязь между заговором Пипина Горбуна и голодом, более чем плохое продовольственное снабжение добавило опасностей для авторитета короля и его семьи, которые и под покровом легитимизма обязаны были гарантировать рост и процветание аграрного государства. Возможно, обрушившиеся на страну беды и связанное с этим недовольство стали причиной того, что заговор охватил достаточно широкие круги общества.

Покинув БенеVENTское герцогство и перейдя Альпы, Пипин и Людовик направились в пфальц Зальц, что в округе Рён-Грабфельд. Там они встретились с отцом, от которого узнали о планах своего сводного брата. Вскоре Пипин простился и вернулся в Италию, в то время как Людовик пробыл у отца до осени 793 года.

Поскольку на 792 год никаких походов запланировано не было (все напряженно ожидали реакции покоренных, а точнее сказать, обращенных в бегство аваров), Карл активно занялся строительством мобильных мостов через реки. «На судах возводился мост, элементы которого скреплялись якорями и канатами; при необходимости их легко можно было собрать и разобрать». Раньше с одного берега на другой перебрасывали стационарные мосты. Такие Карл велел соорудить, например, при последней переправе через Эльбу. Новые же конструкции в большой степени отвечали стратегическим потребностям, поскольку на их монтаж и демонтаж требовалось немного времени, что позволяло с большим успехом преследовать отступающего противника. Поход на земли аваров, связанный с форсированием Дуная, раскрыл фантазию и дарование Карла. Он мог воочию убедиться как в военном, так и в транспортно-техническом преимуществе судоходных и надежных водных путей в противоположность устаревшей системе перекрещивающихся путей в стороне от старых римских дорог. Этому увлечению гидротехническими сооружениями суждено было иметь

значительные последствия — столь крупный проект был воплощен в жизнь лишь в наши дни в условиях нового маршрута. Сам проект Карла выделяет его из круга и предшественников и преемников благодаря недюжинному техническому таланту.

КАНАЛ РЕЙН — МАЙН — ДУНАЙ

В 793 году Карл остался в Регенсбурге в ожидании реакции противника, которого явно незаслуженно персценили. Монарх готовился к новому вторжению в аварские земли, когда из округа Рюстринген до него дошла весть о смерти графа Теодориха, родственника Карла, еще в 782 году проявившего незаурядные военные способности. Теодорих через земли фризев вышел к Везеру и со своими отрядами попал в ловушку саксов. Двор был шокирован. Но Карл делал вид, что не понес никаких тяжелых потерь, тем не менее от экспедиции в Паннонию воздержался.

Между тем эксперты убедили его в необходимости прорыть судоходный ров или канал между Регницей (или Рецатом) и Альтмюлем для преодоления водораздела, «чтобы без труда попасть из Дуная в Рейн, поскольку одна из этих рек впадает в Дунай, а другая в Майн». Это стало днем рождения проекта канала Рейн — Майн — Дунай. Он должен был соединить Центральную Европу с юго-востоком континента вплоть до Черного моря. Хотя из источников однозначно следует, что этот водный путь, согласно приобретенному им положительному опыту 791 года, Карл собирался в основном соорудить в военных целях и при этом думал главным образом о перемещении войск и их снабжении, тем не менее столь грандиозный водный путь мог бы использоваться и в региональной торговле со славянами, которые в обмен на соль и оружие предоставляли меха и людей, и в торговых связях с Византией. Возможно, королевские дворы, расположенные в верхнем течении Майна, а также судоходство на реке Рецат стали дополнительным стимулом для подобного планирования. Таким образом, реальные очертания приобрела путеводная идея, объединившая континент в восточном направлении вплоть до Малой Азии.

Восторженный по натуре, Карл «со своим окружением тронулся вперед; всю осень 793 года при поддержке большого числа людей он посвятил этому предприятию. Так был прорыт ров между указанными реками [Альтмюль и швабская Рецат] — 2000 шагов в длину и 300 футов в ширину. Но все тщетно. Дело в том, что из-

за непрекращающегося дождя болотистая почва, перенасыщенная влагой, перечеркивала все усилия землекопов. Выкопанная земля за ночь опять затягивалась разбухшим грунтом». Ну а когда до Карла дошли плохие вести из района в нижнем течении Везера, в том числе сообщения о вторжении сарацинов в Септимианию, Карл махнул рукой на задуманный проект и вернулся домой, где, то есть в Вюрцбурге, «отметил Рождество в храме Святого Килиана на Майне».

О проекте и технической реализации строительства этого канала, предшественника канала Дунай — Майн, судоходство по которому между Бамбергом и Нюрнбергом открылось в 1843 году, а строительство завершилось в 1846-м, было много чего написано. Здесь бездна всяких вымыслов. К тому же следует учитывать, что в конце VIII века, несомненно, уже имелся практический опыт строительства каналов, например, в целях подвода воды в Фульде или для эксплуатации водяных мельниц, к примеру, в Корби или в Сен-Дени. О строительстве водных путей в целях судоходства сообщается вновь лишь в 852 году. Территориально речь шла о долине реки По.

Следы этого проекта, который можно охарактеризовать как «единственный по созданию водных путей Запада за тысячелетие» (Карл Шварц), сохранились и представляют собой один из наиболее впечатляющих наземных памятников Германии, если не всей Европы. Водораздел между Альтмюлем (приток Дуная) и водосбором швабской Ресат составляет примерно 420 метров условного уровня моря, то есть всего 12 метров над средним уровнем реки Альтмюль. Здесь на гребне местности и началась выемка грунта. Канал — искусственное русло длиной приблизительно 1300—1500 метров, ширина этого гидросооружения составляет порядка 30 метров. Он берет начало от северной окраины деревни Грабен (!) близ Вейсенбурга и тянется до водораздела, затем поворачивает на восток и теряется в болотистой местности. Новые археологические исследования с помощью аэрофотосъемки позволяют проследить его дальнейшие очертания теперь уже в северном направлении общей протяженностью около 600 метров. Судя по выемкам грунта, южная оконечность также имела свое продолжение на 250 метров. Землекопы, кроме самого канала, возвели еще два сопутствующих вала высотой 6,5 метра; днище русла в настоящее время частично опустилось ниже уровня местности. Объем земляных работ, произведенных при строительстве канала, составил предположительно 120 000 кубометров, поэтому

начало строительства едва ли можно датировать осенью 793 года. Скорее всего они были начаты уже весной 793 года и приостановлены осенью с уходом Карла. По расчетам Йозефа Рёдера, в земляных работах, длившихся почти два месяца, участвовали примерно 2000 человек.

Что касается технического обоснования проекта, строительство канала в комплексе с водоподъемными и перепускными сооружениями в виде современных шлюзов, как кое-кто сегодня считает, представляется крайне маловероятным. Сохранившаяся Фосса Каролина скорее всего является средней частью спроектированного гладкого русла или же цепи небольших прудов. Суда же приходилось тянуть бечевой или перетаскивать через запруды, что вполне соответствовало условиям того времени.

Карл, безусловно, осознал большое преимущество речного флота для обеспечения снабжения своих войск. Для приобретения независимости в будущем от военных контингентов придунайских регионов в противостоянии с аварами канал Рейн — Майн — Дунай играл существенную роль. Смелость проекта, видимо, превосходила уровень технических средств для его осуществления. Но слава его по праву была связана с именем короля Карла.

Перед лицом возросшей угрозы норманнских набегов после 800 года монарх неоднократно отдавал приказы на всех реках строить корабли. Его эксперименты с понтонами начиная с 90-х годов продиктованы той же идеей — шире использовать системы рек в наступательных и оборонительных мероприятиях франков. Однако эти старания успеха не имели. Империи средневековья не суждено было обрести свой флот — в противоположность Византии, государственным образованиям норманнов или итальянским приморским республикам, не говоря уже об арабах.

НЕУДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ СО СНАБЖЕНИЕМ В АКВИТАНСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

В том 793 году неприятности были связаны не только с обрушившимися земляными валами и взбунтовавшимися саксами. Пограничные конфликты с сарацинами в Септимании потрясли юг империи, а столкновения графов и приграничных жителей со старыми противниками, по данным подкорректированных имперских хроник, окончились для франков неудачей. Это стало еще одной причиной тактики умолчания официозных хронис-

тов — свидетелей событий того времени. Ведь еще в 778 году они ни словом не обмолвились об испанской авантюре и о поражении при Ронсевале.

В эмирате Кордова после смерти в 788 году внушавшего всеобщий страх Абд-аль-Рахмана ситуация при его преемнике Хишаме изменилась в том смысле, что последний, вероятно, в целях консолидации своего правления призвал к священной войне с христианской Астурией и перешел Пиренеи. Ему нечего было бояться, поскольку основные силы франков сосредоточились на восточных границах, а баски сами способствовали дестабилизации южного региона. Поэтому командующий Абд-аль-Малик выдвинулся к Нарбонну, но взять его не сумел. После этого он повернул в направлении Каркассонна, безжалостно разоряя и сжигая все, что попадалось на пути. На реке Орбио ему бросил вызов Вильгельм Тулузский, преемник герцога Корсо, однако потерпел сокрушительное поражение.

Обо всем этом свидетельствует главным образом хронист из монастыря Муассак, расположенного по соседству с происходившими событиями. Есть данные, что на полученные трофеи Хишам I построил мечеть. Хотя король Людовик к этой катастрофе отношения не имел, тем не менее военная неудача подтвердила нестабильность на южных границах империи в связи с предстоящей экспедицией против Беневенто (хотя и прежние походы не приносили франкам славы) под командованием обоих «промежуточных» королей — Пипина и Людовика. И без того непростая ситуация осложнялась внутривластными перипетиями — аквитанское окружение короля постепенно прибрало к рукам государственную казну. К удивлению отца, Людовик не мог порадовать его никакими подарками, а когда отец решил выяснить, в чем дело, сын был вынужден признаться в своей полной финансовой несостоятельности. Карл действовал решительно. В Аквитанию немедленно отправились два королевских эмиссара — граф Рихард и некто Виллиберт, впоследствии архиепископ Руанский. Они потребовали вернуть отчужденное королевское владение и одновременно предложили разобраться со снабжением аквитанского двора. В результате четыре пфальца стали зимней резиденцией короля: Дуэ в Анжу, Шасснёй в Пуату, где в 778 году родился Людовик, Анжак в Ангулеме и Эбрён в Берри. Все они, между прочим, располагались на границе с собственно землями франков. На юге Аквитании выявились проблемы с реституцией и контролем. Учреждение четырех зимних пфальцев противоречит

свидетельству того же источника о том, что занятое королевское владение возвращено королю, ибо это имеет силу только для фискальных округов, которые, в свою очередь, составляли экономическую основу упомянутых зимних резиденций.

Поскольку доходы от таможи, чеканки денег и прочего, как правило, были сосредоточены в руках сборщиков таможенных сборов и хозяев монетного двора или же местных властей, если только в результате предоставленных привилегий не оседали в карманах церковных получателей, вполне логично, что королевство за неимением прочих надежных и постоянных государственных доходов на основании так называемого реестра государственных владений активно заботилось о состоянии и доходности казенной земельной собственности как экономической основы каждодневных потребностей двора, при этом обеспечивая оптимальные условия для употребления и реализации сельскохозяйственных продуктов и их излишков.

Наконец-то для Карла закончился 793 год, который не стал для него ни успешным, ни радостным: военные неудачи и, значит, падение престижа на юге Аквитании; утрата Беневенто как союзника на Апеннинском полуострове; очередной мятеж саксов (на этот раз с еще более серьезными потерями), охвативший весь регион между нижними течениями Везера и Эльбы и даже дальше; затишье в отношениях с аvaraми, на которых сказалась неудача с запланированным строительством канала; голод и продовольственный кризис, а самым огорчительным и серьезным событием стал заговор собственного сына и части аристократии, о существовании которого королю стало известно не от кого-нибудь, а от лангобардского изгнанника.

НА ПУТИ К ИМПЕРИИ 794—800 ГОДЫ

ФРАНКФУРТСКИЙ СОБОР 794 ГОДА

Чтобы восстановить покачнувшийся авторитет, вновь заручиться благосклонностью и помощью небесных сил, продемонстрировать всему миру свою харизму и мощь, королю франков потребовался качественно новый шаг вперед. В 794 году монарх

должен был покончить с неудачами в политической сфере, с мятежниками и отступлениями, с озабоченностями и колебаниями, чтобы показать превосходство собственного созидательного подхода.

На имперское собрание, воспринимавшее себя одновременно и прежде всего как сейм, были приглашены представители всех провинций империи. Имперские хроники в подражание античным образцам называли Галлию, Германию и Италию. Представлена была и англосаксонская ученость во главе с одним из менторов Карла — Алкуином. Столь пестрое собрание было призвано решить актуальные политические вопросы и, как всегда, указать народу пути его развития, но прежде всего под председательством короля и в присутствии папских легатов рассмотреть и решить религиозно-политические и сугубо богословские проблемы.

Королевский двор государства франков формировался как оплот христианской ортодоксальности, поэтому он не мог не прислушиваться к озвученной мысли, не мог не вникать в письменное слово. Поэтому наряду с Алкуином всеобщее внимание привлекали вестгот Теодульф и лангобард Павлин, который уже в споре с Феликсом Уржельским принял на себя основное бремя аргументации. Это были самые яркие интеллектуальные авторитеты, размышления которых в обильных источниках по догматическим вопросам адоптианства и иконоборчества трудно отделить друг от друга.

Местом проведения церковного собора Карл выбрал Франкфурт, пфальц которого впервые привлек к себе внимание историков. Еще в конце 793 года король посетил виллу, где провел зиму, отмечал Пасху, а перед воротами Регенсбурга вручил грамоту монастырю Сен-Эммерама.

До Франкфурта легко можно было добраться не только водным путем. Старая римская дорога из Нидды в Майнц пересекала майнский выступ. К тому же значительная часть пфальца в Вормсе из-за пожара сгорела, поэтому Карлу пришлось искать другое удобно расположенное место для собраний. Оно должно было отвечать требованиям, предъявляемым к столь значительному событию, как собор государства франков. Не последнюю роль играл вопрос обеспечения столь широкого и представительного круга участников всем необходимым. Карл отдал предпочтение Франкфурту еще и потому, что сюда стекались финансовые средства, обеспечивавшие работу двенадцати крупных хозяйственных

дворов и еще лесного хозяйства Драйайх на юге. Кроме того, благодаря своему особому положению на Майне город гарантировал получение любых необходимых товаров.

Местоположение виллы Франкфурт как центра этого экономического комплекса, видимо, привязано к холму, на котором расположен нынешний собор, в то время как пфальц, согласно последним археологическим исследованиям, располагался непосредственно на берегу Майна на более низком уступе. Четко прослеживается очертание королевской залы (*aula regia*) размером приблизительно 27x12 м, не вызывает сомнения и ее двухэтажность. Своего рода жилая башня на западной стороне залы и капелла с восточной вместе с соответствующими соединительными переходами создают законченное впечатление ансамбля. Капелла пфальца размером 17x7 м, спроектированная как призальная церковь, значительно уступает по основным показателям своему антиподу в Падерборне. Точное датирование этих элементов архитектурного стиля представляется весьма затруднительным делом, особенно королевской залы, построенной, видимо, лишь в 822 году.

Как бы то ни было, король мог использовать Франкфурт в качестве своей зимней резиденции: планировка города и рынок обеспечивали обширные возможности для совершения покупок, пополнения запасов провианта, а окружающие город леса привлекали любителей поохотиться. Пребывание монарха во Франкфурте по случаю Пасхи и сам факт проведения собора показывают, что, кроме таких представительных строений, как королевская зала и капелла, для знатных гостей имелись соответствующие возможности для размещения. В противном случае пришлось бы, как обычно, разбивать палатки.

На фоне значимости этого собора, большое количество именитых участников которого со всего Запада, за исключением Астурии, в те десятилетия еще только формировавшейся, производило на всех впечатление, летописных свидетельств об этом духовном собрании не так уж много. В имперских хрониках того времени и в записках из Лорша встречается неоднократное упоминание осуждения адоптианства в присутствии римских легатов. Лишь в более поздних официозных исторических произведениях, то есть в подкорректированных имперских хрониках и в хрониках Меца, вспоминают о Никейском «псевдособоре» 787 года под председательством Ирины и ее сына Константина, ставших инициаторами столь крупного собрания. Вопрос о Тассило-

не, стоявший на видном месте повестки дня, почти все обходили молчалим. Документов собора, если они вообще совпадали с римскими соборными протоколами, не сохранилось. Так называемый франкфуртский капитулярый, содержащий весьма серьезную информацию о последовательности и содержании заседаний, донесло до нас предание всего в одном экземпляре, датированном первой четвертью IX века. Между прочим, этот единственный рукописный экземпляр послужил основой для двух других копий X века, а также для более поздних частичных копий. Речь идет о более чем скромных рассуждениях о действительно эпическом событии.

Текст франкфуртского капитулярия состоит из не менее чем 56 параграфов, из которых, по классификации Вилфрида Гартмана, первые десять глав, а также 55—56-е главы представляют собой нечто вроде протокола о результатах работы, в то время как главы 11—54 возвращаются к «Общему призыву» 789 года и последовавшему за ним двойному указу королевским эмиссарам и тем самым к соблюдению старого канона и не в последнюю очередь положений считающегося нормативным устава бенедиктинцев для всех без исключения монастырей; а вот в главах 26—27 и 54, наоборот, формируется специальное церковное право.

Собор открылся 1 июня 794 года. Поначалу в центре обсуждения действительно значилось обстоятельное рассмотрение ереси Феликса Уржельского. Это выступление сопровождается массой всяких документов: послание испанских епископов их франкским коллегам и самому Карлу с соответствующими ответами; послание папы Адриана I испанским прелатам и письмо Карла архиепископу Элипанду из Толедо, составленное Алкуином и Павлином Аквилейским, главными действующими лицами этого диспута. Король принимал живое участие в богословских дискуссиях. Ведь в отличие от большинства его будущих преемников на троне Карл получил прекрасное образование и, если верить Эйнхарду, латынью владел как своим родным языком. В так называемых *Libri Carolini* (*Opus Caroli*) предание донесло до нас королевские пометки на полях с краткими комментариями к тексту, свидетельствующими о серьезных богословских познаниях монарха. Согласно одному посланию Павлина по проблематике адоптианства, даже во время синода Карл настаивал на том, чтобы детально по предложениям проанализировать все послание Элипанда из Толедо. В заключение король поднялся с трона и выступил с длинной речью, в которой изложил собственные аргумен-

ты. Монарх обратился к отцам с просьбой вынести свое суждение по данному вопросу. Тогда именитые участники попросили дать им три дня на обдумывание до вынесения окончательного вердикта. Карл согласился.

Давайте вспомним о том, что уже двумя годами раньше Феликса Уржельского в Регенсбурге вынудили отказаться от его заклейменного как ересь учения, которое, по сути дела, отстаивало, что Христос как человек является лишь приемным сыном своего отца. В заключение Феликс над криптой апостола Петра вторично, теперь уже письменно, отрекся от опасного заблуждения. И вот теперь в 794 году крупное собрание во Франкфурте предоставило во второй раз повод опровергнуть и осудить ересь Феликса и его испанских приспешников. Возникает вопрос: имело ли смысл проводить такое церковное собрание с участием именитых представителей всех провинций империи и, стало быть, всего западного христианства? А ведь на берега Майна среди прочих приехали и архиепископ Миланский Петр и папские легаты. Сама постановка этого вопроса предполагает отрицательный на него ответ. Хотя предваряющая эту тему речь и первая глава капитулярия со ссылкой на «апостольское дозволение» и «приказ нашего благочестивейшего господина, короля Карла», а также на его «мягкосердечнейшее присутствие» посвящены исключительно испанской ереси, ее опровержению и целенаправленному искоренению.

Фактически вся торжественность этого собрания имела иную направленность, о чем убедительно свидетельствует сам текст; уже во втором абзаце говорится о «последнем соборе греков», который «они провели в Константинополе о поклонении иконам». Там было принято решение, что «с помощью анафемы следует карать тех, кто служит ликам святых и поклоняется им не так, как Божественной Троице». Это якобы таким образом сформулированное решение «о поклонении и служении отвергли наши вышеназванные пресвятыя отцы и единодушно осудили его». Таким образом, мы уже фактически разгадали тайну созыва Франкфуртского собора. Речь шла о вызвавшем широкий резонанс «контрмероприятии» в противовес второму Никейскому собору 787 года с его заключительным заседанием под председательством императрицы Ирины и императора Константина. Кстати сказать, по совокупности его считали даже седьмым Вселенским собором. Он, по сути дела, был посвящен умеренному обновлению культа икон в условиях формирования Восточной церкви. Это церков-

ное собрание получило признание также патриарха Запада, Адриана I, предствоятельство которого вызывало всеобщее уважение, тем более что римский понтифик был представлен своими легатами и с похвалой отозвался о решениях собора. Франки, по мнению греков, варвары, подчиненные римскому папству в вопросах веры, приглашены не были. Да и Адриан I, как вытекает из его переписки с королем франков, даже не упомянул сам факт состоявшегося собора.

Видимо, благодаря своим отличным связям с церковными кругами по другую сторону Альп Карл был неплохо информирован обо всем происходящем. Поэтому он решил бросить вызов этому греческому собору или даже псевдособору, который ошибочно называли седьмым. Разве могло это собрание на Босфоре считаться вссообщим, если оно не принимало во внимание мощь Запада и его богословие? По примеру византийского императора Карл собрал собственный собор и со своего трона стал на нем председательствовать. Все происходившее и чисто психологически следует квалифицировать как весьма значительный шаг на пути к обладанию императорским титулом, поскольку соперничество с Восточным Римом в обновленном политическом союзе с папством получало зримое выражение и в официальном титуловании.

О чем же, по сути дела, шла речь в этом богословском и одновременно политическом споре, приведшем к длительному отчуждению между Востоком и Западом и обернувшимся церковным расколом, существующим до сих пор*? Спор между почитателями икон (Ikonomulen) и иконоборцами (Ikonomoklasten) является продолжением диспута о разграничении Ветхозаветной церкви и иудейства, а впоследствии и ислама. Причем греческая философия и взгляд на искусство привнесли в этот спор свою специфическую тональность. Сторонники поклонения иконам и их противники занимали непримиримую позицию по вопросу, на который, если делать акцент на происхождение — Бог создал человека по своему подобию — и на запрет в Десяти Заповедях, соответственно можно ответить по-разному. Далее противостояние разгорелось вокруг сложной проблемы: претендуют ли иконы только на часть святости изображаемого или они всего лишь знак, указывающий на нечто, заслуживающее почитания или поклоне-

* Вопрос о сущности и содержании работы седьмого Вселенского Никейского собора 787 года и причинах раскола церковью более сложен, чем это излагает автор. — *Примеч. науч. ред.*

ния? С этим спором переплелась христологическая проблема обеих сущностей Христа, из которых одна — человеческая — получила художественное воплощение, что опять-таки указывало на несто-рианскую ересь. Следовательно, имеется внутренняя взаимосвязь между спором об иконах и адоптианством.

Если иудеи отвергали произведения пластики и образные изображения как образцы идолопоклонства (примером тому может служить поклонение золотому тельцу), то ислам отказывался даже от изображения зверей, ограничиваясь лишь образцами флоры. С одной стороны, христианство, находясь в русле греко-римской культуры, без сопротивления воспринимало изображение ликов. Но с другой — в процессе своей экспансии оно было вынуждено бороться с так называемым идолопоклонством, которое не в последнюю очередь опиралось на культовые фигуры. Для самих франков эта проблема в основном носила теоретический характер, поскольку портретные изображения они заимствовали главным образом с римских мозаик, фресок позднеантичных храмов (Равенна) или с саркофагов. Оригинальными образцами франки просто не обладали.

В Константинополе в VIII веке культ священных для поклонения изображений пережил серьезный кризис при императорах Исаврийской (Сирийской) династии Льве III и Константине V. Лев видел в божественном гневе из-за культа иконопоклонения подлинную причину землетрясения 726 года и осады Никеи арабами в следующем году. В 730 году этот культ впервые оказался под запретом. Его цель заключалась в том, чтобы вызвать всеобщий катарсис и обосновать необходимость нового союза Бога с его народом. Пресмник Льва Константин, который выражал собственную точку зрения по данному вопросу, с помощью постулированного Вселенского собора повелел запретить все художественно-религиозные изображения за исключением креста Иисусова как знака избавления. Эта жесткая позиция вызвала сопротивление восточных патриархов; Римский собор 769 года в присутствии франкских эмиссаров также осудил решение Никейского собора. Политическое отчуждение между Римом и Византией под воздействием этого противоречия еще больше усугубилось. Впрочем, еще в 767 году византийские представители приняли участие в организованном франками коллоквиуме в Жантйе и вели дискуссию об изображениях святых.

Политический поворот, намстившийся при императрице Ирине и ее сыне Константине VI в результате сближения с партией

иконопочитателей и одновременно с Римом, был определен решениями Никейского собора, в котором принимали участие также папские легаты. Этот поворот стали называть «подлинной революцией» (*veritable revolution*). Хотя догматические принципы Никейского собора проводили грань между почитанием Бога и Троицы (*latreia*) и почитанием икон (*proskynesis*), проявившимся в целовании и коленопреклонении, но неизвестный на Западе, особенно к северу от Альп, церемониал вызывал неловкость и богословскую озабоченность. Культ икон в его дифференцированной форме в любом случае оставался обязательной составной частью правоверности на Востоке после 787 года. Кто этому противился, тому грозило отлучение от церкви. Таким образом, оппозиция, проявившаяся на Франкфуртском соборе, основывается не только на антигреческих настроениях или даже на убогом переводе соборных документов, которые в более позднем издании составили не менее 700 колонок. Судя по всему, отвергнутая франкским двором версия культа икон с распространенным смешением «поклонения» и «почитания» ни в коей мере не соответствовала фактическим решениям собора, а оказалась сфальсифицированной сокращенной версией последних.

Хотя папа Адриан I, на взгляд Римской церкви, имел определенные возражения против принятых решений в контексте церковного единства и в ожидании последних благосклонных шагов со стороны Византии в связи с собственными юрисдикционными и территориальными притязаниями, в общем он признал значимость Никейского собора. Что касается богословской дискуссии с королем франков и его духовными советниками, дело до этого по воле папы пока не дошло.

Примерно в 790 году королевский двор получил латинский перевод соборных актов. Судя по всему, речь идет о копии перевода, который тогда Адриан I благословил сделать для архива собора Апостола Петра. Правда, эти архивные материалы не сохранились, так как в IX веке Анастасий Библиотекарь выполнил новый, видимо, более тщательный перевод. Хотя обычно хорошо информированные Йоркские хроники в отношении 792 года сообщают, что соборные акты в переводе были переправлены из Константинополя Карлу, свидетельство римского источника представляется более весомым, учитывая, что после расторгнутой помолвки в отношениях Византии с Карлом никаких контактов не наблюдалось. Кроме того, работа придворных ученых Карла над указанным текстом, по-видимому, началась задолго до 792 года.

В 790 году был отмечен звездный час франкского богослова, «испанца» или вестгота, Теодульфа Орлеанского, которому при написании *Libri Carolini*, а именно последней его части, предположительно ассистировал Алкуин. Это обширное произведение посвящается исключительно опровержению греческого собора и его положений о культе икон, которые были разоблачены как ересь на основании обильного цитирования Священного Писания и отцов церкви. Данный действительно уникальный источник находится в Ватиканской библиотеке, правда, отсутствует его четвертая и заключительная часть. Это написанный от руки чистой экземпляр Теодульфа, в языковом отношении несколько сглаженный. Данный автограф лишь в XVI веке попал из Германии в папскую библиотеку. Это, по-видимому, был проект или черновик единственной, но зато полной, без изъятий, копии, которую распорядился изготовить компетентный и в церковно-правовых вопросах особенно заинтересованный архиепископ Хинкмар Реймский примерно в 850 году. Вторая копия дошла до нашего времени из монастыря Корби.

Пометки на полях в стиле древнеримской стенографии часто воспроизводят одобрительные замечания типа «хорошо», «лучше всего», «очень хорошо» или «действительно так» читателя или слушателя, каковым, по-видимому, оказывался не кто иной, как сам король франков, который проявлял живейший интерес к этой богословской дискуссии. Подобно тому как король подключился к зачитанию письма испанского архиепископа Элипанда, он, по свидетельству Парижского собора 825 года, настаивал на докладе по соборным актам Никейского собора и комментировал его решения. Хотя донесенные преданием пометки на полях не свидетельствуют о богословской глубине комментатора, придется умерить невольно возникающую при этом иронию относительно интеллектуальных всплесков Карла. Кто из его предшественников был бы в состоянии дорасти до такого понимания обсуждаемой проблематики? И как обстояло бы дело с его преемниками, если исключить из этого ряда его сына Людовика, внука Карла Лысого и еще, может быть, Оттона III?

Задолго до появления этого текста Карл посвятил папу Адриана I в усилия своих придворных богословов, с которых он не спускал глаз. Из многообразного материала была сделана «выжимка», содержавшая критическую оценку важнейших документов собора, общезначимость которого и без того была поставлена под сомнение. «Выжимка» была представлена на рассмотрение

преемника апостола Петра. Все говорит за то, что близкий Карлу Ангильбер, аббат Сен-Рикье, держал материал при себе, когда после Регенсбургского собора 792 года сопровождал готового покаяться Феликса в Рим.

Во всеоружии богословских познаний, обладая дипломатическими навыками и вместе с тем остерегаясь крайних оценок в отношении своего важнейшего союзника, Адриан I, однозначно подчеркнув папский примат в вопросах вероучения, изыск франков отверг. Его особое возражение вызвал упрек богословов-франков, связанный с участием в соборе императрицы Ирины. Адриан I напомнил о матери Константина Елене и о ее присутствии на первом Никейском соборе 325 года. Затем папа взял под защиту отдельные решения собора, которые вовсе не шли вразрез с вероучением прежних церковных собраний, поскольку последние иконопочитание хоть и не предлагали, но и не запрещали. Папа напомнил в этой связи об иконопочитании понтификом Сильвестром и императором Константином. Впрочем, Адриан I сослался на вероучительное послание своего выдающегося предшественника, папы Григория Великого, епископу Марсельскому; содержание этого документа прослеживалось и в отправленном извлечении в качестве папской декларации: «Иконы должны находиться в храмах, чтобы не умеющие читать могли воспринять со стен явления, которые не дошли бы до их сознания из книг». В этой цитате папе как бы слышится мнение самого короля франков, «ибо эта священная и достойная почтения глава полностью отличается от всех предшествующих; поэтому мы считаем ее вашей собственной, видим в ней выражение вашей сохраненной Богом правоты и королевского совершенства».

В вопросе об иконопочитании Адриан I не отступил ни на один шаг назад, а вот в отрицании франкского богословия проявил максимальную умеренность. К тому же в конце своего послания он делает предложение, напоминающее крутой политический поворот, цель которого заключалась в том, чтобы ни в коем случае не нанести ущерб союзу с королем франков. Папа подчеркивает, что он еще не ответил королю, равным образом им еще не получено ответа на настоятельное пожелание вновь подчинить своему влиянию отторгнутые у Священного престола в период иконоборчества епархии Истрия и Южная Италия, но прежде всего реституировать утраченные Римской церковью родовые владения (патримонии). Поэтому он может поблагодарить короля за обновление иконопочитания, не в последнюю очередь

в интересах верующих, но вместе с тем отлучить его как еретика за упорство в заблуждении, то есть за лишение церкви ее прав и владений. В глазах Римской курии это предложение, несомненно, было крупным достижением папской дипломатии, которое, с одной стороны, не затронуло церковно-политических и богословских аспектов отношений с Византией, а с другой стороны, пригрозило тогдашнему правителю анафемой за юрисдикционные и территориальные притязания Рима. Как бы между прочим было указано на тесный политический союз между папой и королем франков, основой которого могло быть, правда, единомыслие в вероучительной сфере.

Этот документ в реальном положении дел папские эмиссары вскоре вручили королю вместе с «богатыми дарами» в Регенсбурге. После этого ревизия и пополнение «книг Карла» продолжались, но энтузиазм в связи с позицией Римской церкви явно иссяк, хотя, вернувшись с островов, Алкуин привез с собой другие сочинения англосаксонских епископов, а также собственные размышления по вопросу об отношении к сакральным изображениям. Последняя книга кодекса отличается меньшей строгостью формы. В любом случае это произведение не получило широкого распространения во избежание открытого конфликта с преемником апостола Петра.

Спор об иконопочитании, безусловно, имел ярко выраженные властно-политические аспекты, которые в ту эпоху нельзя было безболезненно вырывать из их религиозно-догматического контекста. Карл предстал во всем блеске своего Божией милостью королевского достоинства. Сфера его правления распространилась на античные провинции — Галлия, Германия и Италия. Франкское государство охватывало весь географический регион формирующегося Запада; границы королевства упирались в Эльбу и Венский лес. Без политической благосклонности и военной поддержки Карла духовная власть Запада в лице римского папства едва ли устояла бы под ударами лангобардов и византийских притязаний на восстановление былого величия. Такой «широкомасштабный» король не мог считать собор всеобщим, а соборные решения обязательными для необъятной сферы его правления, тем более что на этот собор не были приглашены его епископы и богословы, а председательствовали на нем, по крайней мере на заключительном заседании в Константинополе, Ирина и ее сын Константин, в то время как король франков не был представлен даже эмиссарами.

Карл остро переживал это, настолько были оскорблена его гордость и унижено чувство собственного достоинства. Между тем разрыв с папой, одоббившим основные положения Никейского собора, не вписывался в политическую доктрину, на которой зиждилось королевское правление Карла. Поэтому негативная оценка собора в основном касалась вскрытия методических изъянов, вроде бы увиденных франкскими богословами при толковании отцов церкви в соборных текстах. Они возмущались слабым знанием древнееврейского собравшимися на собор отцами церкви и непримиримо атаковали при этом заносчивость императрицы и императора, настаивавших, чтобы их именovali не иначе как «правители Божьи», а указы называли «божественными указаниями». Как особенно порочное преподносилось вмешательство женщины в *Res sacrae** собора.

Что касается богословской стороны спора, королевский двор решительно отверг религиозную ценность иконопочитания. Иконы были призваны служить лишь напоминанием о спасительных деяниях и украшением церковных стен. Поэтому вовсе не обязательно настаивать на почитании икон или их уничтожении. Все дело в правильном вероубеждении, а не во внешних его атрибутах, к которым имели отношение иконы и их изготовление. Еще в епископском памфлете 825 года дает о себе знать гнев франкских богословов. Он ощущается в споре с ненавистными греками, но явно приглушенно, видимо, с оглядкой на римского понтифика.

Западный скепсис в отношении восточного культа иконопочитания целенаправленно проявился в мозаичном панно в апсиде домово́й капеллы епископа Теодульфа Орлеанского в Сен-Жермен-де-Пре. Так вот, на этом панно в обрамлении исламско-флоральных мотивов изображены в центре лишь кивот завета Господня, херувим и ангел, которые в абстрактном виде представляют Новый Завет Божий в капелле Теодульфа.

Поэтому не вызывает удивления, что Франкфуртский собор, организованный как правоверное собрание из всех провинций Запада, своим острием был направлен против греческого псевдособора, а после получения папской оценки должен был изменить ориентацию и волей-неволей снова обратиться к в общем-то уже отвергнутой ереси Феликса и его покровителя Элипанда из Толедо. Решения по этому вопросу, не вызвавшие никакого удивле-

* Священные дела (лат.).

ния, соответственно были помещены в начале капитулярия. В скромном послесловии как в политическом, так и догматическом отношении более острая борьба за иконопочитание получила малоубедительное отражение и, кстати сказать, едва заметное освещение в официозной историографии. Вероучительные принципы второго Никейского собора были сведены до одного краткого предложения, содержание которого даже присутствующие папские легаты (в их участии проявляется более чем яркая параллель с Никеей) восприняли с определенным противоречивым чувством. Здесь идет речь об обязательном почитании икон вплоть до угрозы отрешения от церкви, что возвращает нас к краткому высказыванию одного кипрского епископа, весьма созвучному разговорам на Никейском соборе, — культа и поклонения заслуживает только Святая Троица.

И все же этот публично не состоявшийся спор с Византией стал вехой на пути принятия Карлом императорского титула, чему к тому же в значительной мере способствовала мнимая «вакансия» на Востоке, под которой понимается пребывание на престоле императрицы Ирины после 797 года. О возрастании престижа Карла свидетельствует также специально для короля франков переписанный от руки и дошедший до нас, по преданию, экземпляр «книг Карла». Он, как и хроники, содержит ссылку на власть Карла над Галлией, Германией и Италией.

Этой сокращенной повесткой дня работа собора, представлявшего основу для общеимперского собрания, видимо, не была исчерпана. Поэтому его программа была расширена и обогащена другими актуальными вопросами, которые, правда, чаще всего заключались в назойливом повторении нескончаемых параграфов «Общего призыва» 789 года. Тем не менее мы встречаем уже на третьем месте заключительное рассмотрение дела Тассилона. Ассамблея стала подходящим поводом для поиска христианского примирения между враждовавшими кузенами.

Также в центре обсуждения оказалось решение Карла, связанное с ценовой и финансовой политикой в пределах его королевства. Это решение было объявлено как заповедь короля. Ее собору предстояло лишь одобрить. «Чтобы никому не было дозволено, будь он клириком или мирянином, когда-либо продавать зерно дороже, чем по недавно установленной общественной мере — шеффелю, будь то во времена излишков или дороговизны; а именно, за один шеффель овса — один денарий, за один шеффель ячменя — два денария, за один шеффель ржи — три де-

нария и за один шеффель пшеницы — четыре денария. Кто же пожелает продавать в виде хлеба, тому придется за один денарий отдать 12 пшеничных хлебов по два фунта каждый; опять же за один денарий — 15 ржаных хлебов при том же весе и, наконец, 20 ячменных и 25 овсяных хлебов одинакового веса. Из общественного урожая зерновых господина короля (в случае его продажи) два шеффеля овса стоят один денарий, один шеффель ячменя — один денарий, один шеффель ржи — два денария и один шеффель пшеницы — три денария. Тот же из нас, кто имеет привилегию в виде хозяйственного двора, должен строжайшим образом следить за тем, чтобы никто из лично зависимых крестьян, принадлежащих к этому поместью, не умер с голода; а что превосходит потребность своего хозяйства, он пусть продаст на свое усмотрение».

Еще в 789 году Карл со ссылкой на Священное Писание потребовал по всему королевству ввести единую систему мер и весов. Данное требование было повторено в 808 году и еще раз — год спустя. Судя по всему, это предписание с определенным успехом было введено в действие. Так, у одной виллы королевского двора Аннап (на территории современной Бельгии) были в запасе шеффели и четверики (старые меры зерна), какие уже существовали в пфальце. Правда, единые меры не удалось ввести во Франции, несмотря на усилия Карла и Людовика. Региональное многообразие взяло верх над централизованным вмешательством. Этим же обстоятельством объясняется запрет возврата к прежней системе мер и весов, в том числе на этапе позднего средневековья.

Конечно, установленные цены 794 года, к которым, как видно из приводимого текста, в качестве фактора конкуренции добавляется демпинговое предложение из королевских зерновых запасов с целью поддержания уровня цен, явно наводят на мысль о катастрофическом положении со снабжением, о голоде в последние два года. По сути дела, это — попытка проведения социальной политики в интересах обнищавших масс, хотя она извращает экономические законы, согласно которым нехватка товаров влечет за собой их удорожание, что не обязательно идентично ростовщичеству, однако в нравственном плане облегчает отказ от дополнительной прибыли. Особенно приказ Карла, адресованный управляющим поместьями на королевских или государственных земельных владениях, свидетельствует об ответственности монарха за низшие слои, а также о закономерном внимании Кар-

ла к материально-персональному обеспечению привилегий королевских владений.

Кроме того, установление цен является надежным показателем не только многообразного зерноводства на основе расширения интенсивного аграрного хозяйства, но и избытков, реализуемых на рынке. Частично их продажа осуществлялась даже обрабатывающими предприятиями, профессиональными пекарнями, что говорит о первых ростках хозяйствования в городах и предместьях монастырей на основе разделения труда. В этой связи нельзя недооценивать воздействие донесенного преданием взгляда, который, базируясь на библейских свидетельствах, святоотеческих высказываниях и соборных решениях, клеймил связанную с торговлей прибыль как позорное ростовщичество и, стало быть, делал вообще невозможным или по меньшей мере усложнял критический анализ данного вопроса.

Когда, реализуя свои избытки, король пытался стабилизировать цены, в основе этого не обязательно была сознательная демпинговая политика; не исключено, что в этом «заявлении о намерениях» король испытывал влияние устава бенедиктинцев, который также не рекомендует своим экономам продавать с несколько большей выгодой, чем миряне, чтобы тем самым прославить Бога.

Этому фрагменту в интересах потребителя созвучно предписание о монетном деле: «Нам эдикт в отношении денария надлежит исполнять самым добросовестным образом, с тем чтобы в каждом месте, в каждом городе и в каждом порту новые денарии имели одинаковое хождение и чтобы принимали к оплате их без ограничения. Если же монеты с нашим именем и из чистого серебра — полновесные, их следует принимать. Если где-либо отказываются их принять, при совершении сделки купли-продажи, пусть знают: если он — вольный, пусть платит 15 шиллингов во имя короля; если же он принадлежит к батракам, имея собственное дело, то утрачивает товары, предназначенные к продаже, или подлежит публичному стеганию плетью; если же он творит это по приказу своего господина, то господин должен заплатить 15 шиллингов в качестве возмещения, но если только это будет доказано».

Новые денарии с именем или монограммой короля ромбической формы монетные дворы стали чеканить начиная с 793—794 годов. В противоположность первой монетной реформе Карла в начале семидесятых годов эти серебряные пластинки диа-

мстром 2 см весят приблизительно 1,7 г чистого серебра, в то время как их предшественники имели следующие характеристики: 1,7 см диаметром и всего 1,3 г весом. Из этого получается монетный фунт — 409 г серебра по 20 шиллингов или 240 отчеканенных денариев или пфеннигов. Любопытная гипотеза объясняет эту реформу обменом соответствующего зернового эквивалента для взвешивания. Так, 20 зерен крупы соответствовали по весу одному облегченному денарию, а вот 32 зерна пшеницы — одному новому пфеннигу 793 года. Эта гипотеза представляется достаточно вероятной и в том плане, что, согласно полиптехонам и инвентарным спискам Иль-де-Франса, Пикардии и Нижнего Рейна, в те годы и десятилетия именно производство пшеницы считалось процветающей отраслью зерноводства.

Много неясного и с проблемой отказа от приема монет как платежного средства. Не исключено, например, что после вхождения Баварии в состав государственной структуры, где главенствовали франки, из соображений главным образом практической политики вводилась в оборот единая и поэтому новая стандартизированная монета с именем и монограммой короля, как это было предписано еще в 781 году в Мантуе для территории Италии. И здесь неприятие новых денег каралось штрафом.

Весьма вероятно, что Карл учитывал прежде всего рынки к востоку от Рейна, где из-за отсутствия монетных дворов в ходу было серебро в слитках.

Кроме того, следует принимать во внимание, что после монетной реформы короля Оффа примерно в 792 году, ориентиром для которой служил теперь уже устаревший, франкский стандарт на вес и содержание металла в монете, Карл в целях повышения конкурентоспособности своих товаров собирался ввести в оборот более полноценное платежное средство. До сих пор не удалось разобраться в распространенных прежде теориях, объяснявших весовое утяжеление новых денег или возрастанием добычи серебра в Европе, или притоком арабских драгоценных металлов. Однако нам неизвестно о появлении новых месторождений на территории государства франков. Равным образом нет свидетельств импорта серебра сарацинами, что с учетом предполагаемого количества обязательно сказалось бы на ценности месторождений.

Может быть, комплекс этих мер за исключением шагов по унификации в пределах королевства франков в политическом и сугубо практическом плане следует считать опережающими свое время. Если всерьез относиться к активному стремлению Карла

начиная с 789 года внести коррективы в культ, церковные песнопения, текстовое предание, шрифты и орфографию, приспособив их к единому, чаще всего римскому образцу, тогда становится понятным намеченная им стандартизация денежных единиц, системы мер и веса в условиях многонационального государства. Король как носитель богоугодного правления, заботящийся о праведном устройстве, охватывающем все сферы жизни, подчиняет и торговлю и житье-бытье единым, незыблемым и неколебимым стандартам. По-видимому, в этих изначальных намерениях следует искать корни той финансовой реформы, которая вплоть до XIII века, когда объемы деловых связей предопределили необходимость нового оживления золотовалютного обеспечения, привязала Запад к единой монетной системе, обеспечив тем самым единое торговое пространство на континенте.

В качестве монет в эпоху средневековья считались только денарий и оболус, пфенниг и полупфенниг. Фунт и шиллинг остались лишь для арифметических подсчетов. Золотые монеты приказали долго жить еще во времена Меровингов. В этом заключалось весьма существенное отличие от византийских и арабских золотых монет, определявших торговые отношения в бассейне Средиземного моря.

Некоторые другие параграфы Франкфуртского капитулярия бросают свет на события и происшествия тех лет в тесной связи с девятой главой, посвященной еще оставшемуся в памяти заговору Пипина Горбуна, когда епископ Верденский Петр был вынужден оправдываться перед собранием, подобным суду Божиему. В результате епископ обретает бывшие королевские милости и почести.

В конце относительно обширного капитулярия встречаются определения, следующие за актуальными выступлениями участников собора. Таковым является указание на то, что поклоняться Богу можно не только на трех священных языках — древнееврейском, греческом и латыни, но и на любом другом. Это соответствовало требованию миссионерской деятельности как основы для восприятия Евангелия. В завершение текста говорится о снятии обязанностей главного капеллана Карла — с Ангильрама, епископа Меца, который имел послушание при дворе далеко от своей епархии. Это был прецедент для всех прелатов, запрещавший им без нужды неоправданно долго оставлять паству или даже постоянно находиться в своих хозяйствах. Таких примеров накопилось предостаточно. В самом конце Карл просит принять в состав свя-

щенного собора и в их связанную общей молитвой братскую общину королевского советника Алкуина, «ученого во всех церковных доктринах». Не только Алкуина, но и его более других волновало прямо-таки зримое обеспечение ожиданий наступления иного мира. Король обеспечил англосаксу эти ожидания в кругу именитых прелатов, вероятно, чтобы выразить ему признательность за усилия по составлению и корректуре «книг Карла».

Ранее не упоминавшийся фрагмент заслуживает особого внимания, ибо речь идет о бедственном положении «собственных» церквей. Капитулярый содержит предписание, что церкви, «будучи учрежденные вольными», ими же могут быть проданы или подарены, однако «непозволительно их разрушать или использовать в светских целях». В этом запрете отражается все убожество нижнего этажа церковной жизни, которая к тому же держалась на плаву только благодаря десятине и девятивне, не говоря уже о духовном уровне малопригодного к церковному служению и просто необразованного духовенства. На этом пути еще предстояло много поработать франкской церкви и направлявшему ее королю.

КОНЧИНА КОРОЛЕВЫ ФАСТРАДЫ

В разгар обсуждения обширной тематики в рамках собора (богословские конфликты, церковные проблемы, экономические и финансовые вопросы и отказ Тассилона) Карла постиг еще один удар судьбы: 10 августа 794 года во Франкфурте скончалась его четвертая супруга — Фастрада. Вскоре она была предана земле недалеко от монастыря Святого Албана близ Майнца в противоположность ее предшественнице Гильдегарде, похороненной вместе с умершими дочерьми в старой гробнице династии в Сен-Арнольфе неподалеку от Меца. Предположительно, это соответствовало пожеланию архиепископа Майнца и архитектора обители Сен-Албан — Риккульфа, которого можно считать близким родственником покойной. Не исключено, что в разгар лета оказалось невозможным доставить прах умершей по реке Мозель. Согласно ничего не говорящей надписи на памятнике, автор которой Теодульф Орлеанский, Фастрада умерла в самом расцвете лет. Она долгое время хворала, о чем свидетельствует искреннее послание Карла из военного лагеря на реке Энс. Особенно ее мучили страшные зубные боли. Об этом поз-

воляет судить описание одного из чудес святого Гора в записи 839 года Вандалберта Прюмского. Автор этого источника сообщает о посещении Фастрадой места захоронения святого и о ее лечении. В благодарность монастырь удостоился ценного дара от имени короля. Правда, в упомянутой грамоте 790 года ни о каком исцелении речи не идет.

Карлу Фастрада родила двух дочерей — Гильтруду и Теодраду. Их имена напоминают имя Гедена (оно было распространено на землях франков, примыкающих к реке Майн) и имя тетки Карла Гильтруды. Последняя благодаря брачным узам с Агилольфингом Одилоном стала матерью Тассилона. Возможно, такая связь действительно имела место, но между Карлом и Тассилоном в момент рождения дочери Карла Гильтруды после 783 года существовали весьма неприязненные отношения. О дальнейшей судьбе Гильтруды нам мало что известно. А вот Теодрада впоследствии становится аббатисой монастыря Аржентей под Парижем, переданного ею в 828 году с условием пожизненного пользования монастырю Сен-Дени. Кроме того, она была первой аббатисой возникшего позже Вюрцбургского монастыря Мюнстершварцах, который, вероятно, учредила на средства из семейного владения. Этот факт снова дает основание сделать вывод о тесных связях Фастрады с франкскими матронами. Тем не менее из этих немногих мозаичных стеклышек складывается намерение Карла через брак с Фастрадой подчинить своему влиянию франкский клан на Майне и привязать его к собственной политической линии. По-видимому, этой же цели служило назначение Риккульфа архиепископом Майнца.

Последним заметным событием 794 года, прошедшим в основном под знаком Франкфуртского собора, наши источники считают то, что королю франков пришлось обратить внимание на масштабные волнения саксов, начавшиеся еще два года назад в нижнем течении Везера. Если в 793 году Карл был занят в основном возведением Фосса Каролина* и готовился к военной операции против аваров, то, видимо, объявленные в 792 году в Регенсбурге планы проведения имперского собрания по изложенным причинам предстали как абсолютно приоритетные, хотя его результаты на поверку оказались более чем скромные.

Не позже сентября 794 года один отряд под командованием Карла вторгся на земли саксов с юга, в то время как второй кон-

* Имеется в виду канал Рейн — Майн — Дунай. Фосса Каролина — ров, канал Карла (лат.).

тингент под началом уже набравшегося зрелости сына короля — Карла — форсировал Рейн неподалеку от Кёльна. Используя привычную тактику, франкские войска окружили изготовившихся к бою саксов, сосредоточившихся к югу от Падерборна и к северу от превращенного в крепость Эресбурга. Перед лицом превосходившего вдвое их по численности и изготовившегося к сражению противника саксы дрогнули и сдались на милость франков без боя. Они «обещали, пустив в ход свое лукавство, быть христианами и соблюдать верность королю». Как и в прежние времена, порукой благонамеренного поведения была предоставленная саксами группа заложников. В этот союз были включены и бывшие с саксами заодно фризы. Снова на земли саксов были направлены священнослужители. Работавший среди фризов миссионер вернулся на прежнее место, где беспрепятственно продолжил свои усилия по евангелизации аборигенов.

Король форсировал Рейн и, как почти всегда прежде, перезимовал в том пфальце, «который именуется Ахен». Там Карл провел Рождество и Пасху, которая пришлась на 12 апреля 795 года. Зимнюю паузу в политической активности король посвятил отдыху, охоте и дальнейшим планам в кругу приближенных ему лиц.

ПОХОД КАРЛА В ОКРУГ БАРДЕН

После политического зимнего затишья король, проведший Пасху 795 года, а до того Рождество в Ахене, вновь направился на земли в среднем течении Рейна. В Костхейме на южном берегу Майна, как раз напротив Майнца, он решил провести традиционное имперское собрание. Монарха снова беспокоили вести из Саксонии, которые, вероятно, мешали ему продолжить осуществление планов в отношении аваров. Саксы, в любом случае представители этого «дикого народа», по привычке нарушили свои обещания. Они «не сохранили ни христианский дух, ни верность королю, вновь взбунтовавшись таким образом против двойного иноземного господства».

Центр нового сопротивления в отличие от прошлого года был расположен не в Вестфалии, а южнее Эльбы вокруг Бардовика.

Так или иначе, осенью Карл со своими отрядами вторгся в этот северо-восточный регион Саксонии, предварительно заручившись поддержкой союзников-ободритов на противоположном берегу пограничной реки. Источники сообщают о серьезной воен-

ной мощи франков, черпавших моральную и духовную силу в спасительных и благодатных святых мощах. По некоторым данным, их возил с собой во время похода аббат Фардульф, тот самый сосланный лангобард, который в 792 г. сообщил Карлу о готовящемся против него заговоре во главе с Пипином. Этой концентрацией военной мощи с помощью своих союзников-язычников Карл собирался нанести решающий удар по саксонской оппозиции, тем более что немалая часть аборигенов перешла на сторону франков.

Едва достигнув местечка Люни-на-Ильменау (правда, подкорректированные имперские хроники называют более известный пригород округа Барден — Бардовик), монарх узнал, что при переправе через Эльбу в засаду, устроенную нордальбингами, злейшими врагами, вместе с воинами попал и погиб его союзник, и «вассал», «король» ободритов Витцин. Легко представить, что «ненависть короля к вероломному народу» достигла точки кипения и душа его переполнилась боевым задором. Перед лицом военного превосходства, которое, как всегда, проявлялось в оперативных действиях кавалерийских эскадронов, большинство населения округа Барден предпочло подчиниться королю франков. Пунктом бегства противника вновь стал треугольник Нижняя Эльба — Нижний Везер, Вихмодия и болотистая местность в долине Эльбы, не говоря уже о Трансальбингии.

В отличие от прежних времен на этот раз Карл не стал добиваться признания вины желавшими подчиниться его воле, требовать подтверждения присяги верности и предоставления заложников. Он не колеблясь использовал свое испытанное средство — депортация населения. Как свидетельствует прекрасно информированный хронист из Лорша, «Карл взял такое число заложников, какого никогда не брал за все годы своего правления, какого никогда не брали ни его отец, ни короли франков вообще». Это сообщение дополняется другими записями о том, что франки забрали каждого третьего мужчину для переселения на земли франков. Называется число депортированных — 7070 человек, но это явное преувеличение в целях демонстрации жесткой линии. Стоит особо подчеркнуть, что эта мера затронула главным образом аристократические, руководящие слои саксонского общества. Биограф Карла Эйнхард уже десятилетие спустя отмечает, что переселению с обоих берегов Эльбы на земли франков подверглись 10 000 саксов. Это шаг из целого ряда других, закончивших 804 год.

Миссионерство, низовое звено церковного устройства и состояние графств на завоеванных территориях, несомненно, нахо-

лились в зародышевом состоянии и не располагали инфраструктурой для всеобщего умиротворения и интеграции. Обезглавленность руководящего политического слоя после крещения Видукинда в 785 году также способствовала вспышкам мятежей, часто удавалось, особенно в болотистых и непроходимых местностях, избегать столкновений с франками благодаря тактическому чередованию вылазок с отходами. В эффективности таких действий на своем горьком опыте убедились еще римские легионы, а рыцарским орденам начиная с XIII века это еще предстояло познать в Пруссии и Прибалтике. Поэтому переселение людей из мятежных регионов оставалось последним средством длительного умиротворения. Одновременно опустевшие земли заселялись франками.

То, что эти мероприятия бросали вызов и естественному и современному международному праву и даже нашей восприимчивой совести, в комментарии не нуждается, хотя все без исключения современники воздерживались от критического или негативного суждения по этому поводу. Даже Алкуин, весьма шепетильный в вопросах миссионерства и решительный противник «проповедничества железным языком», в своих посланиях поддерживает все действия короля в целях подавления безбожного народа, призванные среди прочего обеспечить приобщение к праведной вере. Нашему якобы просвещенному и нравственно очищенному веку, ставшему всего несколько десятилетий назад в старой матушке Европе не только свидетелем изгнаний и массовых депортаций, но и мирившемуся с последними, стоило бы воздержаться от оценки тех эпох, которые мы не без основания считаем как минимум полуархаичными, из-за чего их стандарты не могли соответствовать нашим.

Несмотря на эти «перемещения», потребовалось еще почти десять лет до преодоления открытого противоборства между Эльбой и Везером, с чем было связано возрождение церковной жизни в округе Вихмодия и епископской резиденции в Бремене.

БОГАТЫЕ ТРОФЕИ: «КОЛЬЦО» АВАРОВ

Еще в военном лагере к королю франков явилось целое посольство из аварской империи, которое в значительной мере приглушило опасения Карла и его советников относительно масштабного реванша — контрнаступления со стороны в общем-то

не окончательно поверженного в 791 году восточного соседа, одновременно доказывавшего наличие противоположных взглядов среди аварских руководителей. По свидетельству имперских хроник, у аваров в районе Карпат в ходе вспыхнувшей гражданской войны иссякли силы, их высшие вожди Каган и Югурр, видимо, в 795 году погибли, в результате чего заявили о себе новые главари. Возникшая таким образом сложная ситуация в некогда могущественной империи аваров исключала возможность крупных военных операций на землях в верхнем течении Дуная с пересечением пограничной линии, тем более что политическая раздробленность не допускала единой стратегии против главного противника на Западе.

В этом переплетении отношений, о котором нам мало что известно, всплывает фигура вождя аваров Тудуна, обладавшего «огромной властью в народе и империи аваров». Теперь он, после распада прежних правящих структур, был готов служить победителю успешной кампании 791 года. Об этом свидетельствовало его посольство, появление которого на землях франков выражало, кроме того, готовность приобщиться к христианской религии. Тем самым вновь открылась перспектива расширения границ ойкумены и глобального влияния франков. Не об этих ли успехах короля франков многократно упоминал папа Адриан в благодарность за верность преемнику апостола Петра и Римской церкви? В русле такой перспективы желали действовать теперь неожиданно представшие перед Карлом аварские эмиссары.

Вместе с тем важно заметить, что, судя по поступающим из Паннонии сообщениям, причина войны и ее цель быстро менялись. Поскольку закат прежнего могущества уже не вызывал сомнения, а один из вождей аваров был готов подчиниться франкам да еще принять христианскую веру, привлекала перспектива богатого трофея. На этом фоне отходили на задний план соображения насчет войны с язычниками, санкций из-за союза с Тассилоном или расширения пограничной зоны за рекой Энс.

Ожидания не должны были обмануть. После долгих лет изнурительных войн с саксами, нескончаемой внутренней фронды и догматических споров королевская казна срочно нуждалась в пополнении. Чем же король собирался отблагодарить сторонников, как намеревался привлечь на свою сторону колеблющихся? Количество доходных мест, например аббатств или графств, было весьма ограниченным. Королевские распоряжения о церковном владении дискредитировали уже деда короля (тоже Карла) в ду-

ховных кругах. Раздача же государственной и королевской собственности, особенно крупных хозяйств, из-за плохой собираемости налогов и ползучего отчуждения объектов, имеющих привилегии, не могла не подрывать экономический базис королевства и практиковалась лишь как вынужденный шаг. Разве не сам Карл совсем недавно настаивал на возвращении отчужденного государственного владения в Аквитании, чтобы его сын по крайней мере в годичном ритме мог распоряжаться четырьмя королевскими пфальцами в качестве зимней резиденции?

Доступ к аварским богатствам мог одним махом избавить королевство от надвигающихся трудностей, продемонстрировав всему миру бесконечную щедрость и несравненную мощь короля франков. Организуя походы за трофеями в этом и следующем году, Карл хотел добыть легендарное «кольцо» аваров, где, согласно летописям Лорша, «имели обыкновение сиживать короли со своими князьями», между Дунаем и Тисой. Это пространство, как свидетельствуют лангобардские источники, называли еще «*Camprus*», то есть «поле». По мнению Вальтера Поля, этой цели можно было достичь «оперативным образом», путем вторжения со стороны соседнего Фриуля, а не посредством развертывания крупных боевых отрядов в нижнем течении Дуная, как это было в 791 году, тем более что противник отступал, уклоняясь от любого соприкосновения.

Хорошие новости из района Карпат, возможно, подкрепленные указаниями из регионов, заселенных франками, наверное, побудили герцога Эрика Фриульского направить отряд под командованием славянина по имени Войнимир, по-видимому, лучше других знавшего аварские земли и населявших их людей, непосредственно в Паннонию. Он вторгся в пределы «кольца, в котором долгое время царило спокойствие», и стал обладателем богатых трофеев. Впрочем, в руки Эрику попали не все сокровища, остальная их часть досталась через год сыну Карла Пипину, королю Италийскому. Согласно сильно преувеличенным рассказам Ноткера из монастыря Сен-Галлен на излете IX века, который описывает страну гуннов как состоящую из девяти кольцеобразных укреплений, усиленных защитными валами, она якобы раскинулась на просторах от Цюриха до Констанцы. Утверждалось, что несметные богатства хранятся в самом недоступном укреплении. Чтобы приблизиться к нему, сегодня надо ориентироваться по единственному кольцеобразно расположенному селению, дворец в его центре и считался центром империи.

Отряд под командованием знающего местные края славянина практически не встретил серьезного сопротивления и стал обладателем накопленных за многие годы сокровищ. Эти богатства с конца VI века складывались главным образом из византийской дани. По имеющимся сведениям, она с 574 по 584 год составляла ежегодно (!) по 80 000 римских золотых монет, с 585 по 597 год соответственно по 100 000, с 598 по 603 год — по 120 000, с 604 по 619 (?) год предположительно по 150 000, а с 619 по 626 год — от 180 000 до 200 000 золотых монет в год. В одном кратком стихотворении неизвестного романского автора, прославлявшего одержанную чуть позже победу Пипина над аварами, к сокровищам ханства были отнесены также уникальная церковная утварь, алтарные покрывала и церковная парча.

Хотя ценность захваченного трудно определить конкретными цифрами, у биографа Эйнхарда дух захватывает от воспоминания о трофеях: «Все деньги и сокровища, накапливавшиеся долгое время, оказались в руках победителя. Трудно припомнить другой такой случай, чтобы франки от войны, которая велась против них (!), обогатились в большей степени и в большей степени умножили свое влияние в округе. До того времени гуннов считали просто бедными. И вот теперь, когда в королевском дворце оказалось столько серебра и золота, а в военных столкновениях были захвачены столь ценные трофеи, логично было поведать, что франкам по праву досталось от гуннов все то, что гунны ранее противозаконно похитили у других народов». Относительно количества награбленного из места хранения традиционно хорошо информированные умбрийские хронисты скорее всего не преувеличивают, упоминая «груженные серебром, золотом и ценными облачениями пятнадцать подвод, в которые были впряжены четыре вола». По приказу Эрика Фриульского они держали путь в Ахен. Остальную часть сокровищ после недолгого военного похода туда же, в отцовскую резиденцию, доставил король Пипин, за что удостоился второго хвалебного стихотворения. Его автором скорее всего был придворный, дипломат и возлюбленный дочери Карла Берты — аббат монастыря Сен-Рикье Ангильбер, явно обладавший поэтическими способностями. Трофеи, монеты из благородных металлов, мечи, шлемы и браслеты, а также прочие ценные предметы Карл в знак особой расположенности раздавал королям и высоким прелатам, причем положенную долю получил и папа римский.

Щедрость короля добавила блеска его харизме, он еще больше возвысился как влиятельный монарх Запада над восточно-римскими кесарями.

Ведь захваченные трофеи состояли прежде всего из дани, выплаченной императорами, а также литургической утвари, которой теперь распоряжался король Карл. Превращение Ахена в королевскую резиденцию благодаря этим трофейным поступлениям приобрело весомый смысл и одновременно материальный фундамент. Едва ли случайно хроники Муассака (в развитие хроник Лорша) к исходу 796 года констатируют: «Ибо здесь [в пфальце Ахена] он укрепил свою резиденцию; воздвиг удивительный по размерам храм, в котором двери и решетки были сделаны из бронзы. В меру возможностей и как это приличествовало, он исполнил весь декор храма с необыкновенной тщательностью и достоинством. Также построил там дворец, который называл Латеранским, и приказал доставить в Ахен сокровища из покоренных империй. В этом месте он воздвиг и многие другие великие строения».

Немалая доля из этих богатейших сокровищ досталась церквям королевства в виде пожертвований во имя укрепления душепоспасительного авторитета храмов Божьих. Самыми знатными получателями даров были епископы и аббаты, но не стали исключением светские люди, графы и придворные. «Кроме того, он великодушно отблагодарил дарами из этих сокровищ верных ему», — свидетельствует один хронист.

Из посланий и поэтических произведений мы узнаем, что особо ценные дары достались митрополитам, которым впоследствии Карл уделил особое внимание в завещании. Архиепископ Петр из рук Лиутгарды, тогда еще не повенчанной с королем, получил серебряное блюдо и кадильницу; Павлин, ученый патриарх Аквилейский, удостоился двух золотых браслетов. Даже королю Оффе, с которым еще несколько лет назад Карл вел своего рода торговую и таможенную войну, были отправлены, по свидетельству Алкуина, перевязи и две шелковые мантильи — для прославления Бога и распространения имени его.

От тех пожертвований почти ничего не сохранилось. Исключение, пожалуй, составляет ценная дароносица в форме кувшина из бургундского аббатства Сен-Морис д'Агон в Валлисе (Вале); эмалевое украшение обязано не степному искусству, а, по наблюдениям Андреаса Алфелди, скорее всего представляет собой булавовидный скипетр аварского происхождения.

КОНЧИНА ПАПЫ АДРИАНА I

В сознании Карла это проявление милости Божией (в виде богатого трофея) стало возможным благодаря великодушному соучастию апостола Петра и его преемника в Риме — папы Адриана. В соответствии с этим из полученного трофея Карл велел отобрать немалое количество даров для высокочтимого святого отца. Однако королевские дары достигли Вечного города, когда папа уже отошел в мир иной. После долгого понтификата, одного из самых длительных за всю историю церкви, папа Адриан I скончался 25 декабря 795 года, и уже на следующий день состоялось его погребение в соборе Святого Петра.

Эта весть потрясла короля, который в начале нового года собирался отправить в Рим верного ему Гомера, уже неоднократно упоминавшегося аббата Ангильбера, чтобы передать собору Святого Петра соответствующую долю аварских сокровищ. Эйнхард свидетельствует, что по усопшему Адриану Карл «рыдал как по брату или сыну, который был для короля любимейшим другом». В послании Карла преемнику на престоле апостола Петра король говорит о мучительной боли, причиненной ему вестью о кончине папы. По свидетельству хроник Лорша, Карл распорядился отслужить молебны по умершему папе во всем королевстве и сделать многочисленные смиренные дары по этому поводу. Даже дары, отправленные в ту пору в Англию, не в последнюю очередь имели отношение к памяти усопшего Адриана I.

Объявленный траур ни в коем случае нельзя рассматривать как просто дипломатическое почтение или официальное проявление соболезнования в адрес Римской церкви. Несмотря на имевшие политический подтекст эпизодические трения между понтификом и королем франков, этот траур носил глубокий и искренний характер. Так, в шестидесятые и восьмидесятые годы Адриан I не раз испытал разочарование, ожидая от имени церкви широкую реституцию патримоний. Адриан I оказался обойденным и при переговорах короля с его внутрииталийскими врагами и противниками. Мало того, Адриана вообще сознательно изолировали от всякой информации. Король, в свою очередь, был чувствительно обижен и раздражен богословски обоснованной и церковно-политически выверенной линией на согласие папы со вторым Никейским собором 787 года как апофеозом нового сближения между Востоком и Западом. Тем не менее в обоих жила неистребимая уверенность, что только рассчитанный на перспективу и осно-

важный на взаимном уважении и даже любви к ближнему союз между папой римским и королем франков мог обеспечить богоугодное благополучие в связке «государство и священнослужение, королевство и церковь». Разве не Карл над криптой апостола Петра подтвердил факт дарения своего отца Пипина, торжественно вручив соответствующую грамоту? Разве не сам римский понтифик произвел помазание сыновей Карла Людовика и Пипина на королевское правление, обновив духовное родство между преемником апостола Петра и новой королевской фамилией франков? Разве их личные встречи не были отмечены уважением и симпатией, а также все возрастающей сердечностью, когда Карл в 774, 781 и 787 годах посещал преемника апостола Петра в Риме? В своем известном послании 782 года Адриан I превозносил Карла как своего Константина, как щит Римской церкви и ее интересов, а в одном стихотворении с посвящением в предназначенном для короля экземпляре предваряет «Дионисия-Адриана». Это был сборник канонов церковного права, принятых на предыдущих соборах, и папский декреталий. В этих документах понтифик дает понять, что король франков может полагаться на неизменную поддержку князей апостолов, если он будет принимать к сведению правовые притязания Римской церкви и следовать ее заповедям.

Как и его отец, Карл полагается на ходатайство апостола Петра, которое обещает ему исполнение его предприятий. Эта «Петрова мистика», связывающая папу с королем франков, образует фундамент, являясь ориентиром в действиях Карла. Как сказано в политическом завещании Карла от 806 года, защита Римской церкви и наместника Христа одновременно является задачей всей династии. Согласие с апостолом Петром и его викарием в Риме — существенная основа королевского правления. Она проявляется в непререкаемой верности обладателю престола апостола Петра. Как нелегко было правоверному королю и в вопросе культа икон, учитывая мнение папы и его авторитет в области вероучения, прекратить публикацию *Libri Carolini*, одновременно подтверждавшую тогдашний уровень богословия франков или, точнее говоря, богословов и ученых при дворе короля Карла! В этой уступке римскому вероучению нельзя видеть поверхностный оппортунизм или даже боязнь духовного противостояния. Скорее всего это было подтверждением мнения, что внутреннее несогласие с преемником апостолов серьезно поколеблет основы королевства франков, которое базировалось не только на своеобразном на-

родном фундаменте, и вообще может поставить под сомнение пресмственность правления династии Каролингов. Незабываемым осталось папское решение 751 года в пользу франкских мажордомов, одновременно покончившее с королевством последних Меровингов и указавшее на нарушенный богоугодный порядок.

С тех пор союз с Римом и внутреннее единомыслие с папой сделались сердцевинной политической убеждений Пипина и Карла в той мере, в какой в их эпоху вообще было возможно экстраполировать политический аспект в качестве отдельной категории действия из сферы общего сознания. Этой центральной директиве действий принципиально были подчинены все существенные шаги короля. Подобный взгляд, правда, не вытекает из биографии Карла в изложении Эйнхарда, поскольку он отводит решающую роль папе только в определенные моменты истории франков, прежде всего в житии своего героя, например, при переходе королевского правления к отцу Карла Пипину или в связи с принятием императорского титула. В этих случаях, кстати сказать, ощущался ярко выраженный негативный акцент. Эйнхард воспринимает Карла как преемника античных Августа и Цезаря. Пример такого подхода он видел главным образом в биографиях Свстония; к этому его подталкивал собственный жизненный опыт, когда с треском рушился прежний баланс власти между церковью и королевством и дело шло уже к утрате властного статуса, сориентированного на языческую и христианскую античность, воплощенного самим Карлом и отразившегося в его жизни. Кстати сказать, этого опыта был начисто лишен его преемник Людовик. Со вступлением на трон Людовика Благочестивого явное и поначалу даже возраставшее влияние церкви явилось следствием проводимой долгие годы политики Карла. Всячески поощряемая и направляемая им христианизация общества почти неизбежно обеспечила религиозным силам в лице морально обновленной церковной иерархии преимущественное положение также при формировании и без того еще не полностью сложившегося государственного сектора, которому народные представления о правлении, особенно о королевском правлении, оказались не в состоянии противопоставить ничего равноценного. Собственные годы правления в значительной степени были свободны от этого напряжения. Только в эпоху Карла папство окончательно освободилось от восточноримских оков. В ходе противоборства с королевством лангобардов, чьим правопреемником стал правитель франков, а также с хозяевами соседних территорий Римская церковь создала

основу для последующего возникновения церковного государства, для формирования и расширения которого требовалась помощь Карла. В свою очередь, королевство франков, управляемое своим монархом, целеустремленно проводило политику экспансии в направлении южных земель бывшей Галлии, Северной и обширных регионов Центральной Италии. Карл присоединил Баварию, затем через Саксонию и примыкающие пустынные местности между рекой Энс и Венским лесом вторгся в некогда языческие территории, занявшись интенсивным миссионерством по крайней мере на землях между Рейном, Везером и Эльбой. Эта экспансия ускорила процесс, обеспечивший в итоге возникновение Западной империи.

Очевидное превосходство королевства франков, ощущаемое и в известных словах, произнесенных Карлом в адрес преемника Адриана I вскоре после его интронизации, предотвратило возникновение противоречий между притязанием на духовное лидерство и королевской властью, «подпиравшей» папу и исходившей из внутренней необходимости. При всем различии характеров Карла и его сына Людовика, существенные черты которых проявляются также в разных концепциях и практике правления, оба воплощают преобладающие тенденции времени. Однако одному они как бы гарантировали успех, а другому — неудачу, по крайней мере на взгляд ретроспективно мыслящего пророка, каковым оказывается историк, по остроумному выражению Фридриха Ницше.

Свидетельством этих тесных уз между папой и королем франков является удивительная эпитафия, высеченная золотыми литерами на мраморной плите. Монарх вскоре после смерти понтифика отправил ее в Рим, чтобы украсить захоронение первосвященника Адриана; она и сегодня врыта в землю портика собора Святого Петра неподалеку от центрального портала. Сделанная из черного североальпийского мрамора размером 2,20×1,17 м, обрамленная стилизованным орнаментом в виде выющихся растений с позолоченными литерами так называемого каролингского шрифта, приближающегося к античным римским надписям, по своему внешнему облику напоминающего древние рукописи придворной школы с применением золотых литер на окрашенном пурпуром пергаменте.

Особенно это касается ценного образца старины, уже упомянувшегося выше и вошедшего в историю в честь его автора как Псалтырь Дагелайфа. Листы этой рукописи, напоминающие чуть

более поздний так называемый Евангелистарий Годескалька, обрамлены фризом, украшенным орнаментом. Эта характеристика позволяет сделать вывод о том, что и рукописи и эпитафия выполнены в одной и той же мастерской, а текст надписи с высокой долей вероятности был составлен Алкуином, в то время как произведение на ту же тему его нередко более удачливого конкурента Теодульфа Орлеанского увековечено не в камне. Создание мемориальных знаков, призывающих к молитвенному поминовению усопших во имя сближения с их душами в потустороннем мире и смягчения привязанных ко времени наказаний за совершенные грехи, широко утвердилось в период понтификата Григория Великого, о чем свидетельствует появление списков умерших (в монастырях), метрических книг, поминальных списков и мемориальных реестров, учреждение «молитвенных союзов» и нанесение эпитафий на надгробные камни.

Цели сострадательного поминания служили и надписи, которые Карл велел сочинить в память о скончавшемся римском папе, а именно в поэтической конкуренции между Теодульфом и Алкуином. Епископ Орлеанский решил поставленную задачу традиционным образом. В своей эпитафии король выражает глубокую скорбь в связи с кончиной папы, «красы церкви», «светоча града и всей земли». В тот скорбный день, пишет поэт, Карлу вновь припомнились уход из жизни родителей, душевные страдания, связанные со смертью его отца Пипина, и страшные переживания из-за кончины его матери Бертрады. К посетителю собора Святого Петра обращена просьба пожелать «безмятежного покоя» душе отошедшего в мир иной Адриана. «Король и Бог, сохрани раба Твоего!» Теодульф в заключение дает волнующее *Memento mori**: «Кто бы ты ни был, читающий этот стих, знай, что однажды ты станешь тем же, что и он. Ибо всякой плоти уготован этот путь». Не случайно открытый саркофаг под известной фреской эпохи раннего Ренессанса с изображением Троицы во флорентийской церкви Мария Новелла содержит следующую приписку: «*Fu qia che voi sete, e quell qui son voi ancor sarete*»**.

Если отставить эмоциональную форму обращения и чувственную интонацию высказывания, перекинувшего мостик между смертью собственных родителей и болью Карла по кончине понтифика, то остается сравнительно традиционная просьба молит-

* Помни о смерти (*лат.*).

** Усопший, вы умирали от жажды и у этого источника бросили якорь (*ит.*).

ся об умерших и помнить о них. Правда, это прошение особо выделяет инициатора, а также втягивает скончавшегося папу в эмоциональную орбиту, связывающую короля с его родителями.

Этот, безусловно, самим королем заданный контекст приобретает реализацию в стихотворении Алкуина, которому выпала особая честь быть выбитым золотыми буквами на мраморе, — эпитафия Адриану — одновременно своеобразная дань памяти здравствующему Карлу. И в этой надписи сам король адресуется к потенциальному читателю и смиренному наблюдателю. Алкуин также вначале славит покойного папу и его благочестивых родителей; но значимость его определяется прежде всего заслугами, которые он стяжал, — «умножал привлекательность храмов, кормил бедных; силой своего учения он воздвиг твои стены, Римский град, известная глава и краса всей земли». Этот раздел заканчивается предложением: «Славу его не попрала даже смерть... она шире распахнула ему врата в жизнь».

Тем самым намечается новая тенденция в стилевом оформлении надписей, которые существенно отличаются от прошения Теодульфа о молитвенной памяти о скончавшемся папе.

Ходатайство об отошедшем в мир иной Адриане должно содержать молитву о жертвователе! «Наши имена Я [Карл] связываю одновременно со званиями: всеизвестный Адриан и король Карл, я и Ты, Отче. Пусть каждый читающий это поэтическое слово, смиренно попросит, переполняясь благодатью в сердце: Боже, помилуй великодушно обоих». Когда прозвучит труба, возвещающая о начале Страшного суда, воскреснет Адриан с князем апостолов и «войдет в радость Господню». Тогда, честнейший Отче, прошу Тебя, помни сына Твоего, повторяя: вместе с отцом пусть ее обретет и сын мой». Вдвойне крепкие узы связывают здравствующего и усопшего: король еще при жизни хочет быть причастным к молитве, совершаемой у могилы Адриана в соборе Святого Петра. Скончавшийся понтифик — «уже праведник, взошедший в селения блаженных, он вместе с апостолом Петром в день Воскресения и Страшного суда войдет в радость Господню; подобно святому у престола Всемогущего Бога он станет ходатаем за своего единокровного, короля Карла». Не папа, а сам Карл особым образом нуждается в молитвенной поддержке и памяти. «Призыв, обращенный к скончавшемуся папе и читателям, молиться за Карла выделяет эпитафию Адриана из всех сохранившихся и дошедших до нас эпитафий и превращает ее в неповторимое свидетельство того времени» (согласно вы-

сказыванию Себастьяна Шольца). Недалеко от крипты князя апостолов Адриан I стал для короля Карла несравненным ходатаем и целителем души.

Это основание специфическим образом материализует мистическое отношение к апостолу Петру и органичную связь с Римом, получившую эмоционально-правовое оправдание в духовном родстве и дружественном союзе между королем и папой. Прежде всего эти духовные и религиозные узы питали политику короля Карла, именно о них еще в эпоху мажордомов на одном епископском соборе было заявлено как об основе основ существования франков.

ИЗБРАНИЕ И ИНТРОНИЗАЦИЯ ПАПЫ ЛЬВА III

Уже на второй день Рождества, праздника первомученика Стефана, скончавшийся Адриан I обрел своего преемника в лице Льва III. Новый папа, как и его предшественник, сформировался в лоне Римской церкви, сделав карьеру в папской гардеробной, где, кроме облачений, хранилась также церковная утварь. В отличие от Адриана I он не имел отношения к городской аристократии, и уже в юном возрасте родители — Атцуппиус и Элизабет — отдали его на воспитание церкви, где он дошел до кардинала Санта-Сузанна.

Нам ничего не известно о партиях или фракциях, поддерживавших возвышение Льва. В книге папств его житие, вполне сравнимое по структуре с биографией Адриана, в линейном изложении обрывается на 801 годе, то есть на следующий год после коронации Карла как императора, хотя почти двадцатилетний понтификат Льва III также один из самых продолжительных в истории церкви. Таким образом, особенность правления Карла заключалась в том, что ему было суждено стать партнером только двух римских понтификов.

Книга папств (*Liber Pontificalis*) характеризует Льва как целомудренного человека, отличавшегося красноречием и величием духа, а также мужеством. Он сделал немало пожертвований для римских храмов. Прежде всего отмечаются выполненные по его настоянию украшения трапезной в Латеранском дворце, известные нам, правда, лишь из дошедших, по преданию, рисунков и попыток реставрации, но тем не менее дающие определенное представление о концепционных политических взглядах этого

Карл Великий.
Отреставрированная
бронзовая
статуэтка
из сокровищницы
собора в Меце,
IX в.
Париж, Лувр.

Восковая, так называемая
судебная, печать на грамоте,
выданной монастырю
Сен-Дени и датированной
8 марта 812 г.
Париж, Национальные архивы.

Восковая печать на одной
из грамот Карла Великого,
выданных епископии
Вюрцбурга 7 августа 807 г.
Государственный архив Вюрцбурга.

Пфенниг Карла Великого, короля франков.
Североиталийская серебряная монета, 774 г.
Брюссель, Королевская библиотека.

Римская золотая монета императрицы Ирины, отчеканенная
на монетном дворе Константинополя после 797 г.
Ганновер, Кестнер-музей.

Дирхам халифа Харуна ар-Рашида. Серебряная монета,
отчеканенная на монетном дворе Багдада в 799—800 гг.
Тюбинген, собрание монет университета.

Денарий папы Льва III с монограммой Карла Великого. Серебряная
монета, отчеканенная на монетном дворе в Риме после 800 г.
Монетный кабинет государственных музеев Прусского культурного наследия.

Герцог Саксонии
Видукинд.
Лепной барельеф
из Северной Германии
с фрагментами
росписи на плите
перестроенного
надгробного
памятника
в стиле барокко
в соборе Энгера
(округ Герфорд),
предположительно
последняя
четверть XII в.

«Наша имена соединяю я, Достойнейший,
одновременно с титулами Адриан и Карл,
и — король и ты — Отче».
Пожертвование Карла Великого —
надпись на могильном памятнике Ахена.
Похороненная эпитафия Алкуина
в честь Адриана I.
Датируется предположительно 795 г.
Рим, притвор собора Святого Петра.

liber sci panti in hamersleben

De re publica et de
de re publica et de

Карл Великий и ученый Алкуин. Миниатюра из сборника рукописей,
дата возникновения — третья четверть XII в.
в монастыре Гамерслебен.
Ганновер, Кестнер-музей.

Карл Великий и его сын Пипин беседуют с писарем. Миниатюра копии, изготовленной в Верхней Италии и датированной 991 г. Оригинал сборника обычных прав датируется периодом между 829 и 832 г., составлен Люпусом Ферьером. Предназначался для графа Эбергарда Фриульского.
Модена, библиотека Капитоларе.

Чаша герцога Баварского Тассилона. Позолоченное медное изделие.
Работа мастера из южнотемского региона, предположительно
Зальцбурга. Датируется приблизительно 780 г.
— Собор в Кремсе, Бенедиктинский монастырь.

Карл Великий на молебне перед битвой с обреченными на смерть рыцарями. Фрагмент барельефа на верхней части гробницы Карла. Ювелирная работа золотых дел мастера из Ахена, датированная между 1183 и 1215 г.

Ахен, из сокровищницы собора.

Папа Лев III возлагает корону императора
на Карла Великого в Риме 25 декабря 800 г.

Император Оттон III вскрывает гробницу Карла Великого
в Ахенском соборе в 1000 г. Северонемецкие миниатюры
из рукописи «Саксонская всемирная хроника»,
датированной после 1260 г.

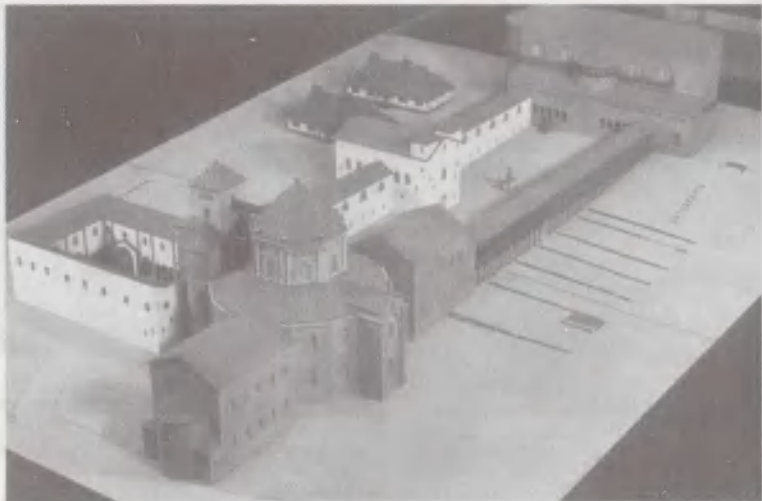
Бремен, Государственная университетская библиотека.

Христос и двенадцать апостолов; Христос между апостолом Петром
и императором Константином;
апостол Петр между Львом III и Карлом Великим.
*Поврежденная мозаика триклиниума Льва III в реставрированной копии
Бенедикта XIV на Латеранской площади в Риме, 1743 г.*

Изображение псалмопредания: от царя Давида
через пресвитера Бонифация как посредника папской заповеди
к святому Иерониму. Миниатюры на переплете Псалтыря Дагелайфа,
выполненные из слоновой кости по поручению Карла Великого
в период с 783 по 795 г.
Париж, Лувр.

Дворец династии Каролингов в Ахене. Макет на основе реконструированного пфальца эпохи Карла Великого.
Ахен, замок Франкенберг.

Пфальц в Падерборне, главном опорном пункте франков на оккупированных землях саксов. Вид на фундамент первого внутреннего двора эпохи Каролингов.

Кафедральный собор в Ахене, сооруженный Одоном Меценским и освященный в 800 г.

Южная оконечность Фосса-Каролина близ селения Грабен, канала между Альгмюлем и швабской рекой Рецатом, построенного для преодоления европейского водораздела между Дунаем и Рейном.

Арка Эйнхарда. Макет
несохранившейся
Каролингской
дароносицы —
работы золотых дел
мастера на основе
рисунка XVII в.
*Зелигенштадт, садово-
парковый музей.*

Похищение
Прозерпины
Плутоном. Фрагмент
мраморного
саркофага,
созданного в Риме
в первой четверти III в.
Согласно
позднесредневековой
традиции в нем
погребен Карл
Великий в 814 г.
*Ахен, катитул
каноников.*

«Солидус» Карла Великого. Золотая монета, отчеканенная на монетном дворе Арлес и датированная между 812 и 814 г.

Обнаружена во время раскопок 1996 г. на территории императорского пфальца Ингельгейм-на-Рейне.

Майнц, Земельное ведомство по охране археологических памятников.

Миниатюра с изображением юдеев жизни из евангелистария, созданного по поручению Карла Великого и его супруги Гильдегарды писарем Годескальком между 781 и 783 г.

Париж, Национальная библиотека.

Начальная страница Псалтыря Дагелайфа, составленного в период с 783 по 785 г. по поручению Карла Великого специально для папы Адриана I.

Вена, Австрийская национальная библиотека.

Четыре евангелиста.
Миниатюра, датированная
примерно 810 г.
Создана специально
для Карла Великого.
Ахен, из сокровищницы собора.

Дароносица в виде кувшина.
Из листового золота
с византийскими эмалевыми
вставками; создана
в начале IX в.

*Кантон Валлис, Швейцария,
аббатство Сен-Морис д'Агон.*

Месяцы года, показывающие распорядок сельскохозяйственных работ. Миниатюра в рукописи, созданной примерно в 820 г. в Зальцбурге. Мюнхен, Баварская государственная библиотека.

Лев III с макетом храма и Карл Великий во франкском национальном костюме. Акварель в стиле барокко. Датируется примерно 800 г. Фрагмент несохранившейся мозаики в апсиде церкви Святой Сюзанны в Риме.

Апостолическая Ватиканская библиотека.

Раздел империи Карла Великого в 806 г. согласно старофранкской традиции: император в одеянии повелителя перед своими сыновьями Карлом, Пипином и Людовиком, предопределенными преемниками императорской власти на территории империи.

Миниатюра в «Хрониках королей Франции», XV в.

Шантили, музей Конд.

папы. Главным для него было отношение между светским и священническим правлением. В историческом контексте этот подход обнаруживал связь с папой Сильвестром I и императором Константином, а в современном ему плане такой взгляд проецировался на него самого и на короля Карла.

Нам мало что известно о силах, работавших на однозначное и стремительное возвышение кардинала, сферой деятельности которого была гардеробная, в отличие от его оппонентов, уже несколько лет спустя породивших серьезный кризис понтификата Льва III и даже угрожавших его жизни. Судя по всему, их имена следует искать в высших структурах ватиканской бюрократии, которые скорее всего оказались не у дел в рождественские дни 795 года.

Непосредственно после интронизации новый папа связался с королем франков. Согласно тексту подробного ответа, направленного Карлом преемнику Адриана I, король получил своего рода уведомление об избрании, как это было принято издревле, однако по отношению к императору в Константинополе! К радости Карла, в послании содержалось обещание хранить нерушимую верность королю франков. Столь дружеские слова были призваны смягчить острую боль, которую испытал Карл в результате смерти «любимейшего отца и самого верного друга». Папские эмиссары прибыли не с пустыми руками: они передали королю особой значимости дары — ключ к могиле апостола Петра и знамя города Рима, предположительно в виде трезубого полотна наподобие более поздней мозаики триклиния в Латеране; похожие дары Карл получил некоторое время спустя из рук патриарха Иерусалимского. Ключ к могиле апостола Петра мажордому Карлу Мартеллу, деду нынешнего правителя франков, отправил еще папа Григорий III. Знамя и ключ символизировали покровительство и правление, причем их передача означала политическую взаимосвязь между дарителем и одаренным. При сдаче Уэски и Тортосы командующему франкскими войсками также имела место передача ключей в знак капитуляции. Соответствующая сцена изображена и на «ковре Байи», не говоря уже о церемониальной сдаче Бреды в 1625 году испанскому командующему графу Спиноле на величественной картине Диего Веласкеса.

Ключ от могилы апостола Петра и знамя города однозначно указывают на хоть и не обозначенное, однако признанное положение правителя франков в качестве покровителя пап и Вечного города, отраженное в официальном титуле «патриций римлян». Поэтому вполне логично, что папское посольство от имени сво-

его господина призвало короля, «чтобы он направил кого-нибудь из своей знати для приведения римского народа к присяге верности и подчинения королю». Тем самым содержащийся в титуле патриция лишь намек на правление был наполнен правовым содержанием. Заметим в этой связи, что в одно из своих прежних появлений у могилы апостола Петра король Карл просил Адриана I о позволении ступить на территорию Вечного города и посетить основные римские храмы. Рим и римляне в начале 796 года оказались в том же положении, как до них Беневенто и его жители, которым несколько лет назад пришлось присягать на благонамеренное поведение и лояльность.

Согласно подкорректированным имперским хроникам, придворный короля Ангильбер во главе посольства был направлен в Рим, чтобы передать папе его долю захваченных у аваров сокровищ. Речь шла о ценностях, список которых составлялся по указанию короля для скончавшегося Адриана I. Биограф Эйнхард впоследствии отметил чрезвычайную щедрость Карла, пожертвовавшего много чего для украшения собора Святого Петра.

В двух документах (в упомянутом ответном письме Карла Льву III и в инструкции для Ангильбера) как в зеркале сфокусированы политические и религиозные установки Карла на этом важном этапе совместного пути короля франков и преемника апостола Петра. Вместе с тем оба документа отбрасывают первую мрачную тень на нового папу.

Нельзя не заметить, что Карл против обыкновения в своей прежней переписке с папами сейчас при указании адресата вначале упоминает самого себя, что позволяет сделать вывод о новом акценте во взаимоотношениях короля с папой. Далее Карл призывает получателя письма обратить серьезнейшее внимание на инструкции, о которых ему расскажет его помощник и придворный Ангильбер, «чтобы Вы осознали... что требуется для возрастания Святой церкви, а также для укрепления Вашего служения и для усиления нашего патрициата». Эта формулировка ясно дает понять, что положение папы Льва не являлось однозначным, ибо нуждалось в постоянном подтверждении. По-видимому, сведения об этом королевский двор получил из кругов, связанных с папскими эмиссарами.

В центре объемного послания в адрес понтифика оказывается раздел, нередко из-за ошибочного понимания и обостренной интерпретации, по нормативности и стилю сравнимый с папскими декретами, на взгляд монарха, определяющий и разграни-

чающийся задачи светского и священнического служения, то есть королевства франков и римского папства. И эти предложения недопустимо выдергивать из общего контекста перемен в понтификате и тех проблем, которые уже тогда, казалось, начали обращать на себя внимание в личности нового понтифика. Так, в послании говорилось: «Подобно тому, как я заключил союз священного родства с Вашим предшественником, точно так же я желаю укрепить нерушимый союз верности и любви с Вашим святейшеством». Далее следует изложение трех основополагающих моментов этой обновленной клятвенной дружбы: «Наша задача такова: с Божией помощью отвращать церковь Христову от вторжения язычников и защищать от разорения неверующих воинов. А изнутри обеспечивать признание соборной веры. Ваша задача, Святой отец: вместе с Моисеем воздеть руки для поддержки нашего воинства, дабы народ христианский через Ваше ходатайство пред Богом как Главой и Дарителем неизменно брал верх над врагами имени его и дабы прославлено было имя нашего Господа Иисуса Христа во всем мире».

Такое разделение труда в христианском обществе при поверхностном взгляде на вещи якобы отводит папе сугубо пассивную роль молитвенника, а вот королю — активную роль борца за веру вовне и блюстителя веры внутри. Такого рода подход вполне соответствует представлениям не в последнюю очередь Адриана I о том, что главным образом молитва понтифика и одновременно преемника князя апостолов гарантировала триумф над язычеством и неверием, который Карл не раз имел моральное право записать себе в актив. К этому контексту добавляется стремление короля к сохранению подлинной веры, отвержение ересей, забота о правильном культе и соблюдение церковно-правовых норм исключительно сообразно обязательному вероучению и догматам Римской церкви. Разве Карл не заявлял о признании им римского толкования церковных песнопений, литургии и церковного права, принимая из рук папы аутентичные кодексы и руководствуясь ими в своих реформаторских усилиях?

Карл не был царем и священником по примеру ветхозаветного Мелхиседека. Он принял геласианское учение о двух властях, отводящее приоритетную роль священнику по причине его ответственности за души верующих на Страшном суде, если даже, как уже было сформулировано в «Общем призыве» 789 года, он ориентировался на святого царя Иосию, «который старался возложенное на него Богом царствие отозвать путем странствий, улуч-

шений, назидания и почитания настоящего Бога». Карл не посягает ни на вероучительный авторитет преемника апостола Петра, ни на его священнические или епископские функции, например совершение святой евхаристии и святых таинств или рукоположение. Тем не менее явный акцент на защиту и сохранение веры изнутри указывает на одухотворение королевского достоинства, что предполагает корректирующее высшее надзирание над христианским обществом, причем не нарушая папские, епископские и священнические привилегии.

Бросается в глаза кажущийся переход границы с учетом конкретной ситуации в начале 796 года. Ведь эти программные установки дополняются весьма странными назиданиями по адресу получателя послания, каковым являлся новый папа.

Так, Лев III должен строго придерживаться канонических предписаний и догматов святых отцов, «своим образом жизни давать примеры святости в целях назидания христианства» и даже быть светочем для людей. И эти странные размышления, включенные в послание, изначально задуманное как поздравительное в адрес нового преемника апостола Петра, наводят на мысль о целенаправленном воздействии слухов из римского посольства при дворе франков.

В инструкции для Ангильбера Карл, естественно, выражается еще однозначнее. Королевский эмиссар должен призвать папу следовать серьезному (!) образу жизни, соблюдать каноны и смиренно руководить церковью, причем он должен осуществлять это в соответствии с атмосферой на переговорах. Но прежде всего королевскому эмиссару следовало уберечь папу от симонистской ереси, от торговли должностями, и вообще разъяснить папе все то, что Карл и Ангильбер нередко бурно осуждали в своем кругу.

Вместе с тем Карл примирительно закликает папу, чтобы он, подобно Адриану, «стал для нас смиренным отцом и за нас несравненным ходатаем».

В душе Карла происходило явное бореение между надеждой и недоверием. Первые вести из Рима определили выбор четкой интонации.

Если в 772 году юному Карлу противостоял опытный, безукоризненный Адриан, то теперь партнером зрелого монарха оказался явно не застрахованный от промахов Лев III, не сумевший заручиться поддержкой даже своего ближайшего окружения.

Было ясно, что этот понтификат начался не под счастливой звездой.

ЗАХВАТНИЧЕСКИЙ ПОХОД В ЗЕМЛИ АВАРОВ

Уверенность Карла в своей правоте, проявившаяся в самом характере его послания святейшему отцу, вероятно, была связана с тем, что годом раньше один из аварских князей, по имени Тудун, заявил о готовности покориться королю франков и принять христианство, что и произошло зимой 795—796 годов.

Тудун прибыл с многочисленной свитой в Ахен, где его крестил сам король Карл. Такую честь духовного родства Карл уже оказывал в 785 году вождю саксов Видукинду. Осыпанный богатыми подарками и почестями как союзник франков, аварский князь вместе со свитой покинул резиденцию короля франков и вернулся в свои родные Карпаты. Правда, отступничество от монарха и Евангелия, как сразу же отметили хронисты, не заставило себя долго ждать, ибо в родных местах окрещенный вождь столкнулся с обстановкой, противоречившей его новой политической и религиозной ориентации. Тем не менее сам обряд крещения и обращения гуннов в новую веру произвел на современников глубокое впечатление. Так, безусловно, самый даровитый поэт в монаршем окружении — Теодульф отметил успех Карла возвышенными стихами, вызывающими огромный интерес в культурно-историческом плане: «И вот пришли авары, арабы и кочевники, низко склонившись перед королем. Ко Христу обратился гунн с заплетенными в косы волосами. Совсем недавно еще буйный и дикий, он предстает смиренным и покорным».

Распад вызывавшей всеобщий страх империи аваров шел полным ходом: военное преимущество, которое «гражданская война», как имперские хроники именуют противостояние между Караном, Югурром и другими вождями кланов, давало противникам большие возможности. Вспомним, герцог Эрик Фриульский с помощью славянина, хорошо знакомого с местностью, достиг безлюдного «кольца» в долине рек Тиса и Дунай, где захватил гигантские трофеи для короля Карла, которые после распределения на территории формирующегося Запада от Англии до Рима ярко продемонстрировали щедрость короля и харизматический настрой монарха, проявившиеся в материальной поддержке собора Апостола Петра.

Между тем в пределах «кольца» оставались еще неизъятые сокровища. Завладеть ими и доставить в Ахен Карл поручил своему сыну Пипину, королю Италийскому, в то время как он сам в сопровождении Карла юного и Людовика Аквитанского вновь

пошел войной на мятежных саксов. При поддержке немногочисленных алеманских и баварских отрядов Пипин через Фриуль вышел к Дунаю, где контингенты соединились. В военном лагере на территории Саксонии до Карла дошли два радостных сообщения из юго-восточных регионов. В одном из них говорилось, что новоизбранный Каган провел Пипина вдоль Дуная и заявил о своем подчинении франкам. Как говорилось в достаточно бездарном произведении «Ритм о победе Пипина над аварами», Каган воскликнул: «Приветствую тебя, наш господин, я в руки передам тебе империю свою. Вместе с последним комком земли и листочком с дерева, лесами, горами и холмами, со всем, что растет... и дети наши будут в подчинении твоём». Впрочем, Каган ничего не сказал о военных действиях, отдав предпочтение мирному урегулированию. По-видимому, часть его народа переправлялась на другой берег Тисы, чтобы таким образом избежать франко-италийского вторжения. Вторая дошедшая до Карла весть содержала данные о том, что его сын форсировал Дунай и достиг «кольца». Пипин словно подбирал остатки трофеев за Эриком Фриульским и в конце года доставил их в Ахен к отцу, «который с радостью ожидал его прибытия».

Предполагаемый ответный удар аваров в 791 году, возможно, вызванный строительством Фосса Каролина с целью соединения речных систем Рейна, Майна и Дуная и не позволивший Карлу более масштабно использовать военную мощь против саксов, на деле оказался блефом. Франки вместе с союзниками сами осуществили грабительские походы на земли противника, а соперничавшие друг с другом князья были не в состоянии оказать ни политическое, ни военное сопротивление. Исчезновение аваров с исторической арены наметилось уже в этом распаде власти, хотя экспансия франков не достигла старой пограничной зоны между рекой Энс и Венским лесом и не перешла гребень Венского леса. В Паннонии, на территории которой возникла нынешняя Венгрия, правил Тудун. Он сначала формально покорился франкам, в то время как часть его народа (об этом уже говорилось выше) переместилась на восток и осела на противоположном берегу Тисы, открывшись с фланга болгарам.

Хотя в биографии короля Карла Эйнхард в значительной степени ориентируется на житие античных императоров и их взгляды, уделяя церковной тематике весьма скромное место, бросается в глаза, что захвату трофеев на аварских землях он посвящает

изволнованные строки, в то же время ни словом не обмолвившись о миссионерских усилиях на этих землях. В том же духе фиксируют исторические события и имперские хроники. Конечно, произошедшее в 798 году возвышение Зальцбурга до уровня архиепископии усилиями приближенного к Карлу Арна, в результате чего одновременно возникла баварская церковная провинция, объяснялось и миссионерской деятельностью в юго-восточном регионе, эффективность которой, на мой взгляд, справедливо была поставлена под сомнение более поздними исследованиями. Ничего изменить в этом деле не мог и обращенный к Арну призыв Карла, отмеченный в одном более позднем источнике, — «идти в земли славян, проявлять заботу о всей территории, налаживать церковную жизнь в епископском духе, укреплять народы в вере и в христианстве путем проповедничества». Освящать храмы, назначать священнослужителей, проповедовать народу — со всем этим Арн вроде бы справлялся наилучшим образом.

Вообще впечатление о серьезной и тщательной эвангелизации связано, очевидно, с отдельными священнослужителями — участниками военных походов 795—796 годов во главе как раз с Арном Зальцбургским и высокочтимым Павлином Аквилейским. Именно они представляли территории, граничившие с поселениями языческих гуннов. Отмечался также резонанс на оценки и планы этих влиятельных личностей, прежде всего в посланиях Алкуина. Именно он с появлением новой сферы миссионерства подверг прежние методы обращения саксов в христианство смелой и уничтожающей критике.

Впрочем, уже тогда наметился продолжительный конфликт между церквами Зальцбурга и Аквилеи в сфере ответственности за миссионерство в юго-восточном регионе, которому положил конец Карл в 811 году. Монарх повелел считать приток Дуная Драву «мокрой границей» сфер влияния. До того, по крайней мере до 803 года, процесс эвангелизации на противоположном берегу реки Энс складывался крайне сложно, перемежаясь частыми бунтами.

Когда сопровождавшее Пипина духовенство достигло берега Дуная, состоялось импровизированное заседание собора под председательством епископа Аквилейского. В откровенно прагматическом ключе было достигнуто взаимопонимание относительно некоторых аспектов целенаправленной миссионерской деятельности среди аваров. Его участники единодушно решили, что весьма трудно вводить «этот грубый и неразумный народ, невежествен-

ный и безграмотный» в тайны христианской веры. Здесь нельзя использовать принуждение или откровенное насилие.

Несмотря на устоявшиеся привычки и заповеди, крещение может совершаться по субботам, за исключением крещения детей, для чего, как правило, отводятся праздники Пасхи и Троицы. В этом допущенном исключении косвенно проявляется серьезная проблема миссионерства и связанного с ним умиротворения: нехватка священнослужителей стала существенным препятствием при распространении Евангелия уже среди саксов.

Неплохо устроившись аббатом монастыря Святого Мартина в далеком Туре, Алкуин, как обычно, не скупился на добрые советы своим корреспондентам, которые, правда, отдавали должное его безграничному прямодушию и взвешенной оценке прежней миссионерской деятельности. Между тем прижившийся на континенте англосакс еще годом раньше установил контакт с герцогом Эриком Фриульским и поэтому обладал всей информацией, связанной с аvarами. Не в последнюю очередь из-за территориальной близости с покоренными племенами он вскоре обратился к епископу Аквилейскому Павлину с просьбой подсказать, что тот собирается предпринять в миссионерском плане, тем более что аварские эмиссары направились к королю и обещали признать его королевское достоинство, а также принять христианскую веру. Он также просит совета у епископа Арна Зальцбургского, очевидно, сопровождавшего отряды Пипина, направлявшиеся к Дунаю. Одновременно он успокаивает его в раздумьях о мощи противника: «Та империя была крепкой и сильной, но крепче тот, кто ее одолел: в его руке вся мощь королей и королевств».

Этим посланием Алкуин открывает также интеллектуальную кампанию против прежней миссионерской деятельности, на его взгляд, в основном оказавшейся неудачной. Основную причину этого он видит во взыскании церковной десятины: «Провозвестник благочестия, но не мытарь, ибо новая душа должна быть вскормлена молоком апостольской веры, пока она растет и крепнет, обретая способность воспринимать жесткую пищу. Но десятина, как говорят, подрывает веру саксов». Резкая критика бесчувственных действий переплетается у него с детальным выделением собственных недостатков: «Как мы можем набрасывать ярмо на шею невежественных, непосильное ни для нас, ни для наших братьев?» Совершенно естественную поэтому мысль о необходимости отказаться от требования взыскивать с аvarов десятину Алкуин

повторяет и в своем настоятельном обращении к королю. Поэтому стоит взвесить, пишет он, «могли ли апостолы, наученные тем Богом Христом и посланные на проповедь по всему миру, потребовать всюду уплату десятины», и далес продолжает: «Мы знаем, что взимание десятины с нашего владения — дело правильное. Но лучше потерять десятину, нежели веру. Мы же, рожденные, воспитанные и наставленные в соборной вере, едва ли согласимся, чтобы все наше владение облагалось десятиной; насколько упорнее тогда нежная вера, детский разум и скупые чувства будут противиться этому пожертвованию?»

Со ссылкой на отцов церкви Иеронима и Августина Алкуин намечает верное направление миссионерства среди язычников, которое еще до совершения крещения требует просвещения в основных аспектах веры: «Укрепившийся таким образом в вере человек становится подготовленным к крещению. Он должен знать о бессмертии души, о будущей жизни и о Страшном суде, о дьяволе и Иисусе Христе, а также о Святой Троице, о возвращении Господа Христа, Его страстях и Его Воскресении, Вознесении и телесном возрождении, а также о вечных адских муках во имя совершивших прегрешения и похвалы праведникам».

Понравилось ли королю столь откровенное высказывание, нам неизвестно. Ведь оно содержало принципиальную и целенаправленную критику его проповеди «железным языком». Алкуин затрагивает еще один отрицательный аспект миссионерской деятельности, а именно уже неоднократно отмечавшуюся нехватку способных священнослужителей: «Пусть Ваше мудрейшее и Богоугодное смирение породит благочестивых проповедников для нового народа: честных и нравственных, воспринявших науку Святой веры, проникнутых значимостью евангельских предписаний и побуждаемых образцами Святых апостолов в деле распространения Слова Божия».

Сам факт наличия неподходящих миссионеров резко контрастировал с этой идеальной картиной праведного проповедника. Тем не менее Алкуин в те месяцы неустанно доводил свои требования и оценки в виде многостраничных посланий до членов королевского двора. Цель этих обращений заключалась в том, чтобы соответственно воздействовать на короля. Эти оценки доходили и до Арна Зальцбургского, которому Алкуин старался помочь избежать катастрофы в миссионерской деятельности среди саксов в юго-восточном регионе, «потому что эти [саксы] никогда не признавали сердцем основы веры».

В такую духовную атмосферу вписывается, наконец, и просьба Алкуина к королю пощадить пленных, уведенных Пипином из «кольца». Уже в 791 году Карл оставил за собой право единолично определять судьбу захваченных аварцев. Просьба Алкуина, который в щадящем отношении к противнику справедливо видел существенную предпосылку успеха миссионерских усилий, была исполнена. В любом случае он выразил Пипину свою благодарность за то, что тот велел освободить пленных. Среди них, как свидетельствуют более поздние источники 799, 809 и 816 годов, оказался и знатный лангобард по имени Айон из Фриуля, бежавший к аварам и взятый в плен Пипином в 796 году. Через три года Карл помиловал бывшего мятежника, вернув ему владение во Фриуле (в области Виченца и Верона) в расчете на безупречную верность.

Новый военный, а вернее сказать, разбойничий набег на аварские земли вовсе не стал единственной акцией в 796 году. Во главе войска и в сопровождении сыновей Карла и Людовика монарх вторгся во внутренние районы Саксонии, «где скопились мятежники, все сжигая и разоряя на своем пути». Карл захватил немалые трофеи, а севернее притока Рейна Липпе в округе Драйн получил заложников. В местечке Алисни, что на ольденбургском наречии произносится как «Алсе», на некотором удалении от селения Элсфлет скорее всего с помощью понтонов Карл форсировал Везер. Вновь подвергся разорению округ Вихмодия как центр мятежа, причем франки забрали с собой «несметное количество» пленных мужчин, женщин и детей. Здесь осенью король встретился со своим сыном Пипином, вернувшимся в ахенскую резиденцию с остатком аварских трофеев. Военные успехи этого года вновь укрепили харизматический авторитет короля франков.

О другой военной экспедиции свидетельствуют обычно хорошо информированные хроники Лорша. Они внимательно отслеживали этот поход из южногалльского Муассака. Операция была направлена против сарацинов и осуществлялась в южных пограничных регионах королевства франков. Однако кроме как о разорениях, которым в результате подвергся этот регион, ничего не сообщается. Тем не менее придворный поэт Теодульф увидел в такой активности основание для надежды на скорое подчинение Кордовы франкам. Однако эта цель осталась не более чем утопией. Не случайно наши основные источники обходят данные события молчанием.

Сам Карл вновь отметил Рождество 796 года и Пасху 797 года в своем зимнем пфальце в Ахене, превращенном в главную резиденцию. Кстати сказать, на Карла впервые свалилось достаточно продолжительное заболевание, причинившее ему «душевные и физические страдания».

Видимо, как далекое эхо на военные столкновения в пограничном регионе из мусульманской Испании до двора дошли радостные вести, свидетельствовавшие также о нестабильности эмирата Кордовы, возникшей в результате смерти энергичного и опасного Хишама. Его преемник аль-Хаким I столкнулся с мощной внутренней оппозицией, в отличие от происков семидесятих годов искавшей сближения с королем франков. Выразителем этих настроений был, к примеру, командующий гарнизоном Барселонны Санд, заявивший о подчинении Карлу в самом Ахене. В противоположность пиренейской авантюре 778 года, закончившейся катастрофой в Ронсевале, король франков ограничился тем, что направил в Уэску Людовика Аквитанского. Между тем осада города явно не удалась. Параллельно с этой экспедицией король Пипин по воле отца отправился из Италии в поход против славян, предположительно против южнославянских народов, поскольку к его лангобардским отрядам присоединились и баварские контингенты. Детали этой операции нам также неизвестны. То, что одновременно в Паннонии находился франко-лангобардский отряд под командованием Эрика Фриульского, можно было бы расценивать как быстро произошедший отход едва обращенного в христианство Тудуна от королевства франков. И здесь источники безмолвствуют. Хотя известно, что имело место столкновение, закончившееся победно для Эрика, в результате которого был значительно ослаблен еще не совсем иссякший военный потенциал аваров.

Прежде чем отправиться в повторяющийся почти что ежегодно поход против саксов, Карл раздал грамоты своим самым лояльным и верным подданным. В них ярко отражается понимание Карлом правовой специфики в контексте имперского и королевского владения. Как сказано в дипломе, выданном аббатству Прюм, его аббату после выяснения сути дела и возвращения подтвердительных грамот поначалу пришлось отказаться от двух хозяйственных дворов (виллы) в далеком Анжу. На них он претендовал в качестве наследника матери и бабушки для себя и потом для своего монастыря, владение которым ему «в доброй вере» подтвердил сам король. Дело в том, что епископ Нанта и некоторые дру-

гие «истинные свидетели» смогли представить доказательство, что эти дворы действительно были частью королевского владения. После выяснения правового положения и реституции отчужденного владения Карл снова передал одну некогда принадлежавшую его отцу виллу (для духовной медитации) аббату Прюма, а другую закрепил за ним же после соответствующей юридической проверки в качестве независимого наследственного имущества от своей бабушки. Данная ситуация, по-видимому, не давала покоя местному графу в Анжу, в свою очередь выставившему свидетелей: последние, вооружившись документами, сумели доказать, что это владение действительно было передано указанной бабушкой аббата отцу Карла Пипину. Король разрубил гордиев узел проблем и передал монастырю Прюм и «человеку Божию» обе виллы с обязательством «испрашивать милость Божию для нас и наших чад, а также во имя стабильности королевства и душеспасения родителей».

Суть дела, что является предметом данной грамоты, демонстрирует строгую законность исполнения королевского правления, непреходящую ценность письменных свидетельств и их актуальность в королевском и графском суде, по крайней мере в регионах королевства южнее реки Луары, а также вновь доказывает, сколь щепетилен был король при реституции и распределении имперских и королевских владений. Не случайно еще современники клеймили отношение преемника Карла — Людовика к королевским владениям во имя приобретения новых сторонников как зло для королевского правления, хотя следует признать, что в отличие от своего отца Людовик не обладал никакими ресурсами в связи с завоевательными походами или трофеями наподобие аварских сокровищ для приумножения своей щедрости.

Не меньший интерес вызывает грамота Карла для графа Теобальда, которую, если верить приложенным древнеримским стенографическим текстам на пергаменте, камерарий Мегинард мог получить лишь на основе одолжения за одолжение. Вскоре после этого Теобальду было предъявлено обвинение в том, что, «отригнув Бога», вместе с королевским сыном Пипином он «по наущению дьявола» замышлял заговор против короля и «его богоугодного правления». С помощью Иисуса Христа это коварство оказалось раскрыто, и Теобальд Божиим судом очистился от своей вины. Тем не менее тогда его лишили не только звания, но и владений, которые возвращаются ему за новое служение и новые заслуги, ибо в пользу этого говорят порядок наследования и со-

ответствующие грамоты. Данная реституция получает объяснение в акте от 20 декабря того же года, ведь скорее всего не имевший наследников Теобальд тогда передал свое владение королевскому монастырю Сен-Дени.

Другим получателем королевской милости в первой половине 797 года был доверенное лицо короля и его эмиссар — аббат и поэт Ангильбер, принявший в дар «cella»* Форестмотье для монастыря Сен-Рикье, где святой — заступник Рихарий «вел (духовную) борьбу», а также для монастыря Нонатула, еще в начале семидесятых годов выступавшего важным оплотом интересов франков в Северной Италии. Так называемый камерарий занимался также правовыми вопросами: наряду с утверждением владений, предоставленных лангобардом по имени Ардоин монастырю в области Виченца и Верона, король передал примыкавшей к Модене духовной обители для собственного душеспасения хозяйства на территории Болоньи, уступленные королем Лиутпрандом по арендному договору своему греческому шуту и его сыновьям. Впоследствии они законным образом стали владением короля.

ИМПЕРСКОЕ СОБРАНИЕ 797 ГОДА В АХЕНЕ И САКСОНСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ

В начале лета 797 года Карл, «как привычно», по свидетельству подкорректированных имперских хроник, собрался в поход против вероломных саксов, а также с целью разорения их земель. Во главе многочисленных отрядов король форсировал Рейн, на этот раз при поддержке крупных судов, которые приходилось тащить и по суше и по воде. Такой способ военных действий был освоен Карлом еще со времени его кампании против вильцев.

Король научился ценить речные суда в качестве средств транспорта и во время экспедиции вниз по Дунаю. Проблемы снабжения сыграли не последнюю роль при расширении Фосса Каролина близ Тройхтлингена. Возникшее почти два поколения спустя жизнеописание Людовика Благочестивого детально повествует об использовании судов на земле и на воде в связи с экспедицией Людовика с целью блокады и взятия Барселонны. Военные эксперты разработали тогда следующий план: «Они строили суда для

* Дословно: келья, кладовая (лат.).

переправы и перевозки по суше, разбирали каждое из них на четыре части, чтобы каждую часть перевозили две лошади или мула: разобранные части затем снова легко монтировались посредством гвоздей и молоточков, на берегу около воды стыки в корпусе заполнялись специально приготовленной смолой, воском и паклей».

С таким вооружением Карл добрался до прежде недостижимого центра сопротивления саксов Вихмодии, расположенного между нижним течением Везера и Эльбы. Несмотря на мощные укрепления, воины Карла преодолели болотистую и труднопроходимую местность, выйдя к побережью «саксонского океана» — Северного моря на территории земли Хадельн. Перед лицом военного превосходства и угрозы разорения мятежники снова капитулировали; они поспешили «отовсюду», чтобы заявить о своем подчинении королю и предоставить заложников. По свидетельству одного источника, Карл тогда снова депортировал каждого третьего мужчину вместе с семьей, а на их землях поселил франков. С жившими по соседству с Вихмодией фризями случилось то же самое; там по воле короля тоже было возведено мощное укрепление. Планировалось ли уже тогда возвести лезум севернее Бремена, а чуть позже учредить графскую резиденцию ранних биллунгов и пригород государственного представительства в нижнем течении Везера, сказать трудно. Во второй половине сентября 797 года король, переправившись через Рейн, вернулся в Ахен. Он, несомненно, верил или надеялся (и на это у него были основания), что окончательно поставил «безбожный» народ на место. Но эта надежда уже в который раз оказалась обманчивой.

В Ахене, ставшем между тем международным центром дипломатического общения, король снова принял сарацинское представительство во главе с эмиром Абдаллой, изгнанным из страны умершим год назад братом Хишамом I, опасавшимся конкуренции с его стороны в борьбе за трон эмирата Кордова. Поэтому Абдалла был вынужден отправиться в ссылку в Мавританию. После прихода к власти его юного племянника аль-Хакима он возмечтал о том, чтобы в союзе с королем франков и соседями свергнуть соперника и взять бразды правления в собственные руки. Так, он заявил о своей лояльности Карлу. Источники сообщают о том, что он даже «снискал похвалу».

В любом случае сын Карла Людовик сопровождал претендента на трон эмира Кордовы до самых южных границ.

Еще один посланник извне по имени Ничетас появился при ахенском дворе как эмиссар патриция Сицилии с посланием императора из далекого Константинополя. Судя по всему, к тому времени он уже был лишен своего аристократического звания и даже ослеплен. Повод написания и содержание послания нам неизвестны. Очевидно лишь, правитель Сицилии поддерживал дипломатические контакты с Западом. Кроме того, можно сделать вывод, что контактам между Восточным Римом и Ахеном, императором и королем франков не мешали никакие конфликты, как доказывает в том числе и великолепный прием, оказанный в Ахене. Все прочее скрыто от нас туманом неизвестности.

В конце октября 797 года в Ахене состоялось имперское собрание. В нем участвовали епископы, аббаты и графы не только коренных франкских земель, но и саксы из разных округов, из Вестфалии, Энгерна и Остфалии. Собрание не в последнюю очередь преследовало цель разработать единый правопорядок, обязательный как для победителей, так и для побежденных. Это особенно касалось определения размера штрафов за нарушение королевских заповедей. С франков взыскивалось шестьдесят шиллингов, и столько же в будущем предполагалось взыскивать с саксов. Миротворческая законодательная и судебная власть короля осуществлялась прежде всего в интересах церкви, вдов, сирот и «менее сильных», находившихся под покровительством монарха. Кроме того, законодательная и судебная власть предполагала обязательное участие в объявленных военных походах.

Судебное равноправие покоренных саксов с победителями-франками создало одну из наиболее существенных предпосылок симбиоза саксов и франков в один народ, который так ярко описал Эйнхард. Это равноправие косвенно отменило или по крайней мере смягчило жесткое «оккупационное право», введенное Карлом примерно в 782 году. Объявленный «саксонский капитулярий» не оставляет никаких сомнений в происшедших переменах — восемь его начальных заповедей касаются в равной степени саксов и франков. Как уже упоминалось выше, невыполнение королевских заповедей каралось штрафом в шестьдесят шиллингов.

На первый взгляд этой мере противоречит то, что при уплате денежных штрафов саксы могут придерживаться своей дифференцированной сословной градации, которая в отличие

от франков не ориентируется только на вольный статус. Так, франки в зависимости от тяжести нарушения уплачивают пятнадцать шиллингов, и «более знатные» саксы — двенадцать, свободные — пять, а полусвободные (литы) — четыре шиллинга, в чем проявляется наследственное преобладание англосаксонского слоя завоевателей над коренным населением. Штраф размером в пятнадцать шиллингов платит, например, франк согласно *Lex salica**, принятого еще при отце Карла — Пипине, за кражу двухгодовалой свиньи, ястреба с насеста (одногодовалого по возрасту с последующей дрессировкой), куска мяса упряжного животного, за поломку шлюза или мельничной плотины, за снятие урожая с чужого зернового поля или за косьбу на чужом лугу, при дорожном заграждении, ограблении чужого батрака или его похищении.

Кроме того, все судебные дела в ходе упорядоченного отправления правосудия должны решаться в родных местах истца или ответчика, а именно в связи с известной системой денежных штрафов в присутствии жителей округов в качестве отправителей правосудия. Так, штраф удваивается, если дело слушается в присутствии королевских представителей, которых это обременяет.

Двойная сумма взимается и при слушании в королевском суде. А если кто после оглашения приговора участников тинга (народного собрания) апеллирует к королю, то платит, если данное обращение в суд признается неправомерным, опять-таки двойную сумму. При неудовлетворенности приговором платить придется уже два двойных «тарифа». При повторной апелляции к королю ставка — три тройных от исходной.

Для всех саксов, в том числе и аристократов, предусмотрено привычное судопроизводство: за неуважительное отношение к суду в зависимости от сословия накладывается штраф размером в четыре, два или один шиллинг. Священнослужители и их имущество защищены системой двойной компенсации и денежных штрафов, зато отпала угроза применения смертной казни. За смерть королевских представителей предусматривается тройной вергельд (выкуп, уплачиваемый убийцей семье убитого). Ущерб, нанесенный их родственникам, подлежит тройной компенсации и искуплению согласно действующему закону.

Оба последних положения позволяют сделать вывод о том, что непрестанное военное или в любом случае немирное проти-

* Салическое право (*лат.*).

востояние франков и саксов уступило место упорядоченному сосуществованию между ними. То же самое можно сказать о внешне странном разделе, согласно которому поджог дома как карательная мера или мера устрашения позволителен лишь в случае, если его владелец как мятежник не хочет дать внятный отчет о своих действиях, если, кроме того, в пользу такой карательной акции предварительно высказалась община жителей округа и ответчик отказался предстать перед королевским судом.

Гнев, то есть внезапные эмоциональные всплески, вражда и злонамеренность, не должен иметь место. Иначе злоумышленник именем короля объявляется вне закона. И последующее предписание, проникнутое единодушием франков и саксов, показывает, что тревожное состояние духа и междоусобица вездесущи и остаются препятствием на пути вождя правопорядка: смотря по обстоятельствам и в зависимости от правового статуса король может удвоить наказание и наложить денежный штраф размером от 100 до 1000 шиллингов из-за неповиновения.

«Преступников», которые по закону саксов караются смертной казнью (такой вид наказания отсутствовал в правовой системе франков в отношении свободных) и пользуются покровительством короля, монарх или передавал жителям округов для совершения над ними казни, или же вместе с семьей и движимым имуществом переселял в другую марку, чтобы «они [саксонские жители конкретных округов] считали его уже мертвым». Может быть, речь идет о саксах-коллаборационистах?

Весь капитулярый, в котором речь идет сплошь о наказаниях и денежных штрафах, завершается крайне любопытным каталогом, который разъясняет саксам, пока еще неискушенным в обращении с серебряными монетами, соответствующую стоимость серебра на натуральных эквивалентах и тем самым его экономическую целесообразность. Так, крупный рогатый скот (бык или корова) при содержании в стойле осенью равен одному шиллингу точно так же, как и весной. Цена и штраф за нанесение ущерба повышаются с возрастом. На один шиллинг бруктеры (германское племя в Вестфалии) дают сорок шеффелей овса, 'ржи — двадцать; а вот «нордлхтеры» на один шиллинг — тридцать шеффелей овса и пятнадцать шеффелей ржи, что объясняется скорее всего более худшим качеством почвы и более низкой урожайностью на возвышенной песчаной местности и в долинах рек. Мед бруктеры оценивают в полтора сега, а «нордлхтеры» — по два сега за один шиллинг.

Необходимо вновь отметить, что двенадцать серебряных денариев равняются одному шиллингу. Денарий или пфенниг наряду с половиной пфеннига (обол) были единственными монетами с реальной стоимостью, в то время как шиллинг и фунт выполняли функцию арифметического счета. Эти сведения давали представление не только о монетах, имевших хождение в королевстве франков, но и о распространенных товарах и торговых сделках. Так, саксы могли реально представить, что, к примеру, объявление вне закона именем короля обходилось в шестьдесят шиллингов, что равнялось 720 пфеннигам, а в сумме не менее трем фунтам. *Lex salica* середины VIII века оценивает стадо из двенадцати коров как эквивалент $62\frac{1}{2}$ шиллинга.

В общем и целом из предписаний капитулярия следует: Карл и его советники считали, что пришло время смягчить «оккупационный статут» с его системой драконовских штрафов, включая прежде всего смертную казнь, по-видимому, в широком масштабе не известную даже древнесаксонскому праву, в интересах всеобщего правопорядка, или даже вообще устранить его, чтобы тем самым существенно сократить разрыв между франками и саксами. Всеобщий принцип объявления вне закона именем короля отныне охватил всю социальную структуру, хотя разница в штрафах, налагаемых на покорителей и покоренных, все еще оставалась, сохранялась дифференцированная сословная иерархия, привилегированное положение священнослужителей и королевских доверенных представителей как носителей власти церкви и государства франков измерялось двойными или даже тройными штрафами.

В рамках этого осеннего собрания знати, к участию в котором были привлечены также саксы, наверняка изучался и был решен вопрос об учреждении в Зальцбурге архиепископии как центра или по крайней мере наряду с Аквилеей опорного пункта миссионерской деятельности среди аваров, в связи с чем Арн стал архиепископом и митрополитом баварской церкви. Судя по всему, миссия, направленная Карлом в Рим с целью получения согласия папы Льва III, отправилась в путь в самом конце года. Ее возглавил приближенный к Карлу эксперт по итальянским делам аббат Фардульф из монастыря Сен-Дени: на него было возложено выяснение вопроса о создании в Риме монастыря Апостола Павла как обители короля Карла. Впрочем, всякие последующие сведения на этот счет отсутствуют.

ЗИМНЯЯ «КВАРТИРА» В САКСОНИИ И ВЕСТИ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Из Ахена Карл перебрался в зимнюю резиденцию уже на территории саксов. Вероятнее всего, он сделал это для того, чтобы грядущей весной упредить угрозу новых волнений и стабилизировать положение своим постоянным присутствием на месте. Очевидно, несмотря на ослабление или даже устранение жесткого «оккупационного статуса», о всеобщем умиротворении «дикого народа» думать не приходилось. Все придворные, а также сарацин Абдалла демонстративно сопровождали Карла. В середине ноября монарх вновь переправился через Рейн и достиг везерской горной страны. Недалеко от того места, где Димель впадает в Везер, король расположился лагерем, а именно к западу от Карлсхафена выше Хёкстера. Это был не как прежде, более или менее временный палаточный городок, а настоящий бревенчатый дом, в котором можно было перезимовать. Король назвал это место Герштелле. Оно указывало на цель возведения этого лагеря и на историческую привязку его к реке Маас в самом центре королевских владений ранних Каролингов.

В этот укрепленный военный лагерь были вызваны короли Пипин и Людовик. В Герштелле Карл вновь принял аварских представителей. Учитывая раскол, произошедший в стане власть имущих, а также соперничество в их политической верхушке, трудно с определенностью сказать, какую группу или конкретную личность представляла делегация и связана ли с этим новая экспедиция герцога Эрика Фриульского на приток Дуная Драву. Затем в самом конце 797 года с соответствующими подарками прибыли эмиссары астурийского короля Альфонса II Целомудренного, который, по-видимому, в своем стремлении к Реконкисте искал союза с франками. В качестве почетного дара Карл получил ценный шатер. Еще Эйнхард, превознося умение короля налаживать дружественные связи с внешними влиятельными силами в целях углубления завоеванных им позиций, приводил яркий пример короля Галисии и Астурии, который в письмах к эмиссарам приказывал обращаться к нему не иначе как «его (то есть Карла) собственный».

Укрепленная зимняя резиденция, присутствие двора и королевской семьи, визиты гостей извне и празднование главного христианского события — все это наглядно показывает, что Карл находился на территории своего королевства. Саксония была в

такой же степени составной его частью, как и любой другой регион. Оставшись в Саксонии, Карл после «торжественного пребывания» отправил своих сыновей назад в Италию и Аквитанию. В свите Людовика находился Абдалла, как уже упоминалось выше, мечтавший изгнать из эмирата Кордова своего племянника.

Вполне вероятно, что в связи с этим присутствием соперника аль-Хакима Людовик организовал имперское собрание в Тулузе, на которое явились как представители короля Альфонса Астурийского с дарами, так и эмиссары наместника Сарагосы. Тем самым наметилась возможность франко-астурийской инициативы на Пиренеях. В любом случае оставленные сарацинами пограничные территории Аусона, Кардона и Касерес оказались под управлением графа Боррелла как форпосты формирующейся так называемой испанской марки. Такое спрямление границ на короткое время привнесло спокойствие в нестабильные отношения на юго-западной границе империи франков. В последующие месяцы эти регионы, включая побережье Септимании, посетила церковная делегация во главе с архиепископом Лионским. «Турне» вплоть до Марселя вызвало немалый интерес. В его рамках в Нарбонне даже состоялось собрание клириков и мирян с целью укрепления «правоверного» влияния на все еще не преодолевшие адоптианскую ересь умы, а также ускорения духовной интеграции в ориентированное на Рим государство франков.

Пока король находился в своей саксонской зимней резиденции и дожидался наступления весны, ибо недостаток фуража для лошадей не позволял отправиться в путь раньше мая, произошло еще одно тревожное волнение жителей на другом берегу Эльбы. Трансальбинги захватили посланных к ним королевских эмиссаров, потребовавших дать отчет в происходящем. Некоторых из них трансальбинги убили, например графов Рорича и Хада, а также сакса Риккульфа. Печальная судьба постигла и графа Готшалка, который, возвращаясь с миссией от датского короля Зигфрида, также погиб во время вспыхнувших волнений. Других не тронули, чтобы впоследствии получить за них выкуп. И только немногим удалось вырваться и бежать.

Весть о волнениях, стоивших жизни важным сторонникам государства франков, через брата Риккульфа — Рихарда дошла до лагеря Карла в Герштелле. Рихард сумел освободить свою жену из рук противника и вместе с ней бежать к реке Лейне. По свидетельству наших источников, взбешенный Карл собрал войско в Миндене. После совещания, в котором принял участие и Луит-

гер, опытный миссионер, аббат монастыря в Вердене и впоследствии первый епископ Мюнстерский, Карл провел карательную экспедицию, обрушившись огнем и мечом на «всю страну между Эльбой и Везером». Это было еще одно свидетельство того, что волнения имели широкий резонанс и на этом берегу Эльбы. И вновь королевское войско вторглось на земли вплоть до округа Барден, вновь саксы подчинились франкам, вновь король угнал с собой огромную толпу племенных вождей (хроники Сен-Аманда называют даже фантастическую цифру — 1600 человек) и других заложников, среди которых большинство составляли те, кого сами саксы называли наиболее вероломными.

Язычники-ободриты, которых тогдашние франкские хроники именовали просто вспомогательными отрядами и партнерами-союзниками, под командованием своего главы Дражко напали на врагов-соседей под началом королевского эmissара Эбурлюса, командовавшего правым флангом, и столкнулись с ожесточенным сопротивлением готового дать отпор противника. Разыгралось крупное сражение на границе между поселениями обоих племен на Цвентинфельд близ кильской бухты недалеко от Борнхёведа, где в 1227 году в результате проигранной битвы датская корона была вынуждена расстаться со своими имперскими амбициями в бассейне Балтийского моря. В 798 году, по некоторым оценкам, погибло не менее 4000 северян, однако называют и совершенно конкретную цифру — 2901 человек. «Они вернулись к себе домой, потрясенные всем происшедшим». Хроники Лорша делают следующий любопытный акцент в своем изложении событий: «И хотя ободриты были язычниками, им помогла вера христиан и господина короля, поэтому они одержали победу над саксами». Впрочем, северяне пошли на мирные переговоры и наверняка передали заложников королю франков.

По-видимому, из Бардовика, предположительно оставшегося еще опорным миссионерским пунктом, король направился на юго-восток — вдоль границы в сторону поселения, которое впоследствии стало именоваться Вендланд: в Северной Тюрингии между Оре и Эльбой Карл принял миссию победивших ободритов и «почтил, как они того заслужили». Отсюда он вместе со своим войском осенью вернулся домой, отпустив часть саксов (пленных и заложников), в то время как других, якобы 1600 племенных вождей, поселил на землях франков.

Вернувшись в Ахен, Карл снова принял представителей Константинополя во главе с бывшим патрицием Фригии Михаилом и

священнослужителем храма Богоматери Феофилом, которые вручили королю послание императрицы Ирины. Содержание этого документа нам неизвестно. В любом случае имперские хроники лаконично сообщают, что речь в нем шла о мире. Между тем при дворе Карла стало известно и о перевороте в императорском доме. Это событие стоило императору Константину жизни. Хаотическая частная жизнь императора, затрагивавшая государственные интересы, эмоциональная неустойчивость и честолюбие собственной матери в итоге привели к его физическому уничтожению, позволившему Ирине стать единоличной правительницей империи. В столь критической ситуации, неслыханной в государственно-правовом отношении, императрице пришлось задуматься о внешнеполитической стабильности. Поэтому, видимо, она предприняла попытку договориться с королем франков по спорным проблемам Истрии, Венеции и Беневенто.

Карл и его советники, неприятно пораженные событиями в Византии и, конечно, отвергавшие «женское правление» на далеком Востоке, потому что франкские хронисты считали Ирину в лучшем случае узурпатором, между тем хорошо понимали, что лучше не упускать оказавшуюся в их руках тонкую нить дипломатической игры. Поэтому король для упрочения взаимопонимания выпустил из тюрьмы брата патриарха Константинопольского Тарасия, куда он угодил предположительно в 788 году при нападении на Беневенто. Что эмиссары предложили Карлу принять под свою власть всю империю, как свидетельствуют хроники Сен-Аманда, то это, скорее, из области фантастики. На такой шаг не пошла бы ни одна фракция, учитывая расстояние между Ахеном и Константинополем, тем более король франков не только в глазах традиционалистов на Босфоре считался лишь королем варваров. Да и церковно-богословские различия, проявившиеся в споре об иконах, оставались серьезным препятствием в отношениях Востока и Запада. Скорее всего королевский двор в Ахене пока сдержанно относился к имперским проблемам, особенно императрицы Ирины, поскольку еще не наступило время для далеко идущих решений. Вместе с тем автор так называемых имперских хроник считает нужным обратить наше внимание на астрономическую особенность того года, которая, по его разумению, возможно, сопряжена с вышесказанным. А именно: в том году «планету Марс нельзя было наблюдать с июля прошлого года до июля следующего [798 года] ни на одном участке неба».

Из Астурии вновь прибыла миссия. И вновь король Альфонс демонстрировал королю франков особое благорасположение. Из победоносного похода в далекий Лиссабон он послал Карлу через Фройю, который в прошлом году уже передавал монарху ценный шатер, семерых плененных мавров с таким же количеством мулов и кольчуг как свидетельство его триумфа и одновременно принесения присяги на верность. Между прочим, в эти месяцы испанский юг и Средиземноморье привлекают особое внимание хронистов, сообщающих, к примеру, о разграблении Балеарских островов маврами и сарацинами. Это море вновь и надолго завладевает вниманием стран, расположенных к северу от Альп.

ЗАЛЬЦБУРГ СТАНОВИТСЯ РЕЗИДЕНЦИЕЙ АРХИЕПИСКОПА

В стороне от актуальных событий 798 года и «незамеченной» приближенными к королю хронистами, однако детально проработанной в других источниках, особенно в посланиях, на фоне согласия короля и папы оказалась новая, обращенная исключительно в будущее глава в баварской церковной истории. Она на ближайшие 150 лет стала ориентиром формирующейся Европы в ее юго-восточном регионе.

После имперского собора, состоявшегося в конце октября 797 года в Ахене, король направил в Рим делегацию в составе епископа Зальцбургского Арна, предположительно пфальцграфа Эхирия и епископа Аквилейского Павлина. Предметом переговоров было учреждение с папского благословения архиепископии в Зальцбурге и пожалование палии старому и верному стороннику Карла — епископу Арну. Его назначение архиепископом означало бы торжественное учреждение баварской церковной провинции, возникшей еще во времена Винфрида-Бонифация и сопровождавшейся консолидацией руководящего светского начала, высокий уровень которого в качестве префекта символизировал шурин Карла Герольд, брат скончавшейся королевы Гильдегарды.

Как и ожидалось, папа Лев III не стал противиться планам короля. Принимая во внимание текст и дух посланий, которые римский понтифик направлял викарным епископам нового архиепископа, королю и 20 апреля 798 года Арну по случаю пожалования палии, не остается сомнений в том, что сам Карл «чудесно» устроил баварскую церковную провинцию и папа, как он до-

пускает, последовал лишь «мандату» правителя франков, пожаловав Арну звание архиепископа и знак его нового высокого достоинства. Очевидное ослабление позиции преемника апостола Петра и явно возросший авторитет короля франков получают свое выражение в иной интонации посланий.

Мы уже обращали внимание на еще один, весьма существенный аспект при учреждении митрополичьей резиденции в Зальцбурге. Речь идет о миссионерстве среди язычников, которое Карл между тем рассматривал как одну из задач своего королевства, привлекавших его внимание к землям аваров и славян, граничивших с Баварией. Для решения главным образом этой задачи и предназначалась новая архиепископия, к которой с фланга примыкала Аквилея. Еще на обратном пути из Рима при переправе через реку По Арна перехватил королевский эмиссар, давший ему указание отправиться в земли южных славян, чтобы проповедовать там Евангелие. Но вначале Арн нанес визит королю и лишь потом, если верить более позднему источнику, отправился в свою миссионерскую область, где проповедовал, назначал священнослужителей и освящал храмы. Фактически же Арн, по-видимому, не вышел за рамки евангелизации в духе Алкуина, то есть воздерживался от применения насилия. Чуть позже он предложил королю убежденного клирика по имени Теодорих в качестве епископа-миссионера специально для каринтанов и селившихся к западу от Дравы до ее впадения в Дунай. Новый префект Герольд отправил Теодориха в отведенную ему область Каринтию. Территория южнее Дравы осталась зоной влияния Аквилеи. О миссионерской деятельности среди аваров в треугольнике рек Раба — Дунай всякие сведения отсутствуют. Евангелизация этих регионов оказалась тесно связанной с продвижением баварских поселений и внутренней колонизацией. Этот процесс широко распространился лишь в конце IX века.

Назначение Арна епископом и архиепископом Зальцбургским можно считать примером успешной персональной политики короля, которая в немалой степени способствовала интеграции баварцев в государство франков.

В последние годы VIII столетия как в Риме, так и в Ахене вновь взволновала умы ересь адоптианства, считавшаяся уже преодоленной. Это учение все еще находило своих сторонников, и главным образом в лоне испанской церкви — ее бациллы заражали также верующих приграничных южногалльских епархий, угрожавших избавиться от влияния Рима.

При поддержке короля опровержением опасного лжеучения вновь занялся Алкуин. Он собирал свидетельства из Священного Писания и патристики, чтобы подготовить контраргументы, которые через Бенедикта Анианского, впоследствии влиятельного советника Людовика Благочестивого, распространял на юге; кроме того, он переписывался с епископом Феликсом, который наряду с архиепископом Толедо Элипандом оставался все еще авторитетным представителем этого христологического вероучения. Возражение еретически мыслящего епископа Уржельского, адресованное Карлу, вызвало гневную реакцию стойкого в своих убеждениях и проримски настроенного англосакса. Он попросил дать ему время, чтобы выступить с обстоятельным возражением и окончательно разоблачить оппонента. Копии еретических посланий циркулировали также в резиденциях епископов Трира, Орлеана и Аквилеи, епископ которой Павлин как известный эксперт участвовал в богословском споре. Правда, на этом дело не закончилось.

Видимо, осенью 798 года (скорее всего в начале 799 года) по приказу короля, как выражается Алкуин, в Риме под председательством папы состоялся собор, который, «согласно многочисленным свидетельствам Евангелий и святых отцов», вновь осудил положения Феликса и его приспешников, а при злонамеренном упорствовании в ереси пригрозил анафемой, то есть отлучением от церкви. Но и в Ахене была назначена обширная дискуссия между Алкуином и Феликсом. Это лишний раз свидетельствовало о том, что король франков наряду с распространением и поощрением о Евангелии вовне своим долгом правителя считал поддержание чистоты Евангелий внутри. Коренному баварцу, архиепископу Лионскому Лейдраду, епархия которого больше других пострадала от ереси, вместе с епископом Нарбоннским и аббатом Анианским удалось пригласить на диспут строптивного Феликса, которому король пообещал, что тот получит возможность выступить, и заверил, что с ним ничего не случится.

Так, летом 799 года состоялся как бы новый вариант Франкфуртского собора 794 года, причем опять под председательством короля и в присутствии многочисленных епископов, монахов и знати. Духовное противостояние было бурным. Как и следовало ожидать, Алкуин вышел из него победителем. Феликс признал поражение, он отрекся от своих взглядов и принял символ веры, который отвергал его формулы. Епископу Уржельскому больше не позволялось, как несколько лет назад, вернуться в свою еписко-

пию. Вместе с еще одним убежденным приспешником он оказался под присмотром архиепископа Лионского. В обращении к клиру и верующему люду своей епархии он отрекался от прежних убеждений, подчеркнув, что принял серьезное решение, и призвал верующих последовать за ним. Так, видимо, с опозданием появился некогда находившийся в стадии подготовки контрдокумент Павлина Аквилейского, ибо в нем сквозило явное подозрение, что испанец не застрахован от рецидива. Что эта озабоченность была небеспочвенной, доказывает пергамент, написанный рукой Феликса. Документ, обнаруженный уже после кончины автора в 816 году, провоцировал преемника Лейдрада на кафедре архиепископа Лионского — хорошо известного Агобарда — к написанию нового полемического произведения, которое он переправил Людовику Благочестивому.

По завершении дискуссии в Ахене миссия под руководством Лейдрада вновь отправилась в южные регионы, чтобы наставить на путь истинный многочисленных сторонников Феликса. Надо сказать, что поставленная задача была выполнена. Как говорится в одном послании Алкуина, не менее 20 000 заблудших овец на охваченных ересью территориях вернулись в лоно церкви. -

Тем самым была создана существенная предпосылка для включения этих пограничных областей в зону влияния Римской церкви и одновременно в сферу законодательной и судебной власти короля франков, который вновь убежденно пошел на риск и выиграл духовное сражение в пользу святого апостола Петра.

ПОКУШЕНИЕ НА ПАПУ ЛЬВА III

799 и 800 годы стали подготовительными к переменам в политическом статусе Карла. Они подвели под его правление и понимание им сути правления новый, более глубокий фундамент, решающим образом изменивший дальнейшую судьбу Центральной Европы. Речь идет о принятии императорского достоинства, которое не следует понимать как подлинный акт творения или даже как простое возрождение угасшего вместе с Ромулом Августулом в 476 году западноримского преимущественного права, а как актуальное переплетение откровенно разнородных представлений и целеустановок, сблизивших королевство франков и римское папство, а в перспективе вызвавших к жизни крепкий союз обоих центров власти.

Особое место в развернувшихся событиях поначалу отводилось папе Льву III. С начала его понтификата в День святого Стефана в 795 году преемник весьма уважаемого Адриана I по стилю своей жизни и духовного служения представлялся настолько спорной фигурой, что Карл уже в поздравительном послании был вынужден дать ему соответствующие рекомендации. И в переписке между Алкуином (в Туре) и Арном (в Зальцбурге), которого пожалование палии как знака архиепископского достоинства в 798 году привело в Рим, прослеживались плохо скрываемые обвинительные намеки в отношении папы, причем Алкуин принимает сторону подвергшегося нападкам папы, а римскую знать, представителей которой он клеймит как «чад раздора», подозревает в заговорщических планах против преемника святого апостола Петра.

Во главе заговорщиков стояли высокие представители курии Примицерий Пасхалий и Сацелларий Кампулий, причем первый являлся племянником скончавшегося папы. Как и Кампулий, он сделал карьеру в период понтификата Адриана I. Оба были достаточно хорошо известны при дворе франков. В 788 году Пасхалий по поручению папы посетил короля Карла, а Кампулий еще незадолго до кончины своего покровителя подвизался эмиссаром в Ахене. Несколько сдержанное, мягко говоря, отношение короля ко Льву III, по-видимому, подтолкнуло обоих к совершению дворцового переворота.

Заговорщики применили грубую силу в отношении папы, повторив тем самым, будучи в том же положении, как и их предшественники, сенсационную акцию 768 года, когда Христофор и Сергей, отец и сын, напали на псевдопапу и бесцеремонного пришельца Константина, брата герцога Тотона из Непи, который при интронизации еще был мирянином, — выкололи ему глаза, вырвали язык и надругались над его сторонниками. Затем в результате издевательской публичной церемонии несчастный был лишен папского звания. Созванный в 769 году в Риме собор, в работе которого впервые участвовали епископы земель франков, осудил задним числом смещенного псевдопапу.

Когда в Риме кратковременно взяла верх лангобардская партия, такая же судьба постигла и заговорщиков 768 года. Христофору и Сергию выкололи глаза, причем первый умер вскоре после этой пытки, а Сергия после попытки задушить закопали живым. Их противник Павел Афиарта, глава лангобардской клики при папском дворе, в 772 году был казнен в Равенне, после очередной

смены политического курса, последовавшей за смертью Карломана в 771 году и установлением самодержавного правления Карла. Он оборвал все узы с Дезидерием и наладил отношения с Адрианом I. Несмотря на повеление папы, направившего в Византию протоколы расследования, куда надлежало выслать ссыльного, Павел Афиарта по распоряжению архиепископа Равенны был казнен местным консулом.

Эти еще свежие воспоминания, как видно, не внушали страха высшим прелатам папской бюрократии тридцать лет спустя. 25 апреля, в День святого Марка, вооруженные заговорщики вместе со своими приспешниками напали на процессию по случаю «*Litania maior*», одного из четырех папских ежегодных шествий от Латеранского дворца к церкви Святого Лаврентия. Заговорщики стащили понтифика с лошади — Пасхалий занял место спереди, за ним Кампулий, — избили его, попытались выколоть святому отцу глаза и вырвать язык. Но очевидно, без особого успеха. Неудачей закончилась попытка сделать папу неспособным исполнять его обязанности. Книга папств, да и другие источники, к примеру, так называемый Падерборнский эпос, однозначно увидели перст Божий в том, что у папы полностью восстановились важнейшие органы чувств. Папу отвезли в расположенный поблизости монастырь, но благодаря преданному ему камерарию избитый понтифик с помощью веревки перелез через стену прямо внутрь собора Святого Петра. Здесь Льва III, по свидетельству прекрасно информированных хроник аббата Лорша и Трирского епископа Рихбота, уже ждали королевский эмиссар, Вирунд — аббат монастырей Ставило, а затем Мальмеди и, что в данный момент было еще важнее, герцог Винигиз из Сполето, отряды которого стояли перед городскими стенами. Согласно другим источникам, Винигиз поспешил в Рим, прослышав о происходящих там событиях.

Был ли он причастен к этому заговору? В любом случае раненого папу доставили в безопасное место в Сполето. В гневе заговорщики, разочарованные провалом задуманного ими плана, разграбили и разрушили дом сострадательного камерария, сваливая друг на друга вину за неудачу.

В изложении книги папств, «верные церкви люди из расположенных недалеко от Рима городов», представители знати и духовенства собрались вокруг раненого понтифика, который вместе с ними «направился к благороднейшему господину Карлу, королю франков и лангобардов, а также «патрицию римлян». Весь-

ма сомнительно, что Карл пригласил к себе через Альпы свергнутого папу или что понтифик по собственному побуждению нанес визит своему покровителю и союзнику. Так или иначе, Карл направил навстречу несчастному папе Льву архикапеллана, главного епископа Кёльнского Гильдебольда, и графа Аскария, а позже, когда папа уже добрался до франко-саксонских земель, своего сына Пипина, короля Италийского, который обеспечил почетное сопровождение Льва III до Падерборна, куда во второй половине года отправился король, форсировав Рейн вблизи Липпенхема.

Так называемый Падерборнский эпос по воле его первого издателя поместил произведение придворного поэта Ангильбера под названием «Карл Великий и папа Лев». В нем монарху привиделось фантастическое зрелище — ослепление и калечение святого отца. Пробудившись от этой фантазмагии, король отправляет гонцов в Рим, чтобы выяснить, «цел ли и невредим ли наилучший пастырь». Этот эпос, состоящий из 536 стихов, предание донесло до нас в виде рукописного сборника конца IX века, место написания — монастырь Сен-Галлен. Данное произведение стало предметом более позднего исследования. Предполагалось, оно возникло одновременно с событиями 799 года как своего рода стихотворное приветствие накануне приезда папы. Но в первую очередь его следует воспринимать как свидетельство «ахенской имперской идеи», которая безотносительно к Риму и независимо от него вскрывает германские корни имперского начала, обоснование которого произошло на Рождество 800 года. Несколько десятилетий назад Дитер Шаллер провел тонкий анализ текста этого эпоса и доказал, что данное поэтическое произведение представляет собой третью часть четырехчастного эпоса в подражание Вергилию и опять же четырехчастного, облеченного в стихотворную форму жития святого Мартина, автором которого был Венанций Фортунат. Крупное поэтическое произведение не могло возникнуть мгновенно, без достаточной на то основы в Падерборне, как бы в военном лагере, тем более что и само содержание не позволяет соотносить разработку темы с осенью или зимой 799 года.

Изложение событий в книге папств скорее напоминает источник, написанный уже после коронации Карла как императора, тем более что нет никаких следов его существования до 804 года.

Тем самым рушится не только глубоко утвердившаяся было гипотеза о германском происхождении имперской идеи, сори-

ентированной на Ахен и отчуждение от Рима. Отпадает и предположение о том, что данный вопрос и, по-видимому, его реализацию король предлагал как существенный предмет переговоров на своей встрече с папой Львом III. Заметим, на собеседованиях в Падерборне речь шла главным образом об озабоченности святого отца по поводу реституции и обеспечения надежности его понтифика в будущем.

Хотя эпос утрачивает свою значимость как документ, возникший сразу же по прошествии излагаемых событий, все же нельзя не учитывать кое-какие элементы поэтического изложения как нечто пережитое и прочувствованное при интерпретации данного отрезка времени. К примеру, иногда встречается патетическое обращение к Карлу «Август», а Ахен именуется не иначе как второй или будущий Рим, что, видимо, выходило за рамки привычного. Фактически же напрашивается сравнение с Византией, новым Римом императора Константина и с новым правителем Василием. И в этом тексте «ветхозаветное царствие» доминирует над мироощущением поэта и его «заказчика», когда, например, папа обращается с просьбой к посланной ему навстречу делегации франкской аристократии: «О, господа, представьте меня перед благородный лик Давида!» Хотя Карла с благоговением именуют «отцом» и «светочем» Европы, называя его «Августом» и прочими императорскими эпитетами, например «победитель», «смиренный», «триумфатор», тем не менее не упоминается императорский титул, а именно «император».

Для своего окружения, к которому наряду с Алкуином принадлежит и автор нашего поэтического произведения, что, между прочим, характерно и для периода времени после 800 года, Карл остается «новым Давидом». Именно в эти годы аббат в далеком Туре сравнивает Карла с ветхозаветным образцом, ставя на одну доску царство Давида и христианскую империю во главе с правителем франков. Ни из переписки того времени, ни даже из эпоса, который, по мнению Дитера Шаллера, стал ранним произведением Эйнхарда, не вытекает желание короля или приближенных к нему людей возродить Западную Римскую империю, и тем более не следует вывод об антиримской, рожденной в Ахене императорской власти как политической опоре необъятного королевства.

Видимо, после покушения в апреле 799 года, однако до прибытия Карла в Рим в ноябре 800 года Лев III заказал состоящую

из нескольких частей мозаику для украшения стен триклиния в представительском помещении Латеранского дворца. Этот мозаичный декор дает недвусмысленное представление о политикорелигиозной роли папства и королевства в современном римском понимании. Между тем эти мозаики куда-то сгинули, и только копии раннего периода позволяют нам ориентироваться в мифологии, связанной с апостолом Петром и демонстрацией влияния, которые получили яркое проявление в этих мозаичных панно. В первой сцене полукуполо апсиды изображено, как Христос посылает своих учеников на проповедь христианства; на левой стороне торцовой стены показан Спаситель на троне, передающий справа (почетная сторона!) коленопреклоненному Петру ключи, а слева тоже коленопреклоненному Константину боевой знак императора и флаг с монограммой Христа, под которым император в 312 году одержал победу над своим противником Максентием. На правой стороне арки Петр, в сидячем положении, вручает находящемуся справа от него коленопреклоненному папе палий, знак его достоинства, а с противоположной стороны также коленопреклоненному королю (!) Карлу — флаг. Сопроводительная надпись гласит: «Святой Петр, ты даешь жизнь папе Льву и победу королю Карлу».

Многие фрагменты этого исключительно важного произведения изобразительного искусства были утрачены и подверглись реставрации. В настоящее время оно находится на внешней стороне Латеранской церкви, обращенной к площади Сан-Джованни. Примерно в те же годы конца VIII века возникла дошедшая до нас тоже в виде копии апсидная мозаика из храма кардинала — пресвитера Льва. На ней изображен Христос в окружении святых и в сопровождении папы Льва и короля Карла в национальном франкском одеянии с короной на голове и препоясанного мечом.

Как прежде император Константин получал из рук Христа победу над врагами церкви, так теперь Карл из рук апостола Петра получает флаг как знак победоносной борьбы во славу князя апостолов и его преемников. Следует напомнить о передаче Львом III непосредственно после его избрания ключей от крипты апостола Петра и флага города Рима в Ахен как призыв к защите римских интересов.

Если в IV веке церковь находилась под покровительством императора, побеждавшего во имя Христово и председательствовавшего на соборах, то римское папство уповало на защиту коро-

для франков. Именно ему князь апостолов доверил быть хранителем храма вместе с его местом захоронения. Переживший покушение папа благодарил апостола Петра за сохранение жизни и надеялся на победу короля над его (папы Льва III) врагами! Именно так надо понимать содержание надписи. В двойственном пожелании «жизни» для Льва III и «победы» для короля Карла отражается к тому же двойная формула церковных песнопений, жития и победы для одного правителя. Ни изобразительный ряд, ни текстовое решение вовсе не вызывают образ «римского патриция», не предвосхищают императорское достоинство Карла, хотя упоминание первого христианского императора Константина создает определенный историко-политический контекст.

Римское папство совсем не было заинтересовано в возрождении античной Западной Римской империи, а если такой интерес и присутствовал, то в весьма малой степени. Датированная восьмидесятыми годами VIII века фальшивка связана с именем первого Константина и его переселением на новое место на Босфоре, которое мотивировалось необходимостью из благочестивых намерений подчинить в будущем Рим и Запад исключительно правлению имперски подобного князя апостолов и его преемников. Мозаичное панно как бы возвестило, что Римская церковь с апостолом Петром видит опору и защиту в короле франков, а Карл как новый Константин предстал в роли императора. Что Карл мог бы претендовать на обширную прерогативу по отношению к Риму, как было с Константином, противоречило реальному положению вещей и силе воображения современников. Хотя вполне возможно допущение, что императорская власть и ее обновление могли оказаться в поле зрения папы, при отсутствии тщательно продуманной политической концепции сам подход отличался необычайной расплывчатостью и противоречивостью.

Вскоре после получения тревожных сообщений из Рима Карл поставил в известность верного ему Алкуина в Туре, давшего ему, как обычно, совет, одновременно искренне посочувствовав церкви. Так, он упрекает короля в том, что тот перестал уделять должное внимание ее защите, отправившись в очередной поход против саксов, чтобы «усмирить взбунтовавшийся народ и каленым железом покарать дикое племя», как образно говорится в упомянутом Падерборнском эпосе. Алкуин снова произносит хлесткие и жесткие слова в адрес короля, давая ему понять, что абсолютно не согласен с методами монаршего миссионерства, особенно с требованием взимать мучительную десятину, тем более что у него

нет уверенности, «считает ли Господь эту страну достойной истинной веры», ведь на удивление все переселенцы стали примерными христианами в противоположность «оседлым», пресыщающимся в объятиях озлобления».

Эта критика перекликается с известной оценкой Алкуином современного положения в мире и его важнейших действующих лиц. Правда, она не содержит общепринятого дифференцированного анализа потенциальных возможностей «фигурантов», а представляет собой лишь «моментальный снимок». Его «милейший Давид», как он вновь обращается к Карлу, заслуживает внимания: «Ибо до сих пор существовали три наиболее значимых лица в мире: это апостолическое величие, которое правит престолом князя апостолов в роли наместника; что произошло с этим началом, кто правил (!) этим престолом, об этом ваша достопочтенная благодать не сочла нужным мне поведать. Второе лицо — это императорское достоинство и светская власть во втором Риме; как греховно было покончено с главой этой империи, причем не чужаками, а собственными людьми и согражданами, так повсюду злословит молва. Третье лицо — это королевское достоинство, возложенное на вас повелением нашего Господа Иисуса Христа как главы христианского народа; это достоинство превосходит иные упомянутые достоинства своей премудростью и возвышенностью во всем королевстве. Поэтому только в тебе заложено все спасение всех церквей Христовых. Ты — возвышающий добро, будь мстителем преступников, водителем заблудших, утешителем скорбящих».

Эта «властная триада», а точнее сказать, «трехличное учение» свидетельствует о масштабе нестабильности, присущей государственно-правовому положению Рима и папства в конце VIII столетия. Рим все еще принадлежал империи, хотя, согласно грамоте Константина, папе как бы предоставлялся в *Nesperiën*, то есть на Западе, квазиимператорский статус. Между тем Алкуин предпочитает не вовлекаться в абстрактную конституционно-правовую дискуссию и с облегчением пускает в ход аргумент, что в результате смещения Константина VI императорский трон как бы оказывается вакантным и, стало быть, отпадает вопрос о защите папы, поскольку признание Ирины императрицей противоречило уже сформировавшемуся западному менталитету. Поэтому можно было искусно избежать обсуждения вопроса о компетенциях Восточной Римской империи, хотя упомянутые выше *Libri Carolini* унижительно называли императоров королями раннего

средневековья. Римская империя все более становилась христианской империей, и, на взгляд Алкуина, личность императора оставалась как бы в зависимости от потенций папы и короля франков. Алкуин вовсе не стремился к тому, чтобы представить эти достоинства в сфере божественного спасения в благоприятном отношении друг к другу. Просто ему хотелось облегчить трудную участь папы Льва III. И все же он отказывается от любого мистического начала, связанного с апостолом Петром.

Согласно Алкуину, Христос сам призвал Карла. Его пригодность, безукоризненное исполнение им служения ставят Карла выше Ирины и Льва. Карл, этот «новый Давид», призван разрешить римские катаклизмы, в которых не способна разобраться Восточно-римская Византия. Так он одновременно превращается в нового Константина. Вакансия в империи не позволяет делать ставку на помощь Византии. Мы еще столкнемся с этой мыслью как с важнейшим аргументом одного из наших главных источников в связи с принятием Карлом императорского достоинства.

Между тем король поначалу ограничивается посылкой двух, а может быть, даже трех эмиссаров в Рим для получения надежной информации о происшедшем, а сам вновь отправляется в поход против саксов. После имперского собрания в Липпенхеме или в Фримерсхейме, который как королевское владение чуть позже был передан монастырю Верден, предположительно в конце июня 799 года Карл переправился через Рейн. Согласно крайне важной грамоте, еще 13 июня в Ахене Гизела, единственная сестра Карла, а с 788 года аббатиса соседнего с Парижем монастыря Шелль, передала владения королевскому аббатству Сен-Дени. Как явствует из поврежденного оригинала грамоты, кстати, единственного архивного материала, дошедшего до нас и приписываемого женщине, члену королевской семьи, три присутствующих племянника монаршей сестры — Карл, Пипин и Людовик — подписали завешание, частично собственноручными монограммами. Содеянное можно сравнить с тем, как имеющие право на наследство сыновья Пипина и Бертрады в 762 году предоставили свое владение в распоряжение монастыря Прюм. Грамота Гизелы датирована июньскими идами (15 и 31 июня — франки и 26-го числа — лангобарды) королевского года «нашего господина», то есть короля Карла, который в тот же день приложил печать, подтвердив завешание сестры.

Весенняя встреча троих сыновей Карла, видимо, дает определенное представление о планах короля на будущее. Из биографии

так называемого Астронома нам известно, что отец вызвал Людовика вместе с военным отрядом в Ахен, в то время как старший сын Карл, со временем ставший правой рукой отца, был направлен из Падерборна в сторону восточной границы к ободритам для переговоров, а также для встречи с саксами, по-видимому, перебежчиками, которые «подчинились его силе». И наконец, Пипин, король Италийский, согласно Падерборнскому эпосу, выехал навстречу приближавшемуся папе с почетным эскортом и привез гостя к отцу, в окружении знати ожидавшему понтифика перед своей саксонской резиденцией.

ВСТРЕЧА ЛЬВА III С КАРЛОМ В ПАДЕРБОРНЕ ЛЕТОМ 799 ГОДА

В конце лета 799 года Лев III прибыл на воды близ Падерборна. Эпос детально и тщательно рассказывает о как бы двойном приеме — с участием королевского сына и самого короля. «Король, отец Европы, и Лев, архипастырь, встретились и кое-чем обменялись». Торжественная большая месса, поющие священнослужители, праздничная трапеза во дворце пфальца заполнили тот судьбоносный день. Карл подносит папе богатые подарки, после чего понтифик удаляется в свои покои. Наше поэтическое свидетельство завершается следующими словами: «Карл оказал Льву такие почести, ему, который бежал от римлян и был изгнан из своей страны». Таким образом Карл откровенно публично встал на сторону папы и помог ему восстановить здоровье.

Королю, и не только ему, возможно, припомнился тот памятный первый визит римского понтифика на земли франков, когда папа Стефан II (III) в конце 753 года перешел Альпы, чтобы в борьбе за выживание против лангобардов попросить короля Пипина о помощи.

Тогда на него, Карла, как старшего из сыновей, которому едва исполнилось шесть лет, было возложено почетное поручение сопровождать высокого гостя до королевского пфальца Понтион. Эта встреча породила обещание Пипина о дарении для Римской церкви, которое, несмотря на фальсификацию в связи с «Константиновым даром», стало государственно-правовой основой существующего до наших дней церковного государства, а также заложило фундамент нерушимого союза папства с королем франков.

Этот союз стал и для Карла естественным ориентиром во всех его политических акциях. Торжественным приемом в Падерборне Карл недвусмысленно стал на сторону вызывавшего всякие криво-толки папы, оставшегося невредимым, согласно тогдашним убеждениям, лишь благодаря сострадательному вмешательству Господа, которое одновременно раскрыло всем глаза на происки врагов папы Льва как на дьявольские козни. Правда, некоторые обвинения против папы ударили и по королю. Речь шла о торговле должностями, клятвопреступлениях и безнравственности — и это не могло не произвести определенного впечатления. На таком фоне становится понятным скрытый намек имперских хроник, что король с теми же почестями простился с папой, с какими принимал. Папа вернулся в Рим, в то время как король направил свои стопы в Ахен. Другие же источники, к примеру, подкорректированные хроники наряду с книгой папств, свидетельствуют, что королевские эмиссары доставили Льва в Вечный город и там восстановили его духовный статус. Так или иначе, нам известно, что именно эти эмиссары в конце 799 года провели в Риме официальное расследование происшедшего, которое доказало беспочвенность обвинений и закончилось передачей покушавшихся в руки короля.

В конце лета или осенью 799 года храм Падерборна, разрушенный в 777 году, но восстановленный через год, по воле папы и короля получил статус собора, а Падерборн тем самым после Бремена, но раньше Мюнстера стал второй епископией на территории Саксонии. Пока еще под духовным попечением епископа Вюрцбургского. После 804 года — это Хатумар, получивший образование в митрополии на Майне, был назначен архипастырем Падерборна, известного своими минеральными источниками. В книге папств отмечается, что тогда при встрече короля с понтификом собирались многочисленные архиепископы, епископы и аббаты, но это соответствует более позднему свидетельству, согласно которому объявление Падерборна епископской резиденцией произошло в присутствии пятнадцати епископов. Визит папы до сих пор относится к числу исключительно редких и волнующих событий, так что в прибытии высокого и высшего духовенства сомневаться не приходится. Во время визита папа Лев освятил также алтарь. Он поместил в него привезенные им мощи первомученика Стефана. Как привязка нового духовного «института» к Вюрцбургу, так и закрепление монастыря Святого Медарда в Суассоне за Падерборном в целях экономического обеспечения указывают на нестабильное и даже угрожающее поло-

жение этой новой епархии, главной целью которой являлась миссионерская деятельность, что было характерно также для Бремена, Бардовик-Вердена и Гамбурга, продолжавших поддерживать духовную и прежде всего материальную связь с Западом, например с Бургундией, Аморбах-Нойштадтом или Триром. Эти церкви фактически смогли стать подлинно духовными центрами лишь по окончании войн с саксами. Несмотря на новейшие раскопки, трудно с определенностью сказать, что тогда папа и король основали Падерборн неподалеку от монастыря Лисборн.

Пребывание понтифика в языческой Саксонии оставило заметный след не только в биографиях, хрониках и стихотворном эпосе, но и в переписке короля и его знати. Особенно это касается посланий Алкуина из Тура, который не может сдержать любопытство и благонамеренную тягу быть добрым советчиком, что, видимо, по достоинству способны оценить историки.

Еще до прибытия Льва III на земли франков король вводит в курс дела своего близкого друга и предлагает ему сопровождать папу при возвращении в Вечный город. Значит, король поначалу был полон решимости сам уладить дела с Римом. И вновь «Флаккус» подчеркивает в своем ответе «Давиду», что все дело только в Карле: на нем, «красе христианского народа», «главной опоре церковью Христовых, утешителе жизни», зиждется благополучие Imperium christianum*. Только он способен защитить праведную веру, продемонстрировав всем «норму права». Монарх оставляет за собой компетенции на вынесение приговора. Алкуин, видимо, предпочитает оставаться в тихом Туре. Долгий и мучительный путь в Рим для немощного тела уже непосильное дело. Он снова закликает короля и друга оставить «безбожный народ саксов» и активно вмешаться в римские дела, что подкрепляет настоящим каскадом призывов: «Иди своим путем, направляй королевства, твори справедливость, обновляй храмы, воспитывай народ, дари правоту отдельным лицам и достоинствам, защищай угнетенных, даруй законы, утешай паломников, указуй всем путь справедливости и небесной жизни!»

Еще одно послание Алкуина в августе того года демонстрирует образчик королевского юмора с глубоким смыслом. Карл упрекал кабинетного ученого в том, что он предпочитает потемневшие от дыма крыши Тура сияющим золотом крепким холмам Рима. Одновременно он призвал Алкуина взять с собой в Рим людей помоложе. В ответном послании аббат из Тура приводит слова Вергилия: «Щади

* Христианская империя (лат.).

покоренных и отринь высокомерных!» Одновременно Алкуин испытывает радость от «чудесного здоровья» папы. Он советует Карлу во всем, что бы ни случилось, проявлять «крайнюю осторожность», чтобы понтифик «продолжал на своем престоле служить Христу». Подобным же образом в хвалебном поэтическом произведении, посвященном Карлу, высказывается Теодульф Орлеанский, друг Алкуина и конкурент за право быть в королевском фаворе.

На королевскую насмешку по поводу почерневших от копоти крыш Тура Алкуин отвечает словами псалмопевца: «Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливую женою в просторном доме». Еще он «благостно» замечает, что «железо» больше вредит глазам, нежели чад. Рим воплощает сварливую жену, все еще источающую яд раздоров, которые поэтому побуждают «силу вашего заслуживающего почитания достоинства покидать сладкие [!] места Германии для борьбы с проклятой заразой». Эта полная остроумия и иронии переписка лишь частично затушевывает проблему участвовавших случаев отказа аббатов и епископов от материальных услуг в пользу короля.

Из одного послания Алкуина архиепископу Арну Зальцбургскому мы узнаем, что противники Льва III тоже не сидели сложа руки. В любом случае они пытались покончить с папой с помощью лукавой тактики: мол, пусть он, хитрили оппоненты, все же под присягой очистится от обвинений в распутстве и клятвопреступлении; альтернативно они тайно предлагали понтифику сложить свое достоинство без очистительной присяги и спокойно провести остаток жизни в монастыре. Очевидно, папу не устраивал ни один, ни другой вариант. Алкуин становится на место понтифика и заявляет: «Кто из вас без греха, первым брось камень». В общем, не самый убедительный аргумент в защиту беспорочного образа служения и стиля жизни папы Льва!

Затем аббат размышляет над тем, возможно ли вообще, и если да, то в каком виде, судопроизводство в отношении папы. Из документов Римского собора, с одной стороны, следует, что для предъявления обвинения папе требуется не менее 72 свидетелей, с другой стороны, вердикт сфальсифицированных в отношении папы симмахейских декреталий, которые так и не были признаны законными, гласит, что папский престол никому не подсуден. Это ключевое положение впоследствии, накануне спора об инвеституре, было включено в так называемый сборник *Dictatus Papae** Григория VII. Алкуин приходит к выводу: «Папский престол сто-

* Изречения папы (лат.).

ит или падает вместе с господином; будет он стоять, значит, могуч господин, чтобы подпереть престол». Ари должен во всем поддерживать понтифика и тщательно взвешивать, для кого предназначаются его советы. Наконец, король. Он обладает властью и он же выносит приговор. На этом зиждется к нему доверие. Алкуин снова кокетничает насчет своей щедрости, утверждая, что не в состоянии прибыть в Саксонию (Падерборн), тем более Карл не прислал ему персонального приглашения.

Дело Льва III еще некоторое время оставалось в подвешенном состоянии. Для его охраны и одновременно для выяснения всех обстоятельств происшедшего возвращавшемуся в Рим папе была придана авторитетная делегация во главе с архикапелланом и архиепископом Кёльнским Гильдебольдом, незадолго до этого принимавшим папу Льва в своей резиденции. В нее вошли архиепископ Ари Зальцбургский, несколько епископов, а также графы Гельмгауд, Ротгер и Гермар. Последний нам известен по Падерборнскому эпосу.

29 ноября 799 года Лев III со своим сопровождением добрался до моста Милви перед самым Вечным городом, где, согласно книге папств, понтифика торжественно встретили духовенство, оптимат, сенат, а также простой люд, монахини и благородные дамы. При этом торжественном действе присутствовали и селившиеся близ собора Святого Петра иностранцы, франки, фризцы, англосаксы и лангобарды. Шествие направилось к собору Святого Петра, где у могилы князя апостолов папа отслужил торжественную мессу. Таким образом, сам конфликт, по сути дела, остался неурегулированным, хотя сомнений в его исходе быть не могло. Правда, еще предстояло решить некоторые процедурные вопросы. Это произошло лишь более года спустя в Риме, хотя житие Льва старается представить дело таким образом, что король франков следовал за папой по пятам.

ВЕСТИ СО ВСЕГО СВЕТА И ПОСОЛЬСТВО ИЗ ИЕРУСАЛИМА

Согласно житию Людовика Благочестивого, составленному Трирским епископом Теганом, после 11 ноября 799 года, очень важного праздника святого Мартина, главного покровителя церкви франков, Людовик вместе с отцом покинули Вестфалию и направились в Ахен, где Карл снова решил перезимовать. Импер-

ские хроники, почти что официальный источник придворной информации, в отношении 799 года делают внешнеполитическое дополнение, свидетельствующее о значительном политическом влиянии Карла и дающее представление о его авторитете, который давно вышел за тесные границы формирующейся исторической христианской общности, именуемой Европой.

Еще в Падерборн вновь прибыла византийская миссия. Видимо, новый патриций Сицилии Михаил заявил о себе с помощью эмиссаров, что можно толковать как демонстрацию управления важнейшим островом в Средиземноморском бассейне. Кроме того, сицилийский наместник выступил в роли посредника в отношениях между Востоком и Западом. Отстранение по политическим соображениям его предшественника Никиты Мономаха не обязательно было принимать как факт, поскольку руководящие функции в Византии часто предоставлялись лишь на ограниченное время. Не исключено поэтому, что предшественник Михаила получил какое-нибудь иное назначение.

Единолично правившая с 797 года императрица Ирина не обнаруживала стремления к смене внешнеполитического курса в отношении Италии, Болгарии и восточного Средиземноморья (арабы). Зато двор разрывался от соперничества имперской аристократии за преемство лишившейся сына и, следовательно, наследника примерно пятидесятилетней Ирины, здоровье которой к тому же стало ухудшаться. Еще недавно справедливо отмечалось, что с середины VII до конца IX века византийская политика ограничивалась главным образом центральными регионами и приграничными территориями. Совсем мало усилий предпринималось для сохранения или возвращения некогда византийской или все еще византийской Италии. Сицилия при этом как ключ к бассейну Средиземного моря неизменно представляла собой исключение. Сферой интересов и зоной влияния Восточной Римской империи, как и прежде, оставались Венеция, Истрия, Далмация и еще, может быть, бывшая резиденция Равеннского экзарха. Статус-кво оставался пока в основе политических konceпций, в пользу чего убедительно говорят матримониальные проекты, в том числе в плане взаимоотношений с франками, а также направление разных миссий. Насколько малоэффективной и влиятельной считали внешнюю политику Константинополя сами, по сути дела, провизантийские круги в Южной Италии, видно из того, что герцог Беневенто Гримональд, в начале девяностых годов покончивший с господством

франков, несколько лет спустя расстался со своей супругой — византийской царевной Евнатией.

Тем не менее внутривосточная нестабильность в Византии не дает основания утверждать, что в 798-м или 799 году Ирина предложила Карлу принять в свои руки империю, как сказано в кельнской записи Умбрийских хроник. Такая постановка вопроса противоречила представлениям византийского двора, для которого франк Карл был и оставался князем варваров. С ним приходилось искать общий язык, но он не воспринимался как равноправный партнер. Хроникальный перекося в отношении подобного вымышленного проекта показывает неотягощенность межгосударственных отношений, тем более что Ирина принципиально способствовала возрождению культа икон в своей империи, сглаживая тем самым богословские противоречия между Востоком и Западом. По свидетельству имперских хроник, эмиссары «вновь уехали с большими почестями».

Менее радостными для Карла оказались в тот год вести из юго-восточных регионов его империи: в 799 году скончались два его самых талантливых военачальника — Герольд, префект Баварии и Остландии, впоследствии Восточной марки, и герцог Эрик Фриульский, завоеватель так называемого «кольца» аваров в 795 году. Хроники того времени и биография Эйнхарда отмечают непосредственную связь между кончиной обоих военачальников и последними походами против аваров. По мнению Эйнхарда, на Герольда и двоих сопровождавших его было совершено нападение в тот момент, когда он проводил смотр войск. Не исключено, что причиной нападения стала разгоревшаяся междоусобица. Произошло это 1 сентября. Один верный Герольду сакс (!) доставил труп военачальника в Рейхенау, где он и был захоронен в местной церкви Святой Марии.

Заслуги Герольда позволили считать его мучеником, если верить хвалебным строкам в Видении Ветти Рейхенау 824 года, обычно под прикрытием потусторонних видений резко осуждавшем едва отошедших в иной мир современников, в том числе и Карла Великого, которому за сексуальную распущенность предстояла кара в своего рода преддверии ада. Со смертью Герольда, родственника баварских Агилольфингов и брата скончавшейся королевы Гильдегарды, король франков лишился серьезной опоры и видного деятеля на юго-восточных землях.

Если Герольд был выходцем из состоятельной семьи, жившей в среднем течении Рейна, то клан герцога Эрика пустил корни в

Страсбурге и его округе. Герцог являлся представителем широко разветвленного семейства, избравшего путь служения Карлу Великому. Как имперскому аристократу Эрику были пожалованы владение и привилегии. Институциональными ключевыми звеньями этой сети являлись графства, епископии и военные отряды, но прежде всего королевские аббатства, такие, как Сен-Мартина в Туре, Сен-Рикье и Сен-Дени или Лорша и Фульды.

Эрик, снискавший известность, будучи герцогом Фриульским, на пограничных землях с аварами и с византийцами в Истрии применявший защитную и наступательную тактику, погиб не во время экспедиций против аваров. Он попал в засаду, устроенную жителями города Тарсатика (Трсат), примыкавшего к спорному даже в XX веке городу Риеке/Фиуме. Он как раз занимался сооружением укреплений против мятежных аваров, находившихся на противоположном берегу Дравы, часть побережья которой все еще оставалась под византийским правлением. «Его» митрополит, ученый Павлин Аквилейский, несколько лет назад подаривший Эрику свою «Книгу наставления» как основу правильного поведения мирян и князей, посвятил умершему взволнованное причитание над покойником в четырнадцати пятистрочных стихах. Выход на Восток превращается в видение, в котором целью предстают Скифия и каспийские ворота. Победа над карпатскими скифами «распахнула горизонты географов активности» (Вальтер Польш). Алкуин тоже был потрясен вестью о гибели обоих рубак, «тех самых сильных мужей, которые охраняли и расширяли границы христианской империи». С герцогом Эриком, посетившим англосакса в скромной обители в Ахене, его связывало сердечное единомыслие. Это следует рассматривать как комплимент военному человеку, отличавшемуся не только рассудительным благоразумием и скромностью, но и, что не так уж часто встречалось в его ремесле, посвящавшему свое время регулярному чтению религиозной литературы. Поэтому неудивительно, что в смерти этих авторитетных деятелей Алкуин увидел недоброе предзнаменование в самом ближайшем будущем.

Однако не только отрицательные моменты фиксировали хронисты за 799 год. Балеарские острова, еще годом раньше разграбленные маврами и сарацинами, признали над собой власть короля франков, после того как они обратились за помощью и получили ее, чтобы защититься от дальнейших набегов. Как подтверждение победы и покорения Карл принял знак поверженного противника. Нам неведомо, в чем заключалась эта помощь при

отсутствии флота. Впрочем, следует отметить, античное Средиземноморье вновь привлекло внимание Северной Европы. Борьба за Балеарские острова не стала каким-то изолированным историческим эпизодом. В послании Алкуин сообщает о мавританских пиратах у берегов Аквитании. По свидетельству Эйнхарда, Карл, вообще активно занимавшийся строительством флота и мореплаванием, «велел построить суда на побережье провинций Нарбонн и Септимания, чтобы покончить с пиратством вплоть до Рима». Так, подверглись разграблению Чивитавеккья как порт Рима и Ницца. Эйнхард рассматривает эти разбойничьи набеги и необходимость давать им отпор как первые походы «норманнов» на атлантическое побережье франков.

Отрадные вести дошли до Карла из Бретани. Граф Видон подчинил королю мятежный регион, принудив местных вождей в качестве символического жеста сдать мечи. На каждом из них было обозначено имя обладателя. Граф Видон также пользовался большим уважением Алкуина как «идеальный муж и неподкупный судья», на свидетельство которого всегда можно положиться. Как Эрик Фриульский из рук Павлина, так и Видон из рук Алкуина получил графское и судейское «зеркало». Его копия находилась среди книг маркграфа Эберхарда Фриульского, которые он, будучи зятем Людовика Благочестивого, в 867 году завещал наследникам. Видон, связанный родственными узами с осевшей в среднем течении Мозеля семьей, также является именитым представителем имперской аристократии. Правда, следует признать, победа графа над бретонскими вождями оказалась кратковременной, как свидетельствует фрагмент имперских хроник: «Складывалось впечатление, будто эта провинция полностью покорена: так оно и случилось бы, если бы вскоре все не вернулось на круги своя из-за традиционной ненадежности этого вероломного народа». На протяжении более чем одного поколения завоеватели-франки тщетно пытались закрепиться в этой части прибрежных территорий и на прилегающей к ним континентальной местности. Считается даже, что из-за последующих неудачных походов на эти земли Людовик Благочестивый оказался втянутым в острый внутривнутриполитический кризис.

Радостная весть пришла и из североиспанской марки, служившей мучительным напоминанием об унижительном поражении под Ронсевалем. Военачальник Уэски, который годом раньше успешно противостоял атакам короля Людовика Аквитанского и не допустил взятия города, теперь предложил королю

франков при первом благоприятном случае подчиниться ему и в доказательство отправил Карлу ключи от города Уэски и подарки. Видимо, сыграл свою роль тонкий дипломатический расчет с целью предотвращения очередного вторжения из Аквитании. О фактической сдаче Уэски не могло быть и речи. Дело в том, что в первом десятилетии IX века город полностью находился под властью арабов, оставаясь объектом франко-аквитанских нападений.

В самом конце 799 года во дворе в Ахене появился монах из Иерусалима, передавший королю «благословение и святые мощи от Гроба Господня по поручению патриарха». По окончании рождественских праздников Карл простился с этим гостем с Ближнего Востока. Его сопровождал придворный священнослужитель Захария, который увез с собой на Святую землю ответные дары. Эйнхард спутал эту миссию в Иерусалим с другим посольством, направленным двадцать лет спустя к Харуну ар-Рашиду, царю Персии, то есть халифу в далеком Багдаде. Эту взаимосвязь нельзя не принимать во внимание ввиду маршрута обеих миссий, а также хотя и намечающихся, но весьма слабых из-за гигантских расстояний контактов между Багдадом и Ахеном. Тем не менее о подчинении королю Карлу мест, связанных со страстями Христовыми, не могло быть и речи. Скорее всего Эйнхард путает передачу ключей от Гроба Господня и флага, посланных патриархом Иерусалимским и врученных Карлу накануне Рождества 800 года в Риме, с никак не подтвержденным жестом легендарного халифа, отправившего королю франков в качестве подарка слона по имени Абу-ль-Аббас.

На взгляд Эйнхарда, эти контакты с Иерусалимом и даже с Багдадом, одновременно давшие повод представить в должном свете королевское великодушие и величие, вовсе не проистекали из имперских стремлений Карла к расширению сферы влияния. Невозможность этого была очевидна. Решающим моментом оказался, по сути дела, каритативный аспект королевского правления. Карл проявлял сострадание не только к родине и королевству (греки называют это «милостыня, подаяние»), но и к живущим в нищете христианам в Сирии, Египте, Африке, Иерусалиме и Карфагене, которые получали от монарха денежные пожертвования. «Главным образом по этой причине, — делает вывод наш авторитетный источник, — он ратовал за дружеские связи с правителями по ту сторону моря, чтобы даровать облегчение и помощь христианам, живущим под началом их правителей». Капи-

тулярий 810 года даже призывает к сбору пожертвований на реставрацию храмов в Иерусалиме. Уже в IX веке возникла мысль о строительстве больницы неподалеку от Гроба Господня, с чем, по некоторым сведениям, предполагалось совместить путешествие Карла в Иерусалим. Между прочим, сенсационная поездка кайзера Вильгельма II в 1898 году в Палестину заставила вспомнить об этой предположительно имперской традиции.

Начиная с 630 года Иерусалим находился под властью завоевавших Палестину мусульман. Сменившая династию Омейядов династия Аббасидов в 749 году не изменила внутреннюю политику, которая заключалась в более или менее сносном, терпимом отношении к христианам под началом их духовного главы — местного патриарха.

Время от времени сообщается о повышении принудительных сборов, о гонениях и страданиях, вызванных бандами мародерствующих разбойников. В споре о чествовании икон начиная с середины VIII века патриарх Иерусалимский выступал поборником почитания икон, тем более что виднейший богослов своего времени Иоанн Дамаскин, будучи монахом близлежащего монастыря Святого Саввы, указал правильное направление в этом споре. В работе Никейского собора 787 года Иерусалим участия не принимал. В 797 году стало известно о нападении на монастырь Святого Саввы — в результате восемнадцать монахов погибли.

Начиная с IV века к Иерусалиму потянулись и западные паломники. Общеизвестно, в первой четверти VIII века Гроб Господень посетил основатель епископии Эйхштет святой Виллибад. Являясь транзитным пунктом в восточных торговых связях, город привлекал определенное внимание со стороны купцов, главным образом евреев, армян и византийцев, которые наряду с более удаленными морскими путями не пренебрегали прибрежными и сухопутными маршрутами. Миновав Гибралтар, путешественники проплывали вдоль побережья Северной Африки и Египта, затем по суше через Иерусалим устремлялись в Дамаск. Оттуда через Куфу и Багдад добирались до портового города Басра и затем брали курс на Индию и Китай. Такие путешествия были небезопасными, ведь чужих повсюду воспринимали чаще всего как шпионов.

Карл не был первым правителем франков, завязавшим контакты с халифами. Уже его отец Пипин принимал в 768 году в Меце посольство халифа аль-Мансура, принадлежащего к дина-

тии Омейядов, при этом оба монарха обменялись подарками. В ответ Пипин направил делегацию на Восток, которая, высадившись на сушу в Марселе, через три года вернулась домой. В 797 году завязанные ранее франко-арабские связи получили продолжение. Между тем эмиссары Лантфрид и Сигизмунд не выдержали испытаний, преподнесенных им мучительной миссией, и скончались; поэтому на долю еврея Исаака, скорее всего профессионального торговца и путешественника, выпала почетная и вместе с тем чрезвычайно трудная задача перевезти по воде подарок Харуна ар-Рашида — слона по имени Абу-ль-Аббас. Наши хронисты точно зафиксировали день 13 июля 802 года, когда необычный подарок в полной сохранности был доставлен в Ахен. Другой источник связывает эту миссию 797 года с прибытием в то же время делегации во главе с графом Гебхардом из Тревизо, стремившейся заполучить от патриарха Иерусалимского для своего господина короля мощи святого Генезия и святого Евгения и при этом неожиданно столкнувшейся с эмиссарами, направленными Карлом в Багдад. Там они договорились о возвращении домой. Но в установленное время королевские эмиссары не явились, ибо, предположительно, их настигла смерть. Таким образом, путешественникам из Тревизо пришлось три с половиной года спустя одним отправляться в обратный путь, чтобы доставить в Италию ценный груз.

Побывавшая в Иерусалиме миссия в любом случае вернулась в Ахен в 799 году. Складывается впечатление, что связи, установленные королем франков с аббасидскими халифами, принесли политические дивиденды, а также способствовали принятию действенных мер по пресечению пиратского разбоя и резни. Среди привезенных подарков находились, по-видимому, и святые мощи.

Так, Ангильбер из Сен-Рикье в реестре своего монастыря упоминает мощи из Константинополя и Иерусалима, «привезенные сюда эмиссарами и переданные нам моим господином [Карлом]». Это были мощи «от Гроба Господня, от камня на Его Гробе, от горы Хорив, от невинных младенцев и от древа дарохранительницы». Может, халиф стремился к союзу против своего соперника в Кордове, а патриарх Иерусалимский помышлял о сближении с Западом в споре с Византией? Впрочем, с последующими римскими событиями никакой связи — временной или фактической — не прослеживается. В любом случае внешнеполитический авторитет Карла только возрос.

ПЕРЕГОВОРЫ ПЕРЕД ЧЕТВЕРТЫМ ВИЗИТОМ В РИМ

Хотя еще летом 799 года был намечен визит в Рим, зимние месяцы Карл снова провел в Ахене. Лишь во время поста в марте 800 года он покинул пфальц и направился к берегам Атлантики с инспекцией своей береговой флотилии. Здесь он дал указания по организации корабельной обороны и расставил в открытой прибрежной зоне караульные посты. Имперские хроники того времени отмечают, что эти районы подвергались разбойничьим набегам, причем неизвестные пираты требовали выплаты контрибуции. А вот более поздние подкорректированные хроники уже содержат упоминание о норманнах, пиратах скандинавского происхождения, набеги которых в IX веке приносили несчастье жителям, селившимся на побережье, в устье рек и даже во внутриконтинентальных районах, включая Ахен и Бремен. Говоря о запоздалой активности своего героя, Эйпхард отмечает: «Он вооружил флот против набегов норманнов и велел построить суда на берегах рек, берущих начало в Галлии и на землях германцев и текущих на север». Поскольку норманны постоянно нападали на галльское и германское побережье, разоряя прибрежные районы, во всех гаванях и в устье рек, куда заходили суда, были выставлены посты и караулы. «Речь шла о чисто оборонительных мероприятиях, предпринятых в чрезвычайной ситуации и под ее воздействием».

Пасху король отмечал в прибрежном монастыре Сен-Рикье неподалеку от Аббевиля. 20 апреля Карл даровал фландрскому монастырю Сен-Бертен право на охоту в собственных лесных массивах с целью добычи сырья для книжных переплетов, перчаток и поясов. Правда, специально основанные им лесные округа были закреплены за королем. Предусматривалось также снабжение провиантом.

Что происходило в ближайшие месяцы, нам известно из записей аббата Рихбота (Лорш), который, подобно Алкуину или Ангильберу, был в числе приближенных Карла и носил имя Макарий. Это чрезвычайно точное и взвешенное повествование является как бы составной частью так называемых хроник Лорша за период с 794 по 803 год. Оно хранится в рукописном виде в австрийской национальной библиотеке. Раздел 799—801 годов зафиксирован двумя писарями и самым непосредственным образом отражает происходившие события.

Этот источник, по-видимому, свободный от официозного вмешательства, повествует о том, что во время поста король посетил свои владения или, как сказано в тексте, обошел их шагом, приложившись к мощам святых на землях франков между Рейном и Луарой. Эта весть долетела до Тура, поэтому в душе Алкуина зародилась надежда, что скоро он удостоится принять у себя самого короля. Вначале Карл переговорил со своим советником по отношениям с Римской церковью Ангильбером, аббатом Сен-Рикье, вместе с которым отмечал Пасху. В тот момент положение папы было более чем деликатное, поэтому как никогда прежде требовалось тонкое чутье короля. Между тем Алкуин получил из Рима от близкого ему человека, архиепископа Арна Зальцбургского, послание. Сразу же после прочтения, к которому он привлек секретаря Кандида, Алкуин предал его огню, чтобы, как это сформулировано в ответном послании, «из-за моей неаккуратности при сохранении послания не получился скандал». По-видимому, обвинения в безнравственности святейшего отца были более предметными, чем предполагалось ранее.

После посещения Руана Карл переправился на другой берег Сены и, предположительно, в сопровождении Алкуина, поспешившего ему навстречу, направился к месту захоронения святого Мартина в Туре, чтобы помолиться. Рядом с монархом мы видим сыновей Карла — Пипина и Людовика. Хорошо информированные хроники Муассака, к слову сказать, в этом разделе базирующиеся на хрониках Лорша, комментируют данную семейную встречу следующим образом: «И здесь у него был большой разговор и собрание, где он определял правление [империю?] для своих сыновей». Если к этому присовокупить еще значительно более позднее свидетельство из жизнеописания Алкуина о том, что именно тогда король и император (!) отвел аббата Турского в сторону и спросил, кто из его сыновей станет преемником, Алкуин сказал то, что, по-видимому, услышал только Карл: «Твоим выдающимся преемником будет благочестивый Людовик». Это предсказание легко можно квалифицировать как последующее включение. Неизменным остается утверждение: именно тогда Карл всерьез задумался о преемстве. Учитывая его возраст, по средневековым понятиям в 52 года он уже приближался к старческой границе, и предстоящий визит в Вечный город, посетившие его мысли представляются более чем уместными.

Присутствие имеющих право на преемство сыновей на могиле святого Мартина, возможно, подтолкнуло короля просить

святого о просветлении. Фактически свой шаг к политическому завещанию Карл сделал лишь в 806 году. Правда, тогда это решение было отягощено проблемой, по сути, неделимого императорского достоинства и его продолжения тремя равноправными сыновьями.

Наполненное благочестием паломничество как исходный пункт для последнего визита Карла к могилам апостолов в 800 году резко контрастирует с многообразными спекуляциями старых и новых исследований насчет императорской власти, о чем Карл уже говорил на встрече с папой Львом III в Падерборне или непосредственно после нее. Соответствующие источники не дают однозначного ответа. Для Алкуина и других наиболее близких к королю людей Карл скорее не второй Константин, а «новый Давид», от крепких рук которого ожидают оздоровления христианской империи.

К политическим трудностям этих месяцев и дней добавилась личная драма. Из-за нее монарх дольше, чем планировалось, задержался в Туре. Вновь, но теперь уже в последний раз, он стал вдовцом. Королева Лиутгарда, заболевшая еще во время путешествия, 4 июня умерла в аббатстве Святого Мартина и там же была предана земле.

Скончавшаяся королева происходила из аристократического алеманского рода. После смерти Фастрады в 794 году Лиутгарда возглавила солидный ряд официальных наложниц. Дочь Карла Ротруда, согласно тексту Падерборнского эпоса, открывала королевский выезд на охоту, опережая дочерей Фастрады, Теодраду и Гильтруду. Из этой иерархии вытекает ее статус. Вероятнее всего, король связал себя законными брачными узами с Лиутгардой незадолго до прибытия папы Льва III из уважения к понтифику и к требованиям церемониала. Придворные восхищались молодой женщиной. Алкуин и Теодульф славил не только ее красоту, шарм и любезный нрав, но и проявляемый ею большой интерес к свободным искусствам и изящной словесности. Утверждалось, что она днем и ночью с пользой находилась рядом с королем и славилась как радетельница интересов аристократии. Детей у нее не было. В отличие от Гильдегарды и Фастрады она не оказала заметного влияния на политику Карла. Для своего господина — короля и друга Алкуин сочинил вполне традиционное послание, которое завершалось словами утешения: «Желаю, чтобы в вечности ей даровалось счастье; она — мне дорогая дочь. Но я молитвы возношу, чтоб Господу она была угодна».

После кончины Лиутгарды Карл уже больше не женился. Известны имена четырех наложниц, подаривших Карлу пятерых детей — двух девочек и трех мальчиков, о которых после смерти отца Людовик Благочестивый позаботился по-своему. Никто не возмущался интимной жизнью Карла, хранили молчание и церковные инстанции. Только радикальная чистка дворца вскоре после прибытия Людовика в Ахен в 814 году дает представление о настроении в кругу Бенедикта Анианского и реформаторов. Лишь десятилетие спустя в Рейхенау прозвучала уже упомянутая откровенная критика, да и то через призму видений потустороннего мира.

С большой долей вероятности можно утверждать, что после кончины Лиутгарды король сознательно уклонился от заключения еще одного брака. Поскольку после визита папы в 799 году не намечалось больше никаких мероприятий такого высокого ранга, не было необходимости умножать число законных, то есть имеющих право на наследство, сыновей, рожденных в законных браках, усугубляя тем самым проблему правопреемства. Хотя основополагающим критерием легитимности рождения при решении вопроса о правопреемстве впервые стали считать *Ordinatio imperii* 817 года, определяющим до того времени оставалось волеизъявление отца независимо от происхождения сына. И все же в отказе от имен «Пипин», «Карл» и «Карломанн», а также «Людовик» и «Лотарь» значимость более поздних детей явно отличалась уже своим наречением от имен потомков Гильдегарды.

В Туре за два дня до кончины Лиутгарды Алкуин получил таможенные льготы для приданного аббатству Святого Мартина монастыря Кормей. Привилегия касалась перевозки соли и продовольствия на двух судах по Луаре и ее притокам. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что и в Галлии традиционное взимание пошлин теоретически пополняло королевскую казну. Важнее, чем эта грамота, представляется указ Карла, посвященный жалобам церковных да и королевских лично зависимых крестьян, роптавших из-за непомерных тягот, связанных с суровым каждодневным трудом. Посовещавшись со своими советниками, монарх составил «нормативный каталог», с того момента ставший обязательным для исполнения. Согласно этому указу, например, безземельный крестьянин на землях, принадлежащих церкви или королю, был обязан отработать целый день на пашне с четырьмя волами. Тот, кто не имел воловьей упряж-

ки и плуга, обязан был отработать соответственно три дня в поле с использованием лопаты. Градация отработки продолжительностью от недели до двух дней соответствует правовому статусу лично зависимых крестьян, правовой форме и величине владения. Наверняка присутствовавшему при этом пфальцграфу Адельгарду было поручено публично объявить об этом указе и приказать всем его исполнять.

С королевским волеизъявлением, призванным определить надежные правовые рамки крестьянских трудов, связан весьма любопытный факт внедрения «двухпартийной» системы сеньериальной власти, в том числе на территориях между Сеной и Луарой. Этот процесс шел параллельно распаду прежней феодальной власти сеньера и передаче высвобождающейся господской земли в виде земельных наделов закрепленным за дворами лично зависимым крестьянам. Эти наделы они обрабатывали затем как самостоятельные работники. Очевидно, было не так-то просто определить эквивалент «нагрузки» для частного крестьянского хозяйства, с одной стороны, и государственных имений, с другой. Тем более что техническое оснащение дворов плугом и воловьей упряжкой давало наглядный пример хозяйствам, выполнявшим сезонные работы только с помощью мотыги и лопаты или наоборот своему правовому статусу батрачившим всю неделю на господской земле. Король как пользователь государственных и церковных владений наверняка был заинтересован в отыскании приемлемых решений, служивших повышению количества и качества сельскохозяйственного труда.

Между тем Карл вернулся из Тура через Орлеан, где творил его князь поэтов Теодульф, в Ахен. В какой мере исторически значимое в годичных летописях стоит рядом по современным понятиям со сравнительно малозначительным, показывает запись в имперских хрониках. 6 и 7 июля был отмечен обильный иней, который, правда, не нанес большого ущерба плодовым деревьям. В начале августа король прибыл в Майнц, где, согласно хроникам Лорша, «собрал верную ему знать, напомнив о несправедливости, нанесенной римлянами папе; и он повернул свое лицо, дав понять, что отправляется в Рим, что и случилось». Аббат Рихбот, наиболее вероятный автор этих записей, разъясняя смысл перехода через Альпы, не упускает случая, чтобы подчеркнуть мирное состояние королевства. Забота о понтифике, а не принятие императорского достоинства побудило Карла отправиться в Рим. Он исполняет свой долг защитника Римской церкви как союзник

папы, как «патриций римлян», а может быть, и как новый Константин.

Эйнхард связывает этот визит Карла с особо трепетным отношением к могиле апостола Петра, которую монарх постоянно стремился защищать и оберегать, облагораживать и обогащать. Правда, «его последний визит имел не только эти основания, но и то, что римляне... заставили папу Льва умолить короля о верной преданности. Поэтому он прибыл в Вечный город, чтобы восстановить состояние церкви, которое оказалось чересчур расшатанным. Визит продолжался всю зиму». Текст очистительной клятвы, принесенной Львом III перед собранием в соборе Святого Петра 23 декабря 800 года, обнаруживает ту же тональность: «Чтобы обсудить этот правовой случай [то есть предъявленные папе обвинения в тяжких преступлениях], исключительно милосердный и исключительно величественный господин король Карл в сопровождении духовенства и знати прибыл в этот город». И в цитируемых свидетельствах не прослеживается даже намек на императорское достоинство и его реализацию.

В поэтическом произведении, которое Алкуин, можно сказать, по традиции посвящает в эти месяцы своему господину и хозяину, хоть и говорится о Риме как о голове мира, но исключительно в христианском смысле, как о месте, в котором сосредоточены священные сокровища. Пусть король поскорее исцелит израненные члены, «дабы Отец [папа] и народ [римляне] жили в духе мирного согласия...» И продолжает: «Голова мира [Рим] ожидает тебя как покровителя [!], который призван служить восстановлению нарушенного мира. Предстоятель церкви должен с его помощью обрести праведное начало в управлении церковью». И наконец: «Дабы он оставался с тобою денно и нощно, целительно воздействуя на тебя, о король: пусть направляет и защищает тебя на обратном пути, дабы в радости встретили тебя дома как победителя». Рим, голова мира, вечная обитель князя апостолов Петра, хранительница спасения, не может не притягивать Карла как патрона, несущего защиту, право, спокойствие и согласие. Неясно только, сталкиваются ли в понятии «патрон» представление о защитнике и «патриции римлян», носителе административной власти. Целью визита в Рим было главным образом урегулирование сложившегося там положения, избавление папы от его противников и восстановление *Pax Romana** на базе общехристианского согласия.

* Римский мир (лат.).

Отправляясь в Рим, король планировал взять с собой и сына Людовика, с которым простился в пфальце Фер при возвращении из Тура в Ахен. Однако, немного поразмыслив, Карл отказался от этой идеи. В результате, как свидетельствует только книга папств, при переходе через Альпы его сопровождали лишь Пипин, Карл и дочери. Нам неизвестно, через какой перевал, Сени или Граубюнденский, добрались они до Северной Италии. В любом случае была сделана остановка в Равенне, видимо, для того, чтобы, прежде чем продолжить путь, спросить совета у тамошнего архиепископа, а может быть, и у высокочтимого епископа Аквилейского Павлина.

Из портового города Анкона, где войско разделилось на две половины, Карл отправил Пипина, короля Италийского, в разбойничий поход на территории Беневенто, герцог которого, видимо, так и не признал господство франков. При этом скорее всего в 795 году герцог отправил в Константинополь свою супругу, византийскую царевну Евнатию, снабдив ее посланием о расторжении брака. Более поздние хроники намекают, что причиной этого могло служить отсутствие ожидаемого наследника. Беневенто сумело сохранить нейтралитет между великими державами, и франкская политика булавочных уколов в этом и следующих годах почти ничего не изменила в сложившейся тогда расстановке сил.

Среди жертв этой кампании был казначей Магинфред, которого искренне оплакивал Алкуин. Согласно историческим свидетельствам, Магинфред проявил себя бесстрашным воином еще во время похода против аваров в 791 году. Аббат Турский, предпочитавший струящийся дымок камина бряцанию оружием, во франко-италийской вылазке на земли византийского Беневенто не видел продуктивного начала в королевской политике. Он справедливо предостерегает от опасности заболевания малярией и в надежде на успех уповает не столько на военное вмешательство, сколько на Бога, который вовремя призвал к себе отца и брата Гримоальда и теперь может поступить подобным же образом. Терпением и мудростью можно добиться большего! Вместе с тем не вызывает сомнения, что для Карла, который скорее всего с улыбкой воспринимал робость и пораженческие настроения Алкуина, Беневенто все еще оставалось шипом в теле его христианской империи, который необходимо было выдернуть. Пока Пипин двигался со своими отрядами строго в южном направлении, Карл от Анконы направился прямо в Рим.

КОРОНАЦИЯ ИМПЕРАТОРА В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА 800 ГОДА В РИМЕ

Четвертый визит в Вечный город, поначалу преследовавший цель умиротворения Римской церкви, стал событием всемирно-исторического значения, которое оказывало неизменное влияние на историю Центральной Европы. Что касается фактов и первых оценок происходивших в то время событий, мы располагаем тремя одинаковыми по времени источниками: книга папств, имперские хроники и так называемые хроники Лорша, являющиеся своего рода автографом того времени в виде исторических сочинений Рихбота, аббата монастыря Лорш и Трирского архиепископа. Свидетельства этих анналов представляют тем большую ценность, что их не коснулось перо цензора и одновременно с высокой степенью вероятности они однозначно и объективно отражают взгляды Карла и его окружения.

Несмотря на сравнительно не только благоприятную, но и доступную градацию источников в контексте обстоятельств данного визита в Рим, во всей истории средневековья насчитывается не так уж много событий, получивших столь широкий спектр крайне противоречивых интерпретаций и смелых толкований и до сих пор вызывающих самые многообразные реакции, как принятие Карлом Великим императорского достоинства в день Рождества 800 года. Это касается характеристики определяющих интересов главных участников, а также обстоятельств и самого хода событий. Огромное число тезисов и антитезисов заслоняет взгляд на существенное, поэтому только осторожное обращение с первоисточниками открывает в большей или меньшей степени перспективы для исследований.

Вначале следует отметить, что прежде чем Карл ступил на территорию Вечного города и округа, где расположен собор Святого Петра, монарху были оказаны особые почести. Прием, которого удостоился Карл со стороны папы и римлян 24 ноября 800 года, вышел далеко за рамки положенного ему как патрицию церемониала, процедурные моменты которого были установлены по случаю первого посещения Карлом собора Святого Петра в 774 году. Так, согласно имперским хроникам, понтифик и римляне приветствовали короля у двенадцатого, а фактически даже у четырнадцатого придорожного камня в Ментане «со смирением и благоговением и последующей трапезой». А вот книга папств повествует лишь в самом общем виде об исключительно

почетном приветствии гостя папой Львом III в стенах собора Святого Петра, что предшествовало заседанию суда. О торжественной встрече за городскими воротами не сказано ни слова. После этого Лев III поспешил на официальный прием в честь короля, а на следующий день приветствовал гостя на ступенях атриума собора Святого Петра. Навстречу Карлу были отправлены флаги, на некоторых участках дороги заняли место группы людей, приветствовавших въезжавшего гостя хвалебными гимнами, представлявшими собой смесь из одобрительных возгласов и литании. Если в 774 году Карл как смиренный паломник приблизился к месту захоронения князя апостолов, то сейчас, прибыв к собору Святого Петра, король спешил и в сопровождении своих епископов и священнослужителей поднялся по ступеням к притвору, где его встретил понтифик, и после молитвы под пение псалмов пригласил Карла проследовать в храм. «Это произошло 24 ноября».

Изучение материалов летописей доказывает, что все происходило, видимо, в соответствующий только императорскому достоинству Филиппов пост. Не вызывает сомнения, по своей торжественности церемониал выходил за рамки, предусмотренные для высших византийских придворных сановников. Сопровождал ли понтифик своего гостя по императорскому чину? Что могли в ту пору знать в Риме или в соборе Святого Петра о ритуале встречи императора? Последним императором, которого принимали в Риме, был Константин II. Ему навстречу, согласно книге папств, в 662 году «обладатель папского престола в сопровождении духовенства вышел к шестому придорожному камню». Кроме того, нам известно, что по случаю пребывания папы в Константинополе в 711 году Юстиниан II приказал принимать его как императора. Это произошло у седьмого придорожного камня перед городскими воротами Константинополя. В церемонии принимали участие вице-император, патриарх, сенат и духовенство. В таком плане книга папств могла содержать церемониальную подсказку, только вот никаких сведений о двенадцатом придорожном камне в книге не было, поэтому в этом отношении едва ли можно говорить об имитации указанного церемониала. Пособия о характере церемоний, написанного ученым императором Константином VII Багрянородным только в середине X века, тогда еще не существовало, а об историко-филологических изысках из-за весьма напряженной ситуации в Риме задумываться было явно не с руки.

Пожалуй, легче всего эта проблема решается, если предположить, что папа Лев III решил оказать «своему» судье и покровителю особый торжественно-впечатляющий прием, выходящий далеко за рамки отмеченного в книге папств церемониала 774 года, одновременно давая понять антипапским заговорщикам, что всем их проискам пришел конец. Равным образом все проявления хвалы в сочетании с громко выраженным одобрением в литании восприняты уже в период королевского правления Карла и поэтому не являются убедительным доказательством какого бы то ни было толкования в пользу повышения достоинства короля франков и лангобардов и «патриция римлян». Хотя и в прозвучавшем восхвалении уже содержатся красочные эпитеты, изначально адресованные Василию Великому, к примеру, «увенчанный Богом, великий и миротворящий», правда, неизменно в сочетании с титулом Карла — король и «патриций римлян».

Очевидную взаимосвязь почетного, имперскими хрониками детально расписанного приема и соседствующего с последним заседанием суда в более сжатом виде воспроизводит и книга папств, словно раскрывая, по мнению Льва III, настоящую причину визита Карла в Рим, на ожидание которого, правда, было потрачено более года. А вот хроники монастыря Лорш, отметив собрание в Майнце, где объявили о намерении короля посетить могилу князя апостолов, *medias res*, указывают на безотлагательные переговоры «здесь», то есть в Риме, относительно папы Льва III и его обвинителей. И Эйнхард десятилетия спустя увязывает смиренную мотивацию Карла, связанную с расстройством Римской церкви.

Хотя книга папств ставит вопрос о незамедлительном начале переговоров, Карл только через неделю после прибытия на место, 1 декабря 800 года, занялся деликатным делом, связанным с урегулированием внутрицерковных проблем и завершением расследования происков в отношении Льва III.

Не папа, а король провел собрание в соборе Святого Петра, превратившееся в трибунал. В нем, по-видимому, участвовали также представители франкской знати и римской аристократии. В подражание античным образцам имперские хроники пишут даже о «*contio*» — древнеримском народном собрании. Описывая дилемму языком имперских хроник, собранию было поручено, что представлялось важнейшим и труднейшим делом и уже было начато, обсудить преступления, в которых обвинялся папа. В отличие от предварительного следствия, проведенного годом раньше королевскими легатами, в ходе которого брали слово и заговор-

щики, на этот раз предметного обсуждения упреков в форме вопросов и ответов не произошло. Собравшиеся отцы, рассеявшиеся, подобно королю и понтифику, по кругу, а остальные участники по сторонам, пришли к выводу, что не могут взять на себя смелость судить папский престол: «Его не вправе судить никто». Это прозвучало со ссылкой на псевдосиммахические фальсификации, проникшие и в широко распространенное собрание церковного права, в том числе в «Дионисии-Адриане» на территории государства франков.

На это признание папа ответил следующим заявлением: «По примеру моих предшественников я готов очиститься от этих ложных преступных обвинений, лживым образом распространяемых против меня». Поскольку никто не посмел возразить против данной процедуры, а король из соображений политической целесообразности уже давно принял решение взять сторону Льва и, кроме того, покончить с происками его оппонентов, по свидетельству анналов монастыря Лорш, монарх призвал папу «осуществить очищение на основе не их приговора, а своей свободной «воли». Если верить Алкуину, и тогда на стороне притесняемого понтифика был архиепископ Майнца Риккульф, который наряду с Арном Зальцбургским, Теодульфом Орлеанским и епископом Йоной Оксерским совершенно определенно состоял в свите Карла.

По истечении трех недель, пока предположительно велись мучительные переговоры по составлению формулы присяги, 23 декабря Лев с Евангелиями в руках поднялся на амвон собора Святого Петра и перед криптой князя апостолов, вызывая к Святой Троице, произнес перед собравшимися следующую очистительную присягу: «Общеизвестно, дорогие братья, что злые люди восстали против меня и возжелали меня изувечить; они нагромодили против меня тяжелые обвинения. Для выяснения обстоятельств происшедшего в этот город вместе со своими епископами и знатью прибыл милостивейший и сиятельнейший король Карл. Никто не осуждал и не побуждал меня к этому. Я по собственной доброй воле в вашем присутствии клянусь перед Богом, которому известно, что у меня на совести, а также перед святым князем апостолов Петром, в чьем храме мы находимся, что не запятнан никакими предъявленными мне преступлениями, которые я не совершал по собственной или чужой воле. На то Бог — мой свидетель, перед судом которого мы предстанем и перед лицом которого мы стоим. Я действую так по доброй воле, дабы

покончить с любым подозрением. И совсем не потому, что так сказано в церковных законах, или потому, что тем самым я хочу создать прецедент или установить правило поведения для моих преемников или наших братьев и епископов». Возможно, при этом Лев III вспоминал папу Пелагия I, которому в 555 году таким же образом пришлось очищаться от подозрения в том, что он физически устранил своего предшественника.

Согласно анналам монастыря Лорш, в полном соответствии с книгой папств, после этого самоочищения Льва все присутствующие во главе с Карлом запели «Te deum laudamus» («Тебя, Господи, хвалим!»), поскольку, как говорилось, папа телесно остался невредимым и «Бог его духовно сохранил».

Возможно, случайно, однако, безусловно, символично, что в тот же день накануне рождественского сочельника со Святой земли вернулся королевский эмиссар, придворный священнослужитель Захарий. Его сопровождали два монаха из монастыря Святого Саввы, расположенного на горе Элеонской. Они передали королю франков по случаю интронизации ключи от Гроба Господня, от Голгофы и от Сиона вместе с флагом «града Иерусалим». Можно представить, какое волнующее впечатление произвели эти дары из географического и духовного центра тогдашнего мира на современников, тем более в преддверии Рождества Спасителя.

Два дня спустя, то есть в первый день Рождества, произошло событие, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в европейской истории. Во время торжественной мессы в соборе Святого Петра папа Лев III совершил императорскую коронацию Карла. Сопутствующие обстоятельства, причины и следствия этого события неизменно вызвали споры. Обратимся вначале к нашим важнейшим источникам, дающим ключ к пониманию вопроса. Книга папств отмечает: «Затем [после очистительной клятвы папы Льва] с наступлением праздника Рождества Христова все снова собрались в указанном соборе Святого апостола Петра. И вот достопочтенный и досточтимый папа собственноручно возложил на него [Карла] чрезвычайно дорогую корону. И все верные римляне, видевшие, сколь велико его покровительство и любовь к Святой Римской церкви и ее наместнику, воскликнули все разом по знаку Божию и обладателя ключей от небесного царства: «Карлу, смиреннейшему Августу, коронованному Богом, великому и мирноносному императору — жизнь и победу!» Перед священной криптой с могилой апостола Петра они трижды воззвали к разным святым и все называли Карла императором

римлян. В заключение святейший епископ и папа помазал Карла, своего выдающегося сына, на царствие в этот день Рождества нашего Господа Христа Иисуса». После торжественной мессы Карл со своими сыновьями и дочерьми возложил на крипту апостола Петра различные дары, среди них усыпанную драгоценными камнями золотую корону, ценный массивный дискос, на котором выгравировано имя «Карл», и такую же чашу, а также иную литургическую утварь и еще серебряный столик. Латеранская базилика, именуемая «Константиниана», получила богато украшенный крест. Кое-что досталось и церкви Божией Матери.

Имперские хроники посвящают происшедшему событию следующее описание: «В тот священный день Рождества Христова, когда в ходе торжественной мессы перед криптой святого апостола Петра король поднялся после молитвы, папа Лев возложил ему на голову корону, и весь римский народ воскликнул с ликованием: «Благороднейшему Карлу, коронованному Богом, и мирноному императору римлян — жизнь и победу!» После хвалебного песнопения наместник Христа по обычаю старых императоров удостоил Карла земного поклона (*Proskynese*). После того как король отказался от имени «патриций», он был наречен императором и Августом».

Таково двойное изложение фактов. Различие заключается лишь в том, что книга папств отмечает выполненное после императорского коронования и одобрительной реакции помазание старшего сына Карла, в то время как франкские анналы повествуют о церемониальном поклоне понтифика и об отказе от старого титула.

В противоположность этому двойному изложению, которое тем не менее демонстрирует инициативу Льва III при совершении коронации, по-иному воспринимаются записи аббата Рихбота из монастыря Лорш, имевшего непосредственный доступ ко двору Карла и поэтому располагавшего более достоверными сведениями о действующих лицах и их мотивах. Его версия происшедшего помещает это выдающееся событие в более широкий контекст и одновременно обосновывает повышение прежнего королевского титула: «И поскольку тогда со стороны греков императорское достоинство перестало существовать [то есть оказалось вакантным], как понтифику, так и всем святым собравшимся на этот собор отцам, а также прочему люду показалось уместным признать императором того самого Карла, короля франков, в руках которого был Рим, где всегда находились цезари, и прочие места, принадлежавшие ему в Италии или в Галлии или на

землях франков. И поскольку Господь отдал эти места под власть короля Карла, сочли справедливым наречение его этим титулом — с Божией помощью и по воле народа. Король не мог отвергнуть это желание. Смиренно покорившись воле Божией, Карл в день Рождества нашего Господа Христа Иисуса по просьбе духовенства и всего христианского народа принял императорское звание с благословения и молитвенного согласия господина папы Льва III. И здесь он прежде всего отдалил Святую Римскую церковь от раздоров к миру и согласию». Коронации в то рождественское утро, которая здесь сведена даже до папской молитвы, предшествует договоренность по деловым вопросам. Речь шла о вакансии императорства и праве распоряжаться античными императорскими местами. Заметим, упоминание о ликовании римлян в этой связи отсутствует.

Другим аутентичным комментарием по поводу событий в то рождественское утро следует считать указание Эйнхарда в его житии правителя. Оно, правда, встречается в связи с описанием характера Карла, особенно с учетом его способности сдержанно переносить недоброжелательство и ревность. В этом разделе к тому же идет речь о глубокой приверженности Карла святому Петру и о его стремлении украсить этот храм с местом захоронения апостола. Еще речь идет о том, что последний визит Карла в Рим прежде всего служил цели упорядочить расшатанное состояние церкви, и этому были посвящены все зимние месяцы. В те дни он принял звание императора и Августа. Поначалу это настолько претило ему, что в тот праздничный день он даже не переступил бы порог храма, если бы предвидел решение папы. Карл с большой выдержкой перенес зависть и возмущение римских императоров из-за его нового титула. Он великодушно пережил их презрение — в этом отношении Карл, несомненно, оказался на высоте, направив к ним многочисленных эмиссаров и называя их в своих посланиях «братья».

Становится понятно, что только из монастыря Лорш аргументированно обосновывают принятие императорского достоинства и смену титула, в то время как параллельные источники лишь с некоторым смещением акцентов в самых общих чертах пишут о характере самой церемонии в соборе Святого Петра. В итоге по прошествии более чем четверти столетия Эйнхард постулирует, что его читатели и без того знакомы с деталями происходившего в 800 году, или расценивает их как незначительные, резюмируя критику своего хозяина задним числом.

Тем не менее значение данного свидетельства трудно переоценить. Эйнхард был не только придворным, поэтом и зодчим у Карла в Ахене. Он нашел свое признание еще как дипломат на службе короля и императора, оказывая значительное влияние на политическую линию Карла на последнем этапе его правления. Именно Эйнхард в 806 году передал на подпись папе политическое завещание Карла, известное под названием *Divisio regnorum*, а в 811 году вдохновил Карла на составление собственно завещания, полный текст которого предание донесло до нас в житии монарха. Он был одним из тех, кто инициировал признание за Людовиком Благочестивым статуса соправителя в 813 году. Таким образом, слово Эйнхарда, деятельного участника многочисленных событий, находившегося в ближайшем окружении Карла, приобретает особый вес.

Из разных источников, представленных на манер китайской головоломки, вырисовывается, по сути дела, следующая картина: при всей неопределенности того, о чем договорились Карл и Лев в связи с принятием императорского достоинства уже в Падерборне (Саксония), с уверенностью можно утверждать, что решение папы в то рождественское утро не застало Карла врасплох. Невозможно экспромтом организовать хвалебное песнопение и возгласы одобрения, а также скрыть от взгляда короля положенную перед криптой корону. Да и сам Карл едва ли мог облачиться в одеяние императора лишь непосредственно перед актом посвящения, в котором, и по свидетельству Эйнхарда, он, безусловно, появлялся в Риме, не говоря уже о том, что, оказавшись в сложной, только-только упорядоченной ситуации, папа едва ли рискнул бы провоцировать своего покровителя, влиятельного короля франков, да еще сразу после принесения очистительной клятвы. Раздражение, охватившее Карла скорее всего сразу после церемонии в соборе Святого Петра, отдаленное эхо которого докатилось до нас благодаря Эйнхарду, по-видимому, проистекало из формы акта, обеспечивавшей папе доминирующую функцию, а возносившим одобрения жителям Рима государственно-правовой перевес. Тем самым, как полагают более поздние исследователи, римская идея императорства вовсе не противоречила ахенскому императорскому достоинству. А вот характер церемонии, а также роль совершавшего коронацию и присутствующих в храме породили серьезные возражения.

Хотя в Риме VIII века, уже многие десятилетия подряд удалявшемся от Византии и ее правителей, даже несмотря на то что

организованный при участии патриарха Запада Никейский собор 787 года, вернувшись к вопросу о почитании икон, вновь привел к определенному сближению, имели весьма смутные представления и поэтому располагали более чем ограниченными деталями сведениями о формах возведения в императоры на Босфоре, тем не менее было достаточно хорошо известно, что для этой процедуры (не назначения отцом сына в соправители!) конституционно достаточно избрания и назначения войском, сенатом и народом. К этому по большей части (впервые это подтверждено возведением Льва I в 457 году) добавлялась коронация патриархом Константинопольским. Однажды этот акт был исполнен даже присутствовавшим римским папой, когда в 526 году Иоанн I находился в городе императоров и короновал Юстиниана I. Через это благословение император воспринял «мистическое освящение его служения». Подробности той коронации, очевидно, произошедшей в рамках торжественной мессы после вступления правителя на престол, до X столетия не отмечены, а в последующий период времени отражены в императорской церемониальной книге.

Без малого двумя десятилетиями ранее в соборе Святого Петра прошла коронация с участием понтифика: тогда Адриан I помазал на королевское правление сыновей Карла — Людовика и Пипина (Карломана), на которых тем самым распространилось покровительство святого апостола Петра. В результате помазания и коронации понтифик вновь однозначно легализовал династию «выдвиженцев». Эту традицию, по-видимому, подхватил его преемник Лев III в рождественское утро 800 года, когда понтифик помазал старшего сына Карла, тоже Карла, да еще короновал его, как сказано в одном послании Алкуина. Вполне вероятно, что это вызвало злобную усмешку византийского хрониста Феофана Конфессора, в связи с 797 годом отмечающего, что тогда, когда изувеченный папа обратился за помощью к Карлу, королю франков, Рим оказался под господством франков, а Лев III «в оправдание своей вины перед Карлом» короновал его в соборе Святого Петра императором римлян, а потом еще помазал с головы до пят, облачил в императорские одеяния и возложил корону».

Помазание императора для Византии было делом необычным. Низкий поклон перед императором (*Proskynese*) являлся составной частью византийского придворного церемониала. Исполнять его обязаны были также патриарх и *Pontifex maximus** Запада. В

* Дословно: великий понтифик. Здесь: папа римский (*лат.*).

любом случае начиная с 669 года папа выражал готовность следовать этому правилу в своих приветственных посланиях. По крайней мере в отношении этого жеста смирения, коронации и облачения Карла в императорские одеяния, а также возгласов одобрения пример Константинополя имел решающее значение. Этим элементам противоречат последовательность и акценты отдельных компонентов процедуры возведения, очевидно, вызвавших огорчение Карла и более чем сдержанную реакцию аббата Рихбота в его записях. Речь шла об экзальтированной роли папы и римлян, потребовавших для себя конститутивных актов. Карл как король и «патриций римлян», видимо, не мог примириться со столь неординарной формой реализации. Разве не являлся он и без участия папы или жителей града Рима, на взгляд его окружения, «новым Давидом» и властителем христианской империи в качестве преемника Римской империи? Разве не был он уже давно хозяином резиденций прежних императоров (как нам дает понять аббат монастыря Лорш и архиепископ Трирский), например Рима и Равенны, Арлеса и Трира? Как уже Libri Carolini «списали» Римскую империю, так и короли и даже греческие императоры уже не правители всего мира, в то время как Карл «по знаку Божию является королем франков, который правит Галлией, Германией, Италией и теми бесчисленными провинциями».

Распространению ветхозаветно оправданного королевского правления на христианскую империю Запада, чему упорно противилось только Беневенто, соответствовало вытеснение византийцев из Средиземноморья. Правда, данная тенденция не коснулась Сицилии и побережья Адриатики от Венеции до Зары. Это связывали на Западе с узурпацией власти императрицей Ириной, в 787 году велевшей ослепить сына и сместить его. Наши источники умалчивают, стала ли при этом Ирина орудием дворцовой камарильи или поступила так по собственному убеждению. Такого рода правление расценивалось как неприемлемый властный матриархат и, таким образом, как вакансия в имперской системе власти, возможно, даже как требование настоящего момента: король франков, гарант и покровитель папства, соединяет свою персону со свободным титулом, вакантным достоинством. Карл не мог прекословить этому, ведь достоинство императора и Августа было единственным, которое с античных времен возвышало и выделяло его носителя над королевством. Ведь королевский титул, а им обладали также правители Астурии, Мерсии и даже сла-

вянские вожди, соответствовал полноте власти господина над многими народами от Атлантики до Венского леса, от Эльбы до ворот Вечного города. Разве в результате принятия более высокого титула, нового монаршего звания одновременно не был восстановлен богоугодный порядок, требующий, по Августину, соответствия «обозначения» и «дела» («nomen» и «res»), согласно которому именно самый влиятельный и единственный правитель христианской империи удостоился положенного ему императорского достоинства и в виде титула?

Разве однажды папское решение уже не обосновало необходимость праведного порядка, когда римское юридическое заключение указало на неотложность смещения последнего короля династии Меровингов, объявив богоугодным делом возведение в королевское достоинство всемогущего мажордома и принцепса?

Несколько позже с этим возвышением короля оказалась связана известная идея так называемой трансляции. Согласно ей, как свидетельствует составленное примерно в 840 году житие святого Виллихеда, первого епископа Бременской церкви, «в результате выбора римского народа на соборе епископов из-за власти матриархата императорская власть была отдана господству франков». Начиная с XI века, по мнению столь же современных авторов, именно папа забрал империю у греков и передал ее франкам. Критический взгляд Карла на чересчур доминирующую, как ему казалось, роль преемника апостола Петра получил здесь свое историческое оправдание. Может быть, он размышлял даже о самокоронации, как по крайней мере сообщает один надежный источник о назначении и коронации Людовика в 813 году как соправителя в Ахене. Наконец, следует отметить, что ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет образца церемониала коронации императора.

Согласно важнейшим свидетельствам того времени, Карл принял достоинство императора и Августа, и только в книге папств он представлен как император римлян (*Imperator Romanorum*). При этом речь идет об одном титуле, который, очевидно, образован по аналогии с титулом *patricius romanorum* и также не имел соответствия в официальном языке Византии. Лишь после протокольной договоренности византийского императора с франкским узурпатором в 812 году Василий добавил к своему титулу указание на принадлежность к римлянам, в то время как Карл впоследствии именовался только императором, однако не уста-

вал подчеркивать необходимость восстановления «мира между Восточной и Западной империями».

Церемониальный момент и титулование, по сути, сближаются с унаследованным византийским примером, однако совершенная папой коронация как конститутивный акт и заимствованный из римской действительности императорский титул, соответствующий «римскому патрицию», в первый день Рождества 800 года фактически породили западную императорскую власть, которая в будущем, конкурируя с Византией, стянула в один крепкий узел правление и священство, установив своеобразное равновесие между обеими властями, управляющими миром, причем чаша весов после так называемого спора о пожаловании качнулась в пользу папства. Этот союз духовного Рима с франками, идейными носителями создания Западной империи, за которыми последовали немцы, наметился уже при Пипине, отце Карла. Однако прочность он приобрел в результате деятельности понтифика Льва III. Это соответствовало праведному порядку: король франков, которого впредь именовали «новым Давидом» или Константином, обрел императорское достоинство, пресвосходившее любое королевское. Официальное употребление этого титула подвергалось многократным изменениям и характеризовало начальные трудности, с которыми столкнулась канцелярия.

Если попробовать вникнуть в государственно-правовое содержание этого понятия, то откроется масса трудностей. Папа, о чем однозначно свидетельствует добавка «*Romanorum*» к императорскому титулу, связывал с этим достоинством особое покровительство Карла в отношении Рима, благодаря чему город получал большую свободу действий по сравнению с функциональными возможностями патриция города и дуката Рим. Лев III едва ли задумывался о возрождении западной императорской власти, фактически исчезнувшей после Ромула Августула (476 год). Ведь сравнительно недавняя фальсификация от имени Константина Великого возложила ответственность за судьбу Запада на плечи понтифика как императора с предоставлением ему императорских знаков отличия и почетных привилегий, а также с включением в его империю Гесперии* вместе с островами: рядом с князем апостолов в Риме не должно быть никакого императора. Поэтому император удалился в Константинополь. Таким образом, новый император Запада невольно превратился бы в угрозу для после-

* Древнегреческое название Испании и Италии.

дующей консолидации церковного государства апостола Петра, основой которого являлись главным образом дарения Пипина и Карла, но широкой правовой базой оно было привязано к *Constitutum Constantini*. Что касается точки зрения Карла и его советников, однозначный ответ здесь неуместен. Титул и достоинство стали наполняться конкретным содержанием лишь в последующие годы. Пока же в самосознании Карла к Восточной не приросла Западная, то есть «своя» империя, которая не была Западной в духе позднеантичной эпохи, а являлась средневековой, новой, хотя она и подпитывалась и обогащалась старыми традициями. Император Карл — это «новый Давид» и одновременно «новый Константин». Хотя эта империя возвращает нас во времена Западной части старой Римской империи, другими словами, Рима, который теперь благодаря погребению в нем князя апостолов считается священным градом и резиденцией его преемника, тем не менее Рим перестал быть единственным ядром мировой империи. В понимании франков к Риму тяготеют резиденции монархов Италии, Галлии и Германии (!). Новая империя перекрывает своим сводом западную христианскую империю. Предсказаниям Феофана, что Карл нападет на Сицилию, не суждено было осуществиться. Для новой империи несвойственна любая политика экспансии в ущерб Византии. Спорные территориальные вопросы в отношении Венеции и Истрии во времена Карла решались в духе согласия. Империя франков даже под новым флагом не стала великой державой Средиземноморья по причине отсутствия у нее морского флота.

Часть II

ИМПЕРАТОР 800—814 годы

ЧЕСТЬ И ТЯГОТЫ НОВОГО ДОСТОИНСТВА 800—807 годы

СУД НАД ЗАГОВОРЩИКАМИ ПРОТИВ ПАПЫ ЛЬВА III

К общим соображениям принципиального характера, которые в окружении Карла подверглись более или менее детальному рассмотрению и в итоге привели к принятию императорского титула со всеми последствиями для дальнейшего хода европейской истории, безусловно, добавилась острейшая необходимость правовой оценки предъявленных папе обвинений и наказания его оппонентов. Хотя Лев III принес очистительную клятву перед собравшейся знатью, суд над главными виновниками, именитыми папскими прелатами, так и не начался, застревая на уровне предварительного расследования. В конце ноября 799 года королевская комиссия взяла под стражу обоих злодеев и передала их королю. Переправленные в Рим заговорщики год спустя не рискнули в присутствии папы и короля представить доказательства своих обвинений. Пока дело о противниках понтифика повисло в воздухе. Аббат монастыря Лорш Рихбот связывает это с принятием Карлом императорского достоинства. Через несколько дней после коронации начался процесс над заговорщиками. По свидетельству имперских хроник, «следствие проводилось на основе римского права, за преступление против монарха злодеи были приговорены к смертной казни». В их защиту выступил папа Лев, вследствие чего, легко отделавшись, они сохранили себе жизнь. В итоге заговорщики подверглись высылке. Приговор затронул также целый ряд их римских сообщников. Наказание в виде ссылки было весьма распространено в Византии, как, впрочем, и в античные времена. По сути, речь шла об отказе от применения смерт-

ной казни с целью физического устранения оппонентов. Указание на процедурные моменты по римскому праву встречается только во франкских анналах. Характерно, что книга папств отвергает применение императорского права и представляет указанную процедуру как своего рода эпилог к очистительной присяге понтифика, завершившийся тем, что заговорщики и их сообщники проследовали в ссылку на земли франков, можно сказать, без надлежащего судебного разбирательства. А после кончины Льва III сосланным было дозволено вернуться в Рим.

В Вечном городе наверняка еще теплилось знание римского права в его различных кодификациях, особой известностью пользовались некоторые части свода законов, именуемого «дигесты». К примеру, в 603 году папа Григорий Великий цитирует фрагмент из соответствующей статьи, толкующей о «*Crimen laesae majestatis*»*: «Преступление против монарха — это такое преступление, которое совершается против римского народа или безопасности». Другой свод законов — *Sententiae Pauli*** — вошел составной частью в относительно распространенное римское право вестготов, предположительно в 802 году принятое Карлом как авторитетный источник старого императорского права. В сентениях соответствующего раздела говорится следующее о преступлении против монарха: «Те, чье оружие в виде совета и содействия направлено против императора или *res publica*... лучшие [из них] должны быть казнены».

Книга папств замалчивает это по вполне понятным причинам: данное положение является посягательством на статус-кво папы, не уступающее императорскому. Опираясь на римское право, Карл и его советники, по-видимому, натолкнулись на решающее юридическое оружие в споре с оппонентами понтифика и их римскими сообщниками, заговор которых потряс Римскую папскую республику.

Ни как патриций или император, опосредованно или непосредственно с помощью своих эмиссаров, Карл не вмешивался в дела града Рима или в правовые отношения патримония апостола Петра. Он предпочитал уважать сложившийся порядок, подпирая его в интересах папы. Напомним о том, что предшественник Льва III Адриан I сам противодействовал смутьянам, причем через Равенну пытался даже подключить византийский император-

* Обвинения в оскорблении величия (*лат.*).

** Рассуждения (сентации) Павла (*лат.*).

ский двор. Это обращение к Византии теперь отпало само по себе по причине возвышения Карла и из-за «матриархата во власти» Ирины в Константинополе, не говоря уже о том, что авторитет Льва на папском престоле был не самый высокий.

Впрочем, применение правовой конструкции преступления против монарха не было ограничено только Вечным городом. Карл ввел эту конструкцию в самую ткань императорского права и в регионах севернее Альпийского гребня, когда за дезертирство в духе так называемой верноподданнической присяги 802 года, которую обязана была принести вся вольная мужская часть населения его огромной империи, предусматривалась смертная казнь как за преступление против монарха.

ИМПЕРИЯ И ТИТУЛ ИМПЕРАТОРА

О возрождении Западной Римской империи по позднеантичному образцу, тем более о господстве над градом Римом, очевидно, не могло быть и речи. Такой подход исключало наличие захоронения князя апостолов, запрещали так называемый Константинов дар и существенная составляющая империи франков, центр управления которой располагался по другую сторону Альп. Правда, первый христианский император, вездесущий в основанном им Константинополе, втором Риме на Босфоре, предлагал новому императору определенную ориентацию, однако формы и содержание империи Карла имели тем не менее собственные контуры, обнаруживали следы средневековья.

Так, при изготовлении своих металлических денег, для чеканки которых в отличие от античных времен и Византии использовалось серебро, Карл взял за образец золотую монету эпохи Константина. На ней изображена увитая лавром голова императора анфас. Его политическое завещание, известное под названием *Divisio regnorum*, представленное Эйнхардом в 806 году на подпись понтифику, следует соответствующей формуле так называемого Константинова дара. И в Падерборнском эпосе обозначение Ахена как будущего Рима обнаруживает византийский образец.

Также грамоты Карла, снабженные в античном духе пометой «*Legimus*» («Нами прочтено»), что равносильно монаршей подписи, по византийской традиции скреплялись золотыми буллами, из которых ни одна не сохранилась, кроме единственного

экземпляра из свинца. На его реверсе изображены городские ворота Рима с глубокой по смыслу легендой «*Renovatio Rom (ani) Imperii*»* в качестве обязательства по каждодневному обновлению. Единственная сохранившаяся до наших дней золотая монета императора Карла, обнаруженная при раскопках в пфальце Ингельгейм-на-Рейне в 1996 году, отчеканена на монетном дворе Арлеса и воспроизводит образец, оригинал которого связан с Павией. Впрочем, эта монета увидела свет лишь после 812 года, когда было достигнуто соглашение с конкурентом на Босфоре.

Что касается «привилегий римского императора», после 800 года все равно не дошло дело до полной реституции монарших прерогатив, которые римляне в 702 году уступили тогдашнему императору Филиппику Вардану, хотя папы после коронации Карла и в первые годы правления в посланиях называли его императором и даже консулом. Стаж предшественника Льва — Адриана I измерялся годами воплощения и понтификата, а самого Льва до 800 года годами понтификата и королевского правления, так что папа занял место короля, а король занял место патриция — экзарха. В чеканке монет в лице Адриана I папа обрел императорское достоинство, поэтому на аверсе красовалось его изображение с легендой. А вот Лев III вместо собственного лика распорядился изобразить князя апостолов как истинного суверена Вечного города. После эпохального 800 года встречаются папские денарии: на одной их стороне — имя апостола Петра и папская монограмма, а на другой — имя и широко известная монограмма короля франков в ромбической конфигурации, что как бы символизирует двойное правление — папы и императора. Это — сочетание двух властей, согласно учению Геласия. Между тем так и не возродилась традиция устанавливать в римских храмах изображения императоров. Отсутствовали портретные изображения, не создавались монументы на манер фокаасской колонны.

Церковная молитва могла быть привязана и к более ранним образцам, и к прошениям, которые по своей смешанной форме из заступничества и одобрения уже с 774 года награждали короля франков и «патриция римлян» императорскими эпитетами: уже Адриан I включал ходатайство за короля и экзарха в молитвы за императора и империю, а после 800 года Карл занял место византийского конкурента.

* Обновленная Римская империя (лат.).

Императору воздали положенное императорскому достоинству, но на монетах, в каждодневном употреблении отражавших желаемое, на римский взгляд, представление о правлении, показано подлинное соотношение сил, а именно своего рода баланс между преемником апостола Петра и императором франков, что вполне соответствовало мозаичному панно в триклинии Латеранского дворца.

Императорский титул также поначалу не позволяет установить четкую и однозначную опору на старые традиции или более новые формулировки. Это свидетельствует не о бессилии канцелярии, а о неуверенности относительно подлинного содержания императорской власти. Свой новый титул Карл впервые употребил в крайне сложном контексте. Речь шла о грамоте, изготовленной 29 мая 801 года близ Болоньи в связи с откровенно формальным имущественным вопросом. Вообще говоря, само собой напрашивалось формирование императорского титула по образцу титула «*Patricius Romanorum*» сообразно «*Imperator Romanorum*»*. В этом новообразовании содержался бы намек на сужение объема притязаний к Западу. Вместо этого Карл предпочел глобальный, витиеватый и насыщенный титул «*Karolus serenissimus augustus a Deo coronatus magnus pacificus imperator* [все императорские эпитеты] *Romanum imperium gubernans* [управление институтом, то есть Римской империей] *qui et per misericordiam dei rex Francorum atque Lanyobardorum* [союз франков и лангобардов, королем которых он является]». Таким образом, титул «художественно напыщенно», по выражению Петера Классена, связывает правление королевскими сторонниками с руководством этого института. Франки и лангобарды оставались собственно населением государства, фундаментом его правления, к которому «пристегивалась» административная структура, связанная с Римом, но не с римлянами. Несмотря на столь взвешенный подход, Византия видела в империи Карла только узурпацию власти варваром, которому в знак благодарности оказал поддержку епископ Римский.

Уместно заметить, что Карл отказался от осуществления какой-либо императорской власти в Риме. В одной судебной грамоте из Вечного города от 4 марта 801 года, в которой еще значится прежний титул — король и «патриций римлян», он разрешает конфликт между церквами Ареццо и Сиена (причем оба го-

* Римский император (лат.).

рода расположены в неаполитанской Тусции) на основе предварительного определения папы Льва. В ней Карл называет цель визита: «В связи с некоторыми «делами» Святой церкви Божией и господина папы Льва». Составленная в конце мая недалеко от Болоньи грамота тоже представляет собой лишь заключительный приговор суда относительно никак не связанного с Римом монастыря Нонатула. Хотя в этом документе обозначен новый титул, он изготовлен той же рукой, что и мартовская грамота в отношении Ареццо.

Рим продолжал оставаться своеобразной золотой серединой былой всемирной империи, и ее обновление не утрачивало актуальности. Более того, Рим был хранителем святых останков князя апостолов и резиденцией его преемника. Поэтому новый королевский род франков считал необходимым обеспечивать благополучие Вечного города и оказывать ему неизменное покровительство. Он нерасторжимо связал свою судьбу с апостольской гробницей в духе согласия с Римом, как об этом со всей определенностью будет заявлено в политическом завещании императора несколько лет спустя. В результате принятия нового титула и возрождения империи эта «государственная доктрина» не была отмечена существенным приращением властного начала. Внутривнутриполитические выводы из своего нового достоинства Карл сделал лишь в посвященном реформам капитулярии от 802 года. Они совсем не затрагивали Рим, зато в значительной степени коснулись его представлений о формировании христианской империи как о спасительно необходимом конечном пункте былых всемирных языческих империй, к числу которых многие современники относили и Римскую.

Зимние месяцы Карл провел в Риме неподалеку от собора Святого Петра. О его тамошней резиденции нам мало что известно.

Пасху 4 апреля 801 года он также отметил вместе с папой у гробницы князя апостолов. Так называемые имперские анналы характеризуют его, несомненно, многообразную деятельность в эти месяцы следующим образом: «После того как он затем [после осуждения заговорщиков против Льва III] упорядочил дела в Вечном городе, проблемы папы и всей Италии не только в публичной, но и в церковной и частной [!] сферах, а своего сына отправил в поход по землям Беневенто, 25 апреля Карл покинул Рим и прибыл в Сполето».

Справедливости ради стоит заметить, что вторая за полгода экспедиция в Беневенто особого успеха не имела. Еще осенью

799 года погиб казначей Магинфред, один из приближенных к Карлу экспертов по итальянским делам. Опасаясь потерь среди верных Карлу людей, Алкуин вновь усомнился в полезности всего предприятия. Высказывания из далекого Тура являются существенным источником наших знаний о последнем визите Карла в Рим. Между прочим, усилиями Алкуина сын Карла (тоже Карл) стал автором своего рода кодекса поведения, требовавшего от него равняться на отца, «ректора и императора христианского народа», творить справедливость и милосердие в качестве соломонových добродетелей, а также выбирать себе достойных советчиков, дабы восторжествовала не алчность, а истина. От своего уже вернувшегося из Рима задушевного друга Кандида Алкуин узнает, что вспомогательный контингент из монастыря Святого Мартина сопровождал Пипина на юг, а папа, одолевший врагов, пользуется немалой благосклонностью господина императора. Графа Гродгара, вознамерившегося было присоединиться к отрядам Пипина, он закликает больше уповать на мудрость и превосходство, нежели на силу оружия. Нездоровый климат, угроза эпидемий — это все негативные факторы. Поэтому граф мог бы быть полезным императору добрым советом, назидает Алкуин. Его предчувствия, в общем, подтвердились, ибо наши источники никак не комментируют военный поход Пипина. Последняя запись анналов из Беневенто сообщает даже об огромных потерях франкского экспедиционного корпуса. Предание ничего не сообщает о плодотворной активности Карла в интересах Вечного города и папства в период его пребывания на Тибре. Нет никаких данных насчет того, обеспечил ли он тогда императорское влияние с целью пресечения будущих антипапских выступлений, что логично было бы предположить относительно преинства Льва в 816—817 годах. Что касается так называемого Pactum* Людовика Благочестивого с Римской церковью 817 года, то он в любом случае закрепляет свободное избрание и освящение епископа Римского, который, правда, был обязан направлять к монарху эмиссаров, дабы обновлять «мир и согласие». В 795 году Лев III велел передать королю свой указ об избрании. К нему прилагались подарки. Это означало возобновление действовавшей до 731 года практики отношений с монархом. В связи с последующими возведениями «императорское право», по-видимому, заключалось в контроле за избранием и согласии с освящением. После происшедшего с пре-

* Договор, пакт (лат.).

емством Адриана в лице Льва, которого оппоненты обвинили в симонии, такой подход представлялся почти неизбежным.

В те годы высшие эшелоны христианства, то есть папство и императорская власть, достигают такой степени переплетения, что покончить с ним удалось лишь в XI веке в результате так называемого спора об инвеституре (облечении).

Тогда преемник апостола Петра избавился от «сцепления» с императорской властью, а функция избрания папы перешла к формирующейся коллегии кардиналов. Подобно тому как духовенство и римляне в качестве «избирателей» папы были вынуждены подчиниться определенной процедуре, которую предусматривала контролирующая императорская инстанция, так и *Populus Romanus**, по-видимому, был обязан приносить клятву верности. Папа Лев в своем сообщении об избрании призвал короля направить эмиссара для принятия присяги верности Карлу. Однако источники по этому поводу безмолвствуют, ибо в книге папств хронологически построенное изложение жития Льва обрывается рассказом о судьбе заговорщиков 799 года, хотя этот папа скончался лишь в 816 году после действительно продолжительного понтификата. Однако история папства после 799 года посвящена сплошь строительным проектам и папским богоугодным заведениям в Риме и вокруг него. Преемник Льва III Стефан IV (V) после возведения в любом случае обеспечивал присягу римлян на верность наследнику Карла — Людовику Благочестивому.

Судя по всему, Карл проявлял исключительную сдержанность в использовании административных мер по отношению к Вечному городу и патримонию апостола Петра. Если Лев III после 808 года сетует на вмешательства монарших эмиссаров на территории церквей и тем самым идет по стопам своего предшественника, часто жаловавшегося на это королю, то прежде всего указывает на ошибочность и противозаконность этого вмешательства, которое перечеркивает его собственные административные привилегии и предписания, и просит Карла о помощи: «Мы уповаем на милосердие Божье, чтобы в период вашего правления церковь Божия жила спокойной и мирной жизнью».

Вначале Карл направился в Сполето, герцог которого Винигиз в те судьбоносные дни поспешил на помощь папе со своими отрядами, то есть в сторону враждебно настроенного к нему Бе-

* Римский народ (лат.).

невенто, который к тому времени безуспешно пытались атаковать отряды Пипина.

Источники того времени зарегистрировали мощное землетрясение, которое с 30 апреля по 1 мая затронуло всю Италию, сопровождаясь горными обвалами, накрывшими целые города. Серьезно пострадал и собор Святого Петра в Риме, рухнула крыша вместе с балками перекрытия. По свидетельству книги папств, Лев III затем восстановил храм, в котором находилась гробница апостола Петра и который предстал в еще более величественном виде. По другую сторону Альп колебания почвы также ощущались, причем на обоих берегах Рейна. Кроме того, мягкая зима вызвала вспышку эпидемии болезни, напоминавшей чуму. Мало того, за подобными природными катаклизмами обычно следовал голод как массовое бедствие для населения.

Невзирая на разбушевавшуюся стихию, император отправился в старый город экзархата Равенну. Только здесь, в бывшем центре византийского господства в Адриатике, Карл и его канцелярия, видимо, в местных литературных свидетельствах обнаружили ту самую счастливую формулу *Romanum gubernans imperium** как руководящий принцип Римской империи. Эта формула, с одной стороны, признавала роль Вечного города, а с другой — допускала создание империи, вместе с тем отказывая римлянам в статусе «населения государства». Некогда византийская провинция в Италии, Равенна под руководством архиепископа неизменно кичилась своей автономией и еще при жизни Адриана I отвергла вмешательство наместника святого Петра. Под прикрытием короля франков и его эмиссаров архиепископ игнорировал папские домогательства или учитывал их в весьма ограниченной степени.

В Равенне несколькими годами ранее Карл, очевидно, совершенствовал художественный вкус на образцах позднеантично-византийского зодчества, которое до сих пор поражает воображение неповторимостью и богатым содержанием. В конце концов монарх попросил своего заботливого друга, папу Адриана I, позволить переправить через Альпы мозаичные панно и мраморные колонны из бывшего экзаршего дворца. Эйнхард также свидетельствует, что для возведения церкви Божией Матери в Ахене Карл доставил такого рода трофеи из Рима и Равенны, поскольку не мог получить их в другом месте. При этом Карл явно забросил

* Управление Римской империей (лат.).

старую императорскую резиденцию в Трире, у которой, согласно более позднему преданию, также были позаимствованы античные фрагменты зодчества для «Нового Рима».

Все говорит за то, что образец для храма своей резиденции в Ахене Карл видел в позднеклассической Равенне и тем самым в художественном воздействии эпохи Юстиниана, которой своеобразно следовали и специфику которой творчески усваивали монарх и его зодчие. Нередко даже специалист не в состоянии решить, являются ли дошедшие до нас фрагменты колонн, пилястров, капителей, а также мозаичных панно античными образцами или ремесленнически совершенными имитациями эпохи Каролингов. Еще будучи королем, Карл, размышляя о проекте своего храма в Ахене, не отдавал предпочтения ни архитектуре в форме базилики римского происхождения, ни строениям с частями, расположенными симметрично по отношению к центру, в стиле Сан-Стефано-Ротондо, которые Адриан I снабдил опорными конструкциями. Вероятнее всего, Карл склонялся к тому, чтобы остановиться на великолепном образце зодчества Сан-Витале в Равенне. При возведении этого двусторчатого, восьмиугольного строения с эмпорами, в свою очередь, была взята за образец церковь Сергия и Вакха в Константинополе. Однако по другую сторону Альп проект и его конструктивное осуществление были изменены. Восьмиугольник во внутренней части вместе с эмпорами определяет центральное пространство, которое вовне открывается в двойной восьмиугольник. Талант зодчего и его заказчика проявляется в многообразной адаптации византийских образцов во имя отыскания собственного оригинального решения. Если Карл оказался никем не превзойденным в своей верности Риму и почитании апостола Петра, исходя из трезво воспринятых собственных политических интересов, в литургии, церковном песнопении и в церковном праве он следовал принципиально римским моделям, то в своем самом главном архитектурном проекте Карл отдал предпочтение византийским образцам. Такой подход позволяет взглянуть на Ахен как на «будущий Рим» так называемого Падерборнского эпоса и на содержание Западной Римской империи, которая ориентировалась на империю, расположенную на Босфоре. А на что же еще?

По свидетельству хрониста Агнелла из Равенны, правда, составившего записки десятилетия спустя после эпохи Карла, при своем последнем визите в город экзарха монарх велел отправить в Ахен позолоченную статую кавалериста, созданную еще в конце

V века. Статуя изображала короля остготов Теодориха с копьем в правой и щитом в левой руке. «Как некоторые утверждают», это произведение искусства возникло по воле жителей Равенны и из любви к «императору» Зенону. А Теодорих распорядился нанести на статую свое имя. Фактически же Зенон был императором, который в 484 году обеспечил Теодориху власть над Италией, — однако при условии императорской прерогативы. И огромный мавзолей известного остгота, вошедшего под именем Дитриха Бернского в «германский» героический эпос, по-видимому, произвел на Карла соответствующее впечатление. Он, может быть, даже помог франку представить себе собственное господство над Апеннинским полуостровом, что, наверное, побудило его, по мнению Эйнхарда, собрать «варварские и древние песни, прославлявшие дела и победы старых королей», которые впоследствии Людовик Благочестивый из-за своей духовной ограниченности велел уничтожить.

Толчком к перемещению статуи Теодориха стала, по-видимому, не только политическая память об отошедшем в иной мир герое, но и то обстоятельство, что для современников воспоминанием о первом христианском императоре Константине служит сегодня на Капитолийском холме в Риме копия статуи Марка Аврелия на коне, во времена Карла возвышавшаяся перед Латеранским дворцом. Десятилетия спустя Валафрид Страбон написал об остготе, арианине и, стало быть, еретике, статуя которого была установлена в Ахене, злобное стихотворение. Из-за отсутствия надежных исторических сведений ученые до сих пор спорят о месторасположении статуи в округе ахенского пфальца.

Перед тем как покинуть Равенну в конце мая, Карл участвовал в судебном заседании неподалеку от Болоньи, на котором рассматривалось судебное дело. Епископу этого города противостоял его старый наперсник — аббат Ансельм из Нонатулы.

Предметом спора была принадлежность крестильни. Решающую роль сыграло доказательство, что лангобардский король Айстульф совершил в свое время дарение, предопределившее судебный успех монастыря.

Это дошедший до нас оригинал грамоты Карла, составленной рукой канцелярского писаря Генезия. В ней франко-лангобардский королевский титул соседствует с равеннской формулой «*Romanum gubernans imperium*» и с императорским титулом; впервые обозначен год императорского правления. Этот письменный документ имеет значение еще и потому, что следую-

шая, безусловно подлинная грамота Карла о предоставлении привилегий монастырю Герсфельд датирована лишь сентябрем 802 года. То есть объем документации, в которой обозначен официальный титул после принятия императорского достоинства, крайне ограничен.

ПОДАРОК ИЗ БАГДАДА: СЛОН АБУ-ЛЬ-АББАС

Следующей важной целью после возвращения императора в северные регионы империи стала Павия, столица Ломбардии и Италийского королевства. Сообщение о майском пребывании в Павии имперские хроники перемежают всего несколькими строками, содержащими вести с Востока: ожидают прибытия слона из Багдада. По-видимому, этот подарок для правителя Запада символизировал существенный рост его престижа. Во время визита в Павию императору становится известно, что к нему направляется целая миссия халифа Харуна ар-Рашида. Между Ивреей и Верчелли, неподалеку от перехода через Альпы вблизи перевала Большой Сен-Бернар и совсем рядом с морским побережьем состоялась встреча Карла с посланцами далекого Востока. Согласно источникам, это был «перс», то есть прибывший из Багдада, и «один африканец» с североафриканского побережья вблизи современного Туниса.

Эмиссары изложили императору то, что нам уже известно из истории чудес Тревизо. Речь шла о смерти предположительно в Багдаде эмиссаров, отправленных примерно четыре года назад Карлом на Восток. Прибывшие в Иерусалим паломники, посланные графом Тревизо с поручением привезти господину мощи из святых мест и согласно договоренности ожидавшие возвращения королевских эмиссаров в Иерусалим, в итоге были вынуждены одни возвращаться домой. Так, по сведению одного человека с Востока, толмач-иудей Исаак, единственный вынесший все тяготы путешествия в Багдад, нагруженный подарками (с долгожданным слоном в обозе), проследовал через Африку прямо к цели — к королевскому двору. Тем не менее Карл направил своего главного канцлера Эрканбальда на лигурийское побережье с приказом обеспечить транспортировку по воде слона и остальных членов делегации из Африки в Италию.

В конце концов Исаак 20 октября 802 года доставил экзотическое животное вместе с подарками халифа в Ахен. Это было

блестящее достижение с точки зрения технического исполнения! Очередная задержка объяснялась тем, что слон Абу-ль-Аббас, названный так в честь основателя правящей династии аббасидов, из-за суровой зимы никак не мог преодолеть Альпы. Хотя Исаак еще год назад со своим ценным грузом ступил на берег в Порто Венере. Он явно не обладал ростом и мужеством Ганнибала, когда-то на слонах преодолевшего заснеженные альпийские перевалы. В случае утраты дара ему наверняка бы не поздоровилось. Эйнхард с особым почтением пишет о великодушном даре халифа, ставя нас в известность о том, что Харун ар-Рашид «предпочитал благосклонность Карла дружескому союзу со всеми прочими королями и князьями, высоко ценя его авторитет и великодушие».

Предположительно в 802 году еще одна миссия, скорее всего в сопровождении «перса», отправилась в Багдад и через Италию вернулась домой. Эти относительно достоверные примеры контактов Востока и Запада показывают, что, принимая во внимание трудность маршрутов и длительность путешествий, международная торговля через Ближний Восток, Африку и Средиземноморье имела сугубо ограниченное значение. Данный торговый путь обеспечивал крайне малочисленную элиту высококачественными продуктами, пряностями, шелковыми тканями, изделиями из стекла, драгоценными камнями, а также служил удовлетворению церковных потребностей, чему ни в коей мере не создавали помех мусульмане. Конечно, подобная торговля не дает надежного представления об общей экономической конъюнктуре того времени. Однако представляет интерес тот факт, что важную роль в посредничестве между Востоком и Западом играли евреи. Будучи поставщиками монаршего двора и поэтому обладая привилегиями, главным образом во времена Людовика Благочестивого, они вызвали к себе ярко выраженную неприязнь ортодоксальных кругов, группировавшихся вокруг архиепископа Агобарда Лионского.

Еще в Павии до монарха дошла весть об очередных внешнеполитических успехах, и именно о завоевании и покорении Барселоны, для чего потребовалась еще одна экспедиция из Аквитании, хотя губернатор города в 797 году самолично объявил в Ахене о подчинении Барселоны королю франков. Присоединение Барселоны явилось важным стратегическим приобретением на границе с эмиратом. Оно положило конец грабительским походам арабов на территориях между Пиренеями и рекой Эбро. Согласно

хорошо информированным хроникам аквитанского монастыря Муассак, Карл хоть и поручил сыну Людовику возглавить эту экспедицию, однако послал ему на подмогу опытного в военных делах старшего сына, Карла. Но когда тот прибыл в Лион, была получена весть, что военная цель уже достигнута, поэтому ему пришлось вернуться.

Когда более двух десятилетий спустя поэт Эрмольд Нигеллий, находясь в ссылке и удостоившись особой милости императора, славит роль Людовика в этом военном походе, напрашивается скептический вывод, тем более один из биографов Людовика, так называемый Астроном, намекает на совершенно противоположную оценку. Он сообщает, что король Людовик, прибывший на место лишь после падения Барселоны, как бы официально принял капитуляцию города. Советники Людовика явно опасались за жизнь короля. При этом сыновья короля, как и их сверстники из аристократических кругов, знали толк в военном деле. Карл юный и Пипин считались отличными военачальниками, которым подчинялись вполне самостоятельные контингенты. Людовик тоже командовал отрядом, стоявшим в резерве в Руссийоне, в то время как Вильгельм Тулузский, известный под именем Виллехальм Вольфрам, прикрывал фланг от войск эмирата, а граф Ротстагу Геронский возглавлял осаду. Хотя Людовик в один из воскресных дней торжественно вступил в Барселону и испил чашу победы, сам глава города, однако, был передан в руки императора. Монарх всегда ощущал себя хозяином положения, в то время как его сыновья в подлинном смысле слова (по удачному выражению Бригитты Кастен) оставались носителями «посреднической власти» и одновременно представителями отца.

Со взятием Барселоны наступил кратковременный период успокоения страстей. В качестве оккупационных сил в городе расположились вестготские войска. Тем не менее еще при жизни Карла военные действия вспыхнули вновь.

После Павии королю Пипину в его не очень продуктивной борьбе с Беневенто тоже улыбнулась маленькая победа: ему удалось вырвать приграничный город Чьети из-под влияния противника, а его префекта взять в плен. Он, как и доставленный к Карлу городской голова из Барселоны, был отправлен монархом в ссылку. Это «византийская» форма наказания — менее жестокая, чем казнь. Такой участи «удостаивались» прежде всего политические оппоненты. На практике же это чаще всего означало заточение в монастырь.

«ИМПЕРСКАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА» И ПРОГРАММНЫЙ КАПИТУЛЯРИЙ 802 ГОДА

Официозные анналы тех лет, посвященные внешнеполитическим прорывам и успехам монарха, как правило, обходят стороной важную главу — внутреннюю политику, которую из года в год нехотя освещали хронисты. Однако эта сфера все больше выдвигается на первый план еще до окончания войн с саксами в 804—805 годах. Она оказывает глубокое воздействие на концептуальные принципы Карла, выливающиеся в структурную политику по отношению ко всей империи. Бурно пульсирующие источники «имперского времени» насквозь проникнуты этой обращенностью «вовнутрь», начавшейся уже в 789 году, после свержения Тассилона Баварского, с разработки программы внутривнутриполитических реформ и ее изложения в *Admonitio generalis* («Всеобщее увещание»).

Этот новый подход проявился сначала в 801 году, потом в 802-м в важных капитуляриях по проблемам реформ, которые, будучи обращенными «вовнутрь», одновременно раскрывают общую проблематику империи франков и ее хрупких властных структур. В программном отношении ориентиром для Карла служили ветхозаветные цари и их стиль правления — прежде всего Осия, Давид и Соломон. Он руководствовался основными идеями христианского общества Августина и принципами полноты власти римских цезарей, титул которых Карл возродил для Запада в своем лице. Император стремился превратить христианскую империю в царство мира и согласия, чтобы в будущем ответить пред Богом за свои деяния. Предпринятая попытка превратить анархическое, точнее сказать, полуанархическое общество в цивилизованное, на базе принципов веры и права, — именно в этом суть величия Карла, а не в чисто механическом соединении объединенных общей религией в составе одного королевства территорий на манер античных и современных диктатур. Направленность на обязательные к исполнению правовые нормы и христианскую этику главным образом во имя защиты слабых, вдов, сирот, немощных в качестве движущей силы монаршей деятельности запечатлелась в памяти средневековья и потомков, а когда грянули темные дни последующей эпохи, Карл предстал настоящим маяком, достойным подражания правителем. Что же касается рассуждений об изначальной амбициозной нацеленности общества на его Ренессанс, то это имеет уже второстепенное значение.

Один из лучших знатоков изучаемой эпохи, Франсуа Луи Гансхоф, констатировал «распад» (разложение) на заключительном этапе существования империи Карла и, несомненно, правильно описал и точно проанализировал симптомы глобального отката с реформаторских позиций. Все так, только вот отмеченному «распаду» (процессу, противоположному интеграции) не предшествовала интеграция, концентрация государственных средств, которые могли бы дезинтегрироваться на заключительном этапе правления. Дело в том, что первые импульсы, которые могли бы обеспечить новорожденную империю франков общепризнанными нормами жизни и создать необходимые для этого основы административных и правовых структур в государственной и церковной сферах, так и не вышли за рамки осторожного зондирования. Называя вещи своими именами, следует констатировать, эти усилия не увенчались успехом. Но эту неудачу надо оценивать не с позиции бюрократически управляемого современного государства, а исключительно в контексте реальных возможностей той эпохи, то есть VIII—IX веков. Между прочим, именно таким был подход вызывающих сегодня улыбку представителей школы историзма и его наиболее яркого исследователя Леопольда фон Ранке.

В своей биографии Эйнхард модифицирует и перефразирует раздел из биографии Августа, написанной Светонием, параллельно принявшего звание *Pontifex maximus* и окунувшегося в новый, обращенный вовнутрь вид деятельности. Биограф Карла связывает свой подход с принятием императорского достоинства и указывает на реформы Карла в правовой сфере. Соответственно император уделил основное внимание правам франков и их совершенствованию. У народа есть две отличные друг от друга разновидности прав, под которыми понимаются рибуарное и салическое право. Своей правовой политикой Карл намеревался «добавить отсутствующее, сблизить противоречивое, улучшить ложное и извращенное». Правда, все эти планы особого успеха не имели.

Корректировать существующее право, которое отчасти в устной и передаваемой от поколения к поколению форме нуждалось в письменной фиксации, император начал еще во время пребывания в Павии, очевидно, уже в ходе осуществления обширной законодательной реформы. Эйнхард непозволительно сужает ее до масштабов исправления обеих разновидностей франкского права. Начало законодательных усилий знаменует выпущенный Карлом в 801 году в Павии Итальянский капитулярий. Среди

прочего он доводит до всеобщего сведения: «Всё то, что противодействует отсутствию правовой безопасности и игнорировалось нашими предшественниками, королями Италии, изданное ими в указах лангобардского права, мы с учетом положения вещей и переживаемых времен решили добавить как недостающее к закону, причем в сомнительных вопросах предпочтение отдается не мнению каких-то судей, а нашей королевской власти».

Реально наряду с необходимыми изменениями в прежних правилах о дарениях на случай смерти и уголовном преследовании разбойников имеются прежде всего два предписания, выходящих за рамки давних правовых норм при определении списка штрафов. Прежде всего это выкуп за воинскую повинность размером шестьдесят шиллингов, которые одновременно взимались как штраф за неисполнение королевских приказов и оскорбление личности монарха. Виновным считается тот, «кто нарушает мир церковей Божьих, вдов и сирот, а также обездоленных». Вторая правовая норма касается дезертиров, то есть тех, кто без приказа или разрешения покидает военные формирования и совершает то, что на народном языке именуется *herisliz*. Им за совершение оскорбления против монарха грозят смертная казнь и конфискация имущества в пользу казны.

И здесь каролингский законодатель возвращается к уже упомянутым позднеримским сентенциям апостола Павла и к так называемым эпитамам, распространенным в государстве франков. В соответствии с *Lex Julia** дезертирство из монаршего войска квалифицировалось как преступление против монарха. За него предусматривалась смертная казнь. Включение этого положения в право лангобардов отражает все возрастающее нежелание способного носить оружие населения, а именно представителей знати, участвовать в военных походах правителя франков, особенно на землях Беневенто. Такое положение вещей, по свидетельствам очевидцев, вскоре утвердилось по всей империи, что все больше и больше ставило под вопрос дееспособность правителя в военной области. Что характерно, миссия законодателя воспринимается в качестве императорской прерогативы, равно как дезертирство возводится на уровень преступления против монарха и получает отражение с опорой на каталог штрафов в «народном праве», не знавшем в отношении свободных ни смертной казни, ни конфискации имущества.

* Закон Юлия (лат.).

Упомянутый выше *Capitulare Italicum** открывает целую серию законодательных мероприятий, дополняющих и видоизменяющих «народную» основу компенсаций путем уплаты штрафов в результате нормативных вторжений правителя на фоне происходивших правовых и политических событий. Из «народной общности», да будет позволено употребить это выражение, с помощью императорского права выкристаллизовывался своего рода ранний союз верноподданных, чему особенно способствовало формирование публичного уголовного права.

Во втором полугодии 801 года император через городок Ивреа, где он 24 июня отметил День Иоанна Крестителя и вскоре после этого на пути в Верчелли принял эмиссаров халифа Харуна ар-Рашида, миновав перевал Большой Сен-Бернар, вернулся в Ахен. Там он, как обычно, отметил Рождество и Воскресение Господа 27 марта 802 года. Это был год мира, посвященный важным внутривластным решениям. Хроники монастыря Лорш по праву отмечают: «В этом году господин император Карл пребывал в благом состоянии со своими франками во дворце Ахена, однако с состраданием поминал бедных, которые были в его империи и которые не в полной мере могли получить свое право». После войны с аварами, бунта сына, постоянно вспыхивавших восстаний саксов, покушения на Льва III, а также военных и политических судьбоносных событий минувшего десятилетия надо было передохнуть, чтобы обратиться к внутренним делам огромной империи.

Так, в последующие почти пятнадцать месяцев начиная с зимы 801 года Карл старается привнести в свое правление духовное, религиозное начало, одновременно обновляя и углубляя правовые основы политических действий.

Обретение императорского достоинства, безусловно, повлекло изменение. Идеолог Карла Алкуин в далеком Туре также старался показать духовные корни этого «достоинства, устроенного Богом». Он намерен быть рядом с Карлом при проповеди католической веры и призывает его употребить полноту ниспосланной ему Богом силы и мудрости на то, чтобы «подчинить высокомерных и защитить смиренных от лукавых». Поэтому теперь в пору безоблачной всеелости (*serenitas*) и мира уместно «вложить праведность в души спешащего навстречу народа и побуждать его к святости». Поэтому «князь христианского наро-

* Итальянский капитулярый (лат.).

да должен все глубочайшим образом знать и проповедовать то, что приятно Богу».

Выражением стремления к религиозной ориентации правления и одновременно повышению чувства ответственности за дела христианского народа является объемный капитулярный, который Гансхоф в контексте блистательной интерпретации по праву называл программным. Его резонанс ощущается в четырех, а в другом случае в шести инструкциях королевским эмиссарам. Мы вновь столкнемся со случайностью нашего текстового предания. В то время как от более известного «Общего увещания» до нас дошло не менее 22 текстовых свидетельств, крайне важный капитулярный 802 года по проблематике реформ сохранился лишь в виде единственного итальянского сборника X века, который к тому же воспроизводит оригинал, опираясь на испорченные фрагменты текста. Таким образом, и этот текст разделяет судьбу других крайне важных документов, например известного *Capitulare de villis* (так называемого положения о коронном имуществе) или *Ordinatio imperii*, положения 817 года о правлении Людовика Благодетельного, дошедшего до нашего времени в одном-единственном рукописном экземпляре.

Планы Карла и штаба его советников отразились не в гладком по манере изложения письменном источнике, где в логичной последовательности пункт за пунктом излагались бы контуры предстоящих усилий по управлению, а в многообразии предписаний, которые, выделяясь конкретно очерченными сферами, как бы задают общие рамки. В них, правда, нет следа состоятельности современных законодательных текстов. Светское начало и сакральное, внутренняя политика и внешняя в современном понимании неожиданно оказываются рядом друг с другом. Вопрос о компетентности нередко остается открытым, угрозы применения наказания не подкреплены санкциями, педагогика перемещается с политикой. Стиль изложения обнаруживает отсутствие заключительной редакции, ибо император вводится в канву изложения главным образом в третьем лице. Но иногда он заявляет о себе непосредственно в первом лице, что доказывает его присутствие и, очевидно, является выражением его эмоциональной вовлеченности в изложение спора.

Этой программой определялись инструкции королевским эмиссарам как исполнителям монаршей воли, которые, опять же в духе хроник монастыря Лорш, происходят не из рядов «более бедных придворных вассалов из-за опасности коррупции». В импе-

рии Карла отдавалось предпочтение архиепископам и прочим высшим церковным чинам, герцогам и графам, не испытывавшим особой потребности в приеме подарков. Инструкции он рассылал по всей империи, воздавая должное церквям, вдовам и сиротам, беднякам и всему народу. Этот часто совсем непонятный раздел вовсе не означает, что в 802 году произошел социальный поворот на уровне королевских эмиссаров. По свидетельству источников, они всегда рекрутировались из руководящих политических элит. Здесь даже скорее угадывается создание округов, которые, будучи связаны с митрополиями, а также графствами, представляли особую разновидность «промежуточной власти» между центром и местными инстанциями, чьи полномочия явно превышали полномочия прочих должностных лиц. Подобные широкие задачи никогда не возлагались на простых эмиссаров, сборщиков пошлин, контролеров пфальца и казенных имений. От возникших в 802 году промежуточных структур, встречающихся преимущественно в «центрах франкской власти» между Сеной и Маасом, на Рейне, Майне и Мозеле, требуется прежде всего неподкупность при отправлении служебных обязанностей. Этот принцип находился в резком противоречии с распространенным тогда правосудием, предусматривавшим особую функцию дарения как для дающего, так и для берущего.

На октябрь 802 года и весну 803-го Карл назначил проведение в Майнце, скорее всего из-за удобного расположения этого места, соборов и имперских собраний для углубленного рассмотрения данной тематики. К тому же и на 803 год не планировалось никаких военных экспедиций — император, в зависимости от региональных потребностей, посылал в поход отдельные отряды. Трудно с определенностью сказать, был ли к 802 году уже составлен прагматический капитулярный собор под председательством Карла. Тем не менее на возможность такого собрания намекает ремарка, что император «со своими франками» находился в Ахене.

Здесь не представляется возможным изложить обстоятельный анализ обширного текста от 802 года, отражающего усилия ахенского двора по созданию града Божия (*Civitas Dei*) Августина на основе соединения принципов мира, — «*Ordo*»* как богоугодного светского устройства и справедливости. Тем самым ставился вопрос о христианизации всех сфер жизни, воспита-

* Порядок (лат.).

нии мирян, строгом приобщении клириков и монашествующих к исходящим от Рима предписаниям (каноны и устав бенедиктинцев). Эйнхард сообщает нам, что любимым чтением Карла было именно главное произведение незабвенного отца церкви Августина «De civitate Dei»*.

Иногда в литературных источниках высокомерно указывается на интеллектуальную ограниченность Карла и его узкий культурный кругозор. Между тем духовный спор императора с произведением Августина, являющимся основой для исторического понимания средневековья, свидетельствует как раз об обратном, не говоря уж о том, что Карл весьма успешно участвовал в публичном обсуждении исключительно сложной богословской проблемы, касавшейся вопроса об адоптианстве, изложив в этой связи свое взвешенное мнение. К тому же он владел латынью и даже мог объясниться по-древнегречески.

Проповедь того, что справедливо, становится существенной политической задачей: покровительство слабым составляет немаловажное содержание общего управления. Дело не ограничилось абстрактным требованием осуществления справедливости как центральной задачей любого правления. Ибо Карл призывал в качестве эмиссаров уже не мелких придворных, еще «более бедных вассалов» при дворе, как выражаются хроники монастыря Лорш, а во все возрастающей степени руководящую элиту империи. Уже весной 802 года архиепископ Зальцбургский Арн стал эмиссаром в Баварии. Правда, как свидетельствует известное стихотворение епископа Орлеанского Теодульфа, эффект от этого проекта оказался весьма ограниченным. Сообщается о предложениях, которые епископ как королевский эмиссар получал в своей епархии от людей как высокопоставленных, так и простых. Добрый Алкуин не упускает случая призвать своего друга Арна как эмиссара ни от кого не принимать подарки в суде.

Как обстояло дело с отправлением служебных обязанностей среди графов, показывает пример влиятельного графа Тулузского Бега, с 806 года женатого на внебрачной дочери Людовика Благочестивого, а с 814-го ставшего преемником графа Парижского Стефана. Одной старой женщине привиделось, что после нисхождения графа в ад дьявол залил золото ему в горло со словами: «При жизни ты жаждал этого злата — и вот напейся его всласть!»

* «О граде Божием» (лат.).

Очевидно, лишь немногие возжелали пройти «королевским путем» сострадания между богатыми и бедными.

В тексте, по праву называемом прагматическим капитулярием, не менее сорока глав, то есть значительно меньше, чем в «Общем увещании» 790 года, вместе с более чем 80 отдельными предписаниями, которые, правда, в значительной степени лишь повторяли текст римского собрания канонов «Дионисия-Адриана», но едва ли служили основой для инструкций, обращенных к именитым королевским эмиссарам.

Вначале разъясняется девиз императора, что любое действие должно подчиняться закону и праву. Так, «мудрейшие мужи», архиепископы, епископы, аббаты и «благочестивые миряне» обязаны произвести своего рода инвентаризацию отдельных прав и стремиться к их исполнению. Но если имеет место несправедливость, важно сообщить императору, который позаботится о ее устранении. Никому не дозволяется задевать слабых. Каждый должен жить по воле Божией, согласно своим намерениям и профессии, избранной сообразно божественной заповеди. Каноникам велено избегать светских дел, монахиням положено устраивать свое житие под покровительством. А вот миряне призваны действовать по праву и закону, живя без лукавства, исключительно в духе любви и мира. Королевские эмиссары обязаны заботиться о правах каждого. Если же это оказывается невозможным даже при участии местных графов, эмиссары со своими письменными свидетельствами должны прибыть к королевскому двору, чтобы там получить приговор. Никто не может быть лишен своих прав лестью или подарками, пуская в ход родственные узы или опасаясь власть имущих.

Нижеследующие отдельные главы следует понимать как материальные положения об исполнении этих принципиальных требований права и справедливости, как предпосылки мира и согласия в *Populus christianus**. Клирики должны помнить о порядке; монахини оказываются под покровительством монастыря, а миряне — под верховной властью законов, соблюдать которые они обязаны. Если этого не происходит, высшей апелляционной инстанцией остается королевский суд.

Не в последнюю очередь во имя обеспечения духа общего послушания капитулярий непосредственно после общих слов требует от каждого произнесения присяги верности императору по

* Христианский народ (лат.).

формуле, которая, выходя далеко за рамки клятвы верности 789 года, не менее чем в шести главах уточняет содержание и суть доказываемой верности. И тем не менее это не верноподданническая клятва. Свободный — главная фигура в законах; уже в ту эпоху она состоит в определенных отношениях с королем, в значительной степени ориентированных на свиту; однако король не субъект абстрактно воспринятого государства, главой которого он является. Еще в 786 году Гардрад и его сообщники полагали, что без принесения присяги они не связали себя никакими обязательствами перед королем и, стало быть, ни в чем не виноваты. Карл формально принял к сведению это возражение, однако заставил произнести клятву на святых мощах, после чего велел подвергнуть заговорщиков суровому наказанию. Требуемая от всех присяга на верность 789 года отличалась между тем некоторой абстрактностью: «Так я обещаю моему господину королю Карлу и его сыновьям хранить верность в течение всей моей жизни без обмана и тайных намерений». Очевидно, было ложно понято фактическое содержание этой формулы, «поскольку многие считали, что верность господину императору распространяется лишь на время его жизни и из вражды нельзя никого вводить в его империю и признавать неверность другого, а также умалчивать ее».

- Эта клятва, сформулированная исключительно как перечень запретов, в 802 году уступает место сакрально расширенной присяге, получающей в капитулярии по проблематике реформ к тому же многоступенчатое содержательное уточнение. Тем самым предполагалось устранить все фактические или вымышленные трудности понимания. Эта формула должна была произноситься всеми, в равной мере клириками и мирянами, по достижении двенадцатилетнего возраста, то есть правового совершеннолетия: «Под религиозной [священной] клятвой я обещаю [снова], что с этого дня с чистотою помыслов, без обмана и тайных намерений, буду хранить верность господину Карлу, смиреннейшему императору, сыну короля Пипина и королевы Бертрады [!], на пользу и к чести его империи, как по закону положено относиться к своему господину. Так помоги мне, Боже, помогите мне, местные святые, быть верным этой священной клятве в течение всей моей жизни, согласно моей воле и Божью разумению».

Вариант этого текста выражает нечто похожее, причем и здесь в качестве *Tertium comparationis* основой для сравнения служит вовсе не клятва, приносимая человеком или вассалом своему господину, а верность, в которой он клянется ему точно так же, как

приводимое к присяге лицо клянется императору. Жест подчинения и клятва верности на первых порах, по-видимому, исключали друг друга, так что обе правовые конструкции были объединены лишь на этапе общего возрастания значимости вассалитета при Карле.

Герцог Тассилон в 788 году к присяге, которую он принес еще раньше, добавил жест верности, и в этом акте одновременно заключалось его подчинение, означавшее окончательную утрату им независимости от короля франков. В отношении сакрализации присяги на верность необходимо еще раз напомнить о событиях 786 года, которые ужесточили дополнительное наказание за потенциальное клятвопреступление над мощами святых.

Эта клятва 802 года получила существенное разъяснение. По свидетельству текста, во избежание недоразумения имело место более глубокое и четкое изложение рационального начала клятвы. Каждый в меру своего разумения (!) и сил должен вести себя сообразно заповеди Божией, ибо император не везде может напоминать о себе ходатайством и дисциплинирующим воздействием.

Кроме того, никому не дозволено посягать на королевскую собственность, а также на его лично зависимых крестьян, переставлять с места на место пограничные камни или самовольно захватывать земли. Никому не позволяется принимать у себя беглых лично зависимых крестьян, незаконно выдающих себя за свободных. Запрещается наносить ущерб неимущим. К их числу относятся и паломники, «ибо после Бога и Его Святых господин император назначен быть их ходатаем и покровителем». Никому не позволяется бесхозяйственно обращаться с «награждениями», то есть с полученным в аренду имуществом, принадлежащим казне или церкви, отдавая предпочтение собственному имуществу. Кроме того, никто не должен избегать воинского призыва. Ни одному графу не дозволено освобождать от призыва своих родственников или лиц, преподнесших лестные подарки. Кроме того, каждый обязан исполнять монаршие приказы, а также расплачиваться по задолженностям. В заключение вновь возвращение к теме «суд и справедливость»: в суде все должны руководствоваться правом и законом. Неосведомленность одной из сторон в процессе не может служить основанием для ошибочного решения, причем каждый должен иметь четкое представление о своих правах.

Вместо списка запретов, призванных воспрепятствовать определенному поведению, присяга на верность содержит теперь

дополнительные и разъяснительные заповеди поведения: жить по закону Божию, повсеместно творить справедливость, подчиняться королевским предписаниям, особенно в отношении воинского призыва. В контексте этой новой формулы присяги обращает на себя внимание не только откровенно выраженный религиозный характер (сакраментальное начало), но и привязка к личности императора с однозначным указанием на его родителей. Если присяга 789 года была ориентирована на Карла и его сыновей, то есть как бы на «всю фамилию», то нынешняя формула зиждется исключительно на личности императора. Новое императорское достоинство вычленяет Карла из переплетения семейных уз и возводит его в иное, более высокое качество.

Отношение между императорским достоинством и королевством затемнено. Даже политическое завешание стареющего монарха *Divisio regnorum*, датированное 806 годом, не содержит определения императорской власти. В соответствии с принципами наследственного права франков в документе идет речь о королевском преемстве трех сыновей. По своей сути императорская власть как установленное Богом управление христианской империей была неделимой, в то время как королевство у имеющих право на наследство, а позже у законных сыновей еще до образования «монархии» в X веке как бы подросло и таким образом стало делимым.

В четырнадцати главах предваряющей части капитулярия подробно и обстоятельно рассматриваются служение и быт епископов, аббатов, монахов и монахинь, а также прочих клириков. Вместе с тем содержится обращенное к ним как к «прелатам» требование умеренно и с любовью управлять подчиненными и заботиться о них». Предполагается, что духовные лица должны жить по обязательным церковным законам, а монашествующие — по уставу бенедиктинцев и призывать администраторов, «которые знают закон и творят справедливость». Духовная и светская власти должны действовать в духе согласия, чтобы малообеспеченные могли рассчитывать на получение от них помощи и утешения, «чтобы и мы [император] благодаря их доброй воле заслужили скорее радость вечной жизни, нежели кару в потустороннем мире».

Согласно каноническим предписаниям, аббаты и монашествующие находятся в подчинении у местного епископа, церковное имущество неприкосновенно и относится к королевской юрисдикции. В обновленном варианте предстает заповедь для клири-

ков — воздерживаться от участия в светских делах, избегать споров и конфликтов, не предаваться пьянству и оргиям, «ибо от этого, как всем известно, возникает сладострастис». В этом месте текст приобретает эмоциональную и однозначно адресную окраску: «До нас дошли слухи, что в монастырях распространены распутство и «грязь», блуд и содомия», то есть гомосексуальная практика. С этим следует незамедлительно покончить, иначе император применит такую кару, «чтобы ни один христианин, который прослышит об этом, никогда не рискнул повторить подобное». Следует удалить женщин и блудниц из монастырских общин. Обращает внимание попытка монарха бороться с порочными нравами с помощью «публичного уголовного права», расширяя рамки наказаний обычного права и санкций церковного чина исповедания. Подобные устремления снова появляются в связи с программным капитулярием, а также в последующих указах, которые в содержательном и процедурном отношении расширяют рамки компенсационных реестров утвердившегося обычного права в пользу права императорского.

Другие предписания в «духовном» контексте содержат призыв к духовенству воздерживаться от светского образа жизни, например от обучения охотничьих собак и птиц (сокола или ястреба). Аббатисам рекомендуется жить в монастырских кельях, согласовывая детали своего служения с епископом. Священнослужителям и каноникам, исполняющим послушание при дворе графа, также положено подчиняться епископу, следуя заведенным правилам. И вновь «публичная» санкция за отступление от правил вплетается в канву духовного права: «Если же священнослужитель или диакон после этого [указа] рискнет держать в своем доме женщин вне рамок канонического дозволения [мать, сестра], он, до того как предстанет пред нами, лишается своего служения и владения».

Остальные шестнадцать параграфов капитулярия посвящаются детальному регулированию правосудия. Его отправным моментом является убежденность, что без справедливости невозможны ни мир, ни согласие. Графы и их приближенные обязаны отправлять правосудие, четко соблюдать законы и заповедь справедливости, не притеснять бедных, а при исполнении своего служения не давать себя смутить лести, подаркам, родственным связям и даже угрозам при судебном преследовании и наказании преступников. Далее следует положение, которое ввиду его актуальности до сих пор вызывает споры в академических кругах: «Судьи долж-

ны справедливо судить на основе писаного права, а не по собственному усмотрению». Тем самым предполагалось пресекать произвол, а также сделать обязательный характер правовых текстов нормой правосудия. После обретения императорского достоинства Карл с энтузиазмом и живым интересом занимался тем, что фиксировал и исправлял правовые тексты, а также вносил в них необходимые добавления.

Таким образом, передаваемое в устном предании, нередко устаревшее, подвергавшееся произвольному толкованию, основанное на казуистике обычное право с его перечнями штрафов Карл стремился приспособить к велению времени, отмеченному королевским и императорским правлением, чтобы в актуализированном, письменно зафиксированном виде сделать основой правосудия. Поначалу в почти неграмотном обществе эпохи раннего средневековья, когда взаимное общение происходило главным образом в устной форме, такой проект мог показаться утопичным. Однако именно во времена Карла и особенно после вступления на трон его сына Людовика, то есть на протяжении примерно шестидесяти лет, было отмечено увеличение численности людей, владевших письменностью на фоне глобальной реформы письма и активного утверждения скорректированной латыни во всех областях, будь то грамоты, описи имущества или капитулярии, синодальные тексты, анналы и прочие исторические источники. Поэтому объявленная Карлом цель привязать судопроизводство к писаным текстам не представлялась такой уж несбыточной.

С ростом образовательного уровня духовенства и созданием школ графы и прочие судьи получали соответственно квалифицированный, обученный двум языкам персонал, который оказался в состоянии переводить на латынь тексты, распространявшиеся в устном виде на народном языке.

Особые успехи в этом смысле отмечены при переводе в конце VIII века в разных источниках (и разных редакциях) *Lex salica* (Салическая правда). Так называемые «Судебные глоссы» — это термины древнефранкского судебного языка с пояснением сформулированного по-латыни содержания; термины, содержащиеся в целом ряде текстовых свидетельств, дают реальное представление о практическом применении письменного оформления в судопроизводстве. Лишь в «темные» времена раннего средневековья, главным образом в X веке, сравнительно широкий поток письменного начала в юриспруденции превратился в тонкий ру-

чек — по сравнению с расцветом эпохи Каролингов это был этап возврата варварства.

Далее император призывает графов и избранных предстоятелей судебных округов не мешать его доверенным лицам выполнять возложенные на них поручения, а оказывать им незамедлительную поддержку. Особого внимания заслуживает глава, основная идея которой заключается в том, чтобы не изолировать императора от посещающих его двор независимо от того, кто они: осведомители, христиане или язычники, просители или жалобщики. Все пользуются монаршим покровительством, а кто на них покушается, закрепощает или даже продает в чужие руки, тот по приказу императора должен заплатить за это собственной жизнью. Королевский суд начинает действовать и в том случае, если после умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах и убийства без отягчающих обстоятельств пострадавшие семьи обращаются в суд, и в порядке возмещения ущерба потерпевшему убийца вынужден уплатить выкуп семье убитого, но пострадавшие отказываются принять искупительную сумму, ведя дело к вражде и кровной мести. В этом случае потерпевшие становятся объектом королевской юрисдикции. Если же лицо, причинившее ущерб, не готово уплатить наложенный на него штраф, то до решения королевского суда лишается своего наследства.

Еще одну прерогативу королевский суд определяет при совершении преступления, выражающегося в кровосмешении, если преступник не подчиняется воле епископа. Деликт клятвoprеступления не подлежит более компенсации по народному праву, а карается отсечением правой руки и изъятием имущества. Конфискация имущества распространяется также на отцеубийцу и убийцу родственника, которого в случае невыполнения решения епископов, священнослужителей и прочих задерживают эмиссары и во имя душеспасения и вынесения справедливого приговора препровождают в королевский суд.

В противовес современной систематике, однако в духе фактического хода рассуждений, приведших к составлению и провозглашению капитулярия по проблематике реформ, текст еще раз обращает внимание на заинтересованность короля: никому не дозволено заниматься браконьерством в его охотничьих угодьях, «как мы уже неоднократно имели честь распорядиться». Если нарушителями этой заповеди оказываются даже графы, избранные предстоятели судебных округов или вассалы, то для несения ответственности они предстают перед королевским судом. Народ

же за совершенные нарушения ограничивается уплатой штрафа. Впрочем, присяга верности императору предусматривала донесение королевскому двору о фактах браконьерства. Соответствующий параграф даст представление о смысле огороженных участков леса для «городской охоты» в интересах власти имущих.

В заключение правитель повелевает тщательно оберегать этот декрет, который сейчас распространяют его эмиссары на всех территориях империи, «чтобы граждане [!] знали, как следует себя вести или, при необходимости, что-нибудь усовершенствовать». Впрочем, все происходящее — во славу Божию и грядущего душеспасения правителя.

Этот документ императорской власти является выражением глубоких реформаторских устремлений к идеалу христианизированного общества в духе мира, порядка как богоугодного устройства и справедливости, — общества, которое зиждется на всеобъемлющей любви к ближнему в противоположность отвергнутым Августином «грабительским государствам». Эта направленность капитулярия, охарактеризованного Ф.Л. Гансхофом как «программный», отразилась также в деталях «положениях по исполнению» для вновь назначенных королевских эмиссаров. В пользу этого говорят не менее четырех полновесных текстовых свидетельств и определенное число не самых достоверных фрагментарных записей. Можно утверждать, что эти «*misitica*» своим происхождением связаны с Аквитанией, обширными районами вокруг Парижа, Руана, Санса и Реймса, а также, вероятнее всего, с Льежем. Именитые пары королевских эмиссаров, составленные из одного духовного и одного светского представителя, отчасти известны. В Париже это были граф Стефан и аббат Фардульф из монастыря Сен-Дени, бывший лангобардский изгнанник и приближенный к Карлу деятель, предупредивший короля о заговоре его сына Пипина Горбуна десять лет назад. В Руане — местный архиепископ Маженар и граф Мадальгод; в Сансе — архиепископ Магнус и граф Готфрид; в Реймсе наряду с графом будущий архиепископ Вальфарий. После смерти Тульпина в 794 году Карл оставил за собой право распоряжаться епископским владением и не торопился с назначением на вакантное епископское место. В Италии и Аквитании, где осуществляли «промежуточное правление» Пипин и Людовик, очевидно, не дошло дело до создания подобных постоянных округов, зато главным образом к югу от Альп достаточно часто встречаются специальные императорские структуры такого рода.

В Баварии такое служение было возложено на архиепископа Зальцбургского Арна. В назначении именитых эмиссаров, которые к тому же в своих округах чаще всего пользовались немалым духовным и светским авторитетом, а в новом качестве подчинялись исключительно двору, Карлу и его непосредственному окружению скорее всего виделось надежное средство по искоренению серьезных упущений и зла в сообществе людей, как то: рознь, угнетение и отказ от «жития» по закону. К тому же общее обязательство перед монархом и его смысловое уточнение было призвано не допустить медленной эрозии монаршей законодательной и судебной власти и одновременно способствовать укреплению королевских экономических ресурсов. Хотя строгий отбор духовных и светских авторитетов предполагал углубление почтения и послушания властям, все эти именитые архиепископы, епископы, графы и королевские вассалы оставались представителями правящего слоя так называемой имперской аристократии и таким образом частью той системы правонарушений, угнетения и отказа от выполнения приказа, которую как раз и предстояло преодолевать.

А пока эгоизм семьи и региона пресобладал над государственными интересами, требованиями императора и его двора. На закате правления Карла общий тон капитуляриев становится все более заклинающим, озлобленным и даже отрешенным. Об успехе его «проповеди» говорить было рано, ибо монарх, как он сам подчеркивал еще в 802 году, не был в состоянии «дойти» везде и до каждого. Конфликт интересов между верхними слоями общества и правящей властью не поддавался разрешению средствами все еще полуархаичного века по крайней мере в пользу центральных властей за счет руководящих элит.

Немногие общественные выдвиженцы так и не сумели устранить эту элементарную нехватку лояльной администрации на местах. О характерных трудностях, с которыми столкнулись такие выдвиженцы на службе у короля, свидетельствует типичная история жизни Эбо. Ему впоследствии суждено было стать архиепископом Реймским. За несвоевременное выдвижение своего фаворита Эбо на роль главы архиепископии Людовик Благочестивый заслужил гневную критику собственного биографа, гордившегося аристократическим происхождением епископа Трирского Тегана.

К столь очевидным недостаткам в персонально-институциональной сфере добавился культурный разрыв между отдельными землями империи франков, что также неблагоприятно сказалось на эффективности управления. Это проявилось не только в вопи-

ющей неодинаковости внедрения письменности в управление и судопроизводство, но и в принятии и восприятии христианства, заповеди которого Карл однозначно сделал отправными при составлении программы своего правления. Неодинаковые правовые взгляды и отсутствие базирующейся на них единой юридической практики также не удалось преодолеть на основе только одного графского служения. Вместе с тем королевский суд все больше превращался в инстанцию публичного уголовного права и лишь временами выносил образцовые решения, в то время как каждодневное судопроизводство погрязло в беспорядочном многообразии «без руля и ветрил».

Указания королевским эмиссарам составляют основу программного капитулярия, особенно положения и текст присяги на верность, которую должны были приносить все без исключения. Подчеркивается обращенный ко всем запрет угнетать бедных свободных, а также наносить ущерб фискальным владениям в ущерб королю. Далее речь идет об обязанности участия в воинском призыве. К жителям прибрежных районов имеет отношение указание о строительстве флота. В круг обязанностей королевских эмиссаров входит также борьба с языческими нравами, недопущение святотатства в храмах, приготовления к введению (новых) мер и весов.

Насколько успешной оказалась эта программа, хотя бы в зачатках, нам неизвестно. Осенью 801 года и далее в 802 году Карл продолжил эти принципиальные усилия по внутренней консолидации своей империи. Наивысшей точкой отсчета стала попытка сделать так называемое народное право основой судопроизводства, зафиксировав его и обогатив обязательными добавлениями, с целью доведения до современного уровня и последующего расширения на основе определенных положений королевской власти. В случае если основой судебной практики станет писаное право, необходим единообразный, упорядоченный текст, учитывающий необходимые уточнения и дополнения, а также содержащий положения современного королевского права. Только благодаря этой обширной программе получило письменную фиксацию и дошло до нас по преданию восточнорейнское — «германское» народное право саксов, тюрингов и фризиков.

Впрочем, одними приготовлениями к закреплению программы реформ императорское правление не исчерпывалось. Летом 802 года Карл отправился на охоту в Арденны. Он велел собрать отряды из саксов против племен на другом берегу Эльбы и опустошить их земли. 20 июля 802 года в Ахен наконец-то прибыл

слон из Багдада. Пятнадцатым сентября датирована одна из немногих подлинных грамот Карла из Вогез. В ней подтверждается владение монастыря Герсфельд. Королевский батрак Магинфред на основе полномочия, которое ему как серву (виллану) не полагалось, противозаконно передал его аббатству Винфрида-Бонифация. Поскольку Карл принципиально запрещал подобные сделки своих лично зависимых крестьян, в данном случае он сам из этого запрета сделал необходимые выводы.

В октябре состоялось общее имперское собрание в Ахене, о котором хорошо информированный хроник из Лорша пишет следующее: «[Тогда] он [Карл] собрал общий собор в указанном месте [Ахен]. Здесь он велел епископам вместе со священнослужителями и диаконами вновь прочитать все каноны, принятые священным собором, а также папские декреты. Монарх распорядился в полном объеме устно зачитать эти документы. Точно так же он собрал всех прибывших аббатов и монашествующих. Они попеременно собирались и зачитывали уставные правила святого Бенедикта. Посвященные в суть вопроса разъясняли устав в присутствии аббатов и монашествующих. Затем монарх обратился ко всем епископам, аббатам, священнослужителям, диаконам и собравшемуся клиру. Он призвал каждого на своем месте жить сообразно предписаниям святых отцов, а любые проявления вины и упущений среди клириков или в народе преодолевать на основе авторитета канона. В случае отступления в монастырях от устава святого Бенедикта следует их устранять в духе настоящего устава. Между тем император собрал и герцогов, графов и остальной христианский народ совместно с законодателями и велел зачитать все права, действующие в его империи, причем каждому его право. Монарх позволил каждому при необходимости исправлять относящиеся к нему право, фиксируя таким образом исправленные формулировки, чтобы судьи судили на основе писаного права и не принимали никаких подношений и все люди, богатые и бедные, на просторах его империи познали суть справедливости».

Эта законоохранная и законотворческая деятельность не прекращалась до весны 803 года. Предание донесло до нас документы для клириков и монашествующих как результат отдельных заседаний собрания. Согласно свидетельствам хроник монастыря Лорш, до их сознания действительно доводился смысл канонов и устава бенедиктинцев, а также предлагались своего рода критерии для выявления принципиальных недостатков в подготовке священнослужителей.

В качестве обращенной к клирикам программы-минимум воспринимался призыв возносить молитвы за жизнь императора, его сыновей и дочерей, а также за благополучие империи. Далее излагается обязанность по церковному строительству, по смиренному сохранению святых мощей, но главным образом по проповедническому во все воскресные и праздничные дни и по просвещению народа, до сознания которого следовало доносить глубокий смысл молитвы «Отче наш» и символа веры. Текст многократно иллюстрирует с помощью цитат предписания Римского собрания церковного права «Дионисия-Адриана», которое еще в 789 году составило основу «Общего увещания».

Затем речь идет об оформлении богослужения, пении псалмов по Римскому обряду, о катехизации еще не прошедших крещение, заупокойной мессы, формах распространения веры, исповеди и покаянии, а также о стиле жизни священнослужителей, призванных служить образцом для общины. Епископы должны воздерживаться от любых тиранических замашек, воздействуя на души верующих не столько страхом, сколько любовью. Священнослужители должны предостерегать членов общины от половых сношений между близкими родственниками, от блуда, умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах и убийства без отягчающих обстоятельств, клятвопреступления и колдовства и тем самым соответствовать намерениям короля и осуществляемой им власти.

Хроника монастыря Муассак на юге Франции подтверждает и дополняет эти источники, указывая прежде всего на стремления Карла приспособить мессу и пение псалмов к царящей в Риме традиции. В этой связи встает вопрос о создании школ певчих; на такие планы не могла не повлиять любовь Карла к мелодической декламации псалмов, хотя, по утверждению Эйнхарда, во время публичного богослужения он вполголоса подпевал певчим.

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

На первое место в обзоре произошедшего в 802 году автор имперских анналов поставил внешнеполитические события. Хотя хронист повествует об охоте в Арденнах, тем не менее обходит молчанием весьма важные шаги Карла во внутригосударственной сфере. Первая информация касается прибытия посольства из Константинополя.

Императрица Ирина направила к франкам своего эмиссара Льва, «чтобы подтвердить мир между франками и греками». Расставшись с гостем, Карл, в свою очередь, направил на Босфор епископа Амьенского Иессе, в 799 году уже сопровождавшего его в Рим, и пфальцграфа Гельмгауда. Они должны были от монаршего имени подтвердить мирные отношения с Ириной.

Основанием для очередного обмена, по-видимому, могло стать обретение императорского достоинства королем франков; политическую актуальность этого события и его воздействие на Италию и все Средиземноморье на расстоянии было трудно оценить. По свидетельству Феофана, самого серьезного современника происходившего в Византии, там циркулировали слухи, что новый император намеревается военным путем захватить Сицилию и заявить о своих претензиях на господство в Западном Средиземноморье. При этом ввиду отсутствия флота фактически речь могла идти лишь о ложных слухах.

Греческий хронист в своих предположениях пошел еще дальше. Мол, император Карл отказался от планов вторжения и вместо этого взвешивает возможность примирения Востока и Запада путем заключения брака на монаршем уровне. В 802 году эмиссары франков появились в Константинополе, «чтобы выяснить у благочестивейшей Ирины, не желает ли она соединиться брачными узами с Карлом и тем самым объединить Восток и Запад». Ирина была готова согласиться, но всемогущий патриций Аэтиос сорвал эти планы. Погрязнув в интригах насчет ожидаемого престола бездетной и болезненной императрицы, Аэтиос выдвинул своего брата Льва, стратега Фракии и Македонии. Как справедливо отмечает Петер Классен, эти слухи, за которыми скрывается всего-навсего молва «столичного общества», нельзя воспринимать серьезно. Препятствием для осуществления данного проекта можно считать и возраст предполагаемых партнеров (обоим было как-никак за пятьдесят). К тому же Карл едва ли захотел бы перенести на Босфор центр своего правления, не говоря уже о том, что сами византийцы никогда не согласились бы с этим мезальянсом своей императрицы с узурпатором-варваром.

Какие бы планы в то время ни витали в воздухе, все они были нежизнеспособными, потому что правление Ирины подходило к концу, и даже ослабление налогового бремени не могло уже изменить ее судьбу. Правда, наследником императорского трона не стало и семейство честолюбивого Аэтиоса, так как и он и его брат

Лев из-за военных столкновений с арабами оказались вне Константинополя, когда в столице возник заговор, после ареста императрицы 31 октября уже на следующий день завершившийся возведением на трон Никифора в церкви Святой Софии. О влиянии нового императора в придворных кругах нам ничего неизвестно. Ирина скончалась уже 9 августа следующего года изгнанницей на острове Лесбос.

Между тем Никифор продолжил западную внешнюю политику своей предшественницы, направленную на сохранение статус-кво. Это решение представлялось вполне разумным, учитывая внутривнутриполитические противоречия и серьезную угрозу его правлению в результате восстания Барданиоса в 803 году. Поэтому к франкам снова направилось византийское посольство, которое Карл принял в 803 году в Зальце близ франкской реки Заале.

А в это время на юге Апеннинского полуострова продолжались военные столкновения Пипина и его союзников с герцогом Беневенто Гримоальдом, в результате которых король добился определенных успехов. Годом раньше франко-лангобардской власти подчинилась приграничная Чьсти, а теперь завоеватели оккупировали Ортано с выходом на Адриатику и расположенный к югу от Фоджи город Лючера. Однако долго наслаждаться этой победой королю было не суждено. Дело в том, что герцогу Гримоальду удалось снять осаду с Лючеры, и, кроме того, он взял в плен герцога Сполето Винигиза вместе со свитой. Гримоальд оставил герцога в почетном заключении, а в следующем году даже освободил его из-под стражи, предположительно под соответствующие гарантии. Как неоднократно подчеркивал Алкуин, расколоть «орешек» под названием Беневенто военными средствами оказалось делом непростым. Такому исходу противились южный климат, который стал союзником Беневенто, и тактика противника, отражавшего любое продвижение войск.

Согласно хроникам, император в 803 году прожил без военных походов, видимо, целиком и полностью посвятив себя внутренней политике. Этот интерес нарастал с весны предыдущего года. Лишь отдельные отряды были направлены в «критические» регионы, например в район между низовьем Эльбы и Везера — Вихмодио, все еще остававшуюся очагом напряженности.

В пасхальные дни, которые Карл также провел в Ахене, королевские эмиссары вновь получили инструкции по осуществле-

нию монаршей воли в закрепленных за ними округах. Содержащиеся в инструкциях указания адресованы как духовенству, так и мирянам, главным образом должностным лицам. Император подчеркивает важность письменной документации по судопроизводству и военному снаряжению. Имена выбранных шеффенов (судебных заседателей), фогтов и нотариусов должны содержаться в реестрах, а запасы оружия, прежде всего латы и кольчуги, пройти инвентаризацию. Указывается на необходимость соблюдения новых мер и весов и одновременно открывается охота на фальшивомонетчиков. Особо важной главой в реформаторской политике Карла оказывается подтверждение и дополнение так называемых народных прав на публичной основе. Так, граф Парижский Стефан обязан зачитать в парижском суде им самим завизированный законопроект: «И все согласились с этим документом в подтверждение готовности соблюдать их [законы] во все времена и в будущем. И все шеффены, епископы, аббаты и графы собственноручно подписали это волеизъявление». Никому не дозволялось оправдываться некомпетентностью в данном вопросе и незнанием монаршей воли.

24 июня, на Иванов день, королевские эмиссары собрались на имперское собрание в Майнце, а затем в Шалон-сюр-Саон. Фактически оно состоялось в Майнце лишь между 7 и 11 июля. Всё говорит за то, что и это собрание, детали которого нам неизвестны, было посвящено внутривластным реформам, не в последнюю очередь фиксации и ревизии так называемых народных прав. Намеченная актуализация старейшего права франков — *Lex salica* стала жертвой инерционных тенденций текста, отражающего, несмотря на новые условия аграрного общества, относительно однообразный мир скотоводов дохристианской эпохи. Второй существенный недостаток выполненной записи состоит в том, что и королевское право, основанное на определенных положениях, получило весьма поверхностное отражение. Учитывая предпринятые усилия, биограф Эйнхард лаконично констатирует: «Изо всего в общем ничего не получилось — только несколько глав, да и то не полностью, он велел добавить к этим законам». Однако даже в письменной фиксации идей, передававшихся главным образом в устном виде из поколения в поколение, биограф по праву усматривает большой успех усилий Карла: «Он повелел собрать и зафиксировать неписанные законы всех народов, находившихся под его управлением».

О подобных шагах свидетельствуют два капитулярия, увидевшие свет в это время, а также инструкции королевским эмиссарам, например графу Парижскому, который во имя обеспечения правопорядка публично ориентировал своих динггеноссен на использование писаного права и соответствующих к нему добавлений. Императорская программа имеет главной целью подведение существенных составов преступления под единую государственную санкцию, в том числе под угрозой применения смертной казни, членовредительства и конфискации имущества. Это касалось прежде всего нарушения королевской юрисдикции и призыва на воинскую службу, что по своей сути первично и не затрагивали частные соседские отношения в рамках правовой общности и поэтому не карались с помощью возмещения. В этих законодательных тенденциях, безусловно, прослеживается путь к современному правовому государству, которое в интересах внутренней и внешней безопасности пытается нащупать заслуживающие наказания формы поведения. Правда, уже через несколько десятилетий линия на правовое развитие вновь заглохла. Распад империи Карла вновь поощрил регионализм как в судопроизводстве, так и вообще в отправлении правосудия.

О поистине эпохальных устремлениях императора исторические хроники того времени, за исключением биографа Эйнхарда, почти ничего не сообщают. Да и он в этой связи варьирует свои взгляды в духе Светония.

Нельзя совсем сбрасывать со счетов, что уже тогда наметилось окончательное заключение мира с саксами. Не помеченный датой письменный источник приводит имена не менее тридцати семи заложников — саксов из Вестфалии, Остфалии и Энгерна, которые в самый разгар поста, то есть за три недели до Пасхи, были доставлены в Майнц. До того они находились в руках алеманской знати, и вот теперь их предстояло передать епископу Базельскому Хейте и графу Хитте. Хотя установить точную дату документа не представляется возможным, трехчастная композиция этих записей показывает, что Карл считал неумиротворенной не только земли Вихмодии, но и всей Саксонии. По этой причине из всех регионов он брал заложников как гарантов спокойствия.

После имперского собрания в Майнце Карл, как и в 790 году, провел остаток лета в своем пфальце Зальц в округе Рён-Грабфельд.

ЗАТРЕБОВАННЫЙ ГАРАНТ: ПРАВИТЕЛЬ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В Зальце Карл принял делегацию нового византийского императора Никифора. Он, очевидно, не желал рвать нить дипломатических отношений, сплетенных его предшественницей. На визит теперь уже императорской по рангу делегации, которой суждено было лицезреть смещение Ирины и интронизацию ее преемника, Никифор ответил направлением к императору франков епископа Михаила, аббата Петра и своего телохранителя по имени Калиста. На Босфор высокие гости привезли проект пакта о мире и императорское послание, причем, что характерно, возвращались они через Рим. Это дало основание предположить, что врученное гостям послание было адресовано папе. На этом наши сведения об отношениях между Востоком и Западом обрываются; статус-кво сохранялся и без официального заключения пакта о мире. Никифор был всецело занят укреплением своего правления и приобщением к нему сына, которого он еще в том же году, предположительно на Рождество, при участии патриарха назначил соправителем, хотя, по свидетельству Феофана, Ставракий совершенно не годился для столь высокого положения. Не исключено, что это подвигло Карла в 813 году назначить императором своего сына Людовика Благочестивого.

Новый контакт с Византией имел место лишь несколько лет спустя. В 812 году он завершился заключением удовлетворительного соглашения, которое свидетельствовало о взаимном почтении сторон.

Примерно в то же время, а именно в середине 803 года, прибыла делегация из Иерусалима. Ее направил новый патриарх Георгий. Алкуин поздравил его с избранием, выразив особое расположение и одновременно сочувствие в связи с положением христиан на землях с мусульманским большинством. В составе делегации было два монаха, которым некоторое время спустя довелось сопровождать императора, направлявшегося в Баварию. В анналах отмечено, кроме того, их пребывание в Зальцбурге. И здесь нам ничего не известно о цели путешествия. Впрочем, контакт с городом Страстей и Воскресения Господня продолжился, что придало дополнительный престиж императору как символическому гаранту.

Капитулярий, обнародованный еще в 803 году в Зальце, снова посвящается монаршей заботе о храмах Божьих. Речь идет об

их архитектурном состоянии, десятина, церковном праве, злоупотреблении аббатствами как прибежищем лишних детей, защите женских монастырей, другими словами, о соблюдении должного порядка, в том числе и в отношениях между мирянами и духовенством, особенно с епископатам.

В этом году возрос интерес Карла к Италии. Внимание императора привлекали прежде всего внешнеполитические аспекты. Впрочем, об активности короля Пипина в этой сфере на протяжении 803 года всякая информация отсутствует. Карл размышляет не только о Беневенто, но и об Истрии, а также о пограничных осколках империи аваров по другую сторону Дравы. Вместе с тем в начале года аббатство Фарфа получило из Ахена грамоту с подтверждением правового и имущественного статуса. Тем самым монарх усиливал свое и без того влиятельное положение в герцогстве Сполето. Скорее всего этот шаг был задуман как реакция на поражение и пленение герцога Винигиза.

Заметную активность в то время проявляла церковь в Градо, патриарх которой по имени Фортунат, неизменный конкурент своего брата в том же звании на территории соседней Аквилеи в борьбе за власть и влияние, также удостоился грамоты из рук Карла. При предшественнике Фортуната происходило нагнетание напряженности между Градо и Венецией. Дожи Йоханн и Маврикий отправили корабли к адриатическому побережью, а патриарх за это поплатился жизнью. 21 марта 803 года Фортунат, родственник убитого, из рук папы Льва III получил палию, что, весьма вероятно, было связано с верховенством над епископиями Истрии, которое время от времени оспаривал Константинополь. Эти притязания в 731 году признал еще предшественник Льва папа Григорий III.

Новый патриарх, хорошо понимавший шаткость своего положения в Градо, по-видимому, искал защиты и поддержки у императора Запада. И вот в августе 803 года он удостоился двух грамот, на которые ответил ценными подарками, среди них были две двери, художественно исполненные из слоновой кости. Если верить более позднему венецианскому источнику, Фортунат указывал на провизантийские тенденции в соседнем городе, и это было похоже на правду. В любом случае патриарху удалось привлечь Карла на свою сторону и еще добиться от монарха привилегии иммунитета на владение его храмов в Истрии, Романии и Ломбардии, а кроме того, еще освобождения от пошлины на четыре судна во всей империи. Судя по всему, между Карлом и

Фортунатом намечались тесные отношения, на них впоследствии намекает папа Лев. В соответствующих источниках они квалифицируются как «духовное отцовство». Контакт с Градо также мог быть полезным в целях получения информации из лагуны и Византии. Как бы то ни было, патриарх Градо упоминается в числе митрополитов, которым Карл в завещании выделил для дальнейшего использования точно отмеренную долю своего состояния.

Из Зальца в самом конце лета Карл взял курс на юго-восток в направлении Богемского леса, чтобы там поохотиться на туров и других зверей. После охоты в сопровождении обоих монахов из Иерусалима монарх посетил резиденцию своего близкого друга архиепископа Арна в Зальцбурге, где засвидетельствовано его присутствие в октябре. Между прочим, имена обоих посланцев из Палестины отмечены в старейшей Зальцбургской духовной книге собора Святого Петра, в которую они, по-видимому, были внесены лишь после 807 года, когда оба вновь, на этот раз в качестве представителей патриарха Фомы, появились в государстве франков.

В конце осени Карл удалился в баварский пфальц и резиденцию — Регенсбург, чтобы дополнить «право баварцев». Прежде всего речь шла об установлении штрафа за несоблюдение королевской юрисдикции в привычных пределах шестидесяти шиллингов за нарушение общественного порядка, разбой, бандитизм, а также при отказе от призыва на воинскую службу. Кроме того, Карл подготовил целый ряд специальных всеобщих предписаний; требовавших упорядоченного судопроизводства в соответствии с баварским законодательством и нашедших яркое проявление в приказе о защите марки, то есть земель от реки Энс (приток Дуная) вплоть до Венского леса; ответственность за это возлагалась на королевских эмиссаров.

Пребывание в Регенсбурге в связи с указанными выше вопросами скорее всего было подготовлено еще в Зальцбурге при общении с восточным экспертом Арном. Речь шла о завершении дел, связанных с Паннонией, как лаконично свидетельствует наш основной источник. Другими словами, на повестку дня встал аварский вопрос. Юго-восток империи оставался очагом напряженности. В предыдущем году графы Гадолох и Годераум стали жертвами аварского набега. Между прочим, первого за многие годы. В ответ на военную неудачу монарх направил в Паннонию своего сына Карла с отрядом и, как в 791 году, стал дожидаться его возвращения в Регенсбурге. Подробности этой экспедиции нам

неизвестны. Однако один местный вождь появился в Регенсбурге, чтобы заявить о подчинении императору. По свидетельству анналов монастыря Мец, официозных хроник королевского двора начиная с 805 года, его сопровождали многие славяне и гунны, также присягнувшие на верность франкам.

Предание ничего не сообщает о политико-административном урегулировании аварской проблемы. А учитывая расстояние между Карпатами и населенными франками землями, на Мозеле и Рейне, по-видимому, имели весьма расплывчатые представления о тех отдаленных регионах. В любом случае этот народ перестал создавать серьезную опасность. Можно сказать, что по прошествии без малого десяти лет там произошел решительный поворот в развитии событий. Авары уже не считали франков, как в 791 году, своим основным противником. Поэтому отдельные вожди аваров обратились к монарху с просьбой рассматривать их «резервацию» как район поселения.

Пройдя по алеманнской территории через Вормс вниз по Рейну, Карл прибыл в Ахен. Там он встретил Рождество и провел еще некоторое время.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ФРАНКОВ И САКСОВ

С наступлением весны 804 года Карл покинул Ахен и направился в пфальц Нимвеген, который Эйнхард считает одним из выдающихся произведений зодчества своего господина и хозяина наряду с мостом через Рейн, пфальцем в Ингельгейме-на-Рейне и непревзойденным кафедральным собором в Ахене. Воздвигнутый на крутом берегу на развалинах заброшенного римского военного лагеря, пфальц стал «вращающейся мишенью», притягивавшей к себе франков, саксов и фризов. О строительных материалах во времена Карла мало что известно. Временем расцвета Нимвегена (Неймегена) по праву считается эпоха Гогенштауфенов, начиная с Конрада III и прежде всего Фридриха I, обновившего этот комплекс после его разрушения в 1047 году герцогом Готфридом Лотарингским с использованием еще сохранившихся коринфских капителей. Еще в 777 году на этом месте останавливался король франков, где 30 марта отпраздновал Пасху, а в 805, 806 и 808 годах император провел много времени в вилле, то есть практически в возникшем здесь поместье. Отмечено пребывание

в пфальце и преемника Карла — Людовика Благочестивого в 821 и 825 годах.

Из Нимвегена Карл вернулся в Ахен, где отдал приказ своим отрядам идти походом против саксов. Не вызывает сомнения, что план военной экспедиции он продумал в пограничном Нимвегене, где, по-видимому, получил из первых рук необходимые сведения о положении на другом берегу Рейна. Вместе с Карлом была его семья. Один из летописных источников свидетельствует, что в Саксонию из Аквитании был также вызван Людовик. Как и в былые годы, под контролем императора в Липпспринге состоялся всеобщий смотр войск. На нем обсуждались детали предстоящего военного похода. По данным источников, численность отрядов была однозначно внушительной. Форсированным маршем преодолев Вестфалию, войска в соседнем с Гарбургом Холленштедте недалеко от Эльбы устроили лагерь.

Карл явно был полон решимости окончательно умиротворить Саксонию. Поэтому император, кратко сообщают имперские анналы, «всех саксов, живших над Эльбой и в Вихмодии (нижнее течение Везера и Эльбы) и в других местах, вместе с женами и детьми увел в земли франков, передав ободритам округа на другом берегу Эльбы». Подводя итог войн с саксами, биограф Эйнхард называет не менее десяти тысяч насильственных переселенцев, которых Карл расселил в Галлии и на землях франков, то есть на другом берегу Рейна. О военных действиях ничего больше не сообщается. Военное преимущество франков, особенно внушавших всеобщий страх кавалерийских эскадронов, было подавляющим. Кроме того, в последний момент значительное число саксов, по-видимому, переметнулось на сторону победителя. Саксам не была свойственна генетическая привязанность к корням, чтобы действовать по-иному.

Приказ Карла о насильственном переселении затронул и ни в чем не повинных людей. Из жалобы королевским эмиссарам одного из эмигрантов поневоле стало известно, что его лишили имущества да еще изгнали из родных мест. Но впоследствии уже при Людовике Благочестивом справедливость была восстановлена. Прежде всего в епархии Амье, а именно в монастыре Корби, многие депортированные осели, надеясь стать монахами. Об этом стало известно из более поздней истории с переносом мощей святого Вита в Корви, филиал монастыря Корби на Везере, а также из уставов аббата Адаларда, кузена Карла, который среди поселившихся в богадельне при монашеской обители поименно перечисляет несколько саксов. Не ис-

ключено, что святой Ансгар, впоследствии епископ Гамбургский и Бременский, которого его отец устроил в монастырь послушником, был родом из одной из поселившихся в Пикардии саксонских семей. И наконец, нам известно, что первый епископ Падерборнский Хатумар, будучи заложником, прибыл из Саксонии в Вюрцбург, где получил духовное образование.

Таким образом завершился процесс так называемой интеграции саксов в административную структуру государства франков и были заложены основы процесса, согласно известному высказыванию Эйнхарда, сделавшего из саксов, после того как они отреклись от языческого культа и приняли христианскую веру, и франков один народ. «Проповедь железным языком», военное превосходство и, наконец, отсутствие единого и сплоченного политического руководства у саксов, которые подчинялись вождям, — все это обеспечило франкам неизбежный успех. Тем не менее Эйнхард по праву считал войну с саксами самой суровой и мучительной военной операцией Карла.

Введение так называемой Каролингской графской конституции и создание миссионерских епархий, которые начиная с 789 года (к примеру, Бремен) консолидировались в крепкие епископские резиденции, стали своего рода корсетом для стабилизации франкского правления, хотя труд в винограднике Господнем на долгие годы приходилось прерывать. Однако активность монарха вовсе не ограничивалась принудительными военными и административными мерами. Источники того времени сообщают о союзе с саксонской знатью, которая из собственных кровных интересов стала служить завоевателю. За это ей были пожалованы графства и богатые землевладения на просторах империи франков. Их также ждало вознаграждение в виде перспективных матримониальных уз с семьями бывшего противника.

Иногда в указах идет речь о бенефициях саксов. Например, пока оставалась вакантной кафедра в Реймсе (794—804 годы) и король, как упоминалось выше, забирал доходы богатой епархии, сакс Аншер приобрел виллу Нёйи-Сан-Фрон на правах аренды, за что, по-видимому, отчислял девятину и десятину в епархиальную палату. Самый яркий пример сотрудничества франков с саксами — это история жизни Вильдебера, внука Видукинда. Став обладателем богатых владений в Ольденбурге, он благодаря покровительству императора Лотаря I в середине IX века построил в честь святого Александра и по случаю торжественного перенесения из Рима его святых мощей монастырь в Вильделс-

хаузене. Там на излете первого тысячелетия его потомки принимали императора Оттона III. Кроме того, впоследствии члены этой семьи стали епископами в Вердене и Гильдесхайме. Следует также подчеркнуть воспитание представителей саксонской аристократии в монастырях и школах при кафедральном соборе. Кстати сказать, такое воспитание получили также епископы Хатумар и Ансгар.

В период, следующий за 804 и 805 годами, церковная жизнь в Саксонии также постепенно приходила в себя после опустошительных разрушений за минувшие десять лет. В Бремене после смерти Виллихеда в 789 году его преемник Виллирих наконец-то возглавил свою паству. Новый епископ велел построить каменный храм на месте деревянной церквушки и еще две капеллы на соборном холме. Предание донесло до нас, что скончавшийся лишь в 838 году Виллирих в Мелькдорфе (Дитмаршен) поставил еще одну крестильню, ставшую опорным пунктом евангелизации земель на другом берегу Эльбы. Впрочем, это произошло уже много лет спустя после 805 года. Кроме того, в 822—823 годах он сопровождал архиепископа Реймского Эбо во время его первого миссионерского путешествия по Скандинавии. Тем самым Виллирих указал бременской церкви дальнейший путь развития, которым, кстати сказать, пошел и изгнанный из Гамбурга Ансгар.

Закрепление еще не окончательно сложившихся церковных структур имело место и в других местах, к примеру в Миндене, где, по-видимому, в середине 90-х годов VIII столетия епископ-миссионер Эрканберт стал архиереем. В Мюнстере 30 марта 805 года, как говорили, против своей воли фризский миссионер Луитгер, основатель и аббат Верденского монастыря, расположенного на реке Рур, был рукоположен в сан епископа и получил в управление епархию, о которой мало что известно. В Оснабрюке примерно в это же время, если не одновременно с Падерборном, в 799 году епископ-миссионер Вихон официально возглавил предназначенную ему епархию.

Миссионерство на другом берегу Эльбы, форпостом которого был Гамбург, датировано лишь после 811 года. В Бардовике, важной пограничной торговой точке, духовная функция которой впоследствии перешла к Вердену, несколько десятилетий спустя появятся аббатства вюрцбургских монастырей Аморбах и Нойштадт, находившихся на франкской реке Заале. Так закладывались основы мирного симбиоза франков и саксов под влиянием

общей веры и общего политического правления. Правда, последнее коснулось в основном высших слоев. Восстание Стеллинга в период правления Людовика Немецкого преследовало цель защиты свободы в одинаковой степени от франкских завоевателей и местной аристократии.

В период пребывания Карла неподалеку от левого берега Эльбы чуть было не состоялась личная встреча монарха с его самым опасным оппонентом на севере — датским королем Готфридом. Видимо, нечетко представляя себе цели Карла в бассейне Эльбы, датский король со своими боевыми отрядами и флотом направился в приграничный Шлезвиг на реке Шлей. Поначалу была даже предусмотрена встреча обоих монархов, но после разговора со своими советниками датчанин заподозрил недоброе и направил к императору эмиссаров. Поскольку Карл категорически отвергал военные вылазки с непредсказуемым исходом, он ответил тем же, обратившись с просьбой о выдаче переправившихся через Эльбу перебежчиков. Поэтому отношения с северным соседом пока были заморожены, тем более что, трезво взвесив соотношение сил и собственное стремление к экспансии, император до поры до времени переложил данный вопрос на плечи старых языческих союзников — ободритов. Они тем самым образовали буферную зону в отношениях с датчанами и одновременно держали в страхе конкурирующие с ними славянские народы, прежде всего вильцев и лютицев.

ПАПА ЛЕВ III ПРИ ДВОРЕ СВОЕГО ПОКРОВИТЕЛЯ ИМПЕРАТОРА

В середине сентября Карл вернулся в Кёльн, где распустил свои отряды, после чего направился в Ахен, чтобы в Арденнах насладиться прелестями осенней охоты. Зиму не в последнюю очередь из-за теплых источников он провел в собственной резиденции. Однако в середине ноября до Карла дошла весть, что папа желает «где только возможно» отметить вместе с императором предстоящий праздник Рождества Христова. Святой отец высказал это пожелание в ответ на проявленную Карлом заинтересованность в экспертной оценке следующего вопроса. Дело в том, что годом ранее распространилось сообщение о том, что в Мантуе обнаружены капли крови Иисуса Христа. И Карл обратился к папе с просьбой выяснить, насколько достоверны эти

слухи. Кровь Христова, присутствующая в евхаристии (в святых дарах), наряду с Его слезами считались в эпоху средневековья наиболее ценными мощами и воспринимались как «нечто избыточное, не причастное к Воскресению». Кровь Христова, смывающая грехи человечества и искупающая их, пользовалась особым почитанием именно на заключительном этапе средневековья, например, в Рейхенау или в Брюгге. Чудо Святой крови, особенно кровотокающие облатки, привлекало огромные толпы людей, например, в бранденбургский Вилснак.

Каким в 803 году было папское суждение о событиях в Мантуе, нам неизвестно. Зато имперские анналы свидетельствуют, что папа отвернулся от Рима и нанес визит своему покровителю. Не исключено, что положение Льва в Вечном городе вновь стало непрочным, по крайней мере на короткий период времени ему удалось застраховаться от непрекращающихся враждебных интриг противников. Итак, Карл не мог отказаться от почетного приглашения святого отца совместно отпраздновать Рождество Христово и со своей стороны пригласил Льва III снова побывать на землях франков. Испытывая почтение к папе, монарх отправил навстречу понтифику своего сына Карла. Местом встречи было избрано известное бургундское аббатство Сен-Морис в Валлисе. По настоянию своего отца будущий император прошел этим маршрутом почти полвека назад, обеспечивая торжественное сопровождение папы Стефана II (III).

Духовного главу христианства император встретил перед городскими воротами Реймса, откуда сначала они направились в Суассон. Там папа сделал остановку в монастыре Святого Медарда. А Карл тем временем воспользовался близостью Парижа, чтобы повидаться с захворавшей сестрой Гизелой, аббатисой монастыря Шелль. В старом королевском владении на реке Уаза папа и император встретились снова, где посетили пфальц Керси. В этом историческом месте Пипин когда-то выступил с известным заявлением в поддержку Римской церкви. Затем они отправились в Ахен, где Лев III после рождественских праздников провел еще целую неделю. А по свидетельству одного зальцбургского источника, даже отметил там Богоявление Господне.

Судя по всему, в результате второго пребывания Льва в Ахене престиж императора и его резиденции, располагавшейся почти на границах ойкумены, значительно возрос. Годичные летописи XIV столетия, базирующиеся на прежних записях, даже сообща-

ют, что тогда же папа освятил воздвигнутый Карлом храм Богоматери в Ахене. Эта информация, подтвержденная в 1166 году Фридрихом Барбароссой, ошибочно приписывается Карлу. Однако 17 июля уже в XI веке считалось в Ахене днем освящения храма, поэтому остается неразрешимое противоречие, разве что два главных алтаря собора освящались в разное время.

В начале 805 года в Ахене, по-видимому, проходили серьезные обсуждения вопроса об отношениях между соседними патриархами Аквилеи и Градо. Речь шла о разграничении их юрисдикций в Истрии и Фриуле. Это одновременно затрагивало аваров, миссионерскую деятельность среди южных славян, а также контакты с Византией и Венецией. Отзвук этих переговоров прослеживается в послании папы Льва императору, обратившемуся к столь деликатной теме.

Судя по всему, понтифик прибыл к императору-покровителю не с пустыми руками. Можно предположить, что мощи из Рима, которые вскоре пополнили сокровища монастыря Сен-Рикье, находились в обозе святого отца. Карл, в свою очередь, щедро одарил высокого гостя и велел сопровождать его через Зальцбург вплоть до Равенны, откуда понтифик направился в Рим. Хронист из Меца, видимо, осознавая высокое положение, которое теперь обрел потомок Арнульфа и Пипина, осмелился утверждать, что император позволил папе вернуться в Вечный город! Сам Карл отпраздновал в Ахене еще и Пасху. Она пришла на 20 апреля.

ЗАКАТ ИМПЕРИИ АВАРОВ

Между тем обострилось положение аваров, древние поселения которых в Паннонии подверглись такому давлению со стороны южных славян, что в начале 805 года в Ахене появился один из именитых представителей знати и обратился к императору с просьбой «определить ему место обитания между Штайнамангером (Савария) и Петронеллом (Карнунтум)». По свидетельству имперских анналов, речь шла о Капкане Теодоре; его имя указывает на обряд крещения, произведенный епископом, носившим то же имя, который с некоторых пор занимался распространением христианской веры на юго-востоке по поручению архиепископа Арна. Карл внял этой просьбе и выделил князю «резерват» (по выражению Вальтера Поля) между Петронеллом на Дунае и

территорией, расположенной примерно на сто километров южнее современного Самбатхела. Однако Капкан вскоре скончался, поэтому план поселения сам по себе отпал, хотя в баварских источниках после 808 года еще упоминаются «Iosa Awagum»* к востоку от «озера Переселенцев». Можно предположить, что покойный оказался лишь ходатаем франкских гарантий недвижимости для своего народа.

После смерти этого вождя хан, некогда высший правитель, направил шесть представителей знати в Ахен. Они обратились к императору с просьбой вернуть хану прежнее достоинство и властные полномочия, «которыми он прежде обладал среди своих». И на это Карл ответил положительно, приказав, чтобы хан «по старому обычаю обладал полнотой власти над всей империей». 21 сентября 805 года языческий князь окрестился и был многозначительно наречен Абрахамом.

К аварской провинции, представлявшей пустынную местность между Энсом и Венским лесом, примыкал тогда «резерват» аваров. Согласно так называемому Дидетховенскому капитулярию 805 года, Лорш являлся конечным и исходным пунктом в торговых отношениях между франками и славянами. Однако этот восточный протекторат оказался нежизнеспособным образованием. Уже в 812 году императору вновь пришлось выступить в роли посредника между ханом и его славянскими конкурентами. После 822 года хроники не сообщают больше ни о каких посланцах аваров при императорском дворе. Часть аваров в конце концов растворилась в массе надвигавшихся на них соседних народов, по-видимому, в так называемой Великой Моравии, на территориях между Энсом и Западными Карпатами, существование которой ученые, правда, оспаривают, в то время как другая часть — восточная попала под влияние болгар. В результате сосредоточенное в Карпатах венгерское население в пределах старой Паннонии ассимилировало все эти разные народы и их культурное наследие.

Когда-то влиятельная империя аваров, верная традициям кочевых азиатских народов, даже современникам казалась инородным телом, принадлежащим эпохе варваров. Открытая влияниям окружающих ее сил и одновременно не способная к реформированию собственных политических структур, эта империя не могла противостоять натиску франков и одновременно конкуриро-

* Область (местность) Авария (лат.).

вать со славянскими племенами. Вместе с тем, по мнению лучшего знатока данной проблематики Вальтера Поля, в этом проявилась неудачная попытка сохранить жизненный уклад степных народов. Столетие спустя забрезжил закат и для венгров, но они сумели избежать этой судьбы благодаря христианизации и частичной ассимиляции западной культуры.

Только благодаря возвышенным чувствам хронистов из Меца, выступавших в роли панегиристов королевского дома, до нас дошли совсем немногие сведения о расширении христианской империи с применением военных средств в юго-восточных пограничных регионах. Так, весной 805 года император направил своего сына Карла в поход против богемцев, через земли которых еще в 791 году проходил отряд монаршего войска в направлении империи аваров. Карл снова возложил командование боевыми отрядами на старшего сына. Этот факт говорит о том, что он сформировался в опытного и талантливого военачальника. Со временем Карл юный стал правой рукой стареющего императора, а то, что он часто возглавлял военные контингенты в ходе экспедиционных походов, позволяло сделать однозначный вывод о переходе в будущем правления в государстве франков от отца к этому сыну, тем более что силы двух других братьев — Людовика и Пипина в значительной мере были привязаны к южным границам империи.

Согласно утвердившейся стратегии, характерной прежде всего для тактики народов-варваров (главными элементами в обороне считались отход, засада и неожиданный для противника выпад), отряды франков выступили тремя порядками. Один контингент устремился прямо на противника из восточнофранкских земель через Богемский лес; второй выдвигался из Баварии, а третий, усиленный саксами и вендами, приближался к предполагаемому месту военного столкновения через Рудные горы. Первым отрядом командовал сам Карл юный, вторым — Аудульф, преемник скончавшегося префекта Баварии Герольда, и Вернер, королевский эмиссар. Герольд — вероятнее всего, обергофмейстер Карла. В подражание античным временам он, подобно другим придворным, был удостоен имени Меналк. Третий отряд — это напоминает военную кампанию 791 года — на судах поднялся по Эльбе до Магдебурга и затем опустошил регион, именовавшийся Геневана. Все это происходило предположительно на землях, населенных вильцами. При этом

преследовалась цель — упредить нанесение последними отвлекающего удара.

Собственно, сражение так и не состоялось, поскольку атакованные отошли на непроходимую местность. Поэтому франкские отряды, как обычно, разорили и опустошили эти территории, взяв с собой трофеи, а заодно и пленных. Таким образом, о достижении серьезных результатов не могло быть и речи. Герцог Лехо, по-видимому, самый высокопоставленный в иерархии богемских вождей, сложил голову на поле брани. Сразу после заката, видимо, вымышленной Великой Моравской империи еще не одно десятилетие будущее этого региона определялось конкурентной борьбой друг с другом отдельных племенных вождей. Только начиная с середины X столетия они обрели единое лидерство при Пршемыслидах.

Тем не менее эта экспедиция, видимо, внесла вклад в становление Остмарки, расположенной между правым притоком Дуная Энс и Венским лесом, подобно тому как Паппония (или Аварская марка) некоторое время спустя сделала возможным разграничение миссионерских сфер к югу и северу от Дравы между Аквилеей и Зальцбургом. Результат этого военного похода можно, конечно, считать более чем скромным, однако имена агрессоров, отца и сына, в виде звукового сочетания «крал» вошли в ткань чешского языка как обозначение короля или военно-политического лидера.

Карл, отпраздновавший Пасху еще в апреле в Ахене, в июле через Дидетховен и Мец отправился на охоту в горный массив Вогезы. В Шамбери близ Ремиремонта он встретился с сыном, вернувшимся из Богемии. Затем император направился в цитадель Ремиремонт, где пробыл дольше обычного. После 817 года старый королевский дворец вобрал в себя основанный еще в 620 году одноименный двойной монастырь, который с того времени стал функционировать как женский монастырь согласно уставу бенедиктинцев.

Зимние месяцы Карл провел в Дидетховене. Расположенный на левом берегу Мозеля в двадцати километрах к северу от Меца и, стало быть, в центре каролингских владений, он упоминается как пфальц еще со времен отца Карла — Пипина. Здесь Карл шесть раз проводил зиму с 772 по 783 год. Последнее его пребывание в Дидетховене отмечено в анналах в конце 805-го или в начале 806 года. Людовик Благочестивый построил в этом пфальце часовню по ахенскому образцу. Она не сохранилась.

ОЗАБОЧЕННОСТЬ О ВНУТРЕННЕМ УСТРОЙСТВЕ ИМПЕРИИ И ПРОБЛЕМАХ ВОИНСКОГО ПРИЗЫВА

Пребывание Карла в Дидетховене, неподалеку от одного из мест, связанных с зарождением его рода, вновь отмечено внутривполитическими шагами монарха и раздумьями о будущем королевства франков, высшим проявлением которых стало тщательно подготовленное, не без умысла представленное на визирование папе политическое завещание Карла, датированное 806 годом. Нет сомнения, что этот документ еще ранее был предметом обсуждения между обоими предстоятелями христианства.

Раздел империи в виде *Divisio regnorum* уже напоминал о себе, о чем свидетельствовало появление в Дидетховене Людовика и Пипина. Карл же находился рядом с отцом еще с осени. Поскольку зимние месяцы исключали возможность военной экспедиции, а приготовления к проведению имперского собрания еще не начинались, эта семейная встреча приобретала особый смысл, выходявший далеко за рамки указа о дальнейших реформаторских капитуляриях. Обсуждение и разработку возникших в ту пору текстов можно проследить лишь на примере важных инструкций для королевских эмиссаров. По своей значимости они не уступают документам 802 года, это придаст структурной политике определенную устойчивость и последовательность. В пользу такого мнения говорит то, что в противовес ранним документам не менее двадцати манускриптов донесли до нас эти предписания. Вместе с тем данный факт свидетельствует о значительном расширении и очевидном приросте «документального» административного подхода в условиях общества раннего средневековья, для которого характерным было исключительно устное начало.

Первая инструкция вновь посвящалась урегулированию церковных дел. В ней рассматриваются вопросы богослужебных текстов и церковных песнопений, корректно прописанных наставлений, учета нотариусов и системы календарного расчета пасхальных праздников (пасхалия), а также зависимых от этого праздников свободных искусств, кстати сказать, впервые и искусство медицины. При этом тексты абсолютно в стиле императорской проповеди возвращаются к общеизвестным вещам и уже устоявшимся основам прежних инструкций. Очень точными представляются постановления, которые как новый элемент запрещают (королевским) служителям становиться монахами или монахиня-

ми без разрешения короля. Эта практика, очевидно, обескровила крестьянские дворы, а учитывая голод в текущем году, породила серьезные трудности со снабжением королевских дворов. Мирянам запрещено добиваться места благочинного и архидиакона. По каноническому праву случаи кровосмешения подлежат расследованию и наказанию. Никто не заслуживает снисхождения по причине дружеского расположения по сравнению с теми, кому вынесен приговор.

Решающее значение для внутреннего устройства государства франков имеет вторая всеобщая заповедь-инструкция. В ее двадцати двух главах как бы отражается общественная проблематика будущей христианской империи. Рассмотрим наиболее существенные моменты. Это религиозно мотивированная позиция монарха, его вера в молитвы и их воздействие, что вскрывает фактическое бессилие Карла, когда в первом предписании говорится: «В случае голода, несчастья, чумы, финансовых неурядиц и всяких прочих бед, не следует дожидаться нашего приказа, — важно немедленно молить Бога о милосердии». И сразу же следует повеление: «В текущем году в преддверии голода каждый по мере сил должен поддерживать близких, ни в коем случае не продавать урожай слишком дорого и ничего не продавать за пределы империи». Предотвращение ростовщичества и экспорта призвано обеспечить нормальное снабжение. Помочь бедным можно через наказание преступников. Обеспечению мира служит запрет на ношение оружия, будь то щит или кольчуга. Необходимо стремиться к установлению справедливого мира через преодоление распрей, если понадобится, то и с помощью королевского суда. А кто нарушает мир после судебного приговора, тот должен лишиться правой руки да еще заплатить за неуважение королевской власти шестьдесят шиллингов. И вновь публичное уголовное право вытесняет возмещение через частные уплаты штрафа.

Важной главой считается обеспечение воинской повинности, которая теперь теснейшим образом увязывается с характером жития и хозяйствования сеньориальной власти. А последняя, в свою очередь, уже настолько переплетается с арендой земли и ленным принципом, что наделы земли (гуфы) крестьянских хозяйств и их размеры играют решающую роль в выборе характера вооружения и формы участия в воинской повинности. Так, каждый человек (homo), под которым следует понимать свободного и одновременно вассала, располагающего двенадцатью гу-

фами, отправляется в военный поход, имея при себе собственную кольчугу. В случае отказа он лишается бенефиция, лена и арендованного участка земли вместе с кольчугой. Эти детали дают представление об экипировке элитных кавалерийских частей. Они благодаря аренде земли и коммемдации были особо тесно связаны с королем, а их материальное обеспечение за счет казны, а также церковных владений увязывалось главным образом с воинской службой. Вместе с тем этот раздел свидетельствует о намечающемся переходе от прежней системы ополчений к средневековому войску, то есть профессиональной армии, что позволяет сделать вывод о так называемой феодализации общества. Впрочем, ни в 805 году, ни после король не был готов отказаться от свободных как важной составной части воинского призыва.

Этот раздел обнаруживает непосредственную, в том числе содержательную, связь с еще одной, значительно более известной главой, посвященной приграничной торговле со славянами и аварами. Фактически же данное изложение — директивы, касающиеся экспорта и торгового эмбарго. Пространственно-локальных указаний на этот счет нет ни в отношении товарообмена по крупным водным путям с притоками — Рона, Сона, Рейн, Дунай, Луара или Маас, ни даже в отношении сухопутной торговли, хотя уже в 779 году и повторно в 783-м в капитуляриях были прописаны соответствующие ограничения по торговле оружием.

Однако эти запреты противоречат упоминаемым в литературе бездоказательным утверждениям о тогдашней нехватке железной руды, что не в последнюю очередь привело к застреванию экономики на примитивно-архаичном уровне. Целенаправленные положения насчет эмбарго указывают, наоборот, на технологически ремесленное превосходство ружейного производства в государстве франков. В пользу этого говорит прежде всего оснащение кавалерийских эскадронов и военное превосходство контингентов монарха. Так был наложен запрет на продажу щитов и кольчуг в другие государства. Как высоко ценилась кольчуга, следует из предписания, что даже средней руки сеньеры должны были носить с собой эту защитную одежду во время походов под угрозой лишения полученного в аренду имущества. О качестве рубящего оружия дают представление результаты многочисленных археологических раскопок — это прежде всего так называемые ульфбертские мечи (скорее всего здесь идет речь об оружейной мастерской под таким названием), изображенные на миниатюрах

рукописей того времени. Впрочем, технологический прогресс, связанный с производством оружия, не ограничивается только этой сферой.

Возрастающее использование мельниц, рабочих приспособлений из железа и прежде всего лемеха плуга указывает на возрастающую потребность в высококачественном металле именно в гражданском секторе аграрного общества. Ярким показателем технического прогресса является также своего рода налог за использование железа. Он возмещался землевладельцам в виде слитков или же готовых изделий, например лемехов плуга, а впоследствии и подков для лошадей.

В Дидетховенском капитулярии 805 года, в котором отмечается обязательный характер упомянутого эмбарго, приводится целый список приграничных торговых центров, расположенных вдоль Эльбы, Дуная вплоть до реки Энс. По этому маршруту осуществлялись основные экономические связи со славянским миром и контакты с аварами. Упомянуты Бардовик, Шезла (не расшифровывается), Магдебург, Эрфурт, Гальштадт близ Бамберга, Премберг в Верхнем Пфальце, Регенсбург и Лорш. Также перечисляются ответственные должностные лица, графы и королевские эмиссары, к примеру, уже упоминавшийся выше Аудульф, де-факто префект Баварии, в сферу ответственности которого входили Премберг и Регенсбург, а также Вернер в связи с Лоршем. В контексте этой торговой цепи обращает на себя внимание запланированное Карлом объединение водных путей Рейна и Дуная путем создания ряда водохранилищ. Военная цель такого проекта не вызвала ни малейшего сомнения. Но требовала осмысления его экономическая целесообразность в межрегиональной торговле с юго-востоком, заключавшаяся в обмене товарами, на которые распространялось эмбарго, — оружие, шкуры, меха, мед, но прежде всего люди и военнопленные. Вплоть до 1000 года Прага оставалась центром восточной работоторговли.

Насколько неэффективны тогдашние требования эмбарго и сколь слаба административная структура, не способная успешно контролировать реализацию подобных запретов, не в последнюю очередь демонстрирует раздел, регламентирующий передачу конфискованного владения нарушившего эмбарго торговца в следующих пропорциях: половина — пфальцу, другая — по долям королевскому эмиссару и доносителю.

Другой раздел содержит инструкции королевским эмиссарам по принесению повторной присяги, причем настолько однознач-

ной ее редакции, чтобы никто не мог ее повторить, за исключением клятвы верности императору и собственному сеньеру — «только для нашей пользы и на пользу своего господина»!

Более поздние феодальные отношения в своих ранних формах становятся настоящим катализатором формирования государства франков, к которому все чаще прибегает и сам король, чтобы привлечь на свою сторону аристократов, если он не может или не хочет предоставить им высокие должности. Так Карл вынужден требовать для себя своего рода оговорку верности, ограничивая число привилегированных собственной персоной и еще одним господином. Здесь корень последующей, прежде всего в западных регионах империи франков утвердившейся формы преданности (*ligesse*). Она верность королю ставит превыше всех прочих обязанностей, таким образом пытаясь предотвратить столкновение интересов между короной и вассалами.

Далее текст посвящается борьбе с заговорами. Поскольку ущерб от них очевиден, зачинщик заслуживает смертной казни, а соучастники должны стегать себя плетью и отрубать носы. Если заговору предшествовало принесение клятвы верности, то его участники заслуживают такого же публичного уголовного судопроизводства, как и виновные в клятвопреступлении, за которое полагается отрубание правой руки.

Унаследованная структура общества, зиждившаяся на принципе повиновения вассалов во главе с королем, стала рассыпаться, затронув прежде всего внутреннюю взаимосвязь короля со свободными (вольными) франками. Данное обстоятельство отражается в разделах, посвященных именно этим свободным, составлявшим основу воинского набора и, по сути дела, всего франкского общества. Все больше представителей этого слоя населения, на который буквального опиралась государственная власть, стремится избежать участия в военных походах, предпочитая связать жизнь со служением Богу в качестве клириков и монашествующих или будучи вынужденными пойти по этому пути, поскольку других смущает их движимое и недвижимое имущество. Но прежде чем сделать этот шаг, они должны были заручиться согласием короля. Фактически персональные обстоятельства уклонения от призыва одновременно требуют социально-политического разъяснения, если предписание гласит, что бедные свободные, то есть менее состоятельные, не должны быть объектом давления со стороны более могущественных в целях принуждения их к продаже своей собственности или передаче права соб-

ственности притеснителям. Этого следует избегать, ибо тогда их наследники, лишенные средств пропитания, не будут отвечать требованиям королевства, а из-за нужды даже могут превратиться в нищих, разбойников и злодеев. Расширение разделенной на две части системы правления базировалось в значительной мере на не всегда добровольном вовлечении свободных дворов в качестве *mansus ingenuilis* в господствующую систему хозяйствования, вызвав тем самым одновременно изоляцию бедных свободных от королевства. А это, в свою очередь, перекрывало королевству доступ к действительному потенциалу, каковым являлось главным образом участие в воинском призыве и в судебной общине. Таким образом, через раздачу должностей и феодальные отношения королевство попадало в зависимость от руководящих элит в государственной и церковной сферах.

Еще одним широко распространенным злом является изготовление фальшивых монет. Это следует пресекать таким образом, чтобы монеты предписанного веса чеканились и были в обращении только в «нашем пфальце» и других привилегированных местах. Что касается этой весьма деликатной сферы, тут нередко случались злоупотребления, наносившие ущерб казне. Речь шла прежде всего о нарушении стандарта в весе и содержании металла в монете. Между тем данный запрет опять-таки является важным показателем возрастания денежного хозяйства и торговых отношений, о чем свидетельствуют инвентаризационные описи крестьянских работ и сборов, в которых весьма значительная часть услуг обозначена в денежном эквиваленте. Об архаичных, даже «допотопных» формах хозяйствования в эпоху Карла, несмотря на всякого рода ошибочные суждения и оценки, говорить не приходится. Поручкой тому служит уже единая валюта в виде серебряного денария, своего рода евро тогдашней христианской Европы.

Большой раздел почти неизбежно посвящается королевскому войску и способам его финансирования. Судя по всему, практическая реализация этих идей стала еще одним основанием для отчуждения свободных от королевства. Так, на 805—806 годы чиновникам было приказано обеспечить взыскание отступных средств за отказ от участия в воинском призыве, невзирая на лица, независимо от лести, давления или подношений в знак благодарности. Исследователи справедливо исходят из того, что регулярные военные походы Карла, как правило, осуществлялись контингентами, сформированными из людей, проживавших в регио-

нах, расположенных по соседству с театром военных действий, или же в районах, откуда до места вооруженных столкновений достаточно легко было добраться по воде или суше. Поэтому наверняка отряды из Аквитании, Южной Алемании или Баварии не участвовали в военном конфликте, развернувшемся в Вихмодии. В любом случае здесь не имели понятия об ополчении, столь характерном для эпохи Наполеона Бонапарта.

Под угрозой применения наказания каждый был обязан участвовать в воинском призыве. Участие, которое не всегда и не везде считалось обязательным, очевидно, могло заменяться уплатой денег. Поначалу, видимо, в отдельных случаях так оно и было. Однако, как и при современной системе взимания налогов и сборов, эта практика закрепились, поэтому в цитируемых инвентаризационных описях главным образом IX столетия встречается так называемый «*hostelicium*», то есть налог на военные нужды, по сути дела, оброк или ежегодный сбор, как и прежде, взимаемый с некогда свободных крестьянских дворов. Из этого теперь извлекает выгоду землевладелец-феодал, во все большей степени выполняющий свои обязательства в военной сфере путем призыва вассалов.

Возможность отступного также привела к эрозии унаследованной системы правления. Согласно нашему тексту, раскладка налога составляла в общем три фунта, это соответствовало шестидесяти шиллингам или фактически 720 серебряным денариям. Вообще говоря, выходила кругленькая, поражающая воображение сумма, тем более что шестидесят шиллингов составлял штраф за нарушение королевской юрисдикции. Такого рода раскладка налога или отступного штрафа за неявку по призыву, безусловно, породила злоупотребления — отношение к соответствующим лицам определялось не их фактическими способностями, а строго в соответствии с предписанием, что противоречило принципу справедливости. Такой подход создавал помехи и вообще делал невозможным реализацию работоспособности людей во имя короля. Поэтому Карл приказывает впредь налагать полную сумму штрафа или взимать отступные только с тех, кто располагает владением на сумму шесть фунтов, «золотом, серебром или в виде кольчуги и железных предметов, цельных кусков ткани, а также верховых лошадей, быков, коров и другой собственности», что одновременно определяет шкалу ценности имущества. Из приведенного списка вытекает недопустимость лишения одежды жен и детей. Если же кто-то располагает собственностью на сумму всего три

фунта, то выплачивает лишь тридцать шиллингов, то есть соответственно половину положенной суммы. Кто располагает всего более чем двумя фунтами, выплачивает десять шиллингов, а у кого имеется лишь один фунт, с того причитается только пять шиллингов.

Данный раздел также указывает на опасность того, что побуждаемые к участию в воинском призыве или к выплате отступного свободные уклоняются от этой обязанности, предпочитая иное подчинение и служение, или через самоподчинение другому господину или церкви утрачивая свой прежний правовой статус как критерий участия в военном походе. Представления о республиканских началах, всеобщем благе, о государстве как носителе идей сообщества не существовали в сознании того времени. Подобные идеи, зашифрованные на пергаментях весьма ограниченного числа высокообразованных советников Карла, свидетельствовали о прочтении ими старых авторов, а не современных. Особые подходы и интересы, замешанные на эгоизме, напластовывались на реформаторскую политику короля и ставили ей палки в колеса. Она не находила серьезной поддержки среди еще не полностью сформировавшейся администрации, которая ко всему прочему стремилась, как и высшие аристократические слои, к власти и обладанию собственностью.

В представлении двора все еще казались неразделимыми цели государства, обеспечение королевской казны и неукоснительное сохранение казенных владений и прав. В этом контексте следует также рассматривать указания на тогдашнюю практику взимания пошлины как одного из немногих существенных аспектов фискального права в судопроизводстве, причем это известно нам главным образом из документов об освобождении для церковных учреждений. Так, по действующей инструкции, с торговцев разрешается взимание только старых и, следовательно, справедливых пошлин «как с мостов и паромов, так и на рынках». Равным образом получение этих пошлин допускается только там, где взамен транзитному торговцу может быть оказано содействие, например паромная переправа или пользование мостом. Кстати сказать, пошлину можно требовать только от купцов как своего рода налог с оборота, в то время как другие, «которые без цели торговли продают свой товар, переходя от одного дома к другому, например, предлагают зерновые запасы в амбарах, или пфальцах или служивым в походе, от этих пошлин должны быть избавлены». В спорных случаях, которых из-

за финансовых проблем везде и повсюду было более чем достаточно, соответствующий вопрос передается на рассмотрение королевского суда.

В восьмидесятые годы прошлого столетия заставили заговорить о себе еще два текста капитуляриев эпохи Карла. Один из них по праву связан с Дидетховенскими инструкциями 805 года. И этот текст с его не менее чем сорока тремя разделами является составной частью крупных реформаторских капитуляриев имперского времени, хотя во многих фрагментах есть ссылки на «Общее увещание» 789 года — своеобразный «Основной закон» Карла. «Мир и согласие» — это опять-таки основные идеи данного документа. Он как бы целомудренным и натуральным образом воспроизводит голоса участников, особенно епископов, а также и самого монарха в виде «личной реакции», по удачному выражению Гансхофа, которому удалось раскрыть эту форму «возражения» еще в конце крупного реформаторского капитулярия 802 года.

Документ носит в основном церковный характер. Когда в канву повествования вплетается светская материя, создается впечатление, что к нам неожиданно обращается сам Карл, тем более что на передний план выдвигается правосудие как центральная задача королевства.

Из обширного указа необходимо выделить некоторые элементы: вопросы веры и проблемы порядка определяют первую часть, а также вопросы этики и политической морали, к примеру алчность и зависть. Так, христианская любовь к ближнему (*caritas*) объявляется матерью всех добродетелей, «без нее не может быть мира и согласия». Содержится требование защиты «гостей» и паломников, а также бедных, вдов и сирот. Слышится интонация императора, когда повторно заходит речь о запрете пьянства и игры в кости. Прослеживается указание королевским эmissарам: «Необходимо проявлять максимальную тщательность, предписывать, увещевать и исправлять в духе того, что сказано в наших капитуляриях. А прочее, что вы сочтете необходимым на месте, вам надобно изменять и нам об этом сообщать». К чему все это? Монарх резюмирует: «Чтобы все совершенствовалось для нашего небесного вознаграждения пред Богом и для нашего вечного спасения славы». Послание монарха Гербальду, епископу Льежскому, также связывает предписание трехдневного поста с усилиями по преодолению нынешнего голода как действенное средство от превратностей времен.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ВЕНЕЦИИ, ДАЛМАЦИИ И ИСТРИИ

Вскоре после Рождества Христова в 805 году в Дидетховене объявилось посольство из Венеции и Далмации. Судя по всему, политические перемены в Венеции не в последнюю очередь были связаны с контактом с Фортунатом, патриархом Градо, подвергшимся притеснениям жителей лагун и открыто перешедшим на сторону нового императора, а кроме того, получившим из рук самого Льва III палию с соответствующими полномочиями. И вот теперь к императору прибыли с визитом оба новых дожа — братья Обелир и Беат в сопровождении герцога Павла из далматинской Зары и епископа этого города Доната. Они преподнесли Карлу множество подарков. По сведению имперских анналов, в результате этого визита император даровал Венеции и Далмации своего рода конституцию.

Что же, собственно, случилось? В Венеции произошел переворот, в результате которого были смещены и высланы дожи Йоханн и Маврикий — один в Мантую, а другой к франкам. Там они и скончались, так и не увидев больше родной город. Новые властители, видимо, предпочли и без того лишь номинальное господство сравнительно далекого от них императора Запада над лагуной привычному доминированию Константинополя. Однако они нанесли Византии еще один удар, применив военную силу против находившихся под византийской юрисдикцией Далмации и островов Адриатического моря.

После вторжения славян и аваров в VI—VII веках византийская Далмация представляла собой лишь прибрежную полосу и выдвинутые в море острова, и до сих пор составляющие данный регион. Восточная Римская империя, которая начиная с середины VII века на всех фронтах была вынуждена отбиваться от наступления арабов, могла уделять весьма ограниченное внимание этим сравнительно далеким землям, жители которых искали и находили прибежище на прилегающих островах. Вплоть до X столетия церковная митрополия продолжала оставаться в Константинополе. Важнейшими центрами власти были Дубровник и Рагуза, но прежде всего Зара, являвшаяся одновременно резиденцией избранного местной аристократией архонта, высшего должностного лица.

Наряду с этим в городах муниципальные власти пользовались определенной автономией. Подобно Далмации, Венеция

впоследствии была «прирезана» к той части империи, где правителем стал Пипин в ранге короля Италийского. Это урегулирование действовало недолгое время, да и то лишь на бумаге, точнее говоря, на пергаменте. Дело в том, что по соглашению Карла с его восточным партнёром Михаилом от 812 года данное урегулирование было аннулировано, тем более что Венеции удалось успешно отстоять свою фактическую независимость как от Востока, так и от Запада. В любом случае конфликт между Венецией и Далмацией не получил развития, ибо обе стороны искали возможности оказаться под умиротворительным воздействием авторитета Карла, что и привело их в конце 805 года на берега Мозеля.

А вот Истрия, второй спорный регион Адриатики в отношениях Востока с Западом, оставалась частью Италийской империи в соответствии с сохранившимся в полном объеме документом — протоколом судебного заседания. Оно происходило в Рициано близ Капо д'Истрия под председательством королевского эмиссара Кадалона, впоследствии маркграфа Фриульского, и лангобарда Айона, когда-то высланного Карлом и лишённого владений во Фриуле и Вероне. Однако в 799 году он вновь удостоился монаршей милости и с тех пор хранил верность императору. Видимо, еще в 804 году эмиссары были направлены в Истрию с поручением урегулировать проблемы местных церквей, определить привилегии от имени короля и императора, а также разобраться с жалобами населения о тяготах прежде всего для бедных слоев, чтобы им в этом помочь. Речь шла главным образом об обвинениях против франкского герцога Йоханна. Он отмечен как соратник Карла по экспедиции против аваров в 791 году, но, очевидно, породил немыслимые трудности для городов и общин региона, нарушив тем самым традиции византийского управления.

В присутствии патриарха, герцога, пяти епископов и целой группы именитых аристократов из соответствующих городов и общин на основе письменных свидетельств, доказывавших, к примеру, задержку обязательных церковных выплат византийской казне, началось судебное заседание при участии королевских эмиссаров.

Фортунат заявил, что вместо выплат он оказывал своим соотечественникам при дворе иные, при этом немалые услуги. Тем не менее все возникшие проблемы могли бы найти иное разре-

шение. Как и ожидалось, самые резкие обвинения были против личности герцога и его способа ведения дел. Протокол заседания показывает, что герцог правил как тиран, преследуя собственные интересы и интересы своей семьи, не останавливаясь перед экспроприацией и захватом земли, обрушив на население немислимые принудительные поборы и повинности. Одновременно в этих обвинениях отражаются масштабы тягот, свалившихся на истрийские города в результате военных походов франков против аваров. Во имя этого герцог отменял свободный вассалитет, при необходимости конфисковывал лошадей и раздавал их франкам. Кроме того, он собирал подарки для императора, что напоминало дары по окончании очередного года и приравнивалось к его началу в целях пополнения королевской казны.

Такое правление на основании имеющейся в нашем распоряжении информации не отвечало представлениям Карла о мире и справедливости, порядке и любви к ближнему, хотя оно и шло на пользу его военной мощи.

Ответчик предстал перед королевским судом. По одним вопросам он сказался неосведомленным, а по другим — обещал расследовать все обстоятельства, но, в общем, поклялся, что исправится и воздержится впредь от жестких методов правления: ведь лучше всего не ворошить прошлое. Составленное сановниками заключение предусматривало, что возникшие по вине герцога повинности, с одной стороны, подлежат погашению согласно порядку, подтвержденному под присягой, а с другой — на основе старых налоговых списков. В этом проявляется преемство административных действий муниципальных властей на основе письменно зафиксированных предписаний. Невыполнение решения каралось штрафом на сумму не менее девяти золотых монет в пользу императорской казны.

Протокол был завизирован патриархом и присутствовавшими на судебном разбирательстве. Тем не менее этот важный документ проливает свет на практическую деятельность королевских эмиссаров на местах, которые в силу своего высокого социального статуса и неподкупности весьма успешно соответствовали королевским принципам справедливости и примирения между властью имущими и бедными. Напрашивается вывод, что с помощью королевских эмиссаров монарх намеревался создать действенный инструмент непосредственного управления.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Своим пребыванием зимой в пфальце Дидетховен, неподалеку от «семейного» Меца, места чудесных дел и святого Арнульфа, император воспользовался для составления политического завещания. Карл готовился к тому, чтобы разменять седьмой десяток. Поэтому ему было важно задуматься о своей монаршей фамилии. Недавняя кончина его близкого друга и советника Алкуина в Туре, возможно, напомнила Карлу об ограниченности земного бытия. К тому же трое его сыновей от брака с алеманкой Гильдегардой находились в Дидетховене и поэтому могли подключиться к подготовительным обсуждениям последующего упорядоченного урегулирования.

Еще в января 806 года Карл выдал грамоту монастырю Прюм и подтвердил дарение этому семейному владению. Тем самым он еще раз продемонстрировал, в каких неограниченных пределах сохраняет за собой исключительное право распоряжаться монаршими владениями, намереваясь всеми юридическими способами противодействовать незаконным государственным пожертвованиям. В данном конкретном случае монастырь Прюм от бывшего монаршего холопа, стало быть, серва, получил в собственность крестьянский двор в соседнем Вальмердорфе. Однако названный по имени граф, одновременно фигурировавший в качестве королевского эмиссара, превысив свои полномочия, объявил сделку недействительной. Мало того, он наложил на монастырь денежный штраф. Карл превратил изъятие и штраф в благочестивое деяние, «дабы тому смиренному сообществу было тем более благостно молиться о ниспослании Божьего дара для нас и наших чад и для всего народа».

Имперские анналы свидетельствуют, что в ту зиму император имел встречу с аристократией «высшей и именитой». «Ее цель — установить и сохранить мир между своими сыновьями и разделить империю на три части, чтобы каждый знал, какою частью управлять и какую защищать в случае, если переживет его [Карла]. На предмет этого раздела и было составлено завещание и у колыбели его стояла аристократия франков. Оно содержало положения о сохранении мира. Эйнхард направил его папе Льву, чтобы тот собственноручно подписал документ. По прочтении текста папа с ним согласился и подписал собственной рукой».

Извлечение из Галльского кодекса, зафиксировавшего дату завещания, излагает его суть значительно короче, но тем вырази-

тельнее: «...6 февраля его империя была поделена между тремя сыновьями, сколько из этого каждому из них причитается после его кончины».

Документ, *Divisio regnorum* (О разделе королевства), является одним из наиболее значительных правовых текстов эпохи Каролингов, представлявших попытку разделить на основе принципов справедливости между сыновьями формирующуюся на континенте Западную ойкумену, за исключением Астурии и Беневенто, а также подготовить порядок правопреемства. Несмотря на конкретную необозначенность Святой Троицы, порядок правопреемства был призван вначале трансформировать имперскую командную власть императора и короля в трехчастное равноправное королевское правление сыновей, которое соответствовало идейному правлению братской общины. В своих принципах раздела Карл руководствовался франкским правом наследования. Согласно ему, каждому наследнику мужского пола причиталась равная доля от отеческого наследства. Речь шла не о «нарезании» будущих частей империи, а о четвертьвековом «промежуточном правлении» его сыновей в Италии и Аквитании как основы королевств Пипина и Людовика.

Находившийся под арестом в монастыре Прюм несчастный Пипин Горбун, само собой разумеется, ничего не получил. Старший сын Карл, после Рождества 800 года тоже король, как правая рука отца-императора приобрел опыт управления и полководческие качества, поскольку возглавлял многочисленные военные походы в Саксонии, а также на другом берегу Эльбы. Поэтому именно в нем видели потенциального наследника и преемника в государстве франков, которое в результате завоеваний отца простиралось от Эльбы до Венского леса. Раздел империи 768 года, касавшийся Австразии (восточная часть государства Меровингов), Нейстрии и Бургундии, на два полукруглых, вытянутых в северном и южном направлении блока и равными долями интегрированных в фамильные и фискальные владения Карла и Карломана, и мог служить моделью при наличии трех потенциальных преемников и постоянных изменений на политической карте государства. Тогда Карл обладал правом распоряжаться имущественными комплексами и полнотой власти в нижнем течении Мааса вокруг Льежа, в то время как юрисдикция Карломана распространялась на территории в нижнем течении Мозеля и среднем течении Рейна. Однако экспансия за минувшие десятилетия придала государству франков эпохи поздних Меровингов совсем другое очер-

тание: присоединение Аквитании, Италии (империя лангобардов), Саксонии и Баварии (с возникновением Остмарки, или Паннонской марки, на территории между Энсом и Венским лесом) изменило переходившие из поколения в поколение масштабы территорий, вызвав необходимость урегулирования, которое противоречило условиям раздела 768 года. Учитывая территориальный фактор и принимая во внимание императорское достоинство, в отличие от королевской власти неделимое, Карл мог бы ориентироваться на ту богодухновенную модель, которую, по его собственной убежденности и на взгляд советников, сын и единственный преемник Людовик наметил еще в 817 году как однозначный подход к вопросу о своем преемстве — выделение каждого из королей под опеку основного наследника и императора — первородного Лотаря.

Видимо, Карл отбросил эту модель из-за боязни спровоцировать внутреннее соперничество в борьбе за власть. Обратившись исключительно к традиционному праву наследования, он не только заручился согласием своих сыновей, но и избежал трудностей, которые породило бы принятие императорского звания при наличии трех преемников в империи, «трех сыновей, ниспосланных [нам] Божьей милостью и благостью, дабы они, согласно нашим пожеланиям, подтвердили нашу надежду на правление и облегчили заботу о забвении потомками». К тому же так и не состоялось примирение с византийскими императорами, к которым Карл, по утверждению биографа Эйнхарда, предпочитал обращаться в братской манере. Скорее всего Карлу, как и прежде, приходилось демонстрировать благородство, реагируя таким образом на их недоброжелательство и зависть.

По этой причине напрашивался отказ от тесной увязки «проблемы двух императоров» с урегулированием преемства в империи франков (*imperium vel regnum*). Таким образом можно было выиграть время. В конце концов текст и без того предусматривал возможность внесения изменений и добавлений в зависимости от велений происходящего. Этим он существенно отличался от предположительно окончательного урегулирования Людовика, датированного 817 годом и изложенного в не менее известном источнике *Ordinatio imperii*. Если абстрагироваться от деликатной проблемы мыслимого или желаемого преемства в империи, указ стареющего монарха базируется на принципах государственного устройства на протяжении четверти столетия существования его обширного королевства, например, в Италии и Аквитании

правили его юные сыновья в качестве «промежуточной власти», однако под верховным началом Карла. В те годы создавались личные узы, и нельзя было допустить их расшатывания в процессе раздела империи, подобно тому как Карл юный, замещая отца, видимо, повышал собственный авторитет, объединяя вокруг себя единомышленников и сторонников. Это происходило прежде всего во время военных походов против саксов и на землях, расположенных на противоположном берегу Эльбы.

Поначалу земли франков между Маасом и Мозелем подразделяются на примыкающие Австразию (вместе с восточными франками) и Нейстрию (Сена — Луара), к которым присовокупляются Фрисландия, Саксония, Тюрингия, северные районы Бургундии (Безансон, Юра), части Алемании к северу от Дуная и оба баварских анклава — Ингольштадт и Лаутергофен. Тем самым старший сын Карла выделяется как «наследник в особом положении», что не выдерживает критики. Карл сравнительно поздно был помазан и коронован на королевское правление, он вообще не удостоивался каких-либо протокольных почестей. Преемство в коренных районах империи решилось как бы само собой, поскольку Карл юный более десятилетия оставался правой рукой отца. По этой причине ему как «полигон» был выделен дукат Мен, в то время как его братья оставались привязанными к своим королевствам. О каких-либо привилегиях Карла на основании первородства при получении наследства нам неизвестно. Равным образом нет сведений о том, что монарх обдумывал и разрабатывал условия раздела империи уже несколько десятилетий назад. Старший сын не получал от отца всей «остальной части империи».

Более того, территории его братьев округляются прилегающими землями, к примеру, частями Бургундии и Алемании к югу от Дуная, в то время как Карлу гарантируется доступ к Италии в целях совместной защиты церкви, то есть папы, путем выделения подходящих переходов через Альпы (Большой Сен-Бернар).

О собственно преемстве Карла юного в так называемых коренных районах империи не может быть речи, поскольку на случай его кончины в отношении коренных франкских земель был предусмотрен раздел по примеру обоих полумесяцев 768 года при Пипине и Людовике, рассекавших все государственные территории. Но даже если бы сравнительно ранняя смерть старшего сына Карла не наступила, преемство создало бы для королевской фамилии значительные трудности: в 806 году Карлу исполнилось уже 34 года, и в противоположность Людовику и Пипину он все

еще оставался холостым. О наложницах (и детях) ничего не известно. Отсутствует какое-либо назидательное послание и от Алкуина подобно тому, которое было получено королем Италийским по вопросам половой этики. Правда, весьма туманные намеки могли бы указывать на его гомосексуальные склонности. В любом случае фактический потенциал Карла по обеспечению преемства части своей империи представляется весьма ограниченным. Не в последнюю очередь по этой причине император, по видимому, решился гарантировать право представления не только наследникам своих сыновей мужского пола, если они оказываются способными к наследованию и на этом настаивает знать, но и признать за ними право на приращение в отношении правления их братьев. Раздробление долей империи среди потенциальных внуков монарх, правда, решительно отвергал. Так, он признал только за одним внуком право на преемство в империи одного из сыновей.

Намеченный раздел земель после кончины монарха выглядел следующим образом: империя лангобардов была расширена за счет Граубюндена и Баварии, а также Алемании к югу от Дуная. «Мокрые границы» в значительной степени определяли прохождение демаркационных линий. На территории Граубюндена с епископской резиденцией в Куре, открывавшей путь к важным горным перевалам, тогда приказало долго жить одно из последних «епископских государств» Викторидов, то есть семейства, определяющее имя которого было Виктор. С государственным и церковным единовластием этого семейства было покончено, а с введением так называемого Каролингского графского устройства и этот пограничный регион административно вошел в состав империи. Уже в феврале 807 года граф Гунфрид, одновременно маркграф Истрии, отправлял в Ранквайле обязанности председателя судебного собрания.

Королевство Людовика, включавшее Аквитанию и Гасконию, расширилось за счет Септимании и Прованса, в результате чего он получил выход к Средиземному морю. Кроме того, к его владениям была добавлена формировавшаяся Испанская марка между Пиренеями и территорией по течению реки Эбро. Поскольку в особой главе защита церкви, по сути дела политическая и военная защита папских интересов, объявлялась одной из существенных задач сообщества братьев, Людовик также получил выход в Италию через Западные Альпы. Этот маршрут проходил через Сени в Сузскую долину, что вызвало раздробление Бургундии как со-

ставной части империи. Затем Аквитания приобрела округа, расположенные между Невером и так называемой горной дорогой, хотя административные регионы между Отоном, Шалоном, Лионом и Савоной не упоминаются вовсе, что в связи с отсутствием карт да и экспертов вполне объяснимо. Карл юный опять-таки получил из состава бургундских земель их северную часть, включая Безансон и Юру, которая впоследствии стала основой свободного графства Франш-Конте, а первоначально была франкским округом в составе Орлеана, Оксера и Дижона, обеспечивавших Карлу беспрепятственный выход к долине Аоста через Большой Сен-Бернар.

Подобная территориальная децентрализация, сориентированная по отношению к Аквитании и Италии на длительный исторический процесс, в ходе которого Карл юный однозначно сохранял за собой приращенные франкские земли, явно не оставляя старшему сыну последующей прерогативы, обходила стороной проблему преемства в незадолго до того возникшей империи.

Текст толкует о «*imperium vel regnum*», империи или королевстве, косвенно свидетельствуя тем самым о наднациональном и надродовом характере империи, но о разделе императорского достоинства на манер семейного королевского правления не могло быть и речи. Византийский опыт в любом случае допускал появление второго императора, а вот пребывание на одном троне сразу нескольких монархов было вне всякого опыта и политической фантазии. Если же попробовать представить, что Карл оставлял за собой право на исправление этого политического завещания, то будущее могло преподнести новые аспекты в отношении императорской власти и передачи ее от поколения к поколению. Уже в 812 году ожидалось первые поправки, когда Карл возложил официальное преемство на Апеннинском полуострове на единственного сына, скончавшегося в 810 году Пипина Итальянского, тем самым подтвердив право представления внука, что находилось в абсолютном противоречии с практикой его отца и его собственной.

Возведение и коронацию Людовика, когда в Ахене он стал императором и преемником своего отца, следует рассматривать как заключительное проявление суверенности во властном регулировании, которую монарх всегда и неизменно сохранял за собой в отношении сыновей и народа в двойственном качестве отца и правителя. Исследователям еще несколько десятилетий назад удалось нащупать в тексте *Divisio* многозначительное, хотя

и косвенное указание на императорское достоинство и его политическую актуальность. С именем Вальтера Шлезингера связано следующее открытие: не менее чем в пяти из шести рукописей, которым мы обязаны знакомству с этим необыкновенным документом, используется не привычный для грамот императорский титул Карла, а формуляр, воспроизводящий титулование так называемой Константиновой фальсификации, заключительная письменная версия которой повсеместно и по праву датируется примерно 780 годом с местом совершения в Риме. Таким образом, протокол политического завещания содержит неоспоримое указание на дату исключительно важного фальсификата. Кроме того, он позволяет предположить, что об этой подделке было по меньшей мере известно в канцелярии императора Карла. Даже манера обращения в начале текста «ко всему христианскому народу» скопирована с текста фальшивки — «ко всему Римскому народу».

Следовательно, Карл предстает в образе нового Константина. Его империя хотя тоже Римская, ибо иная просто немыслима в контексте позднеантично-раннесредневекового богословия истории, но в своих масштабах ограничена рамками Запада. Вместе с тем она является империей христианской, возглавляемой королем франков. «Государственным народом» являются не римляне, а «его» франки, которым под его руководством подчиняются христианские народы. Нет сомнения в том, что экземпляр с «константиновским» вариантом протокола Эйнхард по поручению Карла переправил в Рим папе для принятия к сведению и одобрительного подписания.

Таким образом, со ссылкой на первого христианского императора понтифик прикоснулся к вопросу об империи и преемстве, но не к его разрешению.

Конфликт с преемником Ирины — Никифором I все еще тлел. Цифра «три» потенциальных наследников и преемников без нарушения справедливости не допускала никакого урегулирования. В политическом плане император действовал безошибочно, всячески откладывая принятие окончательного решения на неопределенный срок. И вот в 811 году остался всего один претендент на императорское достоинство. В результате Карл по договорному признанию статус-кво между Востоком и Западом 812 года и с одобрения своей аристократии объявил императором Людовика, правда, не признав за ним права на какие-либо дополнительные полномочия или на фактический статус соправителя. Решение в

столь деликатном деле в 806 году, вероятно, привело бы к поляризации ведущих политических элит.

*Ius paternum** монарха Карл расширительно толковал таким образом, что он не только предопределил обязательную территориальную децентрализацию империи после собственной кончины, но и позаботился о порядках после смерти своих сыновей. Особенно это касалось права представления в королевстве отца соответственно одного из его внуков, разумеется, с учетом фактора пригодности и «выбора» со стороны знати. Таким образом было значительно урезано право его сыновей на приращение. Можно предположить, что тем самым Карл хотел предотвратить возникновение слишком масштабных по территории образований и связанную с этим концентрацию власти. В результате запрета на членение империи в пользу появляющихся внуков уже в зародыше было предотвращено распыление правления на самых малых территориях. При отсутствии пригодных и могущих быть избранными внуков отношения среди братьев определялись соответствующим порядком раздела. Подобные соображения представлялись весьма уместными, учитывая безбрачие и бездетность Карла юного. Такой подход явился еще одной красноречивой характеристикой политического благоразумия императора Карла. Поэтому уже после кончины Карла юного неизбежно встал вопрос о членении предположительно неделимой коренной части империи. Для Пипина была предусмотрена юго-восточная ее часть с включением Северной Алемании, в то время как империя Людовика вышла за границы Нейстрии к северу от старых франкских земель и даже втянула в себя на другом берегу Рейна земли восточных франков и саксов. Так была предусмотрена новая структура, настолько несовместимая, что способности любого будущего правителя подвергались трудному испытанию.

Если бы тем временем Людовик приказал долго жить, не оставив надлежащего преемника, то Карл получил бы Аквитанию и Гасконию, а Пипин свою долю Бургундии, а также Прованс с Септиманией в дополнение к средиземноморскому побережью. Сложнее получалось на пергаменте с расчленением империи Пипина, которое предусматривало прежде всего проведение новой границы на Апеннинском полуострове, в то время как Бавария, Алемания и Граубюнден, вероятнее всего, без какой-либо компенсации отошли бы к Карлу. Зато Италия была разделена на

* Отцовское право, патриархат (*лат.*).

своего рода северную и южную полосы. Имперская доля Карла тянулась от Большого Сен-Бернара через долину Аоста к Иврее и Верчелли, после Павии близ Пьяченцы пересекала реку По, по маршруту античной Виа Эмилия упиралась в Реджо-нель-Эмилио и Модену, потом продолжалась к югу до Пассо дель Абетоне, пересекала его и выходила на Пистою и Флоренцию. По старой Виа Кассия маршрут проходил через Ареццо и озеро Больсена и потом прямо в Рим «к границам святого апостола Петра».

Все на этом маршруте, если двигаться с севера на юг, располагавшееся по левую сторону — города, пригороды, графства и прилегающие к ним земли вместе с герцогством Сполето, — отходило к Карлу, в то время как Людовик получал все, что находилось по правую руку от маршрута: целиком лигурийское побережье и Тусция, если соответствующие земли не были под папской юрисдикцией. О принадлежности Истрии и Далмации, где пересекались византийско-франкские интересы, включая Венецию, известно так же мало, как и о притязаниях на Равенну и Пентаполь, где встречались папские прелаты и королевские эмиссары.

Намеченный на перспективу политико-сакральный союз короля франков с римским преемником апостола получил свое яркое выражение в документе о разделе, ибо совместная защита церкви и отстаивание папских интересов были объявлены важнейшей задачей общности братьев, сыновей императора. Этому новому элементу соответствовало визирование завещания папой Львом III, который тем самым со своей стороны «обрекал» на союз наследников и преемников Карла. На первый взгляд такое решение вызывает удивление, ибо было бы естественным возложить защиту патримониума апостола Петра на Пипина или его преемника. Однако отношения между папой и франкским правителем считались обширным проблемным полем и семейной задачей, так что военная защита представлялась лишь отдельно взятым аспектом в системе сложных взаимоотношений, связывавших два и даже три поколения династии с духовной мощью формирующегося Запада.

Новым моментом было также сужение Австразии и Нейстрии до масштабов прилегающих территорий и обозначение пространства между Сеной и Рейном Францией. Это название начиная с 806 года вошло в официальный языковой обиход. Непривычным было также стремление привязать проведение границ к руслу рек, чтобы таким образом предотвратить вероятные споры или в значительной степени ограничить их в связи с колебаниями прохож-

дения границ. И тем не менее при возникновении споров между братьями по территориальным вопросам в целях примирения рекомендовалось обращаться к *boni homines** или же использовать «испытание крестом», в котором Карл видел путь к отысканию истины. Эти средства «дознания», особенно Божий суд, могут показаться нам свидетельством беспомощности в основном «бесписьменной» эпохи. Однако в целях сохранения и установления мира они все больше вытесняют анархо-воинственные походы и кампании.

Альтернатива между правом на приращение выживших братьев и правом представления внуков или племянников в зависимости от их пригодности и одновременно решения знати открывала на будущее дифференцированные пути урегулирования преемства, нуждавшиеся в политическом обсуждении, в котором должны были участвовать прежде всего еще открытые элиты «имперской аристократии» (по выражению Герда Телленбаха), знать империи франков. Серьезные разногласия между монаршим решением и взглядами знати выявились впервые только в 838 году, когда аквитанцы против воли Людовика Благочестивого назначили сына скончавшегося Пипина I Людовика преемником королевской власти и тем самым покончили с амбициями его сводного брата Карла.

В любом случае не только в этой сфере непосредственного преемства «новый Константин» проявил себя умным государственным деятелем, искавшим и подготавливавшим соответственные решения, маневрируя между стародавними традициями и новыми явлениями. При этом он сознательно увязывал это с возможностью внесения в них последующих дополнений и изменений. Кроме того, еще пятнадцать последующих разделов текста Карл посвятил данной теме, за которой по праву утвердилось название «положение об исполнении». Дряхлеющий монарх не ограничился конституированием «промежуточной власти» своих сыновей как бы по образцу Святой Троицы в виде братской общины коллективного королевского правления. Для них он одновременно разработал тщательно продуманные директивы и принципы внутренней и внешней программы политических действий.

В этом предусмотренном *balance of power* (баланс силы власти) между равноправными братьями обращают на себя внимательные шансы и риски «процесса огосударствления» на раннем эта-

* Авторитетные старейшины (лат.).

пе средневековья. Данный процесс, очевидно, не вытекал в далекий от реальности централизм. В контексте достаточно прозрачных структур, сосредоточенных в руках одного семейства, существовавшего рядом и вместе с другими, сложился адекватный инструментарий, который обеспечивал совместное житие разных «gentes» (родов) и «nationes» (народов). По крайней мере на взгляд Карла. Поэтому и предписания проникнуты духом внутри- и внешнеполитической стабильности. Запрещается нарушение границ соответствующего территориального образования, а также раздувание внутренних волнений, равно как и ослабление формирующихся пограничных административных округов (например, Остмарк, Фриуль, Испанская марка), которые образовывали своего рода гласис для отдельных элементов империи в целом. Этим дестабилизирующим явлениям должно противопоставить совместное содействие изнутри и активное противодействие угрозе извне.

Остальные главы посвящаются главным образом внутривнутриполитическим проблемам, которые одновременно затрагивают основы персонального королевского правления: отказ в убежище и лишь ограниченный прием беженцев из королевств других братьев в собственное, чтобы не подвергнуть угрозе «мир и согласие» между ними. Равным образом запрещается против воли прежнего господина переход людей от одного короля к одному из его братьев или одному из представителей его знати. К этому запрету добавляются нормативные статьи по регулированию личных уз после кончины императора. Каждый «homo» (вассал) имеет право на получение «beneficia», то есть предположительно ленного надела или только земли в аренду исключительно в пределах территории своего господина и нигде более, «чтобы исключить на этой основе возникновение какого-либо скандала»! Принимая во внимание тот факт, что на протяжении уже нескольких поколений, минуя всякие границы, сложились отношения между именитыми аристократическими семействами, которые и в материальном отношении тесно переплелись друг с другом (так называемая имперская аристократия), этот раздел, надо думать, таил в себе немалую угрозу, хотя его взрывчатость смягчилась последующими вполне естественными компромиссами, ибо унаследованное имущество свободных крестьян, кстати сказать, и замужних женщин оставалось в их неприкосновенной собственности в каждом из трех королевств.

Именитые семейства с их многообразными международными связями, видимо, испытывали материальную заинтересованность в постоянном территориальном переплетении их имущественных и властных взаимоотношений, чтобы и в будущем сохранить и закрепить свою ведущую политическую роль в государственной и церковной жизни. Показательна в этом отношении судьба Етихонов, которые в Эльзасе удостоились герцогского достоинства, а их предок граф Гуго Турский стал тестем императора Лотаря I и вместе с ним отправился в Италию. А вот еще один пример. Семья Хродеганга из Меца, франкского рода из прирейнских центральных провинций. После удачной церковной карьеры в Горце и Лорше выходец из нее по имени Одон обрел королевское достоинство в западной части империи. Не меньшим успехом была отмечена карьера Унруохингеров, которые стали герцогами во Фриуле и были приняты в королевскую фамилию в результате женитьбы Эберхарда, ставшего зятем Людовика Благочестивого. Так же благоприятно сложилась судьба Роргонидов. От связи Рорикона с дочерью Карла Ротрудой родился Людовик, которому была уготована крайне успешная карьера в церкви и при дворе. Поэтому «имперская единая партия», которая в 917 году подтолкнула еще относительно юного Людовика Благочестивого к написанию закона *Ordinatio imperii*, по-видимому, состояла не только из представителей высшего духовенства, но и из членов этих семей, по властным притязаниям и материальным интересам которых ударило бы запланированное расчленение империи.

Наряду с этими ограничивающими власть тенденциями *Divisio* текст указывает на определенные интеграционные устремления, когда заходит речь о брачных союзах между семьями отдельных королевств «во имя породнения соседей». В конце крайне важного документа бросаются в глаза нормы и правила, которые с помощью внутриимперских отношений могут содействовать сохранению мира между правящими семействами. Вместе с тем в упомянутом документе уже проглядывают мрачные времена, окончание которых было ознаменовано закатом империи Карла. Сестры королей, то есть дочери Карла, после кончины отца могут свободно выбрать своим опекуном одного из братьев или же уйти в монастырь. При этом гарантируется их соответственное материальное обеспечение и почетное положение. Не возбраняется им и вступление в брак, если предполагаемый супруг «их достоин», им самим супружеская жизнь по вкусу, а «желание соискателя и дающей согласие женщины выражаются с честью и благоразуми-

ем». Почему Карл еще при жизни не выдал замуж ни одну из дочерей, несмотря на все домыслы, так и осталось его тайной.

В отношении своих племянников, если они не «вступили» в часть империи отца, император, памятуя о том, как он иногда обходился с сыновьями собственного брата Карломана, права которого просто проигнорировал, требует почетного обращения. Им постоянно приходится ожидать правового разбирательства. Казнь, отсечение конечностей или ослепление, а также заточение в монастырь как меры наказания не рассматриваются. Насколько необходима эта заповедь, чуть позже показали действия Людовика Благочестивого во имя того, чтобы окончательно убрать с дороги своего племянника Бернгарда и нейтрализовать единокровных братьев Дрогона и Теодориха, заточив их в монастырские кельи.

Текст заканчивается ярким пассажем, в котором снова решительно выделяется полученная от Бога командная власть отца и императора над сыновьями и «народом» и подчеркивается обращенное в будущее и, таким образом, изменчивое содержание политического завещания. Наученный собственным опытом, Карл, видимо, представлял себе те трудности, которые принесет раздел империи трем братьям, старший из которых к тому же был не женат и не имел наследников.

НИМВЕГЕНСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ

Простившись с Пипином и Людовиком, император через Мозель и Рейн направился в пфальц Нимвеген, где постился и провел все пасхальные дни 806 года. Важнейшим итогом этого пребывания стал значительный капитулярий в виде инструкции для королевских эмиссаров, теперь во все возрастающей степени принимавших на себя ключевую функцию связующего звена между имперской верхушкой и региональной администрацией, с одной стороны, и знатными семействами, с другой. «Каждый из вас, — гласит прагматическое вступление капитулярия, — в своем административном районе должен проявлять максимальную заботу о том, чтобы прозорливо творить порядок и распоряжаться согласно Божией воле и нашему повелению». Император действует на стороне Божией, над ним и его волей довлеет сакральная аура.

На первом месте по значимости повеление потребовать от тех, кто до сих пор не принес монарху клятву верности, испол-

нить ее. Кроме того, все должны заявить о согласии с недавно обнародованным будущим разделом империи «во имя согласия в мире», то есть признать форму раздела и связанные с ним задачи. Император вновь вступает как господин всего народа как бы в личные отношения с каждым отдельным членом «gentes» и «nationes». На тогдашнее трансперсональное государственное восприятие эпохи накладывается фактор личной привязанности правителя к своим соотечественникам, которые в современном понимании не являются верноподданными и субъектами.

Другие главы вновь обращаются к теме защиты церкви, образа жизни духовенства, монахов и монахинь. Заходит речь об охране церковной собственности от ее расхищения и продажи. Иудеи не должны бравировать тем, что они могут все скупить. Нельзя позволить им пребывать в этом состоянии эйфории. В предписаниях евреи впервые упоминаются как профессиональные торговцы. В этом качестве они пользовались особым покровительством двора, а именно Людовика, который из-за этого резко спорил с архиепископом Лионским Агобардом, однако щедрой рукой раздаривал привилегии поставщикам своего двора. Вместе с тем в Нимвегенском капитулярии император опасается осквернения культовых предметов в руках евреев, но вовсе не делает акцент на ограничении их торговой активности или даже их культовых привычек.

К этому параграфу добавляются, как всегда бессистемно, предписания по обеспечению и надзору за воинским призывом, а также по нежелательному «притоку» и высылке беглых холопов и разбойников в удаленные районы.

Вновь прослеживается важный элемент «разложения» структуры правления и ее основ, которое Ф.Л. Гансхоф считал определяющим моментом на заключительном этапе пребывания Карла у кормила власти. Он это объясняет таким образом, что все большее внимание уделяется проблеме аренды земли из королевских владений, которая как казенная собственность или «бенефиций» отдавалась в аренду сторонникам власти, но из-за бесхозяйственности утрачивала свою значимость, превращаясь в свободный от феодальных повинностей аллод сановников или вассалов, а также попадала в третьи руки в результате манипуляций с дарением и выкупом.

Монаршья заповедь призывает покончить с таким позорным явлением, как нищенство, и возлагает на каждого «преданного» своему правителю обязанность кормить «своих бедных» из дохо-

дов от арендованной земли или от собственных владений. Странствующие нищие, безусловно, представляли угрозу для общества. В этой связи также заявляет о себе политический принцип, основанный на уважении труда и порядка: если они не работают руками, о предоставлении им чего-либо не может быть речи, и это в русле библейского изречения: «Кто не работает, тот не ест!»

Затем капитулярый обращается к потребностям экономики и торговли, уже в который раз настаивая на запрете создания новых таможенных постов. Затрагиваемая тема свидетельствует о значительном расширении торговых связей на реках и дорогах, что подталкивало влиятельных соседей с прилегающих территорий к нелегальному наращиванию своих доходов.

Последующие разделы, посвященные алчности, накопительству, «позорному стяжательству» и денежному ростовщичеству в нарушение антимеркантильных стереотипов, проникнутых духом канонических положений, опять-таки служили напоминанием о затронувшем страну голоде как массовом бедствии. Ко всем сановникам, а также к королевским и церковным обладателям бенефициев обращен призыв проявлять заботу о своей «семье», памятуя о том, что порукой этой заботы являются их собственные владения. Если же Богу будет угодно, чтобы возникли дополнительные запасы после уборки урожая, их надлежит продавать согласно обязательному прейскуранту. Как и в 794 году, он возрастает в следующей нарастающей последовательности: овес, ячмень, полба, рожь и, наконец, пшеница, причем цена за один шеффель не должна превышать соответственно два, три, четыре и шесть денариев. Бросается в глаза, что в противоположность франкфуртскому диктату об установлении цен теперь к зерновым культурам добавляется полба и что «в очищенном виде» на нее, как и на пшеницу, разрешается назначать более высокую цену. Это «очищение» на дворах производителей, по-видимому, следует расценивать как еще один показатель эффективности расширяющегося производственного землевладения и его потенциала, ориентированного на реализацию излишков. В этом же контексте Карл считает необходимым вернуться к обязательности новой меры шеффеля. Этот шаг показывает трудности преодоления локальных и региональных весовых единиц по аналогии с единым стандартом на вес и содержание металла в монете в целях единообразного урегулирования. Последующие столетия продемонстрировали полную несостоятельность этой фактически несвоевременной меры.

Кроме того, по праву обращается внимание на то, что принципы церковного запрета на ростовщичество были включены в королевские и затем императорские капитулярии. При этом не просматривается ни осознание распределительной функции торговли, ни понимание реальной экономической сути того, что для своего пропитания, для инвестиций и транспортных затрат, для финансовых накоплений и, наконец, для выплаты вознаграждения за работу торговец вынужден в определенной степени наращивать издержки производства. Да и таможенные пошлины можно было выплачивать только из «прибавочной стоимости».

В этом контексте наблюдается явное сближение понятий «процент» и «ростовщичество». Предоставление займа (или ссуды) только тогда является справедливым делом, когда при его возврате не требуют проценты; «позорная выгода» (ростовщичество) имеет место, когда происходит накопление благ путем мошеннических махинаций. По-видимому, основной упрек адресовался тем, кто не без умысла скупал зерно в тяжелые времена, чтобы затем чрезвычайно выгодно продать его с нормой прибыли сто и более процентов. Торговая сделка «negotium» в противовес ростовществу имеет место тогда, когда что-то приобретается или для собственного потребления, или для раздачи другим. Впрочем, об условиях этого «разделения» текст ничего не сообщает. Если, начиная с первого Никейского собора, церковные уставы пытались удержать прежде всего духовенство от вовлеченности в недобросовестную коммерческую деятельность, то теперь на горизонте замаячило глобальное «теоретическое» осуждение вообще всяких деловых отношений. На практической стороне дела это отразилось не очень сильно; поскольку данные принципы оказались откровенно неподобающими и оторванными от жизни. Еще во времена Лютера кое-кто активно ратовал за правильные цены и допустимые проценты. Тем не менее модифицированные максимальные цены 784 и 806 годов дают основание сделать однозначный вывод, что якобы распространенный в эпоху Каролингов «допотопный» принцип меновой торговли является не чем иным, как глупым мифом, который любовно насаждали мистификаторы того времени.

Денежная реформа, предписания об установлении твердых цен, реализация продуктовых излишков, принципы, зафиксированные в известном *Capitulare de villis* (капитулярий о государственных землевладениях), предусматривающем даже ежегодный финансовый отчет перед двором о денежных средствах, вырученных от

продажи продуктовых излишков; подробная инвентаризация, для которой проценты являются само собой разумеющимся делом; покупка и продажа земли; борьба с разными видами предоставления займа, взысканием процентов, скупки урожая на корню; даже нежелательные коммерческие сделки евреев по реализации христианских культовых предметов; не в последнюю очередь таможенные льготы, торговые эмбарго и предписания по ведению приграничной торговли — все это дает представление о значении денежного хозяйства и хождении денег в ту эпоху. К этому добавляются массовые археологические раскопки, которые подтверждают торговлю вином (амфоры), мечами (Ульфберт) и базальтом (мельничные жернова) на обширных территориях вплоть до Скандинавии. Поэтому капитулярии 794 и 806 годов, кроме всего прочего, свидетельствуют об оживленном товарообмене и денежном обращении.

Вместе с тем очевидно, что профессиональная торговля воспользовалась временами бедствий и лишений для умножения своих прибылей, хотя неисполнение требования дифференцирования цен каралось штрафом в шестьдесят шиллингов. Но существовал ли вообще правовой механизм в контексте унаследованных перечней штрафов или здесь также происходило формирование «публичного» уголовного права? Цитируемые разделы скорее похожи на призывы, к тому же они, далекие от каждодневной практики, проливают на торговую деятельность весьма сомнительный свет. Уже в ту эпоху епископ Орлеанский Теодульф, широко известный автор, принадлежавший к числу важнейших советников Карла по богословско-догматическим вопросам, в своих епископских наизиданиях весьма реалистично оценивал проблемы торговли, процентов и ростовщичества. Так, он считает, что если сельское население должно уплачивать десятину (и подаяние) из доходов, полученных в результате сельскохозяйственных трудов, данный принцип должен действовать и в отношении тех, кто трудится, ибо «Господь Бог одарил каждого способностями, которые его кормят, и подобно тому, как он зарабатывает на пропитание своего тела, он тем более должен подумать о своей душе». Поэтому торговец во исполнение этих обязанностей вправе сделать соответствующую надбавку на покупную цену своих товаров. Почти через три поколения Ноткер Заика уже присовокупляет к (справедливой) цене на выпускаемый товар расходы на оплату за труд и фрахт (*labor et subvectio*). Торговля не есть ростовщичество по своей сути. Теодульф признает эту отрасль хозяйствования че-

ловека ни в чем не уступающей хлебопашеству и скотоводству, хотя и оставляет свои выводы без дальнейшего развития. В целом же церковная законодательная база развивалась на основе библейских образов и достопочтенных соборных решений, в то время как торговля и хозяйство обретали импульс динамичного поступательного развития.

Сеньериальная власть способствовала объединению хозяев и крестьян при расширении хлебопашества в благоприятных для него регионах между Рейном и Луарой, Дунаем и предгорьем Альп, а также в долине реки По. Возрастающие масштабы корчевания под началом таких монастырей, как Фульда и Герсфельд, расширение сельскохозяйственных угодий вокруг Парижа по инициативе крупных аббатств Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Мор-де-Фоссе — все это свидетельствует о значительном демографическом росте, который, в свою очередь, стимулировал разделение труда в обществе и тем самым развитие ремесел (кузнечного и мельничного дела), а также торговли. Разветвленная сеть водяных мельниц как показатель интенсивного земледелия, а также применение грядковых и колесных плугов позволяют сделать вывод о всеобъемлющем техническом прогрессе, который, в свою очередь, способствовал производству дополнительной продукции и тем самым возникновению излишков для продажи. Зерно, вина и не в последнюю очередь соль представляли собой продукты массового потребления, которые доставлялись на местные, региональные и межрегиональные рынки для реализации. Епископские резиденции, пфальцы и аббатства становились прежде всего торговыми центрами, втягивавшими в свою рыночную орбиту не только жителей близлежащих районов, но и всю округу.

В эти десятилетия в целях расширения товарооборота был отмечен даже импорт из удаленных регионов. Так, аббатство Сен-Жермен-де-Пре благодаря своему сеньериальному снабжению получало вина из Анжу, которые затем продавались в Париже и пригородах. Разлитое в амфоры вино как один из наиболее важных предметов торговли континентальной Европы доставлялось в Англию и Скандинавию. Торговля невольниками, в которой тогда принимали участие и северяне наряду со славянами, практиковалась чисто географически в направлении главным образом с востока на запад и далее на юг. Вике и Хэфен (*portus**), по значимости не уступавшие Дорештадту, Квентовичу, Хейтхабусу

* Порт (*лат.*).

или Биркасу, фризские торговые базы Майнца, Кёльна или Дуйсбурга, свидетельствуют об оживленных торговых сношениях с северными регионами. Побережье Северного моря, но прежде всего альпийские перевалы являются важными транзитными пунктами международного торгового обмена. Маас, Шельда и Рейн, Сена и Луара, Рона и Дунай вместе с их притоками составляли разветвленную сеть важных водных транспортных коммуникаций. Излишне в этой связи говорить об Италии, особенно о Венеции, а также о жизненно важной артерии — реке По для Ломбардии. Но и южные районы старой Галлии были привязаны к сети средиземноморской торговли, несмотря на религиозно-культурные противоречия с исламским миром. Например, сколь тесно благодаря торговле Англия была связана с континентом, показывает характерный факт, что примерно в 793 году король Оффа позаимствовал основные принципы за несколько лет до этого проведенной Карлом денежной реформы.

Наряду с этим процветала не всегда легальная торговля мощами. К примеру, биограф Карла Эйнхард, еще при жизни монарха одновременно возглавлявший мастерские в Ахене, примерно в 827 году принял в своем ахенском доме римского диакона Деусдона, который после трапезы, пораженный зияющей пустотой алтаря в Штейнбахе, предложил на выбор собранные в его римской обители святые мощи. Оба быстро обо всем договорились. Что за этими благочестивыми разговорами немалые денежные суммы обрели нового владельца — об этом нет необходимости гадать, ибо факты — упрямая вещь. Вскоре биограф Карла был вынужден обратиться в Суассон с просьбой возместить ему не менее ста золотых монет за часть драгоценной добычи, утраченной при перевозке. На какой-либо «бартер» в источниках нет даже малейшего намека.

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ В БАССЕЙНЕ ЭЛЬБЫ И В ПРИМЫКАЮЩИХ К НЕЙ ЗЕМЛЯХ

И в 806 году монарху пришлось уделять внимание укреплению границ, особенно на Эльбе и далее вплоть до Богемии. Годом раньше здесь был убит герцог Лехо, из-за чего о новой концентрации власти в руках одного человека не могло быть и речи. По возвращении из Нимвегена в Ахен весной 806 года император вновь направил своего сына Карла с войском на разбросанные

между Эльбой и Заале земли лужицких сорбов. Целью этой экспедиции было предотвращение вылазок против Саксонии и Тюрингии. Когда отряды форсировали пограничные реки, очевидно, произошли столкновения, в ходе которых сложил голову князь лужицких сорбов Милитуох. Франки уничтожили укрепления, заставив уцелевших мелких вождей подчиниться императору и, как обычно, предоставить заложников. Но этим Карл не ограничился. Были воздвигнуты два пограничных укрепления — одно на Эльбе напротив Магдебурга, а другое — на восточном берегу реки Заале близ Халле.

Нацеленность на военные действия, устранение враждебно настроенных вождей, уничтожение вражеских фортификационных сооружений и возведение собственных укрепленных пунктов с закрепленными за ними гарнизонами — так выглядели стратегические основы укрепления границы и правления в целом. Эти события 806 года Эйнхард упоминает не просто так. Он привязывает их к весьма скудным летописным свидетельствам о походах против Богемии и Линонии, которые, по-видимому, жили своей собственной жизнью. Некоторое время спустя Карл приказал снарядить еще одну экспедицию против богемцев, но на этот раз военные отряды состояли также из баварцев, алеманцев и представителей северных районов Бургундии. В ходе экспедиции, судя по всему, были опустошены многие земли. Она закончилась без значительных потерь для франков. Фактически же речь шла лишь о тщетной попытке подчинения богемцев на фланге Остмарки.

В контексте этих походов, по-видимому, следует рассматривать мандат, выданный аббату Фулраду из фландрийского аббатства Святого Кентина, если допустить, что вначале король сам планировал направиться к Эльбе и Заале, чтобы в Штасфурте (Тюрингия) провести имперское собрание. Не исключено, что данная мысль занимала Карла еще в Дидетховене, однако из-за некоторых трудностей он возложил реализацию идеи на своего старшего сына. Таким образом, аббату Сен-Кентина надлежало предстать со «своими людьми» на запланированном смотре войска, то есть во всеоружии и с доспехами, а также с запасом продовольствия и обмундирования. Текст содержит детальное описание количества и качества этого вооружения: «У каждого всадника должны быть щит и копье, меч и кинжал, лук и колчан со стрелами» в качестве стандартного вооружения легкой кавалерии. Надо сказать, что кольчуга в этой связи не упоминается. Кроме того,

необходимо возить с собой на повозке разные приспособления: топоры, ножи, буравы, кирки, обитые железом лопаты и «прочий инструментарий, необходимый при соприкосновении с врагом», другими словами, приспособления для рытья могил, удаления заграждений и возведения собственных защитных сооружений. При необходимости перечисленные инструменты позволяли разобрать речные суда на части и снова их собрать. Характерно, что какие-либо специальные осадные приспособления не упоминаются. Запасов провианта должно хватать на три месяца, а оружия и обмундирования на полгода.

Подтверждается обнародованный еще в 768 году запрет реквизировать во время военных походов что-либо еще, кроме фуража для лошадей, дров и воды. Равным образом «люди» (в данном случае конные вассалы аббата) должны сопровождать и возглавлять свои отряды до пункта назначения, «чтобы отсутствие господина не давало людям повода для причинения зла». Король пребывает в ожидании «привычных даров», передача которых назначена на время не позднее мая, «где бы он ни находился», правда, предпочтительнее всего из рук аббата.

Сен-Кентин в то время организационно относился к монастырям высшей категории «трудов», на которые были возложены воинская служба, «дары» и возношение молитв за душеспасение монарха, его семейства и государства франков. Когда примерно в 817 году Людовик Благочестивый в одном из своих капитуляриев разделил королевские аббатства в зависимости от их материальных возможностей на разных исполнителей услуг, возникла целая иерархия обителей: одни аббатства обеспечивали воинскую службу и подати, другие — исключительно дары и, наконец, третьи ограничивались возношением молитв с прошением у Бога благополучия для императора и его империи. Так вот, в этом (неполном) перечне Сен-Кентин и Сен-Рикье отсутствовали. Только на четырнадцать монастырей, согласно обнародованной иерархии, было возложено исполнение полного набора «услуг». Среди них были Корби, Ставло-Мальмеди, Лорш и Тегернзее, в то время как шестнадцать остальных должны были соответствовать сниженным или резко сокращенным требованиям.

Из волеизъявления 806 года однозначно вытекает, в каких объемах привилегированные, одаренные и наделенные иммунитетом королевские монастыри были вовлечены в административную структуру империи и ее военную политику. Упомянутый в одном инвентаризационном документе 831 года крупный по чис-

ленности отряд монастырских бенефициариев и вассалов из аббатства Святого Рихария, которое в ту пору возглавлял Ангильбер, в любом случае определяется этими обязанностями интенсивного королевского служения.

ПРОБЛЕМЫ С АДРИАТИКОЙ И НА ЮГЕ ИТАЛИИ

Между тем небо над Адриатикой вновь стали затягивать зловеющие облака. Еще в конце минувшего года Карл принял по другую сторону Альп новых дождей Венеции, которые согласились вновь признать его старого союзника, патриарха Градо Фортуната, духовным предстоятелем в том числе и лагуны. Кроме того, императорская власть распространялась на Далмацию и Венецию, в результате чего Карл бросил открытый вызов Византии. Поэтому не случайно то, что политическое завещание обходит молчанием этот вызывавший споры регион.

Император Никифор, поначалу вообще разорвавший отношения со своим западным соперником, в тот период направил греческий флот под командованием патриция Ницетасия в Адриатику, где корабли блокировали далматское побережье и саму Венецию. Дожи не стали доводить дело до открытого конфликта со своими старыми, но опостылевшими покровителями, которые к тому же как торговая митрополия гарантировали благосостояние островного города. Поэтому дож Обелир принял из рук командующего флотом титул шпатары, его брат Беат в качестве заложника был препровожден в Константинополь, а бедный Фортунат, еще ранее вовлеченный в конфликт с дожами, бежал на материк к франкам.

Карл не оставил князя церкви в беде; некоторое время спустя с согласия папы Льва III он получил епархию Пола в Истрии, а вдобавок к этому бенефиций, предположительно аббатство Муайен-Мутье. Но это решение не вызвало энтузиазма у понтифика — ему совсем не понравились нападки Фортуната на епархию в Истрии, в результате чего расстроились его планы в отношении конкурирующей с Градо Аквилеи. Поэтому в своем послании папа искренне пожаловался монарху на отношение архиепископа к своему духовному служению и жизненному поведению. Эти политически мотивированные обвинения дают представление об интересах Рима на Адриатике. Речь шла прежде всего о регионах, которые несколько поколений назад из-за папской непримири-

мости оказались в составе церковной греческой провинции и возвращения которой с тех пор так активно добивался понтифик.

В любом случае угроза конфронтации между Востоком и Западом в Средиземноморье объяснялась не только и не столько вопросами этикета или (греческой) ревности, на которую Карл, по свидетельству Эйнхарда, мог бы ответить со свойственной ему твердостью, а скорее всего столкновением противоположных интересов, в основе которых не в последнюю очередь была борьба за влияние на Венецию.

В то же время королю Пипину с использованием флота удалось вытеснить сарацинов с Корсики. После захвата острова они принялись его активно грабить. Между тем пришла весть о кончине главного администратора Генуи графа Хатумара, выходца из Тюрингии или Саксонии. В то же самое время сарацинам удалось похитить с маленького острова Пантеллерия к югу от Сицилии шестьдесят монахов, которых они продали в Испанию. Многим из них сам Карл помог вырваться на свободу, внося соответствующий выкуп. По другую сторону Пиренеев также были отмечены небольшие успехи, например возвращение Наварры и Памплонна под господство франков, что явилось препятствием для расширения Кордовского эмирата и только укрепило противостояние с его нерешительными наместниками по ту сторону Эбро.

В Южной Италии в конце года тоже пробудились робкие надежды на рост имперского влияния.

Скончался по-рыцарски бесстрашный Гримоальд II, и тогда король Италийский Пипин, который почти ежегодно снаряжал немногочисленные отряды, тщетно пытаясь атаковать территориальную целостность Беневентского герцогства, уверовал в наступление перемен в свою пользу. Однако преемник Гримоальда, носивший то же имя, его прежний казначей, преследовал те же цели, что и предшественники, а именно — сохранение самостоятельности под сенью Византии, экономическая и культурная зависимость от которой глубоко сознавалась, несмотря на внутреннюю тягу к Западной церкви. Безуспешность италийско-франкских усилий на юге подтверждается оскорблениями, адресованными нашими основными источниками «противнику христианнейшего императора Карла». Дело зашло так далеко, что на Беневенто сваливали вину за распространение острой эпизоотии, которая якобы была вызвана распылением на полях ядовитого порошка. Впрочем, духовенство, да и сам Карл подобные обвинения отвергали.

Только заключение мира в 812 году сняло напряжение в отношениях между государством франков и Беневенто, чему способствовал также тот факт, что двумя годами раньше скончался главный инициатор агрессии — сам король Пипин.

КОНТАКТЫ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Морская блокада Венеции Византией вызвала задержку возвращения посольства Карла, посланного ко двору халифа в Багдаде. Тем не менее в конце 806 года оно незаметно для византийского флота бросило якорь в Тревизо. Это посольство отправилось в путешествие еще четыре года назад с императорскими дарами в знак благодарности за присланного слона. Недавно Вальтер Бершин справедливо заметил, что ни один граф эпохи Каролингов не удостоился в тогдашних официозных источниках такого пристального внимания, как этот слон. По свидетельству Ноткера из монастыря Сен-Галлен много десятилетий спустя, ответные дары состояли из «фризских тканей» и текстильных товаров, которые производились жителями приморских районов, крестьянами-купцами и распространялись по всей империи. В далекое путешествие отправились и специально обученные охотничьи собаки.

Путь посольства снова пролегал через Иерусалим, который, по свидетельству Эйнхарда, давно вызывал особые симпатии Карла. И на этот раз в результате обмена ценными дарами с влиятельнейшим правителем Востока правитель франков как бы обозначил свое призвание быть гарантом Гроба Господня и христианской общины в Иерусалиме, как если бы Карл, по свидетельству своего биографа, поспешил на помощь бедствующим единоверцам в «Сирии, Египте и Африке, в Иерусалиме, Александрии и Карфагене». Поэтому при всей неопределенности сказанного он старался «заручиться дружеским расположением правителей по ту сторону моря».

Харун ар-Рашид пошел навстречу пожеланиям Карла и, по утверждению Эйнхарда, признал власть короля франков над Иерусалимом и прежде всего над Гробом Господним. Говорить о передаче суверенных прав Карлу так же неоправданно, как и о когда-то возложенном на него патриархом попечении о святых местах: это были всего лишь символические жесты, которые для иерусалимских христиан, по-видимому, имели практическую пользу

и одновременно даже в тех далеких землях обосновывали и множили славу императора франков, соперника Никифора, находившегося в состоянии вражды с Харуном.

Впрочем, вскоре после 800 года произошло некоторое усиление позиций франков в Иерусалиме и вокруг него, когда монашествующих на горе Элеонской возглавил аббат Георг, «его родиной была Германия», а настоящее имя — Эгильбальд. Кроме того, из одного письма конгрегации папе Льву III нам известно, что в споре из-за так называемой формулы филиокве монахи упомянули о подаренных Карлом книгах, который, стало быть, не скупился на целевые пожертвования. Приблизительно в 810 году мы даже узнаем из капитуляриев о призывах императора к жертвованиям на восстановление храмов в Иерусалиме. В 869 году, то есть два поколения спустя, в одном рассказе паломников упоминается расположенная вблизи церкви Богоматери больница, связанная с именем легендарного императора франков.

Франкское посольство, примерно в 806 году ступившее на италийскую землю, несомненно, сопровождали эмиссары халифа и одновременно патриарха Иерусалимского Фомы. Видимо, сразу же по прибытии скончался Радберт, глава франкского посольства. Таким образом миссии на Восток стоили жизни трем именитым путешественникам. Поэтому представитель халифа Абдалла и монахи обители на Элеонской горе Георг и Феликс, с которыми мы уже встречались в 803 году в Баварии и следы которых отмечены в молитвенной книге собора Святого Петра в Зальцбурге, были вынуждены в одиночку отправиться к императору через Альпы.

Рождество 806 года Карл провел в Ахене, где и принял гостей, прибывших с далекого Востока. Имперские анналы и другие свидетельства того времени не в состоянии описать ценность привезенных даров, поэтому их наивное восхищение и изумление по поводу восточных подарков занимают в годичных повествованиях существенное место. Особый энтузиазм вызвал шатер с большим предшатром «из тончайших веревочек и вплетенных в них шнурков». Были еще шелка, «благовония», масла и бальзам. Далее два массивных канделябра из желтой меди и «изумительные, искусно сработанные» часы. Хронист без всякой зависти описывает их техническое совершенство и превосходство перед элементарными хронографами и незатейливыми водяными, песочными и солнечными часами: «Движение стрелки по кругу, размеченному на двенадцать частей, напоминало водя-

ные часы с таким же числом бронзовых шариков, которые с наступлением каждого часа падали вниз и при падении извлекали звуки из подложенной снизу чаши; последняя была собрана с таким же числом всадников, которые с наступлением каждого часа выскакивали из двенадцати окошек, и остававшиеся до того открытыми оконца захлопывались; в этот часовой механизм были вмонтированы и многие другие хитрости, перечислить которые нет никакой возможности».

В регионе, где монастыри для измерения своих «часов» использовали простейшие приспособления, подобное чудо, представлявшее собой технически сложную конструкцию, объединявшую акустические и оптические сигналы, вызывало неописуемое удивление. Видимо, такой же интерес вызвали дорогие водяные часы, которые отец Карла Пипин привез из Рима в 757 году. Между разными культурами, безусловно, существовала видимая и осязаемая разница, которую не всегда и не так легко было преодолевать и отдавать предпочтение традициям Западного полушария, несмотря на убежденность в истинности своей веры.

Анонимный автор так называемых имперских анналов в нарушение утвердившейся традиции начинает свои записи 807 года с описания шести астрономических событий за период времени со 2 сентября прошлого года и до 22 августа 807 года. Это были солнечное затмение 11 февраля, когда в Ахене можно было наблюдать 69,9 процента поверхности светила, и три лунных затмения — 2 сентября 806 года, 26 февраля и 22 августа 807 года. Наблюдавшиеся затмения соответственно были частичные или полные. Кроме того, автор отмечает два особых положения планет: 31 января Юпитер заслонил Луну, а 17 марта Меркурий — Солнце. Современное компьютерное моделирование не оставляет сомнений, что при наблюдении из Ахена 31 января 807 года в 4 часа по средневропейскому времени Юпитер действительно занял положение между Землей и Луной, так что это описание подкрепляется достаточно точной фиксацией увиденного. В связи с указанными наблюдениями в имперских анналах отмечается лишь одно: «Начиная с сентября прошлого до сентября нынешнего года Луна оказалась в зоне затмения трижды, а Солнце — один раз».

Такое положение планет могло породить определенную озбоченность и даже страх перед грядущими бедами и несчастьями, а также тревожным беспорядком в виде погодных аномалий, эпизоотий и голода как подлинных бедствий, которые здесь получили космическое соответствие.

Современники, и прежде всего сам монарх, стремились к должному познанию законов «небесной механики», а также к оценке астрономических данных, не в последнюю очередь в целях безошибочного вычисления каждый год меняющихся христианских праздников, особенно Пасхи. И «тем не менее сохранялась ярко выраженная неуверенность относительно знания крайне важных для летосчисления астрономических сведений» (Дитрих Лорманн). У Алкуина были лунные часы, у Карла — ценный столик с изображением различных небесных орбит. В какой степени в этом ученом кругу поиск богоугодного «порядка» на видимом небе и его законов одновременно определялся атавистическими страхами и робкими гороскопами, тем более во время лунных и солнечных затмений, нам неизвестно. Тем не менее Эйнхард дает понять, что в отличие от античных императоров, которые тщательнейшим образом учитывали «*prodigia*», то есть приметы и предзнаменования, Карл вел себя так, словно все происходившее его ни в коей мере не касалось. Его не могли вывести из себя ни обрушение соединительного перехода между дворцом и кафедральным собором в Ахене, ни пожар на мосту через Рейн близ Майнца, ни удар молнии и падение с лошади. А может, от всех неподобающих спекуляций и интерпретаций Карла хранили не столько его научные устремления, сколько «здравый смысл», которого в нем действительно было более чем достаточно, а также его неколебимая вера в Творца! При этом начиная с 90-х годов монарха все больше стали занимать проблемы астрономии и летосчисления. Хотя в Алкуине, резиденция которого находилась в далеком Туре, монарх встретил доброжелательного собеседника, тот не стал новым *Venerabilis**, что раскрывается в их переписке и подтверждает список вопросов, обсуждавшихся на соборе 809 года. Только знаменитый Дидуил (его ученая деятельность пришлась, правда, на период правления Людовика Благочестивого) был бы в состоянии рассмотреть проблемы того времени на научной основе.

О событиях во внешнеполитической сфере сообщается, что до августа 808 года король Пипин заключил нечто вроде прелиминарного мира, или, другими словами, перемирие с патрицием Никитой, после чего тот покинул адриатическое побережье и отплыл в Константинополь. Так неудачей закончилась франко-италийская попытка подчинить Венецию. К тому же Бсат, брат дожа

*-Достопочтенный (лат.).

Обелира, вернулся в лагуну, причем уже в качестве почетного консула, и незамедлительно подтвердил оборонительный союз с Восточной Римской империей. В конце концов Венеции из экономических соображений было выгодно обрести широкую независимость, которую легче было сохранить под началом относительно далеко находившегося императора на Босфоре, чем испытывая давление в непосредственной близости со стороны преемника лангобардских королей.

Кроме того, возобновились распри с сарацинами вокруг Корсики, которые после кровопролитных боев за Сардинию вновь устремились на этот остров, устроив в корсиканской гавани серьезное столкновение с маршалом Бурхардом. После не очень успешной операции годом раньше маршал при поддержке флота Пипина направился на защиту острова, и на этот раз удача была на его стороне: мавры потеряли тринадцать кораблей.

Понесся большие потери в живой силе, они были вынуждены отступить. Мавры вроде бы раскаялись в своей атаке на остров Пантеллерия и продаже бедных монахов. Сам Карл настолько высоко оценил достигнутый успех, что поставил об этом в известность понтифика. Папа, однако, указал лишь на придающий силу апостолов Петра и Павла (и еще императора!) да отправил к императору своего прелата, который «скороговоркой» изложил пожелания церкви, то есть напомнил о правовых и имущественных притязаниях Рима на части Корсики, если вообще не на весь остров.

Сообщая о внутренней политике на протяжении 807 года, хронист говорит лишь о традиционном пребывании своего господина на Пасху и Рождество в Ахене, месте совместного пребывания и интимного общения на водах, средоточии учености, дискуссий и поэзии. Вместе с тем с Ахена начинались многочисленные охотничьи маршруты, поэтический резонанс которых прослеживался в так называемом имперском эпосе. Между прочим, раньше этот эпос связывали непосредственно со встречей короля с папой в 799 году в Падерборне.

28 апреля из императорской канцелярии поступила грамота, адресованная монастырю Прюм. Речь шла о передаче владения вследствие осуждения графским судом некоего Годаберта, которому было предъявлено обвинение в кровосмешении и прочих прегрешениях. Отошедшие теперь к монастырю Прюм земли когда-то были получены этим злодеем от самого Карла. Постановление подтверждает, что запрещение инцеста, о котором вновь и вновь упоминалось еще со времен Пипина на соборах и затем в

капитуляциях его сына, могло повлечь за собой в случае нарушения весьма чувствительные санкции. В данном случае в выигрыше было аббатство, с которым правителя связывали особо тесные отношения.

СОЛНЕЧНЫЕ И ЛУННЫЕ ЗАТМЕНИЯ В КОНЦЕ ПРАВЛЕНИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Место наблюдения — Ахен

Небесное тело	Дата по юлианскому календарю	Местное время в Ахене	Характер затмения (полное или частичное, %)	Видимость
Солнце	16 сентября 806 года	3 час. 58 мин.	9,1 процента	невидимо
Солнце	11 февраля 807 года	12 час. 57 мин.	68,9 процента	видимо
Солнце	16 июля 809 года	11 час. 46 мин.	58,2 процента	видимо
Солнце	30 ноября 810 года	12 час. 32 мин.	полное	видимо
Солнце	19 ноября 811 года	23 час. 47 мин.	44,9 процента	невидимо
Солнце	14 мая 812 года	14 час. 34 мин.	50,5 процента	видимо
Солнце	4 мая 813 года	5 час. 21 мин.	94,6 процента	видимо
Солнце	17 сентября 814 года	15 час. 34 мин.	60,0 процента	видимо
Луна	8 марта 806 года	13 час. 22 мин.	полное	невидимо
Луна	2 сентября 806 года	0 час. 16 мин.	полное	видимо
Луна	26 февраля 807 года	4 час. 25 мин.	полное	видимо
Луна	22 августа 807 года	0 час. 27 мин.	98,9 процента	видимо
Луна	17 января 808 года	9 час. 46 мин.	полутень	невидимо
Луна	15 февраля 808 года	20 час. 36 мин.	полутень	видимо
Луна	11 июля 808 года	15 час. 14 мин.	полутень	невидимо
Луна	10 августа 808 года	2 час. 56 мин.	полутень	видимо
Луна	5 января 809 года	18 час. 49 мин.	7,9 процента	видимо
Луна	1 июля 809 года	4 час. 25 мин.	52,5 процента	видимо
Луна	25 декабря 809 года	20 час. 36 мин.	полное	видимо
Луна	20 июня 810 года	21 час. 28 мин.	полное	видимо
Луна	14 декабря 810 года	19 час. 42 мин.	полное	видимо
Луна	10 июня 811 года	13 час. 41 мин.	34,1 процента	невидимо
Луна	3 декабря 811 года	23 час. 39 мин.	полутень	видимо
Луна	30 апреля 812 года	12 час. 00 мин.	полутень	невидимо
Луна	24 октября 812 года	0 час. 10 мин.	2,3 процента	видимо
Луна	19 апреля 813 года	13 час. 05 мин.	полное	невидимо
Луна	13 октября 813 года	16 час. 08 мин.	полное	невидимо
Луна	8 апреля 814 года	14 час. 39 мин.	полное	невидимо
Луна	3 октября 814 года	5 час. 13 мин.	полное	видимо

Заимствовано из источника: Х.М. Катенкамп

ВНУТРЕННИЕ РЕФОРМЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА 808—811 ГОДЫ

ИМПЕРСКОЕ СОБРАНИЕ В ИНГЕЛЬГЕЙМЕ-НА-РЕЙНЕ

В самом конце весны император вновь отправился в свой пфальц Ингельгейм-на-Рейне. Здесь 7 августа он официально удостоверил договор между вюрцбургской церковью и графом Аудульфом. Сделка представляла собой обмен храмами вместе со всеми культовыми предметами. Один из этих храмов являлся бенефицием графа, передача которого или обмен церковным владением зависели от согласия на то короля, тем более что остальные казенные владения графства, остававшиеся в руках священнослужителя (как сына бывшего владельца), составляли предмет обмена. И вновь видна чрезвычайная тщательность, с какой Карл отслеживал раздачу и передачу казенных владений вместе с церковной собственностью, а также важность для него принципа компенсационного урегулирования. Таким образом Карл сохранял свой экономический базис, пресекая расхищение казенного имущества, хотя иногда, как в случае с Прюмом, он превращал меры наказания в благодеяния для религиозных институтов.

В пфальце Ингельгейм-на-Рейне в его вместительном зале состоялся всеобщий рейхстаг, в рамках которого аристократия и особенно церковные сановники преподносили ежегодные дары, имевшие не только культовую ценность. Монарх возложил на собравшихся «обязанность проявлять заботу о правосудии (справедливости) в его королевстве», как свидетельствуют обычно хорошо информированные анналы южнофранцузского монастыря Муасак. Эта забота о правосудии во имя справедливости особенно активно проявляется в последние годы правления Карла, пронизывая буквально все его действия. Написанное примерно в 798 году стихотворение Теодульфа Орлеанского «Против судей» является суровым доказательством их предвзятости и продажности на фоне поверхностных знаний правовой материи и общеизвестных процессуальных затяжек. Послание Алкуина архиепископу Арну Зальцбургскому, в своей митрополии назначенному королевским эмиссаром и тем самым получившему право контролировать графов,

судей и епископов, откровенными ссылками на коррупцию и кумовство срывает покров с нередких случаев исполнения обязанностей теми императорскими «администраторами», которые игнорировали служение в интересах всеобщего благосостояния.

Возможно, подобные деликты частично объясняются неодинаковым уровнем собственности между легитимными частными интересами семьи и объективными требованиями исполнения служебных обязанностей. Однако не вызывает ни малейших сомнений, что коррупция глубоко потрясала и без того хрупкие основы правопорядка. Задачам правовой защиты и правового обеспечения еще не соответствовала лабильная система «помощи», опиравшаяся именно на те круги, интересы которых переплетались на имущественной и родственной основе и которых, возможно, только в малой степени волновала объективная оценка соответствующего положения вещей, что способствовало патронажу, растратам и просто отказу суда от правовой защиты. Для высокоранжированных королевских эмиссаров исключение не делалось. Эта эрозия ростков государственности как самостоятельной сферы, видимо, получила импульс в последнее десятилетие правления Карла после победы над аварами, которая в результате ограбления известного «кольца» пополнила дарами королевскую казну. Конкурирующие друг с другом аристократия и церковь, лишившись выхода вовне, подчинили себе «государство» изнутри и впредь стали рассматривать его как доставшийся им трофей.

Это забвение права проявлялось и в королевском суде. «Так, какой-нибудь представитель аристократии мог... похвастать: “Когда в пфальце мне предъявляют иск, у меня там всегда есть свои правозаступники. Там у меня сколько угодно сродников и друзей, которые, без сомнения, все так устроят, чтобы избежать гнева монарха”».

Жизнеописание Валы, брата аббата Корби Адаларда и, следовательно, кузена императора, повествует о невероятном уголовном деле в Италии, ставшем предметом расследования с участием Валы при дворе: истица — вдова явно не из самого низкого сословия была лишена своего владения судьей, который, собственно говоря, должен был управлять этой собственностью от ее имени. Иск вдовы, направленный самому императору, поначалу окончился ничем, так же как и разбирательство на месте. Когда пострадавшая решительно добивалась понимания при дворе, с ней расправились наемные убийцы, причем последних как

свидетелей совершенного преступления постигла та же участь. Лишь с большим трудом, преодолевая упорное сопротивление покровителей разбойника и подстрекателей к убийству, Вале удалось раскрыть заговор и довести это судебное дело до успешного завершения, что, кстати сказать, стало возможным благодаря его высокому положению и не вызывавшей ни у кого сомнения честности.

Таким образом, согласно нашим источникам, жертвами политического, военного и экономического давления оказались часть свободного населения и бедняки, попавшие в полную зависимость от аристократии. Они во все большей степени вместе со своими земельными участками интегрировались в сеньериальную систему жизни и труда, дававшую право распоряжаться землей и обрабатывающими ее людьми. Народ, понимаемый как совокупность сторонников короля и императора и связанный с ним клятвой верности, фактически оказался отстраненным от власти, в результате чего особенно воинский призыв во все большей степени вступал в противоречие с собственными интересами аристократов в администрации и обществе. Мало что или вообще ничего не могли изменить в этом ни угрозы наказания, ни духовные покаяния, ни постоянные увещания, обращенные к королевским эмиссарам и графам. Окончание экспансии невольно привело к усилению центробежных тенденций. По крайней мере на востоке границы империи проходили по Эльбе и Заале. Во все большей степени стали проявляться внутренние противоречия. Нацеленная на умиротворение и компромисс политика Карла в начале нового столетия — это следствие, говоря современным языком, смены парадигмы извне вовнутрь.

Слой средних землевладельцев тоже относился к потребностям королевства выжидательно и даже отрицательно. В одном капитулярии (летом 807 года), очевидно, в связи с обрушившимся на страну голодом, никак не отмеченным в источниках, Карл напоминает всем бенефициариям об их воинской обязанности и излагает детальные квоты и правила призыва, в которых проводится различие между мелкими землевладельцами и «нормальными» крестьянами. Свободные крестьяне, владеющие более чем тремя и не более пятью дворами, согласно установленным правилам, обязаны участвовать в военных походах. При числе дворов менее трех контингент призываемых составляется из менее имущих. Так примерно (число «три» рассматривается как исходное)

шесть владельцев на полдвора сводятся в одну расчетную единицу. «Тот же, кто оказывается настолько бедным, что не обладает ни батраками, ни собственной землей, обязан отчислить один шиллинг». Тем самым к владельцу шестого двора поступают пять шиллингов как базовая сумма для экипировки одного воина во исполнение воинской обязанности.

Хотя в 807 году не было никаких военных походов, предписывается, чтобы «верные нам «капитаны» до середины августа собрались на Рейне вместе со своими людьми, повозками и дарами на объявленный смотр». Для этого королевские эмиссары в своих регионах должны призвать вассалов и обеспечить необходимое пополнение согласно повелению монарха. Неуверенность в отношении числа участников, по-видимому, возрастала вместе с неодобрительным отношением к военным походам вообще.

Характер предания позволяет говорить еще об одном тексте того же года. Судя по всему, он появился также на этом имперском собрании в Ингельгейме-на-Рейне. Речь идет о соблюдении сроков судебного разбирательства, ибо графы, очевидно, вместо того чтобы явиться в суд, предпочли охоту и прочие развлечения. В документе говорится, что им следует брать пример с королевского суда. И вновь главным в постановлении является вопрос о военном призыве, ибо разногласия возникли, по-видимому, насчет участия фриз и саксов. Поэтому император разъяснил, что при подготовке экспедиций в Испанию и в земли аваров мобильные призывные группы в составе шести саксов должны выделить из своей среды одного «призывника» и соответственно экипировать его. Если же речь идет о походах против их непосредственных соседей, встать на защиту своего отечества обязан каждый без исключения.

В отношении фриз в тексте говорится, что на военные смотры-парады графы, королевские вассалы и все кавалеристы должны являться во всеоружии, в то время как остальные воины, то есть пехотинцы, обязаны выделять опять-таки одного из шести предполагаемых призывников. Видимо, такой строго дифференцированный количественный и качественный призыв в соответствии с имущественным статусом и удаленностью смотров был тогда нормой. Ополчения в классическом смысле слова не существовало. Данные о 35 000 конников и 100 000 пехотинцев, якобы имевшихся в распоряжении Карла, представляются откровенным вымыслом. Даже если бы эти цифры были столь значительны,

подобный призыв вступил бы в непримиримое противоречие с принципами структуры командования, военного обеспечения и характера военных действий того времени. «Международное» войско, появившееся в июле 1099 года у стен Иерусалима, по достоверным данным, насчитывало не более 1300 или 1500 кавалеристов и 22 000 пехотинцев вместе с обозом.

Далее этот важный капитулярий как бы ревизует реальное состояние королевских бенефициев, главным образом поместий. Осуществляется их инвентаризация и подвергается контролю состояние от погреба до крыши, включая освещение. Как и в Нимвегенском капитулярии, указывается на запрет из прекариев делать аллоды, а арендуемую землю считать своей собственной. С этим увязываются доходы и дополнительные прибыли бенефициев, которые фиксируются в специальном перечне и через королевских эмиссаров направляются в королевский двор и еще викарию соответствующего графа. Кроме того, все пользующиеся привилегиями обязаны докладывать, «чтобы мы знали, кто они и как обстоит дело с их бенефициями». Еще один деликатный момент касался выяснения, какие участки земли в лучшем состоянии — арендованные или владения на правах собственности: «Дело в том, что нам стало известно: некоторые вассалы, забросив бенефиции, обновляют свои аллодиальные владения». Эта жалоба прозвучала уже в 789 году и только в 802 году получила отражение в королевских указах.

Указанным капитуляриям созвучно напоминающее поручение послание императора своему сыну Пипину, королю Италийскому, который также обличает безобразия, связанные с противоправным притеснением свободных крестьян и церквей герцогами, гастралдами, судьями и прочими сановниками, типа сокольничих и егерей, в своих районах претендовавших на постой и пристяжную лошадь. Они наносили немалый ущерб храмам и монастырям, требуя для себя мяса и вина, одновременно подчиняя их своей власти. Карл призывает сына покончить с этими безобразиями во имя восстановления «мира церквей» и тех, кто им служит, а также на благо спасения души тех и других. Кроме того, правитель повелевает «официально ввести в действие и обнародовать» добавленные в 803 году к законам лангобардов главы, чтобы упредить «ваше и наше возражение» насчет того, что данные предписания изданы в нарушение правовой формы и потому недействительны. В соответствии с этим за убийство сво-

боднорожденного священнослужителя полагается тройной выкуп (вергельд), также тройной штраф предусматривается за нанесенное телесное повреждение. Даже по другую сторону Альп человек, имевший священнический сан, в этом архаичном обществе часто оставался беззащитным и уязвимым.

ВЕНЕЦИЯ И РИМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФРАНКОВ

Перед лицом явного превосходства Византии на море король Пипин до августа 808 года был вынужден поддерживать перемирие с командующим Адриатическим флотом Восточной Римской империи Ницетасием. Но даже несмотря на отсутствие собственного флота в Западной Адриатике, позиции франков в этом регионе были крайне слабыми еще потому, что олигархии в торговых центрах ориентировались на Византию. Несмотря на все усилия Карла (и Пипина), империя франков оставалась «сухопутной державой».

И в остальном дела на юге складывались для императора не лучшим образом. Если судить по двум посланиям папы Льва III, отправленным Карлу в конце марта и в конце апреля 808 года, уже годом раньше выявились разногласия между римским понтификом и королем Пипином. Они касались как охраны побережья от пиратов-сарацинов, так и требований Римской церкви о реституции патримониев на острове Корсика, побережье которой было освобождено лишь мавританским флотом.

На эти патримонии папа Адриан I обратил внимание короля франков еще в 778 году. Опять же судя по переписке с папой, возможно, еще в конце 807 года Карл направил в Рим миротворческую миссию в составе высокопоставленных деятелей, среди них были граф Гельмгауд, которого Карл еще в 802 году вместе с епископом Амьенским Иессе послал к императрице Ирине, и граф Гунфрид, первый сановник недавно включенного в так называемое Каролингское графство швейцарского кантона Граубюнден с центром Кур, в результате чего было покончено с единоличным (епископским) правлением Викторидов. Получив мандат своего господина императора, эмиссары дали понять папе, что не исключена возможность его встречи с королем Пипином во время поста 26 марта 808 года. Однако король не долго думая отверг эту дату и перенес встречу на 16 апреля, то есть уже после Пасхи. Но

и этот срок соблюсти не удалось, ибо, согласно новой инструкции Карла, эмиссары направились к королю Пипину, чтобы договориться с ним о более подходящем месте встречи. Таковым, по-видимому, едва ли мог быть Рим.

Император решил не пускать дело на самотек и, судя по всему, стал лично контролировать все детали этой дипломатической инициативы, прежде всего время и место встречи, от которых в значительной степени зависели ход переговоров и характер принимаемых решений. Наверное, Карлу припомнился собственный опыт, приобретенный им самим несколько лет и даже десятилетий назад на могилах апостолов, у гробницы апостола Петра. Наверное, монарх не мог не погрузиться в воспоминания о мистическо-сакральной ауре того места, которое по крайней мере помогло пойти на столь серьезный для его сознания компромисс. Намеченная встреча закончилась ничем. А папа, как и прежде, был вынужден обращаться к императору за советом и поддержкой для себя и для короля. Политические полномочия «промежуточной власти» однозначно определялись волей императора, их отца и господина, особенно в «римских» делах. Сам вопрос о реституции патримониев на Корсике так и не сдвинулся с места. Королевские эмиссары через Равенну вернулись домой. По свидетельству папских источников, которые прямо источают неприязнь к древнему экзаршему городу, эмиссары стали якобы свидетелями «постыдных действий» со стороны архиепископа во время трапезы в Вербное воскресенье. Видимо, местный архипастырь стал откровенно агитировать против святого отца и его амбиций в отношении Равенны.

Рождество 807 года и Пасху 808 года Карл по традиции провел в Ахене. По свидетельству хрониста, зима выдалась более чем мягкая, что стало благоприятной питательной почвой для возникновения разных эпидемий. Эти природные наблюдения опять-таки дают объективные объяснения вопиющих проблем со снабжением. Первое десятилетие нового миллениума было отмечено обнищанием широких масс населения. Социально-экономическое давление на свободное крестьянство возрастало, и одновременно сокращался военно-политический потенциал монарха, что ограничивало свободу его действий.

С наступлением весны 808 года император вновь отправился в Нимвеген, где провел предпасхальное время, прежде чем снова вернуться в Ахен на праздник Воскресения Христова.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СОБЫТИЯ НА БРИТАНСКИХ ОСТРОВАХ

Еще будучи в Нимвегене, Карлу пришлось заниматься судьбой изгнанного короля Северной Умбрии Эдвульфа, который, согласно одному посланию папы, относился к числу преданных своему императору. В 796 году Эдвульф стал преемником Этельреда. Так называемые анналы Линдисфэрне даже утверждают, что король в следующем году взял в жены дочь Карла. Это, разумеется, ложное утверждение, однако речь могла идти о какой-то франкской аристократке. Тогда советник Карла — англосакс Алкуин переписывался с соотечественником королевского звания и затем сообщил, что тот, как и все «короли шотландцев», под воздействием щедрости Карла согласился стать его подданным и рабом.

Алкуин вновь дал волю своему дидактико-педагогическому таланту и переправил королю (и соотечественнику) с целью ознакомления своего рода кодекс поведения, правда, без особого успеха. Эдвульф супруге предпочел наложницу, из-за чего разгорелся спор с архиепископом Йоркским. После смерти Алкуина в 804 году контакт оборвался. Король был вынужден бежать, но в начале 808 года он объявился в Нимвегене, чтобы поведать императору о своем бедственном положении. В свою очередь, Карл поставил в известность об этих событиях папу, который для изучения вопроса отправил на остров своего легата. Тот также сделал промежуточную остановку при дворе, а потом был с почетом препровожден на судно для переправы на другой берег. Несмотря на договоренность, папский легат на обратном пути не появился больше у императора, равно как и приданный ему человек от архиепископа Йоркского.

Видимо, неспроста Карл почувствовал, что против него плетется какая-то интрига, — до его сознания дошло, что Льву III, наверное, важно было сыграть на опережение в смысле обладания информацией в столь деликатном деле, при рассмотрении которого Святейший престол желал играть первую скрипку. Понтифику пришлось использовать все средства, чтобы рассеять сомнения правителя франков. Поэтому папа счел уместным предоставить своему союзнику «в оригинале» всю информацию, полученную по данному вопросу непосредственно из Англии, да еще сопровождал это просьбой вернуть все отправленные из Рима документы. Одновременно понтифик извинился за неподобающее

поведение легата, плохо ориентировавшегося в окружающем мире. Согласно нашему надежному источнику, столь странный инцидент разрешился таким образом, что примерно в конце того года представители папы и императора (среди них называют нотариуса Ротфида, который, будучи аббатом влиятельного фландрского монастыря Святого Арманда, скончался в 827 году) «возвратили изгнанного короля в его королевство».

Джон Майкл Уэллис-Хэдрил, крупный знаток раннего этапа истории средневековья не только Британских островов, выдвинул серьезную гипотезу о том, что король франков видел в Эдвульфе не столько «преданного и верного» себе, как доказывает Эйнхард, сколько прежде всего «помазанника Господня», члена семьи королей, которому он обязан был помочь из чувства солидарности. Впрочем, восстановление изгнанного короля в правах было следствием главным образом демарша папы перед архиепископом Йоркским, а не проявления «мощного слова» Карла. Тем не менее в этом эпизоде не в последнюю очередь проявляется влияние императора франкского и императора христианского, который, за исключением Беневенто и Астурии, владел всей Западной ойкуменой континента, разумеется, с неодинаковой степенью воздействия на жизнь его народов.

РЕФОРМАТОРСКИЕ КАПИТУЛЯРИИ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПЕРИОДА

В противоположность относительно спокойствию во внешней политике в эти годы заявил о себе целый поток капитуляриев, посвященных внутренним делам. Число их, согласно все еще сохраняющему свою достоверность источнику *Monumenta Germaniae Historica**, составило целых тридцать пять, хотя, разумеется, все издания поддаются четкому датированию.

Именно эта сплошная полоса законодательных и административных мер убеждает потомков в распаде империи Карла на ее конечном этапе существования, в то время как многое фактически указывает на то, что только в ослаблении внешнеполитических военных устремлений император вновь обретает силы для того, чтобы беспощадно вскрывать давно уже обнажившиеся неурядицы и настаивать на их устранении. Это касалось управле-

* Воспоминания германского историка (лат.).

ния, прежде всего правосудия и военной сферы, но также обширной области церковных и вообще религиозных отношений, затрагивавших фундаментальные аспекты христианского сообщества, образа жизни и морали, а также ответственности монарха в потустороннем мире.

И вновь в монарших указах рассматриваются вопросы воинского призыва, отлучения в случае сознательного неисполнения воинской повинности. Судя по всему, особенно трудно было побудить к участию в воинском призыве «придомных» вассалов графов, епископов и аббатов, а также самого монарха, ибо они приводили в свое оправдание, как правило, «служебные» обязанности при соответствующем дворе. Еще одна проблема была связана с выкупом этих обязанностей, который, с одной стороны, означал желанное обогащение графов и их управляющих, а с другой — часто оборачивался своего рода двойным бременем, поскольку с тех, кто уже внес свою долю на вооружение и экипировку воина, вновь требовали выкупные платежи.

Новая система воинского призыва показалась императору настолько значительной, что он распорядился изготовить не менее четырех экземпляров соответствующего постановления: один предназначался для королевских эмиссаров как контролирующей инстанции, второй — для графов на исполнительном уровне, третий — для чиновников, отвечавших за соответствующий воинский контингент, и, наконец, один экземпляр для канцлера. Этот дифференцированный процесс письменного распределения обязанностей франкской администрации на центральном этапе правления династии Каролингов потребовал, по крайней мере в северо-восточной части огромной империи, резкого повышения элементарной грамотности — чтения и понимания латыни как *Lingua franca**, в то время как прежде письменные навыки долгое время оставались уделом специалистов. Сам Карл, предпринимая соответствующие усилия, служил примером для своих современников, о чем нередко упоминалось в разных источниках.

Многочисленные предписания тех лет, вновь связанные с необъятной сферой юриспруденции, судопроизводства и справедливости в широком смысле слова, решительно отвергают лжесвидетельство, клятвопреступление, а также самосуд, который должно исключать путем общепринятой процедуры и уплаты выкупа (вергельда).

* Наречие франков (лат.).

Обращается внимание на разбойников и лиц, скрывающихся от суда и следствия; упоминаются волнения в обществе, которые неизменно вновь и вновь подавляются. Вместе с тем впечатляют положения об охране побережья и строительстве судов. Это свидетельствует о неожиданном появлении в то время на боеспособных быстроходных судах норманнов из Скандинавии, наводивших страх своими набегами на селившихся в нижнем течении таких крупных рек, как Рейн, Маас, Шельда, Сена и Луара. Также встречаются списки жалоб на притеснение людей, приписанных к сыновьям и дочерям Карла, со стороны графов и королевских эмиссаров (!). Окончание экспансии привело к тому, что во всех областях обострилась конкуренция элит, для которых мало что значили интересы королевства.

Под рубрикой «О мире в отечестве» упоминается широко распространенное фальшивомонетничество. Предотвратить или ограничить его можно только в том случае, если пускать в обращение отчеканенные при дворе пфенниги, которые тогда именовались «дворцовыми денариями». Правда, монопольного положения королевские монетные дворы добиться не смогли ввиду обширности империи, отсутствия общепризнанной денежной единицы и множества конкурентов в борьбе за доход от чеканки денег. Впрочем, строгое соблюдение этого предписания оказалось бы контрпродуктивным и нанесло бы торговле в целом серьезный урон. Зато в сложившейся ситуации удалось отчеканить новый денарий весом 1,7 г серебра и таким образом обзавестись монетой, получившей распространение на всей территории империи франков, несмотря на незначительные колебания в весе и огромное число монетных дворов к западу от Рейна и к югу от Альп. Как уже говорилось выше, этот денарий стал «евро» эпохи средневековья.

Борьба с подделкой монет, за которую фальшивомонетчику отрубали правую руку, сочеталась с регулирующими вмешательствами в торговые операции, которые представляли собой нечто среднее между предложениями «черного рынка» и откровенным мошенничеством. Так, например, запрещалось торговать ночью чем-либо, кроме продовольственных товаров и фуража. Категорически возбранялось выставять на продажу золотые и серебряные сосуды, драгоценные камни, рабов, лошадей и животных. Видимо, эти меры были призваны исключить последующие многочисленные споры о предметах, приобретенных в полумраке.

Также императору хотелось сохранить за собой право устанавливать максимально высокие цены на одежду, мех куницы и выдры, подобно тому как однажды он согласовывал с королем Оффой уровень цен на теплую одежду, а также договаривался о ее допустимой длине. Из этих предписаний, безусловно, нельзя делать вывод о глубоком понимании Карлом и его советниками вопросов экономики.

Стародавние церковные нравоучения и предписания мешали пониманию глубинных закономерностей торговли, и эта дилемма в перспективе не могла не оказать отрицательного воздействия на общее развитие экономических процессов. Равным образом запрет на введение новых пошлин или новых дорожных сборов доказывает, что экономика в основном рассматривается как статичная сфера, находящаяся под чьим-либо покровительством, а не как экспансивный сектор с дополнительными возможностями для фискальных доходов.

Обширное место в капитуляриях отводится беглым крепостным, на возвращении которых настаивают их хозяева или которые вынуждены покинуть двор, поскольку в результате их хозяин получает возможность уклониться от требования о возмещении ущерба со стороны третьих лиц в связи с совершенными злодеяниями. И вновь к графам обращено увещевание не притеснять свободных крестьян и не требовать от них неправомερных услуг, за исключением, пожалуй, службы королю и воинского призыва. От них ожидается знание законов, сообразно которым они обязаны действовать, чтобы никто не подвергся недопустимому обхождению и чтобы закон не стал предметом самовольного изменения.

С тех давно минувших времен до нас дошел письменный запрос одного королевского эмиссара, пытавшегося составить определенное мнение по некоторым правовым вопросам. Во главе его списка — проблемы взимания пошлины и вопрос о правовом статусе детей, родившихся от брачных уз холопов и крепостных со свободными женщинами. Эти «*fransa*» или «*colona*» являлись составной частью сеньериальной власти, статус которых по происхождению (когда-то они считались свободными крестьянками) был несравним с положением закрепленных за хозяйственным двором служанок. Далее следует характерное правовое разъяснение, что на территории империи существуют только «свободные или холопы». Поскольку «*colona*» фактически же не свободны, так как сохраняют статус зависимых крестьян.

Реальное положение все больше определяется правовым качеством двора как хозяйственной единицы, а не изначальным личным статусом. Прочие вопросы определяются принадлежностью лиц, рожденных от связи холопа с «colona», которые, в свою очередь, привязаны к разным господам. Вместо конкретного решения следует рекомендация: «Разбирайтесь и поступайте исходя из того, что нет никого, кроме свободного и холопа».

Также обсуждается и репрессивно ограничивается правовая возможность отпускной процедуры: если лица, претендующие на получение отпускной грамоты, рождены холопом и свободной женщиной, это должно происходить в присутствии их господина; если же они появились на свет после его смерти, то остаются несвободными, как и их родной отец. Законодатель вовсе не способствует появлению таких мезальянсов, скорее, они должны оставаться исключением. Так, холоп не имеет права доказывать перед судом шеффенов подлинность своей отпускной грамоты, в то время как господину предоставляется шанс, «если он это может», доказывать, что соответствующий документ сфальсифицирован, чтобы вновь стать обладателем холопа.

Наконец, встречается констатация положения об отказе от подчинения епископов, аббатов и других представителей знати, не желающих признавать вердикт суда королевских эмиссаров или даже игнорирующих обязанность своего появления при дворе. В этом случае их имена должны фиксироваться и доводиться до сведения императора. Надежда на улучшение положения связана с увещанием королевских эмиссаров, которое по своему эмоциональному настрою представляет смесь отчаяния и уверенности: «Мы также приказываем нашим эмиссарам делать то, что многие годы повелевали делать в наших капитуляриях на территории всей нашей империи — учиться, соблюдать и обращать в навык то, что они сейчас тщательно познают и стараются обновить к нашей пользе и ко благу всех христианских людей, по мере возможности оценивая приобретенный опыт и доводя его до совершенства. И пусть они ежегодно извещают нас, кто хотел бы исполнить в этих благих трудах благодарение, воспринятое Богом и нами. А кто проявит небрежение, против того будут приняты меры наказания, сообразные степени небрежения, дабы это другим страхом обернулось». Очевидно, что данное предостережение оказалось тупым оружием в борьбе за учреждение порядка и справедливости.

ДАТСКИЙ КОРОЛЬ ГОТФРИД И ВОЛНЕНИЯ НА СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ

Между тем на севере империи франков назревали определенные события: в лице датского короля Готфрида на горизонте вновь появился противник, который стал угрожать подрывом с таким трудом отлаженной политики взаимопонимания с саксами. Не случайно, что последний раздел своей «военной главы» биографии Карла Эйнхард посвящает конфликту франков с норманнами, которые вначале занимались морским пиратством, а потом, используя огромную флотилию, принялись опустошать побережье Галлии и Германии. Если верить Эйнхарду, датчанин Готфрид страдал манией величия. Так, он объявил Саксонию и Фрисландию своими провинциями и даже стал готовиться к военной экспедиции против Ахена. Это был своего рода пролог драмы викингов всего IX столетия.

Вначале Готфрид, причалив к побережью, напал на ободритов, языческих союзников франков на другом берегу Эльбы, вождь которых Дражко характеризуется в анналах Лорша даже как «вассал господина короля». Это нисколько не противоречило фактам, ибо по окончании войны с саксами в 804 году Карл передал земли разбитых трансалбингеров их непосредственным соседям. Несмотря на военные успехи, войска датчан были рассеяны и вскоре агрессор был вынужден снова отступить. Среди погибших оказался и брат короля — Регинальд, однако датчанам удалось занять несколько славянских укрепленных пунктов. Кроме того, они обратили в бегство князя Дражко и взяли в плен еще одного предводителя, которого вздернули на виселицу. При поддержке вильцев, заклятых врагов ободритов, этот регион продолжал платить Готфриду дань.

Прежде чем вернуться в Данию, Готфрид разорил еще один торговый пункт, Рерик, а тамошний купеческий люд, хотя они предлагали ему серьезное отступное, норманны увели с собой, возможно, в Шлезвиг на реке Шлей, а скорее всего в Гансхабу на противоположном берегу, который тем самым приобрел еще большее значение как перевалочный пункт в отношениях между Северным и Балтийским морями. Рерик был расположен на землях ободритов, неподалеку от главной крепости Мекленбург. Недавние раскопки доказали существование канувшего в Лету Рерика, находившегося, несомненно, вблизи Гросштрёмкендорфа, примыкавшего к Висмарской бухте. Современные исследователи

полагают, что погибший торговый центр представлял собой мультиэтнический торговый порт на побережье Балтийского моря и, таким образом, относился к тому же типу поселений, что и Бирка на озере Меларен в Швеции или Старая Ладога.

В Шлезвиге Готфрид принял решение построить так называемый Даневерк (пограничный вал) для укрепления границы в южном направлении. Это сооружение представляло собой как бы «засов» между Северным и Балтийским морями, расположенный на северном берегу реки Эйдер (в Шлезвиг-Голштинии), перекрывавший доступ в Ютландию между реками Шлей и Эйдер. Вытянутая искусственная граница состояла из нескольких участков в виде могучих земляных валов, частично укрепленных деревянными палисадами, а впоследствии замененных на стены из булыжника и рвы. Граница представляла собой сплошную линию и прерывалась там, где ставили ворота для проезда. Состоявшую из трех валов старейшую систему можно датировать 737 годом. Вторая очередь строительства, возможно, основного вала, осуществлялась при Готфриде. А третий этап по укреплению и усовершенствованию этих сооружений приходится на период напряженности датско-франкских отношений примерно в 968 году.

Получив эти сообщения с другого берега Эльбы, Карл среагировал незамедлительно, ибо подобное развитие событий могло иметь серьезные последствия для империи в бассейне Эльбы и за его пределами. В район «мокрой границы» монарх направил своего уже испытанного в военных походах сына Карла с сильным воинским контингентом, состоявшим из франков и саксов. Перед ними была поставлена задача «оказать сопротивление безумному королю, если тот вздумает напасть на саксонскую границу». Когда Карл добрался до Нижней Эльбы, Готфрид после кровопролитных столкновений, вероятно, уже стал отступать. Однако вместо того чтобы ограничиться боевым охранением, король велел навести переправу через Эльбу. Оказавшись на другом берегу реки, войска опустошили земли линонов и смелдингов, племен, населявших земли близ Эльбы между ободритами и вильцами. Затем якобы без потерь Карл вернулся на земли саксов. Фактически же эта кампания успеха не имела. Кроме того, в ходе ее погибло немало франков. В итоге не получилось умиротворения племен, которые из неприязни к ободритам предпочли примкнуть к датчанам, не удалось приобрести и союзников для заключения нового пакта. Эта военно-политическая неудача, видимо,

усилила недовольство, которое вызвали воинский призыв и его осуществление с помощью суровых штрафов.

Безуспешность этой военной операции нашла отражение в монаршем приказе, написанном после возвращения войск в конце года, о создании двух укрепленных пунктов на другом берегу Эльбы. С определенной долей уверенности можно утверждать, что одним из них был Хобуки, который, несмотря на сопротивление монаршего эмиссара и восточносаксонского отряда, был захвачен и разрушен вильцами. О втором пограничном укреплении ничего не известно. Даже Эйнхард два десятилетия спустя вынужден признать, что вовсе не военные успехи франко-саксонских отрядов стали временным заслоном для угрозы вторжения норманнов, а насильственное устранение воинственного и надменного короля датчан одним из его «сателлитов».

Насколько опасным было плавание в Северном море, из-за того что в нем пиратствовали норманны, датчане или викинги, видно из свидетельства о возвращении изгнанного из Северной Умбрии короля Эдвульфа, в ходе которого римский диакон Адульф на обратном пути попал в руки пиратов. Они вновь переправили его на остров, где диакон был выкуплен одним из дружинников восстановленного в своем монаршем достоинстве правителя. Эта история дает также пример широко распространенной в ту эпоху работорговли.

Хронист завершает свое годичное свидетельство стереотипным замечанием, что Рождество 808 года и Пасху 809 года император провел в Ахене.

ПОЛИТИКА, ПРОВОДИМАЯ ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ АЛЬП И ПИРЕНЕЕВ, А ТАКЖЕ НА ДРУГОМ БЕРЕГУ ЭЛЬБЫ

В водах Адриатики по истечении перемирия в августе 808 года возобновился военный конфликт между греками и франками. Византийская флотилия, появившаяся вначале у Далматского побережья, а потом бросившая якорь в Венеции, проверила свою боеспособность на расположенном к югу от Венеции торговом центре Комачо, впоследствии непримиримом конкуренте Серениссимы, который долгое время пользовался расположением правителя франков. Тем не менее соединение кораблей было обращено в бегство и вернулось в Венецию. Как и его предшествен-

ник, этот командующий византийской флотилией тоже добивался согласия с королем Пипином, чему, однако, помешала жесткая позиция дождей, пытавшихся извлечь для себя максимальную политическую выгоду из напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Между тем этой опасной игре вскоре было суждено закончиться, поскольку деятельный император Никифор, который решительно противился стремлению Карла добиться признания как кесаря Запада, устремил взгляд на Балканы, где пытался по мере сил воспрепятствовать продвижению паннонских болгар на юг. Под началом своего вождя Крума болгарам уже удалось разрушить пограничное укрепление Сердику. На восточном же фланге для византийцев напряженность спала в результате смерти великого халифа Харуна ар-Рашида и последовавших за ней внутриарабских трений. Что Адриатика находилась где-то на обочине византийской политики, доказывает хроника свидетеля того времени Феофана, которая вообще обходит стороной события, происходившие у побережья Истрии и Далмации.

По другую сторону Пиренеев, в Испанской марке, на юго-востоке возобновились столкновения. Поэтому король Людовик с войском выдвинулся к Тортосе, расположенной в устье реки Эбро. Однако помышлять о победном овладении укрепленным городом в обозримом будущем не было оснований. Очевидно, это передвижение войск было нацелено на то, чтобы после взятия Барселоны создать простирающуюся до самой реки Эбро своеобразную буферную зону для изоляции эмирата Кордова. По свидетельству так называемого Астронома, автором этого плана был сам король Людовик, решивший штурмовать Тортосу с помощью осадных приспособлений, таранов и метательных машин. Тогда жители города («военная удача явно была не на их стороне») предпочли отдать ключи от города, которые король передал своему отцу. Фактически же осада однозначного успеха не имела. Согласно арабским источникам, Людовик даже потерпел неудачу. В любом случае возвращение его не было отмечено особым триумфом. Следующий поход против исламского противника, состоявшийся предположительно в 811 году, был связан со взятием Уэски. Его вновь возглавил один из монарших эмиссаров.

809 год был небогат на значительные события. Это видно из одного свидетельства, в котором говорится, что тогда «греческие горные жители» разграбили «морской город» Популонию, расположенную неподалеку от Пиомбино. Кроме того, испанские сарацины вновь совершили набег на Корсику. Они полностью опу-

стошили епископскую резиденцию, не тронув лишь самого епископа, стариков и больных.

Внимание хронистов вновь привлекают к себе Север и Северо-Восток империи. Так, Готфрид, который еще годом раньше своими вылазками против ободритов серьезно угрожал интересам франков, дал знать императору через своих купцов, что ищет с ним согласия, а нарушение мира произошло по вине ободритов. Поэтому послам обеих сторон надобно встретиться на границе его империи на берегу Эльбы для обсуждения и выяснения возникших проблем. Карл согласился с этим предложением. На реке Штёр состоялась встреча, но никаких практических результатов она не дала. Зато определенную пользу из этого мероприятия извлек изгнанный князь ободритов Дражко, который заключил с норманнами нечто вроде сепаратного мира, передав им своего сына в качестве заложника.

Благодаря саксонскому пополнению он покорил своих старых противников — вильцев и смелдингеров и еще, наверное, линонов, в результате чего в нижнем и среднем течении Эльбы был восстановлен прежний политический порядок.

Карл воспользовался сложившейся ситуацией и заложил на другом берегу реки крепость и разветвленное укрепление, чтобы быть во всеоружии на случай новых датских набегов. Справа и слева по течению Рейна были сформированы отряды и одновременно своего рода гарнизон, обеспеченный оружием и всем необходимым. Было выбрано подходящее место — расположенный на реке Штёр Эзесфлет, из которого впоследствии вырос Итехо. Возглавил все это «предприятие» граф Эгберт, вместе с другими саксонскими графами примерно в середине марта приступивший к строительным работам. До того подобные укрепления уже были возведены в среднем течении Эльбы близ Магдебурга и Халле и кое-где еще. Можно предположить, что в целях обеспечения переправы через Эльбу была построена крепость Артлен в районе Бардовика.

Эта переправа была крайне важна, поскольку Дражко убил один из вассалов датского короля в разрушенном Готфридом торговом Рерике в висмарской бухте, в результате чего хрупкий мир грозил вылиться в открытые столкновения.

Последним внешнеполитическим свидетельством, которое одновременно обрамляет немногие замечания нашего хрониста по внутриполитическим делам 809 года, является указание на критическое положение по другую сторону Пиренеев. Когда там скон-

чался командующий пограничной марки граф Ореол, энергичный наместник Сарагосы и Уэски Аморес, не теряя времени, завладел франкскими укреплениями. Правда, одновременно он направил императору посольство с предложением мира и готовностью признания верховной монаршей власти, на что, учитывая тогдашние властные отношения, особого мужества вовсе не требовалось. Год спустя Карл согласился с этим предложением. Может быть, неудача Людовика при штурме Тортосы послужила ему предостережением не переоценивать собственные силы. Поэтому в Северную Испанию отправилась целая миссия, к которой Аморес обратился с просьбой о помощи в проведении встречи с «блюстителями испанской границы», подтвердив свою готовность признать главенство императора. Эту идею не суждено было реализовать. Как было неоднозначно заявлено: «Хотя император дал свое согласие, эта идея по разным не зависящим от нас причинам своего логичного завершения не получила». Последняя информация годового свидетельства хронистов касается очередного полного лунного затмения 26 декабря 809 года.

СОБОР 809 ГОДА

Значительное явление 809 года хронист отмечает настолько лаконично, что из его записи нельзя составить глубокого представления о самом событии: после своей осенней охотничьей прогулки в Арденнах император вернулся в Ахен и там «провел собор об исходе Святого Духа — что есть весьма спорный вопрос, первый импульс которому дал некий монах из Иерусалима по имени Иоанн. Чтобы сформулировать вероучительный взгляд на сей вопрос, к папе Льву в Рим были направлены епископ Вормский Бернар и Адалард, аббат монастыря Корби. Кроме того, на этом соборе обсуждался вопрос о состоянии церквей и происходящих в них переменах, о которых утверждают, что в храмах служат Богу, но об этом ничего не было решено по причине масштабности вопроса». Так, в ноябре в Ахене произошло церковное собрание, которое, с одной стороны, взялось дебатировать об исходе Святого Духа, а с другой — вознамерилось обсуждать общие темы церковного устройства и образа жизни клириков, монахов и монахинь. Учитывая необъятные рамки ожидаемого урегулирования, усилия оказались безрезультатными, ибо времени оставалось слишком мало — зима была уже на пороге.

В богословском плане речь шла о догмате веры как комплексной проблеме проистекания Святого Духа — только ли от Отца или же от Отца и Сына. Споры вокруг так называемой формулы филиокве уже на Франкском соборе 767 года под председательством короля Пипина привели к столкновению местных епископов с греческими представителями. Символ веры II Вселенского собора в Константинополе содержал следующую формулу символа веры, которая еще потому была обязательной, что III Вселенский собор 431 года в Эфесе, а вслед за ним и Халкидонский собор 451 года, категорически запретил вносить какие-либо поправки в *Symbolum Nicaeanum-Constantinopolitanum** «[Я верую] во Святой Дух, Господа и Подателя жизни, исходящий от Отца. Вместе с Отцом и Сыном почитаю и поклоняюсь Духу Святому, изреченному устами пророков». Отец церкви Амвросий и некоторые другие в IV—V веках дали богословское предвосхищение последующей католической формулы филиокве, которая впервые получила свое законченное обоснование на третьем соборе в Толедо 589 года: «Святой Дух равным образом требует от нас почитания, причем следует научать, что он проистекает от Отца и Сына».

Символ веры *Quinque* конца VI столетия доказывает, что это учение почти одновременно укоренилось в галльской церкви. Свидетельства включения этого добавления в символ веры встречаются также в англосаксонских текстах последней четверти VII века. На упоминавшемся Франкском соборе в Жантии 767 года возникли споры между «римлянами и греками» о Святой Троице, формуле филиокве и о почитании икон. В источнике *Libri Carolini*, который прежде всего преследовал цель непринятия решений второго Никейского собора 787 года и выражения критического отношения к соборным положениям о почитании икон, основной удар направлялся против патриарха Константинопольского Тарасия и его мыслей о том, что Святой Дух через Сына проистекает из Отца. Это утверждение подверглось осуждению как лжеучение, бросающее вызов истине.

Для отцов Регенсбургского (792 год) и главным образом Франкфуртского (794 год) соборов, увлекшихся опровержением и осуждением так называемого адоптианства, то есть учения, согласно которому Христос как человек может быть лишь приемным сыном Бога-Отца, именно формула филиокве имела решающее значе-

* Никейско-Константинопольский символ (*лат.*).

ние как доказательство безграничной божественности Христа в Святой Троице*, которая одновременно опровергла его расщепление на две сущности и, таким образом, отвергла адоптианство как таковое. Советчик Карла Алкуин по желанию своего господина составил трактат на эту тему, который в живой и ученой манере отстаивал франкский символ веры. В том же ключе аргументировал свои взгляды на Сивидальском соборе 796—797 годов епископ Аквилейский Павлин, который даже потребовал от каждого выучить наизусть обогащенный тем самым символ веры во имя собственного спасения души. В отношениях с Римом этот важный вопрос в любом случае не вызвал особых разногласий, хотя в качестве символа веры матери всех церквей только апробированный соборами символ, а именно без добавки о филиокве, пробивал себе дорогу.

Чрезвычайно актуальный вопрос вновь занял свое место в сознании богословов и самого Карла, толчок этому дала сфера, в которой непосредственно столкнулись греческое вероучение и его франкское толкование. В Иерусалиме разгорелся ожесточенный спор, о деталях которого мы достаточно хорошо информированы из нескольких посланий, адресованных папе и императору, из сборников материалов, например из характерного для римских нравов составлявшегося по памяти протокола, а также из жизнеописания грека Михаила Синкеллоса. Эти документы помогают пролить свет на сомнительное решение Ахенского собора 809 года.

Спор вокруг формулы филиокве был инспирирован гневными обвинениями священника и монаха Иоанна из греческого монастыря Святого Саввы близ Иерусалима. Иоанн упрекнул франкскую конгрегацию монастыря на Элеонской горе именно в этом добавлении к символу веры как составной части божественной литургии, квалифицировав данный факт как откровенную ересь. Кроме того, обличитель назвал всех франков без исключения еретиками, скорее всего из-за того, что они бросили вызов второму Никейскому собору как общеобязательному Вселенскому церковному собранию. После наступившего было кажущегося мира спор разгорелся с новой силой, причем патриарху Иерусалимскому не удалось примирить конфликтующие стороны. Иоанн ссылаясь на *Symbolum Nicaenum — Constantinopolitanum*, в то время как конгрегация Элеонской горы обращалась к высшему вероучительному авторитету папы римского, чтобы опереться на

* Автор излагает католическую точку зрения. — *Примеч. науч. ред.*

него в столь деликатном вопросе. В послании папе Льву III монашествующие напоминают о том, что один из них, однажды сидя у ног Льва и монарха в капелле, то есть в Ахене, в произносимом нараспев символе веры услышал следующие слова: «...исходивший от Отца и Сына» (то есть Святой Дух). То же самое произносилось в толкующей Священное Писание проповеди и в диалогах Григория Великого, а также в приписываемом святому Афанасию символу и в уставе ордена бенедиктинцев, текст которого вручил им сам император.

Этот запрос поставил Святейший престол между двух огней, поскольку сам Рим в противоположность империи франков, Англии и Испании продолжал использовать старый неизменный соборный символ, и даже после 787 года формулировку патриарха Константинопольского Тарасия, подвергавшуюся резким нападениям в *Libri Carolini*, о том, что Святой Дух через Сына проистекает от Отца, следовало для успокоения страстей воспринимать толковательно, но ни в коем случае как добавление к первооснове. В своем ответе Лев III настаивал на римском статус-кво, переправив вопрошавшим в Иерусалиме правоверный символ веры без вызвавшего столько споров добавления. Гонцы из Иерусалима, скорее всего представители монастыря на Элеонской горе, после этого прибыли в Рим с ответным посланием патриарха Фомы*. Заручившись подробным письмом понтифика, они отправились к Карлу. Лев III, чье положение было несравнимо с влиянием его предшественника, не рискнул занять однозначную позицию, которая, с одной стороны, резко противопоставила бы его франкской церкви и ее хранителю императору Карлу, а с другой — признание формулы филиокве повлекло бы за собой отказ от римской традиции и, кроме того, осложнило бы, если вообще не перечеркнуло бы возможное сближение с Восточной церковью. Даже Адриан I предпочитал осторожно воздерживаться от богословских толкований *Libri Carolini* с отказом от решений второго Никейского собора.

Таким образом, данная проблема переместилась на другую сторону от Альп — в Ахен. Карл не стал уклоняться от брошенного ему вызова и в ноябре 809 года созвал тот самый собор, которому было суждено заняться прежде всего вопросом происхождения Святого Духа. Карл вновь обратился к окружавшим его сведущим носителям учености. Хотя Алкуин скончался в 804 году,

* Патриарха Иерусалимского. — *Примеч. науч. ред.*

его место заняли архиепископ Зальцбургский Арн, аббат монастыря Сен-Мишель Смарагд, епископы Орманский Теодульф, Базельский — Хейте и Регенсбургский — Адальвин, которые в более или менее компактном виде собрали воедино соответствующие библейские цитаты, соборные декреты, но прежде всего свидетельства отцов церкви, главным образом Иеронима и Августина, чтобы продемонстрировать богословскую несостоятельность формулы филиокве. Особенно тщательно отредактированное и хронологически выстроенное обширное собрание доказательных аргументов епископа Арна составило текстовую основу так называемого Ахенского декрета о происхождении Святого Духа от Отца и Сына.

Тем самым решающим оказалось слово, прозвучавшее из Ахена, а не бесспорный авторитет Рима в вопросах вероучения, на главенствующее положение в котором Карл никогда не претендовал, несмотря на глубоко укоренившееся в нем чувство ответственности за судьбы церкви. Как аббат монастыря Сен-Рикье Ангильбер в 792 году повез в Рим решения Регенсбургского собора, так теперь досточтимые посланники отправились в Вечный город, чтобы подтолкнуть папу к принятию окончательного решения насчет формулы филиокве. Упоминаются в этой связи епископ Вормский Бернар, аббат монастыря Корби Адалард, в ту пору наиболее влиятельный деятель при дворе, а также эксперт по отношениям с Востоком епископ Амьенский Иессе.

Видимо, в первые месяцы 810 года в ризнице старого собора Святого Петра в присутствии папы и посланников состоялся «коллоквиум», продолжавшийся два дня. Предание отразило его своеобразным образом. Представитель императора положили в основу своей аргументации текстовые свидетельства архиепископа Зальцбургского Арна, в духе которых понтифик и открыл этот диалог. Надо сказать, что данное мероприятие не принесло франкским представителям желаемого результата. Хотя римский понтифик дал понять, что разделяет точку зрения императора относительно происхождения Святого Духа от Отца и Сына, тем не менее он не проявил готовности к расширительному вторжению в достопочтенный текст символа. Чисто софистически он считал, что не все относящееся к вере следует непременно включать в текст. Однако папа не привел в подтверждение своего взгляда никакого аргумента и пообещал собеседникам вернуться к затронутой теме на следующий день. Решение столь важных для государства франков проблем понтифик переложил на плечи импера-

тора, который, следуя примеру Римской церкви, должен был проследить за тем, чтобы отныне во время мессы в пфальце символ больше не пропевали. «Если вы изымете символ из службы, то вслед за вами и все это отменяют». На том и заканчивается столь своеобразное свидетельство.

Судя по всему, святой отец с облегчением воспринял отъезд неугодных посетителей. В доказательство своей правоверности, по свидетельству книги папств, понтифик велел отчеканить текст символа веры, разумеется, без добавления формулы филиокве, на трех серебряных пластинах, закрепленных на деревянных досках. Они были установлены по обе стороны склепа апостола Петра, а также в месте захоронения апостола Павла. Обе пластины в соборе Святого Петра содержали текст символа веры на греческом (!) и латинском языках, а экземпляр в соборе Святого Павла — только на латинском. Итак, франкская экзегетика споткнулась о преемника апостола Петра!

Несмотря на сдержанность Рима в вопросах веры в середине IX столетия, патриарх Константинопольский Фотий подхватил распространенную на Западе формулу филиокве как существенный элемент обвинения против Западной церкви. С тех пор данная субстанция остается одним из главных элементов схизмы между обеими христианскими церквями. В заключение отметим, что эта расширительная формула была включена в Римский символ веры лишь в 1014 году по настоянию императора Генриха II.

Ахенское собрание в ноябре 809 года целиком и полностью было посвящено обсуждению этого сложного богословского вопроса, так что из-за нехватки времени и напряженности повестки дня до обсуждения общих проблем церковного устройства и образа жизни клириков и монашествующих дело не дошло. Однако новейшие исследования, в особенности Арно Борста, позволяют утверждать, что, несмотря на нехватку времени, отцы собора интенсивно обсуждали вопрос о концепции и построении энциклопедии, основы которой, по-видимому, заложил еще аббат и друг Карла Алкуин, скончавшийся в 804 году. Эта так называемая энциклопедия представляла собой, насколько подтверждают рукописные описания, главным образом собрание материалов по летоисчислению, то есть *Venerabilis*, в то время как средневековые энциклопедии в соответствии со своим названием действительно охватывали всю полноту или претендовали на полноту накопленного знания. В этой связи можно напомнить об Исидоре Севильском или об ученом Рабане Мавре.

Конечно, после того широко известного солнечного затмения 1 апреля 740 года, которое внесло немалую путаницу в точность датирования пасхальных праздников на основе расчетов, сделанных Бёдой и Викториём Аквитанским, повсеместно возрос интерес к астрономическим наблюдениям и летосчислению. Однако пока рано было говорить о появлении принципиально новых моделей, сводивших бы в единую научную систему, так сказать, культовые данные и небесные явления.

Карл и Алкуин в своей переписке с трудом находили общий язык по элементарным проблемам, а в сохранившемся протоколе 809 года об ответах экспертов по проблематике летосчисления обсуждаются общеизвестные аспекты фаз Луны в марте и апреле и их значение для датирования праздника Пасхи. При этом содержится указание на лекцию, «составленную достопочтенным аббатом Адалардом». В рукописях того времени, местом происхождения которых был монастырь Корби, прослеживаются фактические изображения разных фаз Луны. Но эти усилия не породили должного энциклопедического импульса. Собираание известного материала по проблематике летосчисления напоминает скорее свидетельства церковных авторитетов в связи с преодолением актуальных догматических проблем. «Имперский календарь» из монастыря Лорш, с большим апломбом представленный недавно Арно Борстом, не заслуживает такого претенциозного наименования, ибо скорее всего оно объясняется близостью Карла к этому королевскому монастырю, а также тем, что в календаре отмечен день рождения императора.

Еще более примечательными, нежели эти усилия связать все культурные проявления эпохи с центральной личностью Карла и его двором, является то, что в этом календаре, как, впрочем, и во всех других, просматривается попытка обогатить древнее деление года на двенадцать месяцев главными христианскими праздниками, днями конкретных святых, астрономическими наблюдениями, данными летосчисления и впечатлениями от прочитанных произведений античных авторов, к примеру *Naturalis historia** Плиния-старшего, а также осознать и понять как бы уже ставшие библейскими числа, меры веса и длины как проявление заданного божественного порядка на основе ученого знания и автопсии. Сюда же относятся наблюдения за небесными явлениями. Поводом для такого заключения стал главным образом 807 год, но

* Естественная история (лат.).

вместе с тем конец 809-го и начало 810 года. Этот интерес, безусловно, разделяли король и император. У Карла был серебряный стол «изумительной красоты и размера, на котором независимо друг от друга были нанесены три изображения — карта мира, картина звездного неба и заключенные в окружности орбиты планет». А Алкуин в своей монастырской школе в Туре специально для обучения юных клириков велел нарисовать красками своеобразное подобие небесного свода. Но изо всего этого делать вывод о законченной концепции «имперских календарей» или даже энциклопедий в связи с собором 809 года означало бы выдавать желаемое за действительное.

Сколько бы ни пытались «дистиллировать» поэтические старания панегиристов в ахенском дворце или переписку интеллектуалов со своим господином и хозяином в академию, своего рода «новые Афины», сколько бы ни говорили, что кодексы, которые можно привязать к Карлу и его двору, породили придворную школу как постоянно действующую структуру, и, наконец, сколько бы ни доказывали, что архитектурные реликты или даже награбленные памятники этой эпохи позволяют говорить о существовании придворного искусства, первоисходные ахенские инициативы при всем желании не дают основания для составления из них всеобъемлющей энциклопедии. Видимо, прав Эйнхард, когда он пишет лишь о том, что во всех своих многообразных усилиях Карл, собственно говоря, не вышел за рамки «франкизации» и «христианизации» языческо-латинского календаря, называя по англосаксонскому образцу месяцы соответственно событиям церковной жизни или основным выполняемым сельскохозяйственным работам. Так, апрель стал месяцем Пасхи, а декабрь перекрестили в рождественский месяц. Кроме того, Карл присвоил ветрам франкские названия. Но даже эта минимальная программа, связанная с переименованием месяцев, споткнулась о традицию. Даже сборники, содержащие принципы летосчисления, не смогли заменить центральное произведение Беды по проблематике времясчисления. Более чем спорным представляется вопрос о том, появились ли ученые труды Дидуна, и прежде всего его инновативная космография, еще при жизни Карла и можно ли вообще связывать их со всем происходившим при дворе.

На протяжении осени и зимы в Ахене, несмотря на нехватку времени, появилось несколько капитуляриев, нацеленных на то, чтобы вплотную заняться проблемами церковной реформы. И

вновь основное место в предписаниях занимает осуществление правосудия. На этот раз в центре внимания — правовой статус приговоренных к смертной казни, но затем помилованных. Им разрешается вести судебную тяжбу, но запрещается выступать в качестве свидетелей или даже в роли шеффенов. Учреждение института шеффенов по праву считается важным нововведением в системе правосудия, которое связывают с именем Карла. Шеффены напрямую причастны к вынесению вердикта в качестве постоянных судебных заседателей; на фоне прежних, постоянно менявшихся обстоятельств в суде свежеиспеченные служители Фемиды действительно творят право. Этот институт делает ставку на личную преемственность (и опыт) в процессе. В отношении получившего помилование выносится постановление, что в случае совершения новых преступлений он должен предстать перед судом, причем ему не дозволено ссылаться на то, что (говоря юридически) он уже умер и поэтому не может быть привлечен к судебной ответственности. За это он должен подвергнуться соответствующему наказанию.

Смертная казнь, во многом чуждая так называемому народному праву (за исключением «оккупационного права» саксов), внедрилась в судопроизводство и в систему назначения меры наказания через королевское право. Смертная казнь считалась карой за оскорбление величества, например за «herisliz», то есть за дезертирство, ограбление церкви, убийство в церкви или неоднократное ограбление. Другие параграфы касаются отношения к разбойникам, которым никто не вправе предоставлять свой кров, если они объявляются вне закона графским судом. Также затрагивается суть процессуального порядка. Графам не дозволяется привлекать к суду свободных, за исключением шеффенов и их вассалов, если рассматриваются дела, к которым они не причастны. Свидетели должны давать показания или приносить присягу в трезвом состоянии, тщательно взвешивая характер показания по конкретному делу. По вопросу коррупции предусматривается косвенное порицание королевских эмиссаров, графов и шеффенов за отказ от возложенных на него обязанностей.

Две главы посвящаются юридическому урегулированию экономических отношений. По воскресным дням запрещается рыночная торговля, лишенная древней традиции. Недопустимо принуждение при переправе через реку по мосту с уплатой мостового сбора, если перевоз можно осуществить в другом месте. Равным образом, согласно обновленной версии Нимвегенского капиту-

лярия, нельзя взимать дорожную пошлину в «чистом поле». В заключение излагается предписание касательно священнослужителей, которые откупаются освященным миром, чтобы избежать приговора суда. За это им отрубается правая рука.

Встречаются и «смирненные» пожелания, к примеру, прошения за благочестивых судей, фогтов, благочинных и шеффенов, исполняющих свое служение в духе справедливости, а не из корыстолюбия, увеличить отчисляемую им долю от взимаемых денежных штрафов до одной трети от допустимой торговой стоимости; нередко попадаете предписание подводить под крышу помещение суда, чтобы заседания проходили и зимой и весной. Принесение присяги надлежит совершать в пфальце, тех же, кто отказывается от присяги, следует доставлять в королевский суд вместе с другими отступниками согласно скрепленному печатью письменному приказу монарха.

Этот капитулярный общего свойства был дополнен двумя служебными инструкциями специально для королевских эмиссаров. В двенадцати или тринадцати отдельных параграфах лишь в общем виде излагаются неурядицы того времени в юриспруденции, в церковном благочинии, хозяйстве и политике в твердой уверенности, что королевским эмиссарам, которым положено проявлять «достойную мужественность во всем», уже давно из собственного опыта знакомы преступные деяния. Еще раз указывается на ордалию, «суд Божий», главным образом в виде испытания крестом как средства обнаружения истины. По-видимому, это диктуется небеспочвенным недоверием к распространенной традиции принесения присяги, что нередко оборачивалось клятвo-преступлением.

Из второго предписания следует отметить прежде всего три его отдельных раздела, выходящих за рамки вновь упоминаемых жалоб: в связи с решением Франкфуртского собора 794 года отказ от денежных расчетов карается именем короля штрафом в шестьдесят шиллингов или телесным наказанием, а епископам, графам и аббатам, в сфере власти которых обнаруживается этот деликт, грозит отстранение от должности, если с их стороны не выражается желание противодействовать такой практике. Второе предписание требует оказания всестороннего содействия королевским эмиссарам и прочим «добрым людям» по поручению монарха. И наконец, последняя глава посвящается процессуальным моментам поведения иудеев и христиан в суде, причем христианам для доказательства достоверности их сведений, согласно

салическому праву, достаточно трех свидетелей, а иудеям — четырех, восьми или семи ходатаев по собственному усмотрению. Кроме того, в этом разделе иудеям воспрещается заставлять христианина работать на себя в воскресный день. При невыполнении этого требования иудей лишается оплаты, а христианин подвергается наказанию, чтобы не подавал дурной пример другим. Откровенно антииудейский акцент в этом предписании отсутствует. Два десятилетия спустя архиепископ Лионский Агобард не имел повод проявлять свое несогласие в связи с проиудейской политикой Людовика Благочестивого и агитировать против нее, к неудовольствию двора и всех умеренно настроенных сил.

«СТРАШНЫЙ» 810 ГОД — ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ, ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ, КРИЗИСЫ

810 год стал поистине настоящим «*annus horribilis*», то есть страшным, ужасным годом в долгом по протяженности правлении императора франков. Во внешнеполитической сфере новый год начался, в общем, ни шатко ни валко, по крайней мере на взгляд так называемых имперских хронистов, которые, как и в минувшем году, начинают свой отчет с относительно подробного рассказа о политике в бассейне Средиземного моря. Наместник Сарагосы Аморес согласился признать главенство франков, правда, без подписания соответствующего акта: неудача объясняется «многочисленными привходящими обстоятельствами». В западном Средиземноморье спокойствие вновь было нарушено по вине сарацинов — они заняли сначала Сардинию, а потом и Корсику, сдавшуюся им без сопротивления. Последние успешные контратаки франков не привели к длительному избавлению островов от мавританского давления.

Между тем крупный успех записал себе в актив король Итальянский Пипин, в итоге, по-видимому, заставивший пойти Византию на попятную и тем самым дипломатически примириться со статус-кво двух империй. Эта уступчивость со стороны Восточной Римской империи объяснялась, однако, насильственной смертью энергичного Никифора и связанной с этим сменой власти на Босфоре.

По свидетельству источника, король Пипин настолько был раздражен вероломством венецианских дождей, что отдал приказ атаковать поселение в лагуне с суши и с моря. По венецианским

и византийским источникам, атаковавшим удалось занять вражескую территорию, а также с помощью военных кораблей высадиться на островах (предположительно из Комачо), в то время как венецианцы окопались на Риалто и Маламокко, упорно сражаясь за каждый канал. Спустя полгода после значительных потерь, причем с обеих сторон, дожи капитулировали и были вынуждены вновь признать свою зависимость от франков. Патриарх Иоанн, противник верного королю Фортуната, был смещен, и Фортунат опять занял свое место в Градо. Опьяненный собственным триумфом, Пипин направил флотилию к далматинскому побережью, чтобы умножить там счет своим победам. Однако с приближением византийских кораблей под командованием префекта Ксфалонии Павла, еще в прошлом году сорвавшего планы Пипина, последний приказал немедленно приостановить операцию. Тем не менее подчинение Венеции франкам и италийскому влиянию создало предпосылку для грядущего дипломатического сближения императоров Востока и Запада, хотя хронист из Константинополя и обходит эти события стороной.

Между тем по достижении преклонного возраста император Карл сделал для себя вывод о бренности всего земного — «нас со всех сторон окружает смерть». 7 июня 810 года умерла его старшая дочь Ротруда, родившаяся от брака с королевой Гильдегардой. Ротруда, когда-то на короткое время обрученная с престолонаследником и сыном императрицы Ирины — несчастным Константином, как и все остальные дочери, проживала под покровительством отца-императора в отчем доме. Особенно в Ахене император, который, по убеждению Эйнхарда, не желал расставаться со своими «дщерями», не был столь уж щепетилен в отношении морального облика «коронованных голубок», от воркования которых предостерегает биограф. Отец, после смерти своей последней супруги оказавшийся в окружении наложниц, сам едва ли подавал пример богоугодного и воздержанного образа жизни. Поэтому и Ротруда не сумела избежать неофициальных связей при дворе, став любовницей Рорикона, представителя известной аристократической фамилии, которая, имея графский титул, обладала значительным влиянием в дукате Мен, поддерживала контакт с монаршей семьей еще при жизни Пипина, отца Карла. В хрониках Рорикон начиная с 819 года упоминается как граф Реннский. Их общий сын носил имя Людовик, хотя, по мнению церкви, он считался внебрачным ребенком. Людовику была уготована блистательная духовная карьера — вначале в роли аббата монас-

тыря Сен-Дени, Сен-Рикье и Сен-Вандрилл, а по ее завершении он сподобился стать заведующим канцелярией своего кузена Карла Лысого. Этой влиятельной фамилии в Нейстрии в конце IX столетия робертинцы в немалой степени были обязаны, правда еще несколько преждевременным, своим превращением в западно-франкское королевство.

К Ротруде особенно благоволил Алкуин, называя своей дочерью. Он просил ее молиться за него, посвятив ей вместе с единственной сестрой Карла Гизелой, аббатисой монастыря Шелль, комментарий к Евангелию от Иоанна. В эпосе императора Карла Ротруда возглавляет монарших дочерей при выезде дворовой знати верхом на охоту, а именно впереди Берты, Гизелы, Рудгейды и Теодерады: «Она статно гарцует на ретивом коне... над ее белокурыми волосами развевается аметистового цвета лента, на которой ярко поблескивают драгоценные камни; голову облегает золотая диадема, усыпанная дорогими украшениями, удивительной красоты мантилью скрепляет изящная брошь».

Смерть своих любимых детей Карл воспринимал без хладнокровия и величия духа, неизменно отличавших его во всех прочих жизненных ситуациях. «Пиетет и скорбь заставили Карла прослезиться — от привычной невозмутимости и жестокосердия» не осталось и следа. Со страниц хроники предстает скорбный образ опечаленного отца. В этом разделе биографии Эйнхард достоверно представляет исходный оригинал — биографию римского императора Августа — в его абсолютно противоположном виде. Так, в отношении безнравственности ближайших родственников принципса, особенно дочери и внуки (обе — Юлии), сказано более чем резко и хлестко: «Смерть своих родственников он (Август) с ярко выраженным самообладанием воспринял как их позор». Карл же, наоборот, пресек всякую молву о поведении своих дочерей, «не допустив даже тени подозрения на этот счет», несмотря на многократное разрешение от бремени незамужних красавиц. Таким образом, и с этой стороны пресекался даже намек на критику. Впрочем, когда Людовик Благочестивый вззошел на трон, он сразу же принялся наводить порядок в ахенском дворце, который представлялся ему авгиевыми конюшнями.

Рождество 809 года и последующую Пасху Карл по традиции провел в Ахене. Имперские анналы считают данную информацию избыточной. Вместо этого они уже в который раз повествуют о таких небесных явлениях, как лунные и солнечные затмения; к данной теме биограф Эйнхард снова вернется в последней

части жития Карла, чтобы по античному образцу представить эти явления как предвестники скорой кончины своего героя.

Весной 810 года до монарха, который «размышлял» о военном походе против своего главного противника на севере, дошла весть о том, что в Фрисландию вторглись 200 судов из «Норманнии». Высадившиеся отряды разорили выдвинутую в море цепь островов, а самих фризлов разбили в трех столкновениях. В счет затребованной дани уже было выплачено сто фунтов серебром. На этот раз король Готфрид остался дома. Роковое известие вызвало у Карла приступ гнева: «Гонец настолько вывел монарха из себя, что он отправил во все земли эмиссаров с приказом собирать войско, сам же Карл немедленно покинул дворец, чтобы сначала дать отпор флотилии, а затем переправиться через Рейн и уже на другом берегу близ местечка Липпенхем бросить в бой пока еще не объединившиеся отряды». Предположительно в то самое время был отдан приказ перед лицом агрессии норманнов приступить к строительству кораблей и созданию флота на всех реках, впадающих в Северное море и в Атлантический океан. Согласно этому приказу, Людовик Аквитанский должен был исполнить волю императора на Роне, Гаронне и Луаре. Судя по всему, особого успеха такие мероприятия не имели, ибо один обращенный к эмиссарам капитулярий отражает в этой связи жалобу — «О лесе, необходимом для строительства судов». Однако нам известно, что уже через год сам Карл проверял на реке Шельде в Генте, как работают его корабели, с целью повышения военной готовности империи. Здесь нет даже намек на разочарование.

На форпостах в Липпенхеме Карла настигла еще одна неприятная весть, которая хронисту показалась очень даже значительной. В те дни приказал долго жить известный слон Абу-ль-Аббас (подарок недавно скончавшегося Харуна ар-Рашида) — без преувеличения настоящая достопримечательность ахенского зверинца, вдохновившая оформителей рукописей на ценные инициалы.

Когда отряды сошлись в единое войско, Карл, по свидетельству нашего хрониста, во главе объединенного контингента направился в земли саксов и севернее Вёрдена, на месте слияния рек Аллера и Везера и предполагаемой кровавой схватки, разбил свой лагерь. Учитывая серьезность нависшей угрозы, император на этот раз не стал передавать командование отрядами своему сыну Карлу, хотя тот и находился рядом с отцом. В Вердене в

августе Карл выдал грамоту эльзасскому монастырю Эберсгейму и провел заседание суда, на которое явилась также целая делегация ободритов. Признавая главенствующий статус императора франков, они выразили пожелание назначить им нового правителя, поскольку год назад на их короля Дражко совершил покушение один из вассалов Готфрида. Пресемником Дражко стал Славомир. Судя по всему, Карл находился в укрепленном лагере на южной границе округа Вихмодии в ожидании дальнейших шагов Готфрида, о котором было известно, что он тоже переживает события где-то на другой стороне рек Эльбы и Шлей.

В Вердене на правителя обрушилась масса разных вестей, часть которых его обрадовала, а часть глубоко взволновала душу. Была отведена угроза военного столкновения с датчанами, поскольку флотилия, разорившая и разграбившая Фрисландию, вернулась на Ютландский полуостров. Так что о длительном подчинении этого прибрежного региона и земель по периметру империи речь не шла. Кратковременные набеги с попутным захватом трофеев на десятилетия стали отличительной чертой викингов. Но еще более важным, чем отход противника, стало сообщение, что честолюбивый и воинственный Готфрид стал жертвой чьей-то мести. По франкским источникам, он хвастливо угрожал завоевать Ахен, подталкивая императора и его войско на открытую военную конфронтацию. Менее отрадным было то, что вильцы, враждебно настроенные соседи ободритов в среднем течении Эльбы, несмотря на захват земель восточных саксов отрядами во главе с эмиссаром Одоном, овладели опорной крепостью Хобуки и разрушили ее.

Однако эти новости затмило сообщение о неожиданной кончине короля Италийского Пипина. По мнению потомков, Пипин по масштабности своего подхода к государственным делам и пониманию военного дела был ближе всего к отцу. Этот же вывод подтверждают стихотворные строки из так называемого Падерборнского эпоса. Если о монаршем старшем сыне Карле автор пишет всего лишь: «Из сопровождающей многочисленной свиты... Карл выделяется одинаковым именем с отцом, он скачет обычно на своем огненном коне», то Пипин удостоивается авторского комплимента: «За ним следует Пипин, нареченный в честь своего деда (!); он умножает славные дела своего отца, могучий воин, бесстрашный герой, с оружием в руках неодолим — таким он возглавляет свое несокрушимое войско. Пипин гарцует на коне, высокорослый, полный утонченного благородства, копна волос

на красивой голове перехвачена золотым обручем». Король Аквитанский Людовик в этом разделе вообще не упоминается.

Пипин одержал значительную победу над аварами, доставив в 796 году своему отцу легендарные аварские сокровища. Совсем недавно он покорил Венецию, что стало предпосылкой нового сближения между Востоком и Западом. Пипин, который до 781 года носил имя Карломан в память о своем деде, родном брате Карла, скончался 8 июля на тридцать третьем году жизни в местечке южнее Альп. Тем самым император лишился своей основной опоры на Апеннинском полуострове. Из порядка наследования, который Карл тщательно разрабатывал целых четыре года, выпал главный стержень.

У короля Италийского остался сын Бернгард предположительно 797 года рождения. Его имя указывало на отца двоюродных братьев Карла — Адаларда и Валу. Старший Бернгард родился от внебрачной связи Карла Мартелла с Рудгейдой. Такое имя в этом или переименованном виде встречается среди потомков Карла. Тем самым вновь подтверждается, что и в первые десятилетия IX века именно отцовское признание оставалось определяющим критерием, а не принцип брачного или внебрачного происхождения ребенка согласно церковной доктрине. Кроме Бернгарда, Пипин оставил после себя еще пять дочерей, которых Карл велел перевезти в Ахен, где они пополнили его «голубятню».

О матери этих детей Пипина почти ничего не известно. В одном послании конца 796 года аббат Турский советует Пипину по примеру псалмопевца «утешаться женою юности своей», что вовсе не говорит в пользу или против законного брака. И когда биограф Людовика Теган десятилетия спустя называет мать Бернгарда наложницей, однозначно выявляется смысл этого доносительства. Даже имя «Бернгард» не выражает четкого смыслодержания, ведь внебрачный сын дочери Карла Ротруды, как и ее брат, был наречен Людовиком.

Поскольку Карл оставил за собой право вносить в свое политическое завещание добавления и поправки, уже в следующем году он обнародовал новые распоряжения. Вновь пробил час аббата Адаларда из монастыря Корби. Он уже в мае председательствует на заседаниях суда в Модене и Нонатуле. Кончина короля Пипина, погребение которого состоялось в миланском Сен-Амброжио, похоронила надежду Карла на бесконфликтный переход всего правления в руки трех опытных преемников, из которых двое уже почти три десятилетия управляли внешними террито-

ями в королевском звании. Формальное и содержательное переформление его преемства являлось, по-видимому, основным моментом дискуссии в последующие годы, которая вместе с вопросом о передаче императорского титула приобрела концептуально новое измерение.

На первых порах ощущалось отсутствие опытного наместника, представлявшего бы франкские интересы на юге империи. Это стало очевидно, когда почти одновременно с делегацией из Кордовы при дворе появилось дипломатическое посольство из Константинополя. Все происходящее побудило императора (тем более что на северной границе обстановка вроде бы стабилизировалась) ликвидировать опорный лагерь на Везере и вернуться в Ахен, куда он прибыл в октябре. К личной беде монарха в том году добавилась чума крупного рогатого скота, обернувшаяся многочисленными бедами и дороговизной.

Из резиденции исходили капитулярии, содержащие важные приказы и наказания для эмиссаров-администраторов. Они вновь обнажили тревожное внутривластное положение, которое объяснялось не столько личной неспособностью монарха управлять, сколько структурным дефицитом правления. Тематически эти документы напоминают прежние увещевания. Осознание общей греховности и вины за сложившееся положение дел проявляется главным образом в следующем заклинании: «Дабы воцарились мир и справедливость в отечестве, как и в других главах предписано!» Еще в одном тексте как главное отмечаются упомянутый выше падеж скота и прочие испытания суть «общее бедствие, свалившееся на нас».

Специальное предписание характерным образом посвящено задачам королевских эмиссаров. И этот универсальный механизм контроля, рассчитанный на непосредственное воздействие на административные функции графов и епископов, явно не избежал кризиса, так как эмиссары или не располагали соответствующей полнотой власти и, стало быть, необходимым авторитетом, или под воздействием семейных или сословных интересов солидаризировались с должностными лицами, предавая забвению возложенные на них обязанности. При этом эмиссары как «сильные» личности призваны обеспечивать реализацию императорских приказов, информируя двор о том, какие трудности встают на пути выполнения возложенных задач. Вместе с тем им не дозволено окружать себя людьми более низкого сословия, «неизменно стремящимися затягивать решение правовых дел», но рекомендуется

подыскивать себе деятельных помощников. Кроме того, они имели право карать за отказ суда от возложенных на него обязанностей, оказывать помощь «бедным», взимать штрафы за нарушение юрисдикции и определяемые мировым судом поборы и, наконец, добиваться открытия судопроизводства в отношении любого, «будь то человек господина императора или кто-либо из его сыновей или дочерей, или иных власть имущих в стране», сообщать о несогласных императору или налагать на них предусмотренный законом штраф.

Не без влияния фрагмента из жития римского императора Августа, в котором Светоний сообщает о том, что цезарь часто до глубокой ночи продолжал судить, а с наступлением физического изнеможения приказывал относить свой паланкин к судейской трибуне, Эйнхард свидетельствует, что его герой принимал друзей не только пробуждаясь ото сна, но и по предложению пфальц-графа в присутствии истцов и ответчиков решал исход судебных дел даже в своих покоях «как в судилище», давая соответствующие указания и приказы в связи с конкретным делом на день грядущий.

Как нелегко порой складывалось исполнение обязанностей монарших представителей, показывает капитулярий 810-го или 811 года, устанавливающий даже смертную казнь для тех, кто с применением силы или с помощью вооруженных отрядов пытается не допустить представителя в его административный район или же создает помехи для исполнения им возложенных на него обязанностей. Если не менее двенадцати свидетелей со стороны обвиняемого заявят в суде, что оказание сопротивления не входило в намерение ответчика, последний хоть и освобождается от высшей меры наказания, однако из-за вооруженного сопротивления монаршему представителю обязан уплатить штраф за нарушение королевской юрисдикции. Эта правовая норма применима и к вассалам самого императора, если они претендуют на особые права по причине правовой близости к монарху. Также за нарушение неприкосновенности жилища, связанное с разбоем и мародерством, разорение движимого и недвижимого имущества участников объявленного военного похода предусмотрено денежное возмещение размером тридцать процентов от суммы причиненного ущерба и, кроме того, уплата штрафа за нарушение королевской юрисдикции.

Эти предписания, касающиеся главным образом «грабителей», к которым следует отнести также разбойников с большой дороги,

скрывающихся от суда беглых преступников и «странствующих людей» в самом широком смысле слова, короче говоря, каждого, кто является грабителем и «неверным франкам», доказывают, что, несмотря на учреждение института королевских администраторов, социальные столкновения нисколько не смягчались, а спокойствие и порядок так и оставались недостижимой сокровенной мечтой. Разрушительные, отдалявшие от центра силы угрожали взять верх, а уход в состояние анархии заключительного этапа правления династии Меровингов приобретал черты реальности. Отдавая себе отчет в происходящем, король «обращался ко всем с евангельским назиданием, дабы ваши труды светили людям, прославляя Отца вашего небесного». Судя по всему, такие молитвенные обращения никак не сказывались на нараставшей в государстве напряженности. Королевско-императорская власть несла значительные утраты и серьезные материальные потери.

В этом водовороте бедствий и смуты, отягощенном личным потрясением, внимание монарха переключилось на гостей из Кордовы и Константинополя. На посольство из эмирата, видимо, сильное впечатление произвели действия наместника Аморе-са, взявшего Сарагосу и одновременно намекинувшего франкам на возможность союза. Поэтому гостям хотелось опередить Аморе-са своим появлением при императорском дворе. Если из соглашения с Аморе-сом ничего путного не вышло, то теперь родился договор с эмиром аль-Хакимом — его основным содержанием стало перемирие, хрупкость которого подтвердило нападение на Уэску. По этой причине потребовалось обновление соглашения 812 года. Возникшая тогда граница Испанской марки с тех пор проходила южнее Барселоны, однако не доходя до «мокрой границы» по реке Эбро. На основе этого мирного соглашения сыну эмира Абдрахману удалось изгнать из Сарагосы якобы «франкофила» Аморе-са и отбросить его в Уэску. В этом году уже вторично подверглась разорению Корсика, причем беззащитный остров и впоследствии не раз оказывался мишенью для ограблений со стороны сарацинов.

К соглашению с эмиром Кордовы добавилось заключение своего рода прелиминарного (предварительного) мира с влиятельным противником Данией, новый король которой Хемминг (племянник короля Готфрида) стремился к заключению мира с соседом при условии признания сложившегося политического статус-кво и, таким образом, выхода франков на другой берег Эльбы. Сама процедура заключения мира произошла во время встречи

франкской и датской делегаций на Эйдере. Ведение переговоров было возложено на делегацию графов во главе с Валою, который, являясь единокровным братом аббата монастыря Корби Адаларда, сыном Бернарда и жительницы Саксонии, приходился еще и единокровным двоюродным братом императору. При дворе Вала стал преемником Адаларда, который после кончины Пипина принял на себя административные обязанности в Италии.

По истечении этого договора священник Геридак, рукоположенный епископом Трирским, по-видимому, был направлен в Хаммабург (ставший впоследствии Гамбургом) — центр миссионерской деятельности на территориях на другом берегу Эльбы. По всей вероятности, ему отводилась кафедра епископа специально по миссионерству, но он вскоре умер. Его потенциальную епархию принял епископ Бременский Виллирих, который после окончательного умиротворения саксов в 805 году совершил зафиксированную в анналах инспекционную поездку в Дитмаршен (Мелдорф). Однако наличие христианства здесь было зафиксировано только более чем два десятилетия спустя — во время понтификата Ансгара, пока в 845 году очередное внезапное нападение датчан не покончило с этим юным насаждением на франкской почве.

СИГНАЛЫ О ПРИМИРЕНИИ С БОСФОРА

Таким образом, Карл заключил перемирие или даже мир со всеми агрессивными приграничными племенами своей империи. Исключение составляло Беневенто — фактор нестабильности по периметру Италийского королевства и папского патримония. Несравненно более серьезной, чем Беневенто, представлялась нерешенная проблема «государственно-правовых» отношений с Византией в контексте территориальных споров в Адриатике. Повторное сближение Востока и Запада, религиозно-политический аспект которого был подготовлен, несмотря на франкское сопротивление, на втором Никейском соборе 787 года, хотя и прекратилось в результате свержения императрицы Ирины в 802 году, однако не было полностью перечеркнуто в связи с военными столкновениями и даже приобрело теперь серьезный новый импульс.

Складывалось впечатление, что императору Никифору удалось-таки найти общий язык с франкским «императором варва-

ров», соперничавшим с Византией на побережье Западной Адриатики. Такому позитивному развитию событий, несомненно, способствовало то обстоятельство, что король Пипин сумел подчинить себе Венецию, важный торговый центр, где пересекались многообразные контакты между империей на Босфоре и Апеннинским полуостровом, причем особенно лавирование последних дождей, по-видимому, вызывало откровенное неудовольствие при дворе в Константинополе. Византийский двор, несомненно, стремился к устранению этого раздражителя. В любом случае в 810 году византийский император направил к Итальянскому королю Пипину своего эмиссара спатара Арсафия. С одной стороны, предмет переговоров мог ограничиться Венецией, но с другой — император мог побаиваться самим фактором направления официальной делегации «девальвировать» своего недавнего противника на Западе, который считал себя вправе носить такой же титул, как и правитель на Босфоре, ибо тем самым, по крайней мере косвенно, было бы подтверждено равенство титулов. В любом случае посреднический разговор на более низком уровне, касавшийся исключительно вопроса о передаче Венеции (и Далмации), не мог не затронуть хотя бы вскользь проблему «двух императоров».

Заручившись посланием и устными инструкциями, спатар высадился в Италии. Но он не мог знать, что его партнер по переговорам король Пипин 6 июля отправился к праотцам, в результате чего миссия высокого представителя оказалась под угрозой срыва. Карл, которого спешно поставили в известность о прибытии византийской делегации, не допустил такого поворота событий и незамедлительно пригласил сановника к себе в Ахен. Тот прибыл во дворец в конце 810 года. Поскольку Арсафий не обладал полномочиями, достаточными для заключения обширных и обязательных соглашений, в начале 811 года он был отправлен домой вместе с франкской делегацией, возглавляемой Хейте, епископом Базельским и аббатом монастыря Рейхенау, графом Турским Гуго и лангобардом Айоном, который теперь считался «экспертом по итальянским делам». Граф Гуго происходил из семьи эльзасских герцогов Этихонов. При Людовике Благочестивом (наряду с графом Матфридом Орлеанским) он сделал блестящую политическую карьеру и даже стал тестем императора Лотаря I. В 824 году перу ученого епископа и аббата Хейте, видимо, принадлежала резкая критика порядков того времени, причем его не смущал авторитет Карла, неразборчивость

в половых связях которого он обличал. Что касается Айо, он известен лишь как лангобардский бунтарь, вновь принятый милостиво при дворе.

В делегацию еще был включен дож Обелир, который «из-за предательства был смещен, отправлен в Константинополь и там выдан своему (!) господину». Не без основания так называемые имперские анналы свидетельствуют о заключении мира, суть которого определяет прежде всего отказ франков от Венеции. Однако этот отказ распространялся также на прибрежные города Истрии и Далмации, как резонно добавляет биограф Эйнхард.

Об обстоятельствах и прелиминариях этого акта о заключении мира мы узнаем кое-что из официального послания Карла императору Византии, которое, очевидно, было передано смешанной делегации. В нем как в зеркале отражаются восприимчивость и надежды правителя франков, свойственные прежде всего его императорскому достоинству. Своего соперника Карл называет «братом» и таким образом с точки зрения протокола ставит себя в один ряд со святым Василием, что, по мнению Эйнхарда, характеризует Карла как великодушного и благородного человека, который путем посылки многочисленных высокородных эмиссаров своим долготерпением преодолевал зависть «римских императоров». Однако в политическом самопонимании Византии мог быть только один «римский» император: преемник Константина и Юстиниана как наследник цезарей. Карл же, наоборот, по ироничному выражению монаха Феофана о вероотступнике, патриархе римском Льве, помазанном с головы до пят, «смешном и противоречащем любому происхождению во имя искупления своих собственных долгов», оставался для греков, как формулирует хронист, и впредь всего-навсего «королем франков» или лишь «Карлом».

Послание как первое донесенное преданием свидетельство, адресованное императором Запада своему визави на Востоке, представляет собой стилистически безупречный, дипломатически сбалансированный и тщательно отделанный образец *Captatio benevolentiae**, которое льстит получателю, располагает его к себе, но одновременно предвосхищает согласие, которое еще только предстоит достичь в будущих переговорах. Эти строки отражают характерную черту психики Карла. Так, император Запада во имя исполнения общей задачи пребывает в ожидании содействия Христа

* Благоволение (лат.).

Иисуса, «именем которого мы наречены», и надеется, «что таким образом мы доведем начатое нами до честного и полезного конца». Вместе с тем в послании излагается предыстория этой миссии, перед которой поначалу стояла лишь одна цель — достичь двора Италийского короля. Послание прежде всего демонстрирует, в каком состоянии духа пребывал Карл из-за неудачи его посольства, в 803 году добравшегося до Константинополя лишь после свержения Ирины и после безуспешного пребывания там вынужденного отправиться в обратный путь. С тех пор Карл, «словно затаившись в норе», находился в ожидании ответа через гонца или в виде послания. Теперь, после встречи со спатаром, он надеется на выяснение еще нерешенных вопросов и на скорый ответ. Послание заканчивается настоятельным замечанием, чтобы «Всемогущий Господь Бог вдохнул волю к миру в сердце Твоей любви, как мы того возжелали». Карл без промедления дал инструкции своим легатам и, невзирая на все колебания, «отправил их навстречу Твоему наполненному любовью братскому расположению».

Не вызывает сомнения: Карл видел поставленную цель — осуществлять свое правление в качестве равноправного императора наряду с «братом» в далеком Константинополе. Как бы в качестве аванса он уже пошел на отказ от Венеции и от городов на Адриатическом побережье. В этих же целях Карл велел препроводить ко двору византийского императора нерешительного дожа, чтобы подвергнуть его наказанию, в то время как его брат находился в Заре (Далмация) как бы в положении изгнанника.

В согласии с Арсафием Агнелл стал преемником дожей. По решению народного собрания его резиденция была перенесена в глубь материка, в Риалто, где Агнелл приказал построить дворец дожей. После завершения переговоров Венеция получила возможность расширить свою функцию посредника в отношениях между странами Ближнего и Среднего Востока, с одной стороны, и странами Западной Европы, с другой. На первых порах Венеция стала несравненной «светлостью» под сенью Византии: «Так признание новой империи старой оказалось основой величия Венеции» (Лудо Мориц Хартман). Правда, профранкское влияние в Венеции возрастало по мере того, как смена власти в лагуне сочеталась с процессом возвращения преданного Карлу и недавно смещенного патриарха Фортуната в Градо.

Поздней весной 811 года Карл провел в Ахене рейхстаг (сейм), который по своей содержательности и динамике стал важнейшим событием заключительного этапа правления Карла. Очевидно, в

непосредственной связи с расчисткой политических структур на Адриатическом побережье Карл урегулировал не только скрытый спор между епископом Аквилейским Максентием и его старым соратником и доверенным лицом архиепископом Арном Зальцбургским относительно разграничения их епархий на территории Каринтии, в последующем — Каринтии. Карл вновь высказался в пользу «мокрой границы» по реке Драва, включив южную часть региона Аквилея в состав Северного Зальцбурга без ущерба для прав владения отдельными церквями на другом берегу. Согласно более позднему документу, еще король Пипин примерно в 796 году выпустил постановление о проведении этой границы, подтвержденной в 803 году его отцом. Видимо, это всего лишь предположение, хотя и весьма лестное.

«Связь Карла с практикой», которая одновременно охватывала должную оценку диагностических способностей его советников, не в последнюю очередь проявляется в том, что он отказывался от материального изучения изложенных аргументов обеих сторон при появлении объемных притязаний на миссионерских территориях. Он не мог дать критическую оценку ни прежним провинциальным решениям, на основе которых регион Каринтии якобы был включен в состав патриархата, ни более поздним папским привилегиям в пользу Зальцбурга, «так как мы не желаем объявлять их правомочность (авторитет) ни ошибочной, ни сомнительной, поскольку над одним правовым актом довлеет возраст (временной фактор), а над другим — величие и благородство Римской церкви». В пользу определенного преобладания Зальцбурга в спорном регионе говорили весьма значительные миссионерские усилия, исходившие с середины VIII века от епископа Вергилия и баварских герцогов и получившие свое последнее видимое проявление в факте создания монастыря Иннихен в 769 году. Возможно, что обретение митрополичьих прав на епархии в пределах Истрии Аквилея одновременно восприняла как импульс для расширения своих действий и прав в северном направлении уже вне бассейна Дравы. В любом случае Карл разрубил гордиев узел этих церковно-политических споров. Как бы в утешение Максентий Аквилейский получил из рук императора дарственную. Она касалась главным образом владений, когда-то принадлежавших двум братьям, которые участвовали в восстании герцога Ротгауда 778 года и погибли на поле брани. Эти объекты имели теперь хозяйственное значение для храма в Аквилее, разрушенного и затем заброшенного готами и аварами.

«ЧАСТНЫЕ» РАСПОРЯЖЕНИЯ КАРЛА: ЗАВЕЩАНИЕ

В связи с переговорами о судьбе Адриатического побережья Карл, который, видимо, все еще испытывал глубокие переживания из-за смерти короля Италийского Пипина, велел составить свое «завещание», полный текст которого разработал и стилизовал Эйнхард.

Поскольку епископ Базельский Хейте возглавил направленную в Константинополь делегацию, отправившуюся в путь в начале года, и кроме того, по крайней мере четверо графов, ставших свидетелями возникновения этого документа, весной 811 года находились на Эйдере с целью заключения мира с датчанами, текст завещания скорее всего родился в первые недели 811 года, хотя вовсе не исключается добавление в него некоторых имен по случаю проведения имперского собрания весной того года.

Эйнхард, который обычно не отходит от оригинала, в отличие от жития императора Августа завершает биографию Карла, за исключением краткого дополнения, последним предписанием Карла. Вместе с тем он не упускает возможности подчеркнуть, что хотя правитель франков намеревается составить завещание, чтобы его дочери и сыновья от наложниц в определенной степени тоже стали наследниками, этого, однако, не произошло под воздействием разных обстоятельств и, может быть, из-за сопротивления определенных сил.

Тем не менее появилось детальное предписание относительно использования движимого имущества монарха как части его в качестве дарения среди живущих с момента объявления, но которое может быть выдано пользующемуся покровительством без материального изменения лишь после смерти завещателя. Другая часть движимого имущества распределяется *post mortem** с присовокуплением к первому дарению. Тем самым юридическая сделка в целом могла вступить в силу только после смерти императора.

Если свою последнюю волю Карл облек не в форму римского завещания, а представил в виде краткой папской грамоты, это, очевидно, определялось его намерением распорядиться лишь своим движимым имуществом, детали раздела которого (соответствующие объекты и группы объектов) содержались в списке. Последний был призван разъяснить наследникам, что им следует разделить между собой подобающим образом без споров и противо-

* После смерти (*лат.*).

борства после повсеместной «надлежащей и разумной» раздачи подаяний. Что же касается содержательной стороны предписания, оно заключается главным образом в обильном пожертвовании на помин души (*elemosyna*) в пользу церкви и бедных. Эти подаяния значительно превосходили уже тогда утвердившийся уровень «свободной части», предназначенной для духовных учреждений (и неимущих) и обеспечивавшейся из общей наследственной массы.

Таким образом, прямые наследники Карла получили лишь малую долю от богатого «движимого имущества» императора. Эта процедура соответствовала кровным желаниям Карла, который, по-видимому, в своей щедрости продолжал семейную традицию. В конце концов им же самим инспирированная история меценских епископов Павла Диакона, возникшая в восьмидесятые годы VIII века, повествует о том, что предок Карла Анзежизель, один из сыновей святого Арнульфа и, стало быть, основатель новой королевской династии, в отличие от своего брата Клодальфа отказался от собственной доли отцовского наследства в пользу церкви. Согласно пророчеству отца, ему вернулось за это несравненно больше, чем он отдал, «и в этом заключалась отеческая благодать, что из его потомства сформировались сильные и смелые мужи. Поэтому такой род и породил королевство франков». Если верить Павлу Диакону, он воспринял эту домашнюю традицию от самого Карла.

Итак, грамота, начинающаяся с «правоверной» формулы Святой Троицы, содержит подробнейшее описание условий распределения, его процедуры вплоть до окончательного выделения долей пользующимся покровительством, а также определяет роль свидетелей и гарантов юридической сделки. Детально расписанный характер действия и сам дух предписания отражают принципиальную позицию Карла, которая прослеживается в подавляющем большинстве его королевских и императорских постановлений: ничто или лишь немного предоставлять случаю, иначе открывается простор для непредсказуемых и непланируемых вещей. Так, эта «Последняя воля» наполнена духом политического завещания 806 года, который не случайно проявляется в повторении терминов «*divisio*» и «*ratio*», то есть «раздел» и «исчисление» или «расчет», и одновременно придает волеизъявлению правителя законную силу. Данный документ постольку приближается к римской правовой норме, поскольку он в объективном воспроизведении определяет завещателя согласно привычному титулованию,

содержит датирование в соответствии с годом воплощения Христа, годами правления в качестве короля и императора, а также в соответствии со средневековым пятнадцатилетним циклом. Правда, без указания конкретного дня. Кроме всего прочего, прилагается список свидетелей и гарантов. Материальная сторона завещания, предусмотренная распределительная масса складывается из «сокровищ и имущества, наличествующих в тот день в его хранилище».

Часть распоряжения, вступающая в силу немедленно в качестве дарения, выдача которого, правда, откладывалась до смерти завещателя и одновременно составляла собственное пожертвование Карла на помин души, касалась всех обнаруженных в тот указанный день ценностей из золота и серебра, драгоценных камней и королевских облачений. Эта масса, включая «королевские сокровища», подлежала разделу на двадцать одну долю. Эти доли предназначались для двадцати одной митрополии империи и после смерти монарха подлежали выдаче «его наследникам и друзьям», то есть его доверенным лицам, для передачи соответствующему архиепископу в качестве подаяния, предназначенного для его церкви. Мало того, Карл, по аналогии с разделом церковной десятины, распорядился насчет раздела этого пожертвования на помин души таким образом, что архиепископ получил одну треть, а епископы две трети от общей массы. В результате столь великодушного благочестивого пожертвования правитель обеспечил себе в будущем всеобъемлющую молитвенную поддержку на благо спасения собственной души. Эту поддержку создали в том числе монашествующие обитатели, которые постоянно и щедро одаривал правитель.

Указанные доли от общей массы император тщательно хранил в ящике, сундуке или тайнике в разложенном, запечатанном виде, снабдив каждую долю именем соответствующего получателя. Список возглавляли митрополичьи резиденции Рима, Равенны и Милана, а венчали Тур и Бурж. Между первыми и вторыми находились Кёльн (резиденция его постоянного главного капеллана Гильдебольда), Майнц, Зальцбург и Трир. В этом списке впервые встречаются все бывшие архиепархии его необъятной империи, к которым в 813 году добавился еще Нарбонн на побережье Септимании. Создание или возрождение столь крупных церковных округов стало итогом проводимых Карлом церковно-политических реформ. В результате императорское правление обрело жесткий корсет, одновременно позволивший преодолеть

прежнее состояние франкской господствующей церкви, располагавшей вплоть до восьмидесятых годов VIII века лишь одной митрополичьей резиденцией в Меце или Сансе. К тому же после получения палии как видимого знака особого достоинства от лица папы римского патриарх Запада устанавливал длительную, в том числе и юридически значимую, связь с соответствующими архиепископами. Правда, в связи с этим разделом римский понтифик не удостоился особого положения с претензией на соответствующую долю от наследной массы. Хотя папа занимает ведущее место, опережая соперничавших с ним Равенну и Милан, речь шла о своего рода почетном «первенстве»; это звание воспринималось как «имперский епископ» в пределах империи правителя франков. Папство как всеобъемлющий и своеобразный институт церковной истории Запада еще не достигло того положения над митрополиями и церковными собраниями (и королем!), которое после так называемого спора об инвеституре на многие века превратит Римскую церковь в духовную юридическую и политическую инстанцию.

Право на третью часть основной наследной массы император пожизненно оставил за собой (на собственные нужды). Правда, после его кончины или «в случае его добровольного отказа от светских благ» — очевидно, в монашеском звании — соответствующее имущество подлежало разделу на четыре части, из которых одна опять-таки отходила митрополитам, вторая — семье в узком смысле слова, третья по христианскому обычаю предназначалась неимущим и, наконец, четвертая доля как своего рода завещательный отказ («легат») причиталась на непосредственное пропитание дворцовой прислуге мужского и женского пола.

Хотя в духовном космосе средневековья цифровая символика играла немаловажную роль, принципы раздела имущества, привязанные к священным числам «три» (Троица, триединство) и «четыре» (четыре книги Евангелия по именам их создателей — апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна; четыре главные добродетели по Платону: мудрость, смелость, благоразумие, справедливость), отвечали практическим подходам Карла сообразно, по-видимому, скорее трезвым потребностям, нежели какой бы то ни было мистической нумерологии.

Доля, причитавшаяся семье, получила, на удивление, точное определение. Получателями становились «его дочери и сыновья, сыновья и дочери его сыновей»; в конкретном случае это означает, что правом на наследство обладали не только его сыновья

Карл и Людовик, а также дочери, родившиеся от браков с Гильдегардой и Фастрадой, пока они еще были живы, но и сын и дочери из числа потомков недавно скончавшегося Италийского короля Пипина, то есть Бернгард и его пять сестер. Если в этом, наверное, нельзя усматривать строгое указание на их легитимность, тем не менее данное положение следует расценивать как надежное свидетельство того, что эти дети были «приняты» не только их отцом, но и дедом и теперь рассматривались как равноценные наследники.

В любом случае характерным оказывается «право представления внуков и внучек», которое было известно далеко не каждому так называемому обычному праву. Если по прошествии десятилетия бурной истории, когда родившиеся в законном браке дети представлялись необходимыми для преемства монархии, Эйнхард философствует о тщетности усилий Карла по составлению «завещания» в пользу своих дочерей и сыновей, рожденных наложницами, очевидно, имея в виду Дрогона, Гуго и Теодориха, то за этим вполне могла бы скрываться косвенная критика монаршего преемника Людовика Благочестивого, который, отказываясь от воли умершего отца, исключил участие сестер и сводных братьев в наследстве.

Эта третья основная доля, которая хотя и делилась на четыре части, но, несмотря на семейную долю, опять-таки преимущественно отходила церкви и неимущим, также включала золото и серебро, в свою очередь, составлявшие собственно королевские сокровища, на обладании которыми и зижделись щедрость и, следовательно, престиж правителя. Сокровища Карла, по масштабам сравнимые разве что со сказочными сокровищами Нибелунгов, слагались из легендарных трофеев, добытых в военных походах против аваров (так называемое «кольцо аваров»), из дани покоренных племен и таких пограничных земель, как Беневенто, из государственных даров папы, эмира и халифа, а также из ежегодных «добровольных» даров его аристократии в знак лояльности и преданности. К этой сокровищнице, вызывавшей восхищение современников, следует добавить «все бронзовые и железные сосуды и предметы вместе с оружием и одеждами, а также всякую прочую ценную или малоценную домашнюю утварь, например портьеры, одеяла, стенные ковры, фетр, кожу, уздечки с набором и все прочее, что окажется в тот день в кладовой и в его гардеробной, чтобы, таким образом, еще более умножить доли этой третьей части, а также подавание среди страждущих». В этом инвентар-

ном перечне отражается также наличие элемента роскоши в жизни чрезвычайно немногочисленного высшего слоя, каменные дома которого в Южной Галлии и в Италии отличались соответствующим пышным интерьером.

В этом контексте особого внимания удостоивается капелла, то есть «что предназначается для совершения богослужения». Речь идет о помещении, в котором хранятся Сарра, полумантия святого Мартина — важнейшая франкская святыня, а также прочие мощи и многочисленные культовые предметы как обязательный элемент для совершения богослужения с участием монарха. За все несли персональную ответственность придворные капелланы. Эта капелла представляет собой религиозный и духовный центр королевского института во главе с архикапелланом. Тогда им был архиепископ Кёльнский Гильдебольд, которого ввиду значимости капелл пришлось освободить от его обязанностей в резиденции. По поручению монарха капелла выполняет также функцию канцелярии и писарской, готовившей разные грамоты. Здесь хранятся предметы сакрального назначения, к примеру, служебники, евангельские тексты, материалы по гомилетике, сборники церковных песнопений, литургическая утварь и, разумеется, бесценные святые мощи. Все это, «собранное им самим и его отцом, не подлежит никакому разделу». Если же обнаружатся предметы, сосуды, книги и «прочий декор», о которых точно известно, что они, согласно монаршей воле, не подлежали передаче в распоряжение капеллы, «то желающий может приобрести их за соответствующую цену». И такой подход считается средством повышения доли подавания для неимущих по христианскому обычаю.

Последним в ряду этой информации общего порядка оказалось следующее указание: «Равным образом он составил распоряжение относительно книг, которых в его библиотеке набралось великое множество. Желющие иметь книги могут приобрести их за справедливую цену. Вырученные от продажи средства пусть пойдут на пользу неимущим». К немалому удивлению потомков, Карл не был настоящим библиофилом — он и в случае собственной смерти вовсе не стремился на длительное время сохранить собрание своих книг. Карл не ощущает привязанности к тому, что пожирает ржа и моль. Он без колебаний жертвует древние рукописи из библиотеки или их денежный эквивалент на помин души, несмотря на тот факт, что даже в последние недели перед смертью с помощью ученых мужей не прекращал работать над языковым усовершенствованием библейских текстов.

Намеченное рассредоточение книгохранилища Карла неизменно вызывало раздражение потомков, что, однако, определялось не совсем верным представлением о библиотеке императора.

Давно не прекращаются разговоры о придворной библиотеке, а также о придворной школе или даже дворцовой школе, плоды которых, в особенности известные старинные рукописи, составляли, по-видимому, основу этой библиотеки. Таким образом, книгохранилище Карла по количеству и качеству приблизилось к библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле или даже к императорской венской библиотеке и хранимым в ней фондам. Карл стал коллекционером книг, настоящим библиофилом. При более детальном рассмотрении вопроса, в данном случае предания, сразу становится ясно, что с именем Карла фактически связаны две (!) известные, украшенные миниатюрами рукописи, заказчиком которых он был (однажды вместе со своей супругой Гильдегардой). Это Евангелистарий Годескалька, созданный писарем в период между 781 и 783 годами, и Псалтырь Дагелайфа, предназначенный для папы Адриана I, скончавшегося в 795 году и, предположительно, так и не получившего сей дар. Эта так называемая придворная школа была привязана к Ахену. Тем не менее король Карл «исполнял свое высокое служение» (по выражению Алоиса Шульте) по крайней мере до 795 года в основном в кочевом статусе без постоянной резиденции. Следовательно, эти рукописи едва ли могли быть написаны в Ахене, ибо Карл только в середине девяностых годов IX столетия выбрал этот пфальц, в том числе из-за его термальных источников, в качестве своей зимней резиденции и принялся его расширять.

По приказу короля возникло еще одно произведение без иллюстраций — сочинение грамматических текстов Петра Пизанского. Оригинал до сих пор сохранился и по титулу заказчика также приходится на время правления Карла до 800 года. К числу этих немногих бесценных рукописей относится и Евангелие, возникшее, по преданию, в Ахене, хотя Бернгард Бишофф считает, что оно могло появиться на свет уже после смерти монарха. Отголоском тех времен следует считать также Библию из сокровищницы римской Валичеллианы. По своему происхождению она связана с дошедшим до нас стихотворением Алкуина, написанным по указанию Карла. Если опираться исключительно на стилистический анализ рукописей, происхождение которых связывают с придворной школой, например, из Трира (Ада), Суассона,

Шелль (известная школа под началом сестры Карла Гизелы!) или монастыря Сен-Рикье, то эти шедевры, равно как и Евангелие Лорша, которое упоминается уже в старейшем собрании рукописей, вполне могли возникнуть на местах, тем более что между отдельными монастырями и епископскими писарскими существовали весьма оживленные обмены. Уже упомянутый Бернгард Бишофф в итоге пришел к выводу, что «на протяжении двух-трех десятилетий, в общем, можно насчитать более десяти пар рук, а это представляется весьма ограниченной основой для того, чтобы составить себе представление о масштабах придворного сочинительства на фоне ярко выраженной общественной активности (!)». Впрочем, Бишофф вынужден признать, что явная неодинаковость отдельных групп письменности «в немалой степени затемняет» дальнейшее формирование письменного стиля в «придворной писарской».

Современные термины «придворная школа», «придворная писарская» и «придворная библиотека» в столь же малой степени доказывают внутреннюю сущность подобных институтов, в какой «придворная библиотека», сосредоточившая любые письменные свидетельства о жизни монарха, претендует на право именоваться центральным книгохранилищем Ахена.

Литературные потребности двора были весьма многообразны. Капелла, по-видимому, располагала богатым собранием бесценных литургических рукописей. Ей подчинялась «канцелярия» (вместе с «архивом») в виде свособразной «деловой библиотеки», в которой хранились главным образом папская декреталия, всякие правовые акты и «сборники образцов документов и писем». Не исключено, что там же располагалось некое подобие «школьной библиотеки». В ее фондах были произведения античных классиков и отцов церкви, которые использовались на занятиях по «тривиуму» (грамматика, риторика, диалектика) и «квадривиуму» (арифметика, геометрия, астрономия и музыка). Обучение происходило в крупных монастырях уровня Корби или Рейхенау. Карл, как и аристократы его империи, велел обучать основам наук своих сыновей и дочерей, а также внука Бернгарда и его сестер, а кроме того, приближенных, как Ангильбера (из монастыря Сен-Рикье) или Бенедикта (из монастыря Аниан). При этом главным считались изучение добротной латыни и упражнения по чтению.

Следует также учитывать, что одним из наиболее значительных и обширных литературных произведений, возникших в окружении монарха и одновременно по его желанию, было так назы-

ваемое *Opus Karoli contra synodum**, ранее именовавшееся *Libri Carolini*, возникшее в период между 791 и 793 годами без всякого влияния придворной библиотеки, но при участии ученого Теодульфа Орлеанского, по-видимому, пользовавшегося книгами епископской библиотеки Регенсбурга, в основном же цитировавшего собственные источники, которые представляли ошибочно именуемую мозарабскую, а скорее, староиспанскую библейскую и литургическую традицию.

Фактически библиотека Карла, судьба которой была решена в 811 году, являлась «частным» книжным шкафом, хотя и солидных размеров. Среди прочих книг в нем присутствовали произведение Августина «О граде Божьем», которое имел обыкновение перечитывать Карл, другие «классики», вероятно, *Naturalis historia* Плиния, ну и, безусловно, Ветхий и Новый Заветы, Псалтырь и многочисленные сочинения придворных авторов, в особенности поэтические, никак не связанные с «Гомером» (Ангильбер) и другими литераторами, а также достаточно серьезные трактаты, авторами которых были Алкуин или Павлин Аквилейский.

Эти книжные сокровища не поддаются количественному подсчету, тем более что крупнейшие библиотеки того времени (здесь опять достойно упоминания книгохранилище монастыря Корби) считали своим достоянием менее полутысячи рукописей. Карл стремился к продаже «частной библиотеки», а не к ликвидации всех книжных собраний на местах.

Особое место среди сокровищ и движимого имущества занимали три серебряных и «один очень большой и особенно тяжелый золотой стол». Четырехугольный серебряный стол, на котором был изображен город Константинополь (подарок из Византии?), вместе с долей из монарших сокровищ предназначался собору Святого Петра в Риме, а обладателем еще одного стола круглой формы с изображением Вечного города должна была стать Равеннская епископия, давно соперничавшая с Римом. Ну а третий стол представлял особо утонченную ценность, поскольку его столешница состояла из трех кругов, согласно более поздним анналам монастыря Святого Бертина изображавших Землю и ее атмосферу в духе системы Птолемея, орбиты планет и систему неподвижных звезд, что свидетельствовало о высокой оценке астрономических интересов обладателя данного произведения искусства. Этот стол вместе с золотым столом добавлялся к тре-

* Сочинение Карла против собора (лат.).

ти вступавшего немедленно в силу пожертвования на помин души, предназначаясь для наследников, а также для подаяния неимущим.

Из этих сокровищ Людовик Благочестивый якобы оставил за собой лишь состоящий из трех кругов стол «из любви к своему отцу, но который он все-таки разобрал и вырученные деньги пожертвовал на спасение души отца». Старший сын Людовик и соправитель Лотарь I в 842 году на пике своих распрей с братьями забрал из Ахена этот неповторимый шедевр вместе со всеми королевскими сокровищами и ценностями ахенского кафедрального собора, распорядившись распилить ценное произведение искусства, а вырученные средства раздать своим сторонникам. О судьбе золотого стола, как и обоих серебряных столов, ничего не известно. Подарки Риму и Равенне, судя по всему, были сделаны не просто так. Не исключено, что император, указывая на Константинополь, призывал преемника апостола Петра к сплочению христианской ойкумены, а архиепископа Равенны — признать верховенство Рима, которому должна была подчиниться и церковь бывшего экзарха и наместника Италийского Василия.

Цифровая символика средневековья, по-видимому, прослеживается в списке свидетелей, приложенном Карлом к «этому предписанию и этому приказу». В нем содержатся также имена гарантов, доверенных лиц и даже потенциальных «исполнителей завещания». Общее число свидетелей — тридцать, то есть в десять раз больше «священного числа» «три». Список возглавляют семь архиепископов, ибо «семь» также считается «священным числом». В этой семерке первое место занимает архиепископ Кёльнский, одновременно архикапеллан и поэтому высшее духовное лицо при дворе. За ним следуют митрополиты Майнца и Зальцбурга, к которым примыкают духовные собратья из Реймса, Безансона, Лиона и Арлеса. Епископ Трирский Амалар в списке отсутствует, поскольку, видимо, еще не получил палию из Рима. За митрополитами следуют три епископа: Теодульф Орлеанский, поэт и богослов из Испании, «эксперт по Риму и Иерусалиму» Иессе Амьенский и епископ Базельский Хейте, одновременно аббат монастыря Рейхенау, который сразу после составления этого акта отправился в Константинополь, а также епископ Вальтгауд Льежский. За этими князьями церкви выстраиваются аббаты важнейших королевских монастырей: Фридугиз из Турской обители, Адалунг — монастырь Лорш, Ангиль-

бер — Сен-Рикье и впервые упоминаемый в тогдашних источниках Ирминон из монастыря Сен-Жермен-де-Пре. С его именем ошибочно связывают самый обширный сенъериальный список хозяйств периода раннего среднсвековья; он прекрасно сохранился, содержит не менее десяти тысяч имен крепостных крестьян и поэтому остается самым важным источником для исследования наречения крестьян эпохи раннего средневековья. О самом Ирминоне мало что известно; если судить по имени, он мог быть выходцем из семьи Ирминона, имевшей отношение к династии Каролингов (Мец — Трир).

Этим князьям церкви противостоят пятнадцать представителей имперской аристократии в лице влиятельных графов. Тем самым обеспечивается баланс сил между духовной и светской элитой, члены которой, как правило, происходили из одних и тех же семей, что оказывалось как бы двойной поддержкой для трона. Империя Карла не являлась ни скрытой формой теократии, опиравшейся на высшее духовенство как пособников в исполнении своей воли, ни явно военного толка управлением народами как совокупностью сторонников. Франкское королевское правление ориентировалось на унаследованные библейские образцы и прежде всего на Давида и Соломона, а также на христианские максимы осуществления власти в сочетании с духовным пастырством, что и породило неповторимый тип королевского правления, которому было суждено утвердиться в средние века (и по их прошествии).

Список мирян возглавляет Вала, наиболее влиятельный деятель при дворе, вместе со своим единокровным братом Адалардом. Есть основания считать, что при восхождении на трон в Ахене после кончины отца Людовик Благочестивый был вынужден считаться с влиятельностью обоих братьев. Среди других графов, имена которых лишь в отдельных случаях связаны с определенными семействами, значатся (будущий) префект Баварии Аудульф и граф Стефан Парижский. Его мать Ротруда, судя по имени, могла бы иметь родственные связи с правящим домом. Граф Унруок — дед будущего императора Беренгара и отец Эберхарда, маркграфа Фриульского, завещание которого, датированное 867 годом, тоже приобрело определенную известность. Граф Бурхард мог бы оказаться коннетаблем, одержавшим в 807 году победу над флотилией норманнов; Эркангар — это граф в округе Брейс. В 826 году Герольд становится прсемянником сво-

его дяди в Баварии или в Остмарке. Берон, по-видимому, тот же граф, который правил в Барселоне, а Грокольф мог бы оказаться герольдом где-нибудь в районе среднего течения Рейна или состоять в родственных отношениях с архиепископом Майнца Риккульфом.

Как бы то ни было, «завещание» императора засвидетельствовано и гарантируется представителями духовной и светской руководящей элиты, которые как *Amici*, то есть друзья, формировали антураж стареющего правителя и вместе с наследниками должны были четко исполнить его последнюю волю.

Хронист Эйнхард завершает своеобразную биографию Карла кратким замечанием: «И все это незамедлительно после кончины отца с величайшим тщанием велел исполнить его сын Людовик, следовавший за ним по божественному зову, после того как просмотрел breviарий». Последующие источники разделяли оценку Эйнхарда, хотя нельзя не заметить, что, к примеру, Теган, один из биографов Людовика, и Нитгард, внук Карла и свидетель, описавший последующую гражданскую войну, упоминают лишь раздел части наследства Карла, причитающейся наследникам, между Людовиком и его сестрами, обходя молчанием Бернгарда вместе с сестрами.

После происшедшего с юным италийским королем, смерть которого ускорила развал правления Людовика, двор, видимо, счел уместным никак не реагировать на столь неприятное обстоятельство. И если Нитгард затем подчеркивает, что причитающуюся ему как наследнику долю (скорее всего серебро в монетах). Людовик так же разделил на три части, то в этом нет ничего особенного, поскольку преемник был вынужден расстаться с первой долей «в связи с захоронением» своего отца. Дело в том, что захоронение и связанные с ним последующие события требовали финансовых вложений. Поэтому своего рода аванс представлялся весьма уместным. По свидетельству нашего источника почти три десятилетия спустя, остальные две части он вернул для раздела их «между собой и своими сестрами от законного брака (!)». Единородных братьев, «пребывавших еще в юном возрасте» — Дрогона, Гуго и Теодориха, — он объявил «сотрапезниками», а свосму племяннику Бернгарду «присудил Италийское королство». Людовик исполнил волю Карла и по отношению к своему племяннику Бернгарду, на которого в этой связи пока не упало и тени какой-либо неправомерности.

«КРИТИЧЕСКАЯ ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ В ЦЕРКВИ И МИРЕ»

При подготовке Ахенского собрания весной 811 года, очевидно, использовались списки вопросов по целому кругу дел, обсуждение которых представлялось Карлу крайне важным. Не кто иной, как крупный знаток истории церкви Альберт Гаук, характеризовал эти вопросы и частично связанные с ними ироничные экспликации следующим образом: «Это были самые жесткие и язвительные высказывания, дошедшие до нас». О якобы старческом разочаровании перед лицом явно безутешного положения дел не может быть и речи! Складывается впечатление, что император переходит в контрнаступление, разбирая своих врагов по косточкам. Разговоры с епископами, аббатами и графами ведутся не вкупе, а раздельно, дифференцированно, что было характерно вообще и для других собраний, например для Франкфуртского собора 794 года. Такой подход обеспечивал в определенной степени упорядоченное течение переговоров.

Через все текстовые свидетельства красной нитью проходит всеобъемлющий вопрос: «Действительно ли мы христиане?» Как обеспечить нарастающий процесс превращения «смешанного общества» в «царство Божие»? Как сделать реальностью видение Августина, которым зачитывался император Карл? При этом на первый план выдвигается главный вопрос о причинах не «оказания помощи», особенно когда речь идет о воинском призыве и защите отечества. Почему миряне то и дело препятствуют священникам в исполнении их служения? Не надо ли обсуждать, в какой мере епископам и аббатам дозволено вторгаться в светские дела, а мирянам в духовные? Вместе с тем уместно поставить вопрос относительно образа жизни и нравов духовных пастырей, призванных быть примером для народа. Этот же вопрос касается белого духовенства и монашествующих. Имеет ли право на существование монашеское сообщество, не подчиняющееся уставу ордена бенедиктинцев? Наблюдалось ли вообще подобное в Галлии до введения предписания отцов церкви? На все вопросы напрашивается положительный ответ. Несмотря на «смешанные правила», соблюдение которых, несомненно, осложняло желаемое единообразие монашеского существования, против чего рьяно выступали главным образом первые соборы Людовика Благочестивого, отстаивая абсолютный приоритет устава ордена бенедиктинцев.

Еще один текст, связанный с Ахенским собранием, напоминает о заповеди, провозглашенной в предыдущем году, о соблюдении трехдневного поста в целях самопознания и христианского углубления в самого себя. Это требование содержалось еще в послании епископу Гервальду Льежскому от 805 года. Произошло ли осознание столь глубокой по значимости материи? И вновь список вопросов, адресованных епископам и аббатам и вместе с тем достаточно откровенно и порой иронично требующих от них оправдания их образа жизни. Эти вопросы призваны помочь уяснить суть Священного Писания не только для священнослужителей, но и применять его постулаты для обучения других. Как удары молота обрушивается на головы прелатов вводный призыв «постигать», своего рода «крещендо» (по выражению Ф.Л. Гансхофа): «Что, по сути дела, значит — покидать мир? Чем тогда покидающие его отличаются от остающихся в нем? Может быть, исключительно тем, что не носят оружия и публично не связаны семейными узами? Покинул ли мир тот, кто каждодневно и неустанно приумножает свое состояние, любым путем, любым образом убеждая блаженством царства небесного или угрожая вечными адскими муками, именем Господа или какого-либо другого святого лишает бедных, равно как богатых, по причине их недостаточной учености и осмотрительности, имущества движимого и недвижимого, а также причитающегося им по закону наследства, тем самым подталкивая многих из них к совершению от нужды преступлений и злодеяний, побуждая к воровству и грабёжам?» И далес в продолжение затронутой темы: «Как тот покинул мир, который от алчности и жажды обладания вещами, имеющимися у другого, с помощью денег подстрекает людей к клятво-преступлению и лжесвидетельству, обращаясь при этом не к богобоязненному фогту, а к тому, кто жесток, алчен и бессовестен, кого при совершении очередного приобретения интересует не вопрос «как», а лишь «сколько»?»

Далее речь идет о переносе святых мощей, возведении храмов и благочестивых пожертвованиях, которые с благословения епископов служили только росту собственного влияния. Не без сарказма император поминает духовных лиц, продолжающих держать вооруженные отряды и обладающих независимым наследственным имуществом, и иронично просит их дать соответствующее разъяснение на этот счет. Особое внимание уделяется теперь и святому таинству крещения. Этой темой всерьез занимался Карл, о чем свидетельствуют многочисленные послания и экспертизы

архиепископа Санского Магнуса, архиепископа Аквилейского Максентия и архиепископа Лионского Лейдрада. Так, монарха интересует, «кто же тот сатана или супостат, проискам и пышности которого мы бросаем вызов при совершении крещения». Кроме того, он с нескрываемой иронией пытается выяснить, «в каком каноне или в каком наставлении отцов церкви сказано, что кому-то против собственной воли можно определить судьбу клирика или монаха. Или в какой проповеди Христа или одного из его апостолов говорится, что следует формировать в церкви сообщество из недовольных, незваных или недоброжелателей, будь то каноник или монах?»

Можно представить себе лица князей церкви, к которым обращены упомянутые выше вопросы. Принимая во внимание многолетние усилия Карла по составлению и распространению авторизованных древнехристианских служебников и средневековых собраний проповедей, в том числе Священного Писания, по общей популяризации типовых богослужебных текстов и церковных песнопений по римскому образцу, а также учитывая явное стремление к возведению новых и восстановлению старых церковных строений и поддержанию их сносного существования, особую остроту приобретает следующее высказывание, в котором император допускает, что «несовершенство песнопений представляется нам более терпимым делом, чем несовершенство образа жизни. И хотя позитивно то, что церковные строения отличаются своей красотой, все же нам кажется, что изящество и блеск благих нравов предпочтительнее изящества и блеска архитектурных строений». Многое, почти все, должно предстать в новом облике, если есть желание следовать Христу и апостолам; многое из того, что пробивает себе дорогу, нельзя, как и прежде, практиковать бездумно. Христианизация общества исчерпывается во внешних проявлениях, духовный статус монахов и монахинь застывает в привычных жизненных формах, а причастность к светским делам значительно превосходит усилия в преемничестве Господа и в следовании Его заповедям. Однако эти проявления зла представляют собой угрозу обществу и самим основам его существования, поэтому здесь требуется помощь.

Многие жалобы, изложенные в столь акцентированной форме в 811 году, например участие в светских делах, обряд крещения, отвержение дьявола, принятие духовного звания малоподходящими для этого людьми, приобщение к монашескому состоянию, — все это в 813 году нашло широкий отклик на крупных

провинциальных соборах, которым вновь пришлось разбираться в сложных проблемах истинно христианского существования, причем их итоговые решения предположительно были бы включены в особой значимости реформаторский капитулярий, чему, однако, помешала кончина императора в 814 году.

Третий документ посвящался вопросам дезертирства и отказа от воинского призыва. Общие высказывания опрошенных графов и эмиссаров можно сравнить с глобальным извинением. Так, епископы, аббаты и их фогты утверждают, что обладают над своими «подзащитными» такой же ограниченной властью, как и над прочими людьми. В подобном же духе высказываются графы относительно «*pagenses*», жителей своего административного округа. Тем самым иммунитет ни церкви, ни графства оказался не в состоянии обеспечить надежный призыв. Приводятся и другие аргументы отказа от призыва и, стало быть, дезертирства: ограбление неимущих духовными и светскими сановниками или же их уполномоченными; передача независимого наследственного имущества (аллода) епископам, аббатам и графам во имя того, чтобы в качестве крепостных, не отягощенных публичной властью, избежать довлеющей над ними воинской повинности. Другим выходом для «бедных свободных» была возможность попасть в обслугу власть имущих в качестве соколыничих, сгерей, мытарей, пробстов или деканов. Иные избегали воинской службы, поскольку, деликатно говоря, «смогли дать», то есть не поскупились на взятки. Еще одна категория уклонялась от графского призыва на том основании, что они подчиняются только эмиссарам императора. И наконец, еще одна группа утверждала, что, будучи «людьми» королей Пипина и Людовика, они готовы служить только этим монархам, возложив участие в воинском призыве на плечи других вассалов.

Это является свидетельством центробежной тенденции в служебных отношениях, особенно в условиях консолидации феодализма. Как сеньериальная власть отдаляла королевство в качестве командной инстанции от крестьянина — пехотинца, так и феодализм — от кавалериста, что породило процесс, который в существенной степени наложил на средние века печать феодализации общества. В том же духе воспринимается отговорка тех, кто отказывался выполнять предъявляемые к ним требования, утверждая, что просто-напросто присоединялись к своим «сеньерам», то есть к господам, которые мирно оставались дома. Иные же предпочитали покровительство феодала, чтобы не участвовать в военных

походах. Складывается впечатление, что даже убийство родственников не считалось таким уж редким преступлением в целях уклонения от тягостной повинности.

Все более явная тенденция неохотного исполнения воинской обязанности вылилась в откровенное неисполнение приказа, вызванное недостаточной боеготовностью, которая ввиду отсутствия надежды на солидные трофеи и лишилась всяких стимулов. Замазывавшие на горизонте признаки исходившей от норманнов военной угрозы только усугубили всеобщую усталость от войны.

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИМПЕРИИ

Надо сказать, что Карла, видимо, не очень смутили скудные результаты выяснения и причин и побудительных мотивов, приведших к возникновению столь плачевных условий.

По окончании собрания в Ахене император сформировал три отряда. Несмотря на региональный принцип формирования, нагрузка на отдельные «призывные районы», по-видимому, оказалась весьма значительной. Да и вытекающих из этого проблем, как свидетельствуют почти одновременно обнародованные капи-тулярии, было предостаточно. Один отряд, форсировав Эльбу, выступил против лионов и расселившихся к востоку от них славянских племен, которые до того вместе с вильцами противостояли ободритам, причем разрушению подверглась восстановленная крепость Хобуки. Заключение мира с датчанами обеспечило большую свободу действий на противоположном берегу Эльбы, где вскоре были отмечены первые миссионерские усилия, форпостом которых оказался Гамбург.

Еще один воинский отряд был направлен в Паннонию. Здесь под началом постоянно сменяющихся вождей селились остатки аваров. В 805 году Карл предоставил им эти земли между реками Дунай, Раба и озером Нойзидлер-Зе. Аварам угрожали славянские племена, что, по-видимому, и побуждало их вождей напоминать о себе в Ахене. О подробностях этой кампании нам ничего не известно, равно как и о возглавлявшем отряд военачальнике. Не исключено, что эта задача была возложена на графа Герольда, охранявшего формирующуюся тогда Остмарку на участке между притоком Дуная Энсом и Венским лесом, а 26 ноября 811 года в Ахене добившегося от императора грамоты в отношении монастыря Нидералтайх. В этом документе речь шла о дар-

нии земли в аварском регионе. Почти одновременно по приказу «командующих» вожди аваров и славян предстали в Ахене перед Карлом, который в духе согласия урегулировал спорные вопросы, другими словами, предоставил славянам как минимум равноправное управление на придунайских совместных территориях. Это урегулирование не было виртуальным. Ведь не случайно *Ordinatio imperii* 817 года, кроме Баварии, Каринтии и Богемии, упоминает еще аваров и славян, селившихся восточнее Богемии и признававших правителем Людовика Немецкого. Лишь в 822 году эти земли оказываются в прямом подчинении у франков, чему предшествовало прекращение действия языческой конституции.

Третий театр военных действий правитель франков открыл в середине 811 года против бретонцев, которые, по сведениям Эйнхарда (в данном случае он лишь перефразирует свидетельство имперских хроник), якобы были повержены еще в 786 году. Военный поход 811 года подтверждает беспочвенность этого утверждения. Действия франков и тогда не были чрезвычайно успешными; положение оставалось неустойчивым до тех пор, пока стараниями Людовика Благочестивого в 818 году не произошли решительные перемены.

Видимо, одновременно из Аквитании с целью повторной осады Уэски в поход отправился отряд под командованием монаршего эmissара Гериберта. Скорее всего это произошло с молчаливого согласия эмира Кордовы, который туда же сослал своего заклятого врага, бывшего наместника Амореса из Сарагосы. Надо сказать, что и эта экспедиция особого успеха не имела. Разорив окрестности Уэски, отряд бесславно вернулся домой.

ИНСПЕКЦИЯ ФЛОТИЛИИ НА АТЛАНТИЧЕСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ И НА ШЕЛЬДЕ

Во второй половине года Карла тоже не было в Ахене. После имперского сейма (рэйхстага) он направился на атлантическое побережье, чтобы в Булоне самому ознакомиться с уровнем вооруженности флота, в отношении чего он распорядился годом раньше. В Генте на берегу Шельды он решил провести инспекцию построенных там судов. Все говорит за то, что тогда же Карл посетил в аббатстве Святого Рихария монастырь Сен-Рикье, где недавно многоречивые споры о Святой Троице, включая формулу филиокве, получили воплощение в каменных церковных стро-

ниях. Именно там монарх ощутил потребность душевного общения со старым знакомым Ангильбером, отцом своих внуков Нитгарда и Арднита.

В Булоне-сюр-Мер Карл позаботился о том, чтобы восстановить сохранившийся еще со времен его античного «предтечи» Калигулы, но пришедший в негодность маяк, определявший пункт отправления с материка в Британию и являвшийся символом победы. Здесь, по-видимому, реставрационными работами способствовали интерес монарха к мореплаванию и его тяга к чтению. Маяк простоял несколько веков, рухнув окончательно лишь в 1644 году.

В Булоне Карл распорядился подготовить два значительных капитулярия, посвященных вновь и главным образом воинскому призыву и попыткам ограничить действие уже упоминавшихся центробежных сил путем принятия некоторых контрмер. В соответствии с этим каждый свободный крестьянин обязан участвовать в воинском призыве, если он не желает выплачивать в полной мере штраф размером в шестьдесят шиллингов; если он отказывается и от призыва и от уплаты штрафа, то может быть заключен в долговую тюрьму до погашения долга. На наследственное имущество и на самих наследников это по крайней мере временное ограничение не распространяется. Указанный выше штраф за неуважение юрисдикции монарха графу взимать не разрешается, даже под предлогом потребности, например, в извозе или в предоставлении пристанища. Правда, после взыскания королевскими эмиссарами обеспечивается претензия на возмещение одной трети от изъятой суммы. Штраф нельзя взыскивать также в форме земельных владений и холопов (!). Эквивалентным выражением денежного штрафа могут быть благородные металлы, предметы одежды, оружие, животные и прочие полезные вещи, поскольку сокращение экономического достояния этих средних слоев не отвечает интересам императора. Королевские вассалы, обладатели *honores*, то есть земельных наделов и должностей, свое опоздание на смотры, предшествующие военным походам, должны компенсировать говением и воздержанием от употребления вина и мяса в зависимости от количества пропущенных дней.

Это была, очевидно, суровая и нелюбимая мера наказания, которая, однако, уже в преддверии походов против аваров в 791 году уступила место платежам наличными. Дезертирство, как и прежде, карается смертной казнью. Особое наказание предусмотрено за пьянство в военных походах, к ответственности привлекается и тот, кто провоцирует на это. Служащие при королевском

дворе вассалы, хоть и пользуются бенефициями в виде земельных участков и не принимают участия в военных экспедициях, в свою очередь, не должны удерживать собственных вассалов, предоставляя их в распоряжение графских военных отрядов.

Что касается обязательства по воинскому призыву, складывается впечатление, что со временем наметилась явная неопределенность относительно требуемого материального вложения, которое опять-таки срочно нуждалось в нормировании. Так, согласно одной старой инструкции, снабженной соответствующим текстовым разъяснением, военнообязанный должен иметь при себе определенный запас съестных продуктов, достаточный соответственно на три месяца, а также оружия и предметов одежды сроком на полгода. «Мокрые границы» проходят по Луаре, Рейну и Эльбе. На другом берегу Луары ориентиром для экспедиции в Испанию служат Пиренеи. Поэтому если кто-либо призывается с территорий, расположенных между Луарой и Рейном, при пересечении одной из этих пограничных рек должен иметь при себе провиант, достаточный на срок от трех месяцев до полугода. Этот расчет показывает, что общий воинский призыв мог обеспечиваться и благодаря удаленным регионам необъятной империи, хотя в целях снабжения кавалерии фуражом и тылового обеспечения отряды формировались главным образом из населения, проживающего в непосредственной близости от театра военных действий.

Внимание монарха привлекают и отряды, формируемые из призывников. Графам запрещается освобождать от воинских обязанностей более двух своих служителей. Превышение установленной нормы карается наложением штрафа, за уплату которого несут ответственность графы. Оружейный арсенал церковей подвергается строгому контролю. Епископам, аббатам и аббатисам запрещается передавать или продавать чужакам кольчуги и мечи. Этими видами оружия могут распоряжаться только вассалы, то есть собственные отряды, формируемые из своих людей церквами и монастырями. Эти вассалы, отчасти постоянно жившие на монастырской земле, отчасти нашедшие на ней приют («casatiert»), достаточно хорошо известны нам из более поздних анналов монастырей Корби и Сен-Рикье, где приводятся впечатляющие цифры.

Поклоняясь ангелу-хранителю и памятуя о непреходящей опасности, Карл выпускает в Булоне предписание, касающееся королевской службы на судах. И здесь подлежат призыву «seniores», предводители вассалов, которые во всеоружии должны ожидать монаршего приказа.

К этому капитулярию, посвященному конкретным актуальным проблемам правления, добавляется еще один документ, который явно перекликается с выпущенным в период пребывания Карла на атлантическом побережье и также относится к категории указов, посвященных проблематике «государственной власти». Если важнейшей заботой Карла в эти месяцы было осуществление воинского призыва, то сразу после решения этого жизненно важного вопроса перед монархом вновь встали проблемы исполнения наказания и подсудности, что в итоге служило обеспечению принципа справедливости. Во избежание противоправной волны процессов Карл устанавливает сроки рассмотрения споров, решаемых в судебном порядке. Согласно новому подходу, не допускается более возвращения к судебным делам, связанным с периодом правления его отца Пипина. Правовые конфликты между епископами, аббатами, графами и прочими властью имущими должны слушаться в императорском суде, чтобы эти споры не стали основанием для приостановления надлежащего судебного разбирательства и, следовательно, лишения неимущих шанса добиться справедливого приговора. Также пфальцграфу как представителю монарха в королевском суде дозволено помогать добиваться справедливости только неимущим, но не властью имущим и сановникам, могущим использовать его в своих целях и намерениях. Выступающие в суде свидетели должны отбираться графами и эмиссарами, причем подкуп свидетелей карается высокими штрафами.

Деятельность судей в судебной инстанции ниже графской ограничивается низшей юрисдикцией, не позволяющей выносить ни смертный приговор, ни решение об утрате свободы или о наложении штрафа в форме изъятия земли и холопов. Все эти аспекты остаются в компетенции суда графов и королевских эмиссаров.

К этому вопросу добавляется еще один, а именно понятное желание иметь представление о пожалованных бенефициях и о лицах, пользующихся долями этих экономических объектов. К их числу относятся светские и духовные сановники, равно как и королевские вассалы. В том же духе опять-таки выдержан монарший приказ о важности информации относительно того, кто расширяет свой аллод за счет аренды земли.

Текст возвращается к упущениям в судопроизводстве. «Зависшие», или, точнее сказать, не доведенные до завершения судебные дела впредь должны слушаться как бы в ежеквартальном

ритме под председательством королевских эмиссаров. В зимнее время на такое слушание отводится январь, весной — апрель, летом — июль и осенью — октябрь, а в остальные месяцы свои обязанности исполняет граф. Кроме того, королевские эмиссары вместе с графами обязаны проводить судебные заседания четыре раза в четырех разных местах. Это нововведение привело не только к серьезному уплотнению графика судебных слушаний, но и фактически подчинило графскую юрисдикцию надзору королевских эмиссаров как представителей монарха, разумеется, при наличии возможности реализации этих постановлений на практике. Кроме того, на монаршего представителя возлагается обязанность собирания издревле причитающихся королю процентов и штрафов, а также соответственной отчетности перед двором, чтобы правитель мог распорядиться поступившими доходами.

Текст завершается приказом эмиссарам — вновь привести «народ» к присяге на верность 802 года, доведя до его сознания смысл и суть этой клятвы, «которую они нам должны сохранить», как это им когда-то было внушено.

Из этих документов видно, что королевские эмиссары все больше становятся серьезной опорой для монарха, который вместе с ними пытается активно вторгаться не только в правовые вопросы, но и в проблему воинского призыва, чтобы сохранить и укрепить основы общества, интересы которого находят свое высшее проявление в личности императора. Перед лицом коррупции, отказа от взятых на себя обязанностей, «повреждения имущества», бьющей через край корысти, дезертирства и усталости от войн, пораженчества и неудач продвижение вперед представлялось отнюдь не простым делом.

В середине ноября 811 года Карл вернулся из инспекционной поездки в свою зимнюю резиденцию в Ахене. В пути он встретил посольство нового датского короля и в знак новой мирной политики получил ценные подарки. В Ахене Карл принял смешанное посольство из Паннонии, сделавшее ставку на посредническую роль императора.

1 декабря потомок одного саксонского аристократа, перешедшего на сторону Карла, получил из рук императора важный диплом, который ярко характеризует сложную ситуацию для саксонской знати, заключившей с королем франков союз, который их соотечественники восприняли как противоречащий собственным интересам. Аристократа звали Амалунг. Он приходился отцом графу Бениту, который, как показывает предыстория судебного

решения, в отличие от других саксов не поддержал восстание против короля. Покинув родимые места, он поступил на службу к Карлу. Поначалу Амалунг хотел осесть в приграничном районе, населенном франками и саксами. Но из этого плана ничего не получилось. Тогда он перебрался на другое место, расположенное между Везером и Фульдой, где занялся корчеванием участка леса, который назывался Букония. Подтверждение права на владение этим *bivanc** и получил сын, граф Бенит, из рук самого императора. Карл исполнил обращенную к нему просьбу. Поскольку донесенный преданием оригинал грамоты сохранился в архивах монастыря Фульда, крупнейшего землевладельца в Буконии, этот документ, скорее всего в виде более позднего акта дарения, попал в монастырь. ❖

ВОПРОСЫ ПРЕЕМСТВА МИР С ВИЗАНТИЕЙ 811—814 ГОДЫ

КОНЧИНА СТАРШИХ СЫНОВЕЙ — КАРЛА И ПИПИНА ГОРБУНА

Год 811 завершился печально — 4 декабря скончался Карл юный, старший сын Карла, родившийся от брака с его третьей по счету супругой, Гильдегардой. В этом году отдал долг природе и отверженный Карлом сын, рожденный от связи с Гимильтрудой, — Пипин Горбун, который еще в 781 году *de facto* был отстранен от преемства в королевстве и после волнений 792 года заточен в домашний монастырь Прюм. Однако со смертью Карла окончательно утратило силу положение о наследовании и преемстве *Divisio regnorum* 806 года.

Благодаря двум версиям биографии и другим многочисленным свидетельствам мы имеем, в общем, глубокое и обстоятельное представление о Людовике Благочестивом не только как о государственном деятеле, чьи труды не были отмечены особыми успехами, но и как о представителе своего отца в Аквитании, в далеких образах которой угадываются и проявляются его харак-

* Раскорчеванный участок леса (*лат.*).

тер, способности и слабости, его политические концепции и личные амбиции. Пипин Италийский не выходил из тени своего могущественного отца, оставлявшего за собой право на принятие всех важнейших решений, но о нем тем не менее можно составить представление как о политическом деятеле, прежде всего как о военачальнике, снискавшем большое уважение современников. А вот Карл вызывал достаточно скромные похвалы своего окружения, хотя автор так называемого Падерборнского эпоса свидетельствует, что по внешнему облику он не уступал отцу. Ангильбер, аббат монастыря Сен-Рикье и «Гомер» придворного круга, даже льстит Карлу, называя его «украшением дворцовой залы и надеждой империи».

В своих стихах Теодульф Орлеанский и Эрмольд Нигеллий выражают собственное отношение к предпочтительной роли старшего сына, что, видимо, объясняется прежде всего частым присутствием Карла при дворе. Этому веку было еще далеко до признания фактического права первородства в получении наследства. «Тринитарная» концепция будущего раздела империи, которая одновременно полностью соответствовала принципу франкского наследного права, не допускала такого одностороннего предпочтения.

Политическая карьера Карла представляется схематичной. Нам известно лишь о нескольких его военных походах, в которых поначалу он находился рядом с отцом. Лишь после 805 года он самостоятельно повел свои отряды через Эльбу на земли славян и в Богемии.

Не все военные экспедиции имели успех. Матримониальный проект его отца, желавшего соединить сына с дочерью короля Оффа, лопнул еще в девяностые годы VIII столетия. Помазанный и коронованный лишь на Рождество в Риме в 800 году, король фактически оставался в тени своего отца, хотя тот в конце восьмидесятых годов возложил на него управление округом Мен, «обучая» его при дворе тонкостям административного искусства. По-видимому, Карл в меньшей мере, чем его брат Людовик, был восприимчив к поучениям Алкуина, на что тот жаловался в одном послании. Возможно, критические слова ученого англосакса, которыми он многократно удостаивает приближенного к Карлу Осульфа, следует воспринимать как косвенную критику в отношении господина и его образа жизни.

Карл умер, не оставив потомства. Неизвестно даже место захоронения короля. Нет сведений и о достойной его памяти эпи-

тафии. Спор между Карлом и Пипином, о котором свидетельствуют чудесные истории святого Гора и который был улажен на могиле святого, возможно, имел отношение к противоборству обоих братьев — Карла и Пипина Горбуна, после 792 года заточенного в монастырь.

ГРАМОТЫ ДЛЯ МОНАСТЫРЯ СЕН-ДЕНИ И ИСПАНСКИЕ «АПРИСИОНЕРЫ»

Зиму, Рождество 811 года и Пасху 4 апреля 812 года, совпавшие с шестьдесят четвертым днем рождения, император провел в своей резиденции в Ахене. Этим периодом датированы две примечательные грамоты, характеризующие правителя как председательствующего королевского суда из-за невозможности исполнять эти обязанности также упоминаемым пфальцграфом Амальрихом.

В одном дипломе, составленном на удивительно грубой латыни и дошедшем до наших дней в оригинале из богатого фонда монастыря Сен-Дени, император 8 марта при участии не менее семи поименно названных графов, пфальцграфа и многочисленных последователей осуждает ответчика в присутствии истца из-за несоблюдения срока вызова в суд и, следовательно, неявки в королевский суд, где слушалось дело о предусмотренном законом возмещении нанесенного ущерба. Истец и ответчик, по-видимому, принадлежали к тому слою населения, для которого было привычным делом уклоняться не только от графского суда, то есть надлежащей инстанции, но и от суда имперского. О подоплеке этого судебного спора, по-видимому, связанного с парижским монастырем, ничего не известно. Грамота еще и потому приобретает особое значение, что на ней остались на удивление хорошо сохранившиеся следы судебной печати Карла в бытность его императором. Она представляла собой античную гемму с изображением Юпитера. И от королевского периода правления Карла сохранился лишь один экземпляр судебной печати, о которой и напоминает нам документ 775 года.

За упомянутым судебным решением от 2 апреля, а это была Страстная пятница, последовала грамота, направленная графам юго-западных регионов империи. Документ адресовался не менее восьми сановникам, которые, если последующие подтверждения этой грамоты Людовиком Благочестивым в 815—816 годах заслуживают доверия, среди прочих управляли графствами Нар-

бонн, Каркассонн, Руссильон, Ампуриа, Барселона, Герона и Безье. Этим сановникам вменяется в обязанность избавить испанских «априсионеров» от всяких притеснений и давления, а также взять их под защиту. «Чтобы избавиться от жестокого ига, которое сарацины взвалили на христиан», «априсионеры» переместились в пограничные районы формирующейся Испанской марки, где вскоре после 778 года стали расселяться на казенных землях как крестьяне, занимавшиеся корчеванием лесов и, по сути дела, несшие охрану границ. Согласно подтверждающим грамотам Людовика Благочестивого, на «априсионеров», в распоряжение которых как свободных представлялась земля для обработки и рекультивации, налагалось обязательство участвовать в воинском призыве, нести в требуемых объемах караульную службу, а также оказывать необходимое содействие гонцам, курсирующим между Кордовой и империей франков, прежде всего предоставляя им лошадей для передвижения.

Переселенцы испытывали к королю особое чувство признательности и верности, несмотря на вынужденность подчинения графам и прочим представителям знати. Они распоряжались полученной землей на условиях наследной аренды, которая, правда, могла быть переоформлена и в свободную собственность. Хотя они не платили никаких процентов, обработка некогда заброшенных фискальных земель все же приносила королевству непосредственную экономическую пользу. Кроме того, в подвергавшемся угрозе пограничном районе у короля появился слой землевладельцев, представлявших дополнительный контингент для дорогостоящей воинской службы и охраны границы, который, по сути дела, подчинялся самому монарху и был ему многим обязан. Существование этих «опекаемых», в сущности не являвшихся ни королевскими вассалами, ни даже свободными по отношению к королю, оказалось под угрозой в результате действий остальной части населения, которое, выступая с притязаниями на собственность, с помощью лжесвидетелей захватывало расчищенную под пашню и рекультивированную землю, тем самым вторгаясь в королевское право распоряжаться этим недвижимым имуществом. Графы довершили начатое — они также прибирали к рукам имущественные комплексы или же силой облагали их всяческими сборами и обязательствами.

С жалобами на это к императору в Ахен в сопровождении двух священников прибыла делегация, состоявшая примерно из сорока одного испанца, между прочим, один из них был ланго-

бардом по происхождению. Карл не ограничился вручением ходатаям соответствующей грамоты. Он призвал архиепископа Арльского Иоанна посетить короля Аквитанского Людовика и «надлежащим образом» проинформировать его о происходящем, чтобы тот дал графам соответствующие распоряжения.

Происшедшее характерным образом показывает институциональную хрупкость «промежуточной власти», в данном случае Людовика, к которому как к королю Аквитанскому и непосредственному партнеру ввиду географической близости пограничного района должны были бы обратиться испанцы. Но последние осторожности ради (и не без основания) предпочли апеллировать к дальнему двору в Ахене, что, как свидетельствует уже более поздняя грамота 787 года, вовсе не было исключением. Тогда один испанец по имени Иоанн отличился в столкновениях с сарацинами, убив многих «неверных» и захватив огромные трофеи. Часть этой военной добычи, а именно роскошного коня, изящную кольчугу и «индийский» меч с серебряными ножнами, он завещал «нашему любимому сыну» (Людовику), обратившись к тому с просьбой передать в его распоряжение для обустройства заброшенную виллу в Нарбонне. Король выполнил эту скромную просьбу, однако отправил просителя с сопроводительным письмом к своему отцу. Иоанн предстал перед императором и как «преданный» ему (*fidelis*) получил из рук монарха желанный объект для себя и своих людей с целью рекультивации и расширения прилегающих к вилле пахотных земель. По некоторым данным, он и его наследники могли владеть виллой безо всяких процентов и обязательств, «пока они будут хранить верность нам и нашим сыновьям (!)». О каком-либо подтверждении юридической стороны этого дела Людовиком ничего не известно. В любом случае оно не показалось ему «юридически значимым» (Эгон Босхоф).

Как Людовика Благочестивого, так и его сына Карла Лысого в 815 и 816 годах и затем вновь в 844 году занимала непростая судьба этих «крестьян-защитников», которые, правда, вскоре были ассимилированы в другие слои, причем высший слой, то есть «*maiores*»* и «*potentes*»**, в отличие от «*minores*»*** и «*infirmiores*»**** воспользовался своими контактами с королевским двором, ссылаясь на то, что выданные от имени монарха предписа-

* Дословно: старшие (*лат.*).

** Дословно: могущественный, владеющий чем-либо (*лат.*).

*** Дословно: незначительный, слабый (*лат.*).

**** Дословно: бессильный, слабый (*лат.*).

ния были сориентированы на «maioresu potentes», которые затем пытались подчинить себе менее состоятельных. Так или иначе все происшедшее за относительно короткий период свидетельствует о значительном росте роли письменности, поскольку уже грамоты Людовика вручались не только просителю, но и соответствующему графу и епископу, в то время как четвертый ее экземпляр сохранялся в архиве пфальца.

ПРИЗНАНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВИЗАНТИЕЙ

Весной 812 года в центре внимания Карла вновь оказались вопросы северной границы его империи. В Дании вспыхнула гражданская война, вызванная кончиной короля Хемминга; за освободившийся трон боролись возглавившие своих сторонников Зигфрид, племянник Готфрида, и Анулон, племянник бывшего правителя датчан Гаральда. Дело дошло до настоящего сражения, в котором, согласно сверхточным в этом отношении данным, погибло якобы 10 940 норманнов. Во время битвы лишились жизни и оба претендента на трон. Вслед за этим партия Анулона объявила королями сразу (!) двух его братьев — Гаральда и Регинфрида. Проигравшая сторона согласилась с этим решением в духе так называемого долга очередности. В конце 812 года новоиспеченные короли направили в Ахен посольство, подтвердив мирное соглашение с императором. Кроме того, правители норманнов «попросили монарха вернуть им своего брата», который до сих пор удерживался при дворе в качестве заложника.

Остальные военные действия норманнов в этом году почти не имели успеха. После тяжелого поражения на побережье им пришлось отказаться от оккупации или, точнее говоря, разбоя на территории Ирландии и «с позором» вернуться к родным берегам. Так или иначе, военные экспедиции позволяли осознать опасность, исходившую от их быстроходных и маневренных судов, которым в ту пору континент не мог противопоставить ничего серьезного.

На первый план во внешней политике Карла снова выдвинулся далекий Константинополь. Франкская делегация, которую сопровождали представители Восточного Рима, из-за кончины короля Италийского Пипина была принята самим императором. Карл напутствовал отъезжавших советами по ведению перегово-

ров. По прибытии на Босфор путешественники столкнулись с произошедшими там серьезными переменами. Между прочим, как показывает вещий сон монаха Ветти из Рейхенау в 824 году, морское путешествие было небезопасным, ибо еще до прибытия в спасительный порт в Дарданеллах корабль чуть не затонул. Очевидно, это произошло в Боденском озере, о чем стало известно из несохранившегося свидетельства епископа Базельского Хейте, который одновременно был аббатом монастыря Рейхенау.

Знавший толк в военных походах император Никифор, так долго и упорно противившийся компромиссу со столь высоко взлетевшим франкским правителем, после блестящих побед над болгарским ханом Крумом в ходе преследования на территории Мезии вместе со своими вооруженными отрядами попал в засаду и 26 июля 811 года, командуя ими, был убит. Тяжелое ранение получил и его сын и соправитель Ставракий, вследствие чего власть вскоре перешла к его шурину Михаилу. Новый автократ, являвшийся искренним почитателем икон и испытывавший на себе мощное влияние студитов, считался слабым правителем. Тем не менее ему хватило ума и дипломатического дара, чтобы, несмотря на все государственно-правовые опасения, продолжить наметившийся мирный процесс в отношениях между Востоком и Западом и довести его до конца.

Франкское посольство в сопровождении митрополита Филадельфийского и протоспафариев Арсафия и Феогноста было принято в императорском дворце и затем немедленно отозвано в Ахен. Византийский хронист тех лет, монах Феофан, даже утверждает, что император Михаил направил к Карлу, «императору (!) франков», делегацию с целью заключения мирного договора и решения вопроса о брачном контракте между дочерью Карла и своим сыном Феофилактом, который 25 декабря был коронован соправителем. Тем самым одновременно была отброшена оговорка в отношении «князя варваров» на Западе. Впрямую встал вопрос о том, чего так упорно добивался Карл, — дипломатическом признании его как императора «братом» на Востоке. Новый император Михаил явно стремился не отягощать тяжелое болгарское наследие, полученное им от своих предшественников, еще и враждой с западным правителем. Весной 812 года болгары продвинулись вплоть до Черного моря, угрожая захватить важный порт Месембрию.

Демонстративная готовность византийского правителя добиваться заключения длительного соглашения со своим запад-

ным визави, что одновременно включало бы в себя мирное устраниение очагов напряженности в Адриатике, Венеции и Далмации, была дополнена передачей для папы Льва III синодики вместе с символом веры от имени патриарха Константинопольского Никифора. Передаче этого документа на протяжении пяти лет всячески противились предшественники Михаила на имперском троне, скорее всего озлобленные активным участием патриарха Запада в коронации Карла императором. «Так вы сами удалили себя от церкви» — говорится ретроспективно в послании патриарха Никифора, отстаивавшего неразделимость империи и церкви и соответственно видевшего в папе Льве III схизматика. Наметившееся единомыслие между Востоком и Западом помогло преодолеть церковный раскол. Такому развитию событий способствовало то, что в споре насчет формулы филиокве и ее включения в символ веры папа постоянно избегал углубления противоречий, и без того разделявших Рим и Константинополь.

Смешанное посольство покинуло Константинополь с соответствующими инструкциями, по-видимому, в начале 812 года достигло берегов Италии и, пройдя через альпийские перевалы, добралось до Ахена. Имперские анналы обстоятельно свидетельствуют о том, как развивалось это предприятие: «Прибыв в Ахен к императору, они получили от него в храме грамоту договора, говорили с ним на свой манер, то есть по-гречески, отслужили в честь правителя литию (*laudes*) и называли его императором и базилевсом». В торжественной церемонии, в сакральной обстановке и в присутствии «общественности», которая часто при совершении правовых сделок обеспечивала соответствующее обрамление в эпоху средневековья, посланники приняли экземпляр документа о заключении мира из рук Карла, а может быть, с алтаря, совершив тем самым многозначительный акт «дипломатического признания» короля франков уже в звании императора. Отныне Карл стал «братом» автократора на Босфоре, преемники которого к своему титулу «басилевс» вскоре должны были добавлять «римлянин», подтверждая тем самым происхождение и ранг своего достоинства. Между тем Карл и его ближайшие преемники ограничивались титулом «император».

Таким образом, «проблема двух императоров» получила разрешение ко взаимному удовлетворению. Западную христианскую империю возглавил один император, а Восточную империю, уходящую своими корнями в правление цезарей, — другой. Еще в

813 году, то есть перед окончательным заключением мира, в тщательно сформулированном послании Михаилу I монарх назвал себя следующим образом — «Карл, наимилостивейший правитель и милостью Божией король франков и лангобардов» и пожелал «своему возлюбленному и почтенному брату, славному императору вечное спасение в нашем Господе Иисусе Христе». Потом он проникновенно говорил о мире между «Восточной и Западной империями», который необходимо укреплять.

Карл и сейчас не ограничился составлением и вручением грамоты об установлении мира во время публичного акта в Ахене. В этой связи в имперских анналах говорится: «На обратном пути [греческая делегация в 812 году] они прибыли в Рим и в соборе Святого апостола Петра из рук папы Льва получили письменное свидетельство с текстом договора и союза». Как и в 806 году, папе вновь пришлось подтвердить и благословить важные государственно-правовые шаги Карла, предположительно скрепив их своей подписью. Сама грамота, которая не сохранилась, была составлена духовными и светскими сановниками, то есть высшей франкской знатью, причем этот шаг соответствует появлению *Divisio regnorum* 806 года и завещания 811 года. Правление Карла не в последнюю очередь зиждется на консенсусе «короны» и «имперской аристократии». Равным образом Карл потребовал также подтверждения текста договора византийской знатью, наивно сравнивая форму собственного правления с правлением своего восточного «брата».

В качестве ответа на врученный им и одобренный папой документ Карл ожидал в Ахене полноценную греческую редакцию договоренностей, которая была бы вручена его посольству с соблюдением такой же церемонии в рамках официального акта в Константинополе.

Договоренности относительно интересов Венеции были составной частью соглашений между Востоком и Западом, что подтверждается более поздними грамотами правителей из династии Каролингов и хронистами. С одной стороны, наблюдался возврат к договоренностям более поздних «светлостей» с лангобардскими королями. С другой — реализовывались своего рода правовые и имущественные гарантии в вызывавших споры пограничных областях. К этому добавлялись гарантии свободной торговли в глубинных, континентальных районах и вдоль побережья от Комачо до Анконы, а также в Истрии и Фриуле с подтверждением соответствующих таможенных привилегий. В качестве ответного шага

империи был обещан свободный выход к морю и помощь в борьбе с морскими пиратами-сарацинами.

Видимо, в то же время эксперт по итальяским делам Адалард, действовавший от имени юного монаршего внука Бернгарда, предпринял новую попытку найти общий язык с «князем» Беневенто Гримоальдом и договориться с ним о балансе интересов. В пограничном с герцогством Сполето районе Гримоальд отказался от селений Кьети и Ортоне и якобы согласился ежегодно выплачивать дань размером 7000 римских золотых монет, 25 000 он передал в качестве отступного. Кроме того, подобно своим предшественникам Гримоальд был вынужден принести присягу верности, в результате которой он, впрочем, не стал вассалом императора, хотя при смене правителя требовалось подтверждение этой клятвы. Тем самым временно прекратилось военное противостояние на юге Апеннинского полуострова, определявшее политический климат в последнее десятилетие правления Пипина. Правда, Беневенто де-факто оставалось независимым герцогством и плавильным тиглем взаимных культурных влияний между Востоком и Западом в Средиземноморье.

ПРЕЕМСТВО БЕРНГАРДА В КОРОЛЕВСТВЕ ЕГО ОТЦА ПИПИНА

Хотя аббат Адалард, будучи императорским эмиссаром, имел определенные обязательства в королевстве Пипина и, по сведениям одного источника из монастыря Нонатула вблизи Модены, курсировал между Италией и собственно франкскими территориями, поддерживая тем самым тесный контакт с двором, император, видимо, считал нецелесообразным оставлять на долгое время вакантным место правителя в Лангобардии, входившей с 747 года в его империю. По этой причине он весной назначил королем члена монаршей фамилии, своего внука Бернгарда. Тем самым Карл целиком и полностью отменил действие *Divisio regnorum*, которое и без того превратилось в клочок бумаги в результате смерти двух его имеющих право преемства сыновей. Согласно тексту 806 года, юный отпрыск Пипина так и не вступил в права своего отца, для чего как предпосылка требовалось решение («выбор») знати, не получил он и той доли империи, которая после кончины Карла причиталась королю Пипину и в которую входили Бавария и Алемания, расположен-

ные к югу от Дуная. Так, по собственному усмотрению, хотя и в духе обязывающего «пиетета» перед собственным сыном, император возводит на королевский престол внука. Ему, таким образом, было суждено в качестве «промежуточной власти» (по выражению Бригитты Кастен) продолжить правление своего отца и новой династии в Италии.

Непрекращающаяся в литературе широкая дискуссия о легитимности возведения Бернгарда на престол, продиктованная недоброжелательным замечанием Тегана, биографа Людовика, который спустя десятилетия после ряда происшествий с юным королем объявляет его рожденным от наложницы и, кроме того, ставит под сомнение его королевский титул, не имеет ни малейшего отношения к вопросу о преемстве Бернгарда в королевстве его отца. Просто сам Карл по собственной воле назначает правителем члена своей фамилии, тем самым признавая его «равным по происхождению».

Запись в «братской» книге монастыря Сен-Галлен, вероятнее всего, приходится на период между 807 (год рождения Теодориха, последнего внебрачного сына Карла) и 812 годами (дата смерти аббата Вердо) и, невзирая на церковно-правовые критерии, выделяет четыре достопамятных поколения династии «Каролингов»: это Пипин и Карломан (отец и дядя Карла); Карл Великий (воспоминание о брате Карла — Карломане политически нежелательно); Пипин Горбун (!), Карл, «опять-таки» Пипин, Лотарь (близнец Людовика, скончался в 788 году), Людовик, Дрогон, Гуго, Теодорих и, наконец, Бернгард — сын Пипина. Поскольку Пипин Горбун, который своим существованием был обязан якобы «неформальному» отношению Карла с Гимильтрудой, открывает ряд монарших сыновей, критерий легитимности не мог быть решающим или определяющим для включения в «памятную» книгу. Скорее всего записи выстраиваются по принципу элементарной очередности дат рождения — такой подход представляется простым и убедительным. Если к этому добавить послание Алкуина Пипину Италийскому, в котором содержится совет королю развлекаться с женщиной своей юности, но только с ней, не может быть сомнения в праведности брака монаршего сына, тем более что он был сориентирован на перспективу и подарил отцу еще пять дочерей. К тому же сын Бернгарда носит одно из значимых для фамилии имен — Пипин. Не исключено, что связь между Бернгардом и его безымянной супругой, может быть, даже сестрой Адаларда, была узаконена лишь с рождением сына (как и у

Людовика Благочестивого с Ирмингардой, который, вероятно, юридически скрепил этот брак еще до того, как она разродилась будущим императором Лотарем).

Сведения имперских анналов относительно возведения Бернгарда на королевский трон в Италии предвосхищают так называемый бунт Бернгарда конца 817 года. Король Италийский, хотя и был посажен на королевский трон своим дедом, а в 814 году официально подтвержден в этом достоинстве дядей, Людовиком Благочестивым, в *Ordinatio imperii* 817 года, регулировавшем порядок престолонаследия, тем не менее серьезно опасался за судьбу своего правления и преемство собственного сына Пипина. В этом документе автор однозначно высказывается в пользу недавно коронованного соправителя империи Лотаря, правителя без «земли», вообще ни словом ни упоминая о Бернгарде и его притязаниях: «Италийское королевство, если это будет угодно Богу, должно во всем подчиняться нашему названному сыну [Лотарю], ставшему нашим преемником, как по воле Божьей оно подчиняется [и подчинялось] нам и нашему отцу». Тем самым правление Бернгарда в преемстве его отца фактически низводилось до усеченного королевского правления, предусмотренного Людовиком и его советниками в духе откровенного непонимания реальности, а именно наследного и обычного права, а также соотношения сил, что обернулось и против младших сыновей Людовика и братьев соправителя империи в период после кончины последнего наследника Карла.

Такой взгляд на вещи разделяют и имперские анналы, сообщая о 812 годе лишь то, что Карл направил в Италию «Бернгарда, сына Пипина». В отношении происходившего в следующем году с возведением Людовика в соправители империи тематически тесно связана запись, что Карл приказал «назвать его [Бернгарда] королем». И этот раздел содержит явную привязку к *Ordinatio* 817 года, согласно которому младших сыновей Людовика «следует нарекать королевскими именами». Но если однозначное свидетельство хроники из южнофранцузского монастыря Муассак положить в основу оценки происходивших событий, то уже в 810 году, то есть вскоре после кончины Пипина, Карл «назначил королем Италийским Бернгарда, сына Пипина, на место его отца», и если юный король отправился в свое королевство лишь в 812 году (как свидетельствует история святого Вита), это, по-видимому, объясняется тем, что именно в том году правитель достиг совершеннолетия. В связи с таким извращением и сознательным передерги-

ванием исторических реалий в имперских анналах (и если будет позволено добавить, еще в большей степени у Тегана в его житии Людовика) Иоганн Фрид недавно по праву говорил о том, что все это «ни в коем случае не является простым толкованием прошлого; это было его новое сотворение, питавшееся как воспоминанием, так и откровенными измышлениями». Не об исторических истинах, «как это, собственно, и происходило», идет речь в имперских анналах в этой связи, а, безусловно, о политических последствиях, связанных с возвышением, признанием, припадением и, наконец, устранением неугодного племянника Людовика Благочестивого.

Убедительность этих событий наложила свой отпечаток и на их современников. Это проявляется как «политическая критика» в ночных видениях, например в «Видении бедной девы Лаонской», которой у стены земного рая привиделись сияющие буквы имени короля Бернгарда, что указывает на последующее обретение им блаженства, в то время как имя Людовика, воссиявшее прежде ярче всех других, теперь угасло. Это угасание связывается с убийством Бернгарда.

Независимо от литературных источников, к которым следует причислить и житие Карла его биографа Эйнхарда, имеется не вызывающее сомнения свидетельство в пользу королевского титула Бернгарда, полученного им еще при жизни его деда в так называемом Мантуанском двойном капитулярии 813 года, содержащем указ в связи с Бернгардом в соответствующей рубрике. Этот документ датируется январем в первый год пребывания Бернгарда в королевском достоинстве. То же самое касается известного кодекса из монастыря Сен-Паул, в котором содержится миниатюрное изображение короля Бернгарда как творящего справедливость. А вот так называемый Астроном характерным образом выпускает почти всю эту деликатную главу в своей биографии Людовика.

С возведением Бернгарда на трон короля Италийского и с отбытием его в свое королевство действовавший прежде порядок 806 года окончательно рухнул. Судя по всему, Людовик мало что приобрел от возвышения Бернгарда. Так, Астроном безапелляционно свидетельствует: «Еще раньше скончался король Италийский Пипин, а теперь отошел в мир иной и его брат Карл. Тогда в нем [Людовике] пробудилась надежда на управление всей империей [*spes universitatis*]*».

* Целостность, совокупность (лат.).

813 год был отмечен стремлением Карла выработать модус вивенди между честолюбием его единственного оставшегося в живых сына от брака с Гильдегардой и политическими императивами, к которым, несомненно, относилось появление нового италийского короля. Неопределенной оставалась также судьба незамужних дочерей Карла и сыновей его наложниц, лишенных права на правление (Гуго, Дрогона и Теодориха), ибо, по свидетельству Эйнхарда, завещание в их пользу никак не получалось. Решение столь щепетильной проблемы было возложено, таким образом, на единственного преемника. Поэтому не случайно в источниках встречаются ссылки на увещания Карла в адрес Людовика — позаботиться о дальних сродниках сообразно его положению и обязательствам перед ними.

Если Адалард вел как бы текущие дела в Италийском королевстве, к примеру, председательствовал на слушании важных дел в суде Нонатулы, а впоследствии в герцогстве Сполето, к юному королю в качестве советника (и соправителя) был приставлен сводный брат Адаларда, младший граф Вала. Будучи сводным двоюродным братом императора, Вала в последние годы стал играть при дворе доминирующую роль, что ярко проявилось при передаче власти в руки Людовика в Ахене в 814 году. Появление нового правителя в лице Вала было равнозначно подтверждению прошлого порядка преемства.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Приставляя Вала к юному королю Бернгарду в качестве советника, императором не в последнюю очередь преследовалась цель с помощью этого опытного воина покончить с набегами сарацинов и мавров из Африки и Испании на западные острова в бассейне Средиземного моря, которые использовали и продолжали использовать конфликт между Востоком и Западом вокруг Венеции для проведения весьма успешных грабительских походов. Послание папы Льва III императору, отправленное после 26 августа 812 года, дает достаточно глубокое представление об этом бедствии и противодействии ему. В то время как понтифик, указав на возрастающие угрозы, стал укреплять побережье патримония, направленному императором Михаилом патрицию и несколькими спатарам не удалось организовать необходимую помощь ви-

зантийскому флоту, чтобы дать отпор бесцеремонным пришельцам, покушавшимся на Южную Италию и Неаполь. Такое положение дел привело к тому, что Лампедуза, Понция и Ишия подверглись разорению и разграблению сарацинами, причем в поле их зрения попала даже Сицилия. В сложившейся ситуации отдельные успехи на море решающего значения не имели.

Карл отдавал себе отчет в нестабильности обстановки и в 813 году обратился к патрицию Сицилии, чтобы побудить его к совместным действиям, нацеленным на объединение усилий Востока и Запада в бассейне Средиземного моря. «Исключительно показательной была реакция на эту инициативу», как выразился Петер Классен. Высокопоставленный сановник не рискнул однозначно ответить правителю франков без согласования с Константинополем и поэтому обратился за посредничеством к папе как к своего рода нейтральной инстанции. Понтифик же, в свою очередь, переправил адресованное ему послание, не вскрывая конверт, хотя не мог не знать, о чем идет речь, самому Карлу. Скорее всего папа боялся, что его могут заподозрить в заговоре с Византией. В любом случае план совместных действий потерпел неудачу. Византия почти полностью потеряла Италию, которая еще теснее, чем прежде, оказалась связанной с Западной империей.

Решающее значение имело то обстоятельство, что Восток и Запад, политически организованные в рамках двух империй, не смогли разработать общую политику в Средиземноморье. В результате больше чем на сто лет не только Сицилия, но и побережье Италии, Прованса и Септимании стали объектом агрессивных вылазок морских пиратов, вторгавшихся даже в глубь страны. Империя франков, лишенная флота континентальная держава, была не в состоянии предотвратить оккупацию Сицилии арабами. Лишь появление опытных мореходов норманнов в конце XI века положило конец этому состоянию.

Хотя внешнеполитические вопросы отнимали у Карла много времени, все же основное внимание на протяжении целого ряда лет он уделял правильному восприятию христианского учения и вытекающих из него нравственных правил на необъятных просторах империи. Самое позднее в конце 812 года он издал обращенный к архиепископам циркуляр, экземпляры которого, предназначенные для Милана и Трира, дошли до нас. Судя по ответной реакции из Аквилеи, Лиона и Санса, к ним можно присовокупить еще некоторые идентичные послания. В этом циркуляре император требует отчета — персонально или в письменном виде —

относительно соответствующей практики исполнения обряда крещения, проверки крестников, прежде всего символа веры и его истолкования «на латыни (!)» с акцентом на Святую Троицу и проистекание Святого Духа. Обращает на себя внимание увещание, связанное с неприятием дьявола и экзегеза его проявления и «обманчивого блеска». Искаженное, ложное и поверхностное нравоучение «испытываемых», по мнению Карла, не способствует истинно христианскому образу жизни. Только верное истолкование и соответствующие ему проповеди способны наставить народ на путь истинный, не позволяя сбиться с него. Но этой целенаправленности многим как раз и недостает, ибо дьявол торжествует в своей «пышности», что оборачивается пороком, грозящим разрушить общественное и частное бытие. Между прочим, нам становится известным из официального источника, что Карл испытывает «физический недуг», не позволяющий ему чаще встречаться с адресатами для доверительных разговоров.

Ответное послание архиепископа Миланского Одильберта в отшлифованной редакции обходит чрезвычайно актуальные детали опроса, предвещает в недалеком будущем обстоятельное рассмотрение затронутых вопросов в тесной связи со святоотеческими произведениями и испрашивает «сладких даров Вашего беспримерного красноречия». «Как лучи солнца освещают мир, так и наше знание повсюду молниеносно освещается даром Вашей святой доктрины», — сказано в духе того времени. По ревности в деле веры Карл превосходит всех правивших до него христианских императоров — Константина, Феодосия (Милан!) и Юстиниана. В этом августейшем ряду примером может служить и Давид.

Очевидно, Карл не без удовольствия воспринял эти похвалы из старинного Милана. Особой благодарности за свое послание удостоился между тем архиепископ Амальрих Трирский, который в начале 813 года в качестве монаршего посланника отбыл в Константинополь, в то время как его «собратье» архиепископ Лионский Лейдрад, коренной баварец, к сожалению императора, немного сказал об отвержении дьявола и дьявольского дела, что вызвало необходимость ввести дополнительный фрагмент. Архиепископ Магнус из Санса даже дал поручение провести экспертизу, возложив ее на признанного специалиста по проблемам богословия епископа Орлеанского Теодульфа, который, несмотря на занятость, написал сочинение о совершении обряда крещения. Ту же тему разработал и епископ Амьенский Иессе в виде капитулярия для своего духовенства. На фоне такого рвения об

истинной вере, ее корректном и единомышленном восприятии, оправданным появлением монарших указов и созыв провинциальных соборов во время заключительного этапа правления Карла.

Чувство личной ответственности правителя за словесное оформление, экзегезу и проповедь христианской веры как ориентир истинно христианского образа жизни духовенства и мирян не дает покоя стареющему императору. В своей последней попытке Карл стремился превратить современное ему общество в подлинно христианское, словом и делом преданное истинной вере, а также примирить пронизанную богословием теорию правления с противоречившей этому посылу каждодневной практикой, в чем, очевидно, не преуспели ни администрация, ни судопроизводство.

Как внимательно и обстоятельно император вникал не только в догматы веры и их восприятие в митрополиях его огромной империи, но и в строительно-архитектурное состояние храмов и их финансовое положение, от которого в значительной мере зависели ресурсы королевства, показывает послание архиепископа Лионского Лейдрада, по-видимому, также относящееся к 813 году. Нам известно, что это послание было отправлено в Лион через Карла одним клириком из Меца, в лионском храме по образцу «священного дворца» внедрившим пение псалмов и тем самым способствовавшим полной интеграции Лиона в лоно франкской церкви, что позволило затем открыть ряд других школ пения. Кроме того, следует отметить, в лионской архиепископии в ту пору стали серьезно и глубоко изучать Евангелия, а также Деяния апостолов и части Ветхого Завета. К тому же, по признанию самого Лейдрада, в его епархии по мере сил старались наладить книгопечатание.

Эти лаконичные замечания позволяют составить представление о положении дел в церковных провинциях империи, в значительной мере превосходивших отмеченный в предании уровень образования в митрополии на Роне. Вместе с тем еще большего восхищения в эти годы заслуживают усилия архиепископа Кёльнского Гильдебольда по созданию библиотеки при соборе.

Послание Лейдрада, которое представляет собой, в сущности, отчетный доклад о реальном положении дел, содержит, кроме того, сведения о ремонте и восстановлении епархиальных храмов и монастырей, особенно в самом городе Лион, и завершается приложением в виде объективно сформулированной справки о землевладениях лионской церкви, ее викариев и церковных учреждений. Так, сама епископская резиденция располагает более

727 функционирующими и 33 заброшенными дворами; кафедральный храм с 52 священнослужителями имеет 83 действующих и 15 заброшенных дворов, что, в общем, не так уж богато, если вспомнить о том, что епископия Аугсбурга в 807 году, то есть почти в то же время, имела в своем активе соответственно не менее 1427 и 80 дворов. Вместе с тем важно учитывать, что Лион как торговый центр на одной из важнейших рек империи Каролингов, по-видимому, приносил немало побочных доходов и церкви (таможенные сборы и чеканка монет), в то время как Аугсбург, хоть и был расположен в конечной точке альпийских перевалов, в этом отношении (пока) не мог конкурировать с Лионом.

НАПРЯЖЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ АББАТОМ И КОНВЕНТОМ В ФУЛЬДЕ

Как непросто в конце правления Карла формировались церковное благочиние и монашеский порядок в каждодневной действительности — об этом говорит правителю (и его современникам) характерный пример авторитетного монастыря Святого Бонифация в Фульде. После первых мучительных усилий расположенный в дикой глуши Буконии монастырь под началом аббата Стурма, умудренного жизнью практика, одаренного благочестивыми пожертвованиями монарха, среди прочего даровавшего обителю богатое фискальное владение Хаммельбург, уже в IX веке располагал менее чем 10 000 земельных участков и 7000 га сельскохозяйственных угодий. При разумном хозяйствовании таких землевладений было достаточно для того, чтобы обеспечить монашествующих (их число достигло почти четырехсот человек), согласно правилам, предметами питания и одежды, поддерживать в должном состоянии монастырские постройки и исполнять многообразные поручения короля. Что в этой процветающей молитвенной и экономической общине не могло не возникнуть трений между аббатом и конвентом хотя бы в рамках простых правил настоятеля Бенедикта Нурси, проявилось почти невольно в осознании понятия «familia»* и объема выполняемых задач. Физический труд и строгое затворничество, введение которого в Фульде было связано еще с самим святым Бонифацием, уже не могли соответствовать больше новой ситуации. Если к этому добав-

* Семья, хозяйство (лат.).

лялись особые обстоятельства, настроение в монастыре напоминало пороховую бочку и самый незначительный повод мог вызвать «революционный взрыв».

После ухода из-за преклонного возраста преемника Стурма, аббата Баугульфа, руководство монастырем Фульда было единодушно возложено на монаха и зодчего Ратгера, который своей причастностью к возведению восточного храма на территории монастыря потратил стремлению монашествующих к обладанию репрезентативным строением. После обретения достоинства аббата и соответствующего права распоряжаться Ратгер вскоре после вступления в должность еще активнее стал потворствовать своей подлинной страсти и велел в качестве пристройки к восточной церкви возвести огромный храм в качестве места погребения святого Бонифация. Тем самым аббатство стало обладать первым храмом на всем Западе с двумя алтарями (восточным и западным). Эти огромные финансовые затраты не остались без последствий. С одной стороны, они проявились в напряженном труде монашествующих по возведению и надзору за грандиозным строительством и привели к «профессионализации» монастырских структур, расположенных на крупных внешних владениях, населенных опытными мирянами. С другой — Ратгер неоднократно предпринимал попытки в соответствии с уставом бенедиктинцев укрепить положение благочинного как второго лица в духовной иерархии после аббата за счет назначаемых в Фульде деканов, чтобы тем самым значительно ограничить влияние конвента на общее управление делами.

Учитывая размеры монастырских владений и их региональную раздробленность, следовало ожидать возникновения децентрализованных структур управления, которые, по крайней мере внешне, производят впечатление приватизации и индивидуальной раздачи объектов (и прав) в руки мирян и предположительно отдельных членов монашеского сообщества. Это произошло при разделе земель аббата и конвента. Если к этому добавить, что, судя по искам, аббат Ратгер при отборе послушников не обращал особого внимания на годность и характер принимаемых на испытательный срок, а учитывал прежде всего массу приносимого с собой имущества, становится ясно, что над монастырем сгустилась атмосфера недовольства и чрезмерности предъявляемых требований к его насельникам, ибо они отвергали непомерные тяготы, связанные со строительными работами. Досада усугублялась также нарушением монастырского распорядка дня, заполненного

главным образом молитвой и медитацией, а также ритма праздничных дней. Дело в том, что Ратгер ограничивал время, отводимое на выполнение послушаний и молитву, а праздничные дни объявлял рабочими днями, короче говоря, заполнял будние дни работой по осуществлению своего намеченного проекта. Кроме того, к огорчению монахов, он стал ограничивать масштабы привычного гостеприимства братии, издевался над неимущими и болящими, прежде всего над конвентуалами-инвалидами, отправляя их в отдаленные структуры монастыря и одновременно навязывая конвенту абсолютно негодных кандидатов. Кроме того, он грешил неоправданным расширением сферы церковного права убежища.

Все эти жалобы, продиктованные желанием избавиться от аббата Ратгера, подыскать нового наместника и одновременно содержащие просьбу о восстановлении прежних порядков и традиций, в 812 году в Ахене изложила императору делегация из двенадцати монахов. Они сделали это устно и еще в памятной расширенной записке, предназначенной специально для Людовика Благочестивого и датированной 816-м или 817 годом. Экземпляр этого документа сохранился до нашего времени. Чтобы прежде заручиться благосклонным отношением правителя, Либеллий начинает список предложений с прошения снова разрешить им, монахам, после традиционной утренней молитвы вернуться к псалму 50 «за Тебя, господин император, и за чад Твоих и за весь народ христианский». Подобное уже происходило в 809 году, когда для урегулирования спора в Фульде явился архиепископ Майнца Риккульф. Но жалоба увязла в словопрениях, и епископская комиссия так ничего и не добилась. Только в 817 году с деспотизмом, как его понимали монашествующие, было покончено. Ратгер перегнул палку. Его убрали, хотя действия наместника, собственно, не противоречили политической линии Людовика Благочестивого по отношению к монастырским обителям. Совпадали они и с концепцией так называемого имперского аббата Бенедикта Анианского, причем оба стремились по образцу монастыря Монтекассино укрепить положение благочинного и отменить специфический институт деканов. Пресемником Ратгера в 818 году стал прежний «главный обвинитель» Эйгил, который, однако, сообразно ахенским реформаторским решениям вновь изменил правила, введенные летом западными монахами из числа преданных Бенедикту на франкских землях. Так, например, на монахов снова было возложено внешнее служение.

На примере Фульды видны трудности организации, внутренней структуры и правил монашеских сообществ: строительные дела, ремесла, гостеприимство, работы по поручению королевского двора, но главным образом увеличение экономических ресурсов. Однако порой и собственные привычки создавали перед аббатом и конвентом прямо-таки неразрешимые проблемы в отношении религиозного существования и монастырской оторванности от мира. Причем проблемы приводили к тому, что переплетение внешних факторов и религиозной внутренней жизни порождало нездоровое противостояние. Численность монашествующих, объемы владений, способы экономического хозяйствования, «публичное» давление и не в последнюю очередь планирование и возведение репрезентативных сооружений не позволяли монашеским сообществам в начале IX века с благочестием возвращаться к правилам, по которым скромно жили отцы в Субьяко, Люксёй-Боббио или в бывшей глухомани Буконии. Претензии королевства и аристократического общества расходились со старыми монашескими идеалами. Даже ученая деятельность в писарских и библиотеках, которой Запад в значительной мере обязан своей образованностью, могла лишь смягчить, но никак не ликвидировать этот разрыв. На заключительном этапе правления Карла крупные монастыри испытывали на себе значительное реформаторское давление, которое лишь частично смягчилось с приходом волны обновления, сформировавшейся в бургундском аббатстве Клуни в первой половине следующего столетия.

РЕФОРМАТОРСКИЕ СОБОРЫ И ПОСЛЕДНИЕ ПРОГРАММНЫЕ УКАЗЫ

Согласно имперским анналам, император провел зиму 812—813 годов снова в Ахене. Праздники с циклами года по месяцам вновь не упоминаются, а вот конец 812 года округляется в соответствии с солнечным затмением 15 мая. Согласно современной компьютерной симуляции, это явление произошло в 14 часов накануне и было видимо в Ахене примерно на пятьдесят процентов (покрытия светила Луной). Очередное указание на небесное явление при подведении итогов за год (в 807 году был обеспечен обширный задел) подтверждает впечатление, связанное с акцентами вокруг преемства Бернгарда в Италийском королевстве, — весьма вероятно, что после смерти Карла имперские анналы под-

верглись корректировке. Что касается сведений об астрономических явлениях, они лишь указывают на скорую кончину Карла, что подтверждает возникшая приблизительно десятилетие спустя биография Эйнхарда.

В начале весны 813 года Карл снова направляет посольство в Константинополь. Его возглавили епископ (архиепископ?) Трирский Амальрих, который, представив детальный взгляд на обряд крещения и неприятие дьявольского дела, был уверен в монаршем к себе благоволении, и аббат Петр из Нонатулы, приближенный к эксперту по итальянским делам Адаларду из Корби. На обоих было возложено получение из рук императора Михаила на «греческом языке» грамоты договора, подписанной им самим и «завизированной» его «священнослужителями, патрициями и знатью», причем с алтаря Святой Софии, как знак укрепления мира «между Восточной и Западной империей» под всеобщим покровом «Святой церкви». Это следует из уже упомянутого послания Карла Михаилу, которое посланцы правителя франков везли с собой в Константинополь. Таким образом Карл хотел, чтобы его визави на Босфоре по примеру Никифора подтвердил факт личного обязательства.

Однако над переговорами взошла несчастливая звезда. Когда западная делегация прибыла в Константинополь, там снова произошла смена власти. После тяжелого поражения 22 июня 813 года под Адрианополем, полученного от объединенных отрядов болгарского хана Крума, Михаил I 11 июля был свергнут и вместе со своей семьей отправлен в монастырь. Его преемником стал анатолийский стратег, армянин Лев, не имевший отношения к решающему сражению.

В отличие от Михаила I Лев V являлся энергичным военачальником и принадлежал к кругу рьяных иконоборцев. Между тем он следовал начертанной его предшественниками концепции «восточно-западного сосуществования». Но его эмиссары, которые в августе следующего года появились при ахенском императорском дворе, чтобы просить Карла о содействии в борьбе с болгарами, уже не застали своего прежнего партнера по переговорам в живых. Поэтому пришлось повторить растянутую процедуру обмена договорными грамотами уже между Львом V и новым императором Людовиком. Трирский первосвященник после возвращения сочинил малосодержательное произведение из восьмидесяти стихов о путешествии по поручению Карла в Константинополь. Свое сочинение он передал другу и попутчику Петру. В

этом произведении автор уже оплакивает кончину императора Карла. Поэма заканчивается следующими словами: «Пусть нас обоих навсегда соединит Бог с бывшим королем и возлюбленными братьями».

На созванном в начале года рейхстаге (по-видимому, в марте 813 года, Пасха приходилась на 27-е число этого месяца) Карл распорядился провести соборы, скорее всего провинциальные, по вопросам церковной реформы «по всей Галлии». Под руководством митрополитов и монарших эмиссаров почти одновременно должно было собраться высшее духовенство, прежде всего епископат, для углубленных обсуждений и принятия решений. Видимо, на манер позднеантичных *Notitia galliarum** эти собрания состоялись в Туре (Аквитания), Арле (Галлия Нарбоннская), Реймсе (Бельгика) и Майнце (Германия, Восточная Франкония в широком смысле слова). Почему собор провинции Люгдунум (Лидннэ) заседал не в Лионе, а в Шалоне, труднообъяснимо.

Этим предписанием Карл демонстративно вернулся к позднеримскому административному делению империи. Одновременно он использовал восстановленные или заново учрежденные им митрополии как функциональную духовную промежуточную власть между двором и отдельными епархиями (и аббатствами). Учитывая соответствующие условия на местах, только в отдельных церковных провинциях оказалось возможным обсуждение и принятие решения на основе предложенных комплексов вопросов и тем. Результаты этих отдельных встреч, которые, к примеру, в Майнце, были отмечены активностью светской секции с участием графов и судей (что свидетельствовало о структурных особенностях влияния аристократии в «Германии»), подлежали обсуждению с императором в рамках очередного имперского собрания с последующим включением в общий реформаторский капитулярый.

Дошло ли до этого дело, учитывая обилие материала, многоплановость тем и разночтение в квалификации проблематики, несмотря на обширные текстовые свидетельства, нам неизвестно. По сведениям опять-таки хорошо информированной хроники монастыря Муассак, был принят документ, состоявший примерно из сорока шести глав. Не исключено, что именно он лег в основу капитулярия, обнаруженного приблизительно два десятилетия назад в собрании Тегернзейских рукописей. Бросается в

* Список митрополий (*лат.*).

глаза, что этот документ тесно увязан с соборным постановлением Майнца и насчитывает не менее сорока трех глав, содержание которых имеет, безусловно, церковно-правовую и церковно-политическую направленность. Второй в этой связи дошедший до нас текст капитулярия в отличие от первого характеризуется явной пестротой содержания, так как посвящается главным образом актуальной проблематике правосудия, то есть теме, по которой в Майнце в присутствии графов и судей велись обсуждения и принимались практические решения на примере предположительно затянутых судебных дел.

Соборы состоялись в указанных местах в мае или июне 813 года — в Майнце под председательством главного капеллана Кёльнского Гильдебольда, архиепископов Майнца — Риккульфа и Зальцбурга — Арна, а также епископа Вормского Бернара, являвшихся одновременно монаршими эмиссарами. Собралось не менее тридцати епископов и двадцати пяти аббатов, которые по традиции заседали раздельно в собственных «куриях», а именно в церкви Святого Албания неподалеку от города, места захоронения четвертой супруги Карла — Фастрады. Согласно обычаю, в преддверии важных собраний и решений соблюдался трехдневный пост с молитвами.

Скорее всего основой дискуссии был полученный от монаршего двора список вопросов. Ответы на многие из них отцы церкви черпали из авторитетных источников — Евангелий, Деяний апостолов, а кроме того, из Посланий Нового Завета, канонов, святоотеческих произведений, *Regula Pastoralis** Григория Великого, ставшего настольной книгой в эпоху раннего средневековья. Что касается предстоятелей монашеских обителей, отправным источником считался устав святого Бенедикта. Количество и качество ответов вовсе не отличались единообразием и содержательностью. К примеру, в Майнце было отработано 56, а в Арле всего лишь 26 глав. Характерно, что, кроме ссылок на Библию, святоотеческие высказывания, на более поздние сборники папских декреталий и соборные указы, упоминаются прежде всего подробные фрагменты из *Admonitio generalis* («Общее увещание») 789 года; данный источник с тех пор стал своего рода «основным законом» франкских реформаторских намерений, который, в свою очередь, во многом базируется на римском сборнике, так называемом «Дионисии-Адриане», который в аутентичной редакции сам Карл получил в Риме от Адриана I в 774 году.

* Пасторское послание (лат.).

Общей основой отличаются все тексты, через которые красной нитью проходит стремление подчинить действия сословий империй созиданию мира и согласия. Существование всех должно основываться исключительно на христианских критериях. Заповеди индивидуального образа жизни дополняются молитвой во имя благополучия императора. Существенное значение в христианской практике придается символу веры, молитве «Отче наш», отвержению дьявола и дьявольского дела, которое, к примеру, в Туре раскрывается в деталях, чтобы в легкодоступной форме донести до каждого сатанинские происки и суть их разрушительно-го наваждения.

Если следовать принципу систематического распределения материала, то, согласно Вилфриду Гартману, четко выстраиваются четыре круга тем. Прежде всего это догматы, таинства и литургия, к которым относятся также праздники, освящение Воскресения и эмбарго на рыночную торговлю. Сюда же относится проповедь на народном языке, именуемом «*rustica Romana lingua*» или «*thiotisca*», как звучит это характерное название в соборном декрете Тура. Речь идет о так называемой вульгарной, то есть народной, латыни, на основе которой сформировался романский язык, а также о нероманском, в данном случае «франкском» языке, которые ни в коем случае нельзя воспринимать как «язык верноподданных»; что до «*thiotisc*», то он не имеет ничего общего с «господским» или даже «военным языком». При этом имеются в виду лишь идиомы, употребляемые романскими и германскими народами империи Карла. Характерно при этом, что данные идиомы противопоставляются латинским уже в качестве употребляемой в церкви *lingua franca*, языка ученых клириков, монахов и не столь образованных мирян, к которым, безусловно, принадлежал и сам Карл.

Второй пункт касается сферы, увязанной с духовенством; здесь же подчеркивается важность образцового поведения епископов и безукоризненного исполнения возложенного на них служения — упоминается запрет на сожительство с женщинами, на посещение трактиров, а также на вовлеченность в сомнительные сделки («Лаонский ростовщик»). Присутствуют указания на строгое соблюдение устава святого Бенедикта и важность недопущения переполнения монастырей, однако прежде всего подчеркивается необходимость строгого порядка в женских монастырях. Третья рубрика посвящается охране церквей и церковного имущества, связанного по своему происхождению с дарением. Так, подчер-

кивается общепризнанное обязательство по несению расходов, связанных со строительством церковных зданий, а также уважение права на церковное убежище. В четвертом пункте делается акцент на ответственности духовенства за праведный образ жизни мирян; этому противопоставляется целый набор пороков, бичующий безобразия в системе правосудия, клятвопреступления, распри, кровосмешение и пьянство.

На всех соборах обсуждались вопросы об уплате десятины, о важности проповеди в целях разъяснения заповедей с главным акцентом на освещении воскресного дня.

В том же «народно-педагогическом» духе были выдержаны указанные, недавно обнаруженные капитулярии, не менее двадцати шести отдельных глав которых отражают попытку с помощью широко известных и нередко повторяющихся требований и назиданий направить *populus christianus* на путь спасения, преисполненный состоянием мира и согласия. Людовика Благочестивому было суждено вновь с удвоенной энергией поддержать эти усилия на Ахенских реформаторских соборах 816—817 годов, которые следует рассматривать в тесной связи с трудами его отца.

Обращенное к епископам и священнослужителям требование следовать образцовому христианскому поведению, а также усилия по достижению справедливости являются существенными прагматическими целями этого «законодательства»: «Мы желаем и повелеваем словом Божиим и нашим собственным (!), чтобы каждый, благородный и неблагородный, сильный и несильный, бедный и богатый, чтобы каждый в полной мере обладал своими правами!» К этому призыву вновь добавляется забота о должном осознании и понимании символа веры и молитвы «Отче наш»; отвержение дьявольского дела должно привести к формированию соответствующего образа жизни. «Нет такой сферы жизни, которой не коснулся бы правитель. Происходящее — суть христианизированного монаршего сознания. Правитель Каролингов ответствен не только за укрепление мира и спокойствия, за соблюдение судопроизводства, но и за личный образ жизни и за индивидуальное душеспасение всех сознающих его правление» (Губерт Мордек и Герхард Шмитц). Вновь призыв к епископам предпринять все, что в их силах, во имя успеха реформы и чтобы донести до сознания всех тех, «кто принес нам присягу» и «если они желают ощутить нашу милость», смысл отдельных глав указов и важность их исполнения.

Эти обширные декреты, фактически охватывающие все области публичного и частного бытия, подготовленные и принятые на провинциальных соборах и общем имперском собрании, вовсе не производят впечатления статичности, отчаяния и тем более «разложения» заключительного этапа правления Карла. Как никогда прежде император был полон желания через соборы и рейхстаги побудить высшее духовенство, архиепископов и епископов, аббатов и, наконец, графов и судей к исполнению долга, чтобы во имя общего блага и блага своего правителя с большей строгостью отнестись к собственному поведению и исполнению служебных обязанностей, руководствуясь прежде всего принципом справедливости. Видимо, предчувствуя надвигающееся окончание жизненного пути и неизбежность держать в потустороннем мире ответ за свои деяния в качестве короля и императора, Карл еще раз выступил с инициативой направить народ на праведный путь к миру, согласию и любви (*caritas*), то есть к такому состоянию, при котором можно ликвидировать социальные и политические очаги напряженности и споров в условиях расколотого общества, в то время как насилие, неподчинение, коррупция, вынесение несправедливых приговоров и отказы суда от возложенных на него обязанностей грозили подорвать сами основы королевского правления. Такие планы в итоге оказались утопией.

Как свидетельствует одно новейшее исследование, трудно с определенностью сказать, требовался ли этот всплеск активности Карла во имя мира, единения и справедливости, дабы запустить в действие механизм преемства. Однако не вызывает сомнения, что стремление к миру и согласию создавало благоприятную атмосферу для достижения поставленной цели. Вместе с тем следует заметить, что сориентированная только на эту цель «инсценировка» действительно не позволяет видеть в ней какое-то подобие «движения в защиту мира».

ОЗАБОЧЕННОСТЬ О ПРЕЕМСТВЕ ПРАВЛЕНИЯ

После смерти Карла юного 4 декабря 811 года потребовался совершенно иной порядок преемства, который после назначения Бернгарда королем Италийским позволил императору, как в 806 году в отношении сына, оставить внуку половину империи, а вторую передать сыну Людовiku, который после кончины старших братьев лстил себя надеждой на обладание всей империей.

В мае 813 года сгорел деревянный мост через Рейн близ Майнца, который Эйнхард наряду с ахенским кафедральным собором и пфальцами в Нимвегене и Ингельгейме-на-Рейне считал самыми выдающимися произведениями зодчества времени правления своего героя. Его длина составляла 500 футов, или без малого 170 метров. По своей конструкции мост справедливо считался значительным инженерным сооружением того времени. Случайно вспыхнувший пожар всего за три часа разрушил уникальное деревянное строение, фундамент которого из земли и камней еще в конце IX века был виден в русле реки. Тем самым были уничтожены плоды десятилетнего труда. Казавшееся построенным на века рухнуло и сгорело за один день. В этой катастрофе Эйнхард увидел зловещее предзнаменование, мрачное предчувствие надвигающейся беды — кончину императора. Карл между тем планировал восстановление переправы через реку из камня. С этим методом постройки мостов он познакомился главным образом в Италии, к примеру в Риме и Вероне. Правда, монаршим планам не суждено было сбыться.

Охота весной 813 года не принесла удовлетворения Карлу, так как при этом он заболел подагрой. В средние века это было весьма распространенное заболевание; по свидетельству Эйнхарда, в последние годы жизни Карл даже волочил ногу.

Пожар и заболевание, несомненно, сказались на монарших планах преемства, реализация которых по крайней мере ускорилась. В нарушение традиции Карл после выздоровления объявил летом о созыве в сентябре 813 года в Ахене имперского собрания. В конце июля или в начале августа он вызвал к себе Людовика Аквитанского, продолжавшего воевать с басками и, как его отец более тридцати лет назад, при отступлении попавшего к ним в засаду. Это не вызвало особых тревог, поскольку южная граница с эмиратом Кордова, несмотря на столкновения в районе Уэски в 812 году, была надежно защищена в результате продления мирного соглашения на два года.

Людовик, хотя и не скрывал своих откровенных амбиций, до сих пор вел себя благоразумно и дипломатично. По свидетельству источника, вместо того чтобы прислушиваться к нашептываниям некоторых придворных (как франков, так и германцев) и «поддерживать» отца «в его старческом состоянии», Людовик воздержался от подобного маневрирования, чтобы, согласно характерному свидетельству анналов, не вызвать тем самым подозрения у своего родителя. Король занял выжидательную позицию, как и

прежде, смиренно и безропотно подчиняясь приказам отца и императора.

Между тем Людовику исполнилось уже 35 или 36 лет. Начиная с 781 года он представлял собой «промежуточную власть», являясь королем Аквитанским. Видимо, с 794 года он был женат на Ирмингарде, дочери графа Инграма, являвшегося племянником Хродеганга из Меца. Таким образом он был связан с одной из наиболее известных семей имперской аристократии, которая, в свою очередь, состояла в родственных отношениях с предками Каролингов и с робертинцами, проживавшими на землях среднего Рейна. До заключения брака Людовик уже имел от одной или двух наложниц дочь и сына, носивших фамильные имена, а именно Альпаис в честь матери Карла Мартелла и Арнульф из почтения к основателю династии. После 795 года Ирмингарда родила ему сыновей Лотаря, Пипина и, наконец, примерно в 806 году — Людовика, а кроме того, дочерей Ротруды и Гильдегарды, нареченных в честь сестры и матери Людовика.

Поначалу правление короля Аквитанского проходило под опекой важных палатинов Карла во главе с Ангильбером, затем под контролем отца, который временами определял Людовику роль представителя королевства, неоднократно ограничивая его «промежуточную власть» прежде всего как военачальника и дипломата. В отличие от брата Пипина, короля Италийского, ему не суждено было проявлять свои соответствующие таланты и способности, вследствие чего период его правления лишен ярких красок. Все источники отмечают его глубокую религиозность, духовность, анналы сетуют на зависимость короля от своих духовных советников во главе с Бенедиктом Анианским. Между прочим, этой близостью к духовенству определяется расцвет монастырской культуры в Аквитании. По свидетельству одного источника, Людовик хотел стать монахом, что означало бы уход из мира. По понятным причинам его отец не допустил бы этого, но, кроме того, такой шаг вступил бы в противоречие с ярко выраженной чувствительностью натуры Людовика. В любом случае Людовик представляет то ответвление монаршей фамилии, которое в духе его двоюродного деда, брата короля Пипина, активно стремилось к христианской углубленности и последовательно отражало такой подход в принципах своей политики, во все возрастающей степени попадавшей под влияние клерикальных кругов и их претензий на власть. Лишенный внутренней твердости и поэтому подверженный колебаниям в момент принятия решений, Людовик уже

в 817 году поддался форсированной системе преемства и некоторое время спустя вынес жестокий приговор собственному племяннику, выступившему против этого «положения». Возникший конфликт стоил Бернгарду жизни, а сам Людовик подвергся церковной цензуре. Рождение в 824 году четвертого сына Карла от брака со второй супругой Юдифью, библейской «Исавелью» ее противников, и начало борьбы за власть в империи и наследие знаменовали закат преемника Карла и его правления, погрязшего в распрях с собственными сыновьями.

Людовик не обладал масштабностью мышления своего отца, но на этом основании он не заслуживает упрека. Однако факты, которыми следует измерять предполагаемый звездный час его правления, снимают вопрос о приукрашивании его духовных и религиозно-политических целеустановок, не позволивших в итоге справиться с хаосом, порожденным им же самим. Безусловно, общие тенденции христианизации империи во всех публичных и частных сферах, фактически не оставлявших больше места для политических маневров, по сути дела, были заложены на заключительном этапе правления Карла, вследствие чего контраст между «великим» Карлом и «маленьким» Людовиком проявлялся не в намерениях, а в реализации идей. Карл никогда не уступал прерогативу принятия решений или инициативу действий ни церковным властям, ни даже папству, не говоря уже о его тогдашнем главе Льве III. Свое высокое призвание в качестве короля и императора он воспринимал не как «*ministerium*», то есть служение, за которым должны были следить духовные пастыри, в первую голову епископы, а как правление «милостью Божией», за которое он один был в ответе.

Может быть, именно Пипин больше других сыновей был похож на своего отца. Учитывая покров таинственности, окружавшей Карла, о нем как о личности известно не так уж много. Из Людовика, наверное, мог бы получиться великолепный аббат и епископ, но он обладал весьма ограниченными способностями для того, чтобы продолжить дело своего всемогущего отца. Тут ему не помогло и его бесконечное честолюбие.

Вероятно, этот недостаток видели также некоторые современники и поэтому явно старались доказать особую избранность этого сына Карла на столь деликатное служение. Об этом свидетельствуют житие Алкуина и воспевавшее Людовика поэтическое произведение Эрмольда Нигеллия. Как бы Карл ни относился к своему младшему сыну, существовало между ними согласие или нет,

но мучимый болезнью, престарелый император летом 813 года решил вызвать Людовика к себе во дворец и показать, по высказыванию так называемого Астронома, «как следует жить, править, распоряжаться и проверять исполнение распоряжений», что, таким образом, составляло жизненные привычки при монаршем дворе в императорском стиле, в правовом механизме и в самой системе контроля» (Бригитта Кастен).

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЛЮДОВИКА СОПРАВИТЕЛЕМ

Назначенное на сентябрь 813 года имперское собрание приступило к своим заседаниям в начале месяца. Согласно хронике монастыря Муассак, которая по данному вопросу вызывает большее доверие, чем подкорректированные имперские анналы, собравшиеся епископы, аббаты и графы, а также «сенат франков» обсудили вначале представленные с мест договоренности провинциальных соборов, после чего «приняли решение относительно 46 глав, посвященных принципиальным сферам активности церкви и народа Божия». Хронист пишет о происходившем следующее: «Затем он [Карл] посовещался с поименованными епископами, аббатами и графами, а также с чистокровными франками [сенатом?], дабы они назначили королем и императором его сына Людовика». Теган, викарий Трирский и биограф Людовика, добавляет в этой связи: «И он [Карл] опросил их всех, от высшего до низшего [из числа аристократов], согласны ли они с тем, чтобы свое имя, то есть имя императора, он передал сыну Людовику». По сведениям хронистов из Муассака и Лорша, все согласились и заявили, «что это достойно, и при одобрении всех народов он [Карл] назначил своего сына императором и передал ему золотую корону империи. И народы одобрительно произнесли: «Да здравствует король Людовик!» В тот день в народе была большая радость. Ибо император также славил Господа, проговорив [на библейский манер]: «Слава тебе, Господи!» И далее: «И наставлял его также отец, дабы во всем он слушался заповеди Божией и поручил его покровительству своих сыновей Дрогона, Теодориха и Гуго, и когда все произошло, он отпустил каждого, а сам остался в своем пфальце в Ахене».

Как свидетель всего происходившего Эйнхард уже некоторое время спустя следующим образом в классической манере подвел итог: «После того как монарх со всей империи собрал самых до-

стойных франков, он по всеобщему совету назначил Людовика управлять империей и сделал его наследником королевского достоинства, возложив ему на голову венец и повелев именовать его впредь императором и августом». Впоследствии биограф Теган преподносит всю процедуру в чуть приукрашенном виде, сообщая, что коронация Людовика произошла в воскресенье, 11 сентября, у алтаря в верхней галерее ахенского кафедрального собора, в так называемом верхнем соборе приходской церкви казны и виллы Ахена. Там император в королевском (!) облачении с короной на голове положил на алтарь Спасителя еще один королевский венец; в заключение он произнес длинную назидательную речь своему сыну и повелел ему возложить себе самому эту корону. Когда все свершилось, император вместе с сыном удалился в пфальц.

Этот акт, несомненно, имел историческое значение. Он означал стремление Карла к продолжению существования Западной империи во главе с собственным сыном. На этот путь он мог ступить, только договорившись со своим восточным «братом» и после разрешения так называемой проблемы двух императоров. Давно замечено, что для продолжения этого нового достоинства Карл воспользовался византийским институтом соправления, которое начиная с 365 года обеспечивало преемство правления в Константинополе. Восточное соправление — это, как правило, своего рода вознаграждение сына или одного из сыновей и означало лишь претензию на будущее. Сам же император оставался автократом. Это положение никак не ограничивает коронацию Людовика Благочестивого императором: «Возведение в соправители Карл Великий воспринимал не как немедленно вступающее в юридическую силу сорегентство, а как наследственно-правовое распоряжение о преемстве на случай его смерти» (Бригитта Кастен).

Настоящего церемониала возведения в соправители и в Византии на протяжении столетий так и не разработали. Император неизменно сам короновал своего сына, хотя при этом ему нередко ассистировал патриарх Константинопольский или же совершал это действо рядом с монархом. Изначально для этого акта, как и для коронации императора, церковного обрамления вовсе не требовалось. Тем не менее в 776 году по случаю назначения Константина VI соправителем на ипподроме был установлен алтарь, патриарх произнес молитву, после которой император совершил коронацию собственного сына. Последующие назначе-

ния 803 и 811 годов, касавшиеся Ставракия, сына Никифора, и Феофилакта, сына Михаила I, происходили на амвоне Святой Софии и совершались патриархом Тарасием или при его участии. Скорее всего о последнем акте ахенский двор мог располагать более точной информацией, поскольку посольство, направленное Карлом в 811 году на Босфор, находилось в столице Восточной империи. В основном же информация о византийской процедуре коронации сопровителя в начале IX века скорее всего была крайне скудной, поскольку соответствующая книга церемоний в Византии, как известно, была составлена лишь в середине X века, поэтому о каких-либо архивно-дипломатических исследованиях и изучении источников при дворе Карла не могло быть и речи.

В отличие от его собственной коронации в день Рождества 800 года в соборе Святого Петра при назначении его преемника в этом достоинстве в Ахене не было ни понтифика в качестве коронатора, ни римлян для избрания *per acclamation*, то есть путем громко выраженного одобрения явного большинства. Тем самым западная императорская власть как институт явно удалялась от глубинных корней римского папства. Своим продолжением империя была обязана исключительно политической воле короля, императора и отца в тесном взаимодействии с духовными и светскими руководящими элитами империи, согласие которых однозначно воспринималось как нечто основоопределяющее. Ни в правовом, ни в фактическом плане церемония не была привязана ни к папскому согласию или его действиям, ни к одобрению римлянами. Предполагаемое выражение одобрения знати, существенное в правовом отношении, происходило в виде и по образу *«landes regiae»*, то есть королевской литании, причем в храме и перед одним из главных алтарей, к тому же в рамках большой воскресной мессы.

Ахен, его дворец, но прежде всего неповторимый по своему архитектурному стилю и конструкции купола кафедральный собор возвышался как «первая резиденция франков», оттеснившая Вечный город, некогда местопребывание языческих императоров, а ныне преемников князя апостолов Петра. К тому же именно Ахен бросил вызов «второму Риму» — Константинополю. Это смещение еще несколько лет назад отметил автор так называемого Падерборнского эпоса, прославляя Ахен как новый Рим стихами Вергилия. Резиденция Карла занимает достойное место рядом с двумя всемирными митрополиями на юге и на востоке. Отныне

новая триада городов определяла судьбы христианства — папство как высшая духовная инстанция в Риме, ярко выраженная «Римская» империя в Константинополе и «Западная» империя с центром в Ахене.

«Отчуждение Рима», лишенное всякого «германофильства» и якобы достигшее своего апогея в особой ахенской идее императорской власти, продолжалось совсем недолго. Уже преемник Льва III папа Стефан IV (V) поспешил повторить коронацию Людовика императором в 816 году в Реймсе. Он осторожно возложил ему на голову якобы корону Константина, при этом совершив также обряд помазания (!) и коронации супруги Людовика. Помазание, безусловно, подчеркнуло сакральный аспект укоренившейся в Византии светской церемонии, если только современники были способны воспринять соответствующие нюансы. Начиная с 816 года папа считается единственно правомочным коронатором, а с 823 года собор Святого Петра в Риме становится единственно подходящим местом для коронации императором Запада. Этого принципа придерживался и Оттон I, когда в 962 году подтвердил императорскую власть.

Однако не только переход этого достоинства от одного к другому был связан с ахенским назначением Людовика Благочестивого соправителем. Намеченная еще в 806 году как бы на горизонтальном уровне «трехчастная» система преемства, которая из-за планируемого уравнивания наследников исключала проблему неделимой императорской власти и в братском сообществе Карла, Пипина и Людовика пропагандировала будущую троицу равноправных и в идеале равноценных королевств, в 813 году была принесена в жертву вертикально структурированной системе правления. Возглавить ее должен был единственный оставшийся в живых сын — Людовик, который, как и его отец, стал королем и императором, в то время как монарший внук Бернгард, наследник и преемник своего отца в Италийском королевстве, будучи королем одной из частей империи, оставался в подчинении у своего дяди-императора. В этой модели дифференцированного правления уже прослеживаются установки *Ordinatio imperii* 817 года, когда впервые по праву именуемых «соправителями» младших сыновей Людовика предполагается подчинить старшего Лотаря императорской власти, основанной как бы на постоянно действующих устных полномочиях.

Против этой попытки иерархизированного правила преемства восстали Пипин и Людовик, к которым присоединились Карл

Лысый и его мать Юдифь. В результате в 831 году вновь взяли верх принципы равноправного братского сообщества, созвучные *Divisio regnorum* 806 года. Поначалу, однако, король Бернгард Итальянский почувствовал угрозу своему статусу, тем более что слишком уж очевидным казалось притязание на его королевство со стороны безземельного соправителя Лотаря.

Возражения Бернгарда стоили ему жизни. Людовик же отделался угрызениями совести и ущемлением своих политических действий. Уравновешивание власти в королевской фамилии стало одной из сложнейших задач особенно для правителей раннего и зрелого средневековья. В итоге сформировалась монархия, которую представлял один сын, в то время как другие сыновья посвящали себя церковному служению и принимали герцогское достоинство, как это после первых неудач с определенным успехом стал практиковать император Оттон I.

Обещания, которые Людовик дал и присутствующим и отцу относительно собственного благонравного поведения, не помешали ему в 814 году после восшествия на престол противопоставить себя сводным братьям и сестрам, но прежде всего племяннику Бернгарду. Соперничество между братьями, племянниками, зятьями, но главным образом сыновьями оставалось характерной приметой правления династии Каролингов.

По окончании торжественного акта в ахенской церкви Божией Матери Карл хотя и одарил Людовика высокими почестями и дорогими подарками, тем не менее «отправил» его в Аквитанию. В данном факте проявилась внутрисемейная конкуренция, которой император старался избежать. После кончины отца Людовику пришлось еще фактически завоевывать Ахен как ключевой пункт империи. В этом ему значительно помог влиятельный Вала, вначале колебавшийся, но затем решительно вставший на сторону правителя. В отличие от подобострастных имперских анналов «о радостном одобрении всеми франками» восшествия Людовика на престол не могло быть и речи; скорее наоборот, были жертвы, а «чистка дворца» коснулась также сестер Людовика и наложниц Карла и, может быть, даже пятерых племянниц Людовика, дочерей Пипина Итальянского.

Впрочем, в 814 году Людовик все же соблюдал указания, полученные в минувшем году от отца. В том же году в Ахене появился Бернгард, которого Людовик принял, согласно правилам, как короля и отпустил с подарками, то есть продемонстрировав ему в полной мере монаршее благорасположение. В источниках

нет и намек на вассальную зависимость Бернгарда от императора; равным образом ничто не дает основания говорить о принесении им клятвы верности. Теган же более двадцати лет спустя сообщает о подобном факте, что, безусловно, призвано смягчить последующее жестокое наказание со смертельным исходом вследствие клятвопреступления. Бернгард был королем по милости Карла, а не герцогом, как в свое время несчастный Тассилон Баварский, судьбу которого косвенно predetermined трирский викарый.

КОНЧИНА

Преклонный возраст и болезнь явно сказались на состоянии здоровья императора. Хотя он, как и прежде, увлекался осенней охотой (страсть, которая сближала его со своим наследником), однако, согласно Эйнхарду, это происходило исключительно в лесистых окрестностях Ахена. Уже в первые ноябрьские дни он вернулся в резиденцию. Теперь его жизнь посвящалась только молитве и раздаче подавания, если верить слегка стереотипным свидетельствам викария Тегана. Хватало времени и на «заботу о правильности текста»; его старания были связаны с исправлениями четырех Евангелий с помощью ученых греков и сирийцев. Эти усилия с самого начала он посвящал важнейшим свидетельствам христианского существования, проповедям, уставу святого Бенедикта, сборникам церковного права и вообще Священному Писанию, дабы праведным словом подготовить истинный путь. В этом отношении ему оказывали содействие главным образом Алкуин и Теодульф.

В одной портретной зарисовке Эйнхард дает нам достаточно точное представление о состоянии здоровья Карла на фоне его почти сорокашестилетнего правления. Между тем у императора прогрессировала подагра, или артрит. Данное заболевание, особенно вследствие постоянного употребления мяса и злоупотребления алкоголем, вызывает нарушение обмена веществ в организме и заключается в отложении солей — это так называемые подагрические узлы прежде всего на суставах пальцев рук и суставах пальцев стопы. Такое воспаление нередко сопровождается лихорадкой и крайне болезненными приступами. Артрит — это классическое заболевание высочайших особ и высших кругов эпохи позднего средневековья. Подобное нарушение обмена ве-

шеств было отмечено также у Карла V, а до и после него у многих австрийских эрцгерцогов.

Хотя Карл проявлял повышенный интерес к распространению античных первоисточников по медицине, он не прислушивался к советам собственных врачей, которых, по свидетельству Эйнхарда, «почти ненавидел, потому что они пытались его убедить отказаться от привычного жаркого и есть только вареное мясо». Он, как и прежде, велел каждый день жарить на вертеле дичь, которой снабжали его охотники. Хотя Карл, как и святой Августин, проявлял умеренность в еде и питье, ничто так не раздражало монарха, как вынужденный пост, который, как он считал, только вредил его здоровью. Поэтому и без того ограниченное в своих возможностях искусство врачевания не могло ничего поделать с его подагрой, которая с наступлением старости настолько обострилась, что император при ходьбе даже стал волочить ногу.

Разумеется, одни приступы подагры не свели бы императора в могилу. В суровую зиму 813—814 годов (это случилось в январе) его поразила мучительная лихорадка от воспаления легких, которое, как правильно и со знанием дела отметил Эйнхард, повлекло за собой плеврит. Один из биографов Людовика, Теган, дал точное описание последних дней жизни правителя: «В январе следующего, 814 года на сорок шестом году правления после купания господин император получил лихорадку. Поскольку слабость с каждым днем возрастала (к тому же он ничего не ел и не пил, кроме нескольких глотков воды для свежести тела), на седьмой день после заболевания он приказал послать за Гильдебольдом (епископом Кёльнским и одновременно главным капелланом), с которым был тесно связан. Чтобы набраться сил перед надвигающейся развязкой, епископ причастил его Святых Тайн. После причащения агония продолжалась этот день и еще следующую ночь. Наутро следующего дня (это было 28 января) он в полном сознании неотвратимого вытянул правую руку и из последних сил перекрестил лоб, грудь и все тело. Наконец сложил ступни ног, распростер руки над телом, закрыл глаза и едва слышно пропел стих из псалма: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Сразу же после этих слов он с миром скончался, на старости лет и в исполнение своих дней. Еще в тот же день его тело было предано земле в храме, который он сам воздвиг в ахенском пфальце, на 72-м году жизни (!) на 7-м году пятнадцатилетнего летосчисления».

По свидетельству Эйнхарда, Карл скончался в третьем часу, то есть ранним утром 28 января, которое пришлось на воскресенье. Когда, повествуя о кончине монарха, биограф говорит о неуверенности своего окружения относительно места захоронения Карла, здесь следует проявлять осторожность. Фактически незамедлительное погребение уже в день кончины предполагает скорее обратное. Конечно, в собственном завещании Карл ни словом не обмолвился о средствах на его последнее пристанище, однако еще за несколько десятилетий в самом начале своего правления в одной из грамот он выразил пожелание когда-нибудь быть захороненным рядом с родителями в монастыре Сен-Дени. Между тем своеобразное зодческое исполнение его церкви Божией Матери в Ахене, возможно, поставило под вопрос реализацию данного намерения. В этой церкви пфальца, на возведение которой его однажды вдохновила Сан-Витале в Равенне, церкви, которую он украсил римскими дарами и которую Алкуин даже сравнивал с храмом «премудрого Соломона», он и мечтал обрести свое последнее упокоение.

ПОГРЕБЕНИЕ

В империи франков не сложился или, точнее, еще не сложился, хотя бы по византийскому образцу, королевский или тем более императорский церемониал погребения. Как любого другого христианина, покойников обмывали, облачали в погребальные одежды, устанавливали гроб с телом для торжественного прощания и затем «предавали земле», то есть закапывали в землю, что понималось в буквальном смысле даже с точки зрения Эйнхарда.

Биограф, живо следуя оригиналу, то есть античным книгам жития императоров, настоятельно указывает на якобы реальные предзнаменования скорой кончины Карла. Среди прочего в одной начертанной красными буквами надписи между верхними и нижними аркадами в интерьере дворцовой церкви стих заканчивался — «Karolus p̄nc̄eps»* как основатель храма. Так вот, слово «p̄nc̄eps» со временем настолько поблекло, что его едва ли возможно расшифровать. Здесь как основа прослеживается житие императора Августа, повествующее о почти идентичном событии незадолго до кончины императора. Однажды в его изображение

* Князь Карл (лат.).

попала молния и выжгла на надписи цоколя инициалы цезаря. Из литературных толкований автора в любом случае можно сделать заключение об общем душевном состоянии Карла (между прочим, и его биографа!) в последние месяцы его земного бытия. При этом размышлять серьезно о монарших страхах и страстях не приходится. Не языческое толкование снов довлекло над последней фазой его жизни, а христианское обращение к евангельским текстам как вратам в вечность.

Дата, место и прочие обстоятельства рождения Карла вызывают споры, зато нам известны день и даже час, а также место его кончины. Вместе с тем мы мало что знаем о его погребении и могиле. Источники удивительно немногословны о точном месте захоронения.

С 27 июля 1215 года, Дня святого Иакова, когда Фридрих II, так сказать, собственноручно забил последний гвоздь в широко известную гробницу Карла в пределах ахенского кафедрального собора, мощи этого великого человека покоятся в драгоценном ларце, изготовление которого было начато по завершении последних дендрохронологических исследований примерно в 1182 году. О длительном периоде между кончиной Карла и этим событием нам известно лишь то, что в 1000 году Оттон III после долгих поисков вскрыл гробницу своего предшественника и снова ее закрыл и что ему даже потребовалось видение, чтобы по случаю канонизации и связанного с ней освящения мощей 29 декабря 1165 года побудить Фридриха I Барбароссу разыскать последнее пристанище своего высокочтимого идеала.

Еще современники видели в действиях Оттона III надругательство над захоронением. Анналы монастыря Гильдесгейм критически отмечают, что хотя император посетил Гнезно, последнее пристанище канонизованного во славу алтарей Адальберта Пражского, чтобы там помолиться, могилу своего великого предшественника в Ахене он почтил из «восхищения», то есть в погоне за сенсацией. Хронист епископа Мерзебургского Титмара свидетельствует, что император втайне ото всех велел вскрыть пол в церкви (!) и разрыть слой земли (!). Монах Райнер из монастыря Сен-Иаков в Льеже сообщает в своем свидетельстве в 1215 году, что однажды Фридрих I Барбаросса вырыл из земли (!) труп Карла, который его внук затем поместил в «саркофаг из золота и серебра», в то время как анналы монастыря Камбре, равно как и так называемая Кёльнская королевская хроника и хронист Зигиберт из монастыря Жамблу, уже приблизительно в 1170 году сви-

детельствуют, что Фридрих I извлек останки Карла из саркофага и захоронил их тщательно и с почетом в золотом ларце. Этот ларец, поскольку к изготовлению гробницы Карла приступили только после 1182 года, по-видимому, представлял собой сохранившийся ценный ковчег, в котором находилась часть мощей нового святого.

Безусловно, подлинная грамота штауфера Фридриха I, выданная монастырю и городу Ахену от 8 января 1166 года, содержит дополнительную информацию о том, что «пресвятое тело Карла, тщательно сохранявшееся из страха перед внешним врагом и ближним противником», теперь найдено благодаря промыслу Божию. Таким образом, эти сведения в своих существенных деталях совпадают со скромной записью Эйнхарда (и Тегана) о том, что тело Карла покоится в его церкви под землей. Скромность погребения не вызывает сомнения хотя бы из-за ограниченности времени для открытия могилы и мерзких погодных условий в холодном январе, ведь оно произошло в день смерти и, безусловно, до субботней Вигилии и до рано опускающихся сумерек. По свидетельству Эйнхарда, над могилой была установлена позолоченная арка с портретом Карла и надписью с обозначением титула маюскулами по античному образцу: «Под этим строением (*conditorium*) покоится тело Карла, великого и правверного императора, который благородным образом расширял границы империи франков и который счастливо управлял ею в течение сорока семи лет. Он скончался семидесятилетним в 814 году по Рождестве Христове, на 7-м году пятнадцатилетнего летосчисления, января 28 числа».

Вызывает удивление отсутствие в тексте обращения к посетителю с просьбой о вознесении молитвы для спасения души усопшего подобно составленной Карлом эпитафии на могиле папы Адриана I. Очень может быть, что этим сугубо политическим текстом его автор, а именно сам Эйнхард, раскрыл, кто он такой. Следуя данному принципу, он почти полностью опускает «религиозную добавку» в своей биографии. Кстати сказать, Карл скончался не в семидесятилетнем библейском возрасте и не в 72 года, как свидетельствует Теган, а на шестьдесят шестом году жизни. Сроки королевского и императорского правления в датировании титула вообще не играют никакой роли. Зато обращают на себя внимание мало употребительное указание времени, связанное с Рождеством Христовым, и «античное» обозначение года по системе пятнадцатилетнего налогового цикла с диоклетиановских

времен. Слово «magnus» (великий) вскоре слилось с именем монарха: Charlemagne, Carlemagno, Karlmeinet, кроме них, «orthodoxus»* — единственный употребленный эпитет, причем почетный титул «orthodoxus» вызывает воспоминание о споре относительно икон, адоптианстве, формуле филиокве и вместе с тем является свидетельством строгой ориентации на Рим и князя апостолов Петра.

Для возведения мемориала из камня с соответствующим декором требовались определенное время и в общем-то немалые финансовые средства. Поэтому совсем не случайным представляется указание одного из наших источников на то обстоятельство, что одну треть наследной массы, причитающейся монаршей фамилии, Людовик Благочестивый потратил на похороны своего отца, что, безусловно, предполагало не скромное погребение в день его кончины, а установку надгробного памятника.

В противоположность императорам Оттону III и Фридриху I поиск подлинного захоронения августейшего представителя династии Каролингов особого успеха не имел. Из многообразия всяких гипотез наиболее серьезным кажется предположение, в общем-то подкрепленное результатами археологических раскопок. Авторы этой гипотезы считают, что Карл был захоронен в бывшем атриуме старой церкви Божией Матери, под современной западной постройкой, над полом которой и возвышалась та самая напоминающая беседку позолоченная аркада. Когда участились набеги норманнов, которые в 882 году вторглись также в Ахен и занимались в нем мародерством, аркада скорее всего была демонтирована, чтобы уберечь от разграбления столь дорогую франкам могилу.

Более спекулятивным представляется утверждение, что один из украшавших собор королевских престолов впоследствии возвышался над могилой именно в этом атриуме. Подобное утверждение добавило бы достоверности упоминавшемуся ранее Титмару Мерзебургскому, который доказывал, что останки Карла были обнаружены в результате эксгумации, проведенной Оттоном III под «solium regium»**.

Дополнительным, хотя и косвенным свидетельством первоначального более чем скромного погребения Карла в атриуме его церкви, на пороге собора, являются сведения о захоронении в

* Правоверный (лат.).

** Королевский трон (лат.).

монастыре Сен-Дени его родителей Пипина и Бертрады. Эта пара также была похоронена в атриуме тамошней аббатской церкви, существование которой надежно подтверждает опубликованный несколько десятилетий назад источник *Descriptio**, датированный еще 799 годом. Не исключено, что сын вознамерился последовать этому убедительному примеру скромности. Согласно более поздним данным известного аббата монастыря Сен-Дени Зугера, с именем которого связано зарождение ранней готики, Карл сам расширил место захоронения своих глубокочтимых родителей, позаботившись о своего рода пристройке (*augmentum*). И эта выступающая часть ансамбля впоследствии была выделена на общем фоне нанесением на нее соответствующих титулов и изображений.

Что же касается часто цитируемых, якобы даже подтвержденных свидетелями данных примерно 1030 года хрониста Адемара Хаванского, автора той же по времени хроники монастыря в Новалезе, которая даже настаивает на факте погребения Карла в полном параде (это, по-видимому, увязывается со свидетельством Титмара), что Карл, мол, был обнаружен в самом престоле, то такие сведения скорее из разряда фантастики. В любом случае, опять-таки обращаясь к Титмару, есть основания считать, что маленький золотой крест, который монарх носил на шее, был «талисманом Карла Великого». Этот золотой крестик, фактически представляющий собой наперсную дароносицу, в 1804 году был торжественно преподнесен от имени ахенского капитула императрице Жозефине, а в 1919 году перекочевал в собрание сокровищ Реймского собора.

Остается невыясненной проблема так называемого саркофага Прозерпины в ахенском кафедральном соборе, в котором до 1165 года якобы хранились святые мощи Карла. Современные событию источники об этом хранят молчание. Кроме того, маловероятно, что мощи Карла поместили сразу же после его кончины в ценный мраморный саркофаг с богатыми трехсторонними рельефами, чтобы потом закопать его в землю. Правда, есть основания для утверждения, что и при погребении брата Карла — Карломана в Реймсе, его сына Людовика в монастыре Сен-Арнульф в Меце, Людовика Немецкого в монастыре Лорш использовались саркофаги, а при похоронах Карла Лысого в Сен-Дени даже порфиновая ванна. Но что их когда-либо зарывали в землю — таких

* Описание, устройство (лат.).

свидетельств нет. Это к тому же решительно противоречит данному способу погребения, ибо оформление саркофагов с рельефами или, как в случае с саркофагом в Лорше, с каннелированными колоннами спереди в подражание античным образцам делало композицию обозримой со всех сторон или же пространственно сдвигало фронтальный фасад в нишу. В этой связи напрашивается вопрос: почему же тогда Эйнхард и Теган в своих свидетельствах скромно умалчивают факт помещения тела великого человека в ценный саркофаг? Римский саркофаг II века получил реальное подтверждение лишь в XII столетии. Поэтому можно предположить, что его доставил из Рима (или Равенны) в Ахен Оттон III или даже Фридрих I Барбаросса. На закате средневековья этот саркофаг в нише катакомб со статуей рассматривается как надгробный памятник императору. Вероятнее всего, император Фридрих I, как свидетельствует в 1215 году упомянутый льежский монах, велел поместить в этот саркофаг после их обнаружения все святыне мощи Карла, кроме одной плечевой кости. Служивший Карлу примером император Константин Великий был захоронен в соборе Святой Софии в порфириновом гробу, а правитель франков предпочел скромное погребение в духе его отца и короля. До сих пор, несмотря на все усилия, нет абсолютно точных данных о расположении этого захоронения в прежнем атриуме; новейшие раскопки могут дать ожидаемый ответ, но отправным моментом все еще остается убеждение, что Карл был похоронен в саркофаге.

Саркофаг Прозерпины, ниша для погребения в катакомбах и гробница Карла, а также престол на эмпоре уже стали составной частью легенды. Бренные останки императора по примеру его глубоко чтимых родителей обрели пока что свое последнее пристанище на пороге храма, однако в сакральном пространстве святых-покровителей, прежде всего Спасителя и Его матери, в честь которых и названы оба главных алтаря. Уместно задать вопрос: а пожелал бы Карл вообще такого погребения в контексте подобного языческого свидетельства, несмотря на все попытки христианских толкований? Сия тайна сокрыта в рождении и кончине Карла.

Кончина влиятельного правителя получила в тогдашней поэзии весьма скромный резонанс. Поэтическая эпитафия, авторство которой приписывают Гибернику Эксулу, представляет собой традиционный монарший панегирик, в котором Карл прославляется как «украшение» франков. В дошедшем до нас скорб-

ном поэтическом произведении из Фульды за каждым двестишесем повторяется плач: «Neu mihi misero!»* Кроме того, говорится, что весь свет оплакивает кончину великого человека, которого «Христос со своими апостолами как благочестивого готов принять в царствие свое». В скорби Рим, Италия и земли франков.

Мысли современников и последующего поколения, уже познавшего распад власти и братоубийственные войны, точно и хлестко обобщил вскоре после 840 года внук Карла Нитгард, являвшийся сыном его дочери Берты: «Когда блаженный памяти император Карл, по праву названный всеми народами великим правителем, скончался в преклонном возрасте на третьем часу, он оставил всей Европе добро, ибо он был человеком, который в любом виде премудрости и добродетели настолько превосходил людей своего времени, что его боялись все жители земли и вместе с тем считали его достойным любви и восхищения... Он счастливо правил как король тридцать два года и еще так же счастливо стоял у кормила империи четырнадцать лет».

* Горе мне, бедному! (лат.)

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ОКРУЖАВШИЙ ЕГО МИР

ЛИЧНОСТЬ КАРЛА

Кончина императора Карла позволяет на фоне его «*res gestae*»* поначалу нарисовать портрет, общее впечатление от которого складывается из деяний и характера. Правда, этого можно достичь осторожными мазками с использованием приглушенных тонов. Разница по времени и совершенно изменившиеся с тех пор социально-политические и технико-экономические условия требуют осторожного подхода.

В противоположность чаще всего смутным силуэтам его преемников на королевском или императорском троне вплоть до XII столетия Карл предстает перед нами как исключительно своеобразная личность во всех ее многочисленных проявлениях: как правитель, военачальник, дипломат, кредитор, «экзегет» (толкователь Священного Писания) и «реформатор образования», а также как сын, отец, дед и супруг и при случае как «частное лицо». Этим спектром образов мы обязаны прежде всего гениальной биографии монаршего воспитанника Эйнхарда, которая, следуя образцу жизнеописания цезарей Светония, отводит обширное место, так сказать, «интимному» существованию своего героя и в насыщенных главах детально разбирает публичную деятельность Карла прежде всего в роли военачальника. На этом фоне внутривластная действительность усилий короля франков производит на редкость расплывчатое впечатление. Дело в том, что структура управления его империей ни в коей мере не соответствовала модели античного властно-военного государства, которой, разумеется, руководствовался Светоний, но которой не было перед глазами у Эйнхарда (и у Карла!).

* Труды (лат.).

Следуя модели своего античного образца и в противоположность традиции средневековья, которая не уделяет почти никакого внимания формально персональным моментам, если они не являются отклонением от нормы или особыми чертами характера, Эйнхард знакомит нас также с объективными критериями оценки и внешним впечатлением от своего героя. Если при этом, как известно, он почти дословно воспроизводит свой «оригинал», такой имитационный прием сам по себе несколько не умаляет достоверность его манеры высказывания, ведь, что касается физического феномена Карла, биограф едва ли мог позволить себе всякие выдумки или грубые преувеличения, ибо многие потенциальные читатели или слушатели имели собственное реальное представление об идоле Эйнхарда.

«Он был солидного и крепкого сложения, достаточно высокого роста, однако не выше среднего (в этом отношении Эйнхард почти буквально воспроизводит биографию Тиберия, который, однако, согласно Светонию, не отмечает у монарха высокого роста). В любом случае рост Карла составлял семь футов. У него была круглой формы голова, очень крупные и живые глаза. Нос выдавался несколько длинноватый, зато красивые седые волосы и улыбчивое открытое лицо. В любом положении, сидя или стоя, Карл неизменно производил сильное впечатление, излучая авторитет и достоинство. Хотя шея у Карла была утолщенная и чуточку короткая, а живот немного выступал впредь, это не могло скрыть симметрию его членов. Карл обладал уверенной манерой держать себя и мужественной осанкой, а также звонким голосом, хотя он и противоречил всему монаршему облику. У Карла было отменное здоровье, и только в последние четыре года жизни его нередко мучили приступы лихорадки, а незадолго до кончины он волочил ногу». К этому внешнему облику примыкает уже отмеченное Эйнхардом наблюдение, что Карл игнорировал совет врачей, которые с точки зрения диеты рекомендовали ему потреблять вареную, а не жареную пищу. Кстати сказать, монарх вообще презирал обязательный характер поста, но зато проявлял чрезвычайную сдержанность в употреблении вина в противоположность своему окружению и своим соотечественникам, которые предавались этому пороку и, если верить Тациту, издревле служили Бахусу. Не случайно в монарших указах сплошь и рядом встречаются негативные суждения относительно пьянства, особенно среди официальных лиц.

Импозантность Карла, которую, по мнению Эйнхарда, несколько не портила «бычья шея» монарха, подтверждает также анонимный автор произведения Падерборнского эпоса, который констатирует, что во время охоты король превосходит всех других ее участников «своими огромными плечами». И наконец, замеры останков Карла в его ахенской гробнице, которую вскрывали и в позапрошлом столетии и совсем недавно, позволяют сделать вывод: рост императора составлял примерно 190 сантиметров, что вполне соответствует данным Эйнхарда о семи футах (один фут в те времена был равен 25—30 сантиметрам).

Эйнхард описывает родившегося в 748 году правителя франков в зрелом возрасте, каким он сам узнал его в середине девяностых годов после переселения из Фульды во дворец, где и проникился уважением к монарху. Указание на «седые» волосы Карла также говорит о том, что речь идет о мужчине средних лет на закате жизни.

Портретные изображения Карла на монетах и фресках (мозаиках), причем под ними понимается не индивидуальное воспроизведение, а обобщенный типологический образ, при всей «сглаженности» позволяют сделать вывод, что в отличие от своих предшественников из династии Меровингов — «длинноволосых королей» (по выражению Джона Майкла Уоллис-Хэдрила), Карл имел довольно короткую прическу, а благообразие его лицу придавали короткие, но свисающие усы. Это вполне соответствует облику малой статуи на коне (город Мец), точное датирование которой вызывает споры. Считается, что это произведение искусства изображает правителя франков, предположительно Карла, внука Карла Великого. Такая форма усов характерна для этого потомка и в посвященном ему изображении в известной Библии, хранящейся в церкви San Paolo fuori le mura. Подобным же образом автор миниатюры в Модене изобразил в копии конца X столетия на основе примерно в 830 году утраченного оригинала Карла как законодателя в противоположность его сыну Пипину.

Возникшие в середине XVI века после значительных повреждений мозаик в триклинииуме Латеранского дворца в Риме копии и гравюры такие выводы исключают, не говоря уже о новомодных творениях XVIII века и последующего времени в Piazza san Giovanni*. То же самое относится и к копиям утраченной в 1595 го-

* Дворец Сен-Джованни (ит.).

ду мозаики церкви Santa Susanna* на Квиринале, на которой также был изображен Карл. Более позднее по времени предание показывает правителя франков с бакенбардами, эспаньолкой и усами. Копиист XVI—XVII веков, по-видимому, не мог не испытать на себе влияния моды на ношение бороды.

На имперских монетах, датированных скорее всего после 812 года, когда Византия признала Западную империю, Карл изображен в профиль. Голова императора в античной манере увенчана лавровым венком с распущенными концами. Ярко выраженный контур носа и усы дополняют характерный образ, для которого, по мнению знатоков, образцом является монета времен Константина I, правда, без усов. Из этой серии имперских монет известно примерно тридцать штук серебряных и до сих пор лишь одна золотая. Они были найдены в результате раскопок 1996 года в районе пфальца Ингельгейм-на-Рейне, причем две другие монеты были признаны более поздними по чеканке мемориальными монетами в честь императора Карла. Этот золотой денарий был отчеканен на монетном дворе в Арлесе на основе оригинала из Павии или Милана, которые считались итальянскими центрами во время правления Карла. Конечно, и эти штампы и их чеканка не могут претендовать на портретное сходство, что воспрещает уже позднеантичный образец, но стилизация императора франков под типаж, который своим внешним видом сознательно отличается от длинноволосых представителей династии Меровингов, для изображения его на имперской монете вполне оправдана. Что касается «образа государства», ориентиром для Карла и его окружения служит первый христианский император Константин. Карл изображен в профиль с лавровым венком и пряжкой, соединявшей короткую императорскую мантию (*paludamentum*). Профиль приобретает характерные «франкские» черты внешности благодаря специфическому, свойственному тому времени контуру бороды. Тем самым спор из-за пустяка** однозначно завершился в пользу слегка свисающих усов.

Для оттиска знаков печати на воске Карл в свою бытность королем, как и его отец, использовал античные геммы. Так, прикладывая печать к судебным актам, в качестве основного «клеяма» Карл применял гемму с изображением верховного бога Юпи-

* Святой Сусанны (*ит.*).

** По-нем. букв. «из-за бороды императора».

тера или гемму с портретом цезаря II века. О фактической внешности и традиционной одежде Карла эти оттиски соответствующего представления не дают. В дополнение к этим печатям на воске уже в качестве императора Карл, следуя византийским обычаям, прибегал к использованию грамот на металле. Существует очень плохо сохранившийся экземпляр королевской буллы на свинце. На ней Карл изображен увенчанным короной, голова повернута вправо. На одной копии король с бакенбардами, а вот на более поздней копии эта деталь отсутствует. Вторая грамота (булла) уже после обретения императорского достоинства на передней стороне сохранила облик правителя анфас со щитом и копьем, увенчанного трехчастным налобником. Образцом для данного изображения, причем это же относится и к надписи, является позднеантичная монета, на реверсе которой изображение городских ворот Вечного города символизирует возрождение Римской империи, или империи римлян. В отношении бороды данный источник ничего нового не добавляет, так как и эта грамота на свинце страдает такими утратами за давностью лет, что всякие размышления на данную тему вылились бы в неоправданные спекуляции.

Тщательное изложение биографом Эйнхардом внешнего облика Карла — высокий рост, твердый шаг, мужественная осанка, уверенность в своих силах и правоте и при этом полный радости, ясный взгляд — является предпосылкой проникновенного анализа характера: описание существенных черт характера Карла, его предпочтительных склонностей и интересов, его существования в широком смысле слова, не в контексте дифференцированной психограммы, а с постоянным учетом позитивно воспринимаемых персональных качеств, которые почти полностью исключают абстрагированное рассмотрение его натуры. Такая характеристика считается традиционной, стереотипно ориентированной на общеобязательные добродетели императора и истинно христианского правителя. Очерченному таким образом недостает отправного начала, отталкиваясь от которого жил и действовал Карл. Поэтому Эйнхард довольствовался перечислением аристотелевско-стоических понятий — это самообладание, терпение, инерция и благородство. В данном перечне присутствует также милосердие («*clementia*») как основная монаршья добродетель.

Все это может показаться вполне традиционным. Упоминание общеизвестных, таких отправных добродетелей, как мудрость, справедливость, смелость и умеренность, не выходит за рамки

обычного и заурядного. Если приглядеться внимательнее, нельзя не заметить, что в своем утонченном стремлении воздать должное характеру Карла Эйнхард отходит от намеченных параметров Светония (и Тацита). В результате выдающейся чертой характера своего героя, определяющей его действия, биограф называет понятия «*magnitudo animi*» и «*magna-nimitas*», то есть силу духа и великодушие. Как Зигмунд Гелманн отметил еще несколько десятилетий назад, это понятие отмечается глубоким политико-этическим содержанием, которое, будучи заимствованным из трактата Цицерона «О должностях», входит в «систему социальных добродетелей, проистекающих из требований подчинить семью и государство человеку». Такая привязка к характеру чужда Светонию, который, кстати сказать, вовсе не стремится нащупать «сердцевину» своих цезарей, за исключением тех случаев, когда их безудержный и жесткий нрав и без того очевиден.

Хотя раннее средневековье оказалось не в состоянии постичь и выразить личность как индивидуальность в переплетении характерных сильных и слабых ее сторон и одновременно как нечто развивающееся, тем не менее Эйнхард выделил центральную добродетель правителя, которая как вершина мировоззрения, выдержки и превосходства определялась не первично религиозной мотивацией, а «имела социально-политическую ориентацию» (Зигмунд Гелманн). Именно это позволяло ему проявлять твердость и негибкость в достижении поставленных и осознанных им целей. Хотя столь однозначный подход Эйнхарда не позволяет ему нарисовать яркую картину душевного состояния, тем не менее раскрытый им характер значительно превосходит более позднюю агиографию или историографию, которая крайне редко демонстрирует нам личность иначе чем в духе апробированных христианских добродетелей, не говоря уже о точности мысли и языковом мастерстве автора жития Карла.

Глубинная сущность монарха определила все прочие черты его характера — открытость, общительность, привязанность к семье, «гениальность в дружбе» (Йозеф Флекенштейн), надежность, религиозно обусловленное отношение к папам, способность скорбеть в связи со смертью сыновей (и, видимо, жен) и переживания, вызванные кончиной папы Адриана I.

Политический монумент, который биограф Эйнхард воздвиг для стороннего наблюдателя как свидетельство несравнимого величия, в кругу семьи и друзей приобретает черты человечности, вызывающей нашу симпатию. К этому человеческому аспекту

имеет отношение и чувство юмора Карла, о котором за отсутствием летописных свидетельств лишь иногда становится нам известно. Например, уже будучи взрослым, он вспоминает о случае, произошедшем с ним в семилетнем возрасте, когда при захоронении мощей святого Ирминона в монастыре под Парижем будущий император прыгнул в свежевырытую могилу и от неосторожного движения лишился своего зуба! Некоторые дошедшие до нас благодаря «академикам» дерзкие замечания позволяют сделать вывод, что Карлу были по душе смачные остроты, хотя они могли обернуться и против него самого.

Судя по всему, мстительность не являлась чертой его характера. Строгость и временами даже жестокость при подавлении мятежей и наказании опасных противников считались приемлемыми в тот век. Кстати сказать, Карл прибегал к этим методам исключительно редко. Эйнхард, словно извиняясь, свидетельствует, что подобное случалось исключительно под дурным влиянием его предпоследней супруги Фастрады, которого король не мог избежать.

РАМКИ ПРАВЛЕНИЯ

Отношение к близким, то есть к семье в узком смысле слова, определялось любовью и «*pietas*», то есть более тесной привязанностью, включая скорбь в случае смерти близких, в противоположность тому, как вел себя Август, который дочь и внучку (обе Юлии) за неприличное поведение отправил в ссылку, ибо «смерть близких ему было легче перенести, нежели их позор» (Светоний). Карл же, наоборот, игнорировал то, что косвенно порицает Эйнхард, а именно поведение его «коронованных голубок» при дворе, возможно, не только потому, что его собственная сексуальная жизнь, наложницы и внебрачные дети начиная с середины девяностых годов, мягко говоря, не очень соответствовали морально-этическим представлениям церковных кругов. Сам Карл всячески противился замужеству своих дочерей, поскольку, по мнению биографа, не мог обойтись без «общинного жития», то есть без совместной жизни под одной крышей. Вместе с тем, как отмечает Эйнхард, в повадках дочерей обычно счастливому Карлу виделось проявление ехидства богини счастья Фортуны.

Однако забота о благополучии близких не ограничивалась узким семейным кругом. Необеспеченная в момент кончины

императора наверняка многочисленная обслуга получает все необходимое, согласно политическому завещанию 811 года.

Нежное отношение Карла к женскому полу, безусловное сладострастие их господина (и героя) стало тяжким бременем для церковнослужителей (и впоследствии буржуазных историков). Если современники Карла не осмеливались открыто критиковать его распутную жизнь, то новейшие историки, зная о выдающейся жизнеспособности императора, обходили молчанием его слабости в своих исследованиях и незамедлительно переходили к политическим деяниям.

Правитель франков являлся отцом не менее восемнадцати поименно известных детей. У Карла было пять законных жен. Гимильтруда и дочь Дезидерия, имени которой мы не знаем, по политическим соображениям из брачных связей исключались. Гильдегарда, мать троих имеющих право на преемство сыновей — Карла, Людовика и Пипина (Карломана), скончалась после почти двенадцатилетнего, а Фастрада — десятилетнего пребывания в браке, и, наконец, Лиутгарда умерла всего через несколько лет после вступления в брак с Карлом. Есть основания считать, что, кроме всего прочего, Карл пошел с ней под венец только для того, чтобы во время визита понтифика в Падерборн в 788 году не держать около себя фаворитку. После ее кончины год спустя король нашел утешение в связях с наложницами, которых было не менее четырех. Все вместе они подарили ему еще четверых детей — троих сыновей и дочь. Упоминаемая в некоторых родословных в качестве шестой супруги Регина, по свидетельству Эйнархарда, была одной из этих четырех поименно известных любовниц. Родившиеся от этих связей Дрогои, Гуго и Теодорих, как показывают сами имена, их отцом не были узаконены. Право на престолонаследие имели только сыновья Гильдегарды. Лиутгарда скончалась бездетной. К двум дочерям Фастрады, из которых по крайней мере одна впоследствии постриглась в монахини, и к дочери одной из наложниц после 811 года присоединились еще пять малолетних дочерей италийского короля, то есть внучек Карла. Тем самым они влились в и без того многочисленную группу уже повзрослевших представительниц женского пола, родившихся от брака с Гильдегардой, а также от связей Карла, имевших место еще при жизни Фастрады. Это, по выражению Жане Нелсона, «бабье царство» после коронации Людовика в 814 году сразу же стало жертвой дворцовой «чистки», распространившейся даже на жилые кварталы Ахена.

Характерными представляются требования, которые Карл предъявлял к воспитанию и образованию. Так, правитель, по свидетельству Эйнхарда, заставлял своих детей, как мальчиков, так и девочек, изучать свободные искусства, постижению которых, уже будучи взрослым, он посвятил немало усилий. Как правило, занятия начинались с чтения коротких латинских текстов, к ним могли добавляться основы письма на восковых дощечках или пергаменте, а также с решения несложных арифметических задач в духе приписываемых Алкуину «propositiones»* с целью расчета важнейших календарных дат христианства, а именно Пасхи и Троицы. Надежным ориентиром служил юлианский календарь из двенадцати месяцев с началом года первого января, хотя христианский год начинался с рождения Господа, то есть с праздника Рождества, или с Пасхи, дня Воскресения Христова и спасения человечества.

Согласно принципам этой пропедевтики, более глубокие занятия включали в себя «свободные искусства», которые образно представил Теодульф Орлеанский в своем епископском дворце: грамматика, риторика и диалектика. Эта триада обеспечивала навыки более или менее свободного владения латынью — устно и письменно, а также помогала формированию способности утонченно излагать свои мысли. Сердцевиной занятий являлся квадративий — арифметика, музыка, геометрия и астрология, причем последняя применялась опять-таки для расчета календарных дат и для понимания звездного неба, для чего использовались столы, принадлежавшие Карлу и являвшиеся элементами наследства.

Известно, что некоторые члены семьи получили образование в монастыре Сен-Дени. Не исключено, что, как и его брат Карломан, будущий монарх в юности получил это «классическое» обучение, которое совсем необязательно включало в себя занятия письмом, как следует из одного чаще всего упоминаемого и ложно трактуемого пассажа из жития Карла. В нем утверждалось, что якобы уже в солидном возрасте император безуспешно старался освоить премудрости письма на дощечках и листочках. Фактически же необходимая для этого специальная техника и сферы ее применения в быту не могли обеспечить одновременное усвоение чтения и письма. Именно каллиграфия на пергаменте с использованием ствoла птичьего пера и чернил требовала особой сноровки, чего, конечно, нельзя было ожидать от каждого, в том

* Основные положения (лат.).

числе и от сыновей монарха. Владение премудростями письма было уделом писарских, «канцелярии» и их работников. Не случайно у англосаксов до сих пор сохранилось обозначение профессии «клерк» (clericus), предполагавшей функциональную связь между ремеслом письма и клерикальным началом. Интересы аристократии же были связаны с охотничьими забавами и оружием. Когда Карл старался освоить премудрости письма, скорее всего он думал о том, чтобы в предстоящей работе по коррективке текста Священного Писания, которое занимало его на закате жизни, самому приложить к этому руку.

В отличие от императоров античности, поздних византийских императоров, римских пап и предшественников из династии Меровингов, которые свои послания и грамоты почти исключительно удостоверяли собственноручной подписью, Карл предпочитал известную монограмму, составленную из букв его имени — «KAROLUS». «Имеющее форму ромба «О» своей верхней половиной одновременно призвано было изображать «А», а нижней — «V», в то время как к его четырем уголкам в твердой последовательности прибавляются согласные K, R, L, S» (Вильгельм Эрбен). Так, отходя от традиции отца и дяди, которые в качестве подписи использовали знак креста, широко применявшийся при совершении юридических сделок вплоть до окончания эпохи средневековья, Карл ввел в обиход монаршую монограмму, особенно при оформлении крупных торжественных привилегий. Если впоследствии король в лучшем случае делал графическую отметку, подтверждавшую его причастность (или засвидетельствование) к чему-либо, то Карл, по мнению Теодора Сиккеля, собственноручно обозначал на бумаге весь срединный ромбик с составляющими его имя гласными. Таким образом, эту разновидность подписи нельзя истолковывать как доказательство малограмотности монарха. Кроме общепонятного знака креста, монограмма обозначает авторитет монаршей власти, причем одного взгляда неграмотных людей на монограмму, как на печать и «продолженный шрифт» протокола и эсхатокола вместе с «улсем», было достаточно, чтобы убедиться в королевской значимости документа.

Вместе с тем описанная Эйнардом система обучения подрастающего поколения доказывает, что в осуществлении претензий на образованность королевская семья давала своему окружению пример для подражания, причем программа воспитания не отличалась узкоклерикальной направленностью. Так, уже в конце VIII века, а особенно в первой половине IX столетия появились

вполне образованные миряне, среди них маркграф Эрик Фриульский, воспринявший написанное Алкуином «Искусство жизни», и его преемник Эберхард, который в 867 году в своем завещании отдал распоряжение насчет собственной богатой библиотеки. К этой же когорте принадлежала Джуда, составившая для своего сына свод правил поведения на основе многочисленных цитат из Библии и святоотеческих произведений, полученных от одного священнослужителя. Своей образованностью славились также Гизела, сестра Карла, аббатиса монастыря Шелль под Парижем, а также его дочь Ротруда. В этой связи нельзя не вспомнить кузину Карла Гундраду, ставшую монахиней обители Стекруа (Пуатье) в 814 году. Именно ей ученый англосакс Алкуин презентовал трактат «Природа души».

Вопиющее противоречие между письменной цивилизованностью и устной архаикой было, без сомнения, характерно для многих областей сельского общества эпохи династии Каролингов. Но монарший двор, а порой и резиденции аристократии и монастыри, имевшие школы по образцу Рейхенау, а также соборы со своими учреждениями, находившиеся под влиянием церковных реформ в области воспитания, с переменным успехом закладывают ориентированную на христианский позднеантичный период основу воспитания и образования на Рейне и Дунае, оно распространяется на восточные и юго-восточные земли в некогда «варварских» регионах! Хотя в урбанизованных районах Италии или Галлии культурный уровень, начиная с так называемого великого переселения народов, заметно упал, но не полностью, как убедительно и вне всякой временной связи доказывает, например, библиотека соборного капитула Вероны.

В возвращении «корректно» дошедших по преданию и скопированных текстов из классической античности и позднеантичных святоотеческих произведений латынь, один из трех священных языков, приобрела свое качество *Lingua franca*, под защитой которой, сравнимой разве что с находящимся в обращении денарием и римской ориентацией церкви и общества, Запад сумел утвердиться в его культурно-этическом многообразии.

Образование, дарованное Карлом своим чадам, детали которого нам, правда, неизвестны, было расширено и обогащено вполне традиционным образом: сыновьям монарх, как водится, велел осваивать верховую езду, охоту и военное дело. По свидетельству Эйнхарда, в этом отношении франки были недостижимы для всех. Эти навыки до самого XX века повсюду объединяли высшую ари-

стократию с правящими династиями. В военных походах и на охоте человек и лошадь образуют нерасторжимое единство, в большой степени определявшее внутренний мир и самооценку аристократии.

Девочки же, то есть дочери и внуки Карла, осваивали прядильно-ткацкие ремесла. В биографии Августа, которая довлела над житием Карла в исполнении Эйнхарда, обучение в указанных сферах является свидетельством особой строгости разочарованного цезаря по отношению к дочери и внукам, а также доказательством его стремления к возрождению древнеримских добродетелей. В жизнеописании IX века, наоборот, присутствует иная содержательность: освоение прядильно-ткацкого ремесла в глазах Карла, равно как и его биографа, вовсе не является занятием простолюдинов, заслуживающим осуждения. Это, наоборот, как бы абсолютно естественный процесс подготовки молодых девушек к брачной жизни и к будущему положению хозяйки дома. На это же указывает закон франков *Lex salica*, квалифицирующий как состав преступления похищение свободной девушки из ткацкой мастерской.

Система образования и воспитания обнаруживает стремление отца уберечь подрастающее поколение обоего пола от безделья, развращающего души. В качестве основополагающей задачи этих процессов проступает сохранение «народных» основ королевского правления. Кроме того, практически ориентированное обучение и воспитание подрастающего поколения, по-видимому, было призвано предотвратить внедрение специального придворного церемониала по византийскому образцу, таившего опасность высокомерия и изоляции от общества. Карл делал ставку на открытый, непретенциозный характер правления и такую форму общения, которое, к примеру, допускало совместное купание в ахенских термах вчетвером. Вероятно, это объяснялось прежде всего индивидуальными чертами его натуры и его «гением дружбы», но вместе с тем содержало осознанный благостный принцип правления.

Неприятное отношение Карла к «торжественному церемониалу» и к приспособлению к чужим нравам и подходам, а также его решимость сохранить унаследованное проявляется во внешнем облике монарха. Он предпочитал носить национальные франкские одежды: это — холщовая рубашка и панталоны, обшитые до голени полосками материи; туника в виде накидки с шелковой каймой и неизменные сапоги. Зимой к этому наряду

добавлялись теплые шкуры и голубого цвета пелерина. Кроме того, монарх опоясывался мечом, который при возложенной короне в торжественные дни и по случаю государственных приемов заменялся на усыпанный драгоценными камнями экземпляр в комплекте с тканными золотом одеждами и украшенными драгоценными камнями башмаками. Эйнхард особо подчеркивает, что Карл лишь два раза появлялся в византийской хламиде и римских башмаках — в первый из уважения к папе Адриану, а во второй — к папе Льву, предположительно в 781 году по случаю помазания и коронации своих сыновей Людовика и Пиппина и в 800 году на Рождество в связи с обретением императорского достоинства.

Карл принципиально воздерживался от пирушек и церемониальных трапез. Если же он устраивал какие-то торжественные пиршества, то такие мероприятия носили неизменно всеобщий характер. Все это монарший биограф воспринимает как отличие от традиций Августа. Еще одно отличие от первоправителя, на которого Карл походил в плане воздержания от обильных возлияний и обжорства, проявляется в общем фоне этих пирушек. Если у Августа при поедании яств играли музыканты, выступали артисты и цирковые шуты, то Карл отдает предпочтение историческим экскурсам и повествованиям о деяниях древних. Тут, по видимому, исполнялись «варварские и древние песни, воспевавшие деяния и военные походы королей былых времен; их Карл как император велел записывать для памяти [потомков]»; на этой единственной текстовой основе, донесенной преданием, возникла так называемая песнь Гильдебранда. Это также можно истолковывать как сознательное указание Карла (и Эйнхарда) на «народные» основы правления королевства франков, как проявление языческого самосознания и культурной самооценности, натуральным образом вписывающейся в передаваемые из поколения в поколение ценности латинского мира.

В отличие от Людовика Благочестивого, увлекавшегося чтением жизнеописаний святых, являвших образец праведного образа жизни как преемников Иисуса Христа, Карл отдавал предпочтение святоотеческим писаниям Августина, главным образом его известному творению «О граде Божьем», которое было для Карла великим образцом, как и библейский царь Давид с его добродетелью.

Интерес к святому Августину и его произведению «О граде Божьем» перебрасывает мостик к еще одному аспекту должного восприятия императора франков. Не только в литературных ис-

точниках Карла язвительно-высокомерно называют полуграмотным князем варваров, фактически приравнивая его к аварским ханам и мелким славянским вождям. Карл, предположительно родившийся в Сен-Дени, обладал, однако, крепким языковым фундаментом. «Франкский язык», то есть свой родной, Карл понимал при всем его региональном многообразии. Кроме того, по свидетельству его современника Эйнхарда, монарх в совершенстве владел латынью (разговорной). Нам известно, что в Регенсбурге, Франкфурте и Ахене в его присутствии и под его председательством проходили многочисленные дискуссии по поводу сложных богословских проблем. В них он принимал участие со знанием дела или предлагал их конкретное разрешение в заключительных продолжительных проповедях. Положительные оценки типа «наилучшим образом» или «как верно», которые старательный комментатор поместил на полях «рабочего экземпляра» Libri Carolini в качестве франкского ответа на решения второго Никейского собора 787 года, свидетельствуют о глубоком понимании вопроса. По мнению Эйнхарда, Карл знал даже греческий язык, правда, владел им пассивно. Если данное замечание соответствует действительности, то Карл и в этом отношении превосходит своих современников. Только в следующем поколении и прежде всего под влиянием полученных письменных сочинений Дионисия Ареопагита в Сен-Дени и в Корби сформировались островки навыков чтения и изучения греческого языка.

Трудно сказать, владел ли король галло-романским, сформировавшимся на базе вульгарной латыни в возникшей позже «французской» языковой области, несмотря на его родственные узы с семьями, проживавшими на территориях, прилегающих к бассейну реки Мозель. Эти способности вовсе не так уж очевидны. Так, Валу за его «двуязычие» всюду расхваливает биограф Пашасий Радберт. Можно предположить, что такими по меньшей мере двуязычными навыками вполне могли обладать внуки монарха Карл и Людовик, в то время как в 842 году тексты взаимных присяг правителей в Страсбурге их войскам пришлось зачитывать и переводить соответственно на «восточнофранкском» и «западнороманском» языках.

О расширении кругозора Карла заботились ученые люди того времени — грамматик Петр из Пизы, но главным образом англосакс Алкуин, который был знатоком во всех сферах духовных знаний, а кроме того, предложил многочисленные руководства по изучению свободных искусств. Больше всего Карл интересовался

астрономией, включавшей в себя также астрологию как основу вычисления календарных дат, важнейших христианских праздников — Пасхи и Троицы, от которых зависели «скользящие» праздники христианства. Летосчисление вовсе не было проявлением чудачества. Унификация календаря в связи с римским солнечным годом и юлианскими месяцами являлась предпосылкой единообразного соблюдения в разных местах христианской империи высших проявлений церковной жизни. Тем самым создавалась единая основа для региональных церковных календарей. Правда, двор лишь при Людовике Благочестивом, примерно в 820 году, получил таблицы летосчисления, составленные еще столетием раньше Бёдой Достопочтенным на Британских островах.

Эйнхард показывает Карла блистательным оратором, умевшим ясно выражать собственные мысли, любившим, чтобы его внимательно слушали. Не случайно он требовал серьезного к себе отношения, когда речь заходила о сложных богословских вопросах. И эту черту следует понимать как одну из граней его обращенного вовне характера. Причем именно она неизменно сильно воздействовала на его окружение.

Дидактическо-нравственный пыл Карла, тяга к народной педагогике выходят далеко за традиционные рамки сугубо политического аспекта. Это относится к разработанным им и его окружением правилам жизни всех сословий и народов на нравственной основе, касается судопроизводства и письменной фиксации правовых норм, связано с регулированием культового аспекта в богослужебных текстах и пении псалмов, а также с догматикой и распространением веры. Все несет на себе печать «исправления» как предпосылки добра.

Как верно заметил еще Генрих Фихтенну, религиозность Карла, видимо, заключается главным образом в правильной организации будущего спасения души, так же как у большинства его современников. Привычный менталитет по принципу «Do-ut-des»^{*} ускорил строительство и украшение монастыря Святой Марии в Ахене, явился основой почитания Карлом гробницы апостола Петра в Риме, побудил его к совершению благородных деяний в духе милосердия, в чем он хотел оставаться никем не превзойденным, в том числе и в своем завещании. С другой стороны, Карл рассчитывал на постоянные молитвы за собственное здра-

^{*} Древнеримская юридическая формула при операции обмена «даю, чтобы и ты мне дал».

вие, за благополучие своей семьи и всей империи прежде всего от духовных институтов, получивших от него дары и привилегии. Непрестанная внутренняя рефлексия и даже погружение в тайны веры были далеки от этой скорее внешне ориентированной религиозности.

Обращенность к сугубо внешним проявлениям также присутствует непосредственно и косвенно в его принципах правления и политических действиях. Карл-император основополагающим для монаршей концепции правления считал «должность» вождя франков и лангобардов, стоящего во главе других народов. Именно после обретения императорского достоинства, которое Эйнхард явно сравнивает с титулом *pontifex maximus* Августа, Карл возвращается к «народным» базовым основам в виде до сих пор не написанных законов, так называемого обычного права, и «варварских, древних» эпических поэм. Карл самоуверенно ссылается на ценность традиций. В их рамках продолжало существовать прежнее, унаследованное от Меровингов франко-германское королевство, одним из главных корней которого был военачальник. Христианизация королевской власти после обретения императорского достоинства была чревата дополнительными опасностями для столь необходимого закрепления собственного прошлого. Если Карл не ограничился фиксацией законов и эпических песен седой старины, а принялся закладывать основы грамматики «франкского языка» с акцентом прежде всего на орфографию, то данная инициатива указывает на осознание идентичности, культурное обоснование которой было связано не только с христианством и поздним этапом античности.

Следуя Августу и цезарям, с одной стороны, и англосаксонскому примеру, с другой, Карл стал корректировать и унифицировать названия месяцев в народном языке. Согласно Эйнхарду, до того времени месяца фигурировали частично под их латинскими, частично под варварскими названиями. Карл выбирал времена года и виды деятельности крестьян и виноделов для более точного обозначения сущности конкретного месяца: январь, март и ноябрь именовались соответственно месяцами зимы, весны и осени; май — месяц пастбищ, июнь — пашни под паром, июль — сенокосов, август — жатвы, сентябрь — рубки дров и октябрь — сбора винограда. Месяца, на которые приходились Рождение и Воскресение Христа, то есть основные христианские праздники, Карл именовал соответственно священными и пасхальными месяцами. Только февраль — «темное время» года, когда прекраща-

лись всякие сельскохозяйственные работы, сохранил свое изначальное название. И это «введение в немецкий язык» указывает на симбиоз антично-позднерхристианских основ и народных элементов в единый помесячный календарь, которому, впрочем, не суждено было войти в обиход. Зато календари в виде месячных картинок, впервые появившиеся в 820 году в Зальцбурге, вплоть до Нового времени в основном сохранили свою аграрную окрашенность и сельскохозяйственную содержательность.

Как ни странно, император не интересовался обозначением дней недели, которые, очевидно, из-за близости границ франков (и других германских племен) к романским землям еще до IV столетия были введены в языковой оборот путем заимствования и переименования языческих божеств (например, Venus (Венера), Venerdi превратилось в Freia и в итоге — в Freitag*). Только день Меркурия под церковным влиянием позже обернулся бледным Mittwoch**.

Характерно указание Эйнхарда на то, что Карла занимали также наименования ветров. Его двенадцатичастная роза ветров из четырех основных и восьми второстепенных была явно связана с этимологией Исидора Севильского и Naturalis historia Плиния, обозначения которой отличаются от употребляемых Эйнхардом терминов. Трудно понять практическую цель этого вмешательства. «Император — господин над временем (календарь) и пространством (ветра), которые он определяет и распределяет с Божией помощью» (Бригитта Энглиш).

Что произвело самое большое впечатление на современников и до сих пор восхищает потомков, а также вызывает похвалу в адрес монарха, так это увеличение территории империи франков в период правления Карла. По свидетельству современника императора, его биографа Эйнхарда, Карл «благородным образом» почти в два раза приумножил полученную им в наследство от своего отца Пипина «огромную и крепкую» империю франков. Его власть простиралась от Северного моря до реки Эбро, от долины Аосты до Калабрии, от Атлантики до Паннонии в долине Тисы. Власть Карла распространялась на Истрию и Далмацию, за исключением городов, расположенных на побережье, а также на Германию, то есть «земли между Рейном и Вислой (!), Балтийским морем и Дунаем с разбросанными в его бассейне дикими

* Пятница (нем.).

** Среда (нем.).

варварскими племенами велатабов, лужичан (лужицких сорбов), ободритов и богемцев», которых он в результате военных походов заставил платить ему дань. Империя Карла раскинулась с севера на юг на 1500 км, а с востока на запад на 1200 км. Население его империи составляло предположительно не менее восьми миллионов человек. Здесь Эйнхард, чтобы должным образом выделить своего героя, вновь прибегает к явным заимствованиям из биографии Августа.

Но не только ратные деяния, не только искусство государственного управления и дипломатические способности, направленные на заключение союзов и поддержание дружеских отношений в духе античной «amicitia»*, вызывали восхищение его современников. Он установил тесные связи с королями Астурии, Северной Умбрии и Мерсии, с Багдадским халифатом и с Византией. Последние добивались его благосклонного расположения. В обретении Карлом императорского достоинства они увидели опасность для своего правления, однако Карлу удалось привлечь их на свою сторону путем установления прочного союза. Только у Эйнхарда мы находим скорее всего греческую по происхождению пословицу: «Франк должен быть твоим другом и совсем не обязательно соседом!»

Территориальное увеличение империи франков, обретение второй королевской короны, «включение саксов», заключавшееся в расширении территорий в бассейне Эльбы и на ее другом берегу, учреждение маркграфств как административных округов в юго-восточных и южных пограничных зонах, благоразумная политика альянсов, втянувшая в свою орбиту даже далекие Багдад и Иерусалим, — все это определило особое место Карла среди правителей средневековья, чем мог похвастать впоследствии только Фридрих II Гогенштауфен.

Относительно внутривластных достижений Карла, которые, на наш взгляд, являлись составной частью внешней политики, оценка потомков резко отличается. Даже Эйнхард не мог вывести образец для подражания из своего античного оригинала. Поэтому он указывает на «украшение (приукрашивание) империи», о чем Карл заботился подобно римским цезарям. В качестве доказательства упоминаются значительные произведения зодчества — церковь Богоматери в Ахене, деревянный мост через Рейн близ Майнца и пфальцы Ингельгейм-на-Рейне и Нимвеген, а так-

* Дружба (лат.).

же строительство и расширение флота на побережьях Галлии, Германии и на Средиземном море.

Если описание жития Карла в области внутренней политики остается сдержанным и схематичным, то это определяется главным образом тем, что еще сырые, случайные и импровизационные аспекты «системы помощи», которые в значительной степени определяли политический быт при Карле, Эйнхард едва ли мог представить в виде принципов внутривластного управления. В сравнении с этим структуры военного и «властного» государства римского происхождения представляются явно предпочтительнее. Цезарь располагал войском и чиновничьим аппаратом, отлаженной системой провинциального управления и сбора государственных доходов, позволявшей делать долгосрочные распоряжения. К тому же существовал Рим как всемирный центр.

Карл, а в еще большей степени его преемники, при осуществлении своих и без того ограниченных властных полномочий всегда принципиально зависел от крупных аристократических кланов, связывавших свою власть и влияние лишь частично, если вообще правомерно об этом говорить, с арендой и дарованиями из королевских рук, с должностями, к примеру, графа или судьи, которые в основном использовали в корыстных целях и весьма редко руководствовались высшими интересами. Церковь, в лице епископов и аббатов, также принадлежавших к этому слою почти автономных носителей правления, разрывалась между духовным и королевским служением. Дополнительные структуры управления, возникшие в результате учреждения «промежуточной власти» в лице сыновей Карла — Людовика и Пипина в Аквитании и Италии, с опозданием получили свое дополнение в виде создания церковных митрополий в 21 или 22 civitates империи под духовным началом архиепископов и почти одновременно в виде назначения королевских эмиссаров. И все же предпринятые меры не гарантировали исполнения властных предписаний сверху донизу. Должностные лица этих missatica в центральных регионах империи оказывались теми же самыми митрополитами и графами соответствующей епархии, которые прежде всего были призваны помогать в устранении пробелов в судопроизводстве, а также оказывать содействие бедным в их многообразных нуждах. Свидетельством такой политики, ориентированной на *pacem et concordiam**, являются прежде всего соборы 813 года, представлявшие попытку

* Мир и согласие (*лат.*).

ку короны обсудить назревшие проблемы и устранить вопиющие недостатки.

Такая манера правления, создававшая для короля и императора своеобразный защитный барьер, который, правда, избавлял монарха от вовлеченности в пустые региональные хлопоты и споры и делал его вмешательство необходимым только в случае неудачи в поиске решений на среднем уровне, однако, не являлась благоприятным фоном для выводов об успешности внутренней политики Карла. Соответственно монарх ограничивался внесением коррективов в вопросы права, ведения хозяйства и религиозно-нравственных стандартов.

По прошествии не менее десятилетия после кончины своего кумира и после приобретения мучительного опыта в период правления Людовика, сына Карла и его преемника на троне, Эйнхард, видимо, не считал нужным анализировать элементы внутриполитической программы реформ первого императора, суть которой проявлялась в девизе «*Christiana religio*»*, начертанном на имперских монетах, а также представлять потомкам взгляд Карла на общество как преимущественно религиозно мотивированный, что характерно именно для более поздних по времени капитуляриев и уже упомянутых выше соборных решений. Не царь Давид и не царь Соломон главные для Эйнхарда, взирая на которых он определяет мерило для оценки деяний Карла, а античные цезари. В противоположность богато возделанному полю внешней политики историк, пытающийся вникнуть в сферу внутренней политики, вынужден составлять из мозаичных камушков более или менее случайно дошедших по преданию источников очертание институтов и структур, которые за рамками простого ведения войны и набегов позволяют составить представление о государственных делах и монаршем правлении в условиях полуархаичного общества.

ДВОР И «АКАДЕМИЯ»

Семья в узком смысле слова во главе с седовласым патриархом Карлом в качестве отца и деда является естественным центром двора. Двор — это прежде всего передвижной центр власти, хотя после 796 года он во все возрастающей степени становится

* Христианская религия (лат.).

локальным ядром, превращающимся в резиденцию, особенно на долгие зимние месяцы.

Ахен располагался посреди богатого королевского землевладения, с термами, огромной виллой, с прилегающими к ней строениями, среди которых вскоре вознеслись ввысь кафедральный собор, соборный храм и приходская церковь Святого Мартина; здесь же имелись великолепные возможности для охоты. Весь этот комплекс, видимо, стал адекватной заменой пфальца, разрушенного в результате пожара в рейнском Вормсе. Раскопки и нынешнее состояние строений не могут ввести в заблуждение относительно того, что их габариты, несмотря на своеобразие кафедрального собора, не идут в сравнение с протяженностью и оформлением античных или византийских имперских дворцов. Ахенский Палатиум, воплощенный в современной позднеготической ратуше, не допускал наличия византийского придворного штата. Все было спланировано таким образом, что из окна в верхнем этаже дворца Карл мог обозревать дома духовенства, должностных лиц и придворных, включая пристанище Эйнхарда.

Ахен не был ни Римом, ни Константинополем, хотя Карлу удалось собрать при своем дворе, правда временно, лучшие умы. Обычно они некоторое время спустя покидали двор, однако поддерживали постоянный контакт с монархом, обмениваясь с ним посланиями и письмами. Алкуин, аббат Турский и Теодульф Орлеанский продолжали подвизаться в качестве советников и экспертов Карла по богословским, морально-этическим или астрономическим вопросам. Следует отметить, что объявленная недавно принадлежность ученых из разных регионов к некой когорте, якобы основавшей придворную или придворцовую школу в Ахене, является не больше и не меньше как писательским вымыслом. Якобы наиболее известные люди этого круга — Павлин Аквилейский, Алкуин, Теодульф Орлеанский и Ангильрам из Сен-Рикье, не говоря уже о Петре Пизанском или о Павле Диаконе, никогда не принадлежали к этому так называемому ахенскому кружку. Дело в том, что они частично еще задолго до осуществления строительных проектов в Ахене вернулись в свои родные края, где получили новые назначения и занялись новым делом.

От этой блистательной когорты носителей программы реформ и ее «школьной» реализации следует отличать членов той структуры, которая составляла ядро двора. Речь идет о придворной капелле. Предметом ее заботы было богатое собрание мощей, прежде всего святого Мартина. Капелла подготавливала бо-

гослужение с участием императора, а также несла ответственность за составление грамот и прочих документов, включая капитулярии. Во времена Карла капеллу возглавлял высший капеллан (*summus capellanus*), руководивший писарской (канцелярией). Этот институт и его члены, то есть канцелярия, персональное насыщение которой произошло лишь в 80-е годы VIII столетия, сопровождают глав так называемых дворовых учреждений, то есть министров (*ministri*). Их деятельность достаточно многообразна, ибо они часто выступают в роли посланников и военачальников на службе короля.

В круг этих министров входили: казначей, который вместе с королевой отвечает за состояние казны; виночерпий — организатор королевской трапезы; пфальцграф — председатель и одновременно представитель монарха в королевском суде; сенешал («управитель») — старший над всем персоналом двора, маршал («коных»), на которого возложена ответственность за военные вопросы, особенно за боеготовность конницы, и «*mansionarius*», другими словами, квартирмейстер, обеспечивающий путешествия, включая выезды на охоту, всем необходимым. В программатическом плане об этих внутренних структурах свидетельствует сочинение «О порядке дворца» (*De ordine palatii*) Гинкмара Реймского (вторая половина IX века) — оно основано на «памятке» известного нам монаршего советника и аббата монастыря Корби Адаларда и поэтому вполне достоверно отражает условия жизни при дворе Карла и Людовика.

Таким сановникам, как сенешал, виночерпий и квартирмейстер, придавались *actores*, то есть управляющие земель, принадлежавших короне, на которых была возложена задача обеспечивать прием короля и его свиты на местах. Если капелла как изначально мобильная структура, призванная заботиться о сохранности святых мощей, имела отношение к сакральной сфере, то упомянутый выше круг министров нес ответственность за хозяйственные и бюджетные вопросы. Королевское правление и домашнее управление имеют одни и те же корни. Королевское правление — это прежде всего ярко выраженное управление семейством в узком смысле слова и в широком понимании, предполагающем причастность сановников, духовенства и obsługi, а также подданных как совокупности приверженцев.

С наступлением долгих зимних месяцев к постоянному персоналу, то есть к обладателям придворных должностей (капелланам и нотариусам), добавлялись *consilarii* (советники), которые

готовили программные тексты, но в первую очередь имперские собрания, запланированные на весну или середину лета. Еще одну группу королевского двора составляли придворные — *palatini*, уже с юных лет приписанные ко двору, получавшие здесь воспитание и обучение, нацеленные на помощь королю. К их числу принадлежали Ангильбер, аббат монастыря Сен-Рикье, а до того возлюбленный дочери короля Карла — Ротруды, Витиза-Бенедикт из Аниана, который при Людовике Благочестивом сделал блистательную карьеру реформатора, и, разумеется, Эйнхард, на которого уже несколько лет спустя после появления при дворе благодаря его недюжинным способностям было возложено руководство школой и мастерскими, а также центральным «штабом» по строительству великолепного кафедрального собора.

В отношении самой так называемой придворной школы летописные источники не сообщают ничего существенного, свидетельствуя лишь о ее последующей известности. Кое-что о ее структуре можно почерпнуть из стихов Алкуина и Теодульфа, а Дидстховенский капитулярный 805 года можно рассматривать даже как своеобразный учебный план этого заведения. Сомневаться в существовании придворной школы не приходится, ведь в ней обучались молодежь, которой предстояло служить в капелле (и канцелярии), дети и внуки Карла, а также она обеспечивала духовную закалку юных паладинов для решения грядущих задач, хотя были и такие, кто в этом не нуждался, например биограф Карла Эйнхард из Фульды.

По правилам этой придворной школы в 805 году преподавались следующие предметы: чтение, церковное песнопение (на римский манер), письмо (грамоты, литургические тексты), свободные искусства, летосчисление и врачевание. В циркулярном стихотворении, написанном в 796 году, Алкуин среди обучающихся в придворной школе называет духовенство и «гиппократическую секцию», высказывая при этом пожелание расширить палитру обучения путем создания своего рода поэтической школы во главе с искусным и владеющим языками Эйнхардом. Далее он приводит целый список «*lectores*», студентов, занимающихся музыкой, и нотариусов, последнюю группу которых специально отслеживает возглавляющий канцелярию Эрманвальд. Он имеет две восковые дощечки, на которых при необходимости делает соответствующие отметки. Таким образом, школа представляет собой «филиал» придворной капеллы. Здесь готовят прежде всего *puerī* — элитных писарей, о привлечении которых самим Карлом в ахен-

скую писарскую впоследствии сообщает Ноткер из монастыря Сен-Галлен в известном историческом анекдоте. Свои «университеты» прошел здесь и Рабан Мавр, ученый-энциклопедист, принадлежавший к поколению, пришедшему на смену Эйнхарду.

Что двор, особенно в период его становления до самого конца VIII столетия, являлся местом расположения посвятившей себя истории искусства придворной школы как колыбели ценных, иллюминированных кодексов, то есть раскрашенных картинками и инициалами, вызывает серьезные сомнения. Достаточно привести лишь две широко известные рукописи. К примеру, имперский календарь претендует на то, что местом его происхождения был Лорш, равно как и известная врачебная книга, появление которой, видимо, по праву связывают с аббатом Рихботом. Учитывая географические перемещения резиденции двора до 795 года, где еще мог бы стабильно обосноваться центр досуга и письма столь трудных для исполнения и богато иллюминированных текстов?

Поэтому совсем не случайно местом появления и старейшей редакции имперских анналов называют Лорш, располагавшийся по соседству с Вормсом. Достаточно вспомнить, что именно Лорш благодаря аббату Рихботу, инициатору написания так называемых анналов Лорша, поддерживал теснейшие контакты с двором и с монархом. А самые известные кодексы, составленные в окружении Карла и разработанные, как свидетельствуют хроники, по его высочайшему повелению — Евангелистарий Годескалька и Псалтырь Дагелайфа, — возникли задолго до превращения Ахена в резиденцию империи. Не исключено, что возникновение рукописей, якобы написанных в королевской писарской, также связано с образовательными центрами монастырей Корби, Шелль, Сен-Рикье или иными, менее известными местами. Это наверняка относится и к закономерно упоминаемому так называемому Лоршскому Евангелию, которое уже в первом библиотечном каталоге аббатства в середине IX века заняло свое достойное место.

Если верить Алкуину, так называемая академия, возникшая в Ахене, представляла собой эфемерное образование, которое в качестве института хотя и вышло далеко за рамки структуры германо-франкского образца, но как идея воплощало богословски мотивированную властную и образовательную программу, проявившуюся в псевдонимах отдельных членов обновлявшегося состава пиршественного застолья. При этом Карл считался Давидом, Алкуин — Горацием, Ангильбер — Гомером, высший придворный

капеллан и архиепископ Кёльнский Гильдебольд представал в роли старшего брата великого Моисея — Аарона, а Эйнхард — в образе Беэршивы, строителя Соломонова града. Но вот именно новый Август, которых Карл ничтоже сумняшеся пожелал бы пополнить сразу целую дюжину в свое окружение, характерным образом среди академиков отсутствовал, хотя наряду с Алкуином поразительной ученостью отличался еще Павлин Аквилейский или, например, Теодульф Орлеанский. Им, правда, так и не довелось обрести святоотеческую неповторимость. Это и не входило в их планы, ибо преследуемая ими цель заключалась в том, чтобы прежде всего восстановить утраченное и заброшенное, как точно выразил эту мысль один из принадлежавших к этому кругу: «Полные неугасимого тщания, мы заняты восстановлением мастерской наук, которая почти оскудела из-за небрежения наших предков, и призываем собственным примером, по мере сил, изучать свободные искусства».

Программным аспектом стала не оригинальность или неповторимость, а возрождение. Учебники, сборники и антологии на базе Священного Писания, святоотеческих произведений и «классической» литературы не позволяют обеспечить подлинный импульс возрождения античности как самоцели. Однако и простые «коррективы», которые были бы созвучны сухому менторскому подходу, не являлись целью провозглашенного стремления к возрождению античной учености. Речь шла о кропотливом построении собственного фундамента воспитания и образования, объединявшего различные компоненты прошлого в нечто цельное и поэтому новое. Наиболее яркое выражение эта программа получила в оригинально написанной Эйнхардом биографии Карла. Не имеющая себе равных в эпоху средневековья, она свидетельствует о таком культурном уровне, которого двор Карла достиг собственными усилиями, питаюсь соками античности, христианства и «духом времени».

В центре этого двора и его культурных институтов находится сам король, который еще незадолго до своей кончины при поддержке сирийских и греческих экспертов занялся коррекцией текста Библии. Правильность самого текста и его интерпретации теснейшим образом связаны друг с другом. Они являются единственным критерием праведного жития и богоугодного поведения. Филология и этика — это две сестры. Орфографии соответствует правопорядок, причем и орфография и правопорядок восходят к божественным планам спасения. Дос-

тижению этого служат грамматика, риторика и диалектика как искусство выражения мысли. Летосчисление и астрономия способствуют познанию «предопределенной гармонии» в космосе, а музыка позволяет услышать гармонию сфер. Ну а король (Rex), согласно этимологии (ложной) Исидора Севильского, тот, кто «правильно действует» (*recte agit*) и побуждает народ к правильному формированию бытия.

РЕЗИДЕНЦИЯ, ПФАЛЬЦЫ И «КЁНИГСВЕГ»

Христианская империя уходит своими корнями в предшествующий мир, подобным же образом королевская власть привязана к инструменту своей реализации, нуждаясь в экономической основе.

Если средневековый правитель осуществляет «свое высокое ремесло в кочевом состоянии» (по высказыванию Алоиса Шульте), то превращение Ахена в резиденцию или столицу империи отражает не только привязанность правителя к теплым источникам, но и размеры огромной империи на пике правления Карла, из-за чего король уже физически оказался не в состоянии выполнять властные полномочия фактически в кочевом состоянии. Кроме того, после 795 года его королевское правление получило персональное и институциональное обоснование, позволявшее управлять обширными регионами империи на расстоянии путем обширных контактов на горизонтальном уровне — «промежуточная власть» (его сыновья, архиепископы и епископы), графы, епископы, аббаты и королевские вассалы, — все они подчинялись его приказаниям. Руководящее положение Карла было неоспоримым, взошедшему на королевский трон сыну Пипина не приходилось опасаться конкурентов в борьбе за королевское достоинство.

Карл хорошо знал свою империю. Его путеводитель, «маршрут его странствий и познаний» по сравнению с любым правителем средневековья отличался неслыханной масштабностью и интенсивностью. От побережья Северного моря до Капуа на территории Беневенто, от берегов Атлантики — Булонь-сюр-Мер до устья реки Раба (притока Дуная) на юго-востоке и Чивидале во Фриуле простиралась империя Карла. Преодолевая Пиренеи, ее просторы упирались в Сарагосу на реке Эбро. Все это собиралось главным образом в военно-дипломатических целях, однако слу-

жило и молитвенному началу и почитанию святого Мартина, к примеру, в Риме или в Туре. Если добавить еще многообразные внешние контакты с датчанами, славянами и предводителями аваров, с патриархом Иерусалимским, византийскими императорами и патрицием Сицилии, исламскими наместниками Иберийского полуострова и как вершина всего — отношения со странами Ближнего и Среднего Востока, с Багдадским халифатом, то из этого складывается такой масштаб политического бытия и опыта, который, по-видимому, является уникальным и неповторимым. В зените своей мировой значимости, которая проявилась в обретении императорского достоинства, Карл окончательно обосновался в Ахене. Карл был вполне удовлетворен своей империей, ибо постоянные экспедиции на Север и Восток за пределы бассейна Эльбы, видимо, противоречили здравому смыслу (и фактическим военным возможностям) императора, а об экспансии на исламском юге после горького опыта вдали от границы по реке Эбро пришлось забыть. Беневентское герцогство так и не подчинилось, а Венеции, Истрии и Далмации пришлось предоставить независимость или снова вернуть их византийской короне. Карл был вынужден заняться укреплением мира внутри страны. Увеличение числа капитуляриев по вопросам наведения порядка и настоятельных призывов к королевским эмиссарам нельзя истолковывать как признак дезинтеграции. Это было скорее доказательством неустанных королевских усилий по решительному достижению *pacis et concordia** в его империи.

Однако по мере надобности Карл и в последние годы жизни покидал служивший ему главной резиденцией Ахен, например в 807 году, когда надо было произвести инспекцию верфей на атлантическом побережье, где строились корабли для отражения нападения викингов, или когда надо было разобраться в спорах с датчанами неподалеку от бассейна Эльбы.

Имперские собрания при дворе, собиравшие порой влиятельнейших представителей аристократии в качестве советников, а также региональные мероприятия в ранге соборов под началом архиепископов (нередко вместе с эмиссарами) определяли стиль правления в последние годы. В этом же духе в Ахене правил и сын Карла — Людовик вплоть до 822 года, когда в целях большей надежности правления он предпочел отказаться от стационарного центра.

* Мир и согласие (*лат.*).

Если внимательно проследить маршрут передвижений первых десятилетий правления Карла, станет очевидно, что из нейстрийских пфальцев и епископских опорных пунктов в долине рек Ойз и Эйс с Компьеном, Лаоном и Реймсом или Клиши неподалеку от Сен-Дени и Парижа маршрут Карла сместился на северо-запад, хотя Керси на реке Ойз и Аттиньи на реке Эйс еще не раз использовались как своего рода плацдармы. Близость Маса, Рейна и Мозеля, Дидетховена близ Меца, центра старого владения Арнульфингов, и Геристаля неподалеку от Льежа, некогда фамильного владения Пипинидов в пределах Арденн, отныне чаще других определяют внутренние маршруты Карла. В Геристале отмечено двенадцать случаев остановки монарха, еще семь в Дидетховене, где зимой с 805 на 806 год к тому же было составлено политическое завещание *Divisio regnorum*.

Иные места часто посещались из-за военных операций или же из-за близости к театру боевых действий. Например, Эресбург (6), Падерборн (4), Липспринг (4), Дюрен (3) или как представительская резиденция — Регенсбург (6), где Карл порой оставался надолго, ибо он располагался недалеко от недавно включенного в состав империи герцогства Бавария. Однако чаще всего Карл останавливался в Вормсе (16 раз) и Ахене (27 раз), что свидетельствовало о значимости этих зимних «квартир» (и резиденций), где к тому же и прежде всего отмечались праздники и проводились имперские собрания. Вормс располагал возможностями для монаршего представительства не только из-за его доступности благодаря водному пути по Рейну, наличию пфальцев и епископской резиденции. Его привлекательность объяснялась также близостью к Лоршу, признанному центру образования и учености в среднем течении Рейна. Кроме того, недалеко от Лорша вверх по Мозелю располагались Дидетховен, Мец, а на Рейне также Ингельгейм, в верхнем течении Майна — Майнц, Франкфурт и еще Зальц во франкском округе Грабфельд. Только пожар его пфальца в городе, являвшемся резиденцией епископа, заставил Карла искать себе новую обитель, причем в поле его зрения попали прежде всего Ингельгейм, а также расположенный напротив Майнца Костхейм. Разумеется, выше всего котировался Франкфурт, в котором в 794 году проводился большой антиникийский собор. Не исключено, что, наверное, привлек к себе внимание и Нимвеген, прелесть которого Эйнхард сравнивает с Ингельгеймом. Так или иначе Карл останавливался в нем не менее четырех раз.

В конце концов выбор пал на Ахен, хотя и располагавшийся на периферии, но своими богатыми коронными землями и охотничьими угодьями на фоне других выглядевший предпочтительнее. В пользу Ахена говорили также теплые источники, широкое использование которых было отмечено еще в период поздней античности. На этой вилле Карл как глава церкви империи мог вместе со своими зодчими беспрепятственно воздвигать такие представительские здания, как Латеранский дворец и дворцовый монастырь с собором Богоматери, не опасаясь возражения со стороны епископов или аббатов.

Пфальцы, особенно во времена Карла, начинали в большей или меньшей степени утрачивать бывшее наименование. Их называют «palas», «palatium», если «публичный характер» последних оказывается в центре внимания наших источников, или же «curtis» («двор») и «villa» в контексте их экономического окружения. Это были места казни, дипломатических встреч, политических переговоров, имперских собраний, пребывания королевской семьи по праздникам, во время охоты, но главным образом — центры снабжения нередко весьма обширных королевских земельвладений.

В состав пфальца входил дворец — «palatium» вместе с «aula regia» (королевская приемная зала), которая, судя по результатам раскопок, традиционно отличалась средними форматами. Так, во Франкфурте королевская приемная зала (двухэтажная) имела размер 17 × 44 м, в Ингельгейме-на-Рейне — 14,5 × 33 м, а в Падерборне — примерно 10 × 30 м. Таким образом, по сравнению с античными, позднеантичными или византийскими государственными строениями речь идет о довольно скромных габаритах. Эти залы составляли единое целое с жилыми и хозяйственными постройками, а также с культовыми сооружениями. Таковы в Ахене башня Гранус и известная двухэтажная капелла с ее необычной архитектурой в виде шестнадцатиугольника с помещенным в него восьмиугольником и двумя алтарями, к тому же с богатым декором, как об этом свидетельствуют хроники Муассак. Во Франкфурте же капелла пфальца в виде скромной залы имела размеры 7 × 17,5 м, а в Падерборне — 9 × 22 м. В Ингельгейме-на-Рейне поначалу в качестве капеллы пфальца использовался даже соседний храм Ремигия. Дворцовый комплекс составляли жилые дома придворных и высокопоставленных сановников, достаточно часто делавших остановку в пфальцах, например в Ахене. К тому же здесь сформировался своего рода «suburbium»* с торговцами, среди которых были

* Предмесье (лат.).

евреи. Но и в Ахене не было особой роскоши, столь характерной, например, для Большого дворца времен Константина I и пристроек при Юстиниане I в Константинополе. Впрочем, дошедшие до нас архитектурные «остатки» показывают, в какой степени воспринимались античные строительные формы, особенно такие элементы декора, как капители и архитравы, покрытие пола и настенные украшения из давно минувших веков, не говоря уже о повторном использовании позаимствованного из Рима и Равенны.

Пфальцы осуществляли снабжение двора, опираясь при этом на густую сеть так называемых столовых хозяйств на местах, но не отказываясь и от других «королевских источников». Надзор над системой снабжения и обеспечением ее функционирования осуществлял сановник, именовавшийся «*mansiunarius*», то есть квартирмейстер.

Если не учитывать более чем скромные результаты археологических раскопок в отмеченных пфальцах, чаще всего не дающие однозначных толкований и конкретного датирования, в середине царствования Каролингов только один источник в виде инвентаризационной описи дает представление о строительной активности некоторых королевских дворов обоих фискальных округов Анапп (близ Грузона) и Треола на территории современной Бельгии, которые наряду со зданиями из дерева имели каменные дома; они состояли из покоев, обогреваемых комнат и балконов, инфраструктура включала в себя кухни, хлебопекарни, кладовки, сараи и хлев. К этому следует добавить сады, пруды для разведения рыбы и подвальные помещения. Крестьянские дворы, если в качестве основы для сравнения не ориентироваться на богатые пфальцы, скорее всего не очень отличались по своей оснащенности от господских дворов знати или духовных сановников в условиях феодального строя.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОН И ОСНОВЫ «ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА»

Комплексная тема экономического базиса королевства требует хотя бы краткого разъяснения уже потому, что это правление вновь обнаруживает отличие от античного, а также византийского государственного управления.

Для покрытия ежедневных расходов — бюджета из «налоговых средств» с фиксируемыми доходами и планируемыми рас-

ходами не существовало, — как говорится в завещании Карла от 811 года, имелись королевские «сокровища», то есть казна, которой управлял казначей. Из этого источника покрывались все без исключения частные и общественные расходы.

Королевские сокровища, ранее обраставшие всякими мифами, а во времена Карла, видимо, в последний раз представшие как нечто значительное в виде «кольца» аваров, своим источником имели прежде всего военную добычу. Приумножению королевских сокровищ способствовали также богатства лангобардских правителей и наследство баварских Агилольфингов, но главным образом привезенные в 786—797 годах на воловьих повозках трофеи из аварской Паннонии. Благодаря богатому источнику и дани, которую Беневенто выплачивало Ахену до 811 года, Карл сумел осуществить огромную и уникальную программу создания собственной резиденции в Ахене, покрыть расходы на цветные металлы и прочие материалы, оплатить труд ремесленников и транспортировку трофеев из Рима и Равенны, не говоря уже о декоре для дворцовых построек и культовых помещений. Свою немалую цену имели также кодексы, которые золотыми и серебряными чернилами частично были начертаны на пропитанном пурпуром тончайшем пергаменте и еще защищены драгоценными дощечками из слоновой кости. Это касается также истинно королевских даров для собора Святого Петра и других хранителей веры и почтительного отношения к его империи, например Сен-Дени и Сен-Рикье. Вместе с тем накопленные сокровища использовались прежде всего для того, чтобы щедро отблагодарить королевских приверженцев и умножить ряды новых сторонников. Заметим, что в архаичных и полуархаичных обществах дарению отводится особое место как средству обеспечения основ правления и общественного согласия.

Королевская щедрость как одна из важнейших монарших добродетелей предполагала взаимность. Ежегодно король ожидал «*dona*»* прежде всего от церквей и аббатств. Они говорили о преданности и одновременно представляли собой вклад в финансирование королевского правления, означавшее поддержание «государственности». Эти дары могли состоять из изделий из благородного металла, материй или пряностей или же золотой чеканки, предвзявшей в эпоху немецких императоров появление стандартизированной «*servitium regis*»** королей салических фран-

* Дары (лат.).

** Королевский оброк (лат.).

ков. Вместо преподнесения даров или в дополнение к ним могли оказываться и разные услуги: так, например, епископ Тульский был обязан направить в Ахен три большие бочки вина; архиепископу Реймскому полагалось оказывать транспортные услуги с помощью своих волов, которые затем пошли на пользу самой церкви. Что касается аббатств, то соответствующий призыв Карла в отношении объема и сроков дара, обращенный к настоятелю Сен-Кентина, дошел до нас в первоначальном виде. И если после 817 года поборы с храмов стали иными, в зависимости от того, добавились ли к молитвенной поддержке монарха и воинской службе еще ежегодные дароприношения, которые, очевидно, отмечались при дворе как фиксированные доходы-поступления, то это, по-видимому, воспринимается уже как некое тягостное, обязательное для исполнения бремя.

Иными государственными поступлениями в казну считались штрафы и «мирные» оплаты, а также пошлины с оборота и транзитные, дорожные пошлины, мостовые сборы и еще доходы от чеканки монет. Вместе с тем более чем сомнительно, что все упомянутые финансовые средства, учитывая специфику местного управления и собственных потребностей сановников на местах, перекочевали в королевскую казну. Эта разновидность налогообложения в значительной степени является производной от привилегий для церковных институтов, которые полностью или частично отстраняли получателей именно от вышеупомянутых поступлений или даже позволяли им воспользоваться последними в собственных интересах.

По-иному, по крайней мере на пергаменте, обстоит дело с обратным притоком средств из управления земельной собственностью. Так, известный документ *Capitulaire de villis*, по сути дела, предписание о хозяйственных дворах, от которого пришлось отказать в период правления Карла (или Людовика), поскольку в заглавии речь шла об «императорских дворах» или «дворах империи», предусматривает ежегодные отчеты управляющих о реализации излишков сельскохозяйственной продукции. Полученные таким образом доходы надлежало перечислять в центральную казну.

На протяжении нескольких десятилетий под влиянием определенной части французских исследователей сложилось представление о том, что экономика династии Каролингов представляла собой сплошную полосу несчастий, бед и нищеты, что наглядно проявилось в момент голода и эпидемий и объяснялось в том

числе фактором технической отсталости. Лишь в конце X столетия с возвышением Капетингов наблюдаются сдвиги, вызвавшие подъем экономики. Только к этому периоду перестала оказывать влияние социально-экономическая сущность позднего этапа античности. Именно так воспринимаются новейшие положения Ги Буа, которому, впрочем, решительно возражают компетентные исследователи Адриан Фергульст и Пьер Деврэй.

Между тем дошедшие до нас документы эры Каролингов, прежде всего инвентаризационные описи крупных хозяйств (вилли), союзов хозяйственных дворов, разбросанных между Рейном и Сеной, а также в предгорьях Альп и Верхней Италии, оставляют совсем иное впечатление. Согласно поземельным книгам Штаффельзее (Верхняя Бавария, 807 год), Сен-Жермен-де-Пре (Париж, приблизительно 830 год) и Прюм (Эйфель, 893 год), так называемая сеньериальная власть как основная форма производственной активности и самого уклада жизни широких слоев крестьянского населения была явно на подъеме, что подтверждает интенсивное возделывание зерновых культур, особенно пшеницы, на подходящих для них почвах, например, на лёссовых землях бассейна Сены, Пикардии и Нижнего Рейна.

Обработка почвы осуществляется с помощью обитого железной полосой грядкового или колесного плуга, который повышает эффективность трехпольного хозяйства в полосах пашни и обширных местах покоса. Дело в том, что одна треть поля под паром проходит ежегодную регенерацию и чрезвычайно расширяет севооборот, урожайность яровых и озимых культур, а также обеспечивает диверсификацию сельскохозяйственного производства. Наряду с использованием новой техники, например плуга с разными видами железного лемеха для улучшенной обработки почвы, строились водяные мукомольные мельницы, что означало не только существенную экономию сил женщин, но и качественное улучшение обмолоченного зерна. Землевладелец (король, знать и монастыри) вкладывал средства в создание этих «машин», которые окупались в мукомольном производстве, выполнявшем собственные работы или заказы со стороны. Уже в конце VIII столетия и с нарастанием в последующем IX веке в бассейнах многих рек формируются настоящие мельничные производства.

Мельница, вначале приводимая в движение водяными колесами, затем в результате внедрения распределительного кулачкового вала предстала в диверсифицированном виде сукновальни и кузнечного меха, что в условиях зрелого средневековья произве-

ло настоящую революцию в характере промышленного и «промышленного» производства при изготовлении текстильных изделий, а также в горном деле с серьезными последствиями для всего общества эпохи среднесвековья. Зачатки этой первой так называемой протоиндустриализации возникли в середине правления династии Каролингов. Тогда железо вовсе не было редкостью. Наряду с его использованием в сельском хозяйстве, а именно в кузнечном ремесле, которое уже в баварских законах середины VIII века считается составной частью внутренней структуры деревни наряду с церковью и герцогским двором, железо получает широкое использование в оружейном производстве. Из него изготавливают мечи, копья, ножи, кинжалы и кольчуги. О качестве франкских изделий из железной руды можно судить по введенному эмбарго на их продажу, а также по широчайшему распространению так называемых ульфберт-мечей. Боеспособность франкских воинов не в последнюю очередь определялась их вооружением. Так, в 773 году лангобарды спасались бегством от закованных в железо эскадронов Карла. А уже вскоре после 800 года автор Падерборнского эпоса прославляет «холодную сталь» миссионерствующего завоевателя. А самого Карла звали «проповедником с железным языком».

С успешным возделыванием зерновых культур, а также с развитием других отраслей сельского хозяйства, в первую очередь виноделия, распространившегося вплоть до бассейна реки Зале близ Хаммельбурга, связана заметная активизация региональной и межрегиональной торговли, охватившей прежде всего крупные реки и их устья на побережье Атлантического океана и Северного моря: Portus (гавани) и Vici (Wike) стали предвестниками средневековой урбанизации и расширения торговых маршрутов. Водная система Роны, Рейна, Дуная, а также Сены, Мааса и Шельды, даже Везера и Эмса соединяла континент севернее Альп с Англией и частями Скандинавии, в том числе с регионами славянского востока, а через Рону и со Средиземным морем.

На северо-западе прежде всего фризы, поселения которых отмечены, к примеру, в Кёльне, Майнце и Дуйсбурге, поддерживали торговые связи с Англией, Скандинавией. На франкских землях вплоть до Бремена они продавали фризские ткани, керамику, а также снабжали популярным экспортным товаром — вином, о чем свидетельствуют многочисленные обнаруженные в Северной Европе амфоры, и не в последнюю очередь живыми людьми. Самыми известными центрами межрегиональной тор-

говли были Дорестад и Кентовик на атлантическом побережье, Хаитхабу на реке Шлей и Бардовик близ переправы через Эльбу в Альтенбурге.

Об экономическом застое и тем более о «производстве на уровне каменного века» не может быть и речи. Как же объяснить тогда повышенную строительную активность в таких монастырях, как Лорш, Сен-Дени, Сен-Рикье, а также в Фульде? Как понимать широкое книгопроизводство и все большее количество писарских, которые заявляли о себе повсюду, не говоря уже об изготовлении ковчегов для мощей и ценной алтарной утвари? Если все было так скудно, зачем тогда норманны или викинги совершали свои внушавшие страх набеги по рекам континента, вплоть до самого Ахена?

Конечно, неурожай, голод, эпидемии наносили ущерб многим людям — однако в сугубо региональных и неодинаковых масштабах. Прогресс отмечается и на землях восточнее бассейна Рейна. Есть свидетельства о переходе от прежнего лесопастбищного хозяйства к возделыванию зерновых культур на основе севооборота. В результате опорной зерновой культурой становится рожь как наиболее подходящая на тяжелых и влажных почвах, особенно к востоку от Рейна. А вот на юге Галлии еще встречаются дворы с землевладением позднеантично-меровингского периода. Впрочем, они значительно меньше по размерам и в своей экономической активности обнаруживают зависимость от «колоний» более мелких, частично самостоятельных крестьянских структур. Фаза раннесредневековой экономической экспансии и технического обновления развивается прежде всего на коренных землях империи Карла, расположенных между Сеной и Рейном. Здесь же, естественно, формируется новый постмеровингский центр тяготения королевства и правления Карла Великого.

Этот подъем во Франконии (а также в долине реки По в Верхней Италии!) был связан с так называемой сенъериальной властью землевладельцев, которая начиная с середины VIII столетия все больше утверждается как прогрессивная аграрная форма хозяйствования. Она определяет в перспективе не только способы сельскохозяйственного производства, но и одновременно регулирует социальную, экономическую и правовую форму жития зависимого сельского населения. Это право знати распоряжаться землей и людьми поначалу создает крупному землевладению (главным образом в разбросанном виде) короля и церкви, а также аристократии крепкую структуру. Закрепление широких слоев не-

когда «свободного» крестьянства, то есть его подчинение власти высших слоев, ставит под угрозу воинскую повинность, призыв свободных, которые не в последнюю очередь в целях «освобождения» от него идут в подчинение знати. Королевство среагировало на это созданием союзов призывников, к примеру, с опорой на четыре мызы (небольшое имение) на предмет совместной экипировки одного воина. Одновременно один землевладелец был обязан позаботиться о двенадцати крестьянских опорных пунктах, которые обеспечивали экипировку одного кавалериста.

Наряду с расширением возделывания зерновых, а также технических культур на собственных землях (сиалические почвы) землевладелец привлекал сезонных рабочих для производства пахотных и посевных работ, уборки урожая, молотбы и транспортировки с крестьянских дворов. Их обладатели или пребывали в зависимости от землевладельцев или попадали в крепостную зависимость, или как бывшие крепостные-батраки закреплялись за крестьянским двором, который своим существованием был обязан «вычленению» из господского землевладения, а еще чаще корчеванию и расширению земельных угодий. Наряду с определенными повинностями, которые отчасти были сообразны статусу (например, курятина и яйца), эти хозяйства (в наших источниках они именуются гуфы) были обязаны отрабатывать барщину. За так называемые свободные гуфы, обладатели которых по своему сословному происхождению были свободными, предусматривалось выполнение сезонных работ, включая пахоту с помощью волов, а также барщинный труд и извозную повинность в течение нескольких недель года (обычно этот срок измерялся шестью неделями). А вот за батрацкие гуфы бывшим дворовым людям приходилось отрабатывать трехдневную барщину, в то время как их жены, бывшие служанки, сверх того были обязаны выполнять прядильные и ткацкие работы или же подвизаться в качестве уборщиц при дворе. Последних часто называли «тапорегатии», то есть «выполнявшими ручную работу», ибо они, по-видимому, не имели в достаточном количестве пристяжного скота и плугов и поэтому трудились с помощью лопаты и кирки, выполняя к тому же извозную повинность.

Сеньериальная власть сближает противоположные интересы сеньера и холопа в той мере, в какой феодальный владелец в противовес рабовладельцу античности избавлен от расходов и трудов, связанных с размещением рабов, их содержанием и охраной, тем более что потребность в батраках ощущалась лишь на протя-

жении нескольких недель в год в соответствии с технологией возделывания зерновых культур. Кроме того, сеньер в основном может отказаться от собственных «повозок», орудий труда и приростного скота. А вот крепостной крестьянин, примерно половину доходов которого забирает сеньер, ведет собственное хозяйство самостоятельно, причем, как правило, им владеет его семья на правах «hereditas», то есть наследства. Излишками, получаемыми в результате работы на собственном дворе, он может свободно распоряжаться, например продать их на ближайшем рынке, а вырученные от продажи деньги вложить в сельскохозяйственное и ремесленное производство. Распашка целины и трехпольное хозяйство в равной мере шли на пользу как помещичьей, так и крестьянской пахотной земле. А (господская) мельница, в техническое совершенствование которой делались капиталовложения, связывала хозяйственные дворы в единое целое, обеспечивая высокую доходность для обеих сторон.

Правда, идеально-типическая оценка не должна вводить в заблуждение насчет того, что сеньериальная власть не представляет собой договорные отношения между равноправными партнерами, даже отдаленно не напоминая договор об аренде. В общем и целом речь идет об отношении между властителем и подвластным, суть которого определяет правитель-господин. Для подвластного — это крепостная зависимость, лишаящая крепостного свободного передвижения, предполагающая согласие сеньера на женитьбу своего холопа и подчиняющая его своей юрисдикции. Исключение составляли только тяжкие преступления, ибо они падали в компетенцию графских судов. Короче говоря, система, которая по меньшей мере вела дело к сглаживанию разрыва между рабством и самоопределением, между эксплуатацией и своекорыстием и нередко достигала поставленной цели, получала широкое общественное признание. Прежде всего это было связано с достигаемым экономическим эффектом, хотя бы на примере хлебопашества, обеспечивавшего демографический рост на основе увеличения ресурсов питания, чему способствовало также внедрение таких технических новшеств, как колесный плуг и водяная мельница.

Разделенная на две части форма производства, которая в «государственно-правовом» и политическом плане как форма жития отсекала часть доселе свободных крестьян-франков от королевства и подчиняла их сеньериальной власти, оказала решающее влияние и на структуры королевских вилл (поместий). Хотя из

королевского архива или «палаты» до нас не дошло никаких серьезных свидетельств насчет инвентаризации подобных землевладельческих комплексов, грамоты о дарениях обширных владений дают представление о подобных экономических процессах. Так, например, монастырь Фульда в 760 и 777 годах получил из казенных владений виллы Диенхейм в дунайском Рисе и Хаммельбурге, расположенном в среднем течении реки Заале. Инвентаризация этих объектов датирована 830 годом, когда еще здравствовал ученый аббат Рабан Мавр. Так, в Хаммельбурге от 2500 до 3000 моргенов господской пашни противостояли примерно 660 разным по своей сословной принадлежности зависимым крестьянским дворам, обрабатывавшим около 20 000 моргенов земли. «Следовательно, в Хаммельбурге два вида землевладения уже утвердились в полной мере» (Ульрих Вейдингер).

Еще один пример — это хозяйственный двор Фримерсгейм на левом берегу Рейна на уровне Дуйсбурга, который, вероятнее всего, в период между 809 и 814 годами сменил хозяина и тогда волею императора оказался под властью монастыря Верден на реке Рур. В одном более позднем тексте о земельных площадях в Фримерсгейме конкретно ничего не говорится в отличие от зависимых дворов, общее число которых составляло сто один, из них тридцать соотносятся с Фримерсгеймом как центром поместий. В противоположность Хаммельбургу (и Диенхейму) в тексте четко прописаны повинности и сборы с крестьян с земельными наделами (гуфы). По некоторым праздникам получали хождение небольшие суммы металлических денег как указание на распространение денежного хозяйства и в восточном аграрном секторе — в основном же показателем статуса служила повинность, составлявшая три курицы и десяток яиц. Фактическая заинтересованность землевладельца отражалась в списке поборов с его дворов. Этот список выглядел следующим образом: две недели пахотных работ осенью (озимая пшеница), две недели ранней весной (яровое зерно), две недели в июне (пашня под паром). Иногда предписывались прочие сельскохозяйственные работы, к примеру прополка на полях и уборка урожая.

Учитывая отсутствие точных данных, невозможно хотя бы приблизительно определить количественное соотношение между господскими хозяйствами, а также дворами прежних землевладельцев с преимущественно лесо- и пастбищными хозяйствами или же занимавшимися луговодством и свободными крестьянскими поселениями на раннем этапе средневековья. С уверенно-

стью можно утверждать, что именно сенъериальная власть в экономической сфере дала импульс общему подъему в течение десятилетий до и после 800 года.

КАРЛ КАК РУКОВОДИТЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

К важнейшим документам по практической экономике в эпоху Карла наряду с инвентаризационным списком экономически крепкого, преимущественно сенъериально организованного владения аббатства Сен-Вандрилл при участии королевских эmissаров в 787 году относится источник из сборника второй четверти IX века под названием *Capitulare de villis vel curtis imperialibus* (*imperiï*?) — то есть капитулярий об «Организации коронных земель и императорских дворов и имений», или «О дворах и имениях империи».

Этот своеобразный текст оказался в соседстве с другими соответствующими записями, а именно в составе сборника, названного издателями «*Brevium exemplar*»*. В нем содержится инвентаризационный список церкви Штафельзее, которая примерно в 807 году была включена в состав Аугсбургской епископии, «сумма» этой епархии, прекарный эльзасского монастыря Вейсенбург и упомянутый перечень королевских дворов в бельгийском Анаппе. И наконец, здесь же приложены десять посланий папы Льва III Карлу Великому за период с 808 по 814 год. По крайней мере эта часть рукописи исключает ее использование в качестве «рабочего экземпляра», а также образца доказательства и инвентаризационной значимости. Эта гипотеза скорее всего порождена «форматом в двенадцатую долю листа» рукописи оригинала (130,8×12,5 см).

Исследователи расходятся в оценке авторства, датирования и территории, на которую распространяется действие текста. Ссылка на «императорские дворы» или «дворы империи» («*curtes imperiales*» или «*curtes imperiï*»), упоминание Штафельзее, включенного в 807 году в состав Аугсбурга, а также папские послания свидетельствуют о заключительной стадии правления Карла и о 800 годе как о временной точке отсчета записи. Был ли сам Карл инициатором «положения о коронных землях», остается только гадать. Указа-

* Краткий список, экземпляр (*лат.*).

ние в 59-й главе на праздник святого Андрея как единственное однозначное упоминание Дня святого, отмечаемого 30 ноября, можно было бы толковать как связь с сыном и преемником Карла Людовиком, который с особым почтением относился к брату князя апостолов Петра. Так, в 829 году засвидетельствовано первое торжество, устроенное императором в честь апостола Андрея, а престольные праздники учрежденных Людовиком епархий в Вердене и Гильдесгейме также посвящены этому святому. К тому же если всерьез отнестись к многократной ссылке *Capitulare* на королеву, то датирование постановления придется на время до 816 года. Ведь первая супруга Людовика — Ирмингарда в том году волею папы Стефана IV (V) обрела в Реймсе достоинство императрицы.

Между тем в данной текстовой связи королеву следует отождествлять не с каким-то конкретным индивидом, а с обладательницей высокого звания рядом с монархом, особенно в «домашнем хозяйстве». Равным образом во всем тексте, почти в противовес заголовку, монарх упоминается именно как хозяин королевских владений. Написание *Capitulare* в самом начале правления Людовика Благочестивого было бы вполне созвучно его многообразным усилиям по укреплению имперских владений и всесторонней вовлеченности в государственные и церковные дела.

Менее убедительным представляется утверждение, что перечень коронных земель возник во времена голода, жертвой которого главным образом в середине девяностых годов VIII столетия стала империя франков, и поэтому может считаться попыткой устранения дефицита продовольствия и трудностей распределения как бы «сверху». О системе общего социального обеспечения в документе вообще речи нет. Все внимание посвящается проблемам изъятия, присвоения и бесхозяйственности на королевских дворах, об их правильном управлении, о создании запасов, их раздаче и об отчетности управляющих в пользу двора об имениях, созданных «*ad opus nostrum*», то есть «в нашу пользу».

Эти хозяйственные объекты образуют необходимую материальную основу каждодневного существования королевства. Их поставками и доходами живет двор, связанный с хозяйственными объектами четкой системой снабжения. Поэтому общие аспекты благотворительности никак не привязаны к этому прагматическому проекту, хотя не исключено, что особенно к многочисленным (королевским) храмам на государственных владениях

был обращен призыв в кризисные годы активизировать благотворительную деятельность, направленную на помощь бедным.

Однако главным девизом и основным ориентиром предписания являются следующие слова: «Мы хотим, чтобы наши дворы, созданные к нашему благу, служили всей нашей полноте, а не другим людям», то есть не графам или прочим сановникам. Этому принципу созвучно еще одно требование, известное из целого ряда капитуляриев, составленных в последние годы правления Карла, а именно чтобы «наша семья», то есть крепостные владельцы дворов, крестьянская прислуга и наделы «пребывали в хорошей сохранности и не оказывались в нищете (!)». Такой путь развития возможен только в том случае, если судьям, управляющим поместьями и эмиссарам будет запрещено использовать крестьян в своих интересах, например, «принуждать их к выполнению пахотных работ или заготавливать строевой лес или же принимать от них подношения». В другом месте им к тому же запрещается требовать приюта для себя и своры собак (на пахоте!) у крепостных или в королевских лесных округах, которые использовать как охотничьи угодья было запрещено даже графам. Равным образом возбраняется постой королевским эмиссарам, направляющимся в пфальц или возвращающимся из него, в имениях, включая сопутствующие им пирушки. Позаботиться об этом было всецело задачей графов.

Эти имения, которые ввиду их односторонности ошибочно организовывались как вилики и фискальные округа, не являются структурами на манер более поздних ленов (нечто вроде дворянских поместий). Скорее всего они перемежаются с владениями других собственников, включая свободных крестьян, не принадлежавших к числу монарших крепостных. Они, франки капитулярия, пользуются особым покровительством монарха. Поэтому основой судопроизводства считалось франкское право, а налагаемые штрафы оседали в королевской «кассе». Собственные же люди сеньера-землевладельца подлежали главным образом телесному наказанию розгами, ибо уплата штрафов судьям и управляющим обернулась бы лишь потерями для казны.

Важнейшей задачей для судей и их заместителей считался надзор надо всеми полевыми работами, начиная с засева и кончая уборкой урожая, включая передачу церковной десятины королевским храмам. Кстати сказать, служить в них имели право только клирики из придворной челяди, то есть вольноотпущенные, а также клирики придворной капеллы.

К числу существенных обязанностей, возложенных на управляющих имениями, то есть возглавлявших такие фискальные округа, как Ахен, Геристаль или Франкфурт, относилась прежде всего забота о виноградниках, о хранении высококачественных виноградных вин и, в случае необходимости, пополнении их запасов. В королевских погребах должны были также храниться вина, производимые и поставляемые крепостными виноделами. Вслед за управляющими и их обязанностями в тексте дается перечень прочих «министерялов», которые здесь предстают в роли монаршей прислуги. Это — мызник, лесничий, шталмейстер, келар (смотритель винного погреба), декан и сборщик податей (мытарь), обязанности которых даже не отменяют их занятости в сельскохозяйственной сфере, предусмотренной их социальной и правовой принадлежностью, а также не освобождают от уплаты соответствующей их статусу повинности. Поэтому все они, как и прежде, обязаны заниматься хлебопашеством на господской земле и ежегодно платить оброк за помёт поросят.

Особая глава предписания посвящается коневодству и выращиванию лошадей. Не случайно франкская кавалерия пользовалась хорошей репутацией, даже римский понтифик просил своего союзника прислать ему породистых лошадей, правда без особого успеха.

Большое число предписаний касается «командной структуры» и снабжения двора. Под угрозой наказания управляющие, равно как и их подчиненные, обязаны выполнять приказы сенешала как надзирателя за королевским хозяйством или виночерпия так же, как и указания самого короля и королевы, обеспечивать реализацию заказов по снабжению двора продуктами высокого качества, особенно когда правитель посещает соответствующее имение или оказывается неподалеку от него. Следует указать на регулярное посещение четырех зимних пфальцев в Аквитании, к которым сын Карла Людовик испытывал особый интерес. Далее текст преподносит массу всяких деталей о снабжении двора. Говорится о необходимости устанавливать пчелиные ульи, поскольку мед являлся единственной разновидностью сладостей. Вблизи мельниц (!) следует разводить кур и гусей. Рекомендовалось также устройство прудов для разведения рыбы.

Однако настоятельное обращение к ответственным сановникам имело своей целью не только получение провианта для королевских кругов через систему снабжения хозяйственных дворов. Сообразно структурам и задачам двухчастной системы производ-

ства и в целях обеспечения собственной доли в труде на виликах важно обеспечить тягловый скот для пахотных работ и гужевой повинности. Упоминается дубовый корм для свиней, подчеркивается необходимость того, чтобы мызники (управляющие поместьями) имели возможность обойти днем свои владения.

Далее следует весьма важное указание на, видимо, уже ставшее привычным денежное обращение, которое одновременно свидетельствует об излишках продуктов, в тесной связи с приказом о передаче в распоряжение двора избыточных запасов наличных денег именно в Вербное воскресенье, то есть за неделю до Пасхи, а также о своего рода перспективной отчетности за текущий год. Затем король предписывает необходимость ведения отдельной «бухгалтерии» по учету всего, что поступает на королевский двор из доходов самих сельскохозяйственных имений. Что касается «военной техники», здесь тоже требуется отдельный учет, включая список имеющих бенефициарий и владельцев прядельных и ткацких мастерских, получающих сырье от хозяйственных дворов. Полученный или вычисленный таким образом излишек или сохраняется после вычета соответствующих статей «бюджета», или по решению короля подлежит продаже. Подобные излишки, выявленные при инвентаризации королевского имения в Анаппе, воспринимались как часть общего дохода, но не как сумма последнего.

И вновь предписание возвращается к вопросам снабжения отдельными видами продовольствия — от свиного сала до муки, предлагая тем самым целую палитру откровенно «крестьянского» образа жизни, изымая из него вопрос о спиртном. Во время поста, особенно в предпасхальную четырехдесятницу, имения были обязаны иметь постное кушанье, особенно овощи, рыбу и сыр. Необходимо тщательно беречь леса, эти «исключительные сферы под королевской юрисдикцией в отношении землепользования, охоты и рыболовства» (Томас Зотц). Равным образом важно бережно обходиться с землями, полученными в результате корчевания леса. Нельзя допустить их повторного превращения в пустошь. Недопустимо изводить лесную дичь в охотничьих районах, с этим же вопросом связано разведение соколов и ястребов-перепелятников. О птице для откармливания уже говорилось выше, «во имя достоинства короля (и его правления) следует держать павлинов, фазанов, уток и голубей».

Текст подчеркивает важность сохранения зданий и соответствующего инвентаря. Это касается обеспечения постельным бель-

ем, сосудами из меди, свинца, железа и дерева, а также соответствующим инструментом, что немисливо без существования мастерских. Необходимо также иметь в запасе военное снаряжение, о чем известно из приводившегося ранее послания Карла аббату Сен-Кентина. Этому указанию соответствует требование об обязательном присутствии на хозяйственных дворах различных ремесленников, главным образом кузнецов, без которых нельзя представить производство не только разных видов оружия, но и мельничных валов, лемехов и сошников плуга, топоров, секир и оковки для лопат. Далее, как и в отношении мастерских известного Сен-Галленского монастыря, указывается на необходимость иметь следующих ремесленников: ювелиры (золотых и серебряных дел мастера), сапожники, токари, плотники, мастера по производству щитов, а также хлебопеки, пивовары и еще знатоки по плетению рыболовных сетей.

И вновь автор возвращается к диким заповедным лесам («огороженным сырым местам, покрытым растительностью») и подводит к сложному переплетению приказа и повиновения, определяющих поведение егерей, сокольничих и прочих «охотников». На них налагается обязанность по приказу двора подготавливать как «государственный акт» охоту в лесных массивах коронных имений и организовывать ее проведение. Снова говорится о виноделии. В одном месте содержится категорический запрет выжимать виноград ногами. Можно предположить, что этим занимались женщины, равно как и прядильно-ткацкими работами, требовавшими особого старания. Если в первом случае в центре внимания оказывались вопросы гигиены, то во втором — автор предписания обеспокоен вероятностью кражи ценных материалов.

Многие отдельные приказания адресованы судьям и другим сановникам, обязанным следить за тем, чтобы их крепостные не «слонялись» на рынках, что опять-таки является указанием на то, что сеньериальная власть и торговля тесно взаимосвязаны и якобы «замкнутое натуральное хозяйство» раннего средневековья является выдумкой более поздних исследований.

Король предписывает вести отдельный «бухгалтерский» учет, который фиксирует расходы королевского двора и прочие затраты. Отдельно учитываются излишки, о которых должно быть доведено до сведения двора. Такой вид учета включает в себя и общую инвентаризацию, которую можно продемонстрировать на примере ежегодной отчетности: «О том, как быки пасутся в ста-

дах, как они вспахивают гуфы; какие повинности взимаются со свиней, какие штрафы налагаются за вероломство, какими суммами измеряются компенсации [судебные издержки!]... чем обернулась охота на дичь, происшедшая против нашей воли; каковы поступления в казну от общего взимания штрафов; сколь велики доходы от лесоводства и землепашества, от мостового и корабельного сбора; сколько получено от вольноотпущенных... от обмолота зерна на мельницах, от виноградарства, от указанных ремесленников, от кузнецов, от железных и свинцовых рудников [!]» — обо всем этом и многом другом хочет знать король еще до окончания года, то есть до Рождества, в упорядоченном и отдельном изложении. Видимо, речь идет о целенаправленной попытке до истечения календарного года получить определенное представление о доходах и расходах отдельных фискальных округов, чтобы на этой основе, может быть, составить «проект общегосударственного бюджета». Нам доподлинно неизвестно, привела ли эта попытка на основе «малых шагов» к разработке глобального бюджета. Тем не менее налицо определенная тенденция к письменной фиксации и в сфере управления королевскими имениями, которая для нас почти исключительно связана с записью складных алтарей (*Pelyptycha*) и кадастра крупных церковных земельвладельцев.

В круг обязанностей управляющих входит забота о праведном образе жизни «семьи», которой, правда, не возбраняется обращаться с жалобой на управляющих к королевскому двору. Тем самым король сохраняет в своих руках оружие против влиятельной олигархии управляющих. Косвенно это имело отношение и к положению о том, что мызники рекрутируются из «*mediocres*», то есть «средних слоев», отличающихся «верностью».

В конце текста говорится о собственных потребностях короля и обеспечении его военных экспедиций. Так, упоминаются военные повозки, которые должны отвечать определенным требованиям, например водонепроницаемости. Провиант на одного воина включает в себя двенадцать шеффелей муки в сочетании с определенным количеством вина. Насыщенное деталями предписание в своей заключительной части подчеркивает уместность располагать и при дворе и в отрядах крепкими бочками. Бросается в глаза требование отстреливать волков. А в самом конце речь идет о списке целительных трав, овощей и деревьев, который в значительной мере отвечает климатическим особенностям Южной Галлии (или Италии).

Вместо социально-политических подходов по преодолению нередко случавшегося голода как массового бедствия с помощью экономических ресурсов монарха текст содержит существенные принципы обустройства хозяйственных дворов на основе самодостаточности, что одновременно обнажает важнейшие элементы и структуры комплексной системы хозяйства в королевстве. В экономической сфере даже это предписание соответствует наблюдавшемуся в последние годы правления Карла стремлению к «correctio»* всех областей жизни.

Эти комплексы имений, сосредоточенные в соответствующих союзах или «министериях» под началом управляющих или «actores», поначалу были призваны обеспечить основные потребности двора, например, при посещении расположенного по соседству пфальца или королевского имения с прилегающими к нему постройками, причем в соответствии с указанием короля, королевы или высших сановников. По этому же принципу осуществлялись приготовления к государственной охоте. Еще один вектор связи с резиденцией в Палатиуме определяется предписанием о пополнении королевских погребов винами, удовлетворительными по количеству и качеству, а также о предоставлении вола для употребления его в качестве пищи на месте или при дворе. Похожие предписания касались цен на продукты в период поста.

Помимо выполнения снабженческих функций, нацеленных на удовлетворение потребности двора на территории имений и вблизи последних, а также на обеспечение резиденции специальными сельскохозяйственными продуктами, эти поместья (виллики) в полной мере были интегрированы в «военную экономику» того времени. Речь шла о коневодстве, производстве необходимых для военных походов повозок, оружия и прочих видов военного снаряжения.

Наряду с конкретными требованиями обустройства и поставок текст подчеркивает обязательный характер конкретного вида «бухгалтерского» учета с фиксацией данных о доходах и расходах, с дифференцированными сведениями об их происхождении и тратах, с однозначными указаниями, сколько сельскохозяйственной продукции потрачено на собственные нужды, сколько продано и каковы излишки, чтобы таким образом дать королевскому двору представление о положении вещей и одновременно снабдить его инструментом контроля за происходящим. Указанная система отчетности содержит также данные о всякого рода про-

* Исправление, улучшение (*лат.*).

центах, отступных суммах, штрафах и судебных издержках, транзитных пошлинах и дорожных сборах, что в совокупности свидетельствует о якобы «суверенных» задачах управляющих и их фундаменте. Вопрос о том, что эта попытка создания фискальных, то есть государственных, имений, подкрепленных «письменной фиксацией» управления, увенчалась успехом, вызывает массу сомнений. Центробежные силы значительно превосходили тяготение ко двору. Непоследовательность политики преемника Карла — Людовика, особенно ближе к тридцатым годам IX столетия, в значительной мере способствовала тому, что королевские владения все больше отдалялись от двора в результате раздачи земли аристократам и церковным учреждениям. Эти утраты с сожалением отмечали современники происходившего в ту пору.

Тем не менее текст *Capitulare de villis* ясно показывает, в какой мере королевство в своем экономическом обустройстве зависело от собственных имений и дворов, ибо без них оно столкнулось бы с острой нехваткой важнейших видов продовольствия. Как и окружавшая его знать, король тоже был, по сути дела, землевладельцем, живущим на доходы от своих сельскохозяйственных угодий. Лишь весьма немногими, выстроенными из камня и хорошо оборудованными пфальцами, а также охотничьими угодьями жизнь короля отличалась от жизни окружавшей его аристократии. А дополнительные и яркие краски особому королевскому статусу придавали, по-видимому, лишь торжественные коронации («хождение под корону»), имперские собрания, судебные заседания и государственная охота.

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ НА РАННЕМ ЭТАПЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Концентрация пфальцев и хозяйственных дворов между бассейнами рек Эна и Уаза (приток Сены) быстро привела к формированию так называемого королевского феодального сословного представительства на владениях династии Меровингов как главной опоры власти. На Мозеле, Маасе и в среднем течении Рейна таковой стали владения мажордомов, а также владения, полученные в порядке фамильного наследия.

Эти центры служили прежде всего местом пребывания и источником снабжения двора. Здесь же происходили многообразные военные действия.

Управление огромной империей, возникшей при Карле Великом и составлявшей более одного миллиона квадратных километров, осуществлялось главным образом через «систему помощи», которая лишь в отдельных случаях компенсировала отсутствие управления, построенного по принципу вертикальных компетенций и полномочий. Во главе этой системы стоял король (император) со своим двором и его внутренними структурами, состоящими из разных подструктур, которые, правда, по-разному могли быть задействованы, к примеру, во время военных походов или при выполнении соответствующих миссий от имени монарха, но у которых, строго говоря, отсутствовало продолжение «в низах». Впрочем, функции канцлера и гофмаршала в контексте средневекового управления укоренились настолько глубоко, что до сих пор во многом выражают высшее функциональное положение в исполнительной власти и в военной области.

По большей части архаично-наследственные формы королевского правления как руководящего начала для своих приверженцев в ходе военных походов и в мирное время, выполнявшие определенное защитное и правовое назначение, поразительно контрастировали с величием империи, с ее этническим и культурным многообразием и с вытекающими из этого задачами по управлению. Независимо от попыток дать наиболее точное определение понятия «централизованное управление» о таковом не может быть и речи, но с трансгосударственными единицами в виде герцогств как возможных промежуточных структур было покончено, что видно на примере Тассилона Баварского в 788 году. Хотя в Аквитании и Италии (на периметре империи Карла еще при его жизни) возникла «промежуточная власть» в лице обоих сыновей короля — Людовика и Пипина, их круг полномочий во всех существенных вопросах определялся волей стоявшего над ними монарха и отца. Именно по этой причине им так и не удалось трансформировать свое правление в крепкую инстанцию между «центром», то есть королевским дворцом, и регионами, которыми они имели право распоряжаться.

Карл по позднеантичному образцу вновь учредил почти всеобъемлющие митрополичьи округа, на которые, по крайней мере на франкских землях между Сеной и Маасом, в Нейстрии (Сена и Луара) и в Бургундии в 802 году, поначалу также в Баварии, в Зальцбурге, а потом одновременно в Кёльне и в Майнце, возложил постоянные административные задачи и, помимо традиционных управленческих функций, снабдил контрольными и ру-

ководящими полномочиями при устранении нарушений в системе правосудия, в военном призыве и при управлении фискальными имениями. Разделение империи на митрополии как ответственные инстанции в нижнем ярусе структуры, нечто вроде эрзаца светского герцогства, явно прослеживается в завещании Карла 811 года, а также в проведении региональных реформаторских соборов в 813 году.

Что касается уровня ниже митрополичьего, затрагивавшего функции духовного и светского управления, то начиная с девяностых годов VIII века королю удалось покончить с остатками «епископских республик» периода поздних Меровингов, которые сосредоточили в руках одной сверхвлиятельной семьи священнослужение и значительные полномочия в правосудии, взыскании налогов и управлении казенным имуществом, а также существенно обновить состав обладателей графского достоинства как институт королевского управления (например, в 791 году в Трире и в последний раз в Куре уже после 806 года). Графы, некогда связанные с галльскими «*civitates*»*, затем даже в саксонских округах к востоку от Рейна, обязаны были проявлять заботу о судебном управлении, воинском призыве и нередко об «общественном» строительстве укреплений, мостов, а также дорог. Довольно часто король возлагал на графа обязанности судьи в его административном районе. Их исполнение и продолжение изначального служения в значительной степени зависели от не совсем понятного нам соотношения сил между королевством и знатью региона, в котором очень непросто было разобраться. Поэтому обращенные к графам и их «ученикам» призывы и запреты носили главным образом апелляционный характер — должностное место, семейное владение и аристократическое самоосознание сливались в одно нерасторжимое целое почти «автохтонного» происхождения, к которому даже такой король, как Карл Великий, был вынужден с уважением относиться в собственных же интересах. Учрежденный институт королевских эмиссаров с обширными полномочиями также был бессилён что-либо изменить в сложившемся положении вещей.

О федеральных отношениях, которые породили целый слой «королевских вассалов» и вознесли их на высшую социальную ступень аристократической иерархии, говорилось уже неоднократно. Вместе с тем скрепляемая присягой на верность широко-

* Поселение (лат.).

масштабная аренда земли обладала институциональной способностью, которая через раздачу должностей (граф, епископ и аббат) могла привязать определенные круги аристократии к «верхам» на договорной основе (и тем самым обрести право обращения в суд), чтобы действовать уже как ферментативная субстанция в отношениях между королевством и аристократией.

Видимо, в противовес назначению на графские места, которые еще со времен Хлотаря II заполнялись из их будущих округов, Карлу, несмотря на иные канонические правила при заполнении епископских вакансий, удалось добиться немалых успехов в достижении поставленной цели — «пристроить» своих фаворитов. Причем не важно где — в Лионе, Орлеане, Трире или Кёльне. Это были сплошь его приверженцы, которые в значительной мере выражали взгляды монарха и помогали осуществлять его политическую линию. Трудностей с назначением именитых прелатов король старался избегать с помощью долговременных вакансий, позволявших ему использовать финансовые возможности богатых церковных владений.

В самые важные монастыри, особенно в королевские аббатства, которыми монарх распоряжался непосредственно, он назначал своих «придворных». Карл мог полностью рассчитывать на их верность и материальную поддержку. Так, после смерти влиятельного Фулрада Сен-Дени перешел под начало заведующего канцелярией Магинария, преемником которого стал лангобард Фардульф, предупредивший своего господина о заговоре Пипина Горбуна в 792 году. Сен-Мартин в Туре достался монаршему ментору Алкуину, преемником которого в 804 году, к скорби насельников монастыря, стал его земляк Фридугий, между прочим, тоже выходец из капеллы. Рихбот, автор известных анналов монастыря Лорш, а впоследствии аббат Метлаха и епископ Трирский, еще в 784 году из рук самого короля получил грамоту о вступлении в права настоятеля обители Лорш. Миссионерские центры в Фульде и Герсфельде пользовались наибольшим покровительством монарха, так же как Сен-Дени, место захоронения родителей Карла, Лорш, известнейший культурный центр, расположенный в среднем течении Рейна, включавший в себя огромную марку в Геппенгейме. Нельзя не упомянуть также привилегии, дарованные итальянским монастырям, и в первую очередь Монтекассино, плацдармам власти короля франков в Италии.

Наряду с графствами епископии и аббатства являлись своего рода хребтом королевского правления: они должны были реаги-

ровать на воинский призыв, предоставляя графу или королю собственных вассалов для военной службы, а также ежегодно являться к монарху с обильными дарами. Воинский призыв, правосудие и защита королевских владений как бы заполняли пробел в реформаторских капитуляриях последних лет жизни Карла в контексте стремления ко всеобщей «христианизации» общества.

Трансрегиональная концентрация правления, по-видимому, также подлежавшая контролю со стороны короля, осуществлялась под началом «промежуточной власти» и обширных митрополий с помощью префектов, которых называли еще герцогами, в Баварии, Испании, Сполето, в Бретани или Фриуле. Это было предвосхищение должности будущих так называемых маркграфов, военных командующих, полномочия которых простирались за пределы марки или нескольких (пограничных) графств. Самым известным префектом был Хруотланд — Роланд, герой названной в его честь песни. Он являлся военным властителем Бретани, а погиб в 778 году в ходе неудачного похода в Испании.

В общей сложности эти структуры отличались хрупкостью и уязвимостью.

Королевские эмиссары, выдвинувшись из высших слоев общества (митрополиты, епископы и графы), в политической сфере напоминали двуликого Януса, поскольку над ними довели обязательства как перед монархом, так и собственными династическими интересами. Равным образом развивающаяся система феодальных отношений лишь в малой степени способствовала усилению королевской власти, так как и эти вассалы, подобно графам, епископам и аббатам, будучи чаще всего представителями землевладельческой аристократии, были подвержены центробежному порыву, напоминавшему им о владениях собственной фамилии. Удалось ли королевству выстроить «иерархию» аристократии (как недавно выразился Режи́н Ле Жан), подчинив аристократическую пирамиду собственным интересам? Ввиду ограниченности конкретных данных говорить об этом сложно, но подобное утверждение представляется более чем сомнительным. Дальнейшее существование горизонтальных связей в рамках этой лишь предполагаемой структуры никак не подкрепляет данный тезис.

Как бы ни ориентировался Карл на ветхозаветных царей Давида и Соломона, как бы ни стремился подражать позднеантичной концепции «О граде Божьем» святого Августина, как бы ни пытался привязать свое идеальное начало к легитимизму и утвер-

даться в духовном союзе с римским понтификом, искусство управления в его время, по сути, являлось искусством договариваться с влиятельными семьями, с аристократическими кланами империи, что обеспечивало своего рода политическую стабильность в интересах королевства. Церковь как «аристократический институт», подобно графскому достоинству, была поставлена на службу монарху. Условия заполнения вакансий обеспечивали правителю широкий маневр и создавали неограниченные возможности обоснования и укрепления лояльности, чтобы в итоге сплести целую сеть взаимопонимания и сотрудничества, которая на протяжении долгих десятилетий демонстрировала надежность управления и его стабильность.

По-видимому, в традиционном сотрудничестве политических элит, отраженном в политическом завещании 811 года и представленном одинаковым количеством соответственно архиепископов, епископов, аббатов и графов, Карл видел надежный фундамент своего правления, которое зиждется на легитимизме, а может быть, и императорском достоинстве.

Впрочем, этот баланс оказался недолговечным. Семейные распри, соперничество между аристократическими кланами, возросшее самосознание князей церкви и их стремление к власти очень скоро привели к эрозии королевского правления, заключительный этап которого характеризуется братоубийственной войной и «распадом» империи Карла.

КАРЛ — ВЕЛИКИЙ?

Правомерна постановка вопроса об историческом величии, ответ на который предыдущим поколениям представлялся более простым делом. Наш век с непрекращающимися войнами, разрушениями, массовыми убийствами и изгнаниями людей с насиженных мест уже не может больше взирать на проблему исторического величия непредвзятым взглядом. Если мы можем руководствоваться тем, что «величие есть то, чем не являемся мы сами», то неизбежен вывод об утрате нами общеобязательных критериев «величия», представлявших вполне естественными буржуазному веку и его историкам. Величие связывали прежде всего с властью, сумятицей боя и экспансией. Если отмечалось не только откровенное «стремление к власти» или, говоря более конкретным языком, к созданию «властного государства», но и, кроме

того, обращенность монарха к культуре, будь то архитектура, садоводство, литература, философия или даже музыка, то обозначение «ярчайшее величие» вполне можно считать оправданным. О проявлении подобного величия в минувшие времена можно говорить не только в связи с Александром Македонским или императором Оттоном I, но и с прусским королем Фридрихом II или русским царем-реформатором Петром Великим. Такой разговор об исторических персонажах позволяет отбросить черные тона, вывести за скобки страдания собственных и иных народов. «Величия» как абсолютной и обязательной категории человеческого существования не бывает. «Величие» — это неизменно ценностное суждение, обусловленное эпохой, причем почти исключительно в контексте соотносимых политических понятий. Кто посмел бы в противовес этим рассуждениям отказать в «величии», например, Микеланджело или Бетховену в соответствующих сферах духовной деятельности?

Что касается Карла, уже вскоре после кончины многообразие его личности породило феномен «исторического» величия, которое в конце IX века стало фоном для оценки его преемников. Императорский эпитет «*magnus*» поначалу соединяется с его титулом, затем с именем, продолжая жить в словосочетаниях *Charlemagne* и *Carlomagno*, что представляло собой, по-видимому, своеобразное слияние имени и ценностного суждения. Памятник, воздвигнутый биографом Эйнхардом монарху, превращается в несравнимый образ из недостижимой дали, становится легендой и мифом.

Миф, ставший одновременно историческим конструктом, вплоть до нашего времени созидали многие поколения. В XII веке он породил основателя французской нации и почти одновременно подарил имперского святого эпохи средневековья. С Карлом постоянно ассоциировались военная удача и территориальные приобретения, в том числе и «включение» Саксонии в состав сначала «восточнофранкской», а затем как региона трехчастной «Священной империи». В эпоху расцвета средневековья и его заката правитель Карл напоминал о себе в преимущественно сфальсифицированных грамотах, вымышленных уставах и придуманных законоположениях, а также в виде Роланда из дерева и камня* как символ свободы и права суда. Еще Эйнхард в биографии монарха посвящает много места заботе Карла о праве и правосудии.

* Скульптура на площадях старых городов Северной Германии.

Именно фризy примерно в 1100 году первыми в своих «кё-рах» ссылались на Карла Великого. В эпоху расцвета средневековой мифология породила бездну всяких подделок и фальсификаций духовного наследия «отца Европы». Из 264 грамот, приписываемых Карлу, не менее 104 следует считать подложными. Подобным же образом имя Карла связывали с многочисленными культовыми предметами, оружием, прядильными и ткацкими изделиями. Они тоже в основном имеют более позднее происхождение, будучи выражением пиетета к Карлу Великому и ретроспективного осмысления якобы «золотого» века. Правление Карла потомкам казалось проявлением непререкаемой законности, которая в итоге была обязана соответствию его правления божественному правопорядку. В этом правлении видели всеобщее стремление к правопорядку и спокойствию.

Встает вопрос: а соответствует ли это сплошь позитивное представление потомков облику Карла как исторического персонажа? Разумеется, Карл и его действия не были идеальными. Хотя войны, в ходе которых случались грабежи, казни и депортации, были характерны для его века и считались не только в то время допустимым политическим средством, все же некоторые действия, к примеру, казнь, вошедшая в учебники истории под названием «Верденская резня на реке Аллер» (несмотря на то что называемое число казненных — 4500 человек — явно завышено), как необходимая мера наказания смутьянов явно за гранью разумного. Или то, как монарх обошелся с семьей Тассилона, лишив всех прав и состояния ни в чем не повинных детей и супругу и заточив их в монастыри, при всей серьезности политических последствий этого шага было очевидным перебором. Однако было бы логично и здесь вспомнить умное замечание Мишеля де Монтеня из его второй книги «Опытов»: «Так что прежде чем давать оценку отдельному поступку, необходимо оценить сопутствующие обстоятельства и человека, его совершившего, в целом».

В военной сфере для политической линии Карла были характерны прежде всего осмотрительность, готовность прислушаться к советам других, осторожность и мысли о будущем. Спонтанность при отправлении в поход без достаточной информации и без стратегического плана действия, подтолкнувшая монарха в 778 году на испанскую авантюру, в результате которой был уничтожен его военный обоз в Пиренеях, а сам король и его королевство оказались в более чем сложном положении, больше не повторялась. Когда Карл действовал быстро и целеустремленно,

особенно при столкновениях с саксами, его решения поражали продуманностью и уверенностью в своей правоте. Карл тщательнейшим образом взвешивал детали экспедиции против аваров в 794 году. Продвижение двумя колоннами по обоим берегам Дуная и поддержка силами корабельного конвоя со стороны реки с самого начала свели до минимума риск для войска на неизвестной для него местности.

Но не только в военной области обращает на себя внимание спокойный и рассудительный образ действия правителя. Это проявляется также в его реакции на происшедшее с папой Львом III. Тщательные расследования в Падерборне и Риме запустили процедуру реституции. Она продолжалась до тех пор, пока «добровольная» очистительная присяга папы накануне рождественских праздников в присутствии монарха не позволила выступить с юридическим осуждением заговорщиков некоторое время спустя после обретения Карлом императорского достоинства.

Политическое завещание 806 года показывает сбалансированность трехчастного раздела империи между его сыновьями на основе сформировавшихся за четверть века Аквитании и Италии, а также расширенных и приумноженных земель франков, включая обязательства по совместной защите собора Святого апостола Петра в Риме. Проницательный государственный деятель, Карл с помощью соответствующих предписаний старается избежать ожидаемых внутри- и внешнеполитических трудностей, возникавших в возглавляемых обоими братьями сообществах. Осмотрительность была характерна и для монарших действий по «соггестіо» общества во имя сохранения и укрепления разумных привычек и правовых обычаев. Отношения Карла с мирской и церковной знатью, согласно всем правилам, отличались рассудительностью, готовностью к компромиссам, расположенностью к примирению и повторному сближению.

Конечно, в Карле «сгущается» история, а согласно другому толкованию, в нем соединяются созвучные тенденции того века. Скорее всего Карл сам их определил: экспансия его империи, от которой берут начало современные Франция, Германия и Италия; создание на основе единой валюты обширного экономического пространства; «всемирные» контакты через Средиземное море с Багдадом, Иерусалимом и Византией; расширение ойкумены и прочный союз с папством, похожая на римскую литургия и реформа «образования» с опорой на лучшие умы того времени; обновление и исправление, превращение разговорной и письмен-

ной постклассической латыни во франкский язык формирующегося «латинского» Запада.

Упрочение обновленной империи Запада в эпоху раннего средневековья, а также впечатляющие «усилия по умиротворению» на заключительном этапе правления Карла еще при его жизни снижали ему звание «отца Европы», позволившее именовать его маяком континента.

Сохранилось не так уж много материальных свидетельств существования Карла: грамоты, печати, монеты, несколько редких бесценных рукописей и, разумеется, прежде всего останки короля, сохраняемые в соборе Богоматери в Ахене, хранилище памяти монарха. Действительно, нет необходимости в этих осязасмых и видимых свидетельствах: «Ведь со временем великие люди освобождаются от спорности оценок, от ненависти со стороны тех, кому они причиняли страдания; на этом фоне может происходить их идеализация, что и произошло с Карлом Великим, ставшим героем, князем и святым» (Якоб Бурхард).

Все, связанное с жизнью и деятельностью монарха, составной частью входит в историю нашего континента — Европы, у истоков которой стоял Карл Великий.

Генеалогическая таблица

Арниульф,
епископ Меца,
† примерно в 640 г.

Клодульф,
епископ Меца,
† после 670 г.

Аудульф,
† после 670 г.

Анзежизель,
† после 657 г.

☉

Пипин II, сеньер, ☉ 1) Плектруда
687—688 гг. 2) Алпаида
мажордом, 3) имя неизвестно
† в 714 г.

Дрогог, ☉ Адалтруда
герцог,
† в 708 г.

Гриммоальд юный, ☉ 1) Теодезинда
примерно в 700 г. 2) имя неизвестно
мажордом,
† в 714 г.

Арниульф,
герцог,
† в 723 г.

Гуго,
епископ
Руанский,
† в 730 г.

Имя
неизвестно,
† в 723 г.

Теодольд, 714 г.,
мажордом,
† в 715 г.

Карломан,
741—747 гг.
мажордом,
† в 754 г.

Дрогог,
† после 754 г.

Пипин III, ☉ Бертрада
юный, 741 г.
мажордом,
751 г. король,
† в 768 г.

Гильтруда, ☉ Одилон,
† в 754 г. герцог
Баварский

Тассило III,
748—788 гг. герцог
Баварский,
† после 794 г.

Карл Великий, ☉ 1) Гимильтруда
с 768 г. король, 2) дочь Дезидерия
с 800 г. император, 3) Гильдегарда
† в 814 г. 4) Фастрада
5) Лиутгарда
6) наложницы

Пипин,
† в 811 г.

Карл юный,
в 800 г. король,
† в 811 г.

Лотарь,
† 779—780 гг.

Адельгейд,
† в 774 г.

Ротруда, ☉ Рорикон,
† в 810 г. граф

Карломан
(он же Пипин),
в 781 г. король
Италийский,
† в 810 г.

Людвиг, в 781 г. ☉ 1) имя неизвестно
король Аквитанский, 2) Ирмингарда
в 813 г. император, 3) Юдифь
† в 840 г.

Людвиг,
аббат монастыря
Сен-Дени,
† в 867 г.

Бернгард,
в 812 г. король
Италийский,
† в 818 г.

Алпамс, ☉ Бего,
† после граф
852 г.

Арниульф,
граф,
† после 841 г.

Лотарь I,
в 817 г.
император,
† в 855 г.

Пипин, ☉ Рингарда
в 814 г. король
Аквитанский,
† в 838 г.

Ротруда ☉ Ратер,
граф

Пипин I, сеньер, ☉ Итта/Идуберга,
624—625 гг. мажордом, † в 650 г.
† в 639 г.

Бегга,
† в 693 г.?

Гертруда,
аббатиса
Нибюльского
монастыря,
† в 659 г.?

Гримоальд, сеньер,
643 г.? мажордом,
† примерно в 656—657 гг.

«Гильдеберт»
(adortivus),
в 651 г. король,
† в 656—657 гг.

Вульфетруда,
аббатиса Нибюльского
монастыря,
† в 669 г.

Карл Мартелл, ☉ 1) Хродтруда
до 720 г.
2) Свангильда
мажордом,
3) Ротруда
† в 741 г.

Гильдебранд,
граф,
† после 751 г.

Нибелунг,
граф,
† после 768 г.

Грифон,
† в 753 г.

Бергард,
† в 787 г.

Иероним,
† после 754 г.

Ремедий (Ремигий),
епископ Руанский,
† в 771 г.

Адалард,
аббат
монастыря
Корби,
† в 826 г.

Вала, аббат
монастыря
Корби,
† в 836 г.

Гундрада,
† после 826 г.

Бергард,
† после 801 г.

Теодрада,
† в 846 г.

Карломан, ☉ Герберга
в 768 г. король,
† в 771 г.

Гизела, аббатиса
Шелльского монастыря,
† в 810 г.

Пипин,
† в 761 г.

Пипин,
† после 774 г.

Имя неизвестно,
† после 774 г.

Гизела,
† после 814 г.

Гильдегарда,
† в 783 г.

Рудгейда,
† после 814 г.

Гильтруда,
† после
814 г.

Адалтруда

Гуго,
аббат монастыря
Сен-Кентина,
† в 844 г.

Берга, ☉ Ангильбер
† после
823 г.

Теодрада,
† в 844—853 гг.

Рудхильд,
† в 852 г.

Дрогог,
епископ
Меца,
† в 855 г.

Теодорих,
† после 818 г.

Нитгард,
† в 845 г.

Гартинг

Гильдегарда ☉ Герхард,
граф

Людвиг II ☉ Эмма
Немецкий,
в 833 г. король,
† в 876 г.

Гизела, ☉ Эбергард,
† после маркграф
874 г. Фриульский

Карл Лысый,
в 838 г. король,
в 875 г. император,
† в 877 г.

Хронологическая таблица

687 г. —	Победа Пипина Среднего близ Тертри — обожнование единовластия.
732 г. —	Отпор Карла Мартелла арабам под Туром и Пуатье.
2 апреля 748 г. —	Рождение Карла Великого.
751 г. —	Обретение королевского достоинства франков Пипином — рождение Карломана, брата Карла.
754 г. —	Договор в Керси. Помазание Карла и Карломана папой Стефаном II (III) на королевское правление в монастыре Сен-Дени.
до 768 г. —	Восшествие на франкский престол братьев Карла и Карломана. Подавление Карлом волнений в Аквитании.
770 г. —	Бракосочетание Карла с дочерью короля лангобардов Дезидерия (их разрыв произошел через год).
771 г. —	Кончина Карломана. Бракосочетание Карла с Гильдегардой.
772 г. —	Завоевание Эресбурга, разрушение священного столба древних германцев.
773—774 гг. —	Первый итальянский поход Карла, взятие Павии и покорение лангобардов (король франков и лангобардов).
777 г. —	Имперское собрание в Падерборне.
778 г. —	Испанская кампания и поражение при Ронсевале. Восстание саксов.
779 г. —	Геристальский капитулярий.
780 г. —	Имперское собрание в Липпспринге.

781 г. —	Второй итальянский поход Карла. Помазание Пипина (король Италийский) и Людовика (король Аквитанский) папой Адрианом I в Риме.
782 г. —	Учреждение франкских графств в Саксонии, введение оккупационного права, поражение близ Зюнтела и уголовный суд в Вердене.
783 г. —	Смерть Гильдегарды, бракосочетание Карла с Фастрадой.
785 г. —	Крещение Видукинда в Аттиньи.
786 г. —	Бунт Гардрада.
787 г. —	Третий итальянский поход. Второй Никейский собор.
788 г. —	Свержение и осуждение герцога Баварского Тасилона.
789 г. —	«Общее увещание».
791 г. —	Поход против аваров.
792—793 гг. —	Новые волнения в Саксонии, Беневентском герцогстве и Испании. Неурожай и голод. Заговор Пипина Горбуна против отца.
794 г. —	Работы по строительству канала Рейн — Майн — Дунай.
794 г. —	Франкфуртский собор.
795 г. —	Победа над аvaraми, завоевание «кольца».
25 декабря 795 г. —	Кончина папы Адриана I.
797 г. —	Саксонский капитулярый. Единовластие Ирины в Византии.
25 апреля 799 г. —	Покушение на папу Льва III.
Лето 799 г. —	Возвращение папы в Рим.
23 декабря 800 г. —	Коронация Карла на императорское правление и помазание Карла юного на королевское правление папой Львом III в Риме.
После 800 г. —	Капитулярый об организации коронных земель и императорских дворов и имений.
802 г. —	Прагматический капитулярый. Свержение императрицы Ирины.
803 г. —	Визит папы Льва III в Ахен.
804 г. —	Смерть Алкуина.
806 г. —	Раздел королевства.
809 г. —	Ахенский собор.
8 июля 810 г. —	Кончина короля Италийского Пипина.
январь 811 г. —	Завещание Карла.
4 декабря 811 г. —	Кончина короля Карла юного.
812 г. —	Заключение мира с Византией.
813 г. —	Коронация Людовика Благочестивого на соправление. Провозглашение Бернгарда королем Италийским.
28 января 814 г. —	Кончина Карла Великого и его погребение в атриуме церкви Божией Матери Ахена.

Именной указатель

- Аббасиды 145, 397
Аббион 219, 220
Абд-аль-Малик 319
Абд-аль-Рахман ар-Дакиль 145, 319
Абдалла 366, 371, 372, 505
Август Октавиан 11, 19, 20, 30, 81, 82, 255, 298, 348, 434, 540, 545, 552, 611, 624, 629, 633, 635
Август, герцог 558
Августин Блаженный 39, 62, 361, 416, 433, 438, 439, 447, 560, 564, 610, 630, 668
Агигольфинги 51, 52, 55, 74, 81, 83, 182, 183, 190, 206, 245, 246, 249, 250, 254, 256, 259, 260, 261, 263, 264, 266, 267, 271, 304, 338, 393, 648
Агобард 431, 494
Ада 67
Адалард 79, 80, 102, 170, 184, 294, 460, 511, 528, 532, 534, 543, 547, 562, 583, 584, 587, 595, 639
Адалунг 561
Адальвин 532
Адальдаг 166
Адальперга 134, 237, 238, 240
Адальхиз 76, 104, 118, 132, 161, 183, 233, 237, 238, 240
Адельгейда 104, 151
Адельрик 272, 295
Адемар 615
Адриан I, папа римский 79, 83—85, 100, 101, 105, 106, 110—112, 116, 117, 122, 123, 131, 132, 135, 140, 156, 161, 162, 164—167, 169, 176—179, 181—183, 188, 189, 205, 206, 213, 228—231, 235, 238, 241, 246, 248, 282, 301, 306, 308, 323, 325, 327, 329, 342, 346, 347, 349—356, 379, 380, 420, 422, 426—428, 531, 558, 597, 613, 623, 630
Адриан IV, папа римский 114
Азинарий 103
Айон 362, 479, 548
Айстульф 63, 65, 118, 429
Алалунг 573, 574
Александр Македонский 5, 166, 670
Алкуин 94, 142, 154, 184, 192, 195, 204, 213, 214, 270, 271, 278, 279, 285—287, 291, 293, 305, 307, 308, 321, 323, 328, 330, 337, 341, 345, 350, 351, 360—362, 376—379, 382, 384—386, 389, 390, 394, 395, 399, 400—402, 404, 405, 409, 414, 425, 436, 439, 456, 481, 507, 510,

- 517, 530, 531, 533—535, 540,
 558, 560, 575, 584, 603, 609,
 611, 626, 628, 631, 638, 640—
 642, 667
 Алфелди, Андреас 345
 Альтгоф, Герд 15
 Альфонс II Целомудренный 371,
 372, 375
 Альфред Великий 12, 20
 Амалар 561
 Амальрих 589, 595
 Амвросий 529
 Амores 528, 538, 546, 569
 Анастасий I, император 60
 Анастасий Библиотекарь 327
 Ангильбер 139, 184, 295, 307, 327,
 344, 354, 356, 399, 400, 502,
 532, 559—561, 570, 575, 602,
 640, 641
 Ангильрам 40, 141, 169, 213, 271,
 302, 336, 638
 Анзежизель 31, 32, 40, 42, 43
 Ансберт 39
 Ансгар 143, 462
 Ансельм 118, 137, 422
 Антон, Ганс Губерт 10
 Анулон 579
 Апполинарий Сидоний 19
 Арбеон 74, 263
 Арднит 295, 307, 570
 Арихиз 105, 132, 134, 161, 177, 220,
 227, 228, 231—233, 237, 246,
 254
 Арн 234, 250, 251, 270, 271, 301,
 359—361, 370, 375, 376, 379,
 390, 391, 400, 409, 439, 448,
 458, 510, 532, 551, 597
 Арнульф 22, 39—42, 45
 Арнульф, сын Людовика Благо-
 честивого 602
 Арнульфинги 31, 39, 46, 132, 245,
 280
 Арсафий 548, 550, 580
 Аскарий 381
 Ассер 20
 Астроном 22, 146, 149, 214, 272,
 314, 387, 432, 526, 586, 604
 Аудульф 227, 467, 472, 510, 562
 Аутгар 104
 Аэтиос 452
 Баугульф 218, 223, 286, 592
 Беат 478, 502, 507
 Бег Тулузский 439
 Бегга 31, 32, 40, 42, 43
 Бёда Достопочтенный 19, 278,
 534, 535, 632
 Бенит 573, 574
 Бенедикт Анианский (Витиза) 99,
 288, 309, 377, 402, 559, 593,
 602, 640
 Бернар 528, 532, 597
 Бернгард Итальянский 173, 225,
 493, 543, 556, 559, 563, 583—
 586, 594, 600, 607—609
 Берта, дочь Карла Великого 151,
 293, 295, 307, 344, 540
 Бертрада (Берта), жена Карла Ве-
 ликого 25, 28, 29, 30, 56, 65,
 66, 73, 74, 79, 182, 206, 208,
 246, 261, 350, 386, 441, 615
 Бехер, Матиас 26
 Бишофф, Бернгард 558, 559
 Блитильда 39
 Богарне, Жозефина 37
 Бойман, Гельмут 14, 143, 221
 Борст, Арно 5, 533, 534
 Босхоф, Эгон 578
 Браунфельс, Вольфганг 14
 Брун 130
 Бурхард, Якоб 8, 11, 19, 673
 Бурдьё, Пьер 5
 Ваифр 55, 58, 67, 71
 Вала 511, 512, 543, 547, 562, 587,
 631
 Валас 102
 Валафрид Страбон 23, 429
 Вамба Жюлиан Толедский 18
 Василий Великий 408
 Вейдингер, Ульрих 655
 Веласкес, Диего 353
 Венкус, Рейнгард 88
 Вергилий Зальцбургский 55, 65,
 83, 234, 250, 389
 Вергилий Марон Публий 17, 139,
 381, 606
 Вернер, Карл Фердинанд 15, 26,
 203
 Вибольд 231, 233

- Видукинд 39, 92, 93, 143, 144, 150,
 154, 166, 193, 198, 202, 219,
 220, 341, 376, 461
 Викториды 48, 485, 515
 Викторий Аквитанский 534
 Виллиберт 319
 Виллиброд 44, 45, 50, 61, 89, 159,
 193, 280
 Виллирих 209, 217, 462, 547
 Виллихед 89, 90, 141, 158, 159,
 209, 210, 216, 218, 251, 416
 Вильгельм Завоеватель 225
 Вильгельм Тулузский (Вилле-
 хальм Вольфрам фон Эшен-
 бах) 272, 319, 432
 Вильдебер 93, 144, 166, 461
 Вильшер 141, 165
 Винигиз 240, 268, 380, 426, 453
 Винфрид-Бонифаций 47, 48, 50,
 55, 56, 61, 75, 87, 89, 91, 123,
 141, 152, 159, 199, 205, 278,
 280, 450
 Вирунд 380
 Висконти, Филиппо Мария 19
 Витрувий 17
 Вонес, Людвиг 147

 Галпейда 46
 Ганнибал 5, 146
 Гансхоф, Франсуа Луи 14, 85, 434,
 437, 477, 494, 565
 Гаральд 255, 279
 Гардрад 203, 204, 222—226, 251,
 254, 289, 312, 313, 441
 Гартман, Вилфрид 323, 598
 Гаук, Альберт 564
 Геймпель, Герман 13
 Геласий I, папа римский 60, 422
 Гелманн, Зигмунд 623
 Гельмгауд 452, 515
 Генезий 429
 Генрих I 221
 Генрих II 291, 533
 Генрих IV 142, 188
 Генрих Лев 144
 Гербальд 477, 565
 Герберга 73, 79, 84, 104
 Герберт Лаонский 56
 Гервольд 293
 Герн 59
 Герольд 225
 Герольд, брат Гильдегарды 81,
 206, 267, 301, 375, 376, 393,
 467, 568
 Гесси 142
 Гиберник, Эксул 257, 616
 Гизела, дочь Карла Великого 151,
 186, 540
 Гизела, сестра Карла Великого 54,
 57, 65, 66, 76, 121, 180, 186,
 256, 386, 464, 540, 559, 628
 Гизульф 233
 Гильдебольд 381, 391, 554, 557,
 590, 597, 610, 642
 Гильдебранд 118, 132, 155, 156,
 161, 177, 200, 240, 268, 271
 Гильдегарда, дочь Людовика Бла-
 гочестивого 602
 Гильдегарда, жена Карла Велико-
 го 40, 47, 81, 104, 146, 151,
 160, 169, 170, 172, 186, 188,
 205—208, 211, 267, 293, 312,
 337, 375, 393, 401, 402, 481,
 539, 556, 574, 587, 625
 Гильдегрим 210
 Гильтруда, дочь Карла Великого
 338, 401
 Гильтруда, дочь Карла Мартелла
 53, 54, 58, 190, 262, 338
 Гимильтруда 47, 72, 73, 151, 168,
 169, 172, 205, 246, 293, 310,
 311, 313, 574, 584, 625
 Гинкмар 639
 Гитлер, Адольф 11
 Гогенштауфены 10, 113, 120, 149,
 459
 Годескальк 171, 186, 187, 206, 350,
 558, 641
 Гомер 6
 Готфрид 463, 523, 524, 527, 542,
 546, 579
 Готфрид Лотарингский 459
 Гоффарт, Вальтер 169
 Григорий I Великий, папа рим-
 ский 60, 126, 278—280, 329,
 350, 420, 531, 597
 Григорий III, папа римский 52,
 353, 457
 Григорий VII, папа римский 390
 Григорий Турский 10

Григорий Утрехтский 210
Гримоальд, брат Бегги 32, 40, 42,
43, 62
Гримоальд, герцог Беневенто 232,
237—240, 268, 271, 314, 392,
405, 453, 503
Гримоальд, сын Карла Великого
151
Гримоальд, сын Пипина II 44, 45
Гримм, Якоб 34
Грифон, брат Пипина III 28, 53,
54, 58, 59, 69, 190, 245, 260
Грифон, сын Карла Великого 151
Гуго, сын Карла Великого 205,
312, 556, 563, 584, 587, 604,
625
Гуго Капет 71
Гуго Турский 492, 548
Гупольд 71
Гунделанд 98
Гундрада 628
Гунфрид 234, 551

Дагелайф 188, 206, 308, 349, 558,
641
Дагобер I 42
Дезидерата 79
Дезидерий 28, 74—77, 79, 80, 83,
84, 100, 102—105, 117, 118,
122, 132, 161, 162, 168, 177,
182, 190, 220, 228, 233, 237,
238, 246, 254, 256, 258, 261,
380, 625
Десембрио Тьеркандидо 19
Дикуил 507, 535
Дионисий Ареопагит 631
Донат 478
Драговит 291
Дражко 523, 527, 542
Дрогон, племянник Пипина III
28, 56, 64
Дрогон, сын Карла Великого 151,
205, 312, 493, 556, 563, 584,
587, 604, 625
Дрогон, сын Пипина II 44, 45

Евгений Савойский 51
Евкатия 393, 405

Ёкселе, Герхард 263

Захарий, папа римский 61
Зигфрид 198, 579
Зинтберт 191, 303
Зотц, Томас 660

Иероним 276, 361
Иессе 452, 515, 532, 561, 589
Имма 18
Инграм 602
Иоанн I, папа римский 414
Иоанн, монах 350
Иоанн Дамаскин 397
Ирина 178, 180, 181, 229, 231, 233,
237, 241, 322, 324, 326, 329,
330, 374, 385, 392, 415, 452,
453, 487, 515, 539, 547
Ирмингарда 208, 585, 602, 657
Ирмилон 562
Исидор Севильский 62, 184, 634,
643
Итерий 77

Йона Оксерский 409
Йоханн 457, 478, 479

Каган 342, 357, 358
Каль, Ганс Дитрих 128, 153
Кандид 400, 425
Капетинги 151, 650
Карл I 60
Карл IV 273
Карл V 23, 610
Карл Лысый 18, 72, 168, 227, 312,
328, 540, 607, 615, 631
Карл Мартелл 28, 31, 33, 40, 41,
43, 45—53, 55, 58, 61, 70, 101,
205, 245, 353, 543, 602
Карл юный 47, 81, 151, 160, 169,
170, 211, 212, 292—294, 313,
357, 386, 425, 432, 467, 484, 486,
489, 556, 574—576, 600, 607, 625
Карломан, брат Карла Великого
39, 66, 67, 69, 70, 72—79, 83,
84, 211, 246, 260, 482, 584, 615,
626
Карломан, дядя Карла Великого
27, 28, 36, 54—58, 63, 64, 67,
69, 99, 250, 584
Каролинги 31, 38, 39, 41, 46, 50,
150, 172, 239, 245, 267, 277,

348, 446, 519, 562, 584, 608,
628, 647, 650, 651
Кастен, Бригитта 72, 248, 432, 584,
604, 605
Классен, Петер 452, 588
Клодиос 31
Клодольф 40
Конрад II 20
Конрад III 459
Константин I Великий 38, 115,
549, 616, 621, 647
Константин II 407
Константин V 121, 181, 326
Константин VI 229, 233, 305, 322,
324, 326, 330, 374, 385, 539,
605
Константин VII 407
Корсо Тулузский 272, 295, 319

Ламмерс, Вальтер 93
Ле Жан, Режин 668
Лебезин 88, 89, 91, 92, 131, 142, 158
Лев I, император 414
Лев III, император 60, 322
Лев IV, император 121, 180
Лев V, император 595
Лев I, папа римский 60
Лев III, папа римский 116, 352,
354, 356, 370, 375, 379—384,
386—391, 401, 404, 407—412,
414, 417, 419, 420—422, 424—
427, 436, 457, 464, 465, 478,
489, 502, 517, 528, 531, 549,
581, 587, 603, 607, 656, 672
Лев, архиепископ Равенны 84,
101, 122, 132, 136, 140, 161
Лёве, Гейнц 13, 14
Лейдрад 377, 378, 589, 590
Лехо 468
Либан Беат де 306
Ливий Тит 146
Лиутгарда 205, 345, 401, 402, 625
Лиутпранд 33, 103
Лорманн, Дитрих 507
Лотарь I 17, 93, 168, 220, 461, 483,
492, 548, 561, 585, 602, 607, 608
Лотарь II 47
Лотарь, сын Карла Великого 151,
160

Луитгер 90, 131, 159, 217, 310, 372
Луллий 128, 129, 139, 156
Лунд Беа 29
Луп 71
Людигер 210
Людовик VI 12
Людовик Благочестивый (Акви-
танский) 7, 17, 18, 22, 23, 26,
27, 35, 37, 41, 47, 57, 78, 81,
85, 97, 105, 111, 148, 150, 151,
160, 162, 168, 171, 173, 175,
178, 208, 212, 214—216, 218,
220, 225, 233, 248, 255, 267,
272, 273, 281, 288, 292—295,
302, 311—315, 328, 333, 348,
349, 357, 362, 364, 365, 377,
378, 386, 387, 391, 395, 400,
402, 405, 414, 425, 426, 432,
437, 439, 445, 447, 448, 456,
460, 467—469, 482—486, 488—
490, 492—494, 501, 507, 526,
540, 541, 543, 548, 556, 561—
563, 567, 569, 574—579, 584—
587, 593, 595, 599—605, 607,
608, 610, 630, 632, 636, 637,
639, 644, 649, 657, 659, 664, 665
Людвиг Немецкий 72, 93, 168,
217, 569, 615
Людвиг, сын Людовика Благо-
честивого 602, 607, 613
Людвиг, сын Ротруды 492, 539,
543
Лютвин Трирский 48
Лютперга 256, 257, 267, 270

Маврикий 457, 478
Магинарий 213, 229, 238, 667
Магинфред 301, 405, 425, 450
Магнус 566, 589
Максентий 551, 566
Малмесбюри, Алдхельм фон 139
Мансур (аль-Мансур) 397
Мария Стюарт 60
Мегинач 364
Меровинги 8, 10, 30—39, 41, 42,
44, 45, 48, 50, 55, 59, 62, 63,
70, 71, 75, 86, 116, 125, 151,
182, 189, 245, 259, 273, 288,
292, 336, 416, 482, 546, 620,
633, 664, 666

- Мигетий 307
 Михаил I 580, 582, 587, 595, 606
 Михаил Санкеллос 530
 Монтень, Мишель де 671
 Мордек, Губерт 599
- Наполеон I Бонапарт 37, 187, 280, 475
 Нелсон, Жане 625
 Никита Мономах 392
 Никифор I, император 453, 456, 487, 501, 505, 526, 547, 580, 606
 Никифор, патриарх 581
 Нитгард 295, 307, 563, 570, 617
 Ницетасий 502, 515
 Ницше, Фридрих 349
 Ноткер Заика 16, 21, 28, 79, 104, 206, 343, 497, 504, 641
- Обелир 478, 502, 508, 549
 Одион 50, 53—55, 58, 189, 245, 262, 338
 Одильберт 589
 Ойдон 51
 Омейяды 145, 398
 Освальд 19
 Оттон I 120, 166, 607, 608, 670
 Оттон II 234
 Оттон III 11, 98, 109, 221, 328, 462, 612, 614, 616
 Оффа 293, 294, 521, 575
- Павел Афиарта 83, 84, 100, 101, 379, 380
 Павел Диакон 22, 33, 40, 73, 118, 134, 172, 180, 206, 237, 279, 280, 287, 311, 314, 638
 Павел I, папа римский 165, 261
 Павлин 133, 139, 214, 279, 280, 305, 307, 308, 321, 323, 345, 359, 360, 375, 377, 378, 394, 395, 530, 560, 638, 642
 Пандульф 229
 Патц, Ганс 141
 Петр I Великий 670
 Петр Верденский 311—314, 336, 345
 Петр Пизанский 558, 631, 638
 Пелагий I, папа римский 410
- Пипин II (Средний) 33, 41, 43—46, 57, 73
 Пипин III, отец Карла Великого 25, 27—31, 33, 36—39, 41, 52—55, 57—67, 70, 74, 77, 78, 82, 88, 96, 101, 106, 121, 134, 140, 164, 168, 180, 183, 189, 190, 206, 208, 211, 226, 235, 246, 250, 260—262, 265, 266, 273, 277, 281, 283, 287, 292, 296, 348, 350, 364, 368, 386, 387, 397, 417, 418, 441, 506, 508, 572, 584, 615
 Пипин, племянник Карла Великого 73, 75, 78
 Пипин (Карломан), сын Карла Великого 37, 47, 81, 119, 151, 160, 167, 168, 170—173, 175, 184, 186, 187, 212, 240, 241, 243, 248, 252, 292—294, 298, 299, 301, 309, 313—315, 319, 343, 344, 357, 358, 362, 386, 400, 405, 414, 425, 432, 447, 467, 482, 484, 486, 488, 489, 503, 504, 507, 514—516, 538, 539, 542, 543, 547, 548, 551, 552, 556, 567, 575, 579, 583—586, 602, 603, 607, 620, 625, 630, 636, 643, 665
 Пипин, сын Людовика Благочестивого 602, 607
 Пипин Горбун 72, 73, 104, 105, 151, 169, 168—173, 205, 246, 293, 310, 311, 312, 315, 336, 340, 364, 447, 482, 574, 576, 584, 667
 Пипиниды 31, 32, 39, 46, 59, 81, 83, 134, 245, 280, 645
 Пиренн, Анри 9
 Платон 555
 Плектруда 46, 47, 53, 57, 73, 208
 Плиний-старший, Гай 534, 560
 Поль, Вальтер 300, 343, 394
 Помпей, Гней 146
 Принц, Фридрих 52
- Рабан Мавр 279, 533, 641, 655
 Радбод 45, 89
 Райфенберг, Бенно 13

Ранке, Леопольд фон 10, 16, 23, 434
 Ратгер 592, 593
 Регина 625
 Регинальд 523
 Регинфрид 579
 Рёдер, Йозеф 318
 Рейнольд 132
 Ремигий 65
 Риккульф 183, 207, 338, 372, 409,
 593, 597
 Рихард 319
 Рихбот 265, 311, 399, 403, 406, 419,
 641, 667
 Ришар 39, 144
 Ромуальд 232, 237
 Ромул Августул 378, 417
 Рорикон 492, 539
 Ротгауд 122, 133, 134, 161, 551
 Ротруда, дочь Карла Великого
 139, 151, 180, 230, 233, 294,
 401, 492, 539, 540, 543, 640
 Ротруда, дочь Людовика Благоче-
 стивого 602
 Рудгейда 540
 Рутекар 207

Саллюстий Крисп, Гай 146
 Свангильда 28, 53, 54, 208, 245
 Светоний Транквилл, Гай 11, 18—
 22, 31, 81, 82, 280, 298, 348,
 434, 455, 545, 618, 623
 Сиккель, Теодор 627
 Сильвестр I, папа римский 114,
 163, 353
 Славомир 542
 Спинола 353
 Ставрикий 456, 580, 606
 Стеллинг 93
 Стефан II (III), папа римский 28,
 33, 63—65, 108, 126, 167, 387,
 464
 Стефан III (IV), папа римский 75,
 76, 83, 246
 Стефан IV (V), папа римский 38,
 426, 607, 657
 Стефан, герцог Неапольский 161
 Стефан, граф Парижский 439,
 447, 454, 455, 562
 Стурм 82, 125, 145, 153, 156, 182,
 591, 592

Сульпиций Север 19
 Сулейман-аль-Араби (Ибн-аль-
 Араби) 144, 145

Тарасий 529, 531, 606
 Тассилон 51, 53, 58, 71, 74, 75,
 78, 80—83, 101, 105, 182, 183,
 189—191, 198, 220, 225, 227,
 228, 231, 234, 235, 240, 245—
 251, 253—271, 289, 303, 313,
 322, 332, 342, 433, 442, 609,
 665, 671
 Тацит 49, 619, 623
 Теган 22, 448, 541, 548, 563, 586,
 604, 605, 609, 610, 613, 616
 Телленбах, Герд 185, 490
 Теобальд 364
 Теодор 83, 182, 183, 235, 240, 246,
 251, 254, 256, 262
 Теодорих II 18
 Теодорих IV 52
 Теодорих, сын Карла Великого
 205, 312, 493, 556, 563, 584,
 587, 604, 625
 Тодос 50
 Теодрада 338, 401, 540
 Теодульф 279, 287, 293, 305, 307,
 321, 328, 331, 337, 350, 357,
 362, 390, 401, 403, 409, 497,
 532, 561, 575, 589, 609, 626,
 638, 640, 642
 Титмар 612, 614, 615
 Тойдеберт 256
 Тудун 342, 357, 358
 Трельч, Эрнст 17

Уоллис-Хэдрил, Джон Майкл 32,
 518, 620
 Унно 310
 Унруок 562

Фардульф 314, 340, 370, 447, 667
 Фастрада 40, 171, 173, 198, 205,
 207, 210, 213, 222, 226, 236,
 297, 300, 302, 312, 313, 337,
 338, 401, 556, 597, 624
 Феликс Уржельский 305—308, 321,
 323, 324, 329, 331, 377, 378
 Феогност 580

Феодосий 186
Феофан Конфессор 414, 418, 452,
456, 526, 549, 580
Феофано 234
Феофил 374
Феофилакт 580, 606
Филитц, Герман 187
Фихтенау, Генрих 281
Флекенштейн, Йозеф 26, 185, 623
Фома 531
Фортунат 457, 458, 478, 479, 502,
539, 550
Фрайдугиз 278
Фрид, Иоганн 15, 202, 586
Фридрих I Барбаросса 12, 20, 25,
114, 144, 459, 465, 612—614, 616
Фридрих II 612, 635, 670
Фридугий 667
Фулрад 61, 65, 66, 78, 109, 125,
165, 213, 229, 250, 296

Хаким I (аль-Хаким I) 363, 366,
372, 546
Хартман, Лудо Мориц 550
Харун ар-Рашид 398, 430, 431,
436, 504, 505, 526, 541
Хатумар 218, 388, 461, 462, 503
Хейс, Теодор 13
Хейте 455, 532, 548, 552, 561, 580
Хемминг 546, 579
Хильдерик II 34
Хильдерик III 33, 37, 55, 62
Хинкмар 184
Хитте 455
Хишам I 319, 363
Хлодвиг I 9, 38, 59, 151
Хлотарь I 151
Хлотарь II 42—44, 53, 151, 667
Хродеганг 65, 78, 98, 124, 141, 492,
602
Хруотланд 227, 668

Цезарь, Гай Юлий 5, 6, 11, 348,
636
Цельтер, Карл Фридрих 274
Цицерон, Марк Туллий 276, 280, 623

Шаллер, Дитер 381, 382
Шварц, Карл 317

Шиффер, Рудольф 48, 190, 229,
261, 267
Шлезингер, Вальтер 487
Шмидт, Генрих 196
Шмитц, Герхард 599
Шольц, Себастьян 352
Штаубах, Николаус 277
Шульте, Алоис 558, 643

Эберхард 286, 395, 495, 562, 628
Эдвульф 517, 528
Эйгил 593
Эйлварт 310
Эйнхард 10—12, 14, 17—26, 30—
37, 41, 44, 63, 79, 81, 82, 87,
92—94, 96, 101, 116, 124, 128,
144, 147, 148, 153, 166, 168,
207, 209, 214, 222, 225—227,
234, 254, 258, 273, 274, 279,
280, 286, 290, 294, 297—301,
311, 312, 340, 344, 346, 348,
354, 358, 367, 371, 382, 393,
395, 396, 399, 408, 413, 421,
431, 434, 451, 454, 459, 460,
483, 499, 500, 503, 504, 507,
523, 525, 535, 539, 540, 545,
549, 552, 563, 586, 587, 595,
601, 604, 609—611, 613, 616,
618—620, 622—624, 626—635,
637, 638, 640—642, 645, 670
Эйхенберг, Томас 272
Элипанд 305—307, 323, 331, 377
Элпидий 178
Энглиш, Бригитта 634
Эней 40
Эрик Фриульский 343, 344, 357,
358, 360, 363, 371, 393, 394,
395, 628
Эрканберт 217
Эрмольд Нигеллий 45, 255, 432,
575, 603
Эхирий 375

Югурр 342, 357
Юдифь 18, 208, 312, 603, 608
Юстиниан I 414, 549, 647

Ярнут, Йорг 13
Ян, Иоахим 83

Содержание

Введение

История жизни Карла Великого — это история Европы	5
Путеводная нить: житие Карла Великого в изложении Эйнхарда	15
Пролог. От древнего королевского рода к новой династии. От истоков до 768 года	24

Часть I

КОРОЛЬ

768—800 годы

Трудное начало. 768—781 годы	69
Экспансия и консолидация. 781—794 годы	189
На пути к империи. 794—800 годы	320

Часть II

ИМПЕРАТОР

800—814 годы

Честь и тяготы нового достоинства. 800—807 годы	419
Внутренние реформы и внешняя политика. 808—811 годы	510
Вопросы преемства. Мир с Византией. 811—814 годы	574
Эпилог. Карл Великий и окружавший его мир	618
Генеалогическая таблица	674
Хронологическая таблица	676
Именной указатель	678

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Хэгерманн Дитер
Карл Великий

Редактор И.В. Черникова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: Ю.Ю. Герцева
Технический редактор О.В. Панкрашина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2:
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Карл Великий — это имя постоянно встречается в исторических хрониках и современных исследованиях.

Но где заканчивается легенда о величайшем из королей франков и начинается подлинная история умного, тонкого и дальновидного политика и полководца, превратившего силой меча и дипломатии свое слабое, обескровленное государство в могущественную империю?

Эта книга поможет вам узнать, каким в действительности был Карл Великий — император, которого историки сравнивают с Александром Македонским, Цезарем и Наполеоном.

Историческая библиотека

ISBN 450104643591

ИБ: Хегерманн Карл Великий

Цена: 124руб.00коп.

9 785176 186822 05.06.03